

ВИЛИС ЛАЦИС **СЕМЬЯ**
ЗИТАРОВ

Annotation

Семейная сага. События, о которых идет речь в книге, разворачиваются в начале прошлого века, когда в России революция уже произошла, а в буржуазной Латвии она только начиналась. Глава семейства — капитан парусника, на долгие месяцы оставляющий семью справляться с крестьянским хозяйством. Описываются судьбы каждого члена семьи, насколько они разные, хотя люди вышли из одного семейного гнезда. Действие разворачивается и в Латвии (в мирной жизни и на войне), и в дальних странах, куда отец, а за ним и сын попадают на торговых судах.

Роман очень автобиографичен. Чувства и переживания самого писателя в его юношеские годы, процесс становления его личности выражены в образе младшего сына Зитара Янки. Этот роман, наряду с «Сыном рыбака» является наиболее завершенным и совершенным в художественном отношении произведением Вилиса Лациса. Читатель узнает о жизни латышских моряков и рыбаков, которые в тяжелом труде и нелегкой борьбе смело поворачивались лицом к жизненным бурям и невзгодам.

-
- [Вилис Лацис](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Часть третья](#)

- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Краткий словарь морской лексики](#)
- [Примечания](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Вилис Лацис
Семья Зитаров. Том 1

Часть первая
Старое моряцкое гнездо

Глава первая

1

На Видземском взморье [\[1\]](#), там, где прибрежная полоса дюн суживается и на мелях начинают появляться камни, расположились маленькие поселки береговых жителей. Заливные луга и зеленые берега многочисленных речек, впадающих в море, оживляют сосновый бор и скрашивают однообразную картину болот. Вблизи устьев рек растут лиственные деревья, местами видны липы, кое-где проглядывает дуб. Теперь в этих местах многое изменилось. У края дороги встали новые дома, и с каждым годом все больше встречаешь незнакомых людей. У самого моря теперь расположились дачи. И лишь кое-где, словно свидетели прошлого, стоят старые придорожные корчмы с толстыми каменными стенами и громадными конюшнями. Когда-то по осени здесь слышался говор крестьян, едущих в Ригу из дальних мест; тут, на полпути, останавливались они на ночлег.

Скрытое густыми зарослями дикого винограда, высится здание старой школы, но не слышно здесь больше весёлых голосов ребятишек, выбегающих на перемену. Неподалеку отсюда стоит маленькая дача капитана Зиемелиса, и там же, у самой реки, в яблонево саду, виднеется дом бывшего судовладельца капитана Зитары — большой, старинный, в полтора этажа, с искрошившейся черепичной крышей. Ветхий погреб ещё не успел провалиться, но его заросшая крапивой дерновая кровля напоминает скорее обычный холмик, чем творение рук человеческих. Даже мачта для флага, которую капитан Зитар соорудил как-то зимой, вернувшись из плавания, всё ещё стоит во дворе, хотя с той поры прошло уже немало лет. Флюгер в виде парусника давно сбит западными ветрами, нет уже на полусгнившей мачте и рей, но крепкие проволочные ванты по-прежнему поддерживают её, и в праздники на ее верхушке развевается флаг.

По рассказам местных старожилов, Зитары пришли сюда очень давно; здесь уже прожили четыре поколения, и дед теперешних Зитаров служил старостой у помещика. За долголетнюю и усердную службу граф сдал ему в аренду усадьбу, в которой и поныне живет семья Зитаров. Сын старосты не пожелал пахать землю и стал моряком. Прослужив некоторое время

матросом, затем помощником капитана, он первый в роду построил судно — двухмачтовый парусник «Анна-Катрина». Хороший моряк и скарредный человек, он кормил команду соленой салакой и картофелем, и это дало ему возможность скопить средства не только для постройки нового, более емкого судна, но и для покупки арендуемой усадьбы. Когда она стала его собственностью, он возвел здесь всякие хозяйственные постройки и расширил скотный двор. Старший сын его уехал путешествовать и остался жить в Австралии, две дочери вышли замуж за капитанов дальнего плавания — Зиемелиса и Калниетиса, — а младший сын, человек с коммерческой жилкой, пожелал стать трактирщиком. Профессию отца вместе с домом и парусником унаследовал средний сын Андрей. При нем семья Зитаров стала одной из самых зажиточных в округе.

В молодости Андрей Зитар слыл большим озорником и сорвиголовой, но был отличным знатоком своего дела и настоящим моряком. Из семьи Зитаров он первый несколько лет плавал на пароходе и окончил мореходное училище. Правда, болтали, что диплом капитана, давший ему право на судовождение во всех морях мира, приобретен несколько необычным путем: будто бы, провалившись на экзаменах, Андрей Зитар на следующую весну, пользуясь тем, что экзаменаторы не знали его в лицо, за десять рублей золотом поручил сдать экзамены другому, более сильному в науках парню. Трудно сказать, насколько соответствуют истине эти толки, но, вероятно, кое-какие основания для подобных утверждений все же имелись. Как бы то ни было, Андрей Зитар, пусть даже с купленным дипломом, проявил себя в дальнейшем толковым судоводителем. Несколько лет он плавал на парусниках отца, затем перешел капитаном на судно рижского судовладельца Иргена и ходил на нем до той поры, пока старый Зитар не построил сыну красивое трехмачтовое судно, названное им «Дзинтарс». На этом судне можно было смело отправиться через Атлантику на острова Вест-Индии за красильным деревом и сахаром. Первое плавание продолжалось три года. За это время «Дзинтарс» заходил во многие порты Антильских островов, Мексики, Центральной Америки и Бразилии. Вернувшись на родину, молодой капитан поставил судно на зимовку, а сам отправился домой погостить до весны. Тридцатидвухлетний бравый мореплаватель — интересный собеседник и состоятельный человек — всю зиму находился в центре внимания жителей родной округи; особенно им интересовались заневестившиеся девушки и их матери. Андрей мог сделать блестящую партию и стать зятем одного из местных судовладельцев или даже самого пастора, у которого в имении тосковало несколько взрослых дочерей. Но он был в достаточной степени состоятельным, чтобы не

обращать внимания на приданое избранницы своего сердца. Этой избранницей оказалась не кто иная, как дочь хозяина хутора Лиелноры Альвина. Почему именно она, сказать трудно, ибо семейство Альвины слыло далеко не самым достойным в этой округе: старый Лиелнор любил выпить, а его хозяйка вполне открыто дружила с каким-то лесником. Альвина, миловидная, здоровая девушка, была моложе Андрея на десять лет. На рождество он привез её домой. Вначале старый Зитар немного поворчал — дескать, сноха из «балованной» семьи, — но мать решительно стала на сторону сына, и старику пришлось покориться судьбе. Сыграли пышную свадьбу, гуляли всю неделю. Среди гостей было несколько капитанов и судовладельцев. Молодые получили много дорогих подарков и лестных поздравлений от наиболее уважаемых семейств округи.

С наступлением весны Андрей Зитар опять отправился в море. Его жизнь походила на жизнь многих других моряков: дома, между двумя поездками, он был хорошим, покладистым, добродетельным и уживчивым мужем, но, находясь в плавании, вел прежний образ жизни, с той лишь разницей, что теперь из каждого порта писал письма жене, а отцу посылал сообщения о состоянии судна, о фрахтах и предложениях агентов. Впрочем, последняя обязанность вскоре отпала, ибо старый Зитар однажды зимой, когда «Дзинтарс» стоял в Порт-оф-Спейне под погрузкой красильного дерева, умер от разрыва сердца. Теперь Андрей стал совершенно независимым. Отныне он один регулировал рейсы судов, распоряжался доходом, и вместе с тем его рейсы стали продолжительнее. О семье он не горевал: она ни в чем не нуждалась. После каждого возвращения капитана из плавания семейство прибавлялось. Сам капитан Зитар, находясь вдали от дома, не стеснял себя ни в чем. Разве мог кто-нибудь требовать, чтобы он на чужбине сгорал в тоске по дому, по жене и прочим привычным удобствам? Моряк, если он хочет быть настоящим моряком — мужественным, выносливым добытчиком ценностей, — должен выбросить эти мысли из головы. Да этого от него никто и не требовал, даже Альвина. И об этом вообще не принято было говорить. Лишь порою старые моряки, сидя в тесном кругу за стаканом вина, вспоминали былые похождения. Таков уж заведенный распорядок жизни. Если во всем этом кое-что и не совсем соответствовало ветхозаветным заповедям и если у капитана Зитара завязывались случайные связи то в Кардиффе, то на Тринидаде — это, право же, такие мелочи, над которыми не стоит ломать голову. Андрей Зитар не задумывался над тем, как могут отнестись к этим обычным, по его мнению, и само собой понятным явлениям окружающие люди, например, его жена. Как переживала Альвина долгие годы одиночества, его не

волновало. У нее была куча ребят, много обязанностей по дому. Пусть растит мальчиков и ведет хозяйство — этого вполне достаточно, чтобы заполнить жизнь женщины. Кому какое дело до того, что ей только тридцать пять лет, что она здорова и жизнерадостна? Капитан Зитар уходил на юг...

Осенью 1907 года судно Зитара «Дзинтарс» после двухлетнего отсутствия бросило якорь в Рижском порту с грузом кузнечного угля. Из Кардиффа они вышли в конце сентября, и команда предполагала добраться до Риги не раньше второй половины октября, но на всем пути дул попутный ветер, позволявший временами доброму паруснику соревноваться в быстроте с парходами, и команда «Дзинтарса» увидела родные берега дней на десять раньше срока. Это был рекордный рейс капитана Зитара. Вполне понятно, что никто из домашних не встречал его. Судно поставили в Яунмилгрависе ^[2], а после разгрузки угля увели в Даугавгриву ^[3] на зимовку. Зитар рассчитал команду, оставил боцмана Кадикиса охранять судно и, уладив дела в портовых учреждениях, собрался домой. Он ничего не писал, желая сделать жене и детям маленький сюрприз. В его чемоданах лежали подарки, купленные за границей; при этом не был забыт ни один, даже самый маленький член семьи Зитаров. Всякий путешественник, надолго разлученный с семьей, становится немного сентиментальным. Он уже заранее во всех подробностях представляет себе час свидания и то впечатление, которое произведет его приезд. Все это получается несколько театрально, здесь, пожалуй, неизбежны поза и некоторая искусственность, но зато сколько радости, как глубоко нежность жены, восторги детей, любопытство соседей! Андрей Зитар представил себе, как он приедет поздно вечером: везде уже темно, дети только что улеглись в свои кровати. Никто еще не спит. Где-то на кухне или в большой комнате горит лампа, и молодая хозяйка приводит в порядок детскую одежду. Кругом тишина, спокойствие — обычный буднично-вечер. И вдруг кто-то стучит в дверь и на вопрос: «Кто там?» — отвечает чужим; измененным голосом. «Папа приехал!» — громко кричат в комнатах, и все соскакивают с постелей, у детей сон как рукой сняло. Никто в эту ночь уже не может уснуть.

Размечтавшись, капитан Зитар почувствовал, что ему не терпится

скорее добраться домой. Но в порту он встретил знакомых по мореходному училищу — двух капитанов и штурмана. Все они, подобно ему, поставили суда на зимовку и готовились «стать на прикол» до весны. Кое-кого из них Зитар не видел около десяти лет.

— Так дело не пойдет, Андрей! — заявил ему капитан Екабсон, владелец двухмачтовой развалюхи. — Встречу нужно отметить.

— Когда еще увидимся... — присоединился второй капитан, Берзинь.

Чемоданы Зитара отвезли к штурману Аргалису — он жил в Риге, — и друзья направились в излюбленный моряками кабачок. За долгие годы пережито так много, столько накопилось приключений, — за один вечер и не перескажешь всего. У каждого в портах мира и на разных судах были общие знакомые. Как они поживают? Все так же ли весело у Чарли Брауна в Лондоне? А латыш Петерсон в Барридоке все еще содержит бордингхауз? Как сейчас с поступлением на английские суда?

И казалось, не будет конца беседе, перекрестным вопросам и ответам. В радужном свете воскресали веселые дни молодости бесшабашных парней. Приятели и сейчас еще не считали себя стариками, и представься им случай, любой из них не прочь был бы повторить прежние проказы. Вино располагало к откровенности. С покрасневшими лицами, сжимая в руках бокалы, они говорили о таких делах, о которых в трезвом виде принято умалчивать. Капитан Зитар продвинулся в жизни дальше всех, и теперь никто из этих людей не был ровней ему. И все же приятно иногда, забыв разницу положений, почувствовать заискивающую зависть в словах приятелей и оглянуться на те времена, когда все были равны, молоды, полны надежд и веры в себя. Взять хоть бы того же Аргалиса: нечего и думать, что он станет когда-нибудь капитаном. Не найдется такого судовладельца, который доверил бы ему свое судно. Горький пьяница, картежник, в азарте спускающий все до последнего цента, он и собой-то не умеет управлять, не то что судном. А капитан Берзинь? Кто не знает его алчную натуру? Команду он кормит гнилым мясом и салакой, сам во всех портах ходит пешком, а в контору судовладельца подает такие счета на разъезды и расходы по представительству, каких не бывает ни у одного капитана. О скупости Берзиня ходили анекдоты. Для угощения таможенных и портовых Чиновников он держал у себя специально приготовленный напиток: разбавленный спирт, смешанный с перцем и другими специями. У выпившего стакан этой смеси сразу захватывало дух, и он уже не отваживался просить второй. Однажды Берзинь взял пассажиров, они питались вместе с капитаном. За завтраком Берзинь зорко следил, кто сколько мажет на хлеб масла. Среди пассажиров был один друг

самого судовладельца, любивший намазать масла побольше. Берзинь глядел, глядел, как барин транжирит драгоценный продукт, и наконец не выдержал. Вырвав у него из рук ломоть хлеба, он соскоблил ножом масло, оставив тонкий, прозрачный слой, и вернул хлеб пассажиру со словами:

— Вот как нужно намазывать масло на судах...

Но уволить его за эту грубость не пришлось — он был владельцем четвертой части судна. После каждой поездки команда его судна брала расчет.

Екабсон! Ну, это мелкая птица. Двухмачтовая посудина, построенная еще отцом, старая, отслужившая свой век гнилушка, державшаяся с помощью вара, честного слова и молитв. Сам он напоминал скорее крестьянина, чем капитана: одевался в серую домотканую одежду и грубый кафтан, сморкался в хлопчатобумажный носовой платок, который менял раз в месяц.

Невольно взгляд Зитара скользнул по собственному синему английскому костюму. Золотые часы в жилетном кармане, по животу толстая цепь с брелоками, свежая модная сорочка и шелковый галстук, шляпа с твердыми полями и бамбуковая трость — все изящно, прилично, соответствует положению. В официальных случаях — капитанский мундир с нашивками или визитка: он мог явиться в любое место, встретиться с консулом или торговым агентом, а если потребуется, даже с губернатором чужеземного острова. Он везде может достойно представить свою страну. Ведь недаром он, Андрей Зитар, — владелец «Дзинтарса» и еще двух судов. У него были друзья в Кардиффе и в Порт-оф-Спейне. Склонная к полноте фигура, воротничок сорок второго размера и русая борода клинышком — все соответствовало его положению. Андрей Зитар во всем любил выдерживать стиль: сильный человек — и прочное судно, румяное лицо — и смелое сердце. Если сегодня вечером его и видели вместе с мелкими людишками, это простая вежливость: капитан Зитар не хочет, чтобы его считали гордецом. Но есть граница и всякой вежливости. Нельзя требовать, чтобы человек расточал ее безрассудно. В одиннадцать Зитар вынул часы и напомнил, что пора по домам.

— И куда тебе спешить? — прошепелявил Екабсон, захмелевший больше других. — Сейчас самый настоящий момент приходит.

— Момент моментом, — проворчал Зитар, — но я хочу завтра ехать домой.

— Ах ты, господи, и что за спешка! — смеялся Екабсон. — Еще успеешь. Нагостишься за целую-то зиму. И самому надоеет, и им станешь в тягость. Будут думать: «Скорей бы этот черт уезжал!» Или считаешь, что

они по тебе так уж сильно соскучились?

Шутка Екабсона не вызвала ни у кого смеха.

— Я, думаю, еще не надоел своим, — ответил Зитар. — Если годами находишься в плавании, особенно не надоешь. Не увижу, как и дети вырастут.

— Не воображай, что они много думают о тебе, — не унимался Екабсон. — Если мы ни в чем себе не отказываем, почему ради нас кто-то станет отказывать себе? Жены капитанов не отстают от мужей.

— Твоя тоже так поступает? — пробовал отшутиться Зитар.

— А твоя, думаешь, нет? Женщина — что спелая слива, станет она по тебе сохнуть! Смотри, в самый раз угодишь на крестины.

— В крестные отцы придется идти, — Берзинь затрясся от смеха, гордясь собственным остроумием.

Зитар из приличия тоже посмеялся.

— Почему бы нет. Можно и так.

Но на душе стало сумрачно. Грубоватый юмор друзей осквернил недавние мечты о встрече, словно облили грязью дорогое и милое сердцу, что он хранил чистым и нетронутым. Подумать такое об Альвине? Нет, они просто подразнили его, надо отшучиваться и смеяться вместе с ними.

— Да, такова участь моряка, — вздохнул с комической грустью Екабсон. — И такова участь женщин. Каким ты родился, таким тебе и век жить. Старинная пословица гласит: яблочко от яблони недалеко падает. Если мать может проводить время с лесником, почему бы дочери не подружиться с сыном лесника? Ха-ха-ха!

Зитар нахмурился. Шутки заходили слишком далеко. Будь они только вдвоем, а ведь здесь еще Берзинь и Аргалис — болтуны и пустомели. И он угрюмо остановил Екабсона:

— Оставим! Это меня не интересует.

Зитар подозвал официанта, расплатился и протянул друзьям руку.

— Вы еще остаетесь? Ну, дело ваше, а я уйду.

— Куда ты? Пойдем ко мне, переночуешь, — предложил Аргалис.

— Нет. У меня в городе родные. Утром заеду за вещами.

Взяв трость, Зитар вышел на улицу. Темная, беззвездная ночь, небо покрыто тучами. У газового фонаря дремал на облучке извозчик.

— В гостиницу «Метрополь»! — крикнул Зитар, опускаясь на мягкое сиденье. «Брехун, болтун... — с досадой думал он, вспоминая Екабсона. — Альвина и сын лесника... Нет, это просто смешно».

И все же Зитар не смеялся. Его все больше охватывала досада, им овладела тревога попавшего в беду человека. Альвине тридцать семь...

Сын лесника еще совсем молокосос. «Дзинтарс» находился в плавании два с половиной года. А если допустить, что там действительно что-то произошло? Барабаня пальцами в крылья фаэтона, Зитар нервно затягивался дымом сигары. Его охватила злоба. В то время как он в дальних морях, эта женщина... Он скитается по свету, борется с непогодой, добывает деньги, чтобы обеспечить семью, а в это время... Каждый раз, когда он доходил до этого, мысль его обрывалась, он боялся отчетливо представить себе главную причину своей досады и, наперекор желанию, мысленно переносился в далекие заграничные порты. Маленькая Долли в Кардиффе, жгучая испанка в Барселоне, метиска с волосами орехового цвета в Порто-Рико — много разных прекрасных созданий живет во всех частях света. Они улыбаются, они танцуют, они кидаются ему на шею, целуют его — и он, сам не замечая того, улыбнулся образам, вызванным памятью. А здесь какой-то сын лесника. Следовало рассердиться, почувствовать себя оскорбленным и по-мужски возненавидеть, но Зитару это казалось совсем ненужным.

Ему хотелось верить, что это была шутка, но такова уж природа человека: подозрение и неверие быстро овладевают им.

Капитану Зитару в эту ночь не удалось уснуть. Утром он нашел на постоялом дворе попутную подводку и договорился с ее хозяином. После полудня они отправились в путь.

3

Зитар немного знал Галдыня. Луга его граничили с лугами Зитара, и, помнится, несколько лет назад у них чуть ли не произошел спор из-за межи. Это часто бывает даже между самыми лучшими соседями, но, если люди не сварливы, они скоро забывают о распри и живут в ладу.

Резвая лошадка Галдыня, выехав на шоссе, пустилась рысью.

— К вечеру доберемся домой? — поинтересовался Зитар, когда они свернули на дорогу к взморью.

— Как не добраться, барин, засветло доедем, — Галдынь хлестнул лошадь кнутом. — У меня лошадь горячая, подгони немножко — вихрем помчится.

Возчику, видимо, льстило, что у него такой важный седок, и он время от времени пытался втянуть его в разговор. За капитаном на побережье установилась репутация веселого, беззаботного человека, но сегодня он выглядел хмурым и, хотя из вежливости поддерживал разговор и даже

изредка задавал какие-то вопросы, но больше молчал. Казалось, он спешит. Не иначе, у него какое-то важное дело.

Когда у дороги показалось серовато-красное здание корчмы, перед которым стояло несколько подвод, Галдынь попридержал лошадь. Неужели Зитар не заедет выпить чаю или глотнуть чего-нибудь погорячее? И возчику, глядишь, перепала бы малая толика.

— Вы, наверно, в Риге пообедали? — спросил Галдынь, выразительно поглядывая на двери корчмы, у которых стояли два возчика с кренделями в руках.

— Да, я плотно пообедал, — рассеянно отозвался Зитар. Затем, словно очнувшись и поняв намек Галдыня, предложил остановиться. Вынув кошелек, он достал серебряный рубль и протянул возчику: — Полуштоф, я думаю, не повредит, — сказал он. — На остальные возьмите закуски.

— Кренделей и миног! — отозвался Галдынь. — Здесь хватит на все.

Несколько минут спустя они двинулись дальше. Зитар правил лошадью, Галдынь откупоривал бутылку и готовил закуску.

— Здесь, правда, не так удобно, как за столом, — улыбнулся он, придерживая бумагу с миногами, поминутно сползавшую с колен. — Стаканов тоже нет, придется пить прямо из горлышка.

— Экая важность! — рассмеялся Зитар. — Всяко приходилось.

Способ пить прямо из горлышка имеет и свои неудобства, и свои преимущества: неприятно прикасаться ртом к посуде, которую только что слюнявили чужие губы, зато твой собутыльник не в состоянии учесть, сколько ты выпил. Зитару не хотелось пить. Он прикладывал бутылку ко рту, долго булькал, делая вид, что пьет, на самом деле только губы мочил. Когда наступала очередь Галдыня, содержимое в бутылке убывало весьма заметно. Ясно, что и результаты воздействия водки не замедлили сказаться примерно в том же соотношении. Когда опустевшую бутылку выбросили в канаву, Зитар был совершенно трезв, а Галдынь расслабленно покачивался в телеге и что-то бессвязно бормотал. Теперь лошади доставалось как следует.

— Она у меня горячая как огонь, — повторял Галдынь, стараясь это доказать на деле. Безостановочно свистел кнут, слышались окрики возницы, и рессорная повозка, подпрыгивая на корнях, выступавших на лесной дороге, неслась вперед.

— Увидите, барин, еще засветло будем дома. Ну, шевелись у меня!

Когда возчик чересчур надоел скучными рассказами о своих далеко не героических «подвигах», капитан угостил его сигарой. Она торчит во рту, как пробка: ее полагается курить со знанием дела, смакуя, подняв голову и

сохраняя торжественность на лице. Ничтожный мужичонка почувствовал себя барином.

С каждой верстой ближе дом, тени в лесу длиннее, и глаза капитана Зитара мрачнеют. Через несколько часов, когда сгустятся сумерки, поздний гость постучится у дверей дома Зитаров. Нет, лучше не стучать, — тихо, словно грозовая туча, вернется он домой, могущественный и суровый в своем гневе. Берегитесь!

Уже в сумерках миновали они знакомую мельницу. Еще час езды — и конец пути. Не слишком ли рано он явится? Сейчас половина шестого. Раньше восьми никто не ляжет спать. Зитар предложил Галдыню вторую сигару и заговорил с ним. Как уродился картофель? Хорошо ли ловилась камбала? Что слышно о прокладке шоссе, скоро ли начнут работы?

Казалось, Галдынь только того и ждал и тут же пустился в пространные и бессвязные рассуждения. Лошадь тем временем шла шагом. Зитар, не слушая Галдыню, время от времени машинально произносил какое-нибудь слово, которое должно было свидетельствовать, что он внимает речам возчика:

— Вот как? Ах, так?.. Да... Конечно...

«Горячая» лошадка еле плелась. Но вот колеса прогремели по настилу последнего моста. На горе уже виднелась корчма Силакрогс. Там хозяйничал брат Зитара Мартын.

— Остановитесь, — сказал капитан. — Надо навестить брата. Вещи можно оставить здесь, вам ведь дальше не по пути.

— Мне ничего, что ж... могу и довести.

— Не нужно. Утром приедет работник, заберет. Не стоит вам в ночное время давать такой крюк.

Расплатившись с Галдынем и не слушая его добрых пожеланий, капитан забрал чемоданы, обогнул дом и направился во двор. Он не пошел через корчму — там могли оказаться знакомые, и тогда от них не отделаешься.

Жена брата жарила на кухне рыбу. Увидев неожиданного гостя, она даже руками всплеснула. Улыбка озарила ее круглое лицо.

— Скажите, пожалуйста! Андрей! Миците, Миците, иди сюда, твой крестный пришел! Да ты, кажется, со всем багажом? Прямо из плавания? Миците, доченька, почему ты не идешь? У меня руки в масле, боюсь, запачкаю тебя...

Рыба пригорела и кухня наполнилась чадом, пока взволнованная жена корчмаря здоровалась с деверем. Наконец появилась и Миците, девочка лет четырех. Смущенно взглянув на незнакомого дядю, она хотела убежать в

комнату. Мать удержала ее.

— Глупышка маленькая, разве ты забыла дядю Андрея? Того самого, который плавает на кораблях и обещал привезти попугая... Дай дяде ручку, это твой крестный. Посмотри, Андрей, как крестница выросла. Заходи в комнату, раздевайся, я позову Мартына. Миците, иди с дядей в комнату.

Зитар сообразил, что крестнице следует сделать подарок. Звание крестного отца обязывает. Поначалу пришлось ограничиться конфетами, хотя ребенок привык к сладостям, — в корчме многие дяди угощали маленькую барышню.

Пока невестка разыскивала мужа, Зитар вошел в комнату и, сняв пальто, сел на старую кушетку. Миците недоверчиво разглядывала незнакомого гостя. Когда тот вынул из чемодана пеструю коробочку, из которой послышалась музыка, а два гнома на ее крышке стали весело кланяться друг другу, девочка осмелела. Скоро она сидела у крестного на руках. Взорам вошедших родителей представилась трогательная картина, и мать даже зарумянилась от удовольствия: хорошо, когда у ребенка такой богатый крестный — всегда можно на что-то рассчитывать.

— Как же это так? — поздоровавшись, Мартын уселся напротив брата. — Мы ожидали тебя только к концу месяца.

— Попутный ветер. Добрались раньше. Дома все здоровы?

— Да, слава богу. Только мать все хворает:

— Ничего удивительного, возраст сказывается. Я, видишь ли, приехал с попутчиком. Нельзя ли оставить у тебя вещи до утра?

— Пожалуйста. Если хочешь, можно запрячь лошадь и отвезти сегодня.

Нет, это не входило в намерения Андрея. Но разве Мартын должен знать об этом?

— Пусть остаются здесь, я сам за ними приеду. Тогда и поговорим обо всем как следует.

Мартын был шестью годами моложе брата. Но если сравнить его коренастую фигуру с набухшим от хорошего пива и неподвижного образа жизни брюшком с пропорционально сложенной фигурой капитана, можно было подумать, что корчмарь старше. Он, правда, не носил бороды, но пышные пшеничные усы придавали его лицу выражение зрелой мужественности. Голос звучал глухо, в движениях чувствовались солидность и самоуверенность.

Дебелая жена, ровесница Альвины, желтый буфет в углу комнаты, большой фикус в бочонке — все выглядело солидно и говорило о прочности семьи.

— Анна, приготовь нам что-нибудь поесть, — сказал Мартын, подходя к буфету.

— Да, Андрей, ты ведь поужинаешь с нами? — засуетилась невестка.

— Спасибо, я собираюсь уходить. Приду завтра, тогда побуду подольше. Вы меня понимаете...

— Да, правда, так давно не был дома, — согласилась Анна. — Ну хоть чуточку-то можешь перекусить?

— Не трудись, невестка, не стоит.

Андрей еще немного поболтал с братом, рассказал о своем плавании, о предполагаемом зимой ремонте такелажа, потом вдруг до его сознания дошло, что эти люди чего-то ждут от него. Да, конечно, моряк, вернувшийся из заграничного плавания, всегда что-нибудь привозит. Андрей не забыл никого. Подарки лежали в чемодане поменьше. Капитан вынул два небольших пакетика. В одном лежал изящный бинокль — Мартыну; в другом — бахромчатая испанская шаль для Анны. Не каждый моряк привозил родным такие дорогие подарки. Анна тут же примерила шаль перед зеркалом и с улыбкой, зардевшись от удовольствия, пожала Андрею руку:

— Ты сумасшедший! Столько потратить!..

Улыбался и Андрей. И неизвестно было, кто из них больше радуется: он, доставив ей удовольствие своим подарком, или она, получив подарок. Какие у нее красивые плечи и высокая грудь... Пожалуй, немного полновата, но еще очень свежа. Он как-нибудь завернет сюда в гости: зима предстоит длинная, и Мартын иногда уезжает в Ригу.

Вскоре Андрей ушел, прихватив с собой чемодан с подарками.

Усадьба Зитаров находилась примерно в двух верстах от корчмы. Андрей шел не спеша. По дороге он еще раз обдумал все и наметил план действий. А вдруг все это плод воображения, шутка пьяного? Каким смешным может показаться тогда его внезапное появление! Словно какой-нибудь разведчик или охотник, гонящийся за ускользающей дичью, возвращается он домой после двухлетнего отсутствия. Все основано на предположениях. Надо обставить дело так, чтобы никто не догадался о его подозрении: действовать без резких выпадов и шума. Он сразу заметит, если что-нибудь не так. Смотреть глазами, слушать ушами, а язык держать на привязи. И во всех случаях кроткая улыбка на лице, даже если захочется

ударить.

Он шел, словно прогуливаясь, потратив на две версты целый час. Стояла теплая туманная ночь, приглушенный шум моря, доносившийся из-за дюн, успокаивал встревоженный мозг Андрея. Дойдя до реки, он свернул по берегу налево. В темноте уже вырисовывались знакомые очертания родного дома. Из хлева изредка доносилось мычание коров, позвякивали цепи, которыми их привязывали. Негромко заблеял ягненок. За домом слышался лай собаки, перекликавшейся с соседскими псами. В окнах не было огня, видимо, все уже спали. Зитар вошел в ворота и шагнул в палисадник. Вокруг дома шла усыпанная гравием дорожка, двор выходил к морю. У веранды Андрей остановился, тихо нажал ручку двери, пытаясь открыть ее, но дверь оказалась на замке. Рядом с верандой было несколько закрытых ставнями окон. Спальня с окном в палисадник находилась в самой середине дома.

Подойдя на цыпочках к этому окну, Андрей прислушался. Внутри царил тишина, ничего подозрительного не было заметно. Дорожку вокруг дома для чего-то посыпали слоем черной перегнойной земли, и вся она была расчеркана вдоль и поперек: там след игрушечной лопатки, тут колеса — вероятно, дети возили игрушечную тачку. Ставни спальни почему-то не были закрыты на крючок, как остальные, обе половинки были только плотно прикрыты.

«Так, значит... — мрачно подумал Зитар. — Путь всегда открыт, чтобы уйти без помехи. Ничего не скажешь, сделано предусмотрительно».

Что, если он закроет ставни на крючок, а сам направится в дом? Тот окажется в ловушке, и все сразу выяснится.

А вдруг того человека совсем нет? Разве не могло быть, что ставни случайно не закрыли?

Обогнув дом, Зитар медленно направился во двор. Громко и настойчиво залаяла собака. Зитар назвал пса по имени, пытался приласкать его, но Амис не узнавал хозяина. В кухонном окне мелькнуло чье-то лицо. Зитар, обороняясь тростью от наступающей собаки, подошел к двери и постучал.

— Кто там? — раздался ворчливый голос батрачки Ильзы.

— Кто? — рассмеялся Зитар. — Разве ты, Ильза, перестала хозяина признавать? Открывай скорей, иначе этот зверь живьем съест меня.

— Хозяин приехал! Ах ты, господи! Как же не узнать! Сейчас, барин! Сейчас!

Щелкнул ключ в замке, и, стыдливо прячась за дверьми, Ильза впустила Андрея в переднюю.

— Мы уже все спать легли. Входите в комнату. Я сейчас что-нибудь накину и зажгу огонь.

— Ничего, обойдусь и так. Иди спать, Ильза, и никого не буди. Поздороваться можно и утром.

— Но ведь вы ничего не увидите.

— У меня есть карманный фонарик.

Зитар входит в комнаты. Он умышленно шагает шумно, ступая всей ступней, кашляет, кричит, бросает на пол чемодан и зажигает в столовой лампу. Ждет несколько мгновений, потом стучит в дверь спальни.

— Альвина, ты спишь?

В спальне что-то скрипит, слышится шуршание. Торопливые, шаркающие шаги. Открывается дверь, и перед глазами своего повелителя и господина появляется Альвина в небесно-голубом кимоно. В тот же миг она виснет у него на шее и, словно большой ребенок, что-то радостно и бессвязно лепечет о неожиданном сюрпризе, о внезапном возвращении, об ужине и неизвестно еще о чем. Когда немного улеглась бурная радость свидания, она начинает суетиться. Зажигает лампу в спальне, взбивает постель и спрашивает, удовольствуется ли Андрей молоком или ему что-нибудь подогреть.

— Все равно что... — отвечает он. — Я не очень голоден.

— Я сейчас...

Она спешит на кухню. Андрею душно. Он открывает окно. Всмотривается в темноту. И ему начинает казаться, что он видит под окном следы двух больших ступней босых ног на темном слое перегноя. Были ли они там прежде или появились только сейчас? А может, их там и вовсе нет... Он не знает. Капитан закрывает окно и грузно опускается в мягкое кресло. Левая рука его бессильно свисает вдоль тела, пальцы правой перебирают брелоки на цепочке. Он не думает ни о чем. Губы его подергиваются в нервной усмешке.

— Ты пойдешь в столовую, Андрей, или закусишь здесь?

— Все равно... Можно и здесь.

Стакан молока и белый хлеб с медом и вареньем... Сладко в тот вечер встречали капитана Зитара. Так бывает всегда, когда моряк возвращается домой из дальнего плавания.

Глава вторая

1

Если глава семьи долго отсутствует, на него некоторое время после возвращения смотрят как на гостя: позволяют утром поспать подольше, погулять на свободе, погостить у соседей. Домочадцы всячески стараются не обременять его хозяйственными заботами — пусть постепенно втягивается в домашнюю жизнь. Потом уж можно передать ему бразды правления.

Капитан Зитар на сей раз почему-то забыл об этом. На следующее же утро он встал вместе со всеми домочадцами, надел, как часто делал это в море, поношенный темно-синий бостоновый костюм, вместо верхней сорочки — теплый морской свитер и, закурив трубку, вышел во двор. Альвина подивилась непривычному поведению мужа и, расположившись поуютнее в теплой постели, решила часок подремать — было еще рано.

Во дворе Зитар встретил Ильзу. Она шла из коровника с ведром молока. Около конюшни батрак Криш запрягал, лошадь. Капитан поздоровался с обоими, обсудил кое-что по хозяйству и решил пройтись по усадьбе: интересно, что здесь изменилось за время его отсутствия. На веранде мальчишки, играя в мяч, разбили два цветных стекла; на той стороне дома, которая выходила к морю, заржавели водосточные трубы, и дождевая вода сбегала прямо по стеклам; из дымовой трубы выкрошилось несколько кирпичей; у колодца в двух местах цепь порвана и связана проволокой. Со всех сторон назойливо лезли в глаза мелкие неполадки, как бы говоря: «Так оно и должно быть, когда дом остается без хозяина».

То же самое было и в поле. Хорошо еще, что Криш кое-что смыслил в хозяйстве. Но разве он болеет душой за хозяйский доход и следит за тем, чтобы в полях соблюдался правильный севооборот? Почему не посеяли клевер? Старые посевы вот-вот истощатся, а новых не будет. Почему не вычищены канавы, не починена крыша на сарае с сеном, не отремонтированы мосты через канавы — лошадь может поломать ноги.

А как обстоит дело со скотиной? Двадцать овец и только пять свиней. К овцам Зитар относился с предубеждением, свиньи — вот верный источник дохода. Не лучше ли было держать двадцать свиней и пять овец? Но кто станет возиться с ними: надо копать кормовую свеклу да еще варить

ее; то ли дело овцы — отправил на пастбище, и никаких хлопот.

Зитар ощутил в душе досаду: нет у Альвины настоящей хозяйской хватки. Какое ей дело? Ведь доход идет не только от дома — муж привезет деньги из плавания.

Все утро Андрей Зитар обходил свои владения. За рекой над лесом поднялась голубая струйка дыма. Там дом лесника Силземниека. У него есть сын. До усадьбы Зитаров оттуда всего полчаса ходьбы. Андрей остановился у края пашни и некоторое время наблюдал за далеким дымком. Если бы за рекой не рос лес, отсюда в бинокль ясно можно было бы разглядеть, что делается во дворе Силземниека. Наконец, круто повернувшись, он направился домой. На копнах ячменя сидели куры и выклевывали зерна из колосьев. Серый кот из-за кучи хвороста подстерегал прыгающих на земле воробьев. Около дома старый Амис старательно вылизывал цедилку для молока.

— Мать проснулась? — спросил Андрей у Альвины, которая накрывала к завтраку.

— Да. Ты бы зашел поведать ее. Она уже знает, что ты вернулся.

Андрей, предварительно постучав, вошел в комнату матери. В нос ему ударил сладковатый запах непроветриваемого помещения — запах тлена. На подоконнике стояло несколько горшков с цветами. Их назначением было не пропускать дневной свет в маленькую комнатку, убранство которой составляли: неуклюжий старинный шкаф, грубо окрашенная деревянная кровать, старый стол с лежавшей на нем библией в черном кожаном переплете и два кресла прошлого века, купленные в свое время старым Зитаром в Риге для себя и жены, — роскошь, дозволенная старикам. В одном из кресел сидела старая капитанша — Анна-Катрина Зитар, урожденная Рубенис. Ее расплывшееся тело совершенно слилось с креслом, провалившийся беззубый рот что-то жевал и посасывал, вероятно, конфету или кусочек сахара. По-видимому, мать нисколько не удивилась и не особенно обрадовалась приходу Андрея. Спокойно подав ему руку, она подставила щеку для поцелуя.

— Ты опять дома... — произнесла она и, зевнув, поправила очки на носу.

— Как видишь. Погощу до весны. Как твоё здоровье?

На эту тему капитанша готова была говорить в любое время. Как многие старые люди, она уделяла своему здоровью очень много внимания — больше, чем всему другому. Каких только у нее не находилось болезней! Она была полна ими с ног до головы. Кости, тело, сердце, живот, грудь — все болело, ныло, ломило; головокружение и дурнота, онемение и удушье,

пот и кошмары — все ее мучило. Не было на свете болезни, которую бы она не приписала себе, так же как не было такого лекарства, которое бы она не испробовала. Знахари, ворожеи, костоправы из ближних и дальних волостей успели уже побывать у Анны-Катрины. Теперь у нее был на примете какой-то чудо-врач, заочно излечивающий решительно от всех болезней не только людей, но и скотину. «Идите домой, он бодр и здоров...» — заявил он женщине, просившей исцелить мужа, пролежавшего с костоломом три года. И на самом деле все так и оказалось.

— Я привез тебе всяких заграничных лекарств от головокружения и дурноты, поспешил сообщить Андрей, воспользовавшись небольшой паузой.

— Это хорошо, что ты не забыл купить. Какие они — внутренние или наружные?

— Там на этикетках написано, как их употреблять. Я потом прочту. А как вы тут без меня поживали? Ничего нового не случилось? — торопливо спрашивал Андрей, опасаясь, как бы мать опять не затеяла свои «медицинские» разговоры.

Нет, ничего особенного не случилось. Прошлым летом молния ударила в соседскую ригу. У Калниетиса большая собака взбесилась, пришлось пристрелить. Зелма Зиемелис уехала в Лимбажи учиться кройке и шитью.

— А у нас дома? Как живут и как ведут себя дети и взрослые?

Капитанша посмотрела безразличным взглядом на сына и, словно не поняв истинного смысла его вопроса, принялась обстоятельно рассказывать о том, как Эльза болела корью и как у маленького Янки прорезывались зубы. Ни слова об Альвине или о сыне лесника. «Вот так свекровь... — досадливо подумал Андрей. — Заодно с невесткой против родного сына. Но если нет настоящей искренности и откровенности, тут не поможешь ни дорогими заграничными лекарствами, ни сладостями».

Тщетно ждал он, что мать заговорит о поведении невестки. Прямо спросить об этом было неловко, а если она сама ничего не говорит, значит, у нее есть на то основания. Обе одного поля ягоды, спелись между собой. Андрей не успел забыть тех времен, когда Анна-Катрина, еще моложавая женщина, вязала перчатки молодцеватому прасолу Карстенису. Не один раз случалось тому останавливаться в Зитарах с обозом телят именно тогда, когда старый Зитар на своем двухмачтовом паруснике находился в плавании. Разве Анна-Катрина не догадывалась, почему старый Зитар зимой так часто посещал корчму Силакрогс или о том, как моряки проводят время в иностранных портах? Все Зитары одинаковы. Тяга к греховным удовольствиям и жизнелюбие переходят в этом роду по наследству. Пока

молоды, они не жалуется на судьбу, берут от жизни все что могут, а под старость читают библию и натираются всякими мазями.

Просидев с полчаса в душной комнате матери, Андрей ушел разочарованный и неудовлетворенный.

2

Входя в столовую, Андрей услышал, как Альвина на веранде бранила детей.

— Лучше не отпирайтесь, я ведь знаю ваши проделки. Ингус, ты постарше и поумнее, ты не видел, кто насыпал землю на дорожке?

— Я после обеда учил уроки...

— А ты, Эрнест, ведь ты был вместе со всеми?

— Да, мы играли в саду.

— Ну вот, я так и знала. И кто же это сделал?

— Мне не хочется говорить...

Зитар подошел ближе к дверям веранды.

— Если знаешь, должен сказать, — настаивала Альвина. — Лгать нельзя. Теперь отец дома, вот скажу ему, он вас накажет. Эрнест, кто насыпал землю?

— Маленький Янка...

— А вы, большие, почему не остановили его?

— Я не видела, Эрнест один... — оправдывалась Эльза.

— Пока я был в саду, Янка играл на куче перегноя, — заговорил Карл. — Может, Эрнест сам научил Янку. Он это умеет.

Каждый оправдывался, как мог, лишь сам виновник, пятилетний Янка, безучастно стоял в стороне, словно все происходящее не имело к нему ни малейшего отношения.

Зитар молча слушал, лицо его стало хмурым, в глазах на мгновение появилось что-то жестокое, хищное, но он быстро преодолел это. «Успеем рассчитаться за все... если потребуется... — подумал капитан. — Это не к спеху».

— Вас обоих — и Янку, и Эрнеста — следует наказать. Вот погодите, я пожалуюсь отцу, скажу, чтобы он вам больше не возил никаких подарков.

Кашлянув, Зитар вышел на веранду.

— Что здесь за сходка? — шутливо спросил он. — Опять где-нибудь стекло разбили?

Дети шумно окружили отца, только Янка, не узнавая чужого дядю,

подбежал к матери и, спрятавшись за ее спиной, недоверчиво разглядывал Зитара.

Похожий на мать четырнадцатилетний Ингус по-мужски протянул отцу руку, словно стесняясь выказать радость. В этом году он заканчивал последний класс церковноприходской школы, увлекался романами Жюль Верна и подумывал уже о мореходном училище.

Тринадцатилетняя Эльза, оттолкнув братьев, вцепилась в отцовский локоть и уже не отпускала его, с таким видом, будто отец принадлежал ей одной. Она не считала нужным скрывать восторга и любви, целовала отца в щеку и попутно старалась выяснить, что папочка ей привез.

Эрнест улыбался, когда отец взглядывал на него. Это был сообразительный, очень услужливый мальчик, но медлительный и замкнутый. Ему исполнилось одиннадцать лет.

Карлу было только десять лет, но ростом он почти сравнялся с Эрнестом, а выглядел даже сильнее его. Румяный, круглолицый крепыш с большими серыми глазами, казалось, всегда о чем-то неотступно размышлял.

Младший, Янка, долго не решался подать отцу руку. Став в позу маленького Наполеона, он исподлобья разглядывал незнакомого дядю, которого мать называла его папой, наконец, осмелившись, подошел поближе и позволил взять себя на руки, но тут же не выдержал характера и скривил губы, готовясь заплакать.

Зитар хотел сейчас же открыть чемодан и раздать подарки, но Альвина отговорила его: нужно, чтобы дети сначала позавтракали, иначе они останутся голодными.

Это был шумный и непривычный завтрак. Вначале дети еще стеснялись присутствия отца и смиренно сидели на своих местах, но понемногу осмелели, и начались привычные ссоры и раздоры. Оказалось, что Эрнест отобрал у Карла ложку, а Эльза отняла у Янки кружку с зайчиками; малыш энергично запротестовал, требуя вернуть его собственность. Каждому из детей было отведено определенное место за столом, стул и прибор. Но сегодня старшие хотели сидеть поближе к отцу, и малышам приходилось с боем отстаивать свои позиции. Зитар, улыбаясь, наблюдал за семейством. Его взгляд незаметно переходил с одного лица на другое, задерживаясь на каждом и что-то изучая. После завтрака он роздал долгожданные подарки: бенгальские свечи, миниатюрные спасательные круги с видами портов и судов, Эльзе он привез красивую шкатулку из ракушек, Ингусу — модель парусника и компас с обозначением всех курсов, Эрнесту — пугач, стреляющий пробкой, Янке — губную гармошку.

Дети побежали показывать подарки домочадцам, и все должны были удивляться и расхваливать красивые вещицы. Не забыл Зитар и взрослых: Криш с важным видом пускал дым из пенковой трубки, а Ильза примеряла в людской пестрый платок с кораблями и штурвальными колесами. Только сам капитан, главный виновник всех восторгов и радостей, был молчалив и задумчив. Ингус с Эрнестом и Эльзой отправились в школу, предусмотрительно спрятав в надежные места свои сокровища. Эрнест все утро стрелял на дворе из пугача, к великому неудовольствию кота и старого Амиса. Оба младших играли в моряков, то и дело обращаясь к отцу за советами, как лучше ввести судно в порт и как ему причалить к берегу. Карл был капитаном, а Янка — буксиром.

— Пуф, пуф, пуф! — пыхтел он, надув щеки и подражая шуму мотора. В большой комнате у печки стоял старый, обитый зеленой клеенкой морской сундук с двумя кругами каната по бокам. После каждого «рейса» юные моряки отправлялись к сундуку и показывали друг другу привезенные товары: табак, трубки, изюм и бенгальские свечи. Устраивали мену, делали подарки друг другу, покупали и продавали. Случалось, что после удачных торговых операций «моряки» отправлялись в «трактир», пили там из пустых бутылок, расплачиваясь старыми пуговицами. Если Эльза была дома, она изображала злую жену моряка, разыскивала в трактире своего «старика» и беспощадно гнала его домой. Эрнест становился городовым или таможенным сторожем. Игра протекала всерьез и оживлялась соответствующими диалогами и жестикуляцией. Роли главных героев, как правило, доставались старшим, а Янке и Карлу приходилось довольствоваться ролями простачков и мелкотравчатых персонажей — все происходило почти так же, как в жизни.

В это утро Янка не расставался с губной гармоникой, и он, естественно, изображал музыканта. Важно расхаживая по комнатам, он изо всех сил дул в гармонику и окончательно перестал бояться отца. Он сам забрался к нему на колени, не вынимая изо рта своей забавы. Тут его внимание привлек вытатуированный на руке отца якорь, и он безуспешно пытался отодрать его. Отец все время был такой хороший, болтал с Янкой, восторгался его игрой.

После обеда Андрей велел Кришу запрячь лошадь. Капитан принарядился, надел новое английское кепи и уехал в Силакрогс. Он гостил у брата весь день до самого вечера, а когда брату случалось выйти в корчму, чтобы обслужить посетителей, Андрей оставался наедине с Анной.

Как-то во время их беседы Анна шутя ударила его по руке и, покраснев, воскликнула:

— Ты с ума сошел, Андрей! Если бы это услышал Мартын...

Он засмеялся:

— Мартын? Ты думаешь, что он не такой? Нет, Анна, мы, Зитары, все одинаковы. Ничего не поделаешь, это врожденное...

Вздыхнув, он грустно взглянул на Анну и опустил голову, словно выражая покорность судьбе. Румянец сошел с лица Анны, оно стало спокойным и серьезным.

— Все же так нельзя, — упрекнула она. — Тебе следует быть осторожнее. Вдруг кто-нибудь со стороны заметит.

Вернувшийся Мартын застал их за оживленным обсуждением нового способа засолки огурцов.

3

Эльза спала в комнате бабушки, чтобы ночью быть на всякий случай около нее, подать, если что понадобится, или позвать старших. Человек, в котором гнездится столько болезней, требует самого внимательного к себе отношения. Для тринадцатилетней девочки Анна-Катрина, конечно, была не совсем подходящим обществом, но Эльза, казалось, обращала на это мало внимания. Энергичная, самолюбивая девочка умела командовать братьями и диктовать им свою волю. Все ей подчинялись, за исключением Эрнеста, с которым она постоянно соперничала: каждому из них хотелось казаться лучшим в глазах родителей. Эльза достигала этого то лаской и ребяческим послушанием, то лестью. Когда был дома отец, она льнула к нему, в остальное время стремилась стать необходимой матери. В результате Эльза всегда первая получала новые ботинки, платье или пальто и пользовалась большей свободой. Эрнест старался казаться послушным мальчиком; он никогда не был замешан в шалостях ребят, и, если Карлу или Ингусу случалось напроказить, Эрнест немедленно доносил об этом родителям. Он ненавидел старого Амиса и кошку, гонял их, швырял в них камнями и любил смотреть, как наказывают братьев или сестру. Чтобы доставить себе это удовольствие, он частенько подучивал младших братьев напроказить и тут же спешил выдать их матери.

Спальня мальчиков находилась рядом с людской. В послеобеденное время, пока Ингус и Эрнест готовили уроки, младшие дети играли во дворе, зато вечером все устраивали в спальне такую возню, что Ильзе удавалось утихомирить их, только взяв в руки розгу. Служанки, правда, никто не боялся, но все же в спальне на некоторое время водворялась

относительная тишина, ведь Ильза могла пойти за матерью, и тогда дело приняло бы скверный оборот. Больше всего дети боялись отца: хотя он никогда, никого ни разу не ударил, но его широкий морской ремень с тяжелой пряжкой внушал страх. В самые критические моменты, когда положение становилось угрожающим, мальчики искали укрытия в комнате бабушки: Анна-Катрина прощала им все проделки, даже если они были направлены против нее, и частенько защищала маленьких шалунов.

Шалости мальчиков не всегда были злыми, чаще всего ребята просто забавлялись. Особое место во всех этих проделках занимал старый кот Джим. Это уже походило на самый настоящий заговор, долгие месяцы сбивавший с толку всех взрослых. Все началось с осени, когда на дворе беспрерывно лил дождь и свирепствовали октябрьские бури, а раскрылось лишь около рождества, и то только из-за Эрнеста. В заговоре были замешаны Ингус и оба младших брата — Карл и Янка. Все они любили старого кота; каждый из них в свое время тискал его, укутывал в тряпки, нянчил, водил на веревочке, купал и укладывал с собой в кроватку. И хотя, как известно, котам не очень нравятся подобные затеи, старый Джим безропотно переносил самые трудные испытания, только иногда протестуя жалобным мяуканьем. Несмотря на все передраги в его кошачьей жизни, он вырос и стал толстым и красивым котом-великаном, перед которым сворачивали с дороги даже собаки. Когда дети играли во дворе, кот вертелся у них под ногами, ластился к ним, словно упрашивая принять и его в компанию. Потом наступало время, когда Джим внезапно исчезал на несколько дней, яростно дрался с соседскими котами и неизбежно являлся домой искусанным и израненным. Осенью и зимой его на ночь выгоняли в клеть или пускали в коровник ловить крыс. В молодые годы Джим увлекался этим видом спорта и, бывало, с наступлением темноты, когда Ильза отправлялась задать скотине корм на ночь, сам бежал в коровник, опережая ее. Но к старости всякое существо жаждет покоя, становится разумнее, страсти постепенно утихают, прежние увлечения делаются непонятными. Со временем и Джиму тоже приелись охотничьи утехы, надоело мерзнуть во дворе по ночам. Теперь он предпочитал находиться в теплой комнате. В сумерках, когда наступало время изгнания, Джим старался куда-нибудь спрятаться: в печку, под кровать. Умный кот не выходил даже на зов Ильзы. Но лишь только все укладывались спать и наступала тишина, Джим вылезал из убежища, потягиваясь, расправлял старые кости и, мурлыча, обходил комнаты. Все вкусное, забытое на столе, он съедал, проверял содержимое духовки и обследовал кухонные полки. Как-то ночью Ильзу разбудил страшный грохот: это Джим уронил с полки

горшок с вареньем. С того дня Ильза каждый раз перед сном шарила черенком метлы в печи и под кроватью, так что серому мурлыке приходилось волей-неволей вылезать. Вот тогда-то трое молодых Зитаров — Ингус, Карл и Янка — учредили «союз защиты кота». Вечером, незадолго до наступления критического часа, они прятали Джима. Вначале кто-нибудь брал его к себе в кровать, но Ильза вскоре раскрыла эту уловку и позвала на помощь Альвину. Кот был отобран у детей и выгнан во двор. После этого ребята стали действовать осмотрительней. В людской у печи стояла опрокинутая квашня. Мальчики прятали Джима под квашню, после чего с большим усердием помогали Ильзе искать пропавшего кота, переворачивали в комнате все вверх дном, звали его ласковыми голосами, но хитрый Джим тихо сидел под квашней. Когда в доме все укладывались спать, Ингус освобождал кота. Со временем и этот тайник был обнаружен: однажды Джим не успел спрятать под квашню кончик хвоста, и это обстоятельство не укрылось от зоркого глаза Ильзы. Но могут ли существовать преграды, если дело идет о спасении друга! В людской на стене висел старый ящик из-под коклюшек ^[4], где Криш хранил принадлежности для починки сетей. В ящике недоставало сверху одной доски. Кот мог там отлично устроиться. Выбрав удобный момент, когда вблизи не было ни Эрнеста, ни взрослых, Ингус сажал кота в ящик, и Джим был настолько умен, что даже не мурлыкал, пока все не улягутся спать. Ночью он вылезал из ящика, прыгивал на пол и искал более удобное место для ночлега. Так, вероятно, продолжалось бы всю зиму, если бы однажды вечером Эрнест не подсмотрел в окно, как действуют заговорщики. Он сразу же поспешил к матери. «Союз защиты кота» получил строгий выговор. Ингуса, как старшего, пристыдили за озорство, а Джиму пришлось проводить ночи под открытым небом. После такого подлого предательства Ингус подрался с Эрнестом.

Так жило и подрастало семейство Зитара в отсутствие отца. Теперь он вернулся. Возможно, что-нибудь тут и изменится?

Когда закончилась навигация каботажных судов — парусников, оказалось, что немало моряков зимует на берегу. Здесь были оба зятя Андрея — Зиемелис и Калниетис, — один штурман и несколько старых матросов. В длинные зимние вечера «морские волки» ходили друг к другу, играли в карты, попивали грог, болтали. Как же иначе дотянуть до весны?

Зима долгая, жизнь на берегу скучна и монотонна — моряк тоскует. Он тоскует по кораблю, по работе, ему недостает боя склянок и привычного плеска воды за иллюминатором. А вот вспомнишь бурю или штиль, туманные океанские просторы или жизнь в чужих портах — и на душе потеплеет... Мы старые морские волки!

Жизнь, о которой они вспоминают и о которой мечтают, — суровая, полная тревог и забот. Они шли под изорванными ветром парусами, без сна и отдыха, спали на мокрых койках, грызли черствые галеты, и все же никто из них не променял бы эту тревожную жизнь ни на какие удобства на суше.

Приход Зиемелиса и Калниетиса всегда был для Ингуса настоящим праздником. В такие вечера он не заглядывал в книжки, как бы ни трудны были заданные на завтра уроки. Три капитана собрались вместе, и чтобы Ингус при этом не присутствовал! По комнате плыли сизые облака дыма, лица мужчин краснели от выпитого грога, и, играя в карты, Зитар с такой силой ударял рукой по столу, что, казалось, стол разлетится вдребезги. Чего только мальчику не доводилось слышать в эти вечера! Плавание по Северному морю, пассаты, Вест-Индия, Гольфстрим, водяной смерч в Мексиканском заливе, сумасшедший повар, бросившийся за борт в Бискайском заливе, удав, забравшийся по якорной цепи на палубу «Дзинтарса», сухой док и мост через Темзу, «блинный рейд» у Даугавгривы...

— Пап, что такое «блинный рейд»? — не утерпел Ингус.

— О, это замечательная штука, сынок. Так называют якорную стоянку на Даугаве почти у самого моря. Парусники, отправляющиеся в плавание, бросают здесь якоря и ждут попутного ветра. Иногда они вынуждены томиться неделями, особенно летом, в самый зной, или во время сильных осенних штормов. Пока суда стоят в ожидании ветра, люди ездят друг к другу в гости, пекут блины и угощаются ими.

— Это около «царских камней», — дополнил Калниетис, громко высморкав свой сизый нос.

— А что такое «царские камни»? — опять спросил мальчуган.

— Да это такие громадные гранитные глыбы, — пояснил Калниетис. — Их уложили в честь царя и его наследника, посетивших когда-то дамбу. Каждому поставлен свой камень — царю побольше, наследнику поменьше, и на них высечены их имена и даты. Когда-нибудь все сам увидишь.

Это были незабываемые вечера. Слушая рассказы моряков, Ингус чувствовал, что перед его глазами разворачивается необъятный, прекрасный мир. Когда-нибудь он все это увидит своими глазами, станет

моряком, капитаном, как отец, и пойдет на «Дзинтарсе» на юг за красивым деревом. Возможно, и к нему на судно по якорной цепи тоже заползет удав. Он убьет его. На Канарских островах он купит красивых птичек, в море будет ловить летающих рыб и бить гарпуном китов. Он привезет из плавания матери шелковый платок, Эльзе — раковины, а братьям — настоящие английские шапки и изюм. На руках он сделает такую же татуировку, как у отца. Вот это жизнь!

От безделья человек ищет себе какое-нибудь занятие, пусть даже бесполезное, но заполняющее пустоту в его жизни. В прошлый приезд домой Зитар два месяца полировал и покрывал лаком новые сани. Зато они блестели так, что приятно было посмотреть: других подобных саней не было во всей волости. На этот раз он, к великой радости ребят, решил водрузить у дома флаг-мачту, да не какой-нибудь шест, на который поднимали по праздникам флаг, а самую настоящую мачту, как на судне, — с вантами, реями и флюгером на верхушке. Для этой цели выбрали подходящую стройную сосну. Сам капитан две недели трудился с топором и скобелем в руках, пока дерево не стало круглым и гладким. Мальчики на это время забыли о шалостях и играх. Весь день, как самые добросовестные ассистенты, они не отходили от отца; стараясь помочь ему, чем только могли: подносили клинья, убирали щепки и стружку, подавали нужный инструмент, утирая варежками мокрые носы. Если случалось, что отец, прервав на день работу, отправлялся в корчму Силакрогс, мальчики ходили грустными и от скуки дрались между собой:

Устанавливали мачту вскоре после рождества. Это было торжественное событие. Все местные моряки собрались к Зитарам с самого утра, словно свинью колоть: После длинного и всестороннего обсуждения выбрали место, где должен взвиться штандарт капитана Зитара, выкопали яму и объединенными усилиями подняли мачту. Прошло несколько часов, прежде чем удалось установить ее прямо и натянуть ванты. Чтобы добраться до рей, сделали деревянные перехваты-втулки. Самый молодой из моряков, Микелис Галдынь — бойкий парень, ходивший прошлым летом матросом в плавание с Зиемелисом, — взобрался наверх и вытянулся на рее, совсем как вахтенный на салинге марса. Он продел в блок флаглинь и прикрепил к верхушке мачты флюгер в форме трехмачтового парусника. Это была весьма тонкая и ответственная работа, и производить ее можно было лишь с компасом в руке: флюгер не должен ошибаться — северу следовало находиться на севере, и остальным странам света там, где им полагалось быть по старинным астрономическим законам.

— Ветер норд-норд-вест! — крикнул Микелис Галдынь с реи.

Стоявшим внизу казалось, что он определяет не совсем точно.

— Ветер дует на деление ниже, — решил Калниетис. — Норд-вест у норда.

Зитар утверждал, что действительное направление ветра — это норд у веста, чуть ли не настоящий норд-вест — прямым курсом на Силакрогс. С этим практическим намеком все согласились.

Теперь мачта, к радости мальчиков, украшала двор Зитаров, принеся немало забот и беспокойства Альвине и старой капитанше: не успели моряки дойти до большака, как Ингус уже стоял на рее, а Карл заносил ногу на шестую ступеньку лестницы. Даже маленький Янка, забравшись на ящик, тянулся куда-то ввысь. Эрнест помчался к матери.

— Мама, мам, Ингус влез на мачту! И Янка тоже собирается.

Альвина, бросив рукоделье, выбежала во двор. Она чуть не упала в обморок, увидев Ингуса на рее.

— Сию же минуту слезай вниз! Устроили тут виселицу, чтобы мальчишки свернули себе шею! Спустишь только, спустишь, ты у меня получишь!

Ингус рассудил, что на рее он в большей безопасности, поэтому остался там выждать, пока матери надоест стоять внизу и она уйдет. Только после ее заверений, что она не накажет его розгами, он с кошачьей ловкостью спустился на землю.

— Я этого так не оставлю, — грозила Альвина. — Лестницу надо спилить, иначе здесь придется все время стоять с палкой.

Лестницу все же не спилили, и стройная мачта долгие годы возвышалась во дворе Зитаров. Случалось иногда, что на рею забирался кто-нибудь из мальчишек и мать бранилась, а Анна-Катрина плакала от страха, но этим все и кончалось.

В январе выпал обильный снег. К утру обычно дороги заносило, и детям трудно было добираться до школы. Криш запрягал лошадь, и Альвина отвозила детей.

Школа находилась за три версты, но плохая дорога, сугробы и темнота затрудняли езду, и Альвина, как правило, возвращалась не раньше чем часа через два. Торопиться было некуда, для домашних работ оставалась вторая лошадь, и продолжительное отсутствие хозяйки не должно было никого удивлять. Но дорога в школу шла лесом, мимо Силземниеков. Капитан

Зитар это знал. Остались у него в памяти и отпечатки чьих-то ног на земле под окном спальни.

Как-то утром, когда Альвина собралась везти детей, капитан заметил:

— Надо бы мне самому ехать, а то все тебе, Альвина, приходится хлопотать. А я сижу без дела.

— Ничего, мне все равно надо в лавку заехать, кое-что купить.

И Андрей больше не настаивал. Когда сани скрылись в утренней мгле, он надел полушубок, взял охотничье ружье и отправился в лес: в березнячке на болоте иногда водились тетерева. В длинных фетровых валенках, подняв воротник полушубка, Зитар брел по занесенной снегом дороге и за рекой свернул к болоту. Вскоре в подернутых дымкой предутренних сумерках показался дом лесника Силземниек. Сделав крюк, Зитар вошел в березовую рощу. Он не замечал нахохлившихся на верхушках деревьев тетеревов и, казалось, не слышал их приглушенного бормотанья. На расстоянии выстрела прямо на него выскочил ошалелый заяц, но капитан и ему позволил уйти. На другом краю рощи он остановился и закурил трубку. Здесь, за порослью молодых елок, пролегала дорога. Примерно четверть часа спустя мимо того места, где стоял Зитар, прошел молодой парень с ружьем через плечо. Но и ему, по всей видимости, было не до охоты. Он сосредоточенно и торопливо шел накатанным санным путем по направлению к школе. Капитан Зитар, положив ружье на колени, уселся на пень. Хорошая двустволочка: в одном из стволов дробь, в другом пуля, на случай если встретится зверь покрупнее, — в этих лесах можно всего ожидать.

Прошло напряженных полчаса. Вторично набив трубку, Зитар встал и похлопал себя руками по бокам: становилось холодно: Вскоре за поворотом лесной дороги послышалось фыркание лошади. Медленно двигалась подвода. В санях сидели двое — Альвина и молодой человек, который полчаса назад прошел мимо Зитара. Рассветало, и лица проезжих были ясно видны. Они, улыбаясь, о чем-то беседовали вполголоса. Лошадью правил молодой Силземниек — это был он. Ему могло быть самое большее двадцать два — двадцать три. Румянец во всю щеку, светлые усы, правильной формы нос — красивый парень, только, пожалуй, слишком молод для Альвины.

Зитар подошел поближе к придорожной канаве, и, когда сани проезжали мимо елочки, за которой он прятался, его пальцы с силой сжали ствол ружья. На мгновение он даже приподнял его повыше и прижал, было, к плечу, глаза сузились, и в них загорелись грозные огоньки, но в следующий миг все прошло. «Не время еще, — подумал он. — Не здесь и

не так надо это делать».

Выждав, когда сани скроются за березняком, капитан Зитар вышел из укрытия, отряхнул снег с одежды и перешел на противоположную сторону дороги. Он направился к взморью, подстрелил в дюнах зайца и, как и полагается заправскому охотнику, понес его домой на жаркое к ужину.

...Спустя месяц, когда в воздухе уже почувствовалось приближение весны и моряки стали считать дни, оставшиеся до ухода в море, Зитар как-то завернул в корчму Силакрогс. Он хотел пройти на чистую половину и там застать Анну одну, но в большой комнате трактира сидела молодежь, среди них капитан увидел знакомых. Заметно охмелевший Микелис Галдынь подошел к Зитару и, поздоровавшись, спросил:

— Господин капитан, вы не собираетесь вербовать команду на «Дзинтарс»? Здесь есть один парень, — он указал на себя, — который мог бы пойти к вам матросом. Если потребуется, можно и еще подобрать подходящих ребят.

Среди товарищей Микелиса Галдыня находился и молодой Силземниек. Казалось, Зитар обдумывал предложение матроса.

— Люди мне потребуются, — громко произнес он. — И я всегда предпочитаю идти в плавание с известными мне людьми. Но сейчас еще об этом говорить рано. Навигация откроется не раньше апреля.

«Дзинтарс» пользовался среди окрестных моряков хорошей славой: крепкое судно, хорошие харчи, да и капитан умеет с людьми ладить. Кое-кто из старой команды, вероятно, успел уже наняться на другие суда, один должен был в этом году призываться.

— Господин капитан, если не побрезгаете, мы пригласили бы вас за наш столик, — осмелился Микелис.

В прежние времена Зитар счел бы такое предложение непочтительным, но сегодня оно ему понравилось.

— Хоть на минуточку, господин капитан, будьте так добры...

Он оказался добрым. Поздоровавшись с братом, стоявшим за стойкой, и пообещав зайти к нему позже, капитан подсел к молодежи, не теряя своего достоинства. С Микелисом Галдынем он сразу же обо всем договорился, и тот вполне мог считать себя матросом «Дзинтарса».

— А вы, — обратился капитан к сыну лесника, — тоже хотите пойти в плавание?

Молодой Силземниек, как и все парни побережья, когда-то мечтал о кораблях и кругосветных путешествиях. Теперь, однако, он скорее готов был унаследовать должность отца и родительскую усадьбу.

— Я бы советовал всем молодым людям хоть по одному разу побыть в

плавании. Надо повидать свет и приобрести жизненный опыт, — продолжал Зитар. — Здесь, на берегу, они ежедневно видят одно и то же, а от однообразной жизни люди рано старятся. Тот не человек, кто ни разу не бывал за границей.

— Что верно, то верно, — согласился Ян Силземниек. — Здесь ничего хорошего не увидишь. Я уж давно собираюсь пуститься в путешествие, да старик все ворчит.

Несмотря на то, что было уже изрядно выпито, Ян еще кое-что соображал и недоверчиво следил за Зитаром. Но Зитар держался, как и полагается настоящему мужчине, просто, приветливо и добродушно; рассказывал о своем судне, о новых парусах, изготовленных этой зимой для «Дзинтарса», о последнем дальнем рейсе на юг и следующей очередной поездке. Прежде всего, они направятся в Англию, потом в Испанию и, вероятно, переберутся через Атлантический океан. В Вест-Индии теперь грузов достаточно. Капитану не пришлось рассказывать о привлекательных сторонах морской жизни — о них Ян знал от друзей. Он достиг совершеннолетия. Как единственный сын, не подлежал призыву на военную службу. Почему бы не отправиться в путешествие? Отец не сможет ему запретить.

— Я люблю, когда у меня в команде земляки, — утверждал Зитар. — Чувствуешь себя как дома. Всегда есть с кем поговорить.

Перспективы казались настолько заманчивыми, а жизнь на берегу так надоела, что Ян Силземниек не устоял перед искушением и попросил зачислить его в команду.

— В плавании мне еще не доводилось бывать, но с судами я знаком и мне не нужно будет начинать с азов.

Чтобы окончательно завоевать доверие парня, Зитар сделал вид, что сомневается, стоит ли связываться с «зеленым», но тут Галдынь принялся так расхваливать Яна, его способность схватывать все на лету, его прилежание, что капитан смилостивился.

— Хорошо, согласен. Через месяц-полтора мы поедем в Ригу готовить судно к отправке.

— А вы не передумаете? — опасливо спросил Ян.

— Я не бросаю слов на ветер, — с достоинством возразил Зитар. — Как сказал, так и будет.

Выпив с будущими матросами «Дзинтарса», он извинился и прошел на половину брата. Там в этот момент никого не оказалось. Улыбающиеся глаза Зитара сузились, грудь подрагивала от сдерживаемого смеха. Его охватила угрюмая радость. Когда вошла Анна, он беспечно посадил ее к

себе на колени и поцеловал. Покраснев, Анна вырвалась из объятий и привела в порядок платье.

— Что это на тебя сегодня нашло? — удивилась она. — Какой бес в тебя вселился?

— Бес... — рассмеялся он. — Да, Анна, скоро увидим и беса. Только немного обождать придется.

Встав, он хотел обнять Анну, но в кухне послышались тяжелые шаги Мартына. Капитан поспешно сел на место и вынул трубку. Анна, открыв дверцу буфета, принялась вытирать кофейник. Но Мартын зашел лишь осведомиться, не нужно ли брату что-либо привезти из города: завтра он собирается в Ригу за вином и пивом. Нет, Андрею пока ничего не надо, но если Мартын сможет, пусть он купит связку пробок: Криш скоро начнет приводить в порядок сети.

— Ты слышала? — спросил капитан невестку, когда корчмарь вышел. — Он завтра едет в город.

— Ну и что же? — удивилась Анна, дразня его кажущимся равнодушием. Но глаза ее искрились лукавым смехом.

— Ты завтра вечером оставь эту дверь открытой.

...К концу зимы Зитар стал уделять больше внимания хозяйству. Привел в порядок рыболовные снасти и ознакомил Криша с предстоящими летними работами: что и где сеять, как сделать загон для свиней и в каких местах сада поставить новые скамейки. После зимнего безделья люди оживились. Старых моряков охватила тревога ожидания. Те, кто еще мог пойти в плавание, уже давно вытащили морские мешки, укладывали чемоданы и промасливали дождевые плащи. Ингус весной кончал церковноприходскую школу и собирался отправиться вместе с отцом на «Дзинтарсе» в первое плавание, чтобы попрактиковаться перед поступлением в мореходное училище. Мальчик чувствовал себя как на крыльях и не мог дождаться дня отправки. Все окрестные мальчишки завидовали ему.

Наконец, после долгих сборов, волнений и беспокойных дней ожидания, партия моряков распростилась с домочадцами и уехала в Ригу. Вместе с Зитаром и Ингусом уехали Микелис Галдынь и Ян Силземниек. Альвина лишь в последний момент узнала, что сын лесника нанялся матросом на «Дзинтарс». Это было полной неожиданностью и горьким разочарованием для нее. Но она никак не выразила своих чувств: было бы неразумно выказывать их окружающим. Лишь спустя некоторое время, когда до ее ушей дошли догадки местных умников, что капитан, видимо, с умыслом сманил Яна Силземниека в море, чтобы дома был мир и порядок,

Альвина почувствовала себя так, словно ее обокрали.

И снова в поселке воцарилась тишина, жизнь замедлила свой ритм. Люди сеяли и косили, закидывали в море сети и коптили рыбу, а временами откуда-то из Гулля или Лиссабона приходили письма, начинавшиеся словами: «Здравствуйте, милые домочадцы! Я в настоящее время, слава богу, нахожусь в добром здравии, чего от всего сердца и вам желаю...»

Две недели спустя после Иванова дня ^[5] семья Зитаров пополнилась новым членом семьи — маленькой синеглазой девочкой. Выполняя желание отца, ее назвали Эльга-Паулина Зитар. Второе имя ей дали в честь крестной матери — жены капитана Зиемелиса, сестры Андрея.

Глава третья

1

В то утро старый боцман Кадикис, охранявший зимой «Дзинтарс», немного проспал — невероятный случай, так как всем хорошо известно, что старики спят чутко, особенно те, коим доверено трехмачтовое судно со всем такелажем. Всю зиму Кадикис бдительно охранял собственность капитана Зитара, тут не пропал ни один винтик, хотя темными осенними ночами он не раз замечал подозрительных людей вблизи судна. Все спали, один Кадикис бодрствовал. По ночам он топил камбузную печь, а старый Цезарь сторожил на палубе. Утром, когда начиналась работа на судостроительной верфи, боцман на несколько часов засыпал. После сна он коротал время за разными мелкими делами: чинил старые паруса, связывал канаты и выкачивал воду. Раза два в неделю Кадикис отправлялся на берег, в лавку за продуктами. Это была приятная, спокойная жизнь. Поблизости стояли другие суда, и их сторожа иной раз заходили к нему с бутылочкой. Завязывалась товарищеская беседа. Так незаметно проходила зима. В тот злополучный день к одному из приятелей Кадикиса пришел гость. Сторожа собрались на «Дзинтарсе» и осушили две бутылки сивухи. После полуночи, когда общество разошлось, Кадикис остался один и начал разговаривать с Цезарем по-английски. К сожалению, пес не поддержал разговора, и Кадикису пришлось демонстрировать познания в языках перед немymi стенами каюты. Скоро он заснул. На камбузном столе осталась батарея пустых бутылок.

В предрассветных сумерках к судну подошла лодка. На веслах сидел Микелис Галдынь, в лодке стояло восемь или девять мужчин, если и Ингуса считать мужчиной. Подходя к «Дзинтарсу», Микелис замедлил ход, и капитан Зитар, сложив руки рупором, крикнул:

— Ахой! Боцман, ахой!

Единственным, кто ответил капитану, был лес, который, узнав хозяина, залаял и, положив передние лапы на перила борта, стал приветливо повизгивать.

— Боцман, ахой! — повторил капитан. — Отдай фалреп!

Кадикис не появлялся.

Тогда кто-то из старых матросов «Дзинтарса» взобрался на палубу и

спустил веревочный трап. Люди поднялись на палубу, переправили наверх мешки и чемоданы, отпустили лодочника.

— Видали, как эта старая шельма охраняет судно! — возмущался Зитар. Из матросского кубрика доносился мощный храп, напоминавший шум морского прибоя. — Наверно, уже все обчистили кругом...

Капитан обследовал судно, но помещения были закрыты и на палубе каждая вещь стояла на месте. Связку ключей он нашел под подушкой боцмана. Тот что-то сердито проворчал, когда Зитар брал ключи, но так и не проснулся, продолжая выводить рулады.

— Ну, молодые люди, сложите вещи и переоденьтесь, — сказал капитан. — Сегодня пойдем в док. Пусть кок сварит кофе и примет продукты. Скоро прибудет поставщик.

Люди разместились по койкам. Штурман устроился в отдельной каюте рядом с салоном, а Ингус с морским мешком на спине последовал за отцом.

Примерно за полчаса все устроились и стали ожидать дальнейших распоряжений капитана.

— Что, Кадикис еще не проснулся? — спросил капитан, когда все собрались на палубе.

— Его теперь не добудишься ни огнем, ни водой, — заявил кок. — Спит точно убитый.

— Пусть выспится как следует, — усмехнулся капитан. — Запереть его на ключ и задраить иллюминаторы. Не выпускать из каюты до вечера и к нему никому не входить.

Такое распоряжение не пришлось повторять. Кадикиса мигом закупирили, задраив иллюминатор. В каюте стало совершенно темно,

— Что я должен делать? — спросил у отца Ингус.

— Ты? Этот старый безобразник наакался. Куда мне тебя девать? Походи пока просто так и хорошенько осмотришься. Завтра приступишь к работе.

Это было мальчику по душе. Предоставленный самому себе, он облазил все помещения, побывал в носовой части, в трюме и со всех сторон осмотрел штурвальное колесо. Компас был снят и находился в капитанской каюте. Когда команда принялась вытаскивать ручной лебедкой тяжелый морской канат, Ингус пробрался к ступенькам марса и влез на мачту. Теперь с салинга он мог беспрепятственно наблюдать за работой матросов на палубе. Вскоре появился парходик и взял судно на буксир. Матросы с помощью ручной лебедки медленно подняли облепленный илом якорь. Баркентина качнулась и тихо заскользила к выходу зимней гавани.

В это время в боцманской каюте поднялась возня. Вначале

послышались глухие шаги и ругань вполголоса, затем энергичные удары в дверь и грохот иллюминаторов.

— Открой! Кто там есть? — кричал Кадикис. — Открой дверь, а то стрелять буду!

В ответ ему донесся дружный хохот матросов.

— Потерпи, старина, еще не пришло время! — отозвался кок. — Вот выйдем в море, тогда и выпустим тебя.

— В море?! Вы с ума сошли!

— Успокойся и не ори! — продолжал кок. — Твое судно теперь в наших руках, и мы направляемся к устью Даугавы.

И, словно подтверждая это, «Дзинтарс» на повороте слегка накренился на бок. На минуту в каюте боцмана воцарилась тишина. Кадикис, вероятно, пытался представить себе, что произошло: судном, конечно, овладели пираты, и его увозят неизвестно куда. Они, видимо, находились еще в Даугаве. Может быть, на судне есть лоцман? Лоцман? Где это видано, чтобы морские пираты пользовались услугами лоцмана? Они обойдутся и без него. Далеко ли тут море!

Звериный вой донесся до самого салинга марса, где сидел Ингус. Стены кубрика грохотали с такой силой, что каждую минуту можно было ожидать появления в них бреша, в которую просунется голова разъяренного старого боцмана.

— Эй, ты там! — крикнул кок. — Если не успокоишься, придется бросить тебя на съедение рыбам.

Эта угроза возымела действие: Кадикис стих. Тем временем судно вошло в док, и его стали поднимать на стапели. Ингусу надоело сидеть на салинге, и он спустился на палубу. У дверей боцманской каюты стоял Цезарь и лаем отвечал на проклятия Кадикиса. Никто уже не обращал на них внимания. Прошло еще несколько часов, прежде чем судно укрепили на стапелях, и только тогда капитан отпустил людей пообедать. Но до этого следовало освободить незадачливого боцмана.

Зитар что-то шепнул штурману, и оба улыбнулись, затем Зитар удалился к себе в каюту, а штурман громко распорядился окружить каюту боцмана.

— Винтовки у всех заряжены? — крикнул штурман. — Взвести курки! Вы двое возьмите топоры и станьте к дверям! Если он вздумает бежать, стреляйте! А теперь внимание, я выпускаю его.

Штурман, молодой человек, недавно окончивший училище, рад был случаю поребачиться, как в недавние школьные годы. Он повернул ключ и, распахнув двери каюты, сердито крикнул:

— Выходи!

Кадикис с опаской подошел к двери, осмотрелся кругом, ожидая, по всей вероятности, увидеть направленные на него дула винтовок и поднятые над головой топоры. Его опасения оказались преувеличенными. Перед ним стояла совершенно безоружная кучка моряков.

— Выходи, выходи! Чего канителишься? — крикнул штурман. — Ведите его к капитану!

Четыре матроса окружили Кадикиса и, не давая ему прийти в себя, повели на кватер.

— Ну, теперь держись, — пригрозил ему кто-то. — У нас капитан строгий, он тебя так встретит, что не обрадуешься.

— Капитан! — вскипел старый моряк. — Хорош капитан, который уводит чужие суда. Такой же, видать, пират, как и вы. Тьфу!

— Ты так полагаешь, Кадикис? — и перед взором изумленного боцмана появился капитан Зитар. — Так вот как ты охраняешь судно? Тут тебе хоть оркестр играй и из пушек пали, а ты и ухом не ведешь? Из носового помещения все вынесено, паруса похищены, и на всем судне не осталось ни одного конца, чтобы пришвартоваться. Что ты по этому поводу скажешь?

Что он мог сказать? Опустив глаза, он беззвучно открывал рот, словно рыба на суше, затем, сгорбившись, совсем убитый, прошептал:

— Видно, мне теперь остается только петлю на шею.

— Об этом поговорим потом. Да и остался ли еще на судне какой-нибудь обрывок, из которого можно петлю сделать. Расскажи, как все было.

— Не знаю, господин капитан... Ни одну ночь не ложился. А вчера к Калныню на «Бритту» приехал сосед. Ну, а потом они зашли на «Дзинтарс»... — вдруг краска ударила боцману в лицо. Задыхаясь от бешенства, он грозно потрясал кулаками, а его робкий шепот перешел в свирепые выкрики: — Виноват Калнынь! Эта гадина получит свое. Живым он от меня не уйдет, хоть бы мне из-за этого пришлось пойти на каторгу! — это словоизвержение сопровождалось целым потоком изысканнейших ругательств, произносимых на всех языках мира. Когда Кадикис начинал изъясняться на иностранных языках, это значило, что он или пьян, или чрезвычайно обозлен. На родном языке он никогда не мог так полно выразить сокровенные чувства. — Пусть только он еще попробует сунуться на «Дзинтарс», я ему ноги переломлю! Сакраменто, сатана пергеле, гоу ту хэлл...

В продолжение этого монолога Зитар с трудом сохранял серьезный вид. Отвернувшись, чтобы Кадикис не заметил выражения его лица,

капитан произнес:

— На этот раз я тебя, так и быть, прощу, но при одном условии.

Кадикис всем существом изобразил высшую степень внимания.

— Видишь, в чем дело! С нами на этот раз в плавание идет юнгой пятнадцатилетний лоботряс. Ты должен сделать из него моряка. Он большой бездельник и распущен, как теленок, но если думаешь еще оставаться на «Дзинтарсе», ты должен сделать из него человека. Знаешь, как в старое время.

Лицо Кадикиса озарилось улыбкой, фигура молодежато приосанилась, и, ударяя себя кулаком в грудь, старый морской волк сказал:

— Давайте его сюда, господин капитан, и он завтра же будет ходить у меня по струнке. О, я с такими птенчиками всегда умел справляться. Старую судовую «кошку» еще не успели расщипать на паклю для законопачивания щелей. Если потребуется, я ему каждое утро такую баню буду задавать, что он у меня в два прыжка взлетит на марса-рею, а в шторм уберет топ-паруса и передние кливера. Давайте мне его сюда живеЙ...

— Ингус, поди сюда! — позвал капитан, приоткрыв дверь каюты. Мальчик вышел. — Вот это боцман Кадикис. С этого дня он будет поручать тебе работу, а ты ее будешь беспрекословно выполнять. Боцман, вот это и есть парень, о котором я говорил.

Кадикис понимающе кивнул головой.

— Олрайт! Йонгстер, как ты стоишь перед капитаном? Руки из карманов вынуть! Так. И не смеяться, когда с тобой говорит начальство! Я тебя отучу от этого, хотя бы мне пришлось каждую неделю сплетать новую «кошку».

В своем усердии он готов был немедленно приступить к муштровке. Ингус с удивлением смотрел на свирепого старика, затем вопросительно повернулся к отцу. Капитан удовлетворенно улыбнулся.

— Все в порядке, Кадикис. Я вижу, ты с честью исполнишь возложенное на тебя поручение. Это тем более приятно, что парень — мой сын. Что с тобой, боцман? Тебе нехорошо? Ах, я и забыл совсем, что ты сегодня еще не завтракал, а сейчас уже половина четвертого. Иди закуси, Кадикис. Он начнет службу с завтрашнего дня.

Сказав это, капитан ушел в каюту. Смущенный Ингус последовал за ним. А Кадикис, почесывая затылок и непрерывно сплевывая, бормотал вполголоса ругательства:

— Вот так история! Вот попал впросак! И кто его знал? Ах, дьявол побери, как я опростоволосился!

Он осмелился угрожать «кошками» сыну капитана!

В эту ночь Ингус ночевал в каюте отца. Утром, в половине шестого, когда штурман будил матросов; капитан разбудил Ингуса.

— Ну, шевелись, шевелись побыстрее. Нечего нежиться. Вот твоя роба.

Ингус не привык так рано вставать, в утренние часы одолевает самый сладкий сон, но сознание, что он теперь на судне и должен выполнять обязанности матроса, о чем он давно мечтал, как рукой сняло сон. Он быстро оделся и приготовился следовать за отцом. Капитан придирчиво осмотрел сына с головы до ног, велел застегнуть блузу и сказал:

— Теперь запомни вот что: с сегодняшнего дня ты юнга на «Дзинтарсе» и должен выполнять все свои обязанности наравне с матросами. Отныне ты не сын капитана, а рядовой член команды, причем самый молодой. Поэтому ты обязан подчиняться тем, кто старше тебя, а особенно прислушиваться ко всему, что скажут боцман и штурман. Если будешь усердным и старательным, никто тебя не обидит. Но если вздумаешь лениться и жаловаться, тогда тебя ждет не сладкая жизнь. Я тоже начинал с самого малого, и тебе нужно пройти эту школу, если хочешь стать настоящим моряком и самостоятельно водить суда. Понимаешь, чего я хочу от тебя?

— Да, папа. Я должен научиться всему, что требуется от моряка.

— Верно. Теперь собирай вещи и пойдём в матросский кубрик...

Ингус вскинул на плечо морской мешок и пошел за отцом. Навстречу им из кубрика вышли матросы, направляясь на вахту. Все они, поздоровавшись с капитаном, с любопытством поглядывали на Ингуса. Зитар открыл дверь кубрика и окинул взглядом койки.

— Положи мешок вон в ту свободную койку наверху. В обед попроси у штурмана матрац. А теперь пусть боцман укажет тебе твои обязанности. Кадикис, вот тебе еще один матрос.

— Хорошо, господин капитан.

— Ты его не балуй. Если на палубе нечего делать, пусть идет помогать коку.

Поговорив со штурманом о наиболее неотложных работах на сегодня, Зитар ушел. Ингус остался на палубе.

— Что мне делать? — спросил он у боцмана, который смешивал краски в горшке.

— Возьми метлу и подмети палубу. Только как следует мети, а не то

капитан ругать будет. Но прежде всего пойдём, я покажу тебе, где что находится: И намотай все это себе на ус, чтобы не пришлось повторять.

Десять минут он показывал Ингусу устройство судна, рассказывал о назначении важнейших его частей, знакомил мальчика с их названиями. И, пока матросы на носу готовили паклю, чтобы конопатить судно, а столяр чинил руль у шлюпки, Ингус подметал палубу. Эта работа пришлась ему не по вкусу, но что поделаешь, если ничего более интересного еще не доверяют. После этого Кадикис велел ему сложить кругами толстый канат. Затем он дал подержать конец, который сплетал с другим. И посоветовал не только держать, но и присматриваться, как плести и соединять два конца в гладкое прочное сплетение. Кадикис даже позволил ему самому немножко поплести, потому что, глядя со стороны, делу не научишься. Это уже была настоящая работа, и, когда Ингусу наконец удалось усвоить нужные приемы, он даже покраснел от гордости.

Незаметно подошло время обеда. Капитан время от времени выходил на палубу, чтобы проверить, как идут дела, и всякий раз при этом Кадикис повышал голос:

— Не так! Я же тебе показывал, как надо...

Когда Зитар уходил, боцман становился приветливее и даже называл Ингуса сынком.

На обед был гороховый суп со шпиком. Ингусу показалось, что он еще никогда в жизни не ел такого вкусного варева. Съев две тарелки, он, следуя примеру матросов, лег на койку отдохнуть. Руки у моряков были в коричневых пятнах: перед тем как конопатить судно паклей, ее окунали в смолу. Под Ингусом на нижней койке лежал Микелис Галдынь.

— Кто вымоет посуду и уберет кубрик? — спросил он.

— Это обязанность юнги, — проворчал один из матросов.

— Гм... да, — ответил в таком же тоне Микелис. — Обычно оно так и бывает, но...

Ингус понял, что кроется под этим «но». Посуду должен мыть он, а матросы хотят сделать исключение сыну капитана. Этого еще недоставало! Чтобы потом ворчал отец? Нет, он не какой-нибудь неженка и не допустит, чтобы его кто-то обслуживал.

— Есть в камбузе горячая вода? — спросил он, спрыгнув с койки.

— Узнай у кока.

Камбуз находился рядом с матросским кубриком, их разделяла только стена; в ней было прорублено маленькое окно для раздачи пищи.

— Отдыхай, я потом вымою сам, — ответил кок. — А ты подмети пока палубу, заправь лампы.

Кок Робис был приятный двадцатилетний юноша, невысокого роста, с румянцем во всю щеку. За ним укрепилась слава озорника. С первого же дня он стал разыгрывать штурмана, хотя тот был его хорошим знакомым и другом брата. Из камбуза всегда доносилось пение, даже в момент самого жестокого шторма Робиса не покидало жизнерадостное настроение.

Все вокруг темно и жутко,
Только там, где гаснут зори,
Луч звезды блестит несмело
Среди сумрака и горя.

Он словно бросал вызов бушующей стихии и весело гремел котлами и сковородками. Ингус скоро подружился с ним. Особенно окрепли узы их дружбы после того, как Робис привел друга в кладовую и позволил ему набить карманы изюмом и черносливом.

После обеда все разошлись. Матросы, спустившись в док, соскабливали приставшие к днищу водоросли и ракушки, облепившие его толстым слоем. Боцман красил паруса, а Ингусу с Яном Силземниекком пришлось драить медную обшивку иллюминаторов и дверные ручки. Капитан с утра отправился в город договариваться с торговым агентом о грузах для предстоящего рейса. Вернувшись, он сообщил команде, что «Дзинтарс» идет в Кардифф, в Англию, затем в Испанию. Сердце Ингуса радостно забило: Испания, апельсины, бой быков! Все это он увидит собственными глазами!

Вечером, поужинав с матросами и убрав в кубрике, Ингус помылся, переоделся и отправился к отцу на кватер.

Капитан что-то записывал в судовой журнал. При появлении Ингуса он поднял голову и удивленно взглянул на сына:

— Что случилось?

— Ничего. Я просто пришел к тебе.

— Что тебе нужно? — в голосе отца появились резкие нотки, он звучал почти сердито.

— Ничего. Я только так.

— Так? — Зитар поднялся. — Если ничего не нужно, зачем пришел? Юнге нечего делать в каюте капитана. Марш отсюда! Отправляйся в кубрик и не лезь, куда не полагается! Ну, чего ждешь? Не вздумай распускать нюни — немедленно отправлю домой!

Ингус поспешил убраться из каюты. Он совсем не ожидал, что отец

так сразу отгородится от него, точно совсем посторонний. Обиженный до глубины души, Ингус взобрался на мачту и целый час просидел на салинге. Он чувствовал себя на судне отца чужим, сиротой. И нет ни одной родной души, кому бы можно было пожаловаться... Незавидна участь молодого моряка. Перевесившись через край салинга, он смотрел на Даугаву; там сновали буксиры с баржами, и вдали на горизонте виднелся дым уходящих в море пароходов. И ведь везде такие же люди, как здесь, на «Дзинтарсе», — все одиноки, живут среди чужих, делают то, что им приказывают, и, однако, не вешают головы. Кок в камбузе с ожесточением драит котлы и что-то насвистывает. Из матросского кубрика доносятся звуки гармоники. Почему же он должен тосковать?

Нет, размазне нечего ходить в море: кто хочет посмотреть свет, тот должен высоко держать голову. Все совсем не так страшно, как кажется.

Ингус спустился на палубу и вошел в кубрик. Чувство приятной теплоты охватило его. Товарищи так интересно умели рассказывать, спорить, поддразнивать друг друга; пестрой вереницей разворачивались веселые похождения. Здесь отлично пахло дегтем, и нигде в мире не было такого свежего воздуха! Мальчик ощутил прилив радости: он находится на судне! Лишь поздно вечером, перед сном, вспомнив о доме, Ингус представил себе мать, Эльзу, братьев и немного взгрустнул. Как-то они теперь живут, в то время как он странствует по свету? Все-таки это было непростительной жестокостью с его стороны, но что поделаешь... Тоска сжала сердце мальчика. Но Ингус не заплакал. Наутро все грустные мысли были забыты.

3

Неделю спустя «Дзинтарс» вышел из дока, готовый к плаванию. Буксир повел его в Милгравис ^[6], где судно приняло груз шпал и досок. В порту еще было мало судов — навигация только началась, и в Рижском заливе местами встречались льдины. Ингус с нетерпением ожидал дня выхода в море.

Накануне отправки он написал письмо домой. Перечитывая его, он удивился тому, какой сердечностью оно проникнуто. По возвращении из плавания ему и в голову не придет сказать Эрнесту или Карлу «милый братец». Он просто назовет их по имени. Странно, как разлука меняет чувства человека.

С товарищами он ладил. Вначале матросы чувствовали некоторую

неловкость: как бы там ни было, а все же хозяйский сын. Но, познакомившись с Ингусом поближе, они убедились, что тот не собирается злоупотреблять родственными отношениями с судовладельцем, и сдержанность их исчезла. Мало приятного, если в кубрике находится человек, который все до последнего слова передает капитану: нельзя свободно поругать начальство, пожаловаться на питание или высказать недовольство порядками; если на душе у тебя какая-либо обида, ты должен носить ее в себе или тайком шептаться с приятелем. Это не жизнь! Но Ингуса не приходилось остерегаться. Он не ходил в капитанскую каюту, да и на палубе старался не попадаться отцу на глаза. Если случалось, что кок вместо мяса подавал к ужину салаку с картофелем, Ингус первый принимался ворчать и возмущаться скупостью «старика», хотя капитан Зитар меньше всего заслуживал такого упрека — это мог подтвердить сам кок. На «Дзинтарсе» никогда не скупились на питание, ибо капитан понимал: хочешь, чтобы люди работали в полную мощь, корми их досыта. Виновный вскоре отыскался — это был штурман. Вероятно, желая угодить судовладельцу, он частенько стал навещать камбуз, давая коку указания и советы. Впрочем, Робис без особого труда отучил его от этого: он безропотно выполнял указания штурмана и кормил такими обедами всю команду, в том числе самого штурмана и капитана. Если штурман запрещал готовить к ужину мясо, Робис жарил салаку и подавал ее также и к столу начальства. Если кок получал указание убавить порцию молотого мяса, то в тарелках штурмана и капитана его оказывалось не больше двух ложек. Вполне понятно, что рабочему человеку такой порции не хватало. В этом вскоре убедился и сам штурман. В конце концов, Зитар заинтересовался, что за аптеку собирается кок устроить на «Дзинтарсе». Тот рассказал ему о посещениях штурмана и его советах. Капитан, вызвав ретивого советчика, сделал ему соответствующее внушение, и на этом чрезмерное рвение штурмана кончилось.

В первую субботу мая «Дзинтарс» поднял якорь, и Ингус наконец увидел натянутыми многочисленными паруса. На этот раз им не пришлось останавливаться возле «царских камней». На «блинном рейде» ветра было достаточно — дул умеренный зюйд-ост. К заходу солнца судно уже находилось далеко от берега. Слегка наклонив правый борт, белый парусник мчался на северо-запад, навстречу туманным морским далям.

Микелис Галдынь стоял у руля в смене капитана. Вторым был Ян Силземниек, которому еще предстояло научиться управлять рулем, третьим оказался эстонец Томсон. Ингус, как юнга, не был причислен к определенной смене. Вместе с боцманом, плотником и коком он считался в

первой смене, вставал по утрам в определенное время и вечером кончал работу в один и тот же час.

На следующий день около полудня «Дзинтарс» миновал мыс Колка. И сразу море стало другим: ветер стал резче, появились большие волны, хотя о шторме еще не могло быть и речи. Судно направлялось через Балтийское море на Борнхольм. Дул встречный ветер, так что приходилось все время менять галсы. Здесь молодые моряки, Ингус и Ян Силземниек, впервые узнали, что такое морская болезнь. Это, как известно, малоприятная вещь, и среди моряков ее считают позорным явлением. Ну, на что это похоже, если молодой, здоровый парень начинает качаться, словно пьяный, не выпив при этом ни рюмки. Самочувствие такое, что впору умереть, есть ничего не хочется, пропадает всякий интерес к жизни и ее красотам.

Трое суток Ингус ходил бледный, ничего не ел, постоянно отплевывался, думая о том, как было бы хорошо сейчас дома кататься на старой лодке и играть с братьями. Он завидовал им и не мог понять, где у него был ум, когда он выбирал профессию моряка. Чем плохо, например, быть лавочником: стой себе за прилавком да отвешивай хлеб или сахар. Ни дождем тебя не мочит, ни на ветру ты не дрожишь. Даже сапожник или портной и то счастливей Ингуса, хотя и обречены весь век просидеть в комнате.

Разочарование Яна Силземниека было не меньшим. Больше того: он лишился таких жизненных удобств, о которых Ингус еще и понятия не имел. Сын зажиточного хозяина, он сейчас разгуливал бы по лесу с ружьем за плечами, постреливал птиц или сидел в корчме за стаканом пива, а тихими вечерами ходил бы за реку в гости к одинокой женщине по имени Альвина. Все было привычно, приятно и вполне прилично. А сейчас... Какая бы ни была погода, вставай среди ночи, иди становись к рулю, качай воду и бегай от одного паруса к другому, когда капитан приказывает подтянуть их покрепче. Чуть что не так, он зарычит на тебя, как лев, и всякий паршивец зубоскалит по твоему адресу. Какой толк во всех этих чужих странах, неграх и индейцах, огнедышащих вулканах и сахарном тростнике, если ты сейчас ходишь заморышем, с пустым желудком и непрерывным ощущением тошноты. И на всем судне ни одной шустрой девушки, только мужчины.

То были мрачные дни. Но ничто не вечно под луной, все проходит, и в конце недели к обоим больным вернулся аппетит, понемногу прошла тошнота. Ингус уже перестал завидовать лавочнику и сапожнику, а к Яну Силземниеку вернулась его прежняя уверенность и мужская самонадеянность. Неужели только и свету в окошке что дома? Разве в

Англии и Португалии нет вина, пива или женщины там хуже, чем...

Убедившись, что теперь он опять полноценный матрос, Ян Силземниек решил, что он достаточно слушал болтовню бывалых матросов о кутежах, о победах над женщинами легкого поведения. Настало время и ему изумить их своими похождениями. Он видел, с каким уважением здесь относятся к капитану Зитару, как подчиняются ему и исполняют его приказания. Но если бы они знали, если бы они только знали...

Неудобно было затевать об этом разговор. С чего начать, да и поверят ли? У Яна давно чесался язык. Микелис Галдынь кое-что знал, но у него был свой взгляд на подобные вещи: об этом не принято говорить, тем более что Зитар неплохой человек. Но как тут промолчишь, когда все кругом хвастают и отливают такие пули, что уши вянут? Еще подумают, что Ян ничего в жизни не испытал. Стремление прослыть донжуаном было так сильно и сама слава донжуана казалась такой соблазнительной, что Ян не в силах был молчать.

Случилось это вечером, когда они находились в Зунде, перед входом в Каттегат. Ингус мыл в камбузе посуду, а Робис понес капитану ужин. Окно из кубрика в камбуз оставалось открытым. Ян слышал за стеной звон ложек и тарелок, но решил, что там находится кок, и поэтому говорил без стеснения:

— Вот у меня так действительно был номер с одной мадамой. Муж ее годами не показывался домой, а она молодая, в самом соку. Я было хотел отвертеться, куда там! Как муха к меду липнет. Подумал я, подумал, да и решил: ну что тут особенного? Почему не оказать человеку услугу? Начал я ходить к ней. В комнату влезал через окно. Так продолжалось больше года. Вдруг однажды вечером, только я пришел к ней, слышу — шаги в саду. «Альвина, кажется, там кто-то ходит...» — говорю я ей. «Чего ты: испугался? Это, наверно, собака. Ты становишься трусливым». Я ничего не ответил, но на душе беспокойно. Вдруг слышу стук в дверь. Меня словно пружиной к окну подбросило, выскочил и давай бог ноги. И знаете, кто это был? Хозяин неожиданно вернулся домой.

— Ну, а как же с Альвиной? — спросил кто-то.

— Что ей сделается! Муж и по сей день не догадывается.

— А ты после того бывал у нее?

— Нет, мы встречались вне дома.

В этот момент в дверь постучал вахтенный.

Нужно было выходить на вахту. Ян поднялся, накинул плащ и пошел вслед за товарищами.

Ингус кончил мыть в камбузе посуду. Он вышел и сел на носу возле

якоря. Разные мысли роем кружились в голове. Мальчика мучили стыд и злость. Он был не настолько мал, чтобы не уяснить себе истинного значения слов Яна, но не мог понять, как такое могло происходить у них в доме. Мать... Ему было стыдно даже подумать об этом. Мучил стыд и за отца, который ни о чем не догадывался и которого его же команда оговаривала.

— Эй, Ингус, ты чего там впередсмотрящим торчишь?! — крикнул Силземниек, незаметно подойдя к нему.

Ингус посмотрел ему в глаза, увидел его красивое, улыбающееся лицо, и вдруг мальчика охватили злость и отвращение, захотелось дать Яну пощечину. Но он сдержался, досадливо стряхнул с плеча его руку и удалился.

— Вот чудак какой... — Ян проводил его удивленным взглядом.

С тех пор Ингус всячески избегал смотреть Яну в глаза. Если тот обращался к нему с вопросом, Ингус отвечал резко и никогда не вступал с ним в разговоры.

На следующее утро «Дзинтарс», миновав мыс Скаген, вошел в Северное море. Обоих молодых моряков, по морскому обычаю, подвергли обряду «крещения»: бросали в чан с водой, кропили смолой и брили деревянной бритвой. Роль Нептуна исполнял старый Кадикис. Когда Ингус с Яном были приняты в семью моряков, уплатив соответствующую дань, кто-то из матросов насмешливо заметил Яну, щеки которого были вымазаны смолой:

— Если бы твоя Альвина увидела тебя сейчас, вряд ли впустила такое пугало в окно.

Кое-кто засмеялся, Ян смущенно уставился в землю, а капитан Зитар, стоявший неподалеку и наблюдавший за церемонией «крещения», медленно повернулся и направился в свою каюту.

— Ах вот ты какой! — задыхаясь, шептал он, склонившись над столом. — Тебе недостаточно того, что было, ты еще бахвалишься... болтаешь всем о своих похождениях! Ну хорошо же...

В конце мая «Дзинтарс» прибыл в Кардифф. Путешествие длилось три недели — срок вполне удовлетворительный для парусника. В Ла-Манше Ингус увидел много всяких судов. На их пути встречалось бесчисленное количество парусников и пароходов. Вдали дымил большой трехтрубный

трансатлантический пароход. Пятимачтовое парусное судно, словно белоснежный дворец, гордо скользило среди суетливо снующих рыболовных катеров. Серые, похожие на крепости боевые корабли пересекали водный путь судна, маленькие лоцманские суденышки с парусом на единственной мачте выходили в открытое море встречать пароходы и парусники, чтобы провести их в порт.

Нет, теперь Ингус не жалел, что стал моряком.

Их ожидал серый, запорошенный угольной пылью порт. Над городом нависли темные грязные облака. Грохотали лебедки в доках, в судовые люки вагон за вагоном сыпался уголь; все вокруг гудело, звенело, двигалось. На берегу перекликались черные люди, шагали грузчики, завывали пароходные сирены. А за городом, у самого входа в порт, на темных скалистых холмах зеленел кустарник.

«Дзинтарс» стал в док где-то в глухом месте у лесного двора. В тот же день приступили к разгрузке. Паруса во время рейса не пострадали, поэтому матросам не пришлось чинить их. Вечером капитан выплатил каждому по фунту стерлингов. Матросы помылись, побрились, переменили белье и, надев выходные костюмы, сошли на берег. На судне остались только капитан, старый Кадикис, кок и Ингус — ему отец не разрешил пойти.

— Ты еще слишком молод ходить по кабакам.

По кабакам... Неужели в Кардиффе, кроме кабаков, нет ничего? А кино, разные матросские лавочки, а торговцы фруктами? Ведь здесь по баснословно низкой цене можно купить апельсины, бананы и кокосовые орехи, какие ел когда-то Робинзон Крузо. Ингус считал, что отец поступил с ним бессердечно. Сам он устроился неплохо: в каюте то и дело хлопают пробки; он пьет вино с портовыми чиновниками и разговаривает по-английски.

Немного спустя Ингус, увидев, что кок стирает белье, решил последовать его примеру. Так незаметнее проходило время, и некогда было раздумывать о запретных береговых радостях. Но в полночь вернулись сильно подгулявшие матросы, шумные, болтливые, и Ингус совсем лишился покоя. Забравшись в койку и отвернувшись лицом к стене, он жадно вслушивался в разговоры товарищей. За один только вечер, проведенный на английском берегу, они перевидали больше, чем Ингус за всю свою жизнь.

На следующий день, когда команда пообедала, Робис, просунув голову в окошечко, сказал:

— Ингус, сходи к капитану. Он велел тебя позвать.

Ингус вытер рукавом рот и поспешил к отцу.

— Ты звал меня?

Капитан внимательно оглядел сына с головы до ног, подошел поближе и впервые за все время плавания улыбнулся ему:

— Да, сын. Я сейчас иду на берег. Не хочешь ли пойти со мной посмотреть город?

Тяжелая рука отца ласково опустилась на плечо сына. Ингуса внезапно охватило какое-то странное чувство. То, что сказал отец, было очень хорошо и приятно, а к горлу почему-то подступил комок и хотелось заплакать. Обида на отца вдруг исчезла, и Ингус стыдился теперь своих мыслей.

— Поди как следует умойся и надень синий костюм, — продолжал отец. — И скажи боцману, что у тебя сегодня свободный день.

Через полчаса они уже находились на берегу. Радости Ингуса не было границ, но самое интересное, что все остальные — старый Кадикис, Робис, матросы — тоже разделяли его радость. Все были довольны, что капитан взял Ингуса с собой в город.

Удивительное ощущение испытывает человек, впервые вступающий на чужую землю. «Я нахожусь за границей, — думал Ингус, — хожу по земле Англии, и все люди, идущие мне навстречу, англичане». Ему не верилось, что это действительность, а не сон. И несмотря на то, что в Кардиффе не было ничего особенного — узкие улицы, двух- и трехэтажные дома, кругом красный кирпич и огромного роста полицейские, — мальчику казалось, что он находится на какой-то другой планете.

Отец повел его на Пенни-базар, где любая вещь стоила пенни, купил кулек апельсинов, два кокосовых ореха. Затем они завернули в одну из галантерейных лавок, и отец выбрал Ингусу новую жокейку и шелковый зеленый в синюю клетку платок, чтобы повязывать на шею вместо галстука, что и было сделано незамедлительно, ибо каждый прохожий должен знать, что Ингус — моряк с «Дзинтарса». Вдоволь нагулявшись по городу и осмотрев его достопримечательности, они наконец зашли в кино, где Ингус впервые увидел «туманные картины».

Когда молодой моряк вернулся на судно, команда уже поужинала. Впечатления дня были настолько сильны, что Ингус не знал, с чего начинать рассказ. И хотя его товарищам все это было давно известно, они слушали Ингуса с таким интересом, словно разговор шел о новинках. Робис даже оказался настолько любезным, что помогал другу наводящими вопросами и существенными замечаниями.

Несколькими днями позже произошло новое замечательное событие,

имевшее неожиданные последствия. Как-то вечером Ян Силземниек и Микелис Галдынь возвратились с берега со свежими татуировками на руках и груди. Это были прекрасные многокрасочные рисунки: сердца, змеи, флаги и суда. Ингус издавна мечтал иметь на руке изображение штурвального колеса, полярной звезды или хотя бы маленького якоря. Все моряки их побережья щеголяли такой татуировкой, и все мальчишки бесконечно завидовали им. Но там никто не умел татуировать. Если кто-либо и пытался колоть себя простой иглой, смоченной тушью, то получалось бледное подобие татуировки, неловко было даже показывать ее. Здесь же находился мастер, художник своего дела.

— Робис, у тебя есть татуировка? — поинтересовался Ингус у кока.

— Есть одна на правом плече.

Закатав рукав рубашки, Робис показал татуировку. Ему сделали ее в Копенгагене, и стоило это две кроны.

— А здесь ты не собираешься что-нибудь наколоть? — спросил Ингус.

— Я еще подумаю. Как-нибудь вечером надо будет сходить поинтересоваться.

— Знаешь что... возьми меня с собой.

— А отец разрешит?

— А мы ему ничего не скажем.

У Ингуса еще оставалось четыре шиллинга из тех, что отец дал ему в тот день, когда они ходили на берег. За четыре шиллинга можно было сделать две хорошие татуировки. Не мешало бы купить и апельсинов, но с этим можно обождать: что значат апельсины в сравнении с татуировкой!

Однажды вечером, воспользовавшись отсутствием капитана, друзья принарядились и отправились в город. Робис узнал адрес у Микелиса Галдыня, и им сравнительно легко удалось найти нужное заведение. Витрина мастера была заставлена образцами. Даже Робис не рассчитывал встретить здесь такой богатый выбор. Почти полчаса листали они альбом в поисках подходящего образца: дело ведь не шуточное, татуировку делают на всю жизнь, поэтому очень важно, чтобы тело было разрисовано не каким-нибудь незначительным пустяком. В конце концов, Ингус выбрал два образца стоимостью два шиллинга каждый и сел за стол. На правом его предплечье вскоре появился великолепный спасательный круг с четырехмачтовым парусником. На второй руке распустилась стройная пальма, вокруг ствола ее обвивался удав, а из-за пышной кроны выглядывал турецкий полумесяц и одна звезда. Робис велел наколоть себе на левую руку фигуру голой женщины и имя «Алма» — так звали девушку, которой он писал письма. Теперь Ингус почувствовал себя настоящим

морьяком. Возвратившись на судно, он закатал рукав сорочки и лег на койку, закинув руки за голову. Все сразу обратили внимание на татуировку и по очереди осматривали руки Ингуса, отдавая должное мастерству татуировщика. Судовой плотник одобрил выбор юнги и сказал, что рисунки будут долгие годы украшать его, только лучше спустить рукава сорочки, ибо неизвестно, как к этому отнесется капитан.

Да, отец... Помнится, он как-то, говоря о своей татуировке, не совсем лестно отозвался об этом заблуждении молодости и жалел, что дал разрисовать себя: оказывается, в порядочном обществе считается неприличным, если на руке заметят зеленый якорь и тому подобное. Это обычай дикарей — разрисовывать тело.

Ингус нехотя спустил рукава. Татуировка принесла много неудобств, при мытье посуды обшлага становились мокрыми. И какой смысл иметь татуировку, если ее никто не видит? Целую неделю он прятал от отца злополучное украшение. Но однажды вечером, когда Ингус мылся на палубе, вернулся с берега отец. Он получил письма из дому, одно из них было адресовано Ингусу. Возможно, что это произошло случайно, а возможно, капитана и предупредили, только он, поднявшись на палубу, остановился около Ингуса — тот как раз мыл шею и уши.

— Ты, Ингус, как будто уже не маленький, — насмешливо проговорил он. — Ну скажи, кто же моется, не засучив рукава? Смотри, обшлага намокли чуть не до локтя. Сейчас же закатай рукава!

Тон, которым это было сказано, не допускал возражений. Ингус расстегнул пуговицы обшлагов и поднял их на вершок, считая, что этого будет достаточно, но отец не унимался:

— Выше, парень, до самых локтей! Ну, ну, не канителься!

— У меня мокрые руки, боюсь замочить рубашку.

— Она у тебя и без того мокрая.

Ингус, вспыхнув, засучил рукава, и все разом открылось. С татуировки слезала третья кожа, и именно в этой стадии рисунок был особенно ярким и выпуклым, словно пестрый цветок.

— Так вот оно что! — покачал головой отец. — Теперь понятно, почему ты закрывал руки.

Схватив двумя пальцами сына за ухо, капитан слегка потрепал его.

— погоди, голубчик, мы с тобой еще поговорим на эту тему, — произнес он и ушел, оставив сына в самом мрачном настроении.

У входа в каюту он еще раз обернулся и, погрозив Ингусу пальцем, спустился по трапу. Но как только Зитар очутился один, морщины на его лбу разгладились, и он тихо усмехнулся: «Мальчишка обещает быть»

настоящим мужчиной. Своенравный, настойчивый. Разве я был иным?..»

Все время, пока «Дзинтарс» в Кардиффе выгружал лес и получал новый груз, Ингус ждал объяснения с отцом. Но оно не состоялось. Капитан Зитар забыл, видимо, об угрозах, а может быть, его отвлекли более серьезные дела.

Из Кардиффа «Дзинтарс» с грузом угля направился в северную Испанию, в Бильбао. В Бристольском заливе пошел дождь и лил всю неделю, сопутствуя судну до Ла-Манша. Ночи стояли темные, непроглядно мрачные. Намокшие паруса тяжело хлопали под порывами ветра. Рулевой не в состоянии был даже разглядеть бизань-мачту и, несмотря на непромокаемые сапоги и парусиновую одежду, промокал до нитки. Из Атлантики к берегу катились такие гигантские волны, что «Дзинтарс», нырнув между ними, скрывался из виду со всеми мачтами. Ветер все усиливался. В Бискайском заливе их встретил один из тех штормов, которые опасны даже для самых больших пароходов. Начиная с первых же дней пути, у Яна Силземниека возобновились приступы морской болезни. На этот раз она проявилась в более тяжелой форме. Вероятно, здесь действовало и самовнушение: вспоминая недавние страдания в Балтийском море, парень со страхом смотрел на океанские просторы, и первая незначительная качка вызвала тошноту; это и определило все дальнейшее. Стоило лишь начаться шторму, как Ян терял аппетит, ходил бледный, отплевывался и часто куда-то исчезал. Жалкий, тощий, он почти ничего не ел, чувствовал, что теряет с каждым днем силы, и если еще кое-как ходил и поднимал ручку насоса, то делал это насильно — было стыдно товарищей.

Капитан Зитар внимательно присматривался к состоянию Силземниека. Оно не удивляло Зитара, но не вызывало и его сочувствия. Вообще за эту поездку капитан сильно изменился. Он почти не спал. Свою вахту проводил на палубе, наблюдая море и следя за парусами. Если у руля стоял Ян Силземниек, Зитар каждые пять минут проверял компас и всегда находил предлог сказать рулевому какую-нибудь колкость. Он не кричал, не бранился, не отгалкивал рулевого от штурвала, если судно уклонялось от курса на несколько делений. Сплюнув, он с иронической улыбкой поворачивал штурвал.

— Ты, наверное, в Бразилию направился?

Минутой позже:

— Ты, парень, спать сюда пришел, что ли?

Еще немного погодя:

— Галдынь, становись к рулю, этого, видно, не выучишь.

Когда Ян следил за парусами, капитан постоянно находил какое-нибудь дело:

— Отпусти немного кливер... Втяни конец бизани... Кто так узлы вяжет? Это собачья голова, а не узел. Мне, что ли, пойти помочь тебе? И зачем только люди идут на судно, если не могут ничему научиться?

Он жалил самолюбие молодого матроса мелкими, но болезненными уколами, высмеивая и позоря его в глазах команды. Когда при сильном ветре требовалось убрать один из верхних парусов, первым, кого капитан посылал на рею или стеньгу, был Ян. Зитар, оставаясь внизу, донимал Яна замечаниями и смущал его до такой степени, что парень переставал соображать, что он делает. Если человека лишить инициативы, он тупеет, теряет уверенность, начинает сомневаться решительно во всем. Более чем скромный опыт, приобретенный Яном во время первого рейса, теперь напоминал жалкие лохмотья разорванного ветром паруса. Загнанный физически и морально, юноша был близок к сумасшествию. Но капитану этого казалось мало. Он выжимал из Яна последние соки, последние остатки энергии, при этом не повышая голоса и не требуя от него невозможного. Сам он, в желтом штормовом плаще и такой же шапке, покуривая трубку, важно расхаживал по кватердеку — казалось, он сросся с судном и не поддается никаким натискам бури. Его можно было ненавидеть, но вместе с тем ему нельзя было не завидовать: это настоящий моряк, покоритель бурь, каким Яну не быть никогда! Если б не эта проклятая болезнь! Тогда бы у него хватило сил так же хорошо, как это делают другие, выполнять приказания капитана. Но он заморыш, несчастный инвалид, дохлый кот, и все морские ветры издеваются над ним. Помимо воли, у Яна в душе росло уважение к этим сильным людям, для которых океан был только гигантскими качелями. Ему казалось, что они принадлежат к особому племени сверхмогучих, непобедимых, им подвластны неоглядные мировые просторы, в их руках радость жизни, свобода.

Все догадывались, что между капитаном и Яном Силземником идет борьба, но о причинах ее знали только двое — Ингус и Микелис Галдынь. Они напряженно следили за ней, ожидая исхода.

Даже старый Кадикис, не терпевший нерасторопных матросов, понимал, что иногда капитан предъявляет Яну чрезмерные требования. Однажды, собравшись с духом, он заявил капитану:

— Господин капитан, ведь парень страдает боязнью моря. Если не щадить его, он бросится за борт...

Зитар равнодушно посмотрел на боцмана:

— А ты считаешь это большой потерей?

После такого ответа Кадикису ничего не оставалось, как обратиться восвояси.

— С капитаном что-то неладно, — шепнул он плотнику. — Не понимаю, что с ним случилось. Прежде он был совсем другим.

Как бы там ни было, но капитан своего отношения к Яну Силземниеку не изменил, предоставив команде думать об этом что угодно. Были моменты, когда молодому матросу хотелось убить своего преследователя, растерзать на части, кинуть за борт. Налившимися кровью глазами высматривал он Зитара по ночам. Но не было ни малейшей надежды победить его в таком поединке — ведь сам-то он походил на извивающегося под ногой червяка. Может быть, теперь он понял, почему Зитар так хотел заполучить его на судно.

На седьмую ночь, когда они добрались до середины Бискайского залива, шторм достиг своей высшей точки.

«Дзинтарс» уже два дня шел с неполными парусами. Ветер крепчал, и пришлось спустить все топ-паруса, потому что еще с самого начала пути судно на восемь градусов кренилось на левый борт и никакими способами не удавалось его выровнять. Левый борт часто скрывался под водой, и капитан с тревогой следил за грот-мачтой. Неужели придется пожертвовать ею?

Вечером на седьмые сутки волной смыло спасательную шлюпку. Полчаса спустя лопнул изъеденный ржавчиной штаг бизань-мачты. Мачту теперь удерживал только один штаг с правого борта. Капитан, вызвав всю команду наверх, приказал связать лопнувший штаг. Толстый, упругий трос не так-то легко связать узлом, и Кадикис с судовым плотником приложили все усилия и знания, чтобы за полчаса срастить конец штага с мягким концом запасного каната. Надвигалась темнота. Люди из-за ветра не слышали друг друга, а на танцующей палубе еле держались на ногах даже бывалые моряки. Не успели укрепить бизань-мачту, как на носу ветром сорвало первый кливер, который облегчал управление судном. В самые опасные минуты, когда через судно перекатывались громадные валы и

погребали всю палубу, люки, каюты, этот парус помогал носовой части подняться на поверхность океана. Случалось, что такое полузатопленное судно не гибло только благодаря кливеру, этому на вид незначительному парусу: с помощью ветра он приводил судно в равновесие и заставлял его вынырнуть на поверхность воды.

Серые сумерки окутали разъяренный океан. Ян Силземниек находился бессменно на ногах. Уже двадцать часов, не отдохнув ни минуты, он вместе с другими, такими же измученными, мокрыми людьми работал до кровавых мозолей то у штурвала, то у насоса, то у парусов. Обессиленные, отупевшие без сна, люди постепенно впали в состояние апатии: они злились, ненавидели судно, свою профессию, товарищей и по малейшему поводу, а иногда и без всякой причины осыпали друг друга отборнейшими ругательствами. Если в обычное время кто-нибудь из товарищей страдал морской болезнью и не мог как следует выполнять обязанности, команда слегка подтрунивала над ним, и только. Теперь такого человека ненавидели, презирали, и каждый считал своим долгом обругать его, как будто именно он являлся главным виновником всех бед.

Положение Яна Силземниека было тем более несносным, что даже Ингус, еще совсем мальчик, уже привык к морю и вместе со взрослыми мужественно работал.

— Шевелись, падаль! Я, что ли, буду работать за тебя? Чучело на телячьих копытах! — кричали матросы на Яна.

Если он недостаточно быстро прибегал на их зов, они дико ревели, вырывали у него бечеву и отталкивали прочь.

— Ну, чего уставился, как баран на новые ворота! Подержи шкот! Не так! И откуда только такие ослы берутся...

А ведь дома он ходил бы себе с двустволкой да постреливал куропаток и никто не посмел бы так кричать на сына лесника.

— Пугало ты этокое! Чего спишь на ходу, когда другие работают? — кричал плотник. — Сходи на нос за топором, да поживее!

И он спешил, спотыкался, больно ушибаясь. Топор куда-то запропастился, Ян в смятении перевернул все вверх дном, пока нашел его. А когда он возвратился, его встретили рычанием.

— Ползет, точно рак! Ты что, обезножел, видно?

Капитан сохранял невозмутимый вид. Он уже ничего не говорил, но казалось, что общая неприязнь матросов к Яну доставляет ему удовольствие. И в этот самый момент, когда так разбушевались океан и страсти изнуренных людей, резко, словно удар бича, прозвучал властный голос капитана:

— Боцман с двумя матросами, на бак! Натянуть новый кливер!

Ян инстинктивно вздрогнул, ожидая, что боцман возьмет и его. Он не понимал всей серьезности момента и того, что его неумелая помощь сейчас не нужна. Когда он двинулся было по направлению к баку, Кадикис, злобно сверкнув глазами, заорал:

— Куда лезешь? Какой в тебе толк? Пусть пойдет кто-нибудь понимающий!

С Кадикисом пошли Микелис Галдынь и эстонец Томсон. Ян в замешательстве, шатаясь, добрался до бака с водой и, словно теряя сознание, стал искать опоры, скользя непослушными пальцами по его холодным стенкам. Он одурел от темноты, от шума, от всей этой сутолоки, от жестокого преследования товарищей и, главное, — от сознания собственного ничтожества. Словно призраки маячили перед его глазами мокрые фигуры людей, куда-то спешивших, чем-то занятых, кого-то зовущих. Он уже не понимал ничего, все это походило на бред, на галлюцинацию. Наверху, над головой, послышался треск. Ян увидел, как плотник забрался с топором на грот-мачту и принялся рубить надломленную стенгу. Внизу матросы поднялись на кватердек и бак, ожидая, когда упадет стенга. Никто не замечал Яна, и только в последний момент, когда срубленный конец мачты, переворачиваясь в воздухе, полетел вниз, кто-то закричал:

— Берегись! Убьет!

Если бы стенга, падая, не ударила о гафель и не отскочила влево, Яну не помогло бы бегство. Но ему повезло: тяжелый обломок мачты упал в море. Ян тупо посмотрел ему вслед, и до его сознания, наконец, дошло, какая огромная опасность — сама смерть — прошла мимо него. Его бы уже не было, он был бы мертв. Сзади него раздался чей-то суровый и укоризненный голос:

— Ни на что-то ты не годен!

Он не знал, кто это сказал, может быть, ему показалось; возможно, это были его собственные мысли вслух, он действительно так подумал: «Ни на что я не годен».

Чувствуя себя совершенно больным, качаясь, дошел он до ступенек кватердека, судорожно ухватился за перила и бессильно повис на них. Все его тело вдруг задергалось, непокрытая голова ткнулась в ступеньки, а пальцы тщетно цеплялись за железные перекладыны перил.

Плотник, спустившись на палубу и мимоходом кинув взгляд на Яна, хотел, по обыкновению, отпустить какую-нибудь колкость, но смолчал, поморщился и отвернулся. Два матроса зашептались, что-то сказали

товарищам, и нечто похожее на смущение изобразилось на их лицах. Подошел и капитан Зитар, некоторое время он молча смотрел на парня. И тут впервые на его хмуром лице показалась усмешка: рослый парень, маменькин сынок, сухопутный герой громко плакал, захлебываясь от рыданий и утирая красным мокрым кулаком слезы. Поверженный наземь, униженный до последней степени, забыв о своем достоинстве, он, в конце концов, сдался в этом поединке, признав свое бессилие. И это видели все. Капитан Зитар подумал про себя: «Если бы теперь его видела Альвина...» Эта мысль рассмешила его. Спустившись вниз, он потрепал Яна по плечу:

— Ну не вой, не вой, как маленький. Отправляйся в кубрик и ложись спать. Я прикажу коку принести тебе стакан рому.

Промолвив это, победитель вернулся на свое место. И опять загредел его повелительный голос над палубой судна, и спокойный взгляд впивался в окружающий мрак. Сквозь бурю и темную ночь вел Андрей Зитар свой крепкий корабль в тихую гавань.

На мокрой койке, скрючившись, лежал больной человек. Он сегодня плакал. Это недостойно мужчины.

7

В Бильбао у команды не было свободных дней. Даже в воскресные дни приходилось оставаться на судне и чинить паруса, порванные бурей. Для Ингуса — будущего моряка — это послужило хорошей морской практикой. Он ежедневно учился чему-нибудь новому и закреплял в памяти то, чему научился раньше. Когда капитан заметил, что мальчик по вечерам скучает, он дал сыну совет:

— Я куплю тебе какой-нибудь инструмент. Учись лучше музыке, вместо того чтобы шататься по берегу.

Зитара не столько беспокоило времяпрепровождение Ингуса в этом рейсе — тут мальчик был у него на глазах, — сколько предстоящая жизнь сына в мореходном училище, в кругу молодых сорванцов. Если у Ингуса, кроме школьных учебников, не окажется ничего, что удерживало бы его дома, он избалуется. Поэтому следует его пристрастить к чему-то еще. Многие матросы обзавелись инструментами: гитарой, мандолиной, скрипкой, гармошкой. Разве плохо, если молодые люди, вместо того чтобы слоняться по улицам и озорничать, разучат какой-нибудь танец или марш?

Ингусу понравилось предложение отца. Но на чем начать учиться играть? Ведь он еще не пробовал играть ни на одном инструменте. Неплохо

бы играть на мандолине, как штурман «Дзинтарса», но этот инструмент казался Ингусу слишком незначительным. Купить гитару — нужно уметь хорошо петь, а если голоса нет? Гармонь? Это подходящее дело, и если бы удалось научиться хорошо играть, он почувствовал бы себя настоящим мужчиной и на море, и на суше.

Ингус остановился на гармонии. Отец ничего не имел против, и, когда «Дзинтарс» вернулся с новым грузом в Англию, капитан купил сыну прекрасную гармонию. Немедленно началось обучение. В первые же дни Ингус научился играть несложные песенки. Когда дело дошло до применения басов и игры всеми десятью пальцами, тут пришлось попотеть.

На помощь пришел Микелис Галдынь, у которого тоже была гармония. Он помог Ингусу овладеть тайнами игры.

Зитару представлялась возможность получить в Англии выгодные грузы для Южной Африки и вест-индских островов, но он предпочел взять уголь для Риги и вернуться домой. Нельзя сказать, чтобы это было вызвано необходимостью вовремя привезти Ингуса к началу занятий в училище, — мальчик мог добраться до Риги и на пароходе, где капитаном служил друг Зитара. Очевидно, у капитана имелись какие-то другие, более веские причины, заставлявшие его поспешить с возвращением на родину.

В середине сентября «Дзинтарс» приближался к родному берегу. В жизни моряков произошла обычная в этих случаях перемена. Они стали дружнее, словно бы сроднились, и чувствовали себя членами одной семьи. Матросы перестали дразнить своих младших товарищей; кок Робис и штурман достигли взаимопонимания, а старый Кадикис перестал ворчать на Яна Силземниека. Во время плавания команда находилась как бы в состоянии постоянной борьбы с начальством, а теперь все сгладилось, острые углы исчезли и все происходившее приобрело мягкий оттенок обычных моряцких проделок. Вспоминая о них, и матросы, и командир весело смеялись. Капитан Зитар после памятной ночи в Бискайском заливе оставил в покое Яна Силземниека, но сказать, что они совсем забыли о вражде, нельзя было. Встречаясь на палубе, они не смотрели друг на друга.

Наконец «Дзинтарс» бросил якорь в родном порту, Зитар, сдав груз, рассчитался с командой и, поставив судно на прикол, уехал с Ингусом домой. Ян Силземниека еще раньше, как только «Дзинтарс» вошел в порт, взял расчет и поспешил восвояси. Микелису Галдыню посчастливилось устроиться на какой-то пароход и избежать таким образом зимней безработицы. Поэтому Зитар с сыном возвращались без попутчиков.

Глава четвертая

1

Андрей Зитар и Ингус возвращались домой на моторной лодке. Когда они сошли на берег, было еще светло. Побережье с множеством рыбачьих лодок, ряды кольев для просушки сетей, пустые бочки из-под салаки, заросшие мхом шалаши для сетей, обмелевшее устье реки и прибрежные холмы, затянутые мятой, — все это в свое время казалось Ингусу большим, значительным, как мир. Теперь у него появилось ощущение, будто он попал в царство гномов — такая вокруг тишина, такие здесь люди. И словно все стало меньше, дорога через дюны кажется не больше песчаной тропинки. Кто сократил до таких размеров этот мирок? Кто сузил берега реки и самую реку? Ведь когда-то она была такой могучей, широкой, и старая лодка покачивалась на ее темной поверхности, словно корабль.

— Ингус, как ты себя чувствуешь? — спросил Зитар, когда впереди показались купы деревьев родной усадьбы. — Где тебе больше нравится: на корабле или дома?

Ингус и сам не мог еще решить, чему отдать предпочтение. На корабле, конечно, веселее, жизнь разнообразней, каждый день приносит что-нибудь новое, занимательное, здесь же все оставалось таким, как прежде. Вырытая в склоне горы рыбокоптильня, зеленый холмик погреба, помойка со старыми калошами, железными обручами, щетками для мытья посуды, колесными спицами и прочим хламом — все это в прежнее время использовалось в играх. И не Янка ли с Карлом сколачивают скворечню там, за каретником? Ну, конечно, они! Молотка у них нет, они бьют просто булыжником, а гвозди старые, ржавые. Глупенькие, какой же скворец ищет теперь скворечню?

Тропинка вела мимо каретника. Маленькие труженики так углубились в работу, что не заметили появления отца и брата, и, когда капитан крикнул сыновьям: «Помогай бог!» — они вздрогнули, не зная, что делать от смущения.

— Даже руки не хотите подать? — спросил Зитар.

Первым пришел в себя Карл и робко, боясь выказать радость, приблизился к гостям. Отвернувшись в сторону, он застенчиво подал отцу руку. Маленький Янка, солидно шагая, подошел вплотную и с недоверием

уоставился на Ингуса: и похож, и не похож этот молодец на старшего брата. Костюм, как у взрослого парня, новая шапка, на шее клетчатый шелковый платок и морской мешок за плечами, в остальном все тот же. Что же касается отца, то здесь не было сомнений — его можно узнать издали.

Ингусу все казалось непривычным. Живя вместе с братьями и остальными домочадцами, не нужно было с ними здороваться. Сегодня необходимо было это сделать. Но как странно звучит слово «здравствуй», сказанное собственному брату, и как неудобно протянуть ему руку! Младшие братья тоже, видимо, почувствовали это, и всем троим вдруг стало неловко.

Наконец все неприятные формальности совершились, и компания направилась к дому: Ингус с Карлом впереди, Зитар, за руку с Янкой, за ними.

— Ну, как там было? — спросил Карл. — Верно, что в Северном море волны высотой с церковь?

— Бывают даже и выше, — тихо сказал Ингус, убедившись предварительно, что отец не слышит их разговора. Затем шепотом добавил: — Я там видел дельфинов. Прыгают в воде и пускают вот такие фонтаны.

— И ты тоже салаку кормил?

— Ничуть. Я хорошо переношу море. А знаешь, у меня здесь что-то есть, — Ингус многозначительно указал на руки. — Я потом покажу. Только не говори Эрнесту.

— Не скажу. Эрнест еще в школе: опять оставили без обеда. А Эльза нарисовала наш «Дзинтарс».

Их беседу прервал старый Амис. Не обращая внимания на новый костюм Ингуса, он встал на задние лапы, пытаясь лизнуть друга в лицо. Бранить его сегодня казалось неудобным, но нельзя же ему позволить пачкать костюм.

— Ну, успокойся, ты хороший, да, да, очень хороший, только немножко глупенький, — Ингус ласково оттолкнул собаку. Он любовался теперь флаг-мачтой. Эх, сбросить бы мешок да взлететь по ступенькам до реи, показать мальчикам, как это делают матросы! Если бы не было поблизости отца... Ничего, и после успеется! Хорошо, если бы и мать увидела.

— Что у тебя такое четырехугольное в мешке? — поинтересовался Карл.

— Погоди, скоро увидишь, — Ингус зарделся от радости, вспомнив гармонию. Черт побери, как все-таки приятно вернуться домой с такой массой новых вещей! Жаль, что не научился курить и не купил гнутую

английскую трубку. Эрнест лопнул бы от зависти! Стоп, молодой моряк! Ты больше не принадлежишь себе. В дверях показались все домашние: Ильза, Криш, мать и остальные. Все чему-то радуются, улыбаются и чуточку стесняются, да и сам ты покраснел до корней волос.

Ну, теперь начнется! С другими еще ничего, можно подать руку и сказать «здравствуй», а вот мать придется поцеловать. Оно бы ничего, мать хорошая, но на что это будет похоже, если мужчина и вдруг... целуется. Почему нельзя поздороваться так же, как с другими? А если уж это непременно надо, то позже, когда никто не увидит. Вот тебе и раз: Эльза тоже чмокает его в щеку. Наверно, у всех женщин такая привычка. Ну что они в этом видят хорошего? И нет им дела до того, что переживает мужчина.

Покончено и с этим. Молодой моряк может сесть за стол. Словно предчувствуя возвращение путешественников, мать сварила из петуха суп с клецками.

— Ешь, как следует, сынок, — приговаривает она. — Я тебе подолью еще.

С лица ее не сходит улыбка. Она с гордостью смотрит на взрослого сына. Как он загорел! Какие у него сильные красные руки! Он ходил в Англию, в Испанию! На душе ее теплеет, глаза застилают слезы. Ингус замечает это, и ему становится не по себе, он опускает глаза, а кусок вкусной петушиной ножки застревает в горле. Все очень хорошо, не случилось ничего плохого. Следовало бы радоваться и смеяться, но не смешно. И опять все тот же вопрос:

— Так где же все-таки лучше: дома или на судне?

К чему такое спрашивать? Точно они не знают, что нигде не бывает так уютно, приятно и тепло, как в Зитарах, но разве об этом скажешь? Ингус пожимает плечами.

— На судне у нас была целая бочка изюма... — шепчет он Карлу. — Я ел, сколько хотел.

— А ты не захватил с собой?

— Нет. Мне не во что было насыпать. Зато у меня есть банка сгущенного молока.

У маленького Янки загораются глаза: он еще помнит этот сладкий тягучий напиток, привезенный однажды отцом.

После обеда Ингус открывает свой морской мешок. Сегодня раздает подарки он. Сначала получает традиционную шелковую шаль мать — это подарок сына.

— Спасибо, спасибо сынок, — она так радуется, словно у них никогда

не было возможности купить такую шаль. Затем слышится треск бенгальских свечей, переливается перламутр раковин; Эльза смотрится в ручное зеркальце, а маленький Янка испытывает в кадучке с водой моторное судно. Лишь после этого Ингус вынимает гармонь и исполняет марш. Музыкальные таланты Ингуса вызывают всеобщее восхищение.

— Теперь ты можешь ходить по усадьбам играть на вечерах, — одобрительно замечает Криш.

— Лучше уж на судах, — смеется Ингус и играет матросский вальс.

Много лет спустя он вспомнил этот разговор, когда в Солфорде на большом канадском пароходе случилось несчастье со вторым штурманом, но это было позднее, значительно позднее. А сейчас матросский вальс звучал бодро, торжествующе. В брезентовом же мешке лежала банка сгущенного молока, и маленький Янка не отходил от брата ни на шаг.

— Ингус, когда ты ее вынешь?

— Подожди, Янка, я еще сыграю для бабушки.

Наконец, обласканный и отпущенный бабкой, Ингус вытаскивает банку с молоком, прячет ее в карман и кивает Карлу и Янке. Они поодиночке выбираются из комнаты, чтобы не заметил Эрнест, и встречаются за погребом. Карл принес с собой старый напильник, Ингус протыкает дырку в банке, пробует сладкое содержимое, потом передает братьям. Может ли на свете быть что-либо вкуснее? Они по очереди сосут заграничное молоко, облизывают липкие губы и оглядываются, не видит ли Эрнест.

Пустую банку отдают Янке, затем Ингус с таинственным видом загибает рукава и показывает братьям самое ценное приобретение: прекрасные рисунки на руках. Жаль, что их нельзя свести и оттиснуть, как переводные картинки, тогда и у Карла с Янкой было бы на руках украшение. Теперь им остается любоваться лишь татуировкой брата.

Ни новая жокейка, ни клетчатый шейный платок, ни даже прекрасная гармонь не возвысили Ингуса в глазах братьев так, как татуировка. Теперь он действительно моряк, настоящий матрос и рулевой. Мальши почувствовали, что Ингус оказывает им большую честь, снисходя до них. Другой бы так не поступил.

...Вечером Ингус рассказывает братьям о «туманных картинах» и Пенни-базаре. На следующий день он навестил живущих по соседству друзей, явившись к ним во всем блеске своего великолепия. А на третий день утром капитан Зитар с сыном сели на рыболовный катер и отправились в один из крупных приморских поселков, где находилось мореходное училище. И опять Ингус на долгие месяцы ушел из дому,

оставшись один среди чужих людей. Отец, вернувшийся через неделю, рассказал, что вступительные экзамены Ингус выдержал успешно и что он устроил его на квартиру в семью старого товарища, моряка Кюрзена. Мать украдкой от домашних пролила не одну слезу, а мальчишки починили старую скворечню, и в старом моряцком гнезде потекла тихая, спокойная жизнь. Здесь существовал такой обычай: когда птенчик оперялся и начинал летать, он покидал родное гнездо. Остальные ожидали своей очереди.

2

В ту осень лишь двое младших членов семьи Зитаров — Янка и Эльга — оставались дома. Все старшие — Ингус, Эльза, Эрнест и Карл — учились в школе.

Вскоре после возвращения капитана Зитара из мореходного училища семья пережила большую неприятность. Виной тому был Эрнест. Кто бы мог себе представить, что в этом мальчугане кроется столько упрямства: проучившись два года в приходской школе, он решил больше не учиться — лучше помогать Кришу по дому и в рыбной ловле, чем сидеть над книгами. Когда наступила осень и подошла пора опять отправляться в школу, Эрнест заявил:

— Что угодно, только не школа!

Мать все утро уговаривала его, стараясь внушить, что в школе весело, много товарищей, интересные книги, но ничто не помогало. Старая капитанша тоже пыталась повлиять на внука: он ведь сын капитана, у отца три судна, на одном из них Эрнест смог бы стать капитаном. На что это похоже, если отец и братья будут умными, учеными людьми, а он один — неуч.

— А я вовсе не хочу стать капитаном, мне больше нравится быть коком. Он может есть все что угодно.

В конце концов, Альвина потеряла терпение. Выпоров строптивного отпрыска, она заставила его помыть уши и надеть новый костюм, после чего сама отвела в школу.

— Господин учитель, этой зимой возьмитесь за него как следует, — попросила она старого педагога, воспитавшего уже два поколения жителей побережья. У него училась и сама Альвина, и Андрей. Старый Аснынь привык смотреть на всю прибрежную округу как на семью своих воспитанников. — Если он будет плохо учиться или озорничать, наказывайте его как полагается. Мы будем вам только благодарны.

Многие родители предоставляли учителю полную свободу действий, и Аснынь охотно ею пользовался, если только вопрос не касался детей «лучших» семейств. Почему не выпороть батрацкого мальчишку или озорного сына бедного рыбака — родители желают этого, обстоятельства требуют, пусть будет по-вашему. В нужный момент Аснынь отечески раскладывал маленького преступника на скамье у кафедры и на глазах всего класса отсчитывал положенное число ударов. После каждого удара он участливо подбадривал жертву:

— Потерпи, дитя мое, будет еще один удар!

Да, с некоторыми так можно было обращаться, но как приступить к отпрыску местного богача — капитана, крупного хозяина, волостного писаря, лавочника? Уважение к родителям, помимо воли старого учителя, переносилось и на их сынков, хотя именно они-то и были самыми неисправимыми озорниками. Потрепать за ухо, поставить в угол, пристыдить — это еще допустимо, но применять более серьезные меры воздействия у Асныня не хватало смелости. Поэтому-то просьба Альвины осталась невыполненной: рука Асныня не поднималась на сына капитана Зитара. Эрнест был настолько умен, что понимал это, и не замедлил воспользоваться преимуществами своего положения. Раньше он не участвовал в драках со взрослыми мальчуганами, а с маленькими драться не стоило. Но, услышав однажды, что Аснынь пригрозил кому-то исключением из школы, Эрнест решил предпринять все возможное, чтобы добиться этого. Он не учил уроков, сажал кляксы в тетрадах, дрался с товарищами и опаздывал в школу. А так как Аснынь все еще не заговаривал об исключении из школы, Эрнест стал то и дело вовсе не являться в класс; он гулял по лесу, бродил среди дюн, лакомился клюквой на болоте. Наконец, Аснынь не вытерпел: он сообщил Альвине, что не справляется с Эрнестом.

Что могла поделать мать с упрямым сорванцом? Высечь розгами, пригрозить отцом — вот и все. Но Эрнест надеялся, что ему удастся уломать отца. Он во что бы то ни стало должен освободиться от школы. Неужели все лучшие годы он будет прозябать в мрачных классах и забивать голову всякими пустяками, без которых вполне может обойтись судовой кок?

Однажды утром Эрнест в обычное время отправился в школу вместе с Эльзой. Карл ушел немного раньше. На полпути, в лесу за усадьбой Силземниеков, Эрнест, тяжело вздохнув, сказал:

— Я дальше не пойду.

— Опять пойдешь слоняться? — забеспокоилась Эльза. — Вот погоди,

я скажу отцу, он тебе задаст.

— Говори, я не боюсь. Иди хоть сейчас и скажи, что я ушел в лес вешаться. Если меня заставляют ходить в школу, я лучше повешусь.

Не успела Эльза опомниться, как он перепрыгнул через канаву и скрылся в лесу. Сумка с книгами осталась на дороге в доказательство того, что она ему уже никогда не понадобится.

Четверть часа спустя Эльза, запыхавшись, с громким плачем примчалась домой. Навстречу ей выбежали все домашние.

— Что с тобой? Почему плачешь? — спросила Альвина.

— Эрнест... — всхлипнула Эльза, не в силах произнести ни слова. — Эрнест...

Капитан нахмурился.

— Что он с тобой сделал? — спросил он.

— Эрнест... повесился... в лесу... За Силземниеками... Он не хочет ходить в школу.

К трагическому соло немедленно присоединился дуэт Альвины и Ильзы. Двор огласился причитаниями. Даже старая Анна-Катрина не выдержала и впервые за много лет забыла о сквозняках. Открыв окно и ничего не понимая, она услышала вой женщин и заплакала вместе с ними:

— Что случилось?

— Эрнест повесился! — стонала Альвина. — Андрей, почему ты ничего не предпринимаешь? Может, он еще живой...

Капитан Зитар, как был, без шапки и пиджака, побежал через двор к конюшне, где Криш чистил лошадь. Одним прыжком он, как мальчишка, вспрыгнул на лошадь и стиснул ей бока:

— Ну, Салнис, ну! — и галопом умчался по дороге.

Потянулись долгие часы ожидания. Женщины ходили с заплаканными глазами, и Анна-Катрина пустилась в рассуждения о жестокости родителей и мучении детей в школе.

— Ну зачем вы ему навязали эту школу? Пусть бы сидел дома. Два года проучился, и хватит. Не всем же быть учеными.

Объездив вдоль и поперек весь лес, под вечер Андрей вернулся домой. Достаточно было взглянуть на его угрюмое лицо, чтобы убедиться в безнадежности поисков. И опять в Зитарах поднялись содом и гоморра [7]. Родители упрекали друг друга в жестокости, а Анна-Катрина осуждающе высказывалась о новых временах и порядках.

Над домом и его опечаленными обитателями опустились сумерки. В этот вечер кое-как поужинал только один Криш. В обычное время он вышел в конюшню задать лошадям корм. Поднимаясь на сеновал, Криш услышал

подозрительный шорох, точно там кто-то осторожно полз по сену. Добравшись до конца лесенки, Криш остановился и пристально всмотрелся в темноту. Вдруг по телу его пробежали мурашки, он испуганно отшатнулся: в углу сеновала под самым коньком крыши что-то шевелилось. Может, это хорек пришел кур воровать?

Криш спустился вниз и опрометью бросился к дому.

— Хозяин, хозяин, кто-то забрался на сеновал! Вор или хорек... Возьмите ружье...

— Вон оно что! — Зитар взял двустволку, а Криш зажег фонарь. В сопровождении Ильзы и Альвины они направились к конюшне.

— Андрей, берегись, чтоб он не бросился тебе в лицо, — предупредила Альвина, когда муж, зарядив ружье, стал подниматься по лестнице. Криш светил ему.

На сеновале опять зашуршало сено.

— Кто там? Выходи, стрелять буду! — крикнул Зитар.

Куча сена зашевелилась, точно под ней был медведь, проснувшийся после зимней спячки, и, весь облепленный сеном, перед глазами изумленных охотников предстал Эрнест.

— Не стреляй, это я.

Громко засопев, капитан Зитар отвел курок ружья, передал его работнику, а сам взобрался на сеновал и отстегнул широкий морской ремень с тяжелой пряжкой.

— Поди-ка, молодчик, сюда!

Такой порки Эрнест не получал еще ни разу. Никто не осмелился вмешаться. Сердце Альвины сжималось, когда она слышала свист ремня и истошные крики Эрнеста, но, вспомнив, как проказник провел всех, она решила, что сейчас лучше всего молчать.

— Попробуй у меня еще таскаться по лесу! — пригрозил капитан сыну. — Я из тебя лыко надеру!

Эрнест понял: угрозы отца серьезны. Учебники, пожалуй, приятней, чем пряжка с якорем. И он стал ежедневно посещать школу.

В хозяйстве капитана еще со времен старого Зитара так повелось, что капитанские жены не занимались черной работой. И хотя Альвина, так же как Анна-Катрина, происходила из простой крестьянской семьи и в молодости доила коров, косила сено и кормила свиней, в Зитарах она вела

только домашнее хозяйство и следила за цветником. В редких случаях в сенокос она брала грабли и помогала убирать сено. Криш ведал полевыми работами и рыбной ловлей, Ильза ухаживала за коровами и мелким скотом, и единственное, что знала Альвина о коровах, — это их имена. Так и полагалось жить богатой капитанше: коли мужу принадлежат три парусника, жене незачем месить навоз. Если бы даже Альвине вздумалось поработать, соседи высмеяли бы ее.

Так было все шестнадцать лет, вплоть до того полного треволениями дня, когда Эрнест напугал всех мнимым самоубийством. Тот день вообще оказался для семьи Зитаров переломным: капитан впервые наказал сына, Эрнест решил продолжать учиться, а у Альвины внезапно проснулся интерес к коровнику. В результате сильных нравственных потрясений бывает, что у людей меняется характер. Кто сам переживал подобное, тот не станет удивляться, что Альвина однажды вечером пошла вместе с Ильзой в хлев дать коровам корм. А на следующий день она велела батрачке остаться в кухне, так как вполне, мол, управится с коровами сама. Надолго или нет, но Альвине вздумалось играть роль настоящей хозяйки. У Ильзы же стало одной обязанностью меньше. Никого не поразила внезапная жажда деятельности молодой капитанши. Если она и не справлялась в коровнике так быстро, как Ильза, то ведь это вполне естественно: изнеженный человек не привык к такой работе.

Всем было очевидно, что кормление коров доставляет Альвине удовольствие. Она всегда возвращалась из коровника в хорошем настроении, щеки пылали, глаза блестели, как у молодой девушки. На свежем воздухе полезно заниматься физическим трудом: сразу появляются бодрость и вкус к жизни. Такого же мнения был и Андрей, поэтому он чуть ли не каждый вечер уходил в Силакрогс, иногда, когда Мартын находился в Риге, отправлялся туда даже днем, чтобы Анне не было скучно. У каждого человека находятся свои дела, и счастлив тот, кому никто не мешает.

В один из вечеров Зитар вернулся из корчмы раньше обычного. Он казался чуточку раздосадованным, потому что в тот вечер в корчме было мало посетителей и Мартын каждую минуту уходил из-за буфета поболтать с братом.

В присутствии брата разговор с Анной утратил интерес, и капитан, распрощавшись, ушел домой. Разочарованный и недовольный, он медленно шагал по темной дороге. Не начинает ли Мартын догадываться? Почему он все время вертелся около них? И почему, уезжая в Ригу, он всегда приглашает в помощь Анне жену сапожника? Как будто Анна одна не справится с посетителями.

Свернув в аллею, ведущую к дому, капитан услышал чьи-то приближающиеся шаги. Может быть, это Калниетис пришел его навестить и, не найдя зятя дома, возвращался? Когда их стало разделять лишь несколько шагов, Зитар, откашлявшись, по морскому обычаю окликнул:

— Ахой!

Человек, идущий навстречу, свернул к краю дороги и прошел мимо.

— Эй, кто там? — еще раз крикнул капитан. — Кто там так спешит? — Но тот вместо ответа пустился бежать и скрылся в темноте.

— Смотри, чудак какой!.. — пожал плечами Зитар. Почему он не откликнулся? Почему свернул с дороги, будто кто-то мог узнать его в темноте? — Черт знает, слоняются тут всякие...

Во дворе Зитар нагнал Альвину, возвращавшуюся из коровника.

— Здесь кто-нибудь был сейчас? — спросил он.

— Здесь? — удивилась она. — Я никого не видела.

— Я только что встретил кого-то в аллее.

— Да? Но тогда и я бы его видела. Может быть, просто кто-нибудь заплутался в темноте.

— Заплутался?.. Может быть, конечно.

У Зитара опять появились подозрения, но он больше ничего не сказал. Лишь поздно вечером, когда дети уже спали и они остались вдвоем, капитан как бы между прочим заговорил о прошлогодней поездке:

— В первый и последний раз взял на судно знакомых матросов. Прошлым летом они меня научили, хватит.

— Да? — Альвина равнодушно подняла глаза от шитья. — Что же, они не слушаются?

— Слушаться-то слушаются, но если на судне находится такой теленок, как Силземниек, то это совсем не дело. Спроси у Ингуса, он тебе расскажет.

— Что ж, он ленился?

— С ленивым еще можно справиться, а вот с размазней что поделаешь? Море он совершенно не переносит: малейшая рябь — он валится с ног и у него выворачивает наизнанку все внутренности. Ходит, распутивши нюни, бледный, как покойник, еле ноги волочит. Знакомый человек, не хотелось придирааться. Думаю, авось переболеет, пройдет все и начнет работать, может, хоть в порту наверстают. Куда там! Не успеет прибыть в порт, он целые дни и ночи на берегу. Является только затем, чтобы денег попросить, и в таком виде — взглянуть страшно. Однажды вечером даже какую-то красотку привел. Ну, тут уж я ему задал. Заявил, чтоб убирался немедленно вместе со своей дамой. У себя на судне я этого

не допущу.

Щеки Альвины слегка побледнели. Она долго не могла завязать узел на нитке. Когда, наконец, ей это удалось, она произнесла, не глядя на мужа:

— И он больше этого не делал?

— Какой там! Шатался по всяким притонам, пока не подцепил дурную болезнь. По-моему, он сейчас еще не вполне излечился. Нет, со своими нечего связываться. Это было в первый и последний раз.

И, сладко зевнув, Зитар направился в спальню.

Весь следующий день Альвина ходила сама не своя. Казалось, ее что-то угнетает. После обеда, лишь только муж ушел на взморье, она разыскала в книжном шкафу «Справочник домашнего врача» и принялась внимательно изучать его. Видимо, прочитанное успокоило ее, ибо теперь она уже не казалась такой озабоченной. А вечером, когда пришло время идти в коровник, Альвина сказала Ильзе:

— Пойди сегодня ты, мне что-то нездоровится. Да и надоело ходить в коровник.

Ильза уже давно предвидела это: как и следовало ожидать, хозяйская прихоть скоро кончилась. Как бы ты ни любил скотину, а хлев остается хлевом.

Плохо, если человек недалновиден. Такие люди обычно слишком стремительно поддаются своим желаниям. В поспешности допускают ошибки и тут же горько раскаиваются. Альвина Зитар испытала это в тот вечер, когда впервые за несколько недель не пошла в коровник. Как на беду, и Андрей остался с ней дома.

В природе перед бурей устанавливается затишье — ни малейшей волны, ни облачка на ясном небе. Капитан читал газету в большой комнате, Альвина сидела напротив за столом и вязала прошивку к наволочке, дети тихо играли в своей комнате. В печке, потрескивая, горели дрова. На дворе было темно. Словом, настоящая осенняя идиллия. Вдруг открылась дверь, и в комнату стремительно вбежала Ильза, взволнованная, с растрепанными волосами, в лице ни кровинки.

— Хозяин, в коровник забрался вор! На сеновале, над коровником, я сама видела. Он спрятался в сене.

Зитар отложил в сторону газету и вопросительно взглянул на жену:

— Эрнест дома?

— Да, Эрнест учит уроки в соседней комнате, — ответила встревоженная Альвина. Лицо ее покрылось красными и белыми пятнами, дрожащие пальцы нервно шарили по столу. Ах, зачем она сама не пошла в коровник сказать, чтобы... — Может быть, тебе просто показалась? — сухо засмеялась она, резко повернувшись к Ильзе. — Не пришел ли к тебе жених?

Ильза изобразила на лице возмущение.

— Вам хорошо смеяться, хозяйка, а я с перепугу оцепенела.

— Дверь в коровник ты оставила открытой? — спросил капитан.

— Нет, хозяин, я ее заложила снаружи. Он никуда не уйдет.

— Хорошо... — Зитар снял со стены охотничье ружье, зарядил его. —

Пойдем проверим, что ты там увидела.

Альвина отложила в сторону вязанье.

— Андрей, ты ведь не станешь стрелять на сеновале?

— А почему бы и нет? Или я должен идти на вора с голыми руками?

— Да, но может загореться сено. Сгорит коровник, дом.

— Захвати с собой ведро воды: загорится — потушишь.

Не задерживаясь ни секунды, капитан Зитар отправился в опасный поход. За ним последовала Ильза с зажженным фонарем. Шествие замыкала Альвина, стараясь держаться поодаль.

— Амис, Амис! — позвал громко Андрей, выйдя во двор. — Пойди сюда, дружок, будешь ловить вора. Смотри в оба, как полагается, чтобы не ушел.

«Гав! Гав!» — весело отвечал пес.

У дверей коровника Зитар взвел курки, затем откинул засов и решительно двинулся навстречу неизвестной опасности.

— Ильза, не отставай, иди посвети мне!

— Хозяин, я боюсь... — прошептала батрачка.

— Не бойся, у меня ружье!

— Лучше идите вы вперед.

Зитару ничего не оставалось, как взять у Ильзы фонарь. Сердито проворчав что-то о женском малодушии, он поднял фонарь, освещая коровник. Но там никого не было. Тогда он стал подниматься по лесенке на сеновал. Женщины, прижавшись друг к другу, стояли неподалеку от дверей, чтобы в случае опасности быстрее убежать.

— Андрей, об одном прошу тебя, не стреляй в сено!.. — крикнула Альвина мужу. Ее сердце наполнилось страхом: долго ли до беды! Сено сухое, как порох, достаточно малейшей искорки — и прощай новый коровник. О, почему она сегодня не пошла в коровник?..

Капитан Зитар уже стоял наверху и осматривал все углы. На сене, почти под самым коньком крыши, съежившись, сидел молодой парень и испуганно следил за капитаном. Зитар поставил фонарь и взял ружье на прицел.

— Эй, молодой человек, что ты тут делаешь? — крикнул он. — Поди-ка сюда, расскажи, как здесь очутился! — рассмеявшись, он подошел к люку, где была лесенка, и сказал ожидавшим его внизу женщинам: — Ну и вора поймали! Ха-ха-ха! Да ведь это наш сосед Ян Силземниек. Ха-ха-ха! Спускайся, соседушка, вниз. Чего ты перетрусил?

Испуганное лицо Яна Силземниека вдруг преобразилось, стало тупым. Он, охая, сполз и долго не мог подняться на ноги. Шатаясь словно пьяный, он приблизился к Зитару и тяжело рухнул на сено.

— Где я? Это не конюшня Силземниека? — пробормотал он пьяным голосом.

Зитар усмехнулся: «Разыгрываешь пьяного, паренек. Так я тебе и поверил».

— Нет, приятель, это сеновал в коровнике Зитаров. Ты шел неправильным курсом. Надо было держать севернее.

— Коровник Зитаров? — Ян, широко раскрыв глаза, непонимающе огляделся кругом. — Как же так? Я возвращался домой... от... Галдыня... Там мы немного выпили... Это действительно не Силземниеки? Как я мог заблудиться?

— Этого я не знаю. У тебя, видимо, компас неверно поставлен. Слишком сильная девиация на запад. Может быть, здесь имеется сильное магнитное притяжение?

— Так заблудиться... — ворчал Ян. — Господин капитан, как мне добраться до Силземниеков?

— Прежде всего, вниз по этой лестнице.

Кое-как они спустились в коровник. Альвины с Ильзой уже не было. Продолжая пошатываться, Ян, спотыкаясь, выбрался во двор, остановился у телеги и, раскачиваясь всем телом взад и вперед, произнес:

— В какую сторону мне идти?

— Положись на свои ноги, они укажут тебе дорогу, — голос Зитара вдруг зазвучал сурово. — Сумел забраться в Зитары, сумей и выбраться. Здесь тебе не Ла-Манш и не Бискайский залив.

Амис все время вертелся около Яна, стараясь лизнуть ему руку, как старому знакомому.

Зитар мрачно усмехнулся:

— Не скажешь ли ты, что это был за опьяняющий напиток? Пьян в

стельку, а вином от тебя не пахнет.

Ян сделал вид, что не слышит последних слов Зитара, и, словно протрезвившись на свежем воздухе, проворно зашагал к аллее. По мере того как он удалялся, все тверже становилась его походка.

Капитан Зитар, стоя с фонарем в руках, задумался. Похоже, что на зиму покой обеспечен. А что будет потом, летом, когда «Дзинтарс» уйдет на юг? Что делать с Альвиной? Взять с собой на судно, как это делают другие капитаны? Но тогда он сам окажется под постоянным контролем: ни в Кардиффе, ни в Порт-оф-Спейне уж ни шагу не ступишь.

Незавидна судьба человека, принужденного мириться с неизбежным злом. Андрей вздохнул и направился домой.

С того вечера пьяные парни больше не забредали в коровник Зитаров. Скоро в окрестности появились различные толки о событиях в усадьбе капитана. Рассказывая, люди посмеивались. Смех этот дошел и до ушей Зитара, хотя он не видел в этом ничего смешного. Нет моряку житья на берегу, только на море он дышит свободно. Капитан Зитар с большим нетерпением стал ожидать весну.

Примерно около двух недель Эрнест аккуратно являлся в школу и кое-как отсиживал положенные часы. С учебой дело обстояло неважно, так как ему доставало того самолюбия, которое помогло Эльзе стать первой ученицей в классе. Эрнест не добивался похвал учителя, успехи сестры не вызывали в нем зависти. А если старый Аснынь все чаще приводил его как образец лентяя, то Эрнест, вопреки ожиданию учителя, не стыдился этого, а, наоборот, казалось, даже гордился особым положением в классе. У него были свои склонности и свои радости, отличавшие его от товарищей. Разве можно просидеть целый час за партой, слушая завывания Асныня, вдумываясь в то, что он говорит? А за окном погожий осенний день, в лесу у большака цыгане разбили табор, и маленькие цыганята бегают по домам, выпрашивая куски хлеба и одежду. Им живется неплохо. Никто не заставляет их ни писать, ни умыться каждое утро — свободны, как птицы. А он... Где же справедливость? Он нащупал штаны своего соседа по парте и больно ущипнул его за ногу. Сосед, Рудис Сеглинь, вскрикнул и поднял палец.

— Учитель, Зитар меня ущипнул.

Аснынь, прерванный в своем любимом повествовании о Ноевом

ковчеге и всемирном потопе, с досадой повернулся в сторону мальчиков.

Эрнест тоже поднял палец.

— Учитель, Сеглинъ сам первый меня ущипнул.

— Оба за доску в угол! — изрек Аснынь.

Встав в угол, Эрнест еще раз ущипнул Рудиса, показав ему при этом язык.

— Пожалуйся еще, тогда узнаешь...

К концу урока их простили. Сев за парту, Эрнест разыскал булавку и, выждав удобный момент, воткнул ее в мягкое место Рудиса. Затем с самым невинным лицом сделал вид, что внимательно слушает учителя. После окончания урока дети побежали на перемену. Эрнест старался подставить им ногу, а когда упавшие бросились к нему, он схватил ручку с пером и пообещал уколоть каждого, кто к нему приблизится. У Эрнеста не было друзей в классе. Старшеклассники, случалось, его тузили, но он никогда не плакал: казалось, боль доставляла ему наслаждение.

Как-то утром по пути в школу Эрнест заметил на сосне белку. Маленький зверек весело прыгал с ветки на ветку, с дерева с шумом падали сухие шишки. Эрнест стал кидать в белку комьями земли, перегоняя ее с места на место. Ему удалось выгнать ее на край вырубki, где росли молодые сосны. Там он, наконец, попал в белку, и она жалобно пискнула на беличьем языке. Эрнесту это понравилось. Еще бы раз так метко попасть! Надо прицелиться в самую мордочку. Вот интересно было бы! Испуганная белка перескакивала с сосенки на сосенку, перебегая в открытых местах расстояние между деревьями по земле. Забыв про школу, Эрнест до тех пор гонялся за белкой, пока не загнал ее на отдельно стоящее дерево. Тут он начал настойчиво бомбардировать зверька. Белка, забравшись на самый высокий сук, испуганно смотрела на своего преследователя. Мальчику вдруг показалось, что она дразнит его, и удовольствие охоты сменилось озлоблением. Он возненавидел этого маленького коричневого зверька за то, что тот так ловко увертывается. Как жаль, что здесь нет Амиса! Попробовала бы ты тогда спрыгнуть на землю — прямо в зубы угодила бы ему.

Наконец, белка не выдержала и спрыгнула с макушки сосны. Это был поистине великолепный, достойный удивления прыжок, вернее, полет в воздухе. Упав на мягкий мох, она на секунду растерялась и метнулась было в сторону Эрнеста. Он бросил ком и опять попал в зверька, но ком разлетелся... Белка кинулась в сосняк и скрылась из глаз. Эрнест подождал некоторое время, затем хмуро побрел на дорогу. Идти в школу уже не имело смысла, поэтому он направился на взморье и кое-как провел там

несколько часов.

На следующий день, когда ребята шумно играли на улице во время перемены, у школы остановился торговец яблоками. Его моментально окружила толпа школьников. У Зитаров дома был фруктовый сад, и дети никогда не испытывали недостатка в яблоках, тем не менее Эрнест подбежал одним из первых к возу и купил несколько яблок. Когда торговец, взвешивая яблоки, отвернулся, сердце Эрнеста учащенно забилося: сейчас легко схватить яблоки и скрыться в толпе. Еще можно успеть! Руки мальчика задрожали, казалось, кто-то толкал его под локоть. Но он слишком долго медлил и когда наконец решился, торговец уже повернулся к нему лицом.

«И чего я раздумывал?.. — ругал себя Эрнест. — Такие красивые яблоки, старик ничего не заметил бы...» Огорченный своим промахом, он уже не испытывал удовольствия от купленных плодов. Большое сочное яблоко, лежавшее сверху на возу, весь день стояло перед глазами и казалось столь заманчивым, что у мальчика слюнки текли при мысли о том, каким оно должно быть вкусным. А ведь он мог его взять.

Ему больше повезло в булочной, находившейся в двух минутах ходьбы от школы. Во время перемены дети бегали туда за кренделями; те, кто позажиточнее, покупали пирожные. Альвина каждое утро давала своим детям деньги на завтрак. Вначале Эрнест всегда честно покупал пирожные и крендели, но, ознакомившись с обстановкой, нашел возможность добывать их другим путем. Хозяин булочной не стоял постоянно у прилавка, он появлялся только после звонка. Частенько случалось, что он входил в лавку не сразу. Если первым выбежать из класса на перемену и примчаться в булочную, пока еще никого нет, всегда можно успеть схватить что-нибудь с прилавка и сунуть в карман. Беснаказанно проделав это однажды, Эрнест стал воровать каждый день. Мальчики знали об этом и, хотя сами не следовали его примеру, восхищались ловкостью и бесстрашием Эрнеста. Вскоре булочник стал кое-что замечать — возможно, его предупредили, — и молодой Зитар однажды попался. Как обычно, на перемене он первым выскочил из класса, вбежал в булочную и, схватив с прилавка два яблочных пирожных, сунул их за пазуху. Но не успел он вытащить руку из-за куртки, как в булочную вошел хозяин и схватил его.

— Покажи, что там у тебя!

Начался скандал. Булочник грозился рассказать все учителю. Об этом, конечно, узнают родители, и отцовская пряжка опять будет гулять по спине Эрнеста. А какой позор! Вот теперь, пожалуй, его могут исключить из школы. Будь оно чуточку пораньше, это оказалось бы кстати, но сейчас,

пока отец дома, это слишком опасно.

— Дяденька, простите, я больше не буду, — умолял Эрнест. — Не ходите к учителю, я заплачу.

— Ничего не поможет, — сказал булочник. — Тебя следует проучить, пока еще не поздно. Начнешь с иголки, кончишь конем. Иди, иди на урок, слышишь — звонят.

— Ну, дяденька... — голос Эрнеста дрогнул, и по лицу градом покатались крупные слезы. — Я никогда больше... не буду. Пожалуйста, не ходите к учителю.

Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы на помощь Эрнесту не явилась жена булочника. Услышав плач мальчика, она вошла в булочную и пожалела его.

— Отпусти на этот раз, он же еще мал. С него хватит и того страха, что он перенес. Больше он так не станет делать.

Булочник поворчал еще немного и, постращав Эрнеста, смилостивился:

— Ну, иди, и чтобы это тебе послужило уроком. Если еще раз поймаю, без разговоров пойду к учителю.

— Спасибо, дяденька.

У Эрнеста словно камень с души свалился. Вприпрыжку он пустился в школу.

Многим подобное переживание помогало излечиться от дурной склонности. Но Эрнест стал только более осторожным и ловким. Доступ в булочную был для него теперь закрыт, но здесь же, в школе, имелась учительская. Иногда учителям надо было что-то принести из класса, который помещался в нижнем этаже, и они посылали туда кого-нибудь из мальчиков. Эрнест всегда охотно выполнял поручения, потому что в этот класс проходили через учительскую, а там, на полках, лежали немецкие книги. Не понимая еще ни слова по-немецки, он каждый раз мимоходом засовывал за пазуху брошюрку. Однажды ему попался на глаза перочинный ножик, в другой раз — пепельница, еще как-то — бутылочка с красной тушью. Все это были ненужные вещи, и дома он не смел их никому показывать, но мальчик испытывал странное удовольствие, если ему удавалось стащить какой-нибудь пустяк и спрятать в сарае. Изредка, когда поблизости не было братьев, Эрнест забирался за поленницу и любовался своими тайными сокровищами, количество которых с каждым днем росло. Ручки, кусочки карандашной резинки, перчатки, синий мел, ленточки из кос девочек хранились вместе с более ценными вещами. Самым замечательным его приобретением была гипсовая статуэтка, стоявшая в

свое время в школе на фортепьяно. Эрнест воровал не ради выгоды — приятен был риск. А когда обворованный начинал искать пропажу, подозревая то одного, то другого, так приятно чувствовать себя в безопасности! Как искренне оправдываются ложно обвиняемые, как они плачут и клянутся. А он, Эрнест, знает все и продолжает опасную игру.

Когда дрова в сарае пошли на убыль, Эрнест перенес свой тайник в картофельную яму на поле. Там, правда, было менее удобно — ходить туда можно было только с наступлением темноты, — но зато безопаснее.

6

В ту осень сыновьям Зитару долго пришлось ожидать снега. Лишь в начале ноября река стала и за одну ночь покрылась толстым слоем льда так, что по нему можно было ходить. Карл сейчас же разыскал в каретнике санки и отправился с Янкой на реку. Там они резвились несколько часов, забыв обо всем на свете, в том числе и о книгах.

Сущее наказание с этими книгами! До сих пор учился только Карл, теперь уже не давали покою и Янке: он обязан был ежедневно часа два просиживать за букварем и грифельной доской. Читать по складам он научился еще прошлой зимой, но летом многое вылетело из головы. Теперь отец велел ему выучить таблицу умножения и знать наизусть заповеди. По утрам Янка обнаруживал в букваре снесенный петухом пятак ^[8] — плату за усердие и прилежание.

Вечерами, когда Зитару приходила в голову мысль проверить знания Янки, они усаживались за стол, и Янка, тихонько водя пальцем по строчкам, читал:

— Ка-о-ко... зе-а-за... коза...

Позже он мог читать не только по слогам и не только по букварю, а по любой книге, где было напечатано крупными буквами.

— Смотри, Карл, как бы Янка не догнал тебя в учебе, — подшучивал Зитар над вторым сыном.

— Да он только по картинкам догадывается, — защищался Карл. — Увидит на картинке льва с гривой и читает: «Лев рычит». Так-то и всякий может.

Но при проверке оказалось, что Янка читает правильно и не видя перед собой картинки.

— Умная голова, со временем выйдет из него толк, — решила мать.

Зитару приходилось соглашаться с ней. Правду сказать, капитана мало

интересовало, как живет и растет его младший сын. Возможно потому, что в доме была еще маленькая Эльга. Птицы, выводящие дважды в году птенцов, забывают о первом выводке, когда вылупится из яйца второй. Вся любовь родителей чаще всего сосредоточивается на самых младших, старшим приходится довольствоваться тем, что останется.

Янка не замечал сдержанного отношения отца к нему. И несмотря на то, что отец часто прогонял малыша, он при каждом удобном случае вертелся под ногами, нес показывать свои игрушки и иногда даже пытался втянуть отца в игру. И если Зитар, находясь в особенно хорошем настроении, был так снисходителен, что несколько минут играл с сыном, глаза Янки загорались гордостью, потому что для него, как и для всякого другого мальчика, отец являлся предметом восхищения: он ведь самый большой и могущественный человек в мире.

Редкие минуты ласки искупали недели невнимания. Поэтому Янка не мог понять, как можно плохо относиться к отцу, бранить его и сердиться на него. Когда однажды в Мартынов день Зитар ушел в корчму Силакрогс праздновать именины брата и не возвращался два дня, Янка оказался единственным, кто не принимал участия в кампании, организованной матерью против отца. Весь дом был настроен очень враждебно. Альвина ходила с заплаканными глазами, мать Андрея олицетворяла собой немой упрек и, поглаживая Эльзу по голове, грустно шептала:

— Бедные детки, какой у вас отец...

Даже старшие дети понимали, что отец поступает дурно, оставаясь так долго в корчме, и что мать обижена этим. Когда, наконец, Зитар, еле держась на ногах, вернулся, все сторонились его. Альвина вначале даже не хотела разговаривать с ним и, сердито уклоняясь от прикосновений мужа, ледяным тоном спросила:

— Зачем ты пришел домой? Иди обратно туда, где был все это время. Та уж, наверно, ждет тебя...

— Альвина, неужели я не имею права пойти к своему брату на именины? — Зитар пытался погладить руку жены — признак, что он действительно чувствует себя виноватым.

Альвина отдернула руку, словно ее ужалила змея.

— К брату? — холодно усмехнулась она. — Что ты голову морочишь? Как тебе не совестно? Вся волость уже знает, зачем ты ходишь в корчму. Люди ведь не слепые.

И она зарыдала.

— У тебя дома дети. Умный человек, а бегаешь за хвостом какой-то кабацкой потаскушки. Хоть бы детей постыдил. Думаешь, они не видят,

какой у них отец? Не понимаю, чем она тебя приворожила...

В довершение всего, расставшись с любимым креслом, из своей комнаты вышла Анна-Катрина.

— Я, сын мой, никогда не думала, что ты будешь так жить. Твой отец был совсем другим.

Зитар стоял посреди комнаты, словно медведь, оцепленный охотниками. Хныканье жены и плаксивые причитания матери начали раздражать его. Тоже судьи нашлись! В чужом глазу видят сучок, а в своем мачт не замечают. Он мог несколькими словами заткнуть им рты, стоило лишь напомнить кое о чем. Но как говорить, когда в углу стоят дети и слушают? В груди оскорбленного мужа кипело возмущение, но он сдержался и, махнув рукой, повернулся к женщинам спиной.

— Ну, сын, как у тебя сегодня дела в школе? — спросил он у Эрнеста. Тот вопросительно посмотрел на мать и ускользнул от отца. Эльза с высоко поднятой головой, нахмурившись, прошла к бабушке. Карла в комнате не было. Только маленький глупыш Янка стоял у печки и улыбался.

Зитар прошел в спальню и одетый лег на кровать. Еще было светло. Полный горечи, Зитар упорно думал о своем. Неблагодарные, кто о вас заботится, кто дрогнет и мокнет на море во время штормов и метелей, в то время как вы сидите у печки, прислушиваясь к пению сверчка? Сколько раз судно было на краю гибели и жизнь его висела на волоске. Разве не посылал он им денег больше, чем они могли потратить? Разве не привозил полные мешки подарков, скитаясь сам, как бездомная собака, в чужих краях? И вот, когда он разрешил себе немного повеселиться в доме брата... даже такого пустяка ему не позволяют. Неблагодарностью платят за все. Анна совсем не такая.

Зитару стало жаль себя. В этот момент кто-то коснулся его руки и, придерживаясь за нее, вполз на кровать. Маленькая фигурка ловко забралась под одеяло и свернулась рядом с Зитаром. Это был Янка. Он ничего не говорил, только смотрел на отца и дружески ему улыбался. И от этой безмолвной дружеской улыбки у Зитара вдруг потеплело на сердце, забылся недавний скандал.

«Только и осталось у меня друзей, — растроганно подумал капитан и крепче прижал к себе мальчугана. — Все против меня, только ты один мой маленький друг».

Одинокому, но сильному человеку нужна лишь самая маленькая поддержка, чтобы он вновь осознал свою силу. Приход Янки рассеял мрачные мысли Зитара; через двери, которые открыл малыш, к Зитару вернулись гордость и мужество. Двое против всех! Они им покажут! Все

крепче прижимая сына, Зитар стал рассказывать ему о будущем.

— Когда ты вырастешь большой, мы оба отправимся за границу. Поедем к неграм, станем есть бананы и кокосовые орехи, и у нас с тобой будет по обезьянке.

— Да, да, — тихо поддакивал Янка.

— У меня обезьянка будет побольше, у тебя поменьше. Она взберется на мачту и станет бегать по реям, а мы будем стрелять чаек и охотиться на дельфинов.

— Да, да.

— В Америке мы купим маленькую черепаху и попугаев. И у тебя будет подзорная труба, в которую ты сможешь видеть далеко-далеко.

— До самой Америки! — радостно воскликнул Янка.

— Да, до самой Америки.

— И мы возьмем с собой Джима.

— Да, с собой.

— Пускай он ловит мышей!

Так разговаривая, капитан Зитар уснул. Рука, обнимавшая мальчика, ослабла, изо рта пахло перегаром. Янка продолжал еще задавать вопросы, но, не дождавшись ответа, заскучал. Наконец он выкарабкался из кровати и направился к Карлу, чтобы рассказать, что ему пообещал отец.

С этого дня отношение Зитара к младшему сыну изменилось. Янка ему понравился, и он часто с затаенной радостью наблюдал за ним, улыбался его детски-серьезному разговору. Открыто выказывать свои чувства Зитару мешала странная застенчивость. Не к лицу ему, солидному человеку, проявлять нежность к сыну. Когда никого не было поблизости, капитан охотно болтал с Янкой, ласкал его. Но как только кто-нибудь появлялся, он отталкивал сына, иногда даже резко, ибо стыдился своих чувств. Янка в таких случаях терялся, не понимая, чем он так рассердил отца.

Как-то Альвина заговорила о том, что, пожалуй, пора утопить старого Джима: достаточно пожил он на белом свете, под старость ленится ловить мышей. Эрнест тут же охотно вызвался утопить кота. Но когда остальные дети узнали, какая участь ждет их любимца, они до тех пор упрашивали мать, пока та не смилостивилась. Эрнест, однако, сообразил, что родители не будут против, если он на свой страх и риск разделается с Джимом.

Однажды после обеда, когда Карл сидел за букварем, а Эльза учила

уроки в комнате бабушки, Эрнест, отыскав старый мешок, заманил кота в дровяной сарайчик и, поймав его, сунул в мешок. Мимо каретника он прокрался к реке. Джим, почуяв недоброе, всю дорогу мяукал истощенным голосом. Пока Эрнест пробивал лед в проруби, коту удалось прогрызть мешок и выбраться из него. Эрнест кинулся вслед беглецу. Отбежав немного, Джим вдруг обернулся и, выгнув спину дугой, посмотрел на своего преследователя глазами, сверкающими недобрим зеленым огнем. Лишь только Эрнест с продраным мешком в руках приблизился к Джиму, тот зашипел и прыгнул на грудь мальчика. Это был уже хищный зверь, а не прежний миролюбивый мурлыка. Кот крепко вцепился когтями в куртку, доставая до самого тела, и, казалось, сейчас выцарапает мальчику глаза. Эрнест в испуге ухватил Джима за голову, пытаясь оторвать от себя, но кот словно прирос к нему. Когда мальчику удалось, наконец, отодрать его от груди, кот исцарапал ему руки и, скинутый на землю, не убежал, а злобно шипел и бил хвостом по земле.

Эрнеста обуял страх, и он пустился бежать. Джим не погнался за ним, но, ни на секунду не спуская глаз, следил за врагом, проклиная его на кошачьем языке.

С той поры Эрнест при встрече с котом всегда уступал ему дорогу. Джим больше не давался никому в руки и даже в самые студеные дни не шел в комнату. Добродушное животное превратилось в злого зверя, готового в любую минуту отстаивать свою жизнь.

— На будущий год придется достать нового кота, а то Эльге не с кем забавляться... — сказала Альвина. — Старые коты не умеют играть с детьми.

Никто не догадывался, почему Джим стал таким злым. Кот все реже появлялся на дворе: прятался над коровником, гулял по полям и часто исчезал на несколько дней. Однажды он больше не вернулся. Вскоре Криш нашел его в кустах мертвым. Карл тут же решил, что старому другу следует отдать последний долг. Взяв лопату, они с Янкой отправились хоронить кота. В поле земля замерзла и затвердела как камень. У мальчиков не хватило силы выкопать яму, поэтому они решили похоронить Джима в старой картофельной яме, пустовавшей в этом году. Торжественно донесли они сюда завернутого в тряпки кота, разрыли сгнившую солому и положили Джима на дно. Сверху они прикрыли его соломой и засыпали землей.

Пока Карл разравнивал холмик, Янка осматривал яму.

— Посмотри, что это такое! — вдруг вскрикнул он: у стенки ямы лежала груда каких-то вещей. Подошел Карл. Тут были карандаши,

резинка, перчатки, ленты для кос, пепельница, подсвечники, несколько книг — целое состояние.

— Это спрятал какой-нибудь вор, — высказал предположение Карл. — Знаешь что, Янка, не будем трогать эти вещи, пойдем скажем отцу.

— Отец возьмет ружье и поймает вора! — обрадовался Янка. — Пойдем.

Зитар отнесся недоверчиво к рассказу сыновей. Но когда Карл подробно описал ему все, в капитане проснулось любопытство, и он последовал за мальчиками.

— Странно, кто бы это мог здесь спрятать? — недоумевал Зитар, ознакомившись с богатствами Эрнеста. За последнее время сокровищница эта пополнилась некоторыми новыми вещами: нотной тетрадью, суковатой палкой и графином. Среди прочего Зитар заметил и свою бензиновую зажигалку, пропажу которой он обнаружил дня два тому назад. Перелистывая русские и немецкие книги, он увидел фамилию владельца: Карл Дзегузе. Это была фамилия помощника учителя. Чем больше Зитар думал о случившемся, тем сильнее хмурился.

— Соберите все, снесем домой, — сказал он мальчикам. — Только никому не говорите об этом. Поняли? Никому. Тогда мы разыщем вора.

Дома вещи сложили в ящик, а капитан, расхаживая по комнате, стал ощупывать карманы.

— И куда только девалась моя зажигалка? Никто из вас не видал ее?

Эрнест покраснел, опустил глаза. Зитар внимательно наблюдал за ним. Когда с наступлением сумерек мальчик выскользнул из комнаты, отец проследил, как он прошел по двору и направился в поле, туда, где находилась старая картофельная яма. Выждав немного, капитан тихонько подошел к яме; Эрнест в сильном волнении рылся в соломе.

— Что ты здесь делаешь? — крикнул отец.

Эрнест испуганно сунул что-то в карман.

— Я... я просто так...

Схватив сына за ворот, Зитар вытащил его из ямы и обшарил все карманы. Из одного кармана выпали пестрая ручка и перочинный нож «Фискарс».

— Откуда это у тебя?

— Я... я нашел на дороге.

Не говоря ни слова, Зитар, крепко ухватив сына за локоть, повел его к дому. Нахмуренный лоб отца, его молчание и больно впивавшиеся пальцы наполняли сердце Эрнеста мрачным предчувствием: его ожидает нечто ужасное. По мере приближения к дому страх Эрнеста усиливался. Он

пытался вырваться, но пальцы отца были словно из железа. Время от времени встряхивая, как собака змею, отец тащил его с гневной поспешностью.

— Папочка, я... — пытался объяснить Эрнест.

— Молчи!

Придя домой, Зитар велел остальным детям выйти, затем позвал жену.

— Альвина, ты когда-нибудь воровала?

— Я? Нет. Странный вопрос!

— Я тоже никогда не брал чужого. Откуда же у нас взялся такой скот?

Вытащив на середину комнаты ящик, он высыпал его содержимое на пол. Налившимися кровью глазами он пристально смотрел на сына.

— Это все ты нашел на дороге? Чьи это книги? Где ты взял этот подсвечник?

Бледный Эрнест пятился назад. Зитар огляделся кругом, схватился было за ремень, потом взял в руки плетъ для верховой езды. Все казалось слишком ничтожным, легковесным. Капитан задыхался от гнева, он был вне себя.

Альвина поняла, что надвигается все сметающий ураган и мальчику грозит непоправимая беда, если она не придет на помощь. Пока капитан искал, чем пороть сына, она загородила собою Эрнеста.

— Андрей, ты с ума сошел! Ты же не собираешься его убивать. Подумай, что ты делаешь!

Зитар хмуро посмотрел на жену, но не промолвил ни слова.

И опять ремень с тяжелой пряжкой начал гулять по спине Эрнеста. У Зитара все-таки хватило ума ограничиться ремнем. Эрнест не кричал, не просил пощады, только по временам тяжело стонал. Когда капитан устал и гнев его немного утих, он отпустил сына и, тяжело дыша, сел на стул. Что теперь делать? Поможет ли ему сегодняшней урок? Может, необходимо публичное унижение, тогда Эрнест навсегда потеряет охоту к чужим вещам?

— Пес ты эдакий! Чего тебе не хватает? Тебе в чем-нибудь отказывают? Чего ты шарить по чужим карманам?

Зитар в душе считал, что по-настоящему следовало бы заставить Эрнеста отнести украденные вещи в школу и вернуть их владельцам. По крайней мере, главные из них: книги учителя. С другой стороны, его пугали неизбежные последствия: вся округа узнает, какой у Зитара сын, и бесчестье сына падет на всю семью. Такого позора Зитару не пережить. Скажут: «Яблочко от яблоньки недалеко катится. Если сын вор, значит, отец...»

Нет, этого нельзя делать. Все должно умереть здесь же, на месте. Ни слова о том, что произошло.

Долго в тот вечер Зитар говорил с сыном, пока тот, одурев от страха, наконец, перестал уже что-либо понимать. Затем в большой комнате затопили печь и сожгли в ней все найденные в яме вещи.

Между тем, время шло своим чередом. В усадьбе Зитаров подрастало новое поколение, предоставленное самому себе, подвластное всяким случайностям. Взрослым некогда было следить, как складывается характер молодой смены, — погруженные в свои заботы, захваченные своими страстями и борьбой, они жили своей жизнью. Но жизнь эта была не из веселых.

Глава пятая

1

Андрей Зитар когда-то учился в том же мореходном училище, куда осенью поступил Ингус.

В старших классах учеба начиналась немного позже, поэтому сейчас здесь находились лишь воспитанники подготовительного класса. Как только Ингус выдержал вступительные экзамены, Зитар купил ему форму, о которой Ингус мечтал все лето: блестящие пуговицы с якорями, большое медное штурвальное колесо на погонах мундира и шинели, матросская бескозырка с ленточками и надписью «Мореходное училище». В такой одежде человек чувствует себя взрослым и полноценным — он уже кое-что значит в жизни.

Ингуса устроили на квартиру с пансионом в тихую рыбацкую семью Кюрзенов, где в свое время квартировал и сам Андрей Зитар. Когда-то в молодости Кюрзен служил на «Дзинтарсе» матросом, но потом ему надоела жизнь моряка, и он вернулся к занятию дедов и прадедов. Ему принадлежал небольшой домик на окраине, около сорока пурвиет ^[9] земли и моторная лодка, на которой он каждую неделю ездил в Ригу.

Летом в местечке было сравнительно тихо и даже скучно, как во всякой провинции. Настоящая жизнь начиналась лишь с наступлением осени, протекала бурно и шумно всю зиму, чтобы опять затихнуть весной до следующего октября. Оживление это приносили с собой ученики мореходного училища, веселые перелетные птицы, прилетавшие на север и распевавшие свои беспечные песни наперекор метелям и стужам, в то время как другие птицы тянулись к солнечному югу. Это была пестрая, жизнерадостная и озорная ватага. Первыми появлялись мальчики с розовыми детскими лицами, на которых еще не было даже признаков пуха. В серых домотканых одеждах, неуклюжие, застенчивые, прибывали крестьянские сыновья, выросшие в деревенских усадьбах, вздумавшие сменить тощие пашни на морские просторы, избравшие орудием труда штурвальное колесо вместо ручек плуга. Приезжали загорелые рыбаки, с башмаков которых ещё не отстала рыба чешуя. Шумной толпой являлись горожане. Среди них были и сыновья бедных ремесленников, и отпрыски капитанов, богатых торговцев и буржуа со всех концов Латвии и даже из

дальних русских губерний. Некоторым еще никогда не приходилось плавать на судне, другие годами скитались по морю у чужих берегов. Совсем незнакомые, они в первый же день разговаривали как старые друзья, рассказывали о своих парусниках, пароходах, вспоминали общих знакомых — капитанов и штурманов, перенесенные штормы и приключения в иностранных портах. Кому нечего было рассказывать, тот слушал. Но настоящим морским духом веяло, лишь когда съезжались старшекласники, учившиеся в специальных классах и готовившиеся к выпускным экзаменам. Многие из них уже ходили в море штурманами в ближние рейсы, самостоятельно водили парусники. Все они преследовали одну цель и шли к ней одним путем. Кто бы ты ни был, если желаешь получить диплом штурмана дальнего плавания, тебе, кроме учебной программы, нужно еще пройти суровую школу морской практики: отслужить юнгой на судне, научиться чинить паруса, уметь выполнять все матросские обязанности. Кому такая закалка оказывалась не под силу, тот капитулировал и искал более спокойной жизни. Но училище от этого ничего не теряло, ибо на море нужны сильные духом и телом люди — неженка оно в свою семью не принимает.

Интерната при школе не было, и каждый ученик сам заботился о жилье и питании. Это было довольно сложным делом. Не каждая семья принимала на пансион звонкоголосых мальчиков. Их образ жизни отпугивал степенных обывателей, привыкших вовремя вставать и вовремя ложиться. «Пусти одного в дом, самому жизни не будет», — говорили любители тишины и порядка. Им можно было сулить золотые горы за каморку и питание — предубеждение против учеников мореходного училища брало верх над всеми соблазнами. Но наряду с такими семьями находились и другие — они не боялись шума и беспокойства. Эти семьи охотно пускали учеников под свой кров; в некоторых домах они жили даже целыми группами. Где селилось четверо или пятеро таких парней, там затевался настоящий ад. По вечерам, наспех выучив наиболее важные уроки, они доставали музыкальные инструменты, играли, пели, дурачились. Собирались то в одном, то в другом доме. В тихом местечке подымался настоящий содом: кошачьи концерты на улицах, драки с местными парнями, вечная война с урядником Трейманом. Ясно, что в подобной обстановке о серьезных занятиях не могло быть и речи.

Зная об этом из личного опыта, Зитар поселил Ингуса отдельно, у Кюрзенов. Вначале, пока Ингус не понимал подспудных соображений отца, ему нравилась жизнь в тихом рыбацком семействе: отдельная комната, чистая, прибранная, никто не мешает заниматься, кушанье всегда подается

вовремя. О чем еще мог мечтать молодой человек? Но, пожив здесь некоторое время и сравнив свою обстановку с обстановкой товарищей, Ингус почувствовал неудовлетворенность. Жизнь в Кюрзенах стала казаться ему слишком тихой и монотонной. Не может же молодой человек все свободное время просиживать за книгами! Какой интерес растягивать мехи гармони, если нет слушателей, понимающих твое искусство? Старый Кюрзен день-деньской торчит около сетей, чинит рыболовные снасти. Попробуй заговори с ним, слова не вставишь, когда он заведет бесконечные рассказы о прежних временах, об эстонцах и долгих зимах, о поездках в Ригу и потасовках в кабаках на большаке. Ингуса эти истории не интересовали. Молодой хозяин днем редко бывал дома, а жена его заботилась главным образом о том, чтобы Ингус ни а чем не чувствовал недостатка; ее волновало, достаточно ли посолен суп и не прохладно ли в комнате. Ее заботы об Ингусе распространялись настолько далеко, что она запрещала детям тревожить его, хотя, пожалуй, именно они — Фриц и Лилия — могли быть его товарищами. Фрицу исполнилось семнадцать лет. Летом он плавал на старой посудине, а сейчас помогал отцу в рыбной ловле. Лилия была одних лет с Ингусом, она окончила приходскую школу и сейчас брала уроки немецкого языка у жены аптекаря госпожи Гаусман, памятуя, что ученье — свет, а неученье — тьма. Встречаясь с Ингусом, она опускала глаза, а если он с ней заговаривал, щеки ее вспыхивали ярким румянцем и девушка отвечала так тихо и торопливо, словно спешила куда-то. Возможно, ее ослепляли блестящие пуговицы и штурвальное колесо, украшавшие мундир Ингуса?

Прожив в такой обстановке несколько недель, Ингус стал прислушиваться к рассказам товарищей о веселых вечерах, сыгровках, танцевальных вечеринках и борьбе с урядником и пожалел, что отец поселил его так уединенно. Чем плохо, если бы он поселился вместе с двумя или тремя порядочными парнями? Они помогали бы друг другу в учебе, практиковались в разговоре по-английски и учились хорошим манерам, которые будущему капитану так же необходимы, как умение обращаться с секстаном. А манеры приобретаешь, вращаясь в хорошем обществе, где встречаешь юных дам в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. Там можно научиться говорить «барышня, пожалуйста, благодарю вас, извините, до свидания». Там постигаешь высшие премудрости ухаживания, провожания домой и секреты занимательной болтовни. Всему этому следует учиться с детства, если хочешь достичь положения в зрелом возрасте. Так поступали все товарищи Ингуса, и он не должен отставать от них. К тому времени Ингус неплохо играл на гармонии,

и благодаря этому обстоятельству ему нетрудно было найти друзей.

— Мне нужно идти на сыгровку, — заявлял он Кюрзенам, выходя под вечер из дому с гармонью под мышкой. Это был удобный повод. Случалось, что сыгровка затягивалась за полночь и из закрытого помещения переносилась на улицу, где роль музыкальных инструментов исполняли различные жестянки, колья из заборов, вывески торговцев и тому подобные предметы. На следующий день урядник Трейман с пристрастием выискивал нарушителей общественного порядка. После особо грандиозных «симфоний» некоторые участники концерта, случалось, щеголяли с пластырем на лице или просили квартирную хозяйку зашить порванную шинель. А утром, когда жители местечка находили кое-какие изменения во внешнем виде своих владений, хозяйки вздыхали: «Опять эти, из мореходного...», а отцы семейств вынимали изо рта трубку и грозили кулаком: «Вот я их поймаю!..» Но куда там — ищи ветра в поле! Очень трудно бороться с нашествием саранчи, капустной бабочкой и жизнерадостной молодежью, взбаламутившей безмятежное существование местечка! Об этом лучше всего осведомлен урядник. Ученики мореходного училища не оставляли в покое ни одной улицы, ни одного дома. Только места, где жили их учителя, они старались обходить и действовали здесь осмотрительно. Директор Айзуп знал обо всем, что происходит, иногда даже делал попытки воспрепятствовать похождениям воспитанников, старался повернуть их на стезю добродетели, но у него не хватало настойчивости, и все продолжалось по-старому. Даже инспектор признал свое бессилие в борьбе с «неотвратимым злом». В школьные годы он сам был не лучше. Жизнь их научит, а сейчас важнее всего, чтобы юноши усвоили премудрости судовождения, коносаменты, карту звездного неба, морские законы и в этих вопросах не давали никому спуска.

Посещая сыгровки, Ингус познакомился с человеком, который потом в течение всей школьной жизни стал его ближайшим другом и товарищем и сыграл значительную роль и в дальнейшем. Это был Волдис Гандрис — тоже первокурсник, но благодаря особенностям характера и выдающимся способностям приобретший такую известность и уважение, что с ним дружили даже выпускники.

Волдис Гандрис был, пожалуй, самым бедным из всей большой семьи учеников и вместе с тем главным заводилой всех проказ. К моменту

поступления в училище у него за плечами уже была трехлетняя практика морского плавания — сначала юнгой на пароходе, затем младшим матросом на паруснике. Среди первогодков он считался самым опытным и обладал познаниями настолько обширными, что они сделали бы честь любому старому моряку. Немногие могли похвастаться, что видели Панамский канал или мыс доброй Надежды и, потерпев крушение у скалистых берегов Норвегии, возвращались на родину на пассажирском пароходе. Родители Волдиса работали пастухами в одном из видземских имений и почти не помогали сыну — дома, помимо него, оставалось немало голодных ртов. Молодому моряку подчас приходилось очень туго.

Волдис жил вместе с двумя старшими учениками в небольшом домике около аптеки. Пансиона здесь не было, каждый сам заботился о питании, зато вся квартира — две комнаты и кухня — находилась в полном распоряжении юношей. Уходи и приходи, когда хочешь, никого ты не беспокоишь и не выслушиваешь нотаций. Они ценили эту свободу и соответствующим образом пользовались ею. Большие сборища, вечеринки и сыгровки всегда происходили в «общезитии» Волдиса. Там находился штаб, разрабатывавший планы самых шумных походов. Главным вдохновителем и вожаком всех проделок неизменно являлся Волдис — семнадцатилетний коренастый паренек. Учение давалось ему необыкновенно легко: достаточно было один раз прочесть заданный урок, как он уже знал его почти наизусть. Он шутя справлялся с самыми трудными заданиями и считался в классе первым учеником. Вечером, когда соседи по комнате еще корпели над книгами, он, покончив с уроками, готовил на всех ужин. В их объединенном хозяйстве Волдис выполнял обязанности повара; о закупке продуктов заботились остальные. Волдис неплохо говорил по-английски, играл на мандолине и выступал с акробатическими номерами. Но все эти таланты не могли сравниться с одной его способностью, где у него не было конкурентов: Волдис бесподобно подражал мяуканью кошек, точно, со всеми сложными оттенками и модуляциями передавая всю многообразную гамму подвывания, шипенья и ворчания. Когда он демонстрировал свое искусство, казалось, что по меньшей мере полдюжины котов сцепились в смертельной схватке. Не раз в темные зимние вечера Волдис пугал одиноких прохожих, устраивая неожиданно на улице кошачьи концерты. И это на самом деле было неприятно. Настолько неприятно, что урядник Трейман однажды ночью даже выстрелил в воздух из револьвера, застигнутый на улице кошачьим концертом в тот момент, когда он подвинными парами на всех парусах направлялся домой из местного трактира.

На котлов протокол составлять не станешь, и к ответственности за нарушение общественной тишины и порядка их тоже не привлечешь. Суеверные кумушки с опаской выходили вечером в лавку, а дома всегда держали наготове сахарную водичку.

Дружба Ингуса с Волдисом началась в один из тех опустошительных набегов, после которого казалось, что по улице местечка только что пронесся потрясающей силы ураган. Это была самая знаменитая сыгровка в том году. Восемь или девять парней под командованием Волдиса вышли около десяти часов вечера из «общезития». Первым делом они взялись за перемещение вывесок. Рыжего быка с мясной лавки перевесили на дверь врача; дощечку с двери повивальной бабки, акушерки Саукум, прицепили к воротам знакомого старого холостяка-женоненавистника; поменяли местами вывески аптекаря и виноторговца, подчеркнув этим близкое родство этих заведений. А великолепная эмблема трактирщика оказалась утром у дверей сектантского молитвенного дома, и уважаемый проповедник господин Ацтинг подал после этого на трактирщика в суд за кощунство.

Не всегда, однако, все шло гладко. У воспитанников мореходного училища было немало врагов, и особенно среди местных парней, чьи достоинства совсем заслонялись блестящими мундирами и не менее блестящими перспективами будущих моряков. Каждой девушке хотелось иметь друга и поклонника со штурманскими погонами и блестящими пуговицами, каждая наивно мечтала удостоиться чести быть госпожой капитаншей. Зимой местные юноши не имели успеха у девушек. Забытые и покинутые, они всем сердцем ненавидели бессовестных захватчиков и, собираясь группами, выслеживали соперников. Если попадался им под руку отбившийся от товарищей ученик, они избивали его и срезали с формы блестящие пуговицы. Когда встречались две враждебные группы, разгоралась настоящая битва. Ингус, выходя вечером на улицу, обязательно прятал под шинель какой-нибудь тяжелый предмет. У некоторых старшеклассников имелись револьверы. Но Волдис даже в самые трудные минуты ограничивался пробочным пистолетом. Военные действия разгорались обычно только ночью, днем же царил перемирие. Это продолжалось из года в год, каждую зиму. Новички быстро усваивали традиции предшественников, потому что, как известно, добрые обычаи переходят из поколения в поколение.

На рождественские каникулы Ингус поехал домой. В местечке остались только немногие ученики — те, у кого родители жили очень далеко, и нуждающиеся. К последним относился и Волдис Гандрис. Ингус уговаривал его ехать вместе с ним в Зитары, но веселый сорванец отказался.

Сердце молодого Зитара сильно билось, когда он в форме ученика мореходного училища подошел к дому. И не без причины: красивый мундир и хорошие отметки за первую половину учебного года заставили бы возгордиться всякого мальчика. Несмотря на веселое времяпрепровождение, у Ингуса по всем предметам были хорошие отметки, лучше, нежели ожидал отец. Это, видимо, и послужило причиной того, что дома к нему отнеслись с уважением, совсем как к взрослому. В сочельник ему пришлось сопровождать родителей в церковь, где была зажжена елка. Эльза и Эрнест участвовали в церковном хоре: они пели те же псалмы, которые в свое время пел Ингус. Выходя из церкви, он встретил старого Асныя. Строгий учитель, которого мальчишки боялись как огня, удостоил бывшего воспитанника рукопожатием и поинтересовался, как идет учение в мореходном училище. Куда ни повернись, везде ты замечаешь какую-нибудь приятную перемену: с тобой обращаются как с равным, ты уже не ребенок, не мальчишка в глазах взрослых, а будущий капитан. И удивительно, сам ты не замечаешь в себе никакой перемены. Лишь одежда на тебе другая, а ты все прежний, и, встретив около церкви старых приятелей, ты забываешь о том, что на тебе мундир, и сразу начинаешь с ними бороться.

Вечером на следующий день нужно было идти на елку в корчму. Альвина, сославшись на недомогание, осталась дома, но Зитара это обстоятельство несколько не опечалило. Он был очень весел и рассказывал на елке забавные истории о том, как проводил рождественские праздники за границей. Над рассказами капитана громче всех смеялась Анна, жена корчмаря. К Ингусу она относилась очень приветливо. Это был хороший вечер.

Новый год семьи обоих братьев встречали в Зитарах. Ингуса поразило холодное отношение матери к Анне. Она, правда, поддерживала с ней разговор, временами даже улыбалась, но в каждом ее слове сквозили нескрываемые высокомерие, гордость, презрение. Почему? Анна казалась такой приветливой, радушной. Должно быть, мать и в самом деле нездорова.

Когда Ингус уезжал в училище, ему пришлось оставить каждому брату по блестящей пуговице от пальто. Они так настаивали! Им они нужны

были для игры в «зексеры» [\[10\]](#), которая входила в моду.

Вернувшись с каникул, Ингус заметил, что Лилия Кюрзен стала немного иной, чем раньше. Она больше не опускала глаз при встрече с ним и не краснела, когда он с ней заговаривал. Лилия сама вошла к нему в комнату и рассказала, как весело она провела праздники.

— Мы ходили в гости к крестному, там была вечеринка с играми. Мальчишки научили меня танцевать вальс. Ты умеешь танцевать?

Нет, Ингус не умел.

Когда вечером Ингус, по обыкновению, направился на сыгровку, Лилия сказала:

— Я знаю, куда ты идешь. У вас там, будет вечеринка. А ты говоришь, что не умеешь танцевать.

— Ну что ты говоришь...

— И ты ходишь также на свидания. Я ведь знаю, — смеялась Лилия. Но Ингус не понимал ее.

На следующий день Лилия зашла прибраться в комнате Ингуса.

— Не нравятся мне ученики мореходного училища, — сказала она ни с того ни с сего.

— Почему? — поинтересовался Ингус.

— Потому, что они воображают много о себе, заносятся слишком. На самом деле они такие же мальчишки, как и все, только с блестящими пуговицами...

Ингус пожал плечами. «И чего только такая девчонка не придумает! Какое мне дело до того, что тебе не нравятся ученики мореходного училища? Зачем ты мне об этом говоришь?»

Второе полугодие пролетело быстро. К весне занятий стало больше. Старшеклассники готовились к выпускным экзаменам, младшие были озабочены переходом в следующие классы. Некогда было даже полюбоваться ледоходом, сходить на опушку леса за первыми весенними цветами. Мальчишки стали серьезными. Наступил день, когда все кончилось и звонкоголосая ватага рассыпалась во все стороны. Одни навсегда простились с местечком, другие спешили в Ригу на судно, чтобы пройти летнюю практику; иные направились домой отдохнуть от тяжелых трудов. Волдис Гандрис хотел наняться до осени на пароход, ему надо было заработать деньги, чтобы уплатить за обучение, а Ингуса ожидала баркентина отца.

В день отъезда, пока Зитар рассчитывался с Кюрзенами за содержание сына, Лилия помогала Ингусу укладывать вещи.

— Напиши мне что-нибудь в альбом, — попросила она.

— Стихи? Можно.

И красивым каллиграфическим почерком он вписал в альбом Лилии две строчки:

Далеко в открытом море
Сердцу вольно и легко. [\[11\]](#)

Барышне Лилии Кюрзен на память от Индрика Зитара

Лилия убрала альбом и сказала:

— Ты ведь загордишься, не станешь писать из плавания.

— Вот увидишь, напишу. Я пришлю тебе письмо из Англии.

— А фотографию, конечно, не пришлешь?

— Если ты подаришь свою, пришлю.

— У меня нет хорошей, есть только маленькая карточка, я снималась в школьной форме.

— Давай хоть такую.

Это была первая фотография, которую Ингус в тот день положил в свою записную книжку: девочка с длинной косой и маленьким круглым лицом.

Ученики мореходного училища разъехались. Жители местечка вздохнули с облегчением, а урядник Трейман в эту ночь впервые за много месяцев спокойно уснул. Теперь спокойствие обеспечено до осени. Когда на деревьях пожелтеет лист и вереницы гусей потянутся к югу, жители побережья опять встретят веселых парней, снова будут негодовать, твердить, что это наказание господне, и вместе с тем обрадуются их возвращению. Человек привыкает ко всему, а к чему привык, без того он не может обойтись. Непогода и бури так же необходимы, как и солнечные дни.

В это лето Ингус отслужил пять месяцев на «Дзинтарсе» младшим матросом. Осенью он вернулся домой на одном из рижских пароходов, а Зитар направился на своем корабле к островам Вест-Индии и возвратился на родину лишь два года спустя. Каждую весну сын сообщал отцу об успехах и о том, как он предполагает провести летние каникулы. Каждый год он переходил из класса в класс. Пока «Дзинтарс» находился в южных

морях, Ингус в летние месяцы плавал на парюходах — ведь практику на паруснике он уже прошел. Быстро летели годы. Вихрастые мальчуганы превращались в плечистых юношей, и одновременно с появлением темного пушка на верхней губе мужал и их характер. Перед выпускным классом Волдис Гандрис и Ингус год прослужили штурманами на судах: Волдис — на старом парюходе, Ингус — на «Дзинтарсе» у отца. Старый Зитар оказался более строгим наставником, чем школьные учителя. Он почти ежедневно требовал от сына, чтобы тот определял местонахождение корабля, проверял коррекцию хронометра и упражнялся в сигнализации. Постепенно он ознакомил его с важнейшими юридическими положениями, с особенностями законов некоторых портов и договорными статьями, чтобы потом, когда придется самостоятельно заключать договоры на фрахт, ему не ударить лицом в грязь перед иностранными маклерами.

— Одна неправильно составленная фраза в коносаменте может тебе стоить всего фрахта, — предупреждал Зитар. — Если ты не будешь держать ухо востро, тебя на каждом шагу будут обманывать. Поэтому изучай языки и не доверяй слепо каждому встречному.

Наконец наступил последний год школьной жизни. Доброй половины тех мальчиков, с которыми Ингус начал учиться, уже не было в училище: многие перешли в другие учебные заведения, иные прервали занятия, кое-кто, добившись диплома штурмана, успокоился на достигнутом и поступил на парюход. Были среди учеников и такие, что ушли в дальнее плавание и опоздали к началу учебного года. Волдис Гандрис тоже явился лишь недели две спустя после начала занятий, но он быстро догнал товарищей и опять занял первое место. За пять лет как у Волдиса, так и у Ингуса почти исчез прежний мальчишеский задор. Они уже носили не матросскую бескозырку с лентами, а штурманскую фуражку с блестящим козырьком и кокардой. Да и сами они стали серьезными, благовоспитанными юношами, которых уже не занимали перемещение вывесок и потасовка с местными парнями. Теперь они рассуждали о международных событиях, о войне на Балканах [12] и о перспективах службы в Русском добровольном флоте [13]. Состав учащихся в последнем классе был самый пестрый: тут учились и молодые парни, вроде Волдиса и Ингуса, которые прошли весь курс училища, не оставаясь на второй год, и неудачники, лентяи, любители выпить, сидевшие по два года в каждом классе и уже второй, а то и третий раз пытавшиеся сдать экзамен на звание капитана; появлялись здесь и бородатые, пожилые моряки, которые уже многие годы плавали штурманами, женились и теперь надумали получить диплом капитана. Некоторые учителя оказывались моложе учеников; один водил рыбацкое судно на Каспии, другой четыре

года плавал на английском барке. Многих в этом году последний раз допускали к экзаменам: если и теперь не выдержит, придется всю жизнь довольствоваться званием штурмана. Можно себе представить, с каким трепетом ожидали они выпускного экзамена. Чем ближе подходила весна, тем сильнее было волнение. Ингус неделями не брал в руки гармонь. Возвратившись из училища, он сразу же уходил в свою комнату и допоздна просиживал над книгами, чертежами.

— Так, сынок, ты недолго протянешь, — заметил ему старый Кюрзен. — Получишь чахотку, и все учение пойдет насмарку.

— Теперь уже недолго, еще несколько недель осталось, и вся эта горячка кончится, — ответил Ингус.

На здоровье он не жаловался, но бессонные ночи и напряженные занятия все же давали себя знать. Он заметно побледнел, похудел, нервы напряглись, как туго натянутые струны, малейший пустяк раздражал, и, несмотря на достигнутые успехи, настроение было подавленное. За неделю до экзаменов Ингус взбунтовался:

— А, будь что будет! Больше не могу.

Бросив книги в угол, он рано вечером лег спать. На следующий день Ингус отправился с Лилией погулять на взморье. Они ушли за несколько верст, болтали всякую чепуху, собирали фиалки, бегали взапуски. Лилия больше не говорила о том, что она терпеть не может учеников мореходного училища. Теперь она уже умела говорить по-немецки и прошлой весной была подтверждена ^[14]. А Ингусу исполнилось только двадцать лет. Он еще слишком молод, чтобы... Зитары никогда не женились раньше тридцати. Но если хочешь сделать человеку приятное, почему не обнять Лилию и не шепнуть ей на ухо какие-то милые глупости? Ведь она уже взрослая девушка, и в груди у нее живое сердце. Она уже не такая резкая, как в первые годы: время успокаивает людей. Она не уклоняется, не пытается освободиться, когда Ингус крепче прижимает ее к себе, она даже как будто сама льнет к нему. Но разве он понимает это? Сегодня ему не хочется думать ни о чем. Нужно рассеяться, дать отдых нервам, чтобы с полным хладнокровием встретить экзамены. Побежим, Лилия!..

Нет, он все же слишком молод, сам не заговорит об этом. Но Лилия не представляет себе, как же будет, когда Ингус совсем уедет. Она привыкла, что осенью он приезжает и поселяется в маленькой комнатке. В последнее время он и на сыгровки перестал ходить. Почему бы ему не жениться? Окончит училище, может плавать штурманом. Штурманов не призывают на военную службу. Почему он не может?

...Они возвращаются вечером с загоревшими на весеннем ветру

лицами. У калитки Ингус, взяв руку Лилии, долго гладит ее, отвернувшись в сторону.

— Лилия... ты не сердись на меня?

— Что ты, что ты!.. — она улыбается и прижимается головой к его виску. — Почему ты так думаешь? Не говори теперь об этом, пойдем лучше домой.

— Я еще схожу к Волдису, но скоро вернусь.

— Только не опоздай к ужину!

Ингус вернулся часа через два. Все уже спали, только Лилия в своей комнате вышивала на наволочке монограмму «Л. К.». В приданом Лилии каждая вещь будет помечена такими монограммами, она уже вторую зиму вышивает их. Сложив рукоделие, девушка приносит Ингусу ужин.

— Знаешь что... — мнется она, когда Ингус начинает есть. — Я матери все рассказала.

Ингус, покраснев до кончиков ушей, кладет на стол вилку.

— Ты... рассказала?

— Ты не так меня понял. Я только сказала ей, что мы обручились. Разве этого нельзя говорить? Все равно ведь когда-нибудь все узнают.

— А что она ответила? — дыхание Ингуса стало спокойнее.

— Она ничего не сказала, ответила только, что это наше дело.

— Так? Ну конечно. Только бы она никому не разболтала.

— Я не понимаю, почему это надо держать в секрете?

— Я еще не говорил с родителями. Лучше, если они об этом узнают от меня, а не от посторонних людей.

— Это верно.

— И прежде всего я хотел бы спокойно сдать экзамены.

— Ты прав. Я скажу матери, чтоб она никому не говорила. Ты сегодня будешь заниматься?

— Нет, у меня голова точно свинцом налита. Пойду еще пройду немного.

— Тогда ешь и пойдем. Я возьму пальто.

Ингус Зитар, ты не замечаешь ловушку? Дочери Евы коварны! Берегись, моряк!

А пусть... Он из рода Зитаров — росток сочного, крепкого дерева. Почему ему нельзя? Зитары никогда не останавливались на распутье. Их не поймает в силки, они сами охотники.

— Пойдем, Лилия...

К началу выпускных экзаменов занятия в остальных классах уже окончились и воспитанники разъехались. Из Риги прибыли важные господа, судовладельцы и представители старшего поколения капитанов. Приехали и родственники экзаменующихся — отцы, братья, — приведя этим в еще большее смятение и без того взволнованных юношей. Капитан Зитар, опять находившийся эту зиму дома, поступил более благоразумно: он прислал Ингусу письмо, в котором обещал приехать позднее, когда «кончится вся эта горячка». На самом же деле он и не собирался приехать, только прислал деньги, а сам направился в Ригу готовить судно к очередному рейсу.

После сильного возбуждения Ингуса охватило глубокое спокойствие. «Будь что будет! — думал он, отправляясь на испытания. — В конце концов, это не вопрос жизни. В худшем случае останусь еще на одну зиму в училище».

Хладнокровнее всех относился к предстоящим экзаменам Волдис Гандрис. Происходило ли это от большой самоуверенности или от полнейшего равнодушия к исходу экзаменов, но его поведение было настолько беспечным, что товарищи сочли нужным предостеречь его. Ночью перед последним экзаменом он отправился за шесть верст от местечка на какой-то хутор праздновать именины. Там было наварено пиво и приглашено много девушек из соседних хуторов. Волдис танцевал до рассвета. Утром ему кто-то напомнил об экзамене. Он умылся холодной водой и на лошади вернулся обратно. Слегка покрасневшие глаза говорили о бессонной ночи, но и у остальных глаза были не лучше. Все решили, что это от усиленных занятий.

— Ну, как твое самочувствие? — спрашивали друг друга парни, потягивая папиросу за папирсой. У многих было такое ощущение, как перед операцией. Может быть, все обойдется благополучно, а может...

Наконец, все миновало. Волдис Гандрис окончил мореходное училище с золотой медалью. Ему сразу же предложили остаться преподавателем в училище. Это было очень лестное предложение, но веселый сын пастуха не пожелал сделаться сухопутной крысой и отказался. Молодой капитан, окончивший мореходное училище с золотой медалью, мог рассчитывать на любое место. Доказательством тому служило поспешное предложение судовладельца — одного из членов экзаменационной комиссии; он пригласил Волдиса штурманом на большой пароход. На сей раз Волдис не

отказался.

Неплохо обстояло дело и у Ингуса. Он, правда, не получил медали, но окончил училище по первому разряду — в свое время старый Зитар не мог этим похвастаться.

Все провалившиеся на экзаменах уложили вещи и незаметно разъехались. Счастливыцы — молодые капитаны — устроили на последние деньги складчину и отпраздновали прощальный вечер. Это была, пожалуй, самая шумная и буйная вечеринка из всех проведенных за время учения «сыгровок» и кутежей. Друзья собрались в квартире одного товарища и предались бесшабашному мальчишескому ликованию, хотя это совсем не подходило к их новому общественному положению. Тихая улица местечка содрогалась от удалых песен моряков, юноши танцевали на террасе с подругами школьных лет. Почти у каждого имелась своя дама сердца. Сегодня они все собрались сюда разделить радость друзей и с честью проводить их в новую жизнь. На улице у дома толпились любопытные. Мальчишки, сидя на заборе, ожидали, когда кто-нибудь из бывших учеников мореходного училища бросит им старые пуговицы с якорем. Матери, дочери которых удостоились счастья участвовать в торжестве, издали наблюдали, как веселятся на террасе их любимицы. Соседки, обойденные приглашением, собирались в кучки и злословили:

— Даже нечего думать, что возьмет. Так, пожил; а теперь уедет неизвестно куда. И где только у этих девушек ум?..

— Если Зитар женится на Лилии Кюрзен...

— Пожалуй, там что-нибудь выйдет. Говорят, они уже обручились. Мне Кюрзениете говорила.

— Уже так далеко зашло? Впрочем, она последнее время так вешалась ему на шею, что просто срам!

— Так он и взял ее! Ха-ха-ха! Неужели лучшей не найдет!

— Но они уже обручились.

— Это все равно, что у цыгана под кустом.

— Кто их знает! Лилии-то, наверно, он очень нравится. Такой интересный молодой человек, отец, говорят, владелец нескольких судов.

— Я еще помню его отца, он учился здесь же. Ну и весельчак был!..

И тут всплыло забытое прошлое. Сыновей сравнивали с отцами, дочерей с матерями, и слышались скептические возгласы умудренных жизнью кумушек:

— Ничего там не получится.

Вдруг раздался отвратительный вой. Вероятно, в саду опять разодрались коты. Сплетницы оборвали болтовню, испуганно

отплевываясь. А источник их испуга Волдис Гандрис подошел к калитке и в последний раз продемонстрировал свое умение, открыв жителям местечка секрет кошачьих концертов. Теперь всем стало ясно, кто пугал их темными зимними вечерами.

— Вот ведь безобразник! Разве не следовало его как следует выпороть!

После этого, к великому восторгу мальчишек, Волдис — молодой штурман с золотой медалью — вскочил на забор и прошелся по нему на руках; повеселив таким образом публику, он легко вскочил на ноги, одним прыжком добрался до балкона и с кошачьей ловкостью взобрался на него. Оттуда он произнес речь в честь гостей, стоящих за забором.

Праздник продолжался всю ночь. Волдис Гандрис, поймав где-то на улице урядника Треймана, притащил его с собой, несмотря на энергичное сопротивление. Перед расставанием следовало помириться, забыть старые обиды. Как выяснилось, Трейман совсем уж не так был зол на них. Словом, кто старое помянет — тому глаз вон! Выпей, Трейман, и забудь прежние раздоры, но, смотри, новых учеников держи в ежовых рукавицах!

Как всегда после бурно проведенной ночи, к утру всех свалила усталость. Почти все бутылки были осушены до дна. Кое-кто, раскачиваясь в полудремоте, силился петь:

А русский трехмачтовик шел...

Но никто не подтягивал ему, и певец умолкал.

В утренних сумерках у калиток стояли утомленные парочки. Лица девушек выражали печаль.

— В далеких краях будешь обо мне думать?

— Конечно, буду.

Тяжелый вздох, затем горестный шепот:

— Ты только говоришь так. Полюбишь другую и забудешь меня...

— Этого никогда не будет, раз я дал слово.

Продолжительная пауза, потом более бодро:

— А когда мы поженимся?

— Когда заработаю деньги.

Старая песня, ставшая традицией в этом приморском местечке. То, что говорилось у одной калитки, с небольшими изменениями повторялось у другой; то, о чем двадцать пять лет назад говорил Зитар какой-нибудь Матильде, теперь повторяет Лилии его сын.

На следующий день молодые моряки уехали. Некоторые из них

навсегда отправились в далекие страны, кое-кто, распрощавшись с морской жизнью, стал лоцманом или таможенным чиновником. Но большинство выпускников ожидали суровые морские будни. Вначале они еще присылали подругам письма из далекого чужеземного порта, потом переписка обрывалась, и девушкам приходилось искать новых поклонников или выходить замуж за отвергнутых в свое время местных парней. И спустя годы при воспоминании о капитане какого-либо судна у них вырывался счастливый вздох, и они показывали фотографию молодцеватого ученика мореходного училища:

— Когда-то он волочился за мной. Ужасно был влюблен...

И в их словах не было ни малейшей злобы или горечи; слышался разве только легкий оттенок грусти о пролетевших днях веселой юности.

Глава шестая

1

Уезжая в Ригу, Зитар распорядился, чтобы Ингус сначала пошел к первому причастию и только после этого последовал за ним. Здесь принято было подтверждаться сразу после окончания школы, но у Ингуса всегда получалось так, что на это не оставалось времени.

За годы, проведенные Ингусом в мореходном училище, в Зитарах произошли кое-какие перемены. Фасад старого дома обшили тесом и выкрасили в светло-коричневый цвет. Комнаты оклеили новыми обоями, а в верхнем этаже, обычно пустовавшем зимою, сложили печи, чтобы подрастающие сыновья имели каждый свою комнату. За последние годы материальное состояние семьи заметно улучшилось и в настоящий момент достигло вершины. Столь зажиточным, как Андрей, не был ни один из прежних Зитаров. Об этом говорила каждая мелочь домашнего обихода. Капитан вырастил жеребца в яблоках, его держали только для выездов. В каретнике стояло двое дрожек и несколько саней. В саду построили беседку, края дорожек и цветочных клумб обложили белыми гипсовыми плитами. В столовой появился новый буфет, наполненный красивой заграничной посудой. Гостиную украшала нарядная висячая лампа. Против портретов царя и царицы, выполненных масляной краской, висели в массивных рамах увеличенные фотографии Андрея и Альвины, а в углу у окна возвышалось громадное трюмо. А великолепное новое пианино, подаренное Эльзе в день ее конфирмации прошлой весной! Оно стоило немало денег, но зато какой вид: полированная крышка блестела, как зеркало.

Эльзе минуло девятнадцать лет. Окончив приходскую школу, она проучилась еще два года в прогимназии, и родители решили, что этого образования вполне достаточно, чтобы найти себе порядочного мужа. Эльза жила дома жизнью состоятельной барышни: занималась рукоделием, брала уроки фортепианной игры у дочери пастора и там же практиковалась в немецком языке; умение говорить по-немецки в зажиточных латышских семьях считалось признаком хорошего тона. Многие даже онемечивали свои фамилии, прибавляя к ним окончание «инг». Любая барынька, какая-нибудь рыночная торговка при всяком удобном случае старалась блеснуть

своими познаниями в немецком языке. Для «избранной» нации это было большим почетом, и каждый истинный немец умел надлежащим образом оценить это, извлечь из этого пользу. Он смотрел на толпу льстивых попугаев с сознанием своего превосходства; его самомнение бесконечно росло, поддерживаемое униженно согнутыми спинами латышских мещан, забывших чувство собственного достоинства. Пасторы-латыши произносили в церкви проповеди с сильным немецким акцентом. Служанки и горничные разговаривали с собачками своих хозяев на немецком языке.

У Эльзы не было возможности практиковаться в немецком дома, так как ее мать не служила в молодости у господ. Не находила девушка сочувствия и у братьев. А отец предпочитал другим языкам английский. Вначале Эльза еще надеялась на Ингуса, но и тут ее постигло разочарование. За шесть-семь лет он, правда, научился бегло говорить по-русски и по-английски, но еще не начал упражняться в благородном немецком диалекте. Интересно, как станет он разговаривать с образованной женой, когда женится?

В то же время Эльза была миловидной девушкой; стройная, здоровая, с правильными чертами лица, светловолосая, с сияющими глазами, в которых порой мелькали опасные огоньки, присущие роду Зитаров. У нее было несколько поклонников, но предпочтение она отдавала помощнику аптекаря Рутенбергу. Он занимался изучением фармакологии и летом проходил практику в аптеке своего дяди. Рутенберг был в достаточной степени сентиментален, временами надменен, любил пиво и студенческие песни. На правой щеке его виднелся шрам от рапиры — след какого-то студенческого поединка. Эльза по вечерам встречалась с Рутенбергом, и они гуляли по взморью, держась подальше от устья реки, — там можно было встретить братьев Эльзы, а они всегда подтрунивали над поклонником Эльзы. Особенно дерзок был Эрнест.

Эрнесту исполнилось семнадцать лет. Оставаясь в каждом классе по два года, он так и не закончил курса приходской школы. В конце концов, родители пришли к выводу, что бессмысленно мучить сына. Если ему так трудно дается ученье, пусть сидит дома и занимается хозяйством. Рано или поздно кому-то из сыновей придется остаться хозяином в Зитарах. Правду говоря, он не отличался особым усердием ни в хозяйстве, ни в рыбной ловле, но со временем, надо надеяться, привыкнет.

Карл уже три зимы учился в реальном училище. В свое время он тоже мечтал о море и судах, но не так страстно, как Ингус. Нет необходимости всем сыновьям Зитара идти по стопам отца; кто-нибудь может остаться на

суше и стать инженером.

Приезжая из Риги на летние каникулы, Карл привозил с собой много книг, часть их он прятал в ящичке под кроватью и не показывал ни отцу, ни Эльзе, ни братьям: видимо, у него были на это свои причины. Там лежал журнал «Вестник знания» на русском языке, труды Дарвина о происхождении видов, несколько брошюр по философии и политической экономии. Некоторые из этих книг нельзя было добыть ни в одном книжном магазине, их дал Карлу студент, с которым он познакомился на тайной сходке в лесу за городом. В реальном училище у них существовал кружок, о котором никто не знал. Какие там происходили дискуссии, какие споры! Нет, об этом в Зитарах не следовало говорить: старому капитану такие интересы Карла, вероятно, не понравились бы.

Янке оставался один год до окончания приходской школы. Он еще не задумывался над тем, где будет дальше учиться, но по всем признакам было видно, что в его лице семья Зитаров растит еще одного моряка. Никто с таким нетерпением не ждал приезда Ингуса из училища, никто так жадно не слушал рассказов брата, как Янка. Как жаль, что он еще не окончил приходскую школу и отец не берет его с собой в плавание! Приходилось ограничиваться чтением романов Жюль Верна и перелистывать географический атлас. А разве это может заменить путешествия?

Ингус в этот раз возвратился домой совершенно неузнаваемым. В кармане у него лежал диплом капитана дальнего плавания, и он, по расчетам домашних, должен был сиять от радости и ходить, не чувствуя под собой земли. А он притих, стал каким-то задумчивым, словно его что-то угнетало, и почти ничего не рассказывал о своих похождениях в училище. Эльза вначале хотела прибрать его к рукам, даже повела однажды на взморье и познакомила с Рутенбергом, но молодому капитану этот человек не понравился. Из вежливости побыв с ними полчаса, он, отговорившись занятостью, ушел, не дав возможности сестре похвастаться перед студентом взрослым ученым братом. В следующий раз, когда Эльза опять пыталась увести его с собой, Ингус резко заявил, чтобы она оставила его в покое со своими Рутенбергами. Почему все так настроены против этого приличного молодого человека? И почему Ингус стал таким хмурым?

Однажды он получил письмо с местным штемпелем на конверте. Он притих еще больше и чуть было не прервал занятия по подготовке к конфирмации, собравшись сейчас же ехать в Ригу. Альвине с трудом удалось уговорить его остаться.

— Что с тобой, сын? У тебя какое-нибудь горе или неприятности? — спросила она.

— Ничего... все обойдется, — отозвался он и ушел из дому.

Вот наступил и день конфирмации. Капитан тоже вернулся из Риги и вместе с женой причащался в церкви. В честь такого события в Зитарах устроили большой праздник. На торжественный обед собралась вся родня и ближайшие соседи. Старшая сестра Андрея, жена капитана Зиемелиса, подарила крестнику дорогие часы. Другие родственники преподнесли ему перстни, изящные альбомы, серебряные безделушки. Ингус всех благодарил, но чувствовалось, что настоящей радости он не испытывает.

— Скоро ли «Дзинтарс» кончает погрузку? — спросил он отца.

— Погрузка уже закончена. Мы задержались в порту на два дня из-за тебя.

— Надо бы сегодня же вечером отправиться в Ригу.

— Совсем ни к чему так торопиться. Успеем и завтра. Такой день бывает у человека только однажды, и его следует отметить как подобает.

— А судно стоит без движения.

— Неужели тебе так надоело на берегу? — усмехнулся капитан. — Успеешь еще наплаваться, у тебя вся жизнь впереди.

Разве мог он догадаться, что заставляет юношу так торопиться с отплытием? Какую тревогу принесло его сердцу письмо с местным штемпелем? Он никому не мог рассказать об этом. Когда все уселись за стол, Ингус чутко прислушивался к грохоту колес на дороге и время от времени тревожно поглядывал в окно на улицу, словно ожидая, что кто-то с минуты на минуту должен появиться.

Наутро Зитар с сыном уехали в Ригу.

Судно было готово к отплытию: палубный груз привязан цепями и канатами, продукты завезены на полтора месяца. Но не было ветра, и «Дзинтарс» уже третьи сутки стоял на якоре в устье Даугавы почти у самого моря. Приходили и уходили пароходы, рокотали рыбацьи моторки, а белое судно, словно уснувшая чайка, одиноко покачивалось на гладкой поверхности воды. Капитан Зитар задумчиво смотрел вслед удаляющимся пароходам.

— Придется все-таки поставить на «Дзинтарсе» мотор, — обратился, он к сыну. — Это будет стоить недешево, но со временем себя оправдает. Как ты считаешь?

— Мотор? — Ингус с трудом оторвался от своих мыслей. — Да, не

мешало бы. Подумай, отец, мы были бы уже почти у Зунда.

Люди от нечего делать собрались в кружок около якорной будки и играли в карты. Затянувшаяся стоянка всем надоела. Хоть бы скорее подул ветер! Что это за жизнь: на берег сойти нельзя, хотя он тут, совсем под носом, чувствуешь себя все время в пути и не двигаешься с места. Капитан все больше раздражается, а молодой штурман нем как рыба, всегда задумчив, ходит, понуриив голову, точно на похоронах. Наверно, парню не хочется быть под началом у отца.

Зитар тоже стал приглядываться к сыну. Таким он никогда не видал Ингуса: унылый, словно старая кляча, замкнутый, ко всему равнодушный. Временами капитану хотелось расспросить Ингуса, но его удерживало самолюбие: если Ингуса что-то угнетает, он должен сам обратиться к отцу. Если он этого не делает, значит, у него есть на то причины. Может быть, это неудобно доверить кому-либо? Долги? Болезнь? Влюбился? Кто его знает! Куда годится штурман, который все вздыхает и хмурится: у него нет никакого интереса к работе, да и другим он его не внушит.

Зитар не догадывался, что Ингус не один раз сам порывался заговорить с отцом. Он не знал только, с чего начать, ибо тема была щекотливой. И всякий раз, когда слово уже было на кончике языка, капитан каким-нибудь неожиданным жестом или словом закрывал путь к откровенности. В конце концов, получилось так, что отцу все же пришлось сделать первый шаг.

Это произошло на четвертые сутки стоянки на якоре. Выкурив после ужина сигару, Зитар погрузился в чтение английского морского журнала. Там была напечатана большая статья о перестройке парусников в моторные суда и прилагалась подробная калькуляция. Прочитав статью, капитан некоторое время взвешивал правильность выводов и заключений автора. Вопросы эти его очень интересовали, и он уже прикидывал, где и когда начать перестройку «Дзинтарса». «Надо поговорить с Ингусом, их в училище учили всяким новшествами».

Зитар, сунув ноги в мягкие ночные туфли, вышел в коридор, отделявший его каюту от штурманской. Тихо постучал:

— Ингус, ты еще не спишь?

Ответа не было. Зитар открыл дверь: койка Ингуса была пуста. Капитан вышел на палубу. Стояла теплая летняя ночь. При свете луны чуть переливались воды Даугавы, а за молом сверкала серебристая гладь моря. В северной части небосклона виднелись редкие светлые облака. Взгляд капитана повеселел: будет ветер, хороший попутный ветер. На квартире со стороны штирборта стоял, опершись на поручни, Ингус и читал при свете

фонаря письмо. Он не слышал осторожных шагов отца и не знал, что он на палубе не один. Освещенное светом фонаря лицо его было бледно, на лбу залегли глубокие морщины. Кончив чтение, Ингус вздохнул и бесцельно уставился в темноту. Рука с письмом повисла вдоль туловища.

Капитан кашлянул. Ингус вздрогнул и поспешно сунул письмо в карман.

— Ты еще не спишь, отец? — спросил он.

— Так же, как и ты.

— Я и не должен спать. Скоро начнется моя вахта.

— Да... — Зитар подошел к сыну и положил руку ему на плечо. — Ингус, я хочу поговорить с тобой. Скажи, что происходит? Почему ты все вздыхаешь и хмуришься?

Под пристальным взглядом отца Ингус опустил глаза.

— У тебя какие-нибудь неприятности? — продолжал Зитар. — Ну, говори же! Мне ты все можешь сказать. Мы всегда хорошо понимали друг друга. Разве я когда-нибудь сердился, если тебе случалось что-то сделать не так, как надо?

— Нет... Но как я тебе стану говорить о таких делах?.. Ты будешь сердиться.

— И это называется моряк! — рассмеялся капитан. — В конце концов, я просто имею право знать. Я видел у тебя в руках какое-то письмо. Наверно... какая-нибудь девушка?

— Да, — прошептал, покраснев, Ингус.

— А мне ты не можешь показать письмо?

Ингус долго молчал, затем пристально взглянул отцу в глаза.

— Я сам хотел тебе его показать.

— Так давай сюда. Не будь таким чувствительным. Ведь я не акула.

— Боюсь, отец, ты неправильно все поймешь. Я не виноват, она сама этого хотела. Если дашь слово, что не будешь очень сердиться...

— Какой ты смешной, Ингус. Что за разговор?

Мгновение помедлив, Ингус протянул письмо отцу:

— Прочти и обдумай все, только разреши мне теперь уйти.

— Ну хорошо, хорошо, — проворчал капитан и медленно направился в свою каюту.

— Да, вот еще что! — крикнул вслед ему Ингус. — Когда прочитаешь, скажи мне, что ответить.

— Увидим.

Зитар спустился в каюту, устроился поудобнее на вращающемся стуле и закурил сигару. Затем раскрыл письмо:

«Любимый Ингус!

Прошло уже две недели с тех пор, как ты уехал и обещал написать, чем кончатся твои переговоры с родителями. У нас теперь все знают, что мы обручены. Соседи интересуются, когда будет свадьба и где я буду жить — в Кюрзенах или перееду к Зитарам. Помнишь, как мы договорились: ты пойдешь в плавание и накопишь денег, тогда мы и поженимся. Я согласилась ждать. Только надо, чтобы была полная ясность. Милый Ингус, нам ведь ничего особенного не нужно. Год я еще могу пожить у матери, пока ты заработаешь деньги, — многие молодые женщины так живут. Мебель нам сейчас не нужна. А свадьбу сыграем самую скромную, достаточно, если только один раз огласят в церкви, ведь ты моряк и должен уходить в плавание. Почему ты мне не пишешь? Я жду каждый день весточки. Говорил ли ты со своими? Обдумай все как следует и не медли. Мама говорит, что отец не может тебе запретить жениться, потому что ты совершеннолетний. Ингус, я буду тебя ждать на той неделе. Если ты не приедешь, я не знаю, что со мной будет. Приезжай скорее! Если твое судно не может задержаться, оставайся на берегу, устройшься на другом корабле. Штурманы теперь всюду нужны. До свидания, милый Ингус.

Твоя Лилия.»

Зитар с досадой смотрел на исписанный листок и, барабаня по столу пальцами, сосал сигару. «Черт его знает, откуда это у нас у всех — замараться раньше времени... Эта Лилия, видно, не глупа. Да и все они таковы. Мальчишке двадцать лет, только, можно сказать, жить начинает... И как жить! А тут поди свяжись с девчонкой. Какой из этого будет толк? Они скоро надоедят друг другу и станут жить как кошка с собакой. И почему ему нужно начать именно с дочери Кюрзена? Хорошие знакомые, почти друзья... Как тут скажешь „нет“? Начнется вражда. Очень неприятное положение...»

Долго в ту ночь думал капитан Зитар. И, вероятно, что-то придумал, потому что, когда вышел на палубу, он был совершенно спокоен. Ингус, увидев его, остановился. Отец теперь все знал. Что скажет он? Взгляды их встретились: один лихорадочный и смущенный, другой спокойный и уверенный. Легким дуновением ветра унесло в темноту искорку с кончика сигары, о борт судна тихо плеснула волна. Капитан отвернулся и стал смотреть на море, навстречу поднимающемуся ветерку, в темнеющую даль

и бегущие в свете месяца облака. Вдруг он вынул изо рта сигару, и по палубе раскатилась громкая команда:

— Все наверх! По местам! Поднять якорь! Распустить паруса!

При свете фонарей началась веселая суетня. На баке резко завизжала ручная лебедка, заскрипели блоки, паруса со свистом взвивались кверху. Серые полотнища надулись, судно медленно повернулось и заскользило в сторону моря. Матросы, забравшись на мачты, ослабили верхние паруса, гордо выпятили грудь паруса на реях.

Когда все было приведено в порядок и свободная от вахты смена легла спать, Ингус пошел принимать вахту.

— Ты подумал о том, что мне ответить? — несмело спросил он отца.

Капитан Зитар указал на паруса, распустившиеся во всей своей красоте и несущие судно навстречу западному горизонту:

— Вот наш ответ.

3

Лилия Кюрзен действительно была неглупой девушкой, но ее мать оказалась умнее: у нее был достаточный жизненный опыт.

— Если станешь стесняться да выжидать, никогда не выйдешь замуж, тем более за капитана, — сказала она, когда от Ингуса вторую неделю не было писем. — Не думаешь ли ты, что он станет тебя разыскивать?

— Что же мне делать? Уехать в Ригу и повиснуть у него на шее? Мы совсем не договаривались, чтобы сразу...

— Упусти только, упусти, потом будешь локти кусать. Ты думаешь, здесь никто не знает о ваших прогулках по взморью? Или у меня нет глаз? Сколько раз я находила твою кровать пустой! Я только ничего не говорила. Пусть гуляют, пусть встречаются, авось все будет по-хорошему. Но если теперь не сумеешь его удержать, ты просто глупая гусыня. Я твоего отца, когда мне нужно было, не отпускала. Он тоже собирался в плавание. А я ему: ни с места! Пойдем к пастору! Так и не поехал никуда. Первое время брыкался и плевался, потом обошлось. А разве сейчас мы живем хуже, чем любая другая супружеская пара?

— Но у нас не было так условлено...

— Конечно, вы хотите по-благородному. Смотри, как бы при таком благородстве с длинным носом не остаться. Почему он не пишет? Времени не хватает или денег на марку нет?

Беседа продолжалась долго. В тот же вечер Лилия написала Ингусу

письмо, причинившее ему столько забот. Две недели в Кюрзенах ждали ответа. И вот однажды Кюрзениете уселась в комнате дочери и опять начала разговор:

— Ну что? Разве не получилось, как я говорила? Пока ты тут мудрила, он уже успел уйти в море. Письма-то так и нет.

— Может быть, он не получил моего письма.

— Неужели, уезжая, он сам не догадался написать любимой девушке? Тот, кто заинтересован по-настоящему, делает это без принуждения.

Лилия молчала. У матери все получалось резко и грубо, но она была права.

— Если он получил письмо и молчит, значит ясно — хочет улизнуть.

— Да, но что же я могу поделать? Я написала так, как ты говорила. Если он не хочет с этим считаться, я бессильна.

— Он тебе нравится?

— Ну конечно.

— И ты не знаешь, как заставить его сдерживать слово? Кто тебе создаст такую жизнь, как Ингус?

— Но ведь не могу я бежать за границу вслед за ним.

— Можешь поехать в Зитары к его матери.

— Что мне там делать? Я для них совершенно посторонний человек.

— Невеста сына не чужой человек. Они не могут прогнать тебя. Побоятся позора и сделают все, чтобы избежать его.

— Но ты ведь знаешь, что... ничего нет.

— Им это неизвестно.

— Потом все равно узнают.

— Ну и что же? Разве ты недостаточно хороша, чтобы взять тебя и так? Что в этих Зитарах особенного... Если бы мы хотели, наш Фриц мог бы стать таким же капитаном, как Ингус.

На этот раз матери не удалось так скоро убедить Лилию. Но когда она продолжила разговор об этом и на второй, и на третий день, дочь начала сдаваться. Почему, в самом деле, не попытаться? Мать права: ожиданием и застенчивостью не добьешься ничего. Все имеют право на счастье; к кому оно не приходит само, тот завоевывает его в борьбе.

С очередным рейсовым пароходом, шедшим в Ригу, Лилия Кюрзен отправилась в путь, чтобы выяснить в Зитарах обстановку. Она захватила с собой небольшой узелок с одеждой и бельем, так как не собиралась там остаться. «Дзинтарс» в этот момент уже покачивался на водах Каттегата, и молодой штурман становился все жизнерадостнее, по мере того как убеждался, что темная грозная туча прошла стороной.

Лодочник, доставивший на пароход несколько пассажиров, свез Лилию на берег. Был тихий и теплый июньский полдень. Рыбаки снимали с кольев высохшие сети, какой-то дед красил на взморье лодку, и его со всех сторон окружили дети. Лилии казалось, что она попала в царство глухонемых: каждый молча делал свое дело. Не слышно было криков детей; чайки, спрятав голову под крыло, дремали на отмелях; и ни малейшая рябь не нарушала покоя морской глади. Лилия расплатилась с лодочником и, узнав у него, как пройти в Зитары, направилась песчаной тропкой через дюны. Слева от тропинки текла река. В кустах щебетали птицы, тихо струилась вода, над ней летали стрекозы, иногда с глухим гудением проносились шмели. Взобравшись на гору, Лилия увидела на берегу реки какой-то дом и догадалась, что это Зитары. На реке в зарослях камышей плескался выводок уток; за хлевом, где зеленела конопля, среди многочисленного семейства топтался, распутив хвост, старый индюк; на верхушке флагмачты неподвижно застыл парусник, а около каретника под телегой лежала собака и тяжело дышала, высунув красный язык.

Лилия поправила волосы. Всю дорогу она чувствовала себя спокойно, но теперь, когда цель была близка, вдруг сильнее забилося сердце, и решительную девушку охватила робость. Ей было всего двадцать лет, а то, что она собиралась сегодня предпринять, требовало сильного, закаленного характера. Матери легко давать советы — не ей пришлось ехать к Зитарам. Хоть бы злоба или досада появились — это облегчило бы задачу. И погода сегодня, как нарочно, такая тихая! Если бы лил дождь, а морской ветер, гоняя по небу свинцовые тучи, гнул деревья на дюнах, и у нее в душе появились бы суровость и смелость. Тропинка спускалась под гору, но Лилии казалось, что она поднимается на скалистый обрыв.

— Komm, Ами, komm! ^[15] — послышался внизу чей-то голос. Лилия увидела молодую девушку, шедшую в ее сторону. Собака нехотя встала, потянувшись и с безучастным видом последовала за девушкой, которая продолжала говорить ей что-то по-немецки.

«Вероятно, дачница...» — решила Лилия, медленно шагая навстречу девушке. Около конопляника они встретились. Эльза успокоила заворчавшую собаку. Лилия поздоровалась с ней по-немецки и спросила, это ли дом Зитаров.

— Да, — с готовностью ответила Эльза. Несложным вопросом, произнесенным на немецком языке, Лилии удалось завоевать уважение и

благосклонность девушки. — Вам кто нужен?

— Дома ли госпожа Зитар?

— Да, конечно. Идемте, я вас провожу к маме. Перестань, Амис! Не бойтесь, барышня, он не кусается.

Значит, эта стройная девушка — сестра Ингуса. Лилия, следуя за Эльзой, украдкой разглядывала ее. Она была немного похожа на Ингуса, только походка у того не такая самоуверенная и черты лица грубее. Его сестра, должно быть, барышня гордая. Узкая шерстяная юбка, белая блузка и туфли на высоких каблуках говорили о том, что она не простая крестьянская девушка. Волосы собраны в узел на затылке и заколоты красивым гребнем, украшенным мелкими блестящими камешками, на правой руке золотой браслет, в левой — пестрый зонтик. А тут еще обращение к собаке на немецком языке. Лилия в душе порадовалась, что брала уроки у госпожи Гаусман. Сегодня она впервые убедилась в пользе этих занятий.

— Вы, вероятно, приезжая? — спросила Эльза, осматривая костюм Лилии. Тонкое светло-синее платье, соломенная шляпа с двумя вишнями, черные остроносые ботинки на шнурках — все было прилично и каждая вещь достаточно добротна, но в целом все как-то не сочеталось между собой. Следовательно, она не горожанка и приехала не затем, чтобы снять комнату на летние каникулы. А узелок?

— Да, я приехала на пароходе, — ответила Лилия, неизвестно почему краснея. — У нас в этом году будет плохой урожай яблок. Червь напал на цвет.

— Да? Не знаю, как у нас. Вы издалека?

Лилия тихо произнесла название местечка.

— Вот как? — заинтересовалась Эльза. — А у меня брат там учился в мореходном училище.

— Да, я знала его. Он у нас жил.

— Ах, как приятно! Тогда вы нам сможете многое порассказать. Ингус сам больше молчит.

— Он дома?

— Нет, он еще в прошлом месяце ушел в плавание. Теперь уж, наверное, они далеко отсюда. Как хорошо, что вы приехали! Вы же не уедете сразу?

— Увидим, как будет. Возможно, что я... смогу некоторое время задержаться.

— Куда вы направляетесь?

— У меня дела в здешних местах.

— Ах, вот что! Пожалуйста, заходите, я сейчас позову маму. Постарайтесь устроить дела так, чтобы немного погостить у нас. Я занимаюсь немецким языком, но дома нет никого, с кем бы можно было поболтать.

Эльза ввела Лилию в гостиную и предложила сесть, а сама прошла в соседнюю комнату. Сидя на мягком кресле, Лилия осматривала комнату. Плюшевые сиденья, тяжелая шелковая скатерть с золотистой бахромой, по стенам картины и фотографии, дорогие обои, широкие дорожки на полу — все говорило о состоятельности семьи. Такой занавески с вытканым посередине парусником не было даже у местечкового врача. А настенные часы с золоченым маятником Лилия видела впервые. Печь была облицована цветными изразцами, а вокруг висячей лампы переливались прозрачные стеклянные подвески, похожие на сосульки, застывшие на утреннем морозе после оттепели. Здесь неплохо бы пожить...

Она не успела еще всего осмотреть, как вернулась Эльза. За ней следовала полноватая женщина средних лет с покрасневшими от сна веками и помятой правой щекой, на которой еще виднелся отпечаток кружева наволочки.

— Вот эта барышня, мама, — представила Эльза.

Лилия встала и смущенно пожала госпоже Зитар руку. Альвина недоверчиво взглянула на узелок, который Лилия не выпускала из рук, затем, приветливо улыбнувшись, предложила гостье сесть.

— Значит, вы барышня Кюрзен? Мы уже кое-что слышали о вас, мой муж хорошо знает вашу семью. Эльза, ты приготовила бы для гостьи чай. Вы ведь побудете у нас немного? Пополдничаем и поболтаем. Расскажите, что у вас там хорошего.

— Да, мама, я посмотрю, может, в кухне еще чай не остыл, — отозвалась Эльза, выходя из комнаты.

— Вас, значит, привели сюда дела, — продолжала Альвина, садясь на диван. — У вас здесь есть родственники?

— Нет, я так... Госпожа Зитар... Я пришла...

В этот момент Альвина зевнула и не расслышала слов Лилии.

— Что вы сказали? — спросила она, мигая заспанными глазами.

Щеки Лилии горели, как маков цвет. С опаской поглядев на дверь, за которой скрылась Эльза, она, потупив глаза, теребила узелок своего свертка.

— Госпожа Зитар, мне нужно что-то сказать вам. Я бы хотела поговорить с вами так, чтобы никто не слышал.

Альвина зевнула еще раз, но взглянула на гостью уже более

внимательно.

— Да? Тогда пойдем в соседнюю комнату. Я скажу Эльзе, чтобы она не входила, — приоткрыв дверь в переднюю, она позвала Эльзу и сказала: — Накрой на стол и подожди нас в гостиной. Мы с барышней Кюрзен побеседуем. Заходите, здесь нас никто не побеспокоит,

Лилия последовала за Альвиной в спальню. То ли почувствовав какую-то тайну, то ли из уважения к гостье капитанша перестала улыбаться. Ее серьезность придавала смелость Лилии. Сев около окна, она, несколько помедлив, собралась с духом и сразу откровенно в нескольких словах рассказала все.

— Ваш сын жил у нас. Я его невеста, и этой весной перед экзаменами мы с ним обручились. Если не верите, взгляните на эту карточку.

Лилия вынула дрожащими руками из сумочки фотографию, где они были сняты вместе с Ингусом. Она сидела, а он стоял около нее, положив ей на плечо руку. Альвина взглянула на фотографию и тихо произнесла:

— Нам он об этом ничего не говорил. Да, ну и дальше? Что вы еще хотели сказать?

— Он обещал жениться на мне. Я ему поверила, потому что он порядочный юноша, и родители мои не возражали. А теперь... он больше не пишет. Мать гонит меня из дому, все презирают, и я не знаю, что мне теперь делать.

Так. Теперь все сказано, и у Лилии сразу отлегло от сердца. Будь что будет, самое страшное позади. Она украдкой взглянула на госпожу Зитар. После долгого молчания Альвина оторвалась от своих неприятных дум.

— Почему же ты не пришла раньше, когда Ингус был дома? — спокойно, без тени раздражения спросила она.

— Я не знала, что он так скоро уедет.

Теперь следовало бы заплакать, но у Лилии не было слез. Она молчала. Капитанша еще и еще раз сбоку осмотрела девушку. Выглядела она неплохо, не казалась слишком простенькой, такой же была и Альвина лет двадцать назад. Но Андрей был старше ее десятью годами и имел уже изрядный стаж капитана, когда заговорил о женитьбе, а эти оба молоды. Она хотела бы, чтобы ее любимец еще несколько лет погулял на свободе.

— Скажите, что мне теперь делать?.. — спросила Лилия, не выдержав тягостного молчания. — Мне некуда деваться.

Альвина вздохнула.

— Я не имею ничего против того, чтобы Ингус на тебе женился, если он, конечно, желает этого. Но тебе нужно сейчас же отправиться обратно к родителям и ждать, пока Ингус вернется из плавания. Тогда вы сможете

пожениться... если таково будет ваше обоюдное желание. Сейчас об этом говорить преждевременно.

Лилия поняла, что ее ставка бита, по крайней мере, в этом году. Она не стала больше ни на чем настаивать.

Пополднивав, она простилась и ушла. Эльза хотела проводить ее до большака, но госпожа Зитар вовремя намекнула, что Эрнест видел на взморье господина Рутенберга. Услышав это, Эльза, естественно, поспешила в другую сторону.

— Зачем она приходила? — спросила Эльза у матери, когда Лилия ушла.

— О, это просто пустяки. Ингус забыл у них кое-какие мелочи. Я сказала, чтобы они оставили их себе на память.

— Конечно, зачем нам всякие пустяки? А она мне понравилась. Почему ты ее не уговорила остаться до завтра?

— Гм... — произнесла госпожа Зитар.

На взморье Эльза не обнаружила Рутенберга. Возможно, Эрнесту просто померещилось, что он был здесь.

В ту осень «Дзинтарс» опять направился в Атлантический океан. Следующим летом кончался срок классификации судна, и нужно было ставить его на капитальный ремонт, что требовало много денег; к тому же Зитар решил во что бы то ни стало поставить на судно мотор. Значит, нужно побольше заработать.

Всю зиму они оставались там, перевозили сахар и табак с Кубы в юго-восточные порты Соединенных Штатов. В Галвестоне сбежали кок и один матрос. Зитар нанял вместо них двух негров. В конце марта «Дзинтарс» с грузом каучука направился в Лондон. Они шли вдоль восточного берега Америки, поднимаясь к северу, чтобы попасть в течение Гольфстрима и пересечь океан по большому морскому пути. Предстоял долгий и опасный рейс, бурный Гольфстрим, туманы и льды в северной части океана.

Ингус впервые очутился так далеко от дома, и его гармонь звучала все печальнее. А в теплые тропические ночи молодой штурман мечтал о покрытой снегом родине. Он вспоминал о том, как темнеет лед на реке, стучит весенняя капель, как играет половодье и братья ставят на реке верши... Шуки и налимы, покрытое льдом взморье. А северное солнце светит с каждым днем все ярче, и люди, пьянея от него, чувствуют

приближение новой весны. Здесь же не знают, что такое снег и прохладный утренний ветерок. По ночам море мерцает мириадами огней, волны извиваются подобно серебряным змеям, и каждая капелька воды горит, как расплавленный металл. Словно в сказке, скользит одинокий корабль мимо зеленых островов, мимо куп кокосовых пальм на отмелях, и редко на его пути встретится какое-нибудь судно. Когда-то давно здесь плавали смелые люди — флибустьеры [16], — слышался шум схваток и проклятия ограбленных торговцев. Белые черепа на черных парусах, жерла пушек, выглядывающие из межпалубных люков, пиратские сапоги с отворотами, вино, золото... Где ты, романтика прошлого, Морган [17] и Стратен [18], огни святого Эльма [19] на мачтах Летучего Голландца [20], морское привидение Клабаутерман [21] и судно с грузом серебра для короля Испании? Прошла юность человечества; свободолюбивые безумцы и любители приключений уже не властвуют над морскими просторами. Бронированные крейсера, паровые турбины и телеграф разогнали тени былого. Место мечтателя занял торговец, станы флибустьеров заменили биржевые конторы и маклерские бюро. Человек стал умнее и старше. Но море осталось таким же, как в те отдаленные времена. Над «Дзинтарсом» мерцают те же звезды, которые сопутствовали Филиппу ван Стратену, когда он в ночь на страстную пятницу спешил к мысу Горн. Течение уносит мусор и масляные пятна, тропические вихри рассеивают дым и копоть, и вечно чистое, вечно молодое море опять сверкает в своей первозданной красоте.

Так размышлял Ингус Зитар, стоя на вахте. Неподалеку дремал старый Цезарь, свернувшись на канатном круге. Старый Цезарь... Всю свою собачью жизнь он прожил на палубе «Дзинтарса», сопровождая капитана во всех его поездках. Теперь пес состарился, поседел, у него выпали зубы, и он совершенно ослеп. Но он уверенно ходит по всей палубе, знает, где находится кухня и в каком месте в портах спускают сходни. Если на судне появлялся чужой, он чутьем узнавал это и сразу начинал лаять. С тех, пор как Зитар принял в Галвестоне на службу двух негров, в жизни Цезаря все спуталось: дело в том, что одного негра тоже звали Цезарем, и часто случалось, что оба — и собака, и человек — бежали на зов капитана. Зитар решил на следующую осень оставить — старого сторожа в Зитарах, так что это был последний рейс Цезаря.

Взаимоотношения отца с сыном опять стали хорошими. Зитар убедился, что Ингус с пользой посещал училище. Он не боялся работы и выполнял обязанности штурмана безупречно. Одно лишь не нравилось

капитану в сыне: мягкий, можно сказать, женственный характер. Когда этого требовали обстоятельства, он держался, как подобает мужчине, давал распоряжения команде, ругался с грузоотправителями в порту, но в свободное время погружался в мечтательность. Это не годилось. Судоводителю полагается быть практиком, суровым, стойким и оперативным. Звезды он должен рассматривать лишь с точки зрения навигации, ветер оценивать по двенадцатибалльной системе и степени сопротивляемости парусов. Если у тебя ноет сердце и грудь щемит от каких-то глупых фантазий, залей все это бутылкой доброго рома и как следует покути на берегу, проветри застоявшиеся мозги. Объектом твоих мечтаний должны быть секстан и лаг, а не фотографии девушек.

Шли недели. Из знойных тропиков «Дзинтарс» перешел в туманные просторы Северной Атлантики. По ночам вахтенные у руля коченели от холода. Повелитель ветров Гольфстрим нес судно на восток со скоростью девяти узлов в час. Через две недели «Дзинтарс» будет покачиваться на волнах Ла-Манша. Всего только одна неделя, и они смогут запеть старую славную песню:

В Лондоне там устье Темзы...

Но своевольное течение — повелитель ветров — знает свое дело. Оно и так достаточно долго способствовало движению судов, спокойно дремало всю весну. И вот как-то ночью в такелаже «Дзинтарса» запел ветер. Судно вдруг понеслось со скоростью двенадцати узлов. Наутро все небо стало свинцово-серым, а лица моряков обжигал ледяной северный ветер. Океан непрерывно волновался, все выше и выше вздымая седые гребни девятых валов. Точно через горные хребты понеслось маленькое суденышко. Но оно держалась стойко и, надув все паруса, прыгало с волны на волну, то взлетая на самый ее гребень, то проваливаясь в пучину. Ночью началась настоящая оргия стихий. После долгой разлуки норд праздновал свою встречу с Гольфстримом. Он яростно сорвал все паруса и, растерзав их в клочья, швырнул в темноту. Сломался марс. Судно, точно схваченное рукой гиганта, кланялось: корма в воду, корма кверху, бакборт под воду, бакборт кверху. Сильный треск — и грот-мачта переломилась пополам. Море клокотало, шипело и свистело, словно тысячи змей; с грохотом перелетали через палубу потоки воды, они смыли обе шлюпки. Каюты затопило, из шпигатов хлестали потоки зеленоватой морской воды, и волны, словно грабитель, пытающийся с разбегу высадить плечом закрытую дверь,

бились и ломились в закрытые люки трюмов, вырывали клинья и пытались продавить прочные крышки. Люди, надев зюйдвестки и спасательные жилеты, боролись с необоримым. Каждый понимал: эту битву они проиграли.

Сильный ветер захватывал дыхание. Сломанные мачты, словно моля о пощаде, простирали к небу обломки, похожие на судорожно растопыренные пальцы. В полузатопленной каюте капитана с воем металась слепая собака. Судно стонало, скрипели заклепки, весь корпус содрогался в агонии. «Ха-ха-ха!» — хрипло выл ветер, обессилев от своего безумства.

Но вот, выдохшись окончательно, он оставил поле боя и свернул с большого морского пути. Жадный хищник был удовлетворен: четыре затопленных грузовых парохода, два поврежденных кьюнард-лайнера [22], с полдюжины искалеченных парусников и полузатопленный «Дзинтарс», похожий на подбитую чайку, плывущую со склоненной набок головой. Плывет он по утихшему морю, плывет, покачиваясь в темноте. Шесть человек, взобравшись на ванты, ждут наступления утра. Только шесть. А их было девять. И был слепой пес Цезарь. Теперь его уж нет.

К вечеру следующего дня потерпевший крушение «Дзинтарс» заметили с почтового парохода, направлявшегося со скоростью восемнадцати узлов в час в Саутгемптон. Капитан приказал спустить моторную лодку. Через полчаса она возвратилась с шестью полуживыми людьми. Они настолько застыли, что не могли расстегнуть пуговицы своей одежды, чтобы переодеться в сухое. Капитан Зитар держал под мышкой шкатулку с судовыми документами и деньгами. Негр Цезарь непрерывно бормотал имя своего погибшего друга и сердито сопротивлялся, когда врач хотел влить ему в рот стакан коньяку. Среди них не было старого Кадикиса и младшего матроса. А Ингус Зитар, странно улыбаясь, по временам зябко вздрагивал, хотя в каюте было очень тепло. Ему все еще мерещились ужасы страшной ледовой ночи.

Весть о гибели судна в Зитарах получили в начале июня. «Капитан и пять человек из команды спасены, остальные погибли», — так сообщали газеты. Что с Ингусом, жив он или погиб? Две недели домашние пребывали в мучительном ожидании. Альвина и старая капитанша не осушали глаз и все лелеяли в душе эгоистичную надежду, что Ингус

окажется среди тех пяти счастливых и что утонули чужие люди. Альвина вспомнила о молодой девушке, приехавшей к ней год назад, и ее начали мучить угрызения совести: не лучше ли было оставить тогда Лилию в Зитарах? Не следовало ее отталкивать, она такая приятная девушка и была бы Ингусу хорошей женой. Если он утонул, не кара ли это божья за дурной поступок? Зачем она так сурово обошлась с несчастной девушкой?

Наконец, пришло долгожданное письмо с английской почтовой маркой. Оно было написано Ингусом. Альвина сразу же перестала печалиться о судьбе чужой девушки и молиться по ночам.

Как-то вечером, после Иванова дня, моряки возвратились домой. Капитан был в том же поношенном костюме, плаще и свитере, которые оказались на нем в штормовую ночь. Ингус купил в Англии новую одежду. Это была, пожалуй, самая молчаливая и грустная встреча из всех, происходивших в Зитарах, но зато и самая искренняя. Капитан осунулся и постарел. Седина перешла с висков на пряди густых волос надо лбом, серебристые нити показались и в бороде, а около рта залегли глубокие скорбные складки. Обычно румяное и пышущее здоровьем лицо приняло землистый оттенок, под подбородком висела складка кожи. Зитар не стал рассказывать о гибели «Дзинтарса» — пусть это сделает Ингус. Потеря лучшего судна нанесла ему сильный удар. Это разорило его основательно, и он уже не был так самонадеян, как прежде. У него, правда, еще оставались два старых, обветшалых суденышка, был дом, рыболовные снасти и деньги в банке, но расстроились все его замыслы, которые он намеревался осуществить в этом году: Зитар мечтал после капитального ремонта и установки мотора передать судно сыну, чтобы тот плавал капитаном на своем судне. Теперь Ингусу придется искать работу у чужих. Не захочет же он плавать по Рижскому заливу на жалком дровянике! Его ожидает тот же путь, каким шли сыновья многих бедных родителей: служить долгие годы штурманом, довольствоваться низкой оплатой и, может быть, к пятидесяти годам получить место капитана. Для того ли он вырастил своего сына добрым моряком? Два поколения Зитаров не служили чужим людям, а в третьем одному из них, может быть самому способному, придется стать наймитом. Эта мысль сильно угнетала Зитара. И он упрекал себя за многое. Сам избегая людей, он считал, что все его покинули. Когда близкие люди выражали сочувствие, ему чудилась в нем скрытая насмешка и презрение: он уже не был самым могущественным человеком в округе. Старый, усталый человек, всеми отвергнутый, ищет приюта и тепла.

Альвина догадывалась, что происходит в душе Андрея. Впервые

обстоятельства позволили выполнить ей долг жены-друга. Бурные годы прошли, человека охватила усталость; пришло время, когда он стал бояться сквозняков и избегать солнца, закрывать окна и носить шерстяные носки, а по воскресным дням ходить к обедне. Альвина поняла это. Два жизнелюбивых человека, которые соединились в молодом порыве и впоследствии, случилось, заблуждались и забредали на ложные тропки, вернулись друг к другу, еще раз убедившись в том, насколько они необходимы один другому и что прошлые ошибки не в силах их разлучить. Андрей не ходил больше в корчму, Альвина окружила его заботой и создала тот уют, в котором он теперь так нуждался. Вечерами она беседовала с ним о доме, о хозяйстве.

— Взгляни, какой у нас в этом году будет урожай ржи и как растет картофель. К Мартынову дню ^[23] зарежем пять свиней, а остальных пять продержим зиму.

Разве они нуждались в чем-либо? У кого еще в округе были такие молочные коровы, такие хозяйственные постройки и так много рыболовных снастей? Если бы хозяйством руководила твердая мужская рука, хватило бы достатка на всю семью и без того дохода, что приносили суда. Старшие дети уже получили образование, остальным они тоже дадут возможность окончить школу. Если Ингусу необходимо иметь судно, разве нельзя его построить? Здесь, на побережье, немало хороших мастеров, и у них большие запасы материалов на постройку судов. Можно начать строить хоть этой же осенью, на это у них денег хватит. Постепенно, понемногу к капитану Зитару начала возвращаться его прежняя жизнерадостность. Пятьдесят четыре года — разве это старость для закаленного мужчины?

— Ингус, мы этой осенью построим новый «Дзинтарс», но уже четырехмачтовый, — сообщил он как-то сыну. — Это будет самый большой парусник среди латышских судов. Ты будешь наблюдать за постройкой как будущий капитан.

— Спасибо, отец.

Капитан Зитар, надев домотканую одежду, вместе с домочадцами косил сено на лугу у реки. Молодой капитан тем временем садился в лодку и отправлялся в море рыбачить. Его высокие сапоги и непромокаемая одежда покрылись чешуей и морскими водорослями, а лицо от постоянного пребывания на солнце приобрело медно-красный оттенок. Зитары не склонили головы перед ударами судьбы. Оправившись от потрясения и залечив нанесенные раны, они опять гордо выпрямились. И ни у кого не было повода подтрунивать над ними.

Всякий человек имеет свою цель в жизни, свои надежды. Ингусу

построят новое судно, и он уйдет в дальнее плавание; Эрнест обзаведется моторной лодкой и когда-нибудь станет хозяином Зитаров; Карл окончит реальное училище и поступит в политехнический институт; Янка тоже пойдет в мореходное училище; Эльза выйдет замуж за образованного. Никто не мечтал о несбыточном, а лишь о том, что действительно могла дать им жизнь — спокойная, изученная и до мелочей знакомая. Поэтому так бодро звенели косы на заливных лугах Зитаров; поэтому-то молодые сыновья проводили ночи напролет в море и, возвратившись на берег, радовались улову, а Эльза, прогуливаясь вечерами с господином Рутенбергом, напевала песенку, звучавшую во всех концах Латвии:

Пупсик, звезда моих очей...

Этот мотив, как шарманка, звучал на каждом шагу. Его распевали юноши и девушки, бубнили себе под нос пожилые люди и насвистывали мальчишки.

А тем временем под звуки «Пупсика» надвигалось нечто грозное и мрачное — страшный призрак, перечеркнувший все надежды, разбивший миллионы лучших намерений и грез и заставивший умолкнуть игривый напев. Приближался август тысяча девятьсот четырнадцатого года. Ударом молота по наковальне прогремело суровое, сокрушающее слово «война».

Зачинались новые судьбы и у отдельных людей, и у целых народов.

Часть вторая
Война

Глава первая

1

Ингус Зитар давно уже не проводил лета на берегу. За последние семь лет он пробыл дома всего несколько недель. Это отдалило его от родной среды. В мореходном училище и на судах Ингус нашел новых товарищей, с ними его связывала сама жизнь, общие интересы. Правда, гибель «Дзинтарса» прервала налаженный ритм новой жизни и на время вернула его в мир детства, но это был только перерыв, а не остановка: Ингус всей душой тянулся куда-то, подальше от тихих будней жителей побережья. Образование, заманчивые перспективы не сделали юношу заносчивым: он не избегал встреч с прежними друзьями, но все это было уже не то, что раньше. Не хватало прежней задушевности, откровенности и чувства общности; у каждого появились какие-то свои интересы, до которых другим не была дела.

Получилось так, что Ингус в это лето не нашел себе подходящего общества и очень скучал. Хоть бы скорее приступили к постройке нового судна! Несколько раз он ходил на гулянья в ближайший парк. Вместе с молодежью туда являлся весь цвет местного общества: учителя, должностные лица волости, служители прихода, гимназисты. Но одни считали себя слишком умными, от других за версту несло мещанством, и они слепо старались подражать местным немцам, третьи носили длинные взлохмаченные волосы и с дилетантской страстью говорили о литературе. Настоящей, простой искренности и яркой индивидуальности Ингус здесь не встречал. И тем не менее, везде чувствовалась какая-то тревожная приподнятость, какое-то неясное беспокойство. В обезьяний гомон онемечившихся латышей врвался мощный гул протеста против чужого влияния. Это чувство зрело в недрах народного сознания, и оно пока еще не оформилось, но уже время от времени прорывалось наружу. Близилась развязка. В тревоге и животном страхе взирал на это чужеземный поработитель — немецкий барон, чувствуя, что его скоро сбросят, исправив этим несправедливость истории. 1905 год был первым грозным предостережением.

Ингус понимал, что в некоторых вопросах он отстал от жизни современного общества. В его морском образовании изучению истории

было отведено второстепенное место. Занятия специальными предметами заслонили от него вопросы, волнующие сейчас умы латышских интеллигентов. Этим летом он впервые взял в руки книги стихов латышских поэтов и был совершенно очарован «Далекими отзвуками» Райниса [24]. В Риге он побывал на спектакле Нового театра — «Огонь и ночь» [25]. Карл дал ему комплект «Мыслей» [26] за год и посоветовал прочесть некоторые критические статьи о новейшей латышской литературе и последних событиях в общественной жизни. Вообще Карл был единственным человеком в Зитарах, с которым Ингус мог поговорить обо всем. Следуя советам младшего брата, он прочел некоторые книги и с изумлением сознался, что даже его, моряка и искателя приключений, могли увлечь литературные споры и шум полемики на отвлеченные темы, происходящей между различными группами латышского общества. Перед ним открылся новый мир, полный неизвестного до сих пор содержания. Карл достаточно хорошо разбирался в событиях общественной жизни и старался заинтересовать ими также Ингуса, но вскоре убедился, что эти разговоры, особенно если они преподносятся в больших дозах, быстро надоедают брату. Чтобы заинтересовать его по-настоящему, нужно терпение и время. Сейчас Ингус походил на молодого, только что оперившегося птенца, который, взлетев на высокий сук, настороженно прислушивается к доносящимся издали незнакомым звукам. Они зовут его на новые пути. Но он только моряк, временно сошедший на берег; он ждет лишь минуты, когда можно будет исчезнуть в неизведанной дали. Он слышал зов, но не отвечал на него.

2

Как-то, вернувшись со взморья, Ингус встретил в большой комнате дома Зитаров помощника аптекаря Рутенберга. Тот перелистывал альбом с фотографиями. Напротив него, по другую сторону стола, сидела Эльза и поясняла:

— Это мой папа, тогда он еще плавал штурманом. Здесь его судовая команда. А вот моя мама в день конфирмации.

— Ах, so... so... [27] Очень приятно, очень интересно... — Рутенберг хмурил брови, поднимал их кверху и после каждого пояснения удивленно втягивал воздух. — А когда вы мне подарите свою фотографию?

— Тогда, когда получу вашу, — игриво ответила Эльза.

В этот момент вошел Ингус. В легкой летней одежде, в рубашке с расстегнутым воротом и светлой жокейке, из-под козырька которой выбивались непокорные пряди волос. Казалось, он всем существом излучает здоровье и силу. При рукопожатии нежная мягкая рука Рутенберга утонула в его широкой ладони. Рутенберг невольно загляделся на статного парня. Какие плечи и грудь! Загорелая шея точно отлита из бронзы, походка эластична, как у молодого хищника, а глаза мечтательны, как у юной девушки, — синие глаза и черные волосы! Гм...

— Присядь и расскажи, что нового, — пригласила Эльза, заметив, что Ингус собирается уйти. — Дома нет никого, все на покосе.

Ингус, небрежно бросив жокейку на стол, сел в углу дивана. Он понимал, что нужно быть приветливым с гостем, беседовать с ним, но он совершенно не знал о чем. Если бы на месте этого человека сидел кто-нибудь из соседских парней или товарищей по плаванию, у Ингуса нашлась бы тема для разговора: прижав руку к груди и весело хлопнув собеседника по плечу, он развел бы с ним турысы на колесах. Но это был Рутенберг, чужой человек с рыжеватыми волосами, в сорочке фасона «пупсик», опоясанный широким серым поясом, в белых узконосых туфлях. На вешалке висела его соломенная шляпа, в углу стояла лакированная трость, а сам он, сидя прямо и неподвижно, как египетский фараон со старинного барельефа, разглядывал альбом, с такой осторожностью прикасаясь к листам кончиками пальцев, словно это были тончайшие хрустальные пластинки.

— Вы курите? — Ингус, щелкнув портсигаром, предложил гостю сигарету.

Рутенберг улыбнулся.

— Нет, благодарю.

— Жаль, это хорошая марка.

— Вероятно, из-за границы привезли?

— Да. Контрабанда.

Эльза смущенно перебирала бахрому скатерти. Рутенберг удивленно взглянул на Ингуса, затем болезненно кашлянул.

— Да, у вас, моряков, имеются всякие возможности. Не то, что у нас, — за все приходится переплачивать. Скажите, где самое дешевое вино?

— Вероятно, в Испании, — рассеянно ответил Ингус. На кончике языка у него вертелся озорной вопрос: «Где самые дорогие лекарства?» Он даже улыбнулся, представив себе, какое растерянное лицо будет у Рутенберга. Но не стоит дразнить человека. — Вы любите вино? —

спросил он. — Эльза, у нас дома, кажется, есть?

— Да, должно быть. Ты не поищешь?

— Нет, благодарю вас, не нужно, не нужно, — Рутенберг поспешно удержал Ингуса. — Я просто так спросил. Я не пью ничего, я антиалкоголик.

— Ах, вот что! — усмехнулся Ингус. — Антиалкоголик, антеникотинник, вы во всем анти. Вы знаете анекдот о скептике, который все отрицал?

— Нет. Это интересно, расскажите.

— Сейчас не могу, как-нибудь в другой раз.

— Очень интересно. Когда вы опять уходите в плавание?

— Когда построят судно.

— Это, наверное, стоит больших денег?

— Да, сумма получается изрядная.

— Но зато и заработать можно хорошо?

— Как посчастливится.

— Да, как посчастливится... — тихо повторил Рутенберг.

Ингусу был неприятен этот вежливый молодой человек. Каждый раз, когда приходилось с ним встречаться и разговаривать, ему стоило больших усилий удержаться от резкостей и грубости. И в то же время Рутенберг чувствовал к Ингусу особое уважение, почти страх. На остальных членов семьи Зитаров, включая и старого капитана, он смотрел свысока, а перед этим молодым парнем чувствовал неловкость. Возможно, он догадывался, что Ингус недолюбливает его. И зачем он вообще ходит сюда, что тянет его в эту семью? Разве на побережье мало семейств, где Рутенберг был бы желанным гостем? Его дядя, аптекарь, был знаком со всеми здешними тузами. Пастор, управляющий имением, лесничий, доктор... Рутенбергу всюду открыты пути. Но он предпочел проводить время с латышской девушкой, а родные ее не сумели оценить оказанную им честь. Люди без настоящей культуры, в жилах которых течет крестьянская кровь, потомки крепостных, но как они держатся! Словно в мире нет никого значительней их. О, эти самонадеянные выскочки! И тем не менее, его тянуло сюда. Привлекала его не только красота Эльзы — на побережье хватало милостивых девушек. Но отцу Эльзы принадлежал большой хутор, два парусника, и, как поговаривали люди, в банке у него хранился кругленький капитал — ровно столько, сколько нужно окончившему ученье фармацевту, чтобы открыть аптеку и обзавестись обстановкой. Рутенберг был беден, как церковная крыса, и учился на деньги родственников, но оставаться помощником аптекаря ему не хотелось. Вот почему он уже второе лето

оказывал внимание барышне Зитар и, сидя в лунные вечера на дюнах, шептал ей восторженно:

— Фрейлейн Эльза, я люблю вас...

С некоторых пор он ломал голову над важным вопросом, делать ли Эльзе предложение или еще подождать. Временами ему казалось, что нечего тянуть, ведь Эльза какой была, такой и останется. А если дожидаться осени, Зитары начнут строить судно, и на это уйдет уйма денег. Иногда сомнения брали верх, он пугался своего будущего: сын избранной нации и какие-то мужики. В такие моменты он не говорил Эльзе о своих чувствах. Но именно сейчас обстоятельства сложились так, что необходимо было прийти к окончательному решению: в провинции, в очень оживленном месте, продавалась аптека. В связи с переездом в Ригу прежний владелец все ликвидировал. Если упустить этот случай, вряд ли скоро подвернется что-либо подходящее. Сегодня Рутенберг явился в Зитары, почти окончательно решив выяснить все. Его взгляд более внимательно, чем обычно, скользил по строениям, по мебели и людям. Он представил себе Эльзу в роли госпожи Рутенберг, в вышитых пестрых домашних туфлях и ярком кимоно за утренней трапезой. Ничего, как будто вполне подходит. Представлял себе тестя-капитана, приехавшего к ним погостить на праздники. Если он наденет мундир с нашивками — тоже ничего, эффектно. С тещей дело обстоит хуже: какое она лицо ни строй, что ни надень, все равно остается латышской мужичкой. Вот если бы подружиться с Ингусом — он в любом обществе не ударит лицом в грязь. У него, правда, как у всякого моряка, привыкшего находиться в мужском обществе, излишне свободная манера держаться, но он интеллигентный и видный человек. Об остальных членах семьи не стоило и говорить: они ничего собой не представляли.

Ни Эльза, ни Ингус не догадывались, какой важный вопрос решается, как взвешиваются их качества на невидимых весах, решая судьбу Эльзы.

Если бы они знали это, Эльза от смущения не могла бы ни сидеть, ни говорить, а Ингус, пожалуй, указал бы молодому аптекарю на дверь. Но они ни о чем не догадывались, и природная грация Эльзы продолжала оставаться такой же непринужденной, а Ингус хоть и сдержанно, но вежливо проболтал чуть ли не целый час, очаровывая рыжеволосого юношу познаниями и тактом. И все было бы хорошо, но тут какой-то злой (а может быть, и добрый) демон шепнул Ингусу, что уже четыре часа пополудни. Он встал.

— Сети, наверно, уже высохли. Надо пойти снять их.

Он поднялся на второй этаж, разбудил Эрнеста, отдохавшего после

бессонной ночи, и переделся в рыбацью одежду. Полчаса спустя Рутенберг увидел сыновей Зитара, своих предполагаемых родственников, входящими в комнату. Эрнест с заспанными глазами хмуро пробормотал приветствие и, не обращая больше внимания на Рутенберга, сказал сестре:

— Приготовь нам хлеб и питье. Мы больше не придем сюда.

— Хорошо, я принесу корзину на берег.

Их грубые брюки были в смоле, местами поблескивала приставшая к ним чешуя, вязаные верхние рубашки плотно обтягивали мускулистые руки. Оба они были босиком, и у Эрнеста под давно не стриженными ногтями виднелась грязь.

«Гм», — скептически подумал Рутенберг. Эта грубая сила ему не нравилась, в ней чувствовалось что-то первобытное, неэстетичное. К этому он никогда не привыкнет. И все-таки — два парусника, аптека в бойком провинциальном местечке...

Братья ушли. Немного спустя Эльза, сопровождаемая Рутенбергом, понесла корзинку с ужином на взморье. Вначале Рутенберг хотел было изобразить галантного кавалера и взять у дамы корзину, но потом, вспомнив, кому она предназначена, устыдился своей угодливости. Он не станет лакеем у каких-то парней-рыбаков. И вообще, на что это похоже, если его увидят с корзиной в руке, — словно посыльный или кухарка, возвращающаяся из лавки. И он предоставил Эльзе нести корзину.

На пляже они постояли немного, посмотрели, как Ингус и Эрнест, привязав к сетям грузила, сложили их в лодку и, завернув брюки до колен, сталкивали лодку в море. Перебравшись через отмели, братья сели в лодку и вышли в открытое море. При каждом взмахе весел они откидывались всем корпусом назад, принимая почти лежащее положение, и мускулы на их шеях напрягались. Рутенберг задумчиво чертил что-то тростью на песке. Под ногами поскрипывал крупный гравий, сверкали дюны на июльском солнце, а над ними тихо шумели старые сосны. Эльза поглядела вслед братьям и повернулась к Рутенбергу. Тот протянул руку.

— К сожалению, я должен идти домой. Надо помочь дяде.

— Вечером вы, надеюсь, придете?

— Не знаю... Может быть... Попытаюсь, если позволит время.

Вечером он не пришел.

Сыновья Зитара не боялись работы. Соседей это бесконечно удивляло:

они привыкли смотреть на образованного человека как на «барина», которому не к лицу физический труд. И когда в то лето сам капитан стал работать на покосе, складывал сено в стога и делал вешала для сушки клевера, а его образованные сыновья отправлялись в море рыбачить, кое-кто из наиболее догадливых соседей поговаривал: «У Зитаров дела плохи... Не на что даже работников нанять».

Во время сенокоса рыбачили только Ингус с Эрнестом. Позже к ним присоединились Карл и Янка. Чтобы рыбачить на двух лодках, не хватало сетей, поэтому соседям было чему дивиться, когда однажды вечером сыновья капитана разделились попарно и ушли в море на двух лодках в разных направлениях.

Все началось с одной ночной поездки в море в середине июля. В тот вечер братья отправились на рыбную ловлю втроем: Ингус, Эрнест и Янка. В лодке было несколько порядков салачных сетей. С берега дул легкий попутный ветерок. Парни натянули парус и, посвистывая, вышли в море. Ингус сидел на руле, Эрнест привязывал к сетям камни, а Янка следил за парусом. У каждого была своя обязанность, свое место на маленьком судне. Неясным оставалось лишь одно: кто из двух старших братьев здесь хозяин? Ингус считал, что по старшинству должен распоряжаться он. У Эрнеста на сей счет была своя точка зрения. Давно ли Ингус стал рыбачить? То, что он учился в мореходном училище и на несколько лет старше, не имеет значения: хозяин тот, кто дольше занимался этим делом. Так думали братья, не высказывая мыслей вслух. Возможно, что различие взглядов и не отразилось бы на работе, и они продолжали бы рыбачить, как до сих пор, если бы в лодке не оказался третий. Власть и занимаемое положение сводятся к нулю, если их некому показывать. Пока Ингус с Эрнестом рыбачили вдвоем, никому из них не приходило в голову навязывать другому свою волю. Они всегда договаривались между собой, и никто из них не думал, что уступает другому. Присутствие Янки разбудило дремавшего беса самолюбия и тщеславия.

Произошло это так: когда лодка достигла места, где глубина составляла семь сажен, Ингус протянул Янке шкот паруса и сказал:

— Убери парус. Эрнест, ты еще не привязал камни?

Эрнест небрежно проворчал:

— Успею еще.

Ингус: Что значит успеешь? Сейчас надо закидывать сети.

Эрнест: Закидывать сети? Чтобы вытащить их пустыми? Прошлой ночью Сеглинь закидывал здесь — вытащил не больше калы [\[28\]](#).

Ингус: А позапрошлой ночью у Рубениса сетевое полотно было

белым-бело от рыбы.

Янка растерянно слушал, не зная, что делать: убирать парус или оставлять.

— Сворачивай, сворачивай! — торопил его Ингус. — Мы будем здесь закидывать сеть.

Его решительный, не допускающий возражений тон задел Эрнеста.

— Перестань дурака валять. Мы пройдем туда, где глубина — десять сажен.

— Нет, не пройдем. Я сяду на весла, а ты, Эрнест, выбрасывай сеть.

— Бросай сам. Я не дотронусь до сетей, пока не придем на настоящее место.

— Ты выбросишь, сеть там, где я укажу, — заявил Ингус, переходя на весла.

— Нет, этого не будет. Слишком еще зелен, чтобы мною командовать.

Слово за слово, и братьям стало ясно, что здесь сеть не удастся закинуть. Подняли паруса и отправились искать более глубокое место. Через некоторое время Эрнест, опустив лот в воду, заявил, что они находятся над нужной глубиной.

— Ты, Ингус, иди на весла, я начну выбрасывать сеть.

На этот раз выбранное братом место не понравилось Ингусу.

— Чем здесь ловить, лучше вернуться на берег и развесить сети на кольях. Все равно ничего не вытянешь.

— Много ты понимаешь в рыбной ловле.

— Могу еще и тебя поучить. Янка, натягивай парус, пойдем на другое место.

— Чучело гороховое, — сердито проворчал Эрнест.

— От чучела слышу, — огрызнулся Ингус.

И опять они бороздили море, то приближаясь к берегу, то удаляясь от него. Солнце опускалось все ниже, другие рыбаки давно уже забросили сети, и лишь братья никак не могли выбрать место лова. Никто из них не хотел уступить, а бескрайние воды моря молчаливо хранили свою тайну, и нельзя было разглядеть, в каком именно месте находятся сейчас косяки салаки. Эрнест пустил в воду блесну. Как только ему удалось вытащить первую салаку, он заявил, что дальше плыть не стоит. Ингусу надоело спорить.

— Пусть будет по-твоему, — согласился он. — Но если ничего не поймает, ты завтра один будешь сушить сети.

Наконец, перед самым заходом солнца сети закинули. Привязав лодку к сети, Ингус разделся и искупался. Затем братья поужинали и решили еще

немного поплавать по морю. В сумерки они вернулись к сетям. Эрнест улегся спать на сланях, завернувшись в шубу, но Ингус не мог никак успокоиться:

— Надо посмотреть, есть ли что-нибудь в сетях. Может, мы тут чистую воду цедим.

— Не стоит возиться, — пробормотал Эрнест.

— Ты можешь спать спокойно, мы с Янкой обойдемся без тебя.

Подняв якорь сетевого порядка, Ингус стал выбирать сеть в лодку. На Эрнеста потекла вода, и ему волей-неволей пришлось встать.

— Брось дурака валять! Кто же ночью проверяет сети?

Ингус молча выбирал сеть. В сетях ничего не было: может, полкалы салаки наберется.

— Ну, теперь ты убедился? — указал Ингус на кучу сетей. — Нашел тоже подходящее место! Вставай, заберем все и поедем дальше.

Не говоря ни слова, кряхтя и сопя, работали они в вечерних сумерках и, выбрав все сети, направились на другое место. Теперь право выбора принадлежало Ингусу. Эрнест не промолвил ни слова. На глубине семи сажен Ингус бросил якорь, и они кое-как в темноте опустили спутанные сети в море. Наступил покой до утра. Повернувшись спиной друг к другу, братья проспали несколько часов. Лишь только забрезжил рассвет, на море все оживилось. В чистом предутреннем воздухе ясно слышались голоса рыбаков, находившихся за несколько верст. Когда якорь был поднят и в сетях блеснули первые рыбки, Ингус насмешливо спросил брата:

— Интересно, что это там блестит?

Эрнест сердито молчал.

— Ну, взгляни, как бусинки, рядком лежат... — не унимался Ингус. — Эрнест, отвязывай же наконец камни.

— Не распоряжайся, пожалуйста! — вспыхнул Эрнест. — Тут тебе не судно, где ты мог командовать, а я не матрос. С такими надзирателями я больше в море не поеду.

— Еще вопрос, возьму ли я тебя с собой.

— Не от тебя зависит, оставлять или брать. Эта лодка моя, и я здесь штурман. Если захочу, ты будешь гулять по берегу.

Это была их последняя совместная поездка. Двум котам в одном мешке не ужиться — эта старая истина еще раз подтвердилась на примере сыновей Зитара. Капитан, правда, пытался примирить своих вспыльчивых отпрысков, но безрезультатно. И на следующий день вечером из Зитаров в море направились две лодки — в одной Ингус с Карлом и Янкой, в другой — Эрнест с Кришем и каким-то мальчуганом: тот согласился за двадцать

копеек бросать через борт камни. Теперь в каждой лодке имелся свой старший, авторитет которого никто не пытался оспаривать.

А в это время где-то на другом конце Европы раздались выстрелы [29], пал от пули террориста австрийский престолонаследник, и войска Габсбургов ворвались в Сербию. Лихорадочно заработали дипломаты, но кругом уже бряцали оружием. «Что-то будет?» — размышляли люди, интересующиеся международной политикой. А между тем, машина жизни работала в привычном ритме: крестьяне продолжали пахать и сеять, моряки уходили на судах в чужеземные края, рабочие стояли у станков. Люди работали и отдыхали, любили и ненавидели, рождались и умирали. Вечный круговорот продолжался, как и прежде, и неискушенному трудно было предполагать, что близится мировая катастрофа. Где-то воевали, где-то угрожали и правительства обменивались нотами. Но много ли бывало таких дней, когда в мире не воевали, когда газеты не извещали о столкновениях между государствами? Почти ежеминутно в каком-нибудь уголке земного шара проливалась кровь и грохотала война.

В середине июля 1914 года, когда на Балканах уже слышались залпы, сыновья Зитара говорили о постройке судна и по воскресеньям ходили на вечеринки. А Микелис Галдынь сыграл свадьбу и привел домой Вилму Сеглинь. Капитану Зитару с женой пришлось пойти в посаженные, а Ингус, товарищ Микелиса по плаванию, обязательно должен был принять участие в свадьбе. Обычно в сельских местностях свадьбы играют осенью или зимой, но Микелис Галдынь торопился. С Вилмой он встречался уже несколько лет и вот, наконец, скопил деньги и построил себе на побережье, недалеко от Зитаров, маленький домик. Настало время проститься с дальними морями и заняться рыбным промыслом. Лодку он приобрел, снасти тоже, оставалось только привести в дом хозяйку — и можно начинать жизнь.

Сплошные косяки нерестующей салаки исчезли, и рыбаки стали применять другие орудия лова. Некоторые донными снастями доставали со дна камбалу и бельдюгу. Те, у кого были сырцевые сети, ловили белую рыбу. При таком способе лова достаточно двоих рыбаков в лодке.

Эрнест отпустил Криша домой для работы по хозяйству и взял с собой на промысел сына плотника Витыня, тринадцатилетнего Фрица. Мальчик, правда, оказался неважным моряком и не переносил даже зыби, но Эрнеста

это мало заботило. Совсем наоборот: в ветреную погоду он нарочно задерживался в море, разъезжая взад и вперед до тех пор, пока у мальчика не начинался приступ морской болезни. Сам не страдая от нее, Эрнест испытывал странное удовольствие, видя муки других. Посмеиваясь, он издевательски-участливо спрашивал мальчика, что с ним, не съел ли что-нибудь недоброкачественное? И, словно для того, чтобы закалить мальчонку, Эрнест направлял лодку на самую большую волну.

— Терпи, ничего, привыкнешь...

Но Фриц не привыкал и с удовольствием предпочел бы остаться на берегу, если бы не двадцать копеек, которые ему платили за ночь.

Братья разделили снасти поровну. Вначале и улов на обеих лодках был примерно одинаковым, но потом счастье перешло к Эрнесту. Каждое утро в его вентере оказывалось больше рыбы, чем у Ингуса и других рыбаков. Эрнест любил похвастать успехами.

— Не каждый может рыбачить, — заявлял он отцу, показывая свой улов. — Тут тоже смекалка нужна.

Было похоже, что Эрнест прав. Из всех местных рыбаков он оказался самым удачливым. И все стали следовать его примеру: закидывали сети на такой же глубине, так же привязывали грузила и выбирали сырцовые сети с ячейками такой же величины, как у Эрнеста. Но ничего не помогало: Эрнест по-прежнему был впереди. По утрам он приветствовал Ингуса ехидной усмешечкой.

— Здесь тебе не судно. Одним компасом да лотом не обойдешься, надо и мозгами шевелить.

Эрнест отправлялся к сетям рано утром, когда еще было совсем темно и ни один рыбак не выходил в море. Прежде чем вытащить свои сети, он проверял содержимое у соседей. Подъехав к поплавкам, он поднимал полотно сети и осматривал ее. Если рыбы оказывалось много, он часть забирал себе и осторожно опускал чужие сетевые порядки обратно в море. К тому времени, когда рыбаки отплывали от берега, Эрнест, успев проверить чужие сети, спокойно выбирал уже собственный улов. Он не навлекал на себя подозрений, потому что действовал осторожно, стараясь не запутать чужие сети. Фриц Витынь за молчание получал мелкую рыбешку, и его предупредили, что если он проболтается, то будет избит. Как-то Эрнесту удалось подсмотреть, где Сеглинь ставит свой вентер. Наутро вентер оказался пустым. Но, как выяснилось, конец его оставался открытым, так что, очевидно, вся рыба ушла. Сеглинь, подсадовав на свою забывчивость, никому ничего не сказал. И Эрнест опять ходил, гордо выпятив грудь, и поддразнивал Ингуса, как и полагается удачливому

рыбаку.

— Что у вас случилось, поссорились, что ли? — спросила как-то однажды Альвина у Эльзы. — Я уже целую неделю не вижу Рутенберга.

— Он очень занят, — ответила Эльза. — Дядя уехал в Ригу, и он остался один в аптеке.

На другой день после этого разговора объявили мобилизацию запасных. Война еще не началась, но все понимали, что положение серьезное, и на Западе, за Неманом и Вислой, находится враг.

В Латвии многие в этот момент оказались в довольно глупом положении. Латышские попугаи, изуродовавшие свои фамилии окончанием «инг», а речь — сильным немецким акцентом, вдруг заговорили на чистейшем латышском языке. Самые упрямые, словно улитки, притаились в своей раковине. И только изредка, где-нибудь в тесном кругу друзей «липовые немцы» трусливо похвалялись: «Германия обладает наивысшей техникой, и у нее самая лучшая армия в мире... Она разобьет Россию в первые же месяцы».

Для Рутенберга, как и для многих его соотечественников, жизнь стала несладкой. Куда ни повернись, повсюду слышались ехидные замечания, кругом были насмешливые улыбки. Самыми несносными, как всегда, оказались подростки. Ну что такой мальчишка понимает в политике и культурных ценностях? А туда же — глумится над «фатерландом» и «кайзером». И самое досадное, что нельзя заткнуть ему рот; приходится молчать и, стиснув зубы, затаить в себе оскорбленное самолюбие: «Ладно, издевайтесь, когда-нибудь рассчитаемся за все!»

Местный пастор, стопроцентный баронский прихвостень, оказался в еще худшем положении, чем Рутенберг: помощник аптекаря мог в крайнем случае молчать, а пастор должен был с церковной кафедры молиться за русского царя и его армию! Но против этого вопияло все его естество. Одному богу известно, как он с этим справлялся.

Бедный Рутенберг! Его дни проходили теперь в стенах аптеки, между пузырьками и прилавком, а вечерами он вынужден был томиться в садике дяди, так как прогулки ничего, кроме неприятностей, не приносили. Долго ли может молодой человек выдержать это? Тут он опять вспомнил Эльзу и однажды в сумерки пробрался в Зитары. Его и здесь ожидало горькое разочарование: вежливо, как всякого постороннего человека, приняли его в

этом доме, поинтересовались, как у него идут дела, и не пытались удержать, когда он решил уходить. Эльза собрала все немецкие книги, принесенные ей в свое время Рутенбергом, и вернула ему их наполовину непрочитанными.

— Вы можете их еще оставить. Они мне сейчас не нужны, — заикнулся он.

— Нет, благодарю, у меня нет времени их читать.

— Чем же вы так сильно заняты?

— Я начала читать Пушкина на русском языке.

Перед уходом Рутенберг еще раз набрался духу:

— Фрейлейн Эльза, мне необходимо с вами поговорить. Не хотите ли пройтись со мной?

Эльза замялась в нерешительности и, возможно, пошла бы, но тут вмешалась мать:

— Знаете что, господин Рутенберг? Лучше будет, если вы перестанете ходить к нам. Могут быть неприятности. Сейчас такое время, люди еще неизвестно что подумают.

И Рутенберг ушел. В тот вечер Альвина Зитар имела серьезный разговор с дочерью.

— Ты эту дружбу кончай! Он тебе не жених. Если власти узнают, что мы якшаемся с немцем, нам будет плохо, А мы ведь верноподданные.

Возможно, все это было не так страшно, как казалось, но — что поделаешь? — такие времена. Благоразумные люди поступают, как им кажется лучше. Эльза Зитар ничего не потеряла, отказавшись от Рутенберга. Вскоре помощника аптекаря вместе с другими немцами выслали в одну из отдаленных губерний России.

Глава вторая

1

Мобилизация запасных еще не коснулась Ингуса, но многим местным жителям уже приказали явиться в призывную комиссию. В эти дни повсюду готовились к чему-то неизвестному — к долгой разлуке, к дальней дороге. Одни спешили закончить важнейшие хозяйственные дела, а их жены и сестры стирали белье отъезжающим, коптили свинину и пекли подорожники, другие навещали родственников и просили их помочь семье в случае затруднения по хозяйству. Всюду царило мрачное оживление и сосредоточенная серьезность.

Ингус знал: следующий призыв коснется и его, и ему придется служить в военном флоте. О постройке судна теперь нечего было и думать: он совершенно напрасно просидел это лето на берегу. Военный пафос первых дней немного взволновал и его; глядя на то, как один за другим уезжают знакомые парни, Ингус чуть не поддался соблазну отправиться вместе со всеми навстречу неизведанным судьбам и испытаниям. Будучи по натуре мечтателем, он представлял себе войну как какой-то торжественный, овеянный романтикой героический поход: с развевающимися знаменами войска устремляются вперед, только вперед; побежденные города раскрывают перед ними свои ворота; дивизии под звуки марша идут в наступление, грохочут пушки, клубится пороховой дым и гремит всеокрушающее, неотразимое русское «ура». Есть в этом какая-то мощь, красота, словно буря на море. Может быть, его пошлют на броненосец и в море произойдет богатырская схватка с немецким флотом. После победы они войдут в порт на расцвеченных флагами судах и приведут с собой плененную немецкую эскадру. Лучше всего, конечно, служить на подводной лодке: она незаметно подбирается к самому большому дредноуту противника и топит его торпедой. Затем подходит к другому военному кораблю, к третьему, четвертому и безжалостно отправляет их на дно. В неприятельском флоте начинается паника, подводники, выполнив боевое задание, возвращаются в эскадру и сообщают о победе. Адмирал награждает героев орденами и чинами.

Ингус фантазировал и мечтал, но и сам не верил во все это. Он не раз встречал военные корабли в море и имел представление о современных

крейсерах и дредноутах. Что такое героизм человека в сравнении с военной машиной? Штыковая атака и крики «ура» разобьются о них, как волны о скалу. И все же на душе у Ингуса было беспокойно, сердце наполнилось тоской.

И вот тут появился Волдис Гандрис, старый товарищ Ингуса по мореходному училищу. Он неожиданно прибыл в Зитары и заставил Ингуса спуститься с заоблачных высей на землю.

— Ну, старина, не собираешься ли ты воевать и положить жизнь за царя-батюшку? — спросил он, едва успев поздороваться. — Не намерен ли гнить в окопах, пока тебя снарядом не разнесет в клочки?

— Если придется пойти, тут уж ничего не поделаешь, — ответил Ингус. — Никто не спросит, хочешь ты или не хочешь.

— Эх, Ингус, неужели мы для того учились, чтобы пойти на съедение окопным вшам? И ради чего? За чью правду, за чьи возвышенные идеалы? Нет, покорно благодарю, я от этой чести отказываюсь.

Волдис в последнее время служил первым штурманом на пароходе. Сейчас путь в Западную Европу был закрыт, и его пароход собирались затопить у входа в Лиепайский порт, чтобы закрыть дорогу вражеским кораблям.

— Жаль, что вся эта заваруха не началась раньше, когда мое судно находилось в Англии, — продолжал Волдис. — Сейчас я свободно разгуливал бы там да посвистывал. Теперь придется немного потрудиться, чтобы вырваться на свежий воздух.

— Что ты думаешь предпринять?

— Я считаю, что мы можем принести пользу отечеству другим путем. Кто-то должен обслуживать суда, на которых будут доставлять стране то, в чем она нуждается. Балтийское море закрыто для навигации. Всю связь с Западной Европой придется держать через север. Контора моего пароходства переехала в Архангельск, и всем судам, находящимся вне пределов Балтийского моря, дано распоряжение направляться туда. Если мы не хотим, чтобы нас призвали на военную службу, необходимо сейчас же ехать туда. Моряки, обслуживающие транспортные суда, освобождены от призыва. Работа на судне засчитывается им как военная служба. Понятно? Но нам нужно спешить. У тебя еще время терпит, твой год не призывают, а я на этой неделе должен явиться в призывную комиссию.

Ингус в тот же день посоветовался с родителями насчет предложения Волдиса. Капитан Зитар сразу согласился: он считал это самым разумным. Мать погоревала, что сыну всю войну придется провести вдали от родного дома, но все же на море спокойнее, чем на поле сражения.

Времени оставалось немного, поэтому Ингус сейчас же стал собираться в дорогу. Уложил чемодан, собрал документы и навестил родственников. Наконец наступил последний вечер в семье перед разлукой на долгие годы. Волдис Гандрис весь вечер смешил домашних веселыми рассказами, слегка флиртовал с Эльзой и даже завоевал расположение всегда хмурого Эрнеста. Все было так, как обычно бывает перед уходом моряков в дальнее плавание.

Наутро капитан вручил сыну сто рублей на дорожные расходы, и, когда показался каботажный пароход, младшие братья отвезли Ингуса на лодке в открытое море. Расставаясь, Волдис Гандрис обещал госпоже Зитар заботиться об Ингусе как о брате и, в свою очередь, получил от Эльзы обещание отвечать на его письма.

Скрылась из виду лодка Зитаров, исчезла вдали знакомая дюна у устья реки. Ингус закурил и стал расхаживать по палубе. На пароходе было много пассажиров — все больше рекруты и провожающие их. Не желая, чтобы и его приняли за призывника и начали расспрашивать, Ингус держался в стороне. Волдис уже успел исчезнуть: по-видимому, он находился в буфете или среди паровой прислуги. И только Ингус собрался его искать, как он, беззаботно улыбаясь, появился из дверей маленького салона.

— Ингус, тебе не скучно? Иди в салон. Я нашел знакомых.

— Ну, ну?

— Вернее, знакомого. Ты этого человека должен знать лучше, чем я.

— Кто же это?

— Увидишь. Спустись вниз, а я пойду поболтаю со штурманом. Он мне вроде другом приходится.

Живой как ртуть, Волдис не мог ни минуты оставаться на месте. Повсюду он находил собеседников. Веселый и общительный, он заражал своей бодростью окружающих. Погруженные в думы призывники забывали о своих заботах, замкнутые одиночки присоединялись к пассажирам, окружавшим Волдиса, как только он появлялся. «Как хорошо, когда человек в любой обстановке умеет найти светлую сторону!» — думал Ингус, прислушиваясь к островам приятеля.

Знакомый на пароходе... Откуда? Впереди еще несколько часов езды. Придется пойти посмотреть — все будет повеселее. Ингус бросил папироску за борт и спустился в междупалубное помещение, где находились салон и буфет. На палубе стояла невыносимая жара, а внизу, где горячий воздух из машинного отделения проникал в каюты, и совсем нечем было дышать. Людей здесь почти не было. Буфетчица за прилавком читала

книгу, у столика какой-то толстый торговец пил лимонад, а в углу, спиной к дверям, сидела молодая женщина. При появлении Ингуса она, взглянув на него, быстро отвернулась и, казалось, погрузилась в глубокое раздумье. Ингус не успел рассмотреть ее лица. Где же знакомый человек, о котором говорил Волдис? Буфетчицу и торговца он видел впервые. Оставалась та женщина в углу. Ингус кашлянул в надежде, что женщина обернется. Но она оставалась неподвижной. Тогда он, подойдя к иллюминатору, равнодушно посмотрел на море и сел напротив женщины, бросив на нее быстрый взгляд. Это была Лилия Кюрзен! Застывшим взглядом смотрела она куда-то через голову Ингуса, словно не замечая его. Но на щеках ее лихорадочно горели красные пятна, а пальцы нервно теребили сумочку. Сердце с силой забило в груди Ингуса. Он почувствовал, что у него горят кончики ушей, а на лбу выступила испарина. Машинально вытащив носовой платок, он вытер лоб. Уйти, не заметив Лилию, было уже невозможно. Но что делать, как держать себя с ней? Они ведь не чужие. В последний раз перед расставанием даже были такими близкими... такими близкими... Но теперь? Больше года он не писал ей, несмотря на ее полное отчаяния письмо. А за это время могли произойти какие угодно перемены. Поздороваться и уйти? Нет, это было бы по-мальчишески малодушно. Подойти и заговорить, словно ничего особенного не случилось? Для такой роли нужен более опытный мужчина, Ингус еще слишком молод, искренен и непосредствен. Он отчетливо сознавал только одно: чем дольше затягивается молчание, тем глупее становится его положение. Не может быть, чтобы Лилия не заметила его присутствия.

Он робко взглянул на нее. Раз, другой. Тайком, пугливо отводя глаза в сторону, если замечал, что Лилия чувствует его взгляд. Но вот их глаза встретились. Отворачиваться было поздно, да никто из них и не желал этого. Ингус простодушно и искренне улыбнулся, и Лилия ответила ему. От этой спокойной, дружеской улыбки у Ингуса на душе сделалось тепло и хорошо. Он встал и направился к Лилии.

— Здравствуй... Ты тоже в Ригу?

— Здравствуй. Да. Надо съездить.

Ее рукопожатие казалось таким спокойным, что у него исчезли последние сомнения: он встретил друга. Задержав руку Лилии, он сел рядом и некоторое время молчал. У потолка жужжала одинокая муха, за буфетом слышался шелест переворачиваемой страницы, в стакане торговца шипел только что налитый лимонад. Где-то за стеной гудели машины, и весь корпус парохода слегка содрогался, словно от биения громадного сердца. Охваченный странным, сладостным ощущением, Ингус легко

пожимал пальцы Лилии, пожимал и отпускал, и оба все время беспричинно улыбались.

Звон монет вернул Ингуса к действительности. Торговец расплатился и вышел на палубу.

— Расскажи, Лилия, как идет жизнь в местечке? — спросил Ингус. — Фриц еще дома?

— Нет, он в этом году плавает боцманом на старой посудине. Да, я слышала, что твое судно затонуло?

— Мы потерпели аварию, — Ингусу хотелось спросить девушку о переменах в ее жизни, но не хватило смелости, и он спросил совсем о другом: — Здесь так жарко. Ты не хочешь лимонаду?

— Думаешь, это поможет? Еще больше захочется пить.

— Почему ты не выходишь на палубу?

— Просто так... — она покраснела. — Там слишком много народу.

Ингус не знал, что она спустилась сюда только около устья реки, заметив лодку с новыми пассажирами. Он взял две бутылки лимонаду и наполнил стаканы. Напиток был ледяным, приходилось пить маленькими глотками.

— Лилия... — опять собрался с духом Ингус.

— Ну? — она уже не избегала его взгляда.

— Как ты живешь?

— Все так же. Живу дома. Помогаю матери по хозяйству и чиню сети.

— Я получил твое письмо, — коснулся он, наконец, главного.

— Но я не получила на него ответа, — теперь она опустила глаза и тихо вздохнула.

— Я не успел тебе написать, мы вышли в море, — он тоже вздохнул. — Ты обо мне плохо думаешь?

— Почему? Конечно, ты мог бы хоть что-нибудь написать. Но раз ты не писал, я подумала, что тут ничего не поделаешь. У нас ведь и не было такого уговора, — она грустно улыбнулась. — Поговорим о другом. Тебе мать ничего не рассказывала?

— О чем?

— Ты не знаешь? Ну, тем лучше. Куда ты сейчас направляешься?

— В Архангельск. Буду искать места на судах.

Его взгляд ласково скользнул по лицу Лилии, ее рукам, упругому стану. Какая она все-таки славная и милая. Сейчас она стала еще лучше. Как он мог забыть ее? Нет, он уже не удивлялся и не стыдился своего бывшего увлечения. Наоборот, было бы странно, если бы этого не случилось. За полтора года разлуки он часто думал о Лилии, особенно в первые

месяцы. Много раз одолевали его сомнения, часто горько и тяжело упрекал он себя. Пришлось проявить немало упорства, прежде чем рассудок и чувства пришли к взаимному соглашению и его духовный взор стал свободно смотреть навстречу завтрашнему дню. Но все же на протяжении этих полутора лет ему всегда чего-то не хватало, оставалась какая-то пустота. И такая же пустота была бы и в будущем, если бы они сегодня не встретились. Ингус радостно и вместе с тем грустно смотрел на Лилию, и новая мысль разбудила его тщеславие, нарисовав в сознании заманчивые, кружившие голову перспективы. «А ведь я и теперь могу получить ее... Почему бы нет? Если только захочу... Только вот сейчас я должен уехать, расстаться на неопределенное время, и никому не известно, что случится с нами».

Лицо Ингуса потемнело. Он испугался, что может потерять Лилию. Эта мысль вызвала в нем неведомое до сих пор желание: он не может так уйти. Он должен убедиться в ее отношении к нему.

— Лилия! — Ингус крепко сжал руку девушки. — Я должен тебе многое сказать. Только прежде ответь мне откровенно, ты действительно не думаешь обо мне дурно? — И, не дождавшись ответа, поспешно продолжал: — Ты должна понять меня. Я совсем не такой, как обо мне можно подумать. Посуди сама, кем я был тогда? Только что окончил училище, без положения в жизни. Я испугался своего намерения, я и сам себе не верил, считал это ребяческой затеей! Но теперь убедился, что это не прихоть. Нет, это настоящее, неподдельное чувство. Я ничего не забыл. Я остался таким же, каким был тогда, Лилия, у меня нет никого, кроме тебя...

К счастью, за стеной гудели машины и с палубы доносились окрики матросов; пароход приближался к пристани, так что буфетчица не слышала сказанного Ингусом. Но вот увидела, как девушка смущенно улыбалась и, опомнившись, что-то ответила, а юноша пожал ей руку. Затем они встали и вышли на палубу.

После обеда пароход прибыл в Ригу и пристал к берегу Даугавы около рынка. Волдис Гандрис немедленно отправился в Задвинье ^[30], где у каких-то родственников хранились его вещи. Ингус обещал заехать к нему позже и, отдав Волдису чемодан, проводил Лилию в город. Ей необходимо было купить пряжу и кое-что из рыболовных принадлежностей, а также получить от рыботорговца деньги за поставленную на прошлой неделе рыбу. Дела удалось закончить только к вечеру. Ингусу надо было ехать к Волдису, так как петербургский поезд, с которым они уезжали, отправлялся ночью. Лилия вернулась с покупками на каботажный пароход, потому что в Риге у нее знакомых не было, а останавливаться в гостинице ей не

хотелось. Расставаясь, они улыбались точно так же, как при встрече. На берегу, за грудой пустых ящиков из-под рыбы и грузов, Ингус поцеловал Лилию.

— Я напишу тебе из Петербурга. А когда в Архангельске устроюсь на судно, сообщу адрес.

Она улыбнулась и хотела напомнить Ингусу об одном невыполненном обещании, но, подумав, что момент слишком серьезен для шуток, промолчала. Нет, теперь не следовало вспоминать об этом. Их будни осветило ярким светом, и, расходясь в этот вечер в разные стороны, они знали, что в каждом из них осталась какая-то частичка другого. Это радостное чувство надолго укрепит в них терпение и надежду.

Ночью Ингус и Волдис уехали. На следующий день Лилия отправилась на пароходе домой. Проезжая устье реки, где вчера сыновья Зитаров в лодке ожидали прибытия парохода, Лилия уже не спустилась в салон.

Микелис Галдынь уже второй день не выходил с сетями в море. Послезавтра ему надо было явиться в призывную комиссию, и он не мог придумать ничего, чтобы освободиться от военной службы. Кроме него, у старого Галдыня было еще два сына, так что кормильцем считаться он не мог. А на получение белого билета ^[31] по состоянию здоровья рассчитывать не приходилось. Придется идти воевать, обязательно придется — именно теперь, когда жизнь только начала налаживаться; уйти, оставив недостроенный дом, новые рыболовные снасти, молодую жену.

Микелис вытащил лодку на берег и законопатил все щели. Второпях, насколько позволяло время, проверил сети, пришил кое-где поплавки и прибрал бечеву. Просмолил концы кольев, чтобы выстояли до возвращения хозяина. Обил жестью лопасти весел, а уключины обмотал веревками: меньше изнаются. Он хотел за оставшиеся два дня сделать хотя бы часть того, что было намечено. В сарае лежали доски для постройки крыльца. Этим летом предполагалось покрасить крышу и сделать ставни к окнам. Все остается на полпути, как подвода со сломанным колесом; все нужно прервать, как по сигналу пожарной тревоги. Микелис успел еще наколоть жене дров на месяц и уладить самые неотложные хозяйственные дела. Нельзя сказать, что Вилме негде приклонить голову. Она могла вернуться к своим родителям и жить у них до возвращения Микелиса. Да и Галдыни не

возражали, чтобы невестка перебралась к ним. Но Вилма не соглашалась. Она не хотела отказываться от положения хозяйки дома.

— Кем я буду у матери или у твоих? — говорила она. — Прислугой, бесплатной работницей. Да еще, в конце концов, скажут, что содержали меня.

Нет, уж лучше испытывать лишения и выполнять мужскую работу. Разве не была она дочерью рыбака? Разве не случалось ей ходить в море с братьями? Если она до сих пор рыбачила с Микелисом, почему бы ей не продолжить это занятие с кем-нибудь другим, например со своим младшим братом Рудисом? Вилма была не из тех, что вешают голову. Пусть Микелис не беспокоится о ней.

— Вот увидишь, я еще буду тебе кое-что посылать. Да и притом, разве можно оставить без присмотра новый дом? Время военное, всякий народ бродит кругом — растащат все по щепочке.

Микелис согласился с Вилмой и примирился с тем, что она будет теперь жить одна. Но в душе таилось недовольство, так как он хорошо знал нрав молодой жены. Он чувствовал бы себя гораздо спокойнее, если бы Вилма жила с родителями.

Пока Микелис занимался хозяйственными делами, Вилма собрала дорожную котомку и напекла пирогов. Попросив Эльзу Зитар, с которой подружилась на свадьбе, присмотреть за домом, Вилма проводила мужа в Ригу. Спустя три дня она вернулась домой одна. Микелис получил направление в Польшу, где формировался пехотный полк. Чтобы Вилма не чувствовала себя одинокой и скорее освоилась с новым положением, Эльза стала часто бывать у нее. Госпожа Зитар всеми силами способствовала их дружбе, ибо считала это благородным делом, проявлением любви к родине. Каждый должен принести жертву на алтарь войны: если тебя война не задела, твой долг облегчить судьбу тех, кого она коснулась.

Теперь каждый день приносил что-нибудь новое. Один за другим уходили мужчины на войну. В корчме вечера проходили непривычно тихо, а газеты сообщали о первых боях и победах: «Противник понес тяжелые потери, на нашей стороне урон незначителен...» От Карпат до Балтийского моря лихо гремели барабаны, в буржуазных кругах царило приподнятое настроение, и доморощенные стратеги уже высчитывали недели и дни, когда разбитый противник запросит мира. Капитан Зитар по вечерам раскладывал на столе карту Европы и оптимистически следил за победным маршем русской армии по Восточной Пруссии. Хвастливое обещание Ренненкампа [\[32\]](#) — быть через несколько недель в Берлине — нашло много внимательных ушей и легковерных сердец. Зитару этот оптимизм

обошелся в несколько тысяч рублей. Когда началась война, он не торопился вынимать вклад из частного банка. Дела на фронтах шли хорошо, и капиталу ничто не угрожало. Катастрофа у Танненберга явилась полной неожиданностью. В лесах Восточной Пруссии погибла армия Самсонова. «Завоеватель Берлина» Ренненкампф сломя голову поспешил обратно в Ковно, бросив армию на произвол судьбы. С лица Зитара сошла самодовольная улыбка, и он поехал в Ригу. Там ему пришлось пережить второй Танненберг: банк отказался выплатить вклад.

Пропали все сбережения! Пропало новое судно! Возвращайся домой и живи как хочешь... Перестал существовать состоятельный судовладелец и бравый мужчина — остался простой крестьянин, хозяин хутора у устья реки.

Единственным утешением Зитара в эти горестные дни было сознание, что и у других не лучше. Некоторым война нанесла такие чувствительные удары, что им никогда не удастся встать на ноги. Скупой Берзинь вместе со своим парусником остался в Германии: судно конфисковали, а сам он превратился в пленного. Многие судоходные компании потеряли половину судов. Суда, находившиеся в начале войны в родных портах, теперь были обречены на безработицу. Они стояли у причалов, а капитаны сидели дома. Тем, кто в эти бурные дни оказался в дальнем плавании, повезло: они могли заниматься перевозкой грузов и зарабатывать бешеные деньги. Пока на родине бушевала война, они на чужбине жили припеваючи. Кое-кто даже разбогател.

— Нам придется жить экономнее, — сказал Зитар жене.

Но это легко сказать и нелегко сделать. Хозяйке, привыкшей к достатку, трудно учитывать каждую копейку. Дети подрастают, растут их потребности, а вместе с тем и расходы.

В начале сентября жители побережья были взбудоражены чрезвычайным известием: в имени остановились на постой донские казаки! Всех охватило радостное волнение: теперь каждый своими глазами увидит лихих конников, о делах которых газеты рассказывали невероятные чудеса.

Вот они прискакали, как на картинке, сотня за сотней, на доморощенных конях, поблескивая пиками и звеня шпорами. На брюках у них были нашиты красные лампасы, из-под козырьков фуражек лихо

выбивались пышные чубы. Молодые казаки носили маленькие усики, пожилые были с бородами, командиры стройные, статные. И старые, и молодые держали голову по-ястребиному вверх, фуражки некоторых украшали пучки цветов.

Нельзя сказать, чтобы местные жители не видали военных. На побережье постоянно находились пограничники, или, как их называли, «страндитеры». Они тоже разъезжали верхом, при саблях, в красивых мундирах. Но это были военнослужащие мирного времени, скорее жандармы или полиция. Вот почему весть о прибытии казаков приятно взволновала всех.

Вилме Галдынь поведал эту новость брат Рудис. Весь день, разбирая сети, она не переставала думать об этом. До имения версты четыре. Что это за расстояние для молодой женщины? Ходьба туда и обратно займет часа два, зато она увидит бравых казаков. Разве дома есть что-нибудь интересное? Возись с сетями, вечером ставь, утром вытаскивай, выполняй мужскую работу и не знай никакой радости. Микелис воюет где-то в Галиции и изредка пишет; бог его знает, когда он вернется и вернется ли вообще. А Вилме всего двадцать три года — молодая женщина в полном соку.

— Неужели всем хватило места в имении? — спросила она у брата.

— Где там! Часть разместились по хуторам. И в корчме казаки.

В корчме?.. Но ведь это совсем рядом. Вилма сразу вспомнила, что на старых туфлях сносились набойки. Сапожник живет рядом с корчмой. Вечером, закинув сети раньше обычного, Вилма переоделась и, завернув туфли в газету, пошла к сапожнику. Тут она своими глазами увидела двух казаков. Да, это были brave молодцы, совсем не то, что пограничники. Как у них звенели шпоры! А сабли так и мелькали на боку! Черные как смоль волосы, орлиные глаза — взгляд пламенный, сверкающий. Из корчмы доносились звуки гармонии, и каблуки кавалеристов отбивали бешеную дробь. Они плясали, лихо вскрикивая и пускаясь вприсядку, а товарищи, окружив их плотным кольцом, в такт хлопали в ладоши и смеялись.

Двумя днями позже Вилма вскользь заметила Эльзе Зитар:

— Ты вечером не сходишь со мной к сапожнику? Одной не хочется идти, в корчме казаки.

— Да ведь это же интересно! Я вчера двоих видела на взморье. Симпатичные парни...

Вечером они направились к сапожнику. Набойки, правда, еще не были сделаны, но Вилма не рассердилась: у мастеровых это обычная история.

После целого дня работы так приятно прогуляться по лесу.

Возвращались они не одни. Да почему бы и не так, если у двух унтер-офицеров оказалось свободное время, и они проводили барышень! Вилма оставила дома обручальное кольцо: что за старомодная привычка ходить всегда с кольцом на пальце? На рыбную ловлю его совсем нельзя надевать — того и гляди соскользнет в воду. Один из спутников, высокий, гибкий, с тремя нашивками на погонах — старший унтер-офицер Костя Кандауров. Второй, с одной широкой нашивкой и двумя медалями, ниже ростом, с закрученными кверху кончиками усов и упругой походкой — Павел Гурейкин, или, как называл его товарищ, Павлуша. У Вилмы беседа не вязалась — она плохо знала русский язык, — и Эльзе пришлось одной поддерживать разговор. Вначале она стеснялась, не доверяя своим познаниям, но после того, как Костя Кандауров похвалил ее произношение, осмелела. Слово за слово, несколько замечаний о природе и погоде, об однообразии военной жизни, так надоевшей обоим казакам, потом пошли наводящие шутки, двусмысленности — и маленький Павлуша уже обнял одной рукой Вилму. Как его оттолкнуть? Ведь он такой веселый и интересный, и, кто знает, может, у них там, на Дону, так принято! Вилма взглянула на Эльзу и, вспыхнув, рассмеялась. Ну, если уж те двое так делают, почему же Эльза не может позволить то же самое Косте? В этом нет ничего особенного, Рутенберг тоже так делал.

Симпатичные парни!.. Почему не побалагурить, не пошутить тихим осенним вечером? В этом нет ничего плохого. Никто их не видит, а казачий полк когда-нибудь уйдет отсюда.

У дома Вилмы они распрощались. Павлуша поинтересовался, бывают ли здесь вечеринки. Теперь нет? Жаль. Тогда им придется устроить танцевальный вечер в корчме. У него есть балалайка, а Костя играет на гитаре и поет.

— Как интересно! — обрадовалась Вилма. — Говорят, у них очень красивые песни. Я бы хотела послушать. Эльзинь, скажи, чтобы они в следующий раз захватили с собой инструменты.

— Можно завтра вечером? — спросил Павлуша, когда Эльза перевела ему слова Вилмы.

— Можно и завтра вечером, — согласилась Вилма. Длинный Костя предпочитал молчать, мечтательно глядя на Эльзу. И в этом взгляде было такое чувство, такое неотразимое обаяние, что Эльзе становилось удивительно приятно.

— Ну, как тебе нравится Костя? — спросила Вилма после ухода казаков. — Красивый парень, не правда ли? А Павлуша такой смешной.

Жаль, что я еще не могу как следует разговаривать.

— Научишься.

И теперь по вечерам в домике Вилмы не скучали. Защищенный дюнами, в стороне от поселка, он был надежным убежищем от посторонних взглядов. И до поздней ночи здесь слышались грустные песни, цыганские романсы, балалайка и гитара. У Эльзы в тетрадке, куда она записывала песни, появилось много новых. Страстные слова, чувствительные мелодии. Нет, что ни говори, война прекрасна.

Эльза почти каждый вечер уходила к Вилме Галдынь и возвращалась поздно, иногда под утро. Когда старый Зитар пробовал поворчать, Альвина заступалась за дочь.

— Пусть повеселится, чего ей дома томиться. Вспомни, каким ты сам был в молодости.

— Смотри у меня!..

— Ах, ну что ты болтаешь? Молодежь! Надо же им хоть иногда развлечься.

И все осталось по-прежнему. Никто не видел в этом ничего дурного. Только Эрнест Зитар, встречая на взморье Вилму Галдынь, стал пристально и выразительно поглядывать на нее, словно теперь только заметил, какая она хорошенькая и привлекательная. Разговоры о веселье в домике за дюнами навели Эрнеста на размышления: если Вилма могла связаться с казаками, чем же хуже он? Теперь Эрнеста охватила одна навязчивая дума, он словно грезил наяву. Мысль о том, какие возможности ожидают его в доме Микелиса Галдыня, будь он посмелее, заставляла сильнее биться его сердце. Чем он хуже казаков? Они умеют только щелкать шпорами, в то время как он... Нет, надо что-то предпринять.

...Зитары получили письмо от Ингуса. Он сообщал, что после долгих мытарств добрался, наконец, до Архангельска и поступил вторым штурманом на русский транспортный пароход. В скором времени они выходят в море, очевидно, в Англию за военными материалами. Волдис Гандрис в Петербурге сплеховал — нарвался на контроль, и его хотели задержать, но он убежал и дальше ехал зайцем. Сейчас они оба служат на одном пароходе.

Эльза получила также письмо от Волдиса, но теперь оно радовало ее меньше, чем если бы оно пришло недели две назад.

Глава третья

1

Осенью Зитарам пришлось поломать голову над судьбой двух младших сыновей. Карлу следовало отправиться в Ригу и закончить последний класс реального училища. Это нужно было сделать во что бы то ни стало. Если в дальнейшем материальное положение семьи не улучшится, Карл сможет поступить на работу и сам добывать себе средства для продолжения занятий в высшей школе. А как быть с Янкой? Окончив приходскую школу, парень все решительнее высказывал желание учиться в мореходном училище. Но туда его пока не примут по возрасту, да и необходима морская практика на паруснике. При нормальных условиях Янка мог бы на один год пойти в плавание. Но сейчас об этом нечего думать. Оставить парня дома, чтобы он забыл то, чему учился, зря терял время?

Если бы позволяли средства, Зитарам не пришлось бы долго мудрить: в ожидании лучших времен Янка мог несколько лет проучиться в средней школе, а потом, получив необходимую морскую практику на судне, поступить прямо в специальный класс мореходного училища. Но выдержит ли карман капитана Зитара одновременное обучение двух сыновей?

— Как ты сам думаешь? — спросила мать у Янки.

— Мне все равно. Могу эту зиму и дома пробыть, — ответил он. — Но лучше было бы, если бы я смог учиться.

Его судьбу решил Ингус, который прислал двадцать пять рублей и обещал посылать столько же ежемесячно, пока будет служить. Взвесив все, родители решили, что Янке следует поступить в прогимназию. Прогимназия находилась вблизи Риги. Там жил двоюродный брат Зитара, у которого Янка и Карл могли поселиться.

В конце августа Карл и Янка уехали в школу.

В середине сентября Вилма Галдынь получила письмо от Микелиса. После ожесточенных боев в Галиции его полк перебросили на Кавказ. Он писал, что это очень далеко и вряд ли до окончания войны удастся выбраться домой на побывку, но в тылу жизнь спокойнее и есть надежда остаться в живых.

— Слава богу, — произнесла Вилма. — Плохо, конечно, что Микелис

не скоро вернется домой, но зато он не находится под постоянной угрозой смерти. Да и что за радость, если он вернется безногим или безглазым калекой?

Смирившись со своим положением, она продолжала жить, привыкая к новым условиям и никому не жалуясь. Казаки еще не уехали, и вечерами Павлуша по-прежнему навещал ее. Приходил и Костя, но ей было вполне достаточно общества Павлуши. Этот веселый, подвижной брюнет был во вкусе Вилмы. Теперь она научилась немного говорить по-русски и обходилась без помощи Эльзы. Иногда такая помощь была, пожалуй, неудобна, ведь есть вещи, которые нельзя доверить даже самому лучшему другу. Неправильная речь Вилмы, вероятно, звучала смешно, но разве не забавно было, когда Павлуша пытался говорить по-латышски?

Взаимопонимание достигается не только словами... Иногда достаточно взгляда, улыбки, вздоха, и ты уже ясно читаешь мысли и чувства другого человека, как и он твои. Так даже бывает лучше...

Воину, который каждую минуту может получить приказ об отправке на фронт, нельзя медлить. Все шло обычным порядком. После песен начались поцелуи, после поцелуев — «ты» и дальнейшее сближение.

И Костя с Павлушей были довольны возлюбленными. Ради них даже можно меньше уделять внимания казакам, чуть-чуть распустить их и не замечать грязи на винтовках. А когда-нибудь, многие годы спустя, вспоминая похождения военных лет, вот такой бывший унтер-офицер улыбнется, вздохнет и, покачав головой, скажет:

— Когда-то под Ригой знавал я девчонку... Вот это была девчонка!..

2

Неизвестно, как это произошло. То ли казаки похвастались в корчме победами, одержанными на любовном фронте, то ли кто подсмотрел в окно Вилмы Галдынь, но вскоре по поселку поползли грязные сплетни. Старая Галдыниете даже всплакнула, узнав, по какому пути пошла невестка. Так уж испокон веку повелось, что свекрови недолюбливают невесток. И Галдыниете в этом отношении не являлась исключением. Встретив однажды у лавки Альвину Зитар, она дождалась, пока та сделала покупки, затем проводила ее до перекрестка.

— Видали, что делается?

И тут пошли слезы и вздохи.

— Мой позор меньше, — заявила Галдыниете. — Невестка не родная

дочь. Но как вы можете спокойно относиться к тому, что какой-то проходимец позорит вашу дочь?

Альвине казалось, что люди все преувеличивают.

— Разве в наше время не бывало так? — возразила она. — По субботам парни ходили к девушкам, проводили с ними по амбарушкам ночи напролет, и ничего дурного не случилось. Молодежи нужно повеселиться, развлечься. Каждый сам знает меру.

Получив такой ответ, Галдыниете замолчала. К тому же... она вспомнила похождения Альвины. Сама не многим лучше. Что же она может требовать от других?

На самом деле Альвина не осталась равнодушной к этому разговору. Что касается Вилмы, она и раньше отличалась. Даже удивительно, что Микелис женился на ней. За Эльзу тоже, пожалуй, нельзя ручаться.

Но как же быть? Запретить Эльзе бывать у Вилмы, когда она, родная мать, сама поощряла это? Как ей объяснить? Может быть, должен сказать веское слово Андрей? Ему это больше подходит, да и Эльза прислушалась бы к словам отца. Но попробуй заикнуться о таком! «Ах, вот как, — скажет он, — так далеко зашло, что и ты напугалась? Сама заварила кашу — сама и расхлебывай...»

Если бы в свое время Альвина держала себя с дочерью построже, она могла бы теперь настоять на своем. Но она не стесняла ее свободы, и теперь любое ее предостережение покажется Эльзе смешным. Она, возможно, даже усмехнется и спросит: «Мамочка, с каких это пор ты такая строгая стала?»

Хоть бы какой-нибудь хитростью предупредить беду.

Под вечер, когда Эльза начала собираться к Вилме, Альвина позвала маленькую Эльгу в другую комнату и, поглаживая ее по голове, сказала:

— Бедный мой цыпленочек, нет у тебя дома ни одной подружки, живешь, словно сиротинка... Не хочешь, доченька, сходить немного погулять?

В первый момент Эльга даже растерялась. Не хочет ли она? Конечно, хочет. Но разве взрослые берут ее с собой? Когда она ходила на взморье к Эрнесту смотреть, как он развешивает сети, брат всегда ворчал на нее: «Путается тут под ногами...» Даже в лодку никогда не посадит: «Песку натаскаешь!» Да и другим не было времени с ней заниматься. Разве иногда Янка поиграет с ней. Но теперь и он уехал, и маленькая Эльга, словно птенчик, щебетала в доме, никем не замечаемая. Пекла пирожки из песка, собирала бруснику и таскала по комнатам кота. Чем еще мог заняться шестилетний ребенок?

— Ну, дочка, как? — спросила мать, не дождавшись ответа.

Эльга, смущенно спрятав лицо в материнский фартук, молча кивнула головой. Пойти очень хотелось, но стыдно было признаться в этом.

— Хорошо, котик, если ты так хочешь, можешь пойти с Эльзой. Пойдем умоем личико и наденем чистое платьице...

Пока Эльза в своей комнате причесывалась и пудрилась, Альвина в кухне одевала Эльгу. Девчушка, сияя от восторга, обещала матери, что будет послушной и не станет шалить в чужом доме.

— Ты мне потом расскажешь, где вы были и что делали? — спросила Альвина.

— Да, мамочка...

— Только ты никому не говори, что я тебе наказала.

— Я никому не скажу.

— И приходи домой вместе с Эльзой. Будь все время около нее. Только с таким условием я тебя отпущу.

Одев девочку, Альвина вошла к Эльзе.

— Дочка, возьми сегодня с собой Эльгу. Она совсем никуда не ходит.

Эльза нахмурилась.

— Ну, мама, на что это похоже! Что ребенку делать у чужих?

Эльга, вцепившись в юбку матери, скривила губки.

— Вот видишь, она уже совсем настроилась. Возьми ее, а то слез не оберешься.

И, считая вопрос решенным, Альвина принялась успокаивать малютку:

— Не плачь! Эльза возьмет тебя с собой.

Эльза, нервно усмехнувшись, промолчала. Немного погодя они ушли. Маленькая Эльга шла позади сестры и, чувствуя себя виноватой, не осмеливалась заговорить. Так они прошли половину пути. Эльза — с нахмуренным лицом, кусая губы, Эльга — беспокойно посматривая на сестру. Подходя к дому Вилмы Галдынь, Эльза немного смягчилась и взяла Эльгу за руку.

— Почему ты мне раньше не сказала, что хочешь погулять? Я бы с тобой походила по взморью. Ведь вечером все равно ничего не видно.

Когда гости вошли в комнату, Вилма удивленно вскинула кверху брови. Подруги обменялись многозначительными взглядами. Вилма пожалала плечами, а Эльза виновато улыбнулась:

— Я тут не при чем, Вилма.

— Получилась довольно глупо, — сказала Вилма. — Как же мы теперь?

Эльга ничего не поняла из их таинственного разговора. А когда Вилма угостила ее конфетами и посадила рядом с собой на кровать, девочка почувствовала себя совсем хорошо. Как чудесно все же, что ее взяли с собой. Тут все совсем иначе, чем дома: только одна комната и кухня, темный шкаф, пестрые домотканые дорожки на полу, на комодке часы с музыкой. А на кровати мурлычет полосатый серый кот, такой жирный, как поросенок, видно, много рыбы ест. А на шее у него две толстые складки. Когда его гладишь, он сразу встает на ноги и выгибает спину дугой, но он линяет, и вскоре все платье Эльги покрылось шерстью.

Пока Эльга забавлялась котом, старшая сестра и Вилма вышли в кухню и озабоченно стали шептаться.

— Я не хотела ее брать с собой, — оправдывалась Эльза. — Девчонка сама забрала себе в голову, и никак ее нельзя было отговорить.

— Не подучил ли ее кто?

— Нет, для этого она еще глупа. Как-нибудь обойдемся. Больше этого не повторится.

С наступлением темноты появились казаки. При виде девочки по лицу Павлуши скользнула тень недовольства, но он быстро оправился и, смеясь, спросил Вилму:

— Это твоя дочка? Смотри, какая большая!..

Узнав, что Эльга — сестра Эльзы, казаки начали задавать девочке вопросы на русском языке и, позабавившись ее смущением, сразу же забыли о ней. Странное состояние. Присутствие девочки нарушило привычный порядок. Павлуша не обнимал Вилму, а Костя сидел у стола молчаливый и разочарованный. Все было не так, как в прежние вечера. Разговор не клеился, несмотря на то, что Эльза всячески старалась развеселить всех. Вилма выглядела совсем удрученной. Какие надежды она возлагала на сегодняшний вечер, выгладила блузку, прибрала комнату — и напрасно. Сорвалось все из-за какой-то маленькой девчонки, у которой именно сегодня явилась прихоть погулять. Распущенные дети...

Так они, натянуто улыбаясь и обмениваясь ничего не значащими фразами, промаялись около часу. Вскоре Павлуша стал позевывать, а Костя все чаще поглядывал на стенные часы. Ах, с каким наслаждением Вилма отшлепала бы маленькую Эльгу! Гнида такая, мешает развлекаться взрослым людям.

Неизвестно, чем кончился бы этот вечер, если бы Эльзе не пришла в голову удачная мысль.

— Знаете что, — предложила она, — чего мы сидим в комнате. Сейчас такая дивная погода, пойдёмте погуляем на взморье.

— Вот чудесно, не правда ли? — в глазах Вилмы вспыхнула новая надежда. — Вечер тихий, теплый.

Казачи оживились. Лицо Кости озарилось мечтательной улыбкой, а Павлуша защелкал шпорами и стал мурлыкать какую-то песенку.

Эльза подошла к Эльге.

— Ты посиди здесь и поиграй с котом. Мы проводим гостей и сразу вернемся.

— Да, Элгинь, — подтвердила Вилма. — Побудь здесь и посмотри картинки. Я тебе дам книжку с картинками.

Но Эльга помнила наказ матери: «Будь все время около Эльзы».

А вдруг Эльза оставит ее, а сама уйдет домой. Что тогда мама скажет?

— Нет, я не хочу картинки, я пойду с тобой, — она крепко уцепилась за руку сестры.

— Если ты останешься здесь, я дам тебе конфет, — уговаривала Эльза.

— Не хочу конфет.

— Противная... — прошипела с досадой Вилма, надевая пальто, услужливо поданное Павлушей.

И опять не радовали их ни прекрасный осенний вечер, ни звездное небо, ни безмятежно шумевший лес. Подавленные, молчаливые, шли четверо по пустынному побережью, а за ними всюду тащилась, как хвост, пятая.

Пройдя немного по берегу, они остановились. В этом месте лежало несколько лодок и стояли скамейки с рыболовными снастями. Эльза усадила Эльгу на скамейку и тихо, чтобы никто не слышал, сказала:

— Дождись нас здесь. Мы проводим гостей вон до той дюны и пойдем с тобой домой.

— Мне не хочется сидеть, — заупрямилась Эльга.

— Ну, знаешь, если ты так будешь себя вести, я тебя никогда больше не возьму с собой, — рассердилась Эльза. — А послушаешься — завтра опять пойдешь со мной.

Это обещание подействовало на Эльгу. Эльга сразу же согласилась подождать здесь сестру. Эльза вернулась к ожидающим ее приятелям, и маленькая группка направилась дальше. Эльга проводила их взглядом до дюны, но там они свернули к лесу и исчезли в темноте. Теперь девочка осталась одна на берегу. Но она не боялась, потому что совсем недалеко находились люди. Она терпеливо ждала, сидя на скамейке и посматривая на темнеющую лесную опушку, где скрылись сестра и ее друзья. Спустя немного Эльга услышала доносившийся из лесу приглушенный смех. Вслед за тем показались обе подружки. Они весело о чем-то болтали, но

вдруг замолчали, заметив Эльгу, которая шла им навстречу.

— Ну, видишь, вот мы и вернулись!.. — воскликнула Эльза. — А ты, глупенькая, боялась. Теперь можно идти домой.

Она на ходу вынула карманное зеркальце и при свете луны погляделась в него, вытерла носовым платком губы и сняла с платья приставшую хвою. Вилма вскоре покинула их, направившись через дюну домой. А Эльза взяла за руку сестру и ласково сказала:

— Ты дома не говори, что мы ходили на взморье. Если мама спросит, скажи, что мы все время сидели у Вилмы в комнате. Тогда я тебя опять возьму с собой...

Эльга обещала: слишком уж заманчива казалась возможность опять пойти с сестрой в гости.

Наутро, когда все домочадцы разошлись по своим делам, хозяйка Зитаров посадила Эльгу к себе на колени, приласкала и начала расспрашивать.

— Ну, что ты вчера хорошего видела?

— Ничего.

— Разве тети Вилмы не было дома?

— Была.

— А казаки там тоже были?

— Они пришли потом.

— Что же они делали?

— Ничего. Разговаривали по-русски.

— Они целовались?

— Не-ет.

— Может ли это быть? Совсем не целовались, ни одного разика?

— Совсем не целовались. Я же видела, что не целовались.

Капитанша спустила девочку на пол и с облегчением вздохнула. Значит, все, что люди болтают, неправда. Она с самого начала была убеждена в этом. У каждого есть чувство меры, и всякий знает границы приличия. Нельзя прислушиваться к тому, что говорит Галдыниете, она издавна недолюбливает свою невестку.

— Пусть поговорят, пусть! За себя я спокойна, а до остальных мне дела нет.

С тех пор она больше и не пыталась ограничивать свободу Эльзы ни силой, ни хитростью. Пусть девушка погуляет — только и радости у нее.

Казачий полк после двухмесячного пребывания на побережье перебросили поближе к фронту. Ушел он внезапно, по боевой тревоге. Еще вечером Павлуша и Костя ничего не знали и распрощались с подругами, как обычно, надеясь увидеть их завтра. А ночью был получен приказ об отправке, и к утру полк находился уже далеко от взморья.

Первыми, как всегда проведали обо всем мальчишки. Наиболее предприимчивые отправились в покинутые казаками жилища, обшарили конюшни, перерыли всю солому на нарах. Кое-кому удалось найти забытый котелок, алюминиевую кружку; другие подобрали гильзы от патронов, брезентовую сумку. А одному даже посчастливилось найти в конюшне кожаную плетку.

Побережье теперь словно вымерло. Не слышно было звона шпор, не носились лихие наездники, и тихим утром воздух не оглашали казацкие песни. Только кое-где слышался гул молотилок да дымили риги, вот и все. Эльза Зитар как потерянная бродила по лесам, читала стихи Пушкина, чувствуя, что на нее надвинулось что-то безотрадное, более безрадостное, чем осень. Ушел Костя Кандауров. Был — и нет его больше. Был здесь, рядом, такой близкий, милый, привычный, и исчез, и даже, может быть, никогда ничего она о нем не услышит. Как все это странно: люди встречаются, привыкают и потом расходятся, исчезают, будто камень, брошенный в морскую пучину.

Когда Эльза чувствовала, что тоска становится непосильной, она шла к Вилме, и они вдвоем грустили об ушедших друзьях, вспоминали проведенные с ними дни, перебирая в памяти мелкие и крупные события. И на короткий миг словно легче становилось на сердце. Всякая мелочь, мимо которой они тогда проходили равнодушно, теперь приобретала особое значение и становилась милой сердцу. Брошенное вскользь слово, случайное прикосновение превращалось в воспоминаниях в большое и значительное событие. У Эльзы было ощущение, словно она сидит с закрытыми глазами. Пока глаза закрыты, она видит несуществующее, желанное, но стоит поднять веки — и все исчезнет.

Прошла неделя. О казаках ни слуху ни духу: уходя, они даже не записали адреса подруг.

Но вот однажды большак опять загудел от топота солдатских ног, и по нему растянулась длинная вереница подвод. В имении остановился кавалерийский полк. Вилме вновь понадобилось нести туфли к сапожнику, опять Эльза сопровождала ее, и в новом доме у дюн вечером появились гости. Правда, это были не казаки, но зато на их плечах блестели золотые погоны со звездочкой. Павлушу и Костю с меньшим успехом заменили

прапорщики Лебедев и Пантелеймонов; вместо унтер-офицеров появились настоящие офицеры — подруги сделали карьеру.

Разумеется, все это признали. Офицерские погоны подействовали даже на капитана Зитара, и Эльза получила право приглашать Пантелеймонова к себе домой. А когда они уходили на прогулку, Альвина не посылала с ними маленькую Эльгу. Только Эрнест становился все угрюмее; если он еще мог мечтать о соперничестве с каким-нибудь вахмистром Павлушей, то теперь, с появлением золотых погон и офицерской сабли, этот вопрос усложнился. И почему он прозевал время, когда у Вилмы не было ни Павлуши, ни Лебедева? Нерешительность — проклятие человека. Теперь он будет действовать иначе.

4

Каждый день во время обеда и ужина в имение к полевым кухням и окнам солдатских помещений собирались дети и женщины из бедных семей. С бидонами, банками и глиняными кружками толпились они в ожидании остатков пищи. Жирные повара в замасленных блузах важно расхаживали около котлов, и за каждым их шагом следили десятки голодных глаз. Еще преждевременно было говорить о голоде, осенью в сельской местности хлеба хватало, но для многих семейств фронтовиков солдатский суп служил значительным подспорьем.

Некоторым счастливым удавалось получить свою порцию из кухни. Это был настоящий суп, какой давали солдатам, на поверхности плавали блестки жира, а на дне — кусочки мяса. Таких удачников было немного. Повара раздавали пищу по выбору, брали не каждую протянутую им посуду. В первую очередь они наливали знакомым — тем, кто приносил им папиросы или у кого дома имелись взрослые сестры, — кто знает, может, когда и доведется зайти к девушкам. Остальные пусть идут к дверям казармы и ждут, когда солдаты вынесут им обедки. И голодная толпа терпеливо ждала. Никто из них не знал, на кого падет выбор сытого солдата, кого он осчастливит несколькими глотками супа.

— Дяденька, мне! Я еще ничего не получал! Дяденька, а дяденька?

Тянулись десятки рук, десятки пар просящих, робко-стыдливых глаз устремлялись на одного человека. Кто был понахальнее, покрикливее, тот скорее наполнял свою посудину. Жидкие остатки, в которых изредка попадет волоконец мяса или горошина, но как это вкусно!

Дети хозяев не приходили за супом, в дележе обедков участвовали

только маленькие деревенские пролетарии. Они не стыдились нищеты, не разыгрывали из себя сытых, в то время как в животе урчит и желудок требует своей доли. И несмотря на то, что им приходилось грызться, как маленьким зверенышам, за каждую каплю еды, они не завидовали друг другу. Для некоторых это превратилось в особый вид спорта, в приятное времяпрепровождение в кругу товарищей.

Когда в один из вечеров у кухонных дверей появился сын капитана Зиемелиса, двенадцатилетний Юрис, в толпе ожидающих удивленно зашептались. Мальчиков это не поразило, ибо они проще смотрели на вещи: если приходили за супом они, то почему бы не прийти сюда и Юрису Зиемелису? Зато женщины были изумлены: «Подумать только, даже капитанские дети стали побираться! Какой позор! У отца свой парусник, дача на взморье, все время считался состоятельным хозяином, а сына посылает на солдатскую кухню».

Видимо, Юрис догадывался об этих толках. Он никогда не старался протиснуться вперед, а застенчиво стоял позади других. У отца парусник и дача... Это верно, но могли ли люди понять, что судно все лето простояло на приколе, потому что море сплошь заминировано? Знали ли они, что капитан Зиемелис не накопил никаких сбережений, что у него нет ни земли, ни скота, а дачу не превратишь в хлеб? И хотя он шурин Зитара и считался состоятельным хозяином, но одним почетом и славой не проживешь, а работы у него не было, и вся семья кое-как существует на заработки Зелмы, которая занимается шитьем. Никому это не приходило в голову, поэтому все удивленно пожимали плечами.

Юрис Зиемелис уже давно собирался пойти за супом, но отец из гордости не отпускал его. Но сколько могла заработать Зелма? Кто теперь шьет наряды? Нужно отдать справедливость, она была серьезная и трудолюбивая девушка. И все же на четырех едоков не хватило бы никакого трудолюбия. Капитану пришлось сдаться. Мать вымыла молочный бидон, и Юрис стал ходить в имение.

Дело у него не ладилось. Другие оказывались более ловкими и опережали его. Юрису редко удавалось получить что-либо на кухне. Завистливые языки нашептывали солдатам, что он сын богатого отца и собирает суп для свиней. А если так, то Юрис мог довольствоваться и объедками. И он ими довольствовался. Он каждый вечер собирал в свой бидон остатки из десятков котелков, прикупал на несколько копеек солдатского хлеба и довольный спешил домой.

Как только Юрис возвращался, мать завешивала окна, грела суп и семья садилась за стол. Капитан старался придать всему этому шуточный

оттенок. Помешав варево и попробовав его, он поглаживал себя по животу:
— Есть можно. На судне иногда и такого не бывает.

Чтобы соседи не подумали, что Зиемелисы дошли до крайней нужды, Зиемелиене распустила слух, что Юрис действительно носит солдатский суп для свиней. Семейная честь была сохранена, но дорогой ценой. Им теперь на самом деле пришлось есть свиные помои. Но об этом никто не знал.

Зелме Зиемелис было двадцать шесть лет. Просидев всю жизнь в четырех стенах, она выглядела болезненной, хрупкой и бледной. С Зитарями она не дружила, несмотря на то, что это была самая близкая родня, избегала также и соседей; у Зелмы не было ни одной подруги. Странная застенчивость, от которой в ее возрасте пора было освободиться, послужила причиной того, что она не нашла себе друга. Вообще это была приятная девушка, достаточно миловидная и женственная — солдаты, встречаясь с нею, провожали ее горящими взглядами. Она краснела и спешила уйти, боясь, чтобы кто-нибудь из них не заговорил с ней.

Однажды она пришла в Зитары и принесла сшитую Эльзе блузку. В комнате двоюродной сестры она встретила молодого офицера во френче, белых перчатках и сапогах с лакированными голенищами. Он носил маленькие усики, сильно напомаженные темные волосы были разделены аккуратным пробором. Когда Эльза представляла двоюродной сестре прапорщика Пантелеймонова, госпожа Зитар, заглянув в дверь, не смогла удержаться от самодовольной улыбки: дескать, видишь, какой кавалер у моей Эльзы.

Зелма вышла в большую комнату, и Альвина остановила ее, чтобы похвастаться перед девушкой почетным гостем, удостоившим вниманием дом Зитаров.

— Как тебе нравится этот офицер? Интересный, не правда ли? Говорит, что у отца в Ростове фабрика и несколько больших домов. Страшный богач, денег куры не клюют. И к тому же единственный сын.

— Да... — смущенно согласилась Зелма.

— А у тебя тоже есть жених? — спросила Альвина таким тоном, точно речь шла о засолке салаки или резке свиньи. — Что?.. Нет никого? Как же это ты? К Эльзе много всяких ходит. Никак не отделаться от них. Липнут, словно мухи на мед. Ничего не поделаешь — молодость...

Залив был заминирован. В распоряжении рыбаков оставалась только узкая прибрежная полоса и открытое море. Во многих местах запретили ставить сети. Тем, кто не подчинялся, грозила смерть от военных подводных снарядов или, в лучшем случае, суд. Но разве может рыбак существовать тем, что дают ему мелкие прибрежные воды? Правда, можно кое-что наловить во время нереста окуней, когда рыба подходит к прибрежным мелям, а также осенью при благоприятном ветре, прижимающем косяки сырты к берегу. Но рыбак не может ждать, пока рыба заплывет в его сети. Он привык бороздить море вдоль и поперек, привык выслеживать, искать свое счастье. Если рыба ушла с мелких мест, ее ищут в глубоких водах, на севере, на западе. Рыбак, как охотник, не прекращает преследования добычи до тех пор, пока не исчезнет последняя надежда.

Теперь это стало невозможно. Те, кто потрусливее и для кого рыбная ловля являлась побочным заработком, вытащили лодки на берег, а снасти убрали в клетки в ожидании лучших времен. Более предприимчивые продолжали цедить морскую воду, где это не возбранялось. Но такая ловля рыбы давала мало радости. Особенно сильно переживали старые рыбаки те дни, накануне которых дули сильные ветры: теперь-то уж каждому было ясно, где сейчас находится сырть и лещ, они совсем рядом, рукой подать, вот только если бы не невидимые заграждения, воздвигнутые войной!

Вилма Галдынь, узнав, какие опасности таят в себе воды залива, перестала выезжать на рыбную ловлю. И никто не мог ее упрекнуть: подвергать опасности жизнь из-за куска хлеба — этого еще не хватало.

У Вилмы теперь оказалось много свободного времени. Днем она перебирала и чинила сети, помогала старым Галдыням копать картофель в поле, а вечером была свободна. Пособия, получаемого за мужа, правда, не хватало, но помогали родители, и всякий раз, когда Вилма приходила к Галдыням, свекровь старалась положить ей в корзинку что-нибудь съестное. К тому же Вилма брала в стирку офицерское белье, а это тоже приносило лишний рубль в хозяйство. Но, конечно, того достатка, какой был раньше, уже не было. Приходилось сокращать расходы и кое в чем себе отказывать.

Эрнест Зитар соответствующим образом оценил изменившиеся обстоятельства Вилмы, и в сердце парня пробудились новые надежды. При каждом удобном случае он подходил к Вилме, заговаривал с ней, шутил, всячески давал понять, что она ему не безразлична. Но Вилма избегала его и, по-видимому, даже скучала в обществе Эрнеста. Неужели он действительно настолько сер и незначителен? Неужели погоны прапорщика значат для нее больше, чем дружба здорового парня, который может

предоставить ей всевозможные блага... если бы только Вилма пожелала.

В глубине души Эрнест ненавидел всех прапорщиков. Какой дьявол принес их сюда, на побережье, именно сейчас? Но, к сожалению, не в его власти было преградить им доступ к Вилме. Перещеголять их в искусстве любовной игры? Тут вряд ли что получится. Женщины не обращают внимания на истинные достоинства, для них главное — внешний блеск. Они, как мотыльки, бросаются на огонь, кружась и обжигая крылья.

Многое и по-разному передумал Эрнест. Он и мысли не допускал, что может существовать мужчина, который по своим качествам превосходил бы его. Если его старания до сего времени не увенчались успехом, то это только потому, что он не умеет показать себя в надлежащем свете и не знает, каким путем подойти к предмету своего обожания: Но он должен найти путь, чего бы это ему ни стоило — если бы даже этот путь пролегал через самое пекло. Вилма, сама того не зная, подсказала ему образ действий. Как-то вечером она проходила по берегу в тот момент, когда Эрнест выпускал в вентерь рыбу.

— Ты все рыбачишь? — спросила она, останавливаясь у лодки.

— Забавляюсь понемногу, — ответил Эрнест. — Правду сказать, особенного смысла нет, но что делать? Без работы тоже скучно.

Вилма с видом знатока заглянула в лодку.

— Жирная сырть, — заметила она. — Будет что поджарить... — и с легким, еле слышным вздохом добавила: — Мне теперь приходится отказывать себе в этом.

Эрнест только что собирался завязать конец вентеря. Слова Вилмы натолкнули его на новую мысль.

— Ты любишь сырть? — спросил он.

— Да ведь это же самая вкусная рыба. Я ее не сменяю даже на судака.

Эрнест достал из вентеря четыре крупные рыбы, завязал их в платок и, покраснев, протянул Вилме:

— На, возьми...

Вилма удивленно взглянула на парня.

— Мне нечем заплатить.

Эрнест хрипло засмеялся.

— Никто у тебя и не просит денег. Бери так.

— Но на что это похоже?.. — она пыталась изобразить смущение. — Так нельзя... Я, право, не знаю...

Но узелок с рыбой очутился уже у нее в руках. Эрнест усиленно полоскал сети.

— Спасибо, Эрнест, — голос Вилмы звучал почти нежно. Из

вежливости она еще минуту постояла у лодки и проявила такое понимание и интерес к тому, что говорил Эрнест, что у парня чуть сердце не выпрыгнуло из груди.

Когда Вилма ушла, Эрнест свистнул сквозь зубы и торжествующе усмехнулся: «Она в моих руках. Теперь я знаю, что делать. Ей недостаточно слов и внешнего вида: нужно что-нибудь более существенное... Прапорщики вряд ли приходят к ней с пустыми руками. Значит, она любит не их, а то, что они приносят. А если они приносят, то почему бы и мне не носить? Деньги или рыба — не все ли равно?»

Возможно, что Эрнест преувеличивал и истолковывал все слишком примитивно. Но как бы там ни было, дальнейшее поведение Вилмы как будто подтверждало правильность его выводов: она стала гораздо приветливее, при встречах не избегала его и, когда он приближался, не сторонилась. Но у него не хватало решимости действовать напрямик. Истомившийся, угрюмый, он не находил подходящих слов, чтобы выразить свое желание, а Вилма, догадываясь о его состоянии, не пыталась рассеять его надежды, но и не оказывала ему никакой поддержки в этом трудном деле.

Бедный простофиля! Он даже не предполагал, что рыба, которую Вилма с благодарностью принимала из его дрожащих рук, предназначалась для прапорщиков и что подарки Эрнеста радовали ее лишь потому, что они доставляли удовольствие кому-то другому, ради которого Эрнест даже мизинцем не пошевелил бы.

Да, Эрнест на самом деле рисковал. Будучи по натуре и бессердечным, и трусливым, он умел иногда перебороть себя. По вечерам, когда пограничники не могли заметить лодку, он отправлялся в запретную зону — ему нужна была рыба, чтобы доставить приятное женщине, нужны были деньги, чтобы купить Вилме лакомства. А рыба водилась на заминированных участках.

Эрнест знал, что мины лежат не подряд. Если действовать осторожно, то в промежутках между минами вполне можно закидывать сеть. Но никто не должен знать об этом. И потому Эрнест выезжал на промысел только ночью.

Как-то раз Вилма обрадовала его, попросив наловить немного рыбы к завтрашнему дню. Она ожидает гостей, которых надо как следует угостить.

— Хорошо, постараюсь, — пообещал Эрнест. Из слов Вилмы он понял, что на этот раз его труды будут вознаграждены.

Как только стемнело, он позвал Криша, и они значительно раньше, чем обычно, закинули сети в море. Криш ничего не знал о том, что ловля

происходит на заминированном участке: Эрнест утверждал, что минные заграждения находятся мористее. Соблюдая тишину, без фонаря, обернув весла тряпками, они тихо орудовали в воде.

Под утро, задолго до рассвета, они опять вышли в море и стали вытаскивать сети. Эрнест шепотом давал Кришу указания, как держать руль, пока сам выбирал улов. В первых сетях рыбы оказалось совсем мало — сырть стала пропадать. Несколько морских бычков, одна треска, парочка ершей — с такой мелочью нечего даже показываться на глаза Вилме. Вчерашний улов был уже продан, и вентерь пуст. Как глупо получается! Именно теперь, когда близка награда за тяжелый труд, он остается ни с чем. Эрнест с нетерпением ожидал, что принесет последняя сеть.

Криш подрулил лодку к поплавам. Эрнест поднял якорь и начал постепенно выбирать невод. В полотне блеснула серебристая спинка рыбы; одна, другая, третья трепещет в лодке на сланях. В груди парня забила теплая струя, и он радостно работал, не замечая, как коченеют в студеной воде пальцы. Вдруг он почувствовал, что сеть сделалась тяжелой и что-то поднимается вместе с ней — то ли коряга, то ли камень. Осторожно, чтобы не порвать сеть, он продолжал вытягивать ее из воды. Тяжесть все увеличивалась, и, наконец, настала минута, когда Эрнест почувствовал, что сеть не поддается его усилиям.

— Есть... — шепнул он Кришу. — Поверни лодку направо...

Когда лодка развернулась, Эрнест увидел что-то черное, круглое; пальцы нащупали большой металлический шар. Это была мина. Сеть зацепилась ячейками за рога мины и подняла смертоносное орудие на поверхность воды. Сетевое полотно оказалось наполненным добычей: блестящие туловища сырти, словно сверкающее ожерелье, окружали темную поверхность мины, некоторые из них очутились прямо на ней и, задыхаясь без воды, бились о стенки мины.

Все тело Эрнеста точно обдало кипятком. Он оказался лицом к лицу со смертоносным чудовищем. Одно неосторожное движение — и не будет больше Эрнеста Зитара. Оглушительный взрыв поднимет на ноги все побережье. От обоих смельчаков и лодки останутся только лохмотья да щепки. Но Эрнест не отпускал бечеву сети. Застывшими от страха глазами смотрел он на мину, прислушиваясь к тому, как плещутся в воде рыбы. Криш, не понимая причины остановки, спросил его о чем-то, но Эрнест молчал.

Здесь была мина, но была и рыба. Вилма ждет его улов. Что делать? Опустить сеть в море и спастись самому или рискнуть и взять хороший улов? Инстинкт самосохранения и безумное, близкое к осуществлению

вождеделение схватились в незримой борьбе. Разум приказывал немедленно покинуть опасное место, а повелевающий зов крови говорил: «Останься!»

И Эрнест остался. Ничего не сказав Кришу, он перегнулся через борт лодки и начал трясущимися пальцами освобождать рога мины от полотна сетей. К счастью, сеть не успела запутаться, ячеи легко снимались. И вдруг точно тяжелый камень свалился с груди Эрнеста: как только освободились два рожка, мина перевернулась набок и медленно пошла ко дну. Сеть сразу полегчала. Эрнест подтянул остальную сеть, оставив якорь в море.

— Правь к берегу!.. — приказал он. Его вдруг охватила усталость, близкая к обмороку. Он грузно опустился на гребную банку и почувствовал, что все тело стало мокрым. Пот крупными каплями катился по лицу, несмотря на то, что ночь была прохладная, и кончики пальцев ныли от длительного пребывания в ледяной воде, словно в них покалывали тысячи игл.

Отпустив Криша домой, Эрнест отобрал для Вилмы самую лучшую рыбу и, вывалив остальную в вентерь, отправился к ней.

Лишь теперь до его сознания дошло, какой страшной опасности подвергался он сегодня ночью. Все недавно происходившее было настолько ужасно, что Эрнест старался не думать об этом, и небольшой узелок в его руках вдруг приобрел такую ценность, какую не имел ни один подарок в мире. Он нес этой женщине свою жизнь, только что находившуюся под угрозой смерти. Такой ценой можно купить не только Вилму Галдынь.

Приближалось утро. В окнах рыбацких домов замерцали огоньки, где-то скрипнула дверь, и заботливые хозяева с зажженными фонарями в руках направились в хлев. В доме Вилмы было тихо и темно, окна занавешены. Эрнест обошел вокруг дома и постучал в окно, находившееся в конце здания. Но в доме царила тишина. Эрнест постучал громче, кулаком. Из комнаты послышался ответный легкий стук в стекло. Эрнест направился к крыльцу и стал ждать у дверей. В темноте он мог усмехаться и гримасничать сколько угодно. Улыбка обнажила его крепкие белые зубы. Он почувствовал прилив какой-то непонятной, новой, неизвестно откуда взявшейся энергии, она заставляла его двигаться, ходить, топтаться и потягиваться.

— Кто там? — вопрос Вилмы слегка испугал его.

Она вышла в сени, но не открывала дверей.

— Я... Эрнест... — прошептал он. — Принес рыбу.

Дверь немного приоткрылась. Вилма, заспанная, в накинутом на плечи пальто, с равнодушным видом взяла узелок и уже собиралась закрыть дверь, но потом словно поняла, что необходимо что-то сказать этому

человеку, разбудившему ее.

— Спасибо, Эрнест. Тебе здорово достается каждую ночь... Ты не продрог?

— О нет! — он бодро вскинул голову, хотя в темноте никто этого не мог видеть, и тут же пожалел о сказанном. Не продрог ли он. Это же намек! Это прямое приглашение зайти в комнату погреться! Как он сразу этого не понял? Сказанных слов, конечно, не воротишь, но если Вилма так явно намекает ему, значит, он тоже может себе кое-что разрешить.

— Вилма, я должен тебе что-то сказать. Мне бы хотелось поговорить с тобой, — Эрнест протиснулся в приоткрытую дверь.

— Шш, тише, — Вилма опасливо оглянулась на кухонную дверь. — Вчера ко мне пришла свекровь и осталась ночевать. А она, ты знаешь сам, очень подозрительная. Лучше уходи, не то еще неизвестно что подумает.

Эрнест нерешительно отступил на крыльцо.

— Поговорим с тобой как-нибудь в другой раз, — продолжала Вилма. — В другой раз, Эрнест. Успеем...

Вилма исчезла. Щелкнул замок, скрипнула внутренняя дверь, и все стихло. Тяжело волоча ноги по мерзлому песку, Эрнест Зитар возвращался домой. Ветви сосен цеплялись за его одежду, били по лицу, но Эрнест не нагибался и не отводил их в сторону. Вдруг он остановился и выпрямился, лицо его злобно перекосилось, и, повернувшись в ту сторону, где находился дом Вилмы, он потряс кулаком:

— Проклятая Галдыниете! Дернула ее нелегкая прийти сюда именно сегодня. Дьявол, а не человек.

Вспышка злобы словно придала ему бодрости, и он быстро зашагал домой. Вскоре Эрнест бешено барабанил кулаком в дверь, а когда никто ему не открыл, стал колотить по ставням.

— Что случилось? — высунула голову Ильза.

— Что случилось, — передразнил ее Эрнест. — Я тут барабаню целый час, а они спят, точно медведи в берлоге. Мучаешься, мерзнешь всю ночь на море, а придешь домой, торчи, как пес, на дворе.

— Но, Эрнест...

— Полно тебе кудахтать!

Эрнест с силой захлопнул дверь и, намеренно громко стуча сапогами, стал подниматься по лестнице. Пусть все слышат, пусть просыпаются — ничего не станется. Пока они спали, он работал, смотрел смерти в глаза. Пусть только попробует кто-нибудь сказать ему хоть слово! Он им покажет!

Но никто и не собирался унимать разбушевавшегося парня. Он разделся, раскидал одежду по всей комнате и, бросившись в кровать,

мгновенно заснул. Но и во сне он не находил покоя. Впечатления проведенной ночи вновь воскресали в сновидениях. Вилма летала вокруг него, как птица, то приближаясь, то удаляясь, когда он протягивал руку, чтобы схватить ее. Он несколько раз взлетал на воздух от взрыва мины. После полудня Эрнест проснулся на полу.

Эрнест Зитар не отличался разговорчивостью и, находясь в обществе, предпочитал больше слушать, чем говорить. Но случается, у человека вдруг появляются склонности, совсем не свойственные ему. Вот ведь он, забыв всякий страх, освободил сеть от запутавшейся в ней мины, хотя его и нельзя назвать смелым. Безусловно, это было чудом. За первым чудом последовало второе: неразговорчивый парень горячо жаждал говорить с Вилмой Галдынь — говорить наедине, лучше всего у нее дома. Он целыми днями только об этом и думал, а встретив Вилму, напоминал ей об этом. Но, как назло, всегда выходило так, что разговор наедине не мог состояться.

Днем Вилма редко бывала дома. У нее постоянно находились дела: то в лавку сходить, то к матери, к свекру, то снести белье офицерам. Если она никуда не ходила, то была занята дома: стирала белье, сушила, гладила. А рядом с ней, как и полагается верной подруге, сидела с вышиваньем в руках Эльза Зитар. Вечерами же — о, Эрнесту не хотелось даже думать об этом — в маленьком домике занавешивались окна, и за ними до полуночи продолжалась неведомая, таинственная жизнь, в которой Эрнест не участвовал и о которой мог только догадываться, сгорая от томления.

Вилма, используя расположение Эрнеста, старательно избегала его, причем делала это так ловко, что Эрнест ни в чем не мог ее упрекнуть. Эта женщина всю осень играла с ним, как с ребенком. И хотя ребенок был настойчивым и капризным, она не отнимала у него надежды, подбадривала упавшего духом малого, но всегда держала его на почтительном расстоянии. И это сводило Эрнеста с ума. Вилма давно догадывалась об истинных намерениях парня. В известной степени ей даже льстила такая настойчивость. И если все же она избегала его, то совсем не потому, что Эрнест ей не нравился. Просто она считала, что с местными парнями опасно связываться. Какой-нибудь приезжий Павлуша или Лебедев жил положенное время и исчезал, а с его уходом никто не вспоминал о прошлом. Местный парень все время был здесь, и его присутствие

напоминало о прошлом даже тогда, когда хотелось забыть о нем. Он может все разболтать, похвастать победами перед товарищами и, наконец, просто надоедать в то время, когда в его дружбе миновала всякая надобность. Вот почему Вилма избегала Эрнеста.

Эрнест ее сдержанное поведение объяснял по-другому. Рыба — это пустяк; на сырты и лещах далеко не уедешь, а шоколадом ее в достаточной мере снабжают золотопогонники. Она ждет какого-нибудь существенного подарка.

И Эрнест решил покорить Вилму дорогим подношением, тем более, что и случай удобный представился. Отец как-то в разговоре упомянул, что этой зимой закажет новую лодку для рыбной ловли, а одну из старых, если подвернется подходящий покупатель, можно будет продать. Эрнест немедленно начал действовать. Старая лодка еще достаточно хорошо сохранилась, и, если ее привести в надлежащий вид, ею можно будет пользоваться не один год. Покупатель нашелся — один из прибывших прошлым летом на побережье, по фамилии Липацис.

Ни слова не сказав отцу, Эрнест сходил к Липацису. Лодка тому была необходима, и он отправился с Эрнестом на взморье. Они тут же условились о цене — двадцать четыре рубля, которые уплачиваются сразу, причем Эрнест должен дать Липацису еще две пары весел и черпак для воды.

Они договорились, что Липацис на следующий день принесет деньги и перегонит лодку к своему месту на берегу, немного севернее устья реки. Двадцать четыре рубля наличными деньгами! У Вилмы дух захватит, когда Эрнест выложит ей такую сумму. Нет, он их небрежно бросит на стол с таким видом, будто это для него ничего не значит. «Возьми, это твои, я тебе дарю их. Теперь ты найдешь время поговорить со мной?» Да, теперь у нее, конечно, найдется время. И они будут разговаривать долго, до утра. И ни Галдыниете, ни прапорщики не посмеют мешать им. За двадцать четыре рубля этого можно потребовать.

Наутро Эрнест потихоньку от домашних снес в лодку весла и, будто приводя в порядок снасти, пробыл на берегу до самого полудня, сильно опасаясь, как бы отец не вздумал заглянуть сюда раньше, чем Липацис уведет лодку.

Липацис явился в назначенное время. Осмотрев еще раз лодку, он нашел в ней изъяны и пытался выторговать четыре рубля, но Эрнест был непоколебим.

— Как хотите, дешевле не продам, — заявил он. — У меня есть другие покупатели. Лодка стоит все тридцать.

Так оно и было на самом деле. Старый Зитар не отдал бы ее дешевле, но Эрнест спешил. В конце концов, Липацис сдался и отсчитал двадцать четыре рубля новенькими хрустящими бумажками. Эрнест аккуратно сложил деньги и убрал их в карман, затем стал торопить Липациса с отъездом. И вдруг покупатель заметил, что в лодке нет черпака.

— Как же так? Ведь я покупал с черпаком!

Стоило ли говорить о таких пустяках? Эрнест, рассерженный, отправился домой за черпаком. Липацис тем временем, как и полагается собственнику, возился около лодки: воткнул уключины, вставил весла и привел в порядок слани. Покончив с этим, он раскурил трубку и уселся на скамейке, довольный покупкой.

Поднявшись на дюну, Эрнест заметил отца: он шел к взморью с каким-то мужчиной. Увидев Эрнеста, Зитар сказал что-то незнакомцу и отвел сына в сторону.

— Я продал сейчас старую лодку, — сказал капитан. — Он вчера осмотрел ее. Дает двадцать восемь рублей. Как ты думаешь, не продешевил?

В другое время Эрнест почувствовал бы себя польщенным тем, что отец обращается к нему за советом, как к равному, но в эту минуту у него земля горела под ногами. Будь проклят этот Липацис со своим черпаком! Убирался бы лучше восвояси, пока не поздно.

— Вряд ли кто даст больше, — ответил Эрнест с занятым видом. — Отдавай, если он берет, — и повернулся, чтобы уйти.

— Ты помог бы столкнуть ее в воду, — продолжал капитан. — Он, вероятно, захочет посмотреть лодку на воде.

— Я сейчас... только сбегая домой.

— Возвращайся скорее, — сказал ему вслед отец, спускаясь с дюны.

Эрнест не пошел домой. Он не смел вернуться и на берег. Чувствуя, какой сейчас разыграется скандал, он решил, что лучше всего издали посмотреть, как все будет происходить. Поэтому он свернул с тропинки и спрятался в кустарнике на дюне, откуда можно было обозревать все побережье. «Вот заварилась каша... Что-то будет?..» — думал он.

Ага, уже началось! Эрнест видел, как отец недоуменно посмотрел на Липациса, продолжавшего с независимым видом спокойно сидеть в лодке. Зитар о чем-то спросил его. Липацис, поднявшись со скамьи, ответил. Капитан переглянулся со вторым покупателем и пожал плечами. Он еще что-то сказал Липацису, на этот раз более резко. Тот удивленно раскрыл рот, потом заговорил, энергично, размахивая руками.

— Убирайся вон из лодки! — донесся до Эрнеста крик отца. —

Убирайся сейчас же, слышишь, тебе говорят!

— Это моя лодка, и ты ею не распоряжайся! — кричал Липацис.

— Я позову полицию! — грозил капитан.

— Я уеду! — заявил Липацис.

Он выскочил из лодки и пытался столкнуть ее в воду, но капитан уцепился за лодочный якорь. Тогда Липацис, перерезав якорный канат, схватил весло. Зитар, побагровев, показывал на второго покупателя и кричал:

— Вот он, хозяин лодки. Я ему продал!

Так продолжалось довольно долго. Затем крики стихли, и мужчины стали разговаривать спокойнее. Липацис, вероятно, рассказал, каким путем он приобрел лодку, потому что капитан уже не горячился. Эрнест видел, как отец кивнул покупателям, и они все вместе направились в Зитары. «Они ищут меня», — сообразил он. Выждав, пока мужчины прошли по тропинке мимо него, Эрнест поднялся, украдкой посмотрел на пачку денег. «Эх, чего там! Была не была...»

И, словно отгоняя от себя все заботы, он, махнув рукой, зашагал через кустарник к дому Вилмы Галдынь. Теперь или никогда!..

7

Вилма на кухне складывала в корзину только что выглаженное офицерское белье. Его было не особенно много — одна постирушка. К вечеру она собиралась отнести белье в имение.

— Ты, Эрнест? — углубившись в работу, Вилма кинула на него небрежный взгляд через плечо. Эрнест не заметил, как она поджала губы и озабоченно нахмурилась. Неловко потоптавшись у дверей и комкая в руках фуражку, он без приглашения сел на лежанку.

— Да, зашел... Сегодня нечего делать.

— Разве ты в море больше не ходишь? — взглянула на него Вилма. Приход Эрнеста помешал ей. Сейчас пора уже собираться, надо умыться, переодеться, а он тут расселся и не догадается уйти, пока ему не намекнешь. Неприятно.

— В море? — переспросил Эрнест. — Зачем туда ходить, если ничего не ловится. Работать впустую тоже неинтересно.

— Так-то оно так, — согласилась Вилма («И зачем ему надо было прийти именно сейчас! Лебедев будет ждать на большаке за болотом в пять часов»). — Значит, ты теперь свободен? («Уходи же, если тебе нечего

говорить»).

— Да, выходит так, — ответил Эрнест.

По дороге сюда он все обдумал: что говорить и как поступить, но по намеченному плану ничего не получалось. Сейчас следовало бы завести непринужденный разговор на интересующую его тему, встать по ту сторону стола напротив Вилмы, чтобы видеть, какое впечатление производят на нее его слова. Но он сидел и не в силах был подняться, словно лежанка держала его невидимыми щупальцами. А времени оставалось совсем немного. Скоро Вилма уйдет, да еще, может быть, Эльза явится. Почему он такой нерешительный! Никакого риска в этом нет, ведь он слишком хорошо знал Вилму, чтобы сомневаться в ее ответе.

— Хорошо зарабатываешь стиркой? — спросил он, направляясь к окну.

— На сахар и керосин хватает.

Сахар и керосин... Вот и попробуй тут заговори о чувствах, когда у нее на уме фунты да штофы. Повернувшись спиной к Вилме, Эрнест стал смотреть в окно, потом вспомнил, что у него в кармане папиросы, и закурил. Курить он научился лишь этим летом, и не столько из потребности, сколько из желания казаться более мужественным: если верхнюю губу еще не украшают усы, то, по крайней мере, папироса должна была свидетельствовать о том, что юноша конфирмован и ему теперь присвоены права взрослого мужчины.

Вилма уложила в корзину последнюю штуку белья и закрыла все газетой.

— Ну, я должна идти, — заявила она.

— Когда ты вернешься? — спросил Эрнест.

— Не знаю... Разнесу по квартирам, соберу новое для стирки. Заодно придется зайти к Галдыням, проведать, как они живут. Может, заночую у них.

— Вот как, — лицо Эрнеста вытянулось. И вдруг, сознавая, что план рушится и давно ожидаемый удобный случай ускользает, он почувствовал прилив необычайной смелости. Это походило на хмель, на самозабвение, прыжок наудачу в неизвестность.

— Ты обязательно сегодня должна сдать белье? — спросил он, опустив глаза, и краска залила его лицо.

— Будут ждать. Может, кое-кому и сменить нечем.

— А если ты отнесешь завтра?

— Зачем же задерживать белье, если у меня все готово? Да и деньги нужны.

Эрнест улыбнулся.

— Если из-за этого, то тебе вовсе незачем идти. Я только что продал старую лодку. Вот, — он вынул из кармана пачку денег и показал Вилме. — Тут все, что я получил. Двадцать четыре рубля.

— Двадцать четыре, рубля, — повторила Вилма в раздумье.

— Но мне эти деньги не нужны, — продолжал Эрнест. Посмотрев горящими глазами на Вилму, он добавил: — Если б ты сегодня вечером осталась дома, то... то я бы отдал тебе их.

Так, теперь все сказано. Если у нее есть голова на плечах, она должна понять. Чтобы помочь ей скорее прийти к решению, Эрнест хлопнул пачкой об стол, разбросав кредитки, — так нагляднее.

— Если ты согласна, бери их и делай с ними что хочешь.

— Но, Эрнест... — смущенно шептала Вилма. — Как же так? Как же я... За что ты мне...

Он молчал, опустив глаза.

— Эрнест, я ничего не пойму, — продолжала Вилма. — О чем ты думаешь?

Он не отвечал.

— Ты мне их даришь? Но я не могу так... даром принять такие деньги...

— Не ходи в имение и позволь мне остаться у тебя, вот и все... — хрипло выдавил Эрнест. — Да, вот и все. Тогда не будет даром. Если ты можешь брать у других, почему не можешь принять от меня? Чем я хуже других? Или они тебе дороже платят?

Он совсем и не предполагал высказаться так резко. Но ему казалось, что Вилма умышленно водит его за нос. Он обозлился, и вот как все получилось. Что поделаешь, если человек не привык к интеллигентному разговору!

Все это кончилось очень печально для Эрнеста. Если б он сумел более тонко выразить свои мысли и немного дипломатичнее подойти к вопросу, результат мог бы быть совсем другим, потому что двадцать четыре рубля, особенно для такой легкомысленной женщины, как Вилма, все-таки являлись большим соблазном. И зачем ему надо было приплетать сюда других?

— Чучело! Молокосос! — закричала Вилма в запальчивости. — Вон! Уходи с моих глаз, свинья ты этакая!

Эрнест вспыхнул:

— Разве я говорил неправду? Все знают, что ты делаешь. С чужими ты можешь, а когда свой человек...

— Вон, вон! Я позову на помощь! Какое ты имеешь право судить о моей жизни, пороссячий хвост? Ну, чего топчешься? Забирай свои деньги, и чтоб духу твоего не было!

— А я не уйду, — упорствовал Эрнест. — Небось, прапорщика ты бы так не выгнала.

— Тебе дела до них нет. Они люди, а ты скотина.

Спокойным голосом, в котором простодушное удивление сочеталось с наивной надеждой, Эрнест задал Вилме вопрос, заставивший ее густо покраснеть. В тот же миг раздался громкий звук пощечины.

— А, так ты драться? — угрожающе заревел он, намереваясь показать ей силу своих кулаков.

Вилма схватила висевшую на стене сечку и замахнулась ею. Рот Эрнеста искривила недобрая усмешка. Громко засопев, он взял деньги, затем, остановившись в дверях, оглянулся и угрожающе пообещал:

— Попомнишь ты меня!..

— Я пойду к твоему отцу и расскажу, каков ты есть! — крикнула Вилма.

— Попробуй только! А этого не хочешь? — и Эрнест погрозил ей кулаком.

Возвращаясь домой, он всю дорогу ругался. «Шальная. Хвастунья. Еще бог знает что о себе воображает... Ну ничего, я ей... Так это не пройдет. Вертихвостка! Эх, подраться бы теперь с кем-нибудь!»

Во дворе его ожидал отец. За всеми переживаниями и волнениями Эрнест совсем забыл о сделке с лодкой, поэтому резкий тон отца в первый момент даже удивил его.

— Ну-ка расскажи, молодой человек, как ты продал лодку? Сколько получил и где деньги? Кто тебе вообще разрешил продавать ее?

— Лодку? — Эрнест, придя в себя, засмеялся. Смех получился неестественным, потому что в груди еще бушевала злоба. — Но ведь ты сам сказал, чтобы я искал покупателя. А когда я его нашел, так опять плохо. Неизвестно, как и угодить. Хотят продать, а когда продали — орут.

— Орут? — проворчал капитан, не зная, продолжать ли сердиться: в известной мере Эрнест прав. — Но почему ты не посоветовался со мной? Сделал все тайком, да еще меня посмешищем выставил.

— Откуда я мог знать, что ты тоже ищешь покупателя?

— Где деньги? — допрашивал капитан.

— Вот они, считай, — Эрнест протянул отцу кредитки. — Не взял ни копейки. Вы все только и знаете, кричите на меня. Что я, собака, что ли? Работаешь, словно лошадь, днем и ночью, а как только что случись, сразу:

«Эрнест, Эрнест!»

— Что ты мелешь, кто на тебя кричит? — заговорил отец, заметно смягчаясь.

Эрнест, войдя в роль невинно оскорбленного, уже не мог остановиться и с упрямым видом, весь оцетинившись, стал подниматься к себе наверх. В итоге получилось, что обиженным оказался он. Он — бескорыстный труженик, все преследуют его.

Когда вечером семья Зитаров села за ужин, у капитана был смущенный вид. Он чувствовал себя виноватым. С Эрнестом все очень приветливо заговаривали. Вот что значит действовать решительно, по-мужски! С женщинами этот способ не оправдал себя, но во всех других случаях он годился.

8

Осенью на Эрнеста свалились новые заботы: в следующую мобилизацию ему придется явиться в призывную комиссию, и его, вероятно, отправят на фронт, а это парню совсем не по душе. На побережье редкий день не приходили извещения об убитых и раненых на поле боя; мало осталось семей, которые не понесли бы прямые или косвенные потери. Недавно из Вильно привезли гроб с телом единственного сына учителя Асныня, прапорщика, скончавшегося в госпитале от тяжелых ранений. Хоронил его чуть ли не весь приход. Полк, расположившийся на постой в имении, прислал оркестр и взвод солдат для прощального салюта. Пастор говорил о героизме, о царе и отечестве, внушал родителям, что не печалиться следует, а гордиться выпавшей на их долю честью. Прозвучал последний залп, взвод солдат выстроился и под звуки бравурного марша удалился с кладбища. Нельзя отрицать, что все было красиво и пышно, но простодушные люди не в силах были этого уразуметь. Жил на свете молодой, цветущий юноша, окончил школу, готовился к жизни, и вдруг его не стало. Почему? Кому это нужно? Какое может быть оправдание его гибели? Где те высокие идеи, ради которых люди превращаются в прах?

Эрнест не задумывался над такими вопросами, не искал идейного оправдания своему нежеланию воевать. Он понимал только одно: война ужасна, разрушительна; война — это смерть и страдания, утомительные походы и сидение в сырых окопах, жизнь без всяких удобств и подчинение воле многочисленных начальников. Здесь, дома, у него была собственная комнатка, а в армии его ждет противная казарма или сырая землянка. Здесь

он свободен, спит и работает по своему усмотрению, там ему придется подчиняться чужой воле. Всякий имеющий несколько полосок на погонах станет кричать на него, бранить и гонять, и он не посмеет сопротивляться. Нет, подобная перспектива не прельщала Эрнеста.

«И зачем я тогда не уехал с Ингусом? — думал он. — Он ведь как сыр в масле катается: сыт, одет. А зарабатывает столько, что может каждый месяц высылать домой по четвертному».

Одно время он серьезно подумывал об отъезде в Архангельск. И родители ничего не имели против такого решения. Но вся осень ушла на глупое ухаживание за Вилмой. Эрнеста словно опоили каким-то дурманом, и он не думал ни о мобилизации, ни о том, как ее избежать, пока, наконец, не подошло время регистрации. Теперь уже поздно думать об отъезде. Все, казалось, было потеряно: свобода, спокойная жизнь, отцовский дом и надежды на расположение Вилмы. Никто еще точно не знал, когда объявят новую мобилизацию, но было ясно, что она не за горами. Если уж рекрутов и ополченцев ^[33] призвали досрочно, Эрнесту оставалось только готовиться в путь.

Он с завистью посматривал на местных инвалидов: хромого столяра и глухонемого сына лавочника. Им нечего бояться: белый билет обеспечен. Хорошо бы его получить Эрнесту, но как? Слух, как у лисы, зрение отличное, кости целы — несчастный человек, проклятое здоровье. Если бы можно как-нибудь повредить его...

Эрнест взвесил все. Сломать ногу, отрубить указательный палец правой руки? Во-первых, это больно, во-вторых, и самому впоследствии будет неприятно ходить подстреленной вороной. Нервы, сердце, легкие? Здесь можно что-нибудь придумать, если бы только знать, как это сделать. Придется поговорить с белобилетниками, возможно, они дадут хороший совет. К примеру, взять Яна Силземниека. Парень здоров, как репа, а забракован навсегда. Как же ему удалось это устроить?

При первом удобном случае Эрнест навестил Яна. Особой дружбы между ними не было, но в таком серьезном деле можно и постороннему человеку помочь. Выяснилось, что Ян на самом деле знает способы, как обмануть военно-медицинскую комиссию. Гордый своими познаниями, он целый час поучал Эрнеста. После этой беседы тот вернулся домой успокоенным.

— Нет ли у тебя какого-нибудь старого лоскутка шелка? — спросил он у матери.

— Для чего тебе? — удивилась мать.

— Нужно, — уклонился Эрнест от ответа.

Порывшись в ящиках комода, мать нашла старую, изрезанную на куски блузку.

— Годится, — сказал Эрнест и вечером у себя в комнате разрезал шелк на тонкие мелкие полоски, настолько мелкие, что, смешав с табаком, ими можно было набивать папиросные гильзы. Он стал курить табак с шелком, курил много, вдвое больше, чем обычно. Надежное средство скоро дало результаты: у Эрнеста начались хрипы в легких, показалась мокрота со слизью, а лицо сделалось бледно-желтым. Парень часто посматривал в зеркало и с удовлетворением наблюдал за изменением своей внешности. Он кряхтел по-стариковски, а когда мать, озабоченная здоровьем сына, советовала ему сходить к врачу, он отказывался.

С приближением весны, незадолго до мобилизации, Эрнест применил еще и другой способ Яна Силземниака. Береженого бог бережет — в военное время с двумя болезнями всегда надежнее, чем с одной. При помощи конского волоса и покрытой плесенью медной трехкопеечной монеты он проделал небольшую операцию. Вскоре правая нога его оказалась пораженной какой-то ужасной, непонятной болезнью: нога стала напоминать бревно, сделалась иссиня-багровой, а на бедре появилась страшного вида изъязвленная рана. Болезнь приковала Эрнеста к постели, и к нему вызвали врача. Старый, опытный сельский медик прописал страдающему лекарства, пластырь, но все это Эрнесту не помогало. Нельзя даже было установить настоящего диагноза.

В скором времени объявили мобилизацию. Укутанного Эрнеста уложили в сани и повезли в Ригу. С ним поехал отец, больше, нежели сам Эрнест, обеспокоенный состоянием сына. Врачи призывной комиссии долго и внимательно осматривали больную ногу, выслушивали легкие и изучали слизистую мокроту, после чего старший из них, седой полковник, участливо сказал Андрею Зитару:

— Везите его домой. Ему осталось жить самое большее месяца два.

С белым билетом в кармане, забракованный на всю жизнь, Эрнест вернулся на побережье. Похоже было, что он совсем не опечален своей плачевной судьбой. Домашние относились теперь к Эрнесту сочувственно-ласково, каждый старался хоть чем-нибудь облегчить последние дни обреченного на смерть, его берегли, баловали, как слабого ребенка, и терпеливо переносили капризы и грубость. Даже Вилма Галдынь как-то передала через Эльзу привет больному, очевидно, чувствуя себя виноватой. Эрнест артистически играл роль страдальца. Сообразив, что теперь можно использовать свое положение, он написал Вилме несколько строк:

«Вот что ты со мной сделала! Был я здоров, хотел жить и быть

счастливым, но ты отняла у меня радость, и теперь я должен умереть. Возможно, я и смог бы поправиться, если бы видел смысл жизни. Но я не хочу жить, раз ты была так несправедлива ко мне. Будь счастлива. Прощай, Вилма. Я все прощаю тебе и остаюсь твоим другом до конца...»

На следующий день Эльза принесла ответ Вилмы:

«Милый Эрнест, у меня на сердце очень тревожно, потому что тебе приходится из-за меня переносить такие страдания. Может быть, я была не права и поступила опрометчиво, но зачем же губить себя из-за таких пустяков? Если действительно дело обстоит так, что ты можешь вылечиться и не делаешь этого из-за меня, то спасай себя, и все будет хорошо. Я хочу, чтобы ты жил, и тогда ты сможешь приходить ко мне, если перестанешь сердиться. Разве я могла подумать, что у тебя такие серьезные намерения? Теперь я это понимаю. Будь здоров, Эрнест, и береги себя».

Эрнест удовлетворенно усмехнулся и спрятал письмо в ящик стола: когда-нибудь оно послужит доказательством и заставит Вилму выполнить данное обещание. Да, теперь он вполне спокойно мог выздоравливать. И это оказалось совсем не так сложно. Следовало лишь немножко заняться бедром и на некоторое время прекратить курение.

Неделю спустя опухоль на ноге совсем опала. Хрипы в груди прекратились, легкие перестали выделять гнойную мокроту, и на лицо больного вернулся румянец. К тому времени, когда зазеленел лист на деревьях и, по предсказанию врачей из военно-медицинской комиссии, Эрнест должен был умереть, он уже чувствовал себя настолько здоровым, что мог отправиться с сетями в море.

Осталось только старческое побрякивание, которое долгое время еще служило признаком пошатнувшегося здоровья молодого Зитара.

Глава четвертая

1

На первый взгляд море осталось таким же, каким было, не изменились и берега. Опустел лишь далекий горизонт, и как-то непривычно тихо стало на берегу. Уже не вырисовывались в туманной дали воронкообразные струи черного дыма, извергаемого парходными трубами, не сверкала манящая белизна парусов. До самого горизонта простиралась серая, мертвая равнина. Изредка мелькнет лодка, раздастся крик чайки, да на сторожевых постах у взморья маячат фигуры неусыпных пограничников. Море уже не было больше свободной дорогой в мировые просторы, оно стало глубоким крепостным рвом, не носителем ценностей, а полем сражений. Минные заграждения придавали темнеющей пучине тревожно-зловещий оттенок. Затопленные у входа в порты суда угрожали своими осевшими в воду корпусами; стройные мачты, трубы, мостики и палубы затягивались там илом.

Капитан Зитар походил на пленника, осужденного жить на берегу. Лишившись судна и вклада в банке, он хотел было найти утешение в хозяйственных заботах, занялся полевыми и домашними работами, кое-что приводил в порядок, улучшал. В серых домотканых брюках и высоких отвисших сапогах капитан осенью возил навоз на поле, чинил мостики через каналы, руководил молотьбой и выполнял дорожную гужевую повинность. Он теперь реже брил бороду, и в ней с каждым днем показывалось все больше серебряных нитей. В окрестности Андрея уже называли старым Зитаром, и он примирился с этим, как, впрочем, и со многими другими переменами. Да и на самом деле, почему бы ему и не называться старым Зитаром? Сыновья выросли, дочь взрослая, река жизни струилась среди тенистых, предзакатных берегов. Седей и обрастай мхом, старый морской волк!

Одно время, казалось, Зитар совсем успокоился, и было похоже на то, что кругосветный скиталец стосковался по тихой гавани у родных берегов: довольно странствовать, довольно безумствовать! Обработывай землю и слушай по воскресным дням проповеди! Но по мере того, как затягивалась война и жизнь становилась с каждым днем труднее, в сердце капитана опять пробудилась старая тоска по морю.

Он часто уходил к устью реки и подолгу задумчиво смотрел на море. Ну что в нем особенного? Огромное пространство соленой воды, больше ничего. Но как манил, как звал туманный горизонт! Какими чувствами наполнялась грудь капитана! Другие ушли в море... старые товарищи и его собственный сын... Пишут письма, сообщая о своих делах. Их овеивает бодрое дыхание моря. Мигают огни бакенов, гудят доки, и жаждущий моряк бросает шиллинг на прилавок пивнушки: «Уан биттер! Уан виски!» В бордингхаузах сидят на своих зеленых морских сундучках матросы в ожидании работы. А он?

Хорошо еще, что Зитар не совсем потерял связь с близкой его сердцу средой. Ингус после каждой поездки присылал письма то из Архангельска, то из Саут-Шилдса, то из Гулля; иногда вкладывал в них фотографию, свою или всего экипажа; нередко это была просто открытка с видом далекого иноземного порта. Письма его отличались простотой и скорее носили характер служебного сообщения о грузах, об условиях рейса и предстоящих поездках. Но именно эта простота, эти сухие деловые описания живее воскрешали в памяти капитана желанные картины его былой деятельности. Моряку не нужны рассказы об альбатросах и дельфинах, о солнечном закате и панорамах моря и портов. «В норвежских клипах был сильный туман. Шли на малой скорости... В Северном море получили трепку, ветер 11 баллов. Смыло палубный груз и сломало поручни. Лебедка № 2 вышла из строя, и капитан в Гулле объявил морской протест...»

Прочитав это, Зитар отчетливо представлял себе, какими должны быть норвежские скалы во время туманов. Перед его мысленным взором вставали темные силуэты верхушек гор, смутно виднеющиеся сквозь густую завесу молочно-белого тумана; ему казалось, что он слышит вой сирен, звон колоколов на судах и журчание воды, рассекаемой пароходом, медленно пробирающимся между подводными камнями. Матросы, закутавшись в штормовые плащи, стоят на баке и наблюдают за морем. Вахтенный офицер озабоченно шагает по мостику, а капитан каждые четверть часа бегаёт из каюты в штурвальное помещение и обратно. Да, Зитар представлял себе это и представлял еще многое другое, о чем ни слова не упоминалось в письме сына. Сидя на скамейке для сетей, он мысленно вел чужое судно через лабиринты фиордов и бушующие волны Северного моря, и у входа в гавань его охватывало чувство субботнего покоя. Доки, далекие доки, лоцманские катера и корабейники с чудесными товарами для истомившихся моряков... «Хэллоу, бойс» и «Сон оф э бич», белье, развешанное для просушки между мачтами, и звуки мандолины в

вечерней тишине. Прекрасная суровая жизнь! Капитан Зитар, неужели твой якорь навсегда брошен на тихом рейде?

Он походил на моряка, выброшенного на необитаемый остров. И ничего уже не привлекало его в родном гнезде. В его тоске не было ничего похожего на романтику юности — дух жаждал привычной деятельности, накопившаяся энергия бунтовала и подавляла его своей силой. Он еще не был старым Зитаром. В прежнее время, когда капитан проводил дома зимние месяцы, он испытывал подобное беспокойство с приближением весны. Но тогда оно носило менее острый характер, потому что он знал: наступит момент освобождения. Во всяком состоянии самым тягостным ощущением является сознание его неизменности; застой в любом деле и при любых обстоятельствах подобен смерти.

И вот однажды Андрей отправился в корчму Силакрогс. В ней тоже многое изменилось. Здесь уже не торговали водкой и пивом. Сократились доходы, и Мартын Зитар основательно похудел: живот опал, шея стала тоньше, круглое лицо потемнело, щеки обвисли. Корчмарь постарел лет на десять. На одном чае много не заработаешь.

На Анну все эти перемены повлияли меньше. По-прежнему белотелая, пышная, похожая на хорошо откормленную к Мартынову дню гусыню, она хлопотала на кухне: пекла, варила, мыла и растила свою Миците. Появление Андрея вызвало на ее лице такую же благосклонную улыбку, как в доброе старое время, и щеки вспыхнули ярким румянцем. «Теплое, славное существо...» — подумал капитан, и его тоска усилилась еще больше оттого, что в груди уже не было прежнего огня. Видно, все же он состарился.

Зитар оказался не единственным, кого прежние воспоминания манили в корчму. Старые «клиенты» Мартына любили по вечерам собираться в «немецком» углу, и никакими силами нельзя было поднять их подавленное настроение. Корчмарь делал все, что в его силах, чтобы если и не утешить друзей, то создать иллюзию былого. Неприкосновенный запас напитков давно уже иссяк, и хозяева, сидя за карточным столом, услаждали себя самообманом, потягивая жидкое сладковатое фруктовое вино. Со временем, когда люди научились приспосабливаться к новым обстоятельствам, Мартын раздобыл где-то новый сорт конфет со спиртовой начинкой. Правда, немного комично выглядели солидные бородатые отцы семейств, сосущие детские лакомства, но всех их постигла одна участь, и поэтому никто не смеялся. После нескольких конфет угрюмые лица озарялись улыбками, кровь начинала учащенно пульсировать в жилах, и человек хмелел. Только удовольствие это не имело надлежащего вида — это

признавал даже местный урядник Пайпал, тоже приходивший в трактир поиграть в карты и полакомиться конфетами.

— Какой же ты трактирщик, если не можешь раздобыть для своих посетителей чего-нибудь подкрепляющего? — поддразнивал он Мартына. — Смотри, как бы ты не остался без клиентов.

Вняв просьбам старых друзей и ободряемый урядником, Мартын набрался, наконец, смелости, раздобыл бочку и купил ячмень. Когда пиво было сварено, игроки перебрались из «немецкой» половины в квартиру корчмаря. За первой бочкой последовала вторая, третья, предприятие Мартына начало процветать, и вместе с этим оживился и он сам. Пить пиво приходили все наиболее почтенные люди: хозяева, капитаны, представители власти и офицеры полка, стоявшего в имении.

— Ну, теперь опять можно свободно вздохнуть, — сказал Мартын жене, когда ящик комода стал наполняться пачками зеленых трехрублевок и синих пятерок. Того же мнения придерживались и те, кто эти деньги ему приносил. Всем было хорошо и приятно. Истомившийся от жажды человек утолял ее глотком крепкого пива, а деятельный корчмарь получал вознаграждение за тяжелый труд. Только урядника приходилось поить бесплатно. Но сколько может выпить один человек? Зато полный покой — не приходится опасаться неприятных сюрпризов.

Пили по ночам, за закрытыми ставнями, пили осторожно, без обычного шума и песен, и, тем не менее, люди в скором времени учуяли запах пива. Жены приходили к Мартыну с жалобами на то, что он опустошает карманы мужей, стыдили его, угрожали. Но Мартын клялся и божился, что все это враки, и продолжал свою деятельность.

Но вот одна из жен побежала жаловаться в полицию. Уряднику Пайпалу поручили произвести в корчме обыск. Однажды утром он явился с двумя нижними чинами, тоже бывавшими в квартире Мартына. Они осмотрели корчму, обошли сарай и кладовые в сопровождении хозяина и спустились даже в подвал. Там стояла большая бочка.

— Что у вас там? — спросил урядник.

— Квасок, — пояснил Мартын. — Жена накопила сухарей и сварила квас. Пожалуйста, можете отведать, господа.

Мартын налил каждому по полштофа. Урядник жадно осушил кружку и, обтерев усы, определил:

— Да, на самом деле квасок.

Нижние чины подтвердили то же самое, после чего урядник составил протокол обыска, под которым подписались все, и дело было с честью кончено. Мартын продолжал, как и прежде, варить свой квасок, посетители

пили, и регулярно, один раз в месяц, урядник производил обыск в подвале и не находил в нем ничего запретного: Для многих словно луч света блеснул в темном мраке военного времени; луч света в виде густой, пенистой, вкусной влаги. Изведавшему однажды хотелось вкусить ее снова.

Опять наступила весна. Пехотный полк вскоре после пасхи отправился на фронт, на его место прибыла конница 7-го Сибирского корпуса. Фронт был далековато — в Нижней Курземе и в верховьях Даугавы. До ушей жителей побережья еще не доносился грохот пушек, и здесь царила типичная тыловая атмосфера. Сибиряки внесли в жизнь побережья настоящий военный дух. Их полк в течение всей зимы участвовал в боях; грудь многих бойцов украшали георгиевские кресты и медали, какой-то подпрапорщик был даже георгиевским кавалером всех четырех степеней.

Эрнест Зитар, излечившись от своих загадочных болезней, вернулся к жизни. Во время его страданий сети лежали в амбаре, а лодка — на берегу. Весной, во время ледохода, взорвалось несколько мин, а одну выбросило вместе с льдинами на берег. Местный комендант вызвал саперов, и те заблаговременно убрали ее, пока она не стала предметом любопытства местных жителей. На месте взорвавшихся мин другие не ставили. Эрнест Зитар — заметил освобожденные от заграждений участки и стал ловить там рыбу.

Как-то вечером он опять постучал в дверь Вилмы Галдынь. Его впустили и встретили достаточно приветливо. Вилма расспросила Эрнеста о болезни, осведомилась о состоянии здоровья. Он напомнил о письме. И опять, вместо того чтобы показать ей свою нежную привязанность и лучшие чувства, Эрнест держался резко и требовательно, решив, что письмо Вилмы дает ему на это право. Увидев Эрнеста здоровым, Вилма не чувствовала больше угрызений совести, ей уже не нужно было жертвовать собой для спасения больного.

— У тебя, видно, на уме опять глупости? — сказала Вилма, когда намеки Эрнеста стали слишком недвусмысленными.

— Ты сама обещала, — возразил он, становясь все грубее и настойчивее.

— Значит, ты меня не понял, — усмехнулась Вилма. — Я подразумевала, что мы могли бы опять стать друзьями и забыть нашу ссору. Но если ты понял это иначе, то будет лучше, если мы останемся друг другу

чужими.

— Почему ты меня ненавидишь? Или я такой противный, хуже других?

— Ты еще этого не понимаешь. Вот когда-нибудь влюбишься, тогда узнаешь, что это такое.

— Но разве я тебя не люблю?

— Нет, это совсем другое. Так ты можешь любить одновременно десять женщин. Если бы у тебя была одна, настоящая, ты бы на меня и смотреть не хотел.

— Я и теперь ни на кого не смотрю, кроме тебя.

— Как бы тебе это пояснить? — пожала плечами Вилма. — Ну, представь себе: у вас живет работница Ильза. Она такой же человек, как все мы, такая же, как ты и я...

— Она? Эта старая карга! — дернулся Эрнест.

— погоди же. Старая или молодая, красивая или некрасивая, но ведь она человек. У нее есть сердце и чувства. И вот ты вдруг понравился Ильзе и она не дает тебе покоя. Мог бы ты себя заставить полюбить ее?

Эрнест вспыхнул от злости и стыда.

— Значит, я в твоих глазах все равно что старая Ильза?

— Я только говорю к примеру. Ильза стара, а ты молод, но все равно получается так.

Эрнест не сказал больше ни слова, надел шапку и ушел, не прощаясь. В его сердце клокотала злоба. Сравнение с Ильзой унизило его. Как можно говорить такие вещи? Что такое Ильза по сравнению с ним? Придравшись к сравнению, он не пытался понять его глубже. Нет, Эрнест не вдавался в женскую психологию. Он понял только, что всегда был безразличен Вилме, возможно, даже противен (недаром же она упомянула Ильзу), он чувствовал себя оскорбленным: над ним посмеялись, как только можно глумиться над молодым влюбленным. Он теперь знал, что никогда, никогда не будет близок Вилме. Это равносильно тому, как если бы он пытался уговорить каменную глыбу и безумствовать около нее. Но придут другие, совершенно посторонние люди, и Вилма улыбнется им. Почему это так? Почему он ничего не значит в ее глазах?

Эрнест не мог этого понять, ибо, сравнивая себя с любым мужчиной, он приходил к выводу, что никто из них не лучше его. Молод, энергичен, прекрасно выглядит и так предан Вилме! Неужели она этого не видит? Другая бы гордилась такой настойчивостью с его стороны. Он не проявил себя дурно, не дрался, не ругался, совсем наоборот: носил ей рыбу и даже предлагал деньги. О чем только она думает?

Но какой толк в том, что он понимает все, если Вилма отдает предпочтение другим? Потому что у других шпоры и георгиевские кресты, хорошо подвешен язык и они умеют беззастенчиво льстить. И чтобы он на все это смотрел и завидовал другим? Нет, довольно! Я тебе отдал сердце, а ты наплевала на него. Теперь повоюем. Если не досталась мне, пусть не достается никому.

Эрнест стал придумывать план мести. Можно испортить жизнь Вилмы двумя способами. Первый — написать Микелису Галдыню письмо, в котором сообщить о поведении жены. Но тут же он отказался от этого способа, избрав другой. Эрнест знал, что военные власти преследуют женщин, подобных Вилме, выселяют их из прифронтовых районов в отдаленные тыловые области. В газетах часто печатались сообщения о подобных фактах.

И вот однажды местная полиция и командир кавалерийского полка получили анонимные письма, в которых описывались похождения Вилмы. Несколькими днями позже около дома Микелиса Галдыня появился патруль и устроил засаду. Вместе с Вилмой попался молодой унтер, кавалер двух георгиевских крестов. Унтер за самовольную отлучку из эскадрона получил арест, а Вилме было предложено срочно собираться в Ростов-на-Дону. Не помогли ни слезы, ни мольбы, ни обещания исправиться: военному начальству незнакомо было чувство жалости. Вилму по этапу отправили в Ригу. Продержав ее там несколько дней, пока не собралась партия подлежащих высылке женщин, молодую солдатскую жену вместе с завзятыми проститутками посадили в поезд и отправили на чужбину, навстречу неведомой судьбе.

Эрнест Зитар отомстил за нанесенное ему оскорбление. Теперь он мог жить спокойно.

Высылка Вилмы сильно встревожила всю округу. Это послужило как бы предупреждением остальным женщинам. Капитан Зитар строго-настрого приказал, чтобы в его доме не появлялся ни один военный, независимо от его чина и ранга. Ведь могло случиться, что и Эльзу постигла бы судьба Вилмы.

Оставшись без подруги, Эльза некоторое время жила совсем скромно. Негде стало проводить время по вечерам. После отъезда Пантелеймонова Эльза еще не нашла себе поклонника. Опускаться до нижних чинов ей не хотелось, а завести знакомство с другим офицером было не легко. Чтобы чем-то заполнить свою жизнь, Эльза возобновила переписку с Волдисом Гандрисом. Штурман, одетый в форму с блестящими нашивками на рукавах и с позолоченными дубовыми листьями на фуражке, выглядел

ничуть не хуже армейских офицеров. Но он был далеко отсюда, за лесами и морями, а Эльза Зитар не принадлежала к числу женщин, которым нравится роль Сольвейг ^[34].

У корчмаря Мартына дела шли блестяще. Он расширил свое торговое предприятие, взял новый патент и рядом с корчмой открыл лавку колониальных товаров. Пивоваренное производство оказалось настолько доходным, что капитал Мартына рос не по дням, а по часам, и человек с коммерческим направлением ума мог уже подумывать о том, чтобы поместить сбережения в новые выгодные предприятия. Еще с прошлой зимы в округе стали ощущать нехватку керосина и сахара, и чем ближе к Риге, тем эта нехватка чувствовалась сильнее. Мартын купил вторую лошадь, нанял работника и каждую неделю отправлялся за керосином на север Видземе. Там его еще можно было добывать целыми бочками. Эти поездки приносили хороший доход. Здесь, у себя, Мартын назначал любую цену, и у людей не было выхода: в керосине нуждались все.

Но Мартын не успокоился на этом, его энергия требовала разносторонней деятельности. Он начал скупать у солдат казенное имущество: одежду, обувь, белье. За смехотворную цену ему приносили сапоги военного образца, ватные брюки, гимнастерки, овчинные полушубки. Следовало только вытравить клеймо полка — и товар готов для продажи на рынке. Часть Мартын продавал во время поездок за керосином, часть раскупали жители побережья, но главным образом он поставлял товар знакомым старьевщикам в Ригу.

Когда в имении обосновалась интендантская служба дивизии, Мартын познакомился с каптенармусами, и ему уже не приходилось покупать одежду поштучно. Казенное имущество возами проходило через руки корчмаря, от спекулятивных операций он еще больше округлился и заменил старую мебель новой. Но ему все было мало. Чем больше увеличивался капитал, тем сильнее разгорался аппетит. Должно было произойти нечто, что дало бы возможность развернуться таланту Мартына.

И это нечто произошло. Оно пришло с громом пушек, заревом пожаров над курземской равниной; пришло со стонами, слезами и разорением изгнанного из родных мест народа. Июль 1915 года предоставил Мартыну Зитару такие широкие возможности наживы, о каких он и мечтать не смел. Курземе зашевелилась. Слово большое половецкое,

хлынули по всем дорогам и полям потоки беженцев. От земгальских равнин, от берегов Абавы и Венты началось новое великое переселение народов [35]. К востоку и северу, к даугавским переправам двинулись необозримые вереницы подвод и пешеходов. У переправ в ожидании очереди выросли громадные таборы. Рев скота, ржанье лошадей, лязг оружия и людское горе слились в общий стон, отозвавшийся во всей Видземе. Он донесся через Ригу до северной части Латвии и коснулся слуха Мартына Зитара. И этот мрачный сигнал пробудил новые надежды в душе предприимчивого дельца.

Он немедленно запряг лошадей, набил кошелек бумажными деньгами и, забрав с собой работника, поспешил в Ригу, навстречу караванам беженцев. Днем и ночью непрерывный грохот сотрясал мосты через Даугаву, по которым, словно по громадным артериям, на мирные поля Видземе изливались потоки крови тяжело раненной Курземе. Среди беженцев было много беспомощных: дети, старики, одинокие женщины, оставшиеся без мужей, растерянные, впавшие в отчаяние люди не знали, куда деваться и что делать со скотом и вещами.

Мартын Зитар и толпы ему подобных хорошо поживились в эти дни. Он скупал налево и направо все, что только имело какую-нибудь ценность и что можно было впоследствии выгодно продать: коров, овец, лошадей, одежду, телеги. Платил столько, сколько считал нужным, не был навязчив и умел выбирать из огромного количества предлагаемого товара лишь самое нужное и выгодное. И бедные беженцы были ему еще благодарны за то, что он освободил их от заботы о кормлении скота и даже дал немного денег.

Это была захватывающая игра. Мартын Зитар пустил в оборот весь капитал. Уехав на паре лошадей, он вернулся домой с целым обозом. Вместе с обозом прибыло стадо истощенных коров, сопровождаемое тремя погонщиками, и восемь лошадей, привязанных попарно к подводам. Скупленное имущество сложили в сарай, а для скота Мартын арендовал у соседа часть луга под пастбище и устроил загон.

Заморенные лошади беженцев после месячного отдыха на хорошем корму быстро окрепли, и шерсть их залоснилась. Некоторых лошадей удалось продать в кавалерию, других за хорошую цену купили соседи. Откормив коров, Мартын Зитар тех, что были помолочнее, продал местным хозяевам, остальных — военному ведомству на мясо. За короткое время Мартын в несколько раз приумножил свое состояние. Как и положено состоятельному человеку, он стал подумывать о каком-либо солидном приобретении. В расчете на будущее он купил парусник шурина Зиемелиса — Зиемелис, дойдя до крайней нужды, сам предложил ему. Правда, в

настоящий момент на паруснике ничего не заработаешь, но Мартын учитывал, что после войны, когда возобновится торговля, а флот будет разорен, приобретенный парусник принесет ему бешеный доход.

Успехи брата не остались незамеченными Андреем. Но у него на это был свой взгляд. Как-то раз, когда Мартын за кружкой пива начал рассказывать о своих спекуляциях, капитан осадил его:

— Ты, конечно, волен поступать как знаешь, но это некрасиво.

— В нынешние времена на красоте далеко не уедешь, — огрызнулся Мартын. — Если не я, найдутся десятки других, которые станут этим заниматься, и ничего от этого не изменится. Торговля есть торговля.

— Спекуляция — это не торговля, а... — Андрей не закончил фразу, чтобы не поссориться с братом, который, с тех пор как сделался зажиточным, возомнил о себе: сознание могущества меняет характер человека.

Какое дело Мартыну до «красоты» и до мнения других, когда жизнь хороша как никогда? Анна чувствовала себя госпожой в корчме, у нее теперь была прислуга, продавщица в лавке и работник, и для Миците летом наняли гувернантку.

Беженцы, из Курземе появились и на побережье. В Зитарах тоже приютилась семья беженцев: мать, сын и дочь. Альвина поначалу не очень охотно соглашалась пустить в дом чужих людей, но Карл, который по окончании реального училища приехал к родителям, уговорил ее. Беженцы прибыли откуда-то из средней части Курземе, из окрестностей Талсы: отец у них умер, один сын призван в армию, второй — ровесник Карла Зитара. Им отвели одну комнату в верхнем этаже и разрешили пасти корову в стаде Зитаров. Их нужда, их участь изгнанников служили Зитарам зеркалом, в котором они видели ожидающую их судьбу. Война еще не окончилась, и никто не мог сказать, что ждет многострадальных людей, тех, которые уже потеряли родину, и тех, которые еще удерживались в насиженных гнездах.

У нее были голубые глаза северянки с темными дугами бровей, узкое, но не худощавое лицо, покрытое легким загаром и казавшееся еще темнее от окружавшего его пышного ореола темно-русых волос. Ее имя было Сармите. Сармите Валтер. Карлу Зитару казалось, что прекрасней этого имени он не слышал. Его можно было произносить как угодно: резко, сердито, меняя окончание, например, Сармук, Сармули (так иногда

называли ее мать и брат), и всегда оно звучало как ласка.

Имя брата было Ансис — одно из самых распространенных в Курземе имен. Если бы он не назывался Ансисом, то, вероятно, его звали бы Фрицем или Жаном, потому что почти в каждой семье их местности были мужчины с одним из этих имен. Рано потеряв отца, он после призыва брата в армию оказался единственным представителем мужского пола в семье.

У Валтеров из всего имущества остались лошадь с упряжью, корова, одежда, необходимая посуда, мешок пшеницы и два копченых свиных окорока. Кое-что из мебели дали Зитары, скамейку и стол Ансис сколотил сам, и они начали новую жизнь под чужой кровлей; обрабатывали чужие поля и не переставали думать о своей покинутой земле, где, вероятно, уже пора убирать пшеницу и где наливаются ранние сорта яблок. Брат и сестра легче переносили положение изгнанников и скоро освоились с незнакомой обстановкой. Не так было с матерью. Ее часто видели с покрасневшими глазами, и всякий намек на утраченное, всякое воспоминание о родном доме вызывали слезы. Главой семьи и хозяином стал Ансис, хотя ему было только восемнадцать лет.

Ансис устроился на строительстве военной дороги. На лошади он зарабатывал три рубля в день. Четвертый рубль зарабатывала Сармите. О нужде, по крайней мере в данный момент, говорить не приходилось. Но человеку, привыкшему работать в своем хозяйстве, всякий труд под надзором чужого кажется мучительным. Вот почему Сармите, возвращаясь вечером с работы, выглядела такой подавленной и печальной. У Карла при виде ее всякий раз появлялась какая-то странная боль, сочувствие и жалость; хотелось сказать что-нибудь хорошее, сердечное, сделать так, чтобы она опять стала улыбаться. Но ни одного подходящего слова не приходило ему на ум, несмотря на то, что он был смелым и предприимчивым юношей, после отъезда Ингуса ставшим любимцем и гордостью отца. Моложе Эрнеста, он перерос его почти на полголовы и мог гордиться крепким станом и плечами будущего атлета, которые уже сейчас придавали ему мужественную осанку, а всем движениям и действиям — спокойную медлительную важность, происходившую от сознания силы. В реальном училище он считался силачом, в борьбе не имел равных. Ему ничего не стоило одному столкнуть с берега в воду большую рыбацкую лодку.

Гимназистки, с которыми Карла знакомили школьные товарищи, считали его неуклюжим, застенчивым и гордым. Вернувшись в Зитары, он опять привез полный ящик разных книг; среди них было немало таких, которые следовало прятать, чтобы не иметь неприятностей с полицией.

То, что чувствовал Карл и о чем мечтал в тиши своей комнаты на втором этаже, казалось ему настолько дерзким и невероятным, что он не смел думать об этом в присутствии других, опасаясь выдать тайну каким-нибудь невольным движением или выражением лица. И все же он однажды проговорился.

Как-то вечером они с Эрнестом шли домой с покоса. Сармите с Ансисом как раз в это время возвращались с дорожных работ. Карл, приветствуя их, издали кивнул головой и зашагал рядом с братом. Эрнест проводил Сармите долгим, восхищенным взглядом, затем подтолкнул брата локтем:

— Толковая девчонка, не правда ли?

— Кто? — Карл вздрогнул.

— Да вот эта курземка. Симпатичное создание. Надо будет, пожалуй, приударить... — он многозначительно ухмыльнулся.

Карл потемневшими глазами взглянул на него, затем остановился и с такой силой опустил руку на плечо Эрнеста, что тот под тяжестью ее осел, и произнес:

— Попробуй! Только попробуй!

И все. Но это было сказано так выразительно и недвусмысленно, что с тех пор Эрнест в присутствии брата боялся не только заговорить с Сармите, но даже взглянуть в ее сторону.

...Потому ли, что не были еще забыты совместные игры вдвоем, или потому, что прошлую зиму оба прожили в одной комнатке вдали от родного дома, но этим летом Карл с Янкой часто бывали вместе: и на сенокосе, и на рыбной ловле, и в часы досуга. Казалось, их объединяет не только родство, но и общие мысли и стремления. По вечерам они до глубокой ночи беседовали в своей комнатке, иногда настолько громко, что кое-что мог слышать и спавший за стеной Эрнест. О литературе, о писателях и книгах братья всегда говорили горячо и взволнованно. Эрнеста эти вопросы не интересовали, и он не прислушивался. Но когда Карл переходил на шепот и так же тихо отвечал ему Янка, Эрнест поднимался с кровати и прижимался ухом к стене: может быть, они говорят о девушках? Жаль, ничего не слышно.

Эрнеста не волновал гул, похожий на отдаленные раскаты грома, доносившийся тихими вечерами с южной стороны. Не интересовали его и свежие журналы, привезенные Карлом из Риги: иллюстрации и текст этих журналов обжигали раскаленным дыханием войны. Рядом со снимками из жизни беженцев помещались фотографии, на которых видны были войска, изображения павших и награжденных воинов, трофеев, картины боев, лица

добровольцев-юношей, подростков и женщин.

А над Ригой уже появились немецкие аэропланы. Батареи из Юглы и Милгрависа обстреливали их, и западнее, на берегу Даугавы, грохотали пушки. Вдоль моря рыли траншеи и строили дороги военного значения. А в ресторанах Риги царские офицеры кутили с прекрасными куртизанками, сердца которых трепетали при мысли об «избранной» нации и ее «кайзере» с надменно торчащими кверху усами. Рига кишела шпионами. Судя по событиям на фронте, недалек был день, когда Видземе предстояло познать участь многострадальной Курземе. Сердца латышских крупных усадьбовладельцев, фабрикантов, домовладельцев и торговцев сжимались в недобром предчувствии того, что немецкие завоеватели присвоят их имущество, будут хозяйничать в их домах, а все доходы с отобранных фабрик и магазинов пойдут в карманы завоевателей. Те, у кого источники благосостояния находились в Курземе и кто теперь томился в Риге и Видземе, мечтали о возврате своего состояния и с нетерпением ожидали, когда же, наконец, царская армия перейдет в наступление и освободит Курземе от войск Вильгельма II.

Латышские богачи еще не забыли революционной бури 1905 года и дрожали от страха и черной ненависти при мысли о том, что и эта война, так же как русско-японская, может закончиться революцией. Они не желали терять ничего из того, что принадлежало им сегодня, каким бы путем оно ни было приобретено. Они жаждали военной добычи, облизывались в предвкушении ее, и не было предела их алчности. Латышская буржуазия и ее представители в Государственной Думе в лице Голдманиса и Залитиса любой ценой старались заработать себе экономический и политический капитал, выслужиться перед самодержавием, пусть даже за счет всего латышского народа. Головы людей, подобных Голдманису и Залитису, кружили мечты о высоких государственных должностях под сенью двуглавого орла. Возможно, они уже воображали себя в дворянском звании с грудью, увешанной орденами.

Вскоре стало известно об успешных боях двух латышских ополченских батальонов с превосходящими силами германской кавалерии в апреле 1915 года под Плунгянами и Елгавой. Это явилось великолепным предлогом для развертывания шовинистической шумихи, и латышская буржуазия не замедлила этим воспользоваться. Ссылаясь на успехи ополченских батальонов, буржуазная печать «патриотически» завывала: если латышам разрешат создать добровольческие воинские части, то неприятель очень скоро будет изгнан из Курземе! Голдманис с Залитисом, побуждаемые латышской национальной буржуазией, поспешили

обратиться с соответствующим предложением к высшему военному командованию. И вот, 29 мая 1915 года верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич дал согласие на организацию латышских добровольческих подразделений. Через несколько недель, когда были разработаны условия организации добровольческих батальонов, члены Государственной думы Голдманис и Залитис обратились к латышскому народу с крикливым, фарисейским, насквозь националистическим воззванием:

— «Собирайтесь под латышские знамена!

...Спустя 700 лет снова решается наша судьба... Верьте в несокрушимую мощь России, верьте в светлое будущее латышского народа. Объединимся под своими народными знаменами, осененными двуглавым орлом!.. Теперь или никогда!»

Карл прочел в газете воззвание, состряпанное латвийской буржуазией, и так же, как многие другие юноши, забыл, что за этим призывом скрывается голый коммерческий расчет состоятельных соотечественников: кровью народа заслужить признательность самодержавия и после войны получить из рук царя какое-то подобие автономии, что даст возможность национальной буржуазии совершать выгодные политические и коммерческие сделки. Карл понимал, что если не сейчас, то вскоре его мобилизуют и он рано или поздно угодит на фронт. К тому же иллюзорная перспектива изменить судьбы народа, при условии если латышские воины выступят с оружием в руках в открытой борьбе против извечного врага, была настолько заманчива, что юноша не мог не поддаться соблазну.

«Теперь должна решиться судьба моего народа... — думал Карл. — Могу ли я в такой момент оставаться сторонним наблюдателем? Нет, не могу и не имею права».

В один из вечеров, когда все сено было убрано, Карл заявил отцу:

— Я поеду в Ригу.

— Зачем это? — спросил капитан.

— Запишусь в латышский стрелковый батальон.

Старый моряк долго молча смотрел на своего пышущего здоровьем сына.

— Ну что же... что же я тут могу сказать... — произнес он, наконец. — Твое личное дело. Мог бы, конечно, продолжать учиться. Но делай как знаешь.

Альвина в своем материнском эгоизме и слышать не хотела о намерении Карла. Заглядывая сыну в глаза, она напомнила ему о планах на будущее. Неужели он разочаровался в них, и солдатский ранец значит для

него больше, чем циркуль инженера?

— Если тебе дома кажется слишком тихо или скучно, разве не можешь ты последовать примеру Ингуса? Поезжай к нему, устройся на судно. По крайней мере, жив останешься.

Карл молча улыбался.

Эрнест подтрунивал над братом:

— Медаль получить захотелось. Мечтает стать вторым Крючковым [36]. Ненормальных людей всегда хватало, теперь и у нас завелся один такой.

— Я с тобой и разговаривать не хочу, — огрызнулся Карл. — Иди набивай папиросы шелком и гной ногу!

— Ты свои раньше сгноишь, — не унимался Эрнест. — Там, на фронте, немцы уже приготовили тебе лекарство.

В конце концов, Эрнесту было безразлично, какая участь ожидает брата. Если Карл уедет, он здесь, дома, опять почувствует себя свободнее и никто не будет стоять у него на дороге. Сармите останется одна, и тогда... Да, пусть проваливает на все четыре стороны.

Совсем по-иному отнеслась к сообщению Карла Эльза.

— Ты же окончил реальное и сможешь поступить в военное училище, — рассуждала она. — Прапорщикам на военной службе совсем не так плохо. Свой денщик...

Лицо ее радостно засияло, когда она представила себе брата в офицерском мундире. Когда он приедет в отпуск, они оба пойдут гулять, и солдаты будут козырять. Никто не посмеет упрекнуть тогда, что она гуляет с офицером.

Два дня Карл держал мать в немой осаде, ни о чем не спрашивая и не слушая, что говорят ему другие.

— Ты сумасшедший, больше ничего, — заявила, наконец, Альвина, — Ну иди, если хочешь, а то потом упреков не оберешься.

На третий день старый Зитар запряг лошадь. Вместе с Карлом уехал и Ансис Валтер. Ему тоже пришлось выдержать борьбу с матерью, но он легче добился ее согласия. Эльза и Сармите проводили их до большака, а Янка забрался в телегу и проехал с ними еще некоторое расстояние. Каждая из девушек поцеловала своего брата и пожала руку его товарищу. И Карл впервые почувствовал в голосе Сармите какую-то особую теплоту и увидел в ее глазах вопросительно-ласковую нежность, когда ее натруженная рука в прощальном пожатии коснулась его руки.

— До свидания...

Ему ли она улыбнулась, или это был отблеск не успевшей исчезнуть

улыбки, предназначавшейся брату?

Вот они стоят у перекрестка — две сестры, две чужие друг другу девушки — и машут платками. Сияющая и гордая улыбка на лице старшей; в глазах второй сверкают две прозрачные капельки, и ты видишь только ее, чужую, не замечая родной. И еще ты видишь, что от дома следом за девушками идет Эрнест, твой брат. Вот он остановился около Сармите, что-то говорит ей, затем все трое исчезают за поворотом дороги.

Какое-то темное и зловещее предчувствие сжимает сердце Карла.

— Карл, вот мы и едем! — прервал Ансис его беспокойные размышления.

— Да, едем, — кивнул головой Карл. И вдруг этот парень из Курземе показался ему близким и родным: ведь он брат Сармите, и что-то в нем напоминает ее. — Попытаемся попасть в одну часть, Ансис. Добровольцам, вероятно, предоставят право выбора.

— Наверно, предоставят.

Еще одна верста, и Янке нужно возвращаться домой.

— Ты, смотри, пиши, да пообстоятельнее, — наказывал он Карлу при прощании. — И разузнай, как там, может быть, можно...

— Разузнаю, Янка, — наклонившись к братишке, он шепнул ему на ухо: — Передай привет Сармите... от меня. Только... — И он многозначительно приложил палец к губам.

Янка понимающе кивнул головой. И оттого, что Сармите еще получит привет, ей одной известный и понятный, на сердце у Карла посветлело, и он даже замурлыкал какую-то песенку.

Организация латышских стрелковых батальонов шла полным ходом. Первые крупные партии добровольцев были уже отосланы к месту формирования близ устья Даугавы, и из разных полков русской армии прибыли офицеры и инструктора — унтер-офицеры.

Во второй половине дождливого августовского дня даугавский пассажирский пароходик привез в Милгравис сорок два будущих стрелка. Среди них были и Карл Зитар с Ансисом Валтером. Средних лет фельдфебель сопровождал партию — самую пеструю и разнородную, какую только можно было себе представить. Рядом с усатыми мужчинами шагали молодые парни с детскими лицами; по соседству с городскими костюмами и мягкими хромовыми ботинками виднелась домотканая

крестьянская одежда и тяжелые сапоги с высокими голенищами; гибкий, торопливый говор рижан мешался с тяжеловесным диалектом отдаленных округов. Землепашцы, фабричные рабочие, учащиеся, служащие — простонародье и интеллигенция стали плечом к плечу и без всякой строевой подготовки тяжело и вразвалку шагали по мягкому песку дюн.

Угрюмым и пустынным казался в этот дождливый день Милгравис — затерянный в песках, окруженный со всех сторон водой и лесом. Над рядами маленьких домиков гордо возвышался когда-то белый, а теперь покрытый желтовато-серыми пятнами корпус Зиемельблазмы [\[37\]](#), где разместились некоторые роты новых батальонов. За высокой дюной тянулась к небу громадная труба. Это недавно построенная Милгравская верфь — бывшая верфь Цизе; теперь здесь место формирования стрелковых подразделений. Сюда и привел усатый фельдфебель свою группу добровольцев.

Тихо темнели перед лагерем глубокие воды гавани. Карлу Зитару был знаком здесь каждый уголок, так как он в школьные годы несколько зим прожил в Милгрависе. Когда-то здесь дымили пароходные трубы, гремели судовые лебедки, повсюду слышался разноголосый производственный шум. К бортам пароходов приставали бревенчатые плоты; брусья, бревна, шпалы, сверкая белизной, исчезали в трюмах морских гигантов. У противоположного берега стояли черные угольщики, над их палубами клубились облака угольной пыли, и вдоль всего побережья тянулись непрерывной цепью груды угля. Когда-то там, под горой, перед отплытием на юг стоял «Дзинтарс», а в рукаве Саркандаугава [\[38\]](#) громадный танкер перекачивал в цистерны нефть,

Теперь все это исчезло. Низкие, широкие корпуса судоверфи с застекленными крышами и толстыми каменными стенами окружали дворы, в которых группы стрелков обучались шагать в строю. Более многочисленные группы маршировали в сосняке у Киш-озера [\[39\]](#).

Батальонный адъютант, молодой подпоручик, временно исполнявший обязанности командира батальона, выслушал рапорт фельдфебеля и пробежал глазами сопроводительную записку. Сорок два добровольца, большинство в возрасте от семнадцати до девятнадцати лет. Остальные почти все старше тридцати, так как молодежь до этого возраста была уже призвана в предыдущие мобилизации.

Партию распределили по ротам. Карла и Ансиса зачислили во вторую роту, но в один взвод они все же не попали: Карл был на полголовы выше нового друга.

Началась обыденная солдатская жизнь, трудный, непривлекательный период учений: утомительная и обязательная строевая маршировка по усыпанному хвоей сосняку и песчаным холмам, после которой по вечерам ныли мышцы ног; занятия по изучению устава в казармах и элементарные боевые учения — ознакомление с винтовкой и штыковая атака. Офицеров не хватало, их обязанности временно исполняли старшие унтер-офицеры, а отделения и группы обучали простые кадровые солдаты. Программу обучения сократили и упростили до минимума, чтобы молодые стрелки возможно скорее могли приступить к исполнению боевого долга.

Ежедневно прибывали новые группы добровольцев. Из пехотных полков приезжали изредка офицеры и унтер-офицеры, появлялись и простые рядовые, получившие боевую закалку на фронте. И мало-помалу из разношерстной толпы сколотили воинское подразделение, вместо поношенного гражданского платья роты одели в зеленовато-серые казенные гимнастерки. Наконец прислали винтовки, и роты стали ходить на стрельбище. Потрескивали выстрелы, в воздухе пахло порохом, и тихий Милгравис наполнился звуками солдатских песен. Приближалось время отправки на фронт — тот ответственный момент, ради которого собрались сюда все эти юноши и мужчины.

Когда в батальоне создали учебную команду, в нее назначили вместе с другими и Карла Зитара. Здесь были те, из кого собирались готовить новых командиров отделений и взводов.

Все приходилось делать в большой спешке, так как могло случиться, что батальон завтра же направят на фронт.

— Чего там долго зубрить! — рассуждали стрелки. — Научился стрелять, колоть штыком — и хватит! Об остальном подумают офицеры.

Но нетерпеливым воякам приходилось продолжать скучную игру в войну.

— Хоть бы скорее двинулись, — досадовал Карл. — По крайней мере, на свежем воздухе находились бы. А то в этих казармах только томишься.

— Скоро будем столько двигаться, что надоест, — усмехнулся командир взвода. — Нечего торопиться.

Всем надоела казарменная жизнь. Стрелки томились, озорничали, стояли под винтовкой и, привыкнув к суровой дисциплине, разыгрывали друг друга, валяли дурака с низшим начальством и перестали бояться наказаний. В каждом взводе находились балагуры, вносящие в свое подразделение веселье и бодрость,

Карл не дождался отправки батальона на фронт: в начале октября его вместе с тремя другими парнями откомандировали в Петроград, в школу

прапорщиков: латышским боевым частям надо было своевременно позаботиться о новых офицерских кадрах, которые могли бы стать на место погибших в бою. Карл оказался самым младшим из группы командированных, и пожилой полковник, прежде чем окончательно отправить их, долго в раздумье перечитывал выданное Карлу командировочное свидетельство. Восемнадцать лет... Но образование в объеме реального училища и молодежата выправка юноши окончательно рассеяли его сомнения. Подойдет!..

Недели две спустя после отъезда Карла его батальон отправился на позиции навстречу первым жестоким боям.

6

В конце августа, когда Карл Зитар еще маршировал в строю по улицам Милгрависа, туда прибыл и Янка: начался учебный год. С ним вместе приехал капитан Зитар, чтобы наладить быт Янки, а заодно встретиться со вторым сыном.

Командир роты, который сам был из моряков и немного знал старого Зитара, отпустил Карла на ночь повидаться со своими. Эта встреча повлекла за собой неожиданные и неприятные последствия, о которых позднее Зитар не любил вспоминать. Кто в этом был больше виновен: Карл в зеленовато-сером мундире стрелка своими рассказами или Янка, по-мальчишески увлекшийся, настойчивый, а возможно, и сам капитан, легко поддавшийся уговорам? Вернее всего, виновны были все вместе. Иначе этого бы не случилось.

Карл говорил о том, что, может быть, теперь для латышского народа откроется путь к новому, более счастливому будущему и веками существовавшая историческая несправедливость будет исправлена.

— Не может быть, чтобы после войны все осталось по-старому. Конечно, Латвия получит автономию. Разве такая цель не достойна жертв? Разве жаль за нее жизнь отдать, если потребуется? Всякий, кто в эти дни остается равнодушным, — трус и предатель.

Янка усердно поддерживал Карла. Трус и предатель, кто может носить винтовку и избегает этого, кто оставил дома сыновей, годных для армии; преступник и эгоист тот, кто препятствует желающим...

Капитан, глядя на сыновей, тоже загорелся; на миг в сердце старого моряка проснулся юношеский задор, гордость за что-то прекрасное и волнующее. Забылось, что поле сражения — это арена смерти, что

энтузиастов ждут тяжелые увечья, братские могилы и его сын и любимец, бравый, атлетического сложения парень, также может не вернуться с поля боя.

— Следовало бы проучить этих немцев, — сказал Зитар и необдуманно добавил: — Жаль, что сам я староват.

— Папа! — воскликнул тут же Янка. — Если Карл может идти, почему я не могу?

— Ты? — Зитар искренне расхохотался — Какой из тебя вояка! Ха-ха-ха!

— Напрасно смеешься, — обиженно вспыхнул Янка. — В солдатах служат и моложе меня. Я сам в Риге в русском полку видел двух мальчиков, и оба моложе меня. Верно, Карл?

— Кое-где бывает, — подтвердил Карл. — Почти в каждом полку есть такие мальчуганы.

— Тебе еще нужно учиться, — урезонивал его Зитар,

— А Карлу не надо учиться?

— Его бы все равно скоро мобилизовали.

— А я больше не хочу учиться, когда остальные воюют.

— Кто же тебя такого примет и куда тебя денут? — уже серьезно спросил отец.

— С согласия родителей примут... — упорствовал Янка. — Если ты пойдешь со мной к командиру батальона, меня примут. Я это точно знаю.

— Перестань дурачиться. Хороша была бы армия, если бы там стали воевать дети!

Но Янка, почувствовав, что отец не совсем твердо убежден в том, о чем говорит, решил не отступать. Какое уж тут ученье, если он думает совсем о другом? Почему отец не может сходить к полковнику, разве это так трудно?

— А что скажет мать, если я тебя отдам в солдаты? — слабо сопротивлялся капитан. — Упреков не оберешься.

— Скажи матери, что я сам... — учил его Янка. — Если меня не пустят, я все равно убегу на фронт.

«Какой стыд!..» — подумал на другое утро капитан, провожая младшего сына в штаб батальона. Мальчишке взбрела в голову дурь, а он, взрослый человек, подчиняется ему. Понимает, что делает глупость, ставит себя в смешное положение и не может отказать. Вероятно, старость ослабила волю.

Щеки Янки горели от радости, когда в канцелярию вошел батальонный адъютант... Почему не уходят писаря? Хорошо, если бы разговор

происходил без свидетелей. Если примут, тогда еще ничего, а если откажут...

— Что у вас? — обратился адъютант к Зитару.

Капитан только сейчас по-настоящему понял, в какое нелепое положение поставил его Янка. Но отступить было поздно.

— Вот этот мой малец, господин офицер, хочет вступить в добровольцы, — начал он как бы шутя. — Не знаю, как у вас там с этим делом обстоит. Если таких принимают, пусть послужит.

Взгляд адъютанта остановился на Янке, который тут же сразу выпрямился, во-первых, для того, чтобы больше походить на военного, во-вторых, чтобы казаться выше и старше. Серьезный взгляд офицера словно подбодрял мальчика. Вот ведь офицер, а не смеется над его намерением. Значит, это не так уж безнадежно.

— Сколько лет? — спросил адъютант.

— Тринадцать, господин подпоручик! — бойко ответил Янка. Адъютант немного задумался, затем обратился к Зитару:

— А вы его отпускаете?

— Да что с ним поделаешь, он так настаивает, отговорить его невозможно. Один из моих сыновей уже служит у вас.

— Гм... — молодой офицер опять о чем-то задумался. Затем позвал вестового: — Отведите их к полковнику. — Отпуская посетителей, он добавил: — Эти вопросы решает командир батальона лично. Поговорите с ним.

Зитар с Янкой отправились с вестовым. Командир батальона жил за пределами лагеря, на расстоянии нескольких сот шагов от фабричных ворот. По пути вестовой разговорился с капитаном: рассказывал о боях в Польше, об изнурительных переходах под дождем и палящим солнцем, о том, как тяжело находиться в течение нескольких дней в огненном кольце без пищи и сна.

«Врет, хочет меня запугать... — думал Янка. — Если он все перенес, почему я не смогу?»

С командиром батальона разговор был короток.

— Записаться в добровольцы? Сколько лет? Таких молодых нам не разрешают принимать.

Он сказал это спокойным тоном, вполне серьезно, без малейшей насмешки. И у Янки не хватило мужества заикнуться о том, что в другие полки принимают мальчиков и моложе его. Притихший и обескураженный, он слушал утешительные слова старого полковника о том, что его время еще не ушло и он сможет быть полезным отечеству не только с винтовкой в

руках. Рухнула прекрасная мечта, но Янка не испытывал чувства стыда, потому что все военные, с которыми сегодня приходилось говорить, видимо, понимали переживания Янки и относились к ним с уважением. Никто не насмехался и даже не улыбнулся, как будто они имели дело не с мальчишеской затеей, а с серьезным, достойным уважением стремлением.

— Видишь, как оно получается, — сказал сыну Зитар, когда они вышли от командира батальона. — Твое время еще не подросло.

— Да, а к тому времени, может быть, все уже закончится, — вздохнул Янка.

— Ну, что-нибудь и на твою долю достанется — не одно, так другое.

Они никому не рассказали о неудачном походе. Янка молчал от огорчения, капитан — стыдясь своего легкомыслия. И тем не менее, спустя некоторое время не только квартирные хозяева Янки, но все в Зитарах узнали о событиях этого утра. И капитану пришлось выслушивать упреки жены:

— Совсем ошалел старик! Ну где у тебя ум — ребенка хотел сдать в солдаты!

Глава пятая

1

Карл Зитар вернулся в свой батальон в конце зимы. После окончания школы прапорщиков его командировали в Юрьев, где стоял латышский резервный батальон, который по своей численности превосходил полк военного времени. Там Карл пробыл два месяца, обучая молодых стрелков. В марте его вместе с одной из маршевых рот отправили на Рижский фронт для пополнения батальона, понесшего тяжелые потери в кровавых мартовских сражениях [\[40\]](#). Рота, в которой Карл проходил курс первичного обучения, потеряла всех офицеров и две трети солдат. В других ротах из двухсот штыков в строю осталось человек по двадцать.

Горсточки закаленных в боях солдат было недостаточно для того, чтобы, вобрав в себя новые сотни молодых стрелков, сделать их настоящими бойцами. Точно такое же положение создалось и с офицерским составом. Наспех испеченные прапорщики еще не имели никакого боевого опыта, и вполне естественно, что в некоторых ротах молодые офицеры, жертвуя своим командирским авторитетом, больше полагались на унтер-офицеров, чем на себя.

Карл Зитар, прикомандированный ко второй роте в качестве субалтерна [\[41\]](#), находился в довольно сносных условиях в сравнении с другими товарищами по школе. Его командир роты, поручик Рубенис, был опытный, закаленный офицер, с самого начала войны находившийся на разных участках фронта и неоднократно награжденный орденами за боевые заслуги. Рубенис учился в том же реальном училище, где Карл, и окончил его года за два до начала войны. Он, насколько это было в его силах, помогал Карлу освоиться с новой обстановкой. Рубенис хорошо знал психологию стрелков и вечерами в общей землянке за стаканом чаю разбирал ход сражений и рассказывал о характерных эпизодах из жизни стрелков.

— Каждый солдат в душе уважает своего офицера, жаждет общения с ним, — говорил Рубенис. — Офицер, который не умеет или не желает откликнуться на это стремление, достоин сожаления. Открой солдату сердце — он полюбит тебя, как отца или брата, а попробуй держаться с ним надменно, обижать его — и ты не преодолеешь его сопротивления

никакими наказаниями.

Эти беседы помогли Карлу завоевать симпатии стрелков роты и уважение унтер-офицеров.

Рубенис брал его с собой в ночную разведку, учил, как ориентироваться в боевой обстановке, и, давая ему небольшие задания, приучал к опасностям и самостоятельным действиям.

После ожесточенных боев восьмого марта на фронте установилось затишье, лишь по временам прерываемое артиллерийскими налетами да обычной перестрелкой между позициями. На всем секторе фронта воинские части были заняты подготовкой плацдарма для предстоящих июльских сражений. Кое-какое разнообразие в монотонные будни позиционной войны вносили поиски разведчиков. Изредка патруль приводил пленного и приносил трофеи; иногда случалось, что кто-то не возвращался из разведки, кого-то отправляли в госпиталь. В болотистых лесах звенели топоры и лопаты, неожиданно прорывалась песня, распеваемая ротой, проводившей учение в ближнем тылу. Настоящих военных действий, артиллерийской канонады, страха Карл еще не испытал. Единственный случай непосредственного столкновения его с противником произошел в разведке, когда возглавляемый им патруль встретился с немецкой разведкой. Короткая перестрелка, удачный маневр под прикрытием темноты — и неприятельская группа была взята в плен: немецкого капрала, тяжело ранившего двух стрелков гранатой, закололи штыком, остальных трех немцев взяли с собой. Обычная, казалось бы, даже незначительная операция, а вот офицеры батальона после этого случая стали смотреть на молодого прапорщика как на настоящего, полноценного боевого товарища.

Подготовка плацдарма предусматривала развитие основных событий летом. Но батальон Карла не дождался этого: в начале апреля его перебросили на Остров Смерти [\[42\]](#).

Весенней ночью, освещаемой непрерывными разрывами немецких снарядов над Даугавой, батальон переправился через реку и три недели оставался отрезанным от внешнего мира на маленьком клочке земли, за обладание которым боролись две армии. Три недели под ураганным огнем артиллерии, под дождем мин и градом пуль; три недели в отравленном газом застенке, где под укрытиями ветер разносил трупный смрад, а с воздуха угрожали бомбы аэропланов; будучи не в состоянии уничтожить противника на земле, человек вел подкоп под его траншеи. Немцы почти ежедневно шли в атаку и всякий раз, истекая кровью, откатывались назад. Стрелки постепенно превратили траншеи в настоящую крепость.

На Острове смерти не было такого места, где бы не рвались снаряды и не проходила бы смерть. Каждая пядь земли была полита кровью.

И, несмотря на это, даже здесь, где грохот неба и стоны земли сливались как бы в предсмертную какофонию агонизирующего мира, — даже здесь человеку трудно было усидеть в подземном укрытии. Темной ночью, озаряемой лишь светом ракет, он вылезал из норы с винтовкой в руках и связкой гранат у пояса и подкрадывался к рассерженному зверю, свирепо выглядывавшему из-за мертвого поля. Подкравшись, тащил у него из-под носа приманку, ослепляя его залпом огня, бросал ему в морду обжигающую гранату, — как будто зверь и без того недостаточно был раздражен и взбешен. Затем человек убегал и скрывался в норе, наблюдая оттуда, как безумствует противник, как изрыгает на Остров огонь из пушечных жерл и рвет землю.

Каждую ночь разведчики совершали вылазки на ничейную полосу, которая местами была не шире предела досягаемости гранаты; следили за передвижением противника, перерезали проволочные заграждения и охотились за «языками». Да, теперь Карл Зитар узнал, что такое война. В ротах каждый день были убитые и раненые. Тела убитых до ночи лежали в окопах рядом с живыми, и ночами, белыми военными ночами, их переправляли на противоположный берег и хоронили.

Три недели на Острове смерти, три недели в резерве за Даугавой, где оглушенный затворник Острова, попав в условия тылового комфорта, мог немного оправиться от кровавого кошмара и постичь, из какого пекла он вырвался. И опять однажды ночью роты переправили на бревенчатых плотках через реку к роковому сторожевому посту, откуда многим не суждено было возвратиться.

Ансис Валтер служил в первой роте ефрейтором и командовал отделением. Прошлой осенью за бои под Слокой ^[43] он получил георгиевский крест. Карл Зитар иногда заходил к нему поболтать, в особенности, когда стрелки получали почту. Здесь, на фронте, разница в служебном положении не мешала их дружбе. Карл получал больше писем, чем Ансис: еженедельно писал Янка, изредка — отец, а Эльза в каждом письме интересовалась, когда же брат приедет домой на побывку, и упрекала за то, что не прислал ни одной фотографии. Но Карла все эти письма радовали меньше, чем коротенький застенчивый привет от Сармите, передаваемый через брата. Эти приветы, на которые он отвечал также через Ансиса, давали ему право написать Сармите, и временами он даже хотел это сделать, но не писал по той простой причине, что не знал, как это сделать. Послать сдержанно-вежливое письмо не хотелось. А

сказать все откровенно, как чувствовалось и думалось, мешала неопределенность отношений. Они ведь еще ни разу как следует не поговорили. Поэтому Карлу оставалось мечтать про себя и ждать того дня, когда можно будет самому поговорить с Сармите... если вообще придется еще встретиться: Остров смерти требовал все новых жертв.

В конце мая, в один из тех отчаянных ночных разведывательных походов, о которых стрелки рассказывают друг другу спустя много лет, патруль, возглавляемый Карлом Зитаром, захватил двух пленных и пулемет, а самого Карла ранило — осколок ручной гранаты вошел в бедро. До наступления рассвета его на лодке переправили через Даугаву и с первым санитарным поездом отвезли в Ригу. За эту операцию он был награжден георгиевским крестом и получил чин подпоручика.

2

Неделей позже в Зитарах получили письмо от Карла, он сообщал о ранении и просил, если случится okazия в Ригу, прислать ему кое-какие книги. Кому ехать к Карлу? Хотелось бы всем, но обстоятельства в этот момент сложились так, что никто из взрослых поехать не мог. У Эрнеста хорошо шла рыба: не хотелось упускать большой улов. Одна из лошадей Зитаров была занята на строительстве военной дороги, на второй капитан уехал выполнять гужевою повинность в Цесис. Пройти пешком солидное расстояние до Риги и обратно было не под силу женщинам, поэтому ни мать, ни Эльза не могли выполнить просьбу Карла.

— Значит, придется пойти мне, — решил Янка, находившийся дома на летних каникулах. Польщенный тем, что на его долю выпало такое важное поручение, он быстро собрался в дорогу и увязал в узелок книги для Карла. Мать дала ему немного денег и банку варенья, которую берегла всю зиму на случай, если Карл приедет зимой погостить. Эльза посоветовала купить в Риге пачку печенья и плитку шоколада: больные любят эти лакомства.

Наутро, еще затемно, Янка отправился в путь. Выйдя во двор и краем уха внимая бесконечным наставлениям матери, как вести себя в дороге и что рассказать Карлу, он увидел, как в одном из окон верхнего этажа зажглась лампа, и сразу же вспомнил о Сармите: она, вероятно, собиралась на работу. Жаль, что вчера не удалось рассказать ей про Карла и о том, что он сегодня идет в Ригу. Может быть, она поручила бы что-нибудь сказать ему или передать, а Карл, конечно, будет очень рад получить от нее весточку или еще что-нибудь. Янка вспомнил, что при расставании брат

просил передать ей тайком привет и, когда он это выполнил, как обрадовалась и смутилась курземская девушка. Не подняться ли наверх и не сказать ли ей?

— Иди, сынок, иди, чтобы к вечеру добраться до Милгрависа, — прервала его размышления мать. — Здесь изрядное расстояние.

Нет, не придется увидеть Сармите. Досадно, но ничего не поделаешь. Жаль! Карл будет ждать.

Поправив на спине узелок, Янка ушел. Выйдя на большак, он обернулся, словно поджидая кого-то, но никто не шел. С тяжелым сердцем, опечаленный и в то же время радуясь предстоящей встрече с братом, продолжал мальчик путь. Он был не настолько мал, чтобы не понимать, что означал привет Карла Сармите и ее застенчивая радость. Что он скажет брату? Промолчать или рассказать, как все было? Нет, Янка, так нельзя. Брат будет разочарован, и твое посещение не принесет ему радости. Лучше соврать: ложь, преследующая добрую цель, прощается.

С восходом солнца Янка подошел к небольшой речонке, по берегам которой раскинулись пестреющие цветами луга. Он свернул с дороги и нарвал большой букет синих и белых цветов. Перевязав их ниткой, Янка тщательно обернул букет газетой и бережно, боясь помять, положил в узелок. «Это от Сармите...» — решил он про себя, и на душе стало веселей. В ногах прибавилось силы, и верстовые столбы быстро замелькали на его пути. Пройдя некоторое расстояние, Янка встретил военные подводы, порожняком направлявшиеся в сторону Риги. Они довели его почти до самого Милгрависа. Еще до захода солнца маленький путешественник добрался до намеченного ночлега. Он заночевал у прежнего хозяина квартиры, а на следующий день отправился в город.

...Георгиевский госпиталь помещался в здании одной из гимназий, у красных амбаров рядом с толкучкой. По коридорам в серых халатах, с забинтованными головами и руками, прогуливались выздоравливающие. Некоторые ходили на костылях. Сиделки и санитары спешили по своим делам. Всюду слышалась русская речь.

Янка спросил у одного из раненых, где найти брата. Тот не знал, в какой именно палате он лежит, и посоветовал пройти в одну из больших палат. Янка вошел в обширный зал, где стояло около сотни коек. Воздух был здесь тяжелый. От смешанного запаха лекарств кружилась голова. Слышались стоны, бредили тяжело раненные. У многих сквозь марлевые бинты просачивалась кровь. Некоторые читали или разглядывали иллюстрированные журналы, другие беседовали между собой, а в самом конце палаты группа раненых, подсев к кровати одного из товарищей,

играла в карты. Над изголовьем каждой кровати, рядом с температурным листком, висели ордена, медали и кресты с георгиевской лентой, у некоторых только по одному кресту, у других целая гирлянда. Все эти люди смотрели в глаза смерти. Сердце Янки наполнилось гордым сознанием, что и брат его находится в этом госпитале: он не обычный воин, а герой, такой же, как эти бородатые мужчины и юноши, на лицах которых еще нет и признаков растительности.

Да, но где же Карл, почему его не видно? Взгляд Янки скользил по кроватям. А что, если ранение так изменило лицо брата, что его не узнать? Может быть, он среди тех тяжело раненных, лица которых забинтованы марлевой повязкой до самых глаз? Вернее всего, Карл, щадя родных, не написал всей правды о себе.

— Кого вы ищете? — спросила Янку по-русски пожилая сестра милосердия.

— У меня здесь лежит брат, Карл Зитар... — ответил тоже по-русски Янка и, вспомнив что-то, прибавил: — Прапорщик Зитар из латышского стрелкового батальона.

— Тогда пройдите в офицерскую палату, здесь лежат только солдаты, — пояснила сестра и подозвала санитару. — Семенов, отведите его в офицерскую палату к прапорщику Зитару.

— Прапорщик? В четвертой палате лежит какой-то Зитар, но он подпоручик... — ответил санитар.

— Латыш? — спросил Янка.

— Да, латыш.

— Значит, это он.

Офицерская палата находилась в противоположном конце здания. Янка, сильно волнуясь, следовал за санитаром.

— Вот здесь, — санитар приоткрыл дверь и, повернувшись направо, обратился к кому-то, лежавшему у дверей:

— Ваше благородие, к вам гость пришел.

— Пусть войдет, — услышал Янка ясный, ставший теперь чуть более резким голос брата.

Минутой позже они уже держались за руки и, улыбаясь, смотрели друг на друга.

— Ну садись, гость, — Карл указал на стул. — Рассказывай, что дома хорошего.

Янка развязал узелок и стал вынимать принесенные гостинцы.

— Это от Эльзы, это мама прислала. Вот тебе немного денег, может, понадобятся.

— Спасибо, это лишнее — я же получаю жалованье, — ответил Карл. — Смотри-ка, шоколад, варенье! Янка, ты ведь еще не обедал?

— Я в Милгрависе позавтракал, мне сейчас не хочется.

— Ничего, гостей принято угощать, — Карл нажал кнопку звонка и попросил вошедшую сестру принести чай. Нет, он нисколько не похудел, только лицо немного побледнело, а в остальном все тот же прежний здоровяк с могучими плечами и мускулистыми руками. Лишь поворачиваясь на кровати, он осторожно поднимал раненую ногу и стискивал зубы.

Янка поставил все на стол и чуть не забыл про цветы. Вспомнив о них, он вспыхнул, но не мог решиться отдать их брату. Не выпуская из рук серенький мешочек, он осматривал комнату, большие окна, еще две кровати, на которых тоже лежали раненые офицеры, громадный портрет царя, оставшийся с того времени, когда здесь помещалась школа. Взгляд Янки остановился на офицерском френче брата. На темных защитного цвета погонах и в самом деле виднелись две звездочки, а на груди — новенький орден на черно-золотой ленточке.

— За что это у тебя? — поинтересовался Янка.

— Да так... кое за что. Потом расскажу, а пока закусим.

Нечего делать, пришлось Янке попробовать принесенные им бисквиты и шоколад. Это было очень вкусно, и Карл, заметив это, усиленно угощал, радуясь его аппетиту. В общем, получилось, что Янка угостил себя предназначенными для брата лакомствами. Он сообразил все это значительно позже, и ему стало стыдно, а пока некогда было думать, уж очень бисквиты пришлись ему по вкусу, а рассказы брата о военной жизни оказались настолько интересными, что, слушая их, можно было забыть обо всем на свете. Карл умышленно ничего не приукрашивал, чтобы вновь не пробудить в Янке тоску по военной жизни. Он рассказывал о том, как стрелки мокнут в болотистых окопах, как кусают их насекомые, как случается, что несколько дней подряд приходится сидеть без еды, о трудных переходах с полной выкладкой на спине и бессонных ночах. Жизнь солдата — нелегкая жизнь, она никого не балует, и ежеминутно тебя подстерегает смерть.

— А как на Острове смерти? — спросил Янка.

Карл нарисовал ему такие картины, от которых мурашки забегали по телу: люди с оторванными головами, вырванными боками, из которых вываливаются наружу внутренности, юноши с изуродованными лицами, без носа и рта; люди, легкие которых отравлены ядовитыми газами, извиваются в страшных судорогах с кровавой пеной на губах, их мучения

может облегчить лишь смерть. Вороны и крысы терзают убитых, тела которых не успели похоронить. Даже живые пропахли трупами, люди живут в полубредовом состоянии. Постепенно они привыкают к опасности, потому что нет смысла бояться, если знаешь, что от нее нельзя избавиться.

— Но ты дома обо всем этом не рассказывай, — предупредил Карл. — Ведь я рассказал тебе правду, чтобы ты знал, какова война.

— А как ты сам переносишь все ужасы? — спросил Янка.

— Я себе все представлял несколько иначе. Но когда оказалось, что это не так, пришлось привыкать. Только привыкать нелегко, ох, нелегко! И я не желаю тебе испытать такое. Не стоит, Янка... Право, не стоит... Ну, а теперь рассказывай, что дома делается. Все там по-старому?

Янка сообщил обо всех домашних, кто чем занимается, какие он получил в школе отметки, и все, что его просили передать Карлу.

— Валтеры еще живут у нас? — спросил Карл, делая вид, что возится с больной ногой. — Все по-прежнему? Черт, что там с этим бинтом? Проклятый... А Сармите?.. Все так же работает на строительстве дороги? Придется позвать сестру, чтобы перевязала, — Карл повернул к брату покрасневшее лицо.

— Сармите?.. — Янка опять вспомнил про букет и, наконец, собрался с духом: — Сармите послала тебе это и велела передать привет.

— Да? Спасибо, — Карл нюхал цветы, стараясь скрыть улыбку, но глаза его весело сияли и дыхание стало неровным. — Передавай ей привет от меня.

— Хорошо, передам.

— Как она поживает, как ее заработки?

— Она работает на лошади.

— Вон что. А Эрнест... все так же целыми днями на море? Не завел себе невесту? Он же теперь взрослый парень.

— Как будто нет, я ничего такого не замечал.

— Так, так... Надо будет попросить, чтобы принесли свежей воды, а то цветочки завянут.

«Как хорошо я это придумал...» — решил Янка, видя радость брата, которую тот пытался скрыть. И хотя эта радость была результатом заблуждения, а волнение вызвано ложью, сердце Янки оставалось спокойным: Карл никогда не узнает, как это произошло.

Этим надеждам тут же пришел конец.

— Знаешь что, я напишу ей письмо, а ты передашь, — сказал Карл. — Я служил в одном батальоне с Ансисом, и он просил меня сообщить об этом сестре при встрече.

«Вот так влип!.. — забеспокоился Янка, когда брат достал блокнот. — Напишет ей про цветы, и все обнаружится. Что Сармите подумает? Придется ей все рассказать».

Пробыв еще около часа, Янка ушел, чтобы с последним парходиком добраться до Милгрависа, а утром отправиться домой.

На обратном пути не оказалось ни одной попутной подводки, и Янка, валясь с ног от усталости, лишь к вечеру третьего дня добрался домой. Когда, наконец, домашним все подробно было рассказано и прекратился нескончаемый поток вопросов матери, Янка вышел во двор и до тех пор вертелся там, пока не дождался Сармите.

— Я был в Риге у брата, — сообщил он ей. — Он лежит раненый в госпитале.

— Я знаю. Но почему ты не сказал мне, что идешь в Ригу?

— Да так...

— Я бы ему привет послала...

Янка чуть не рассмеялся от удовольствия.

— Я это сделал и без твоей просьбы. Ты не сердишься?

— Нет. Почему же? Но ты мог мне сказать об этом раньше.

— Не удалось. И вот еще что... только не вздумай рассердиться: я снес Карлу цветы.

— На так что же? — засмеялась Сармите. — Почему бы тебе не снести? Какой ты чудак!

— Да, но я сказал, что их прислала ты, потому что ему приятнее получить их от тебя.

— Ах, вот ты какой? — Сармите, густо покраснев, погрозила Янке пальцем. — погоди, я расскажу ему...

— Ради бога не делай этого. Если ты мне это обещаешь, я тебе что-то дам, — Янка показал письмо.

Сармите покраснела еще больше.

— А если это письмо опять дело твоих рук? — смеялась она.

— Честное слово, от него.

— Тебе теперь нельзя верить.

— Но я же тебе говорю. Да и потом, разве это мой почерк?

Добившись от Сармите обещания, что она будет молчать, Янка отдал ей письмо и убежал. Наконец-то все устроено, и маленький дипломат мог спокойно растянуться в кровати после тяжелых трудов.

«Все будет хорошо, — думал он, — я поступил правильно. Ведь я понимаю, что у них на уме. Они еще когда-нибудь поблагодарят меня...»

После шести недель, проведенных в госпитале, бедро Карла Зитара зажило. Прошел почти целый год, как он не видался с родными, трудный год солдата, проведенный в ученье и боях. Поэтому легко понять радость Карла, когда главный врач госпиталя предложил ему пойти в двухнедельный отпуск. Батальон стоял еще на Острове смерти, но, по слухам, скоро должен был отправиться на отдых вместе с другими латышскими батальонами, которые собирались переформировать в полки.

Кое-как, то с воинскими обозами, то на крестьянских подводах, а иногда и пешком, добирался молодой офицер домой. Свой багаж он оставил у знакомых, взяв с собой лишь самое необходимое. Стояла та летняя пора, когда по утрам море дымится и клубы тумана, переползая через поросшие соснами дюны, просачиваются на приморские луга.

Утром, примерно во время завтрака, Карл проходил мимо корчмы Силакрогс. Из конюшни доносились голоса солдат, но из семьи Мартына никого не было видно. С хуторов, спрятанных в белесом тумане, слышалось пение перекликающихся между собой петухов, где-то лаяла собака, с выгона доносилось мычанье коров и окрики пастуха. По ту сторону дюн тихо шумело море.

Карлу вспомнились утренние часы прежних лет, когда рыбаки возвращались домой с ночного промысла. Над морем стоит густой белесый туман, похожий на дым. Спокойная поверхность моря так тиха, что напоминает большой пруд. Равномерно вздымаются и опускаются в сильном взмахе весла, и где-то справа и слева слышатся голоса других рыбаков. Водная гладь, скрытая от глаз молочно-белой дымкой, живет невидимой жизнью. Но вот в одном месте мгла розовеет, озаряется сиянием. Сияние это постепенно ширится, и часть моря начинает светиться бледно-золотистым мягким светом: это восход солнца. Там восток, и рыбаки поворачивают свои нагруженные сетями лодки навстречу солнцу. С берега доносятся голоса встречающих: «Эй, наши, что ли?» И вот уже сквозь редяющие облака тумана можно различить силуэты дюн, неестественно увеличивающиеся вследствие рефракции. Все словно висит в воздухе, и фигуры людей на берегу кажутся доисторическими исполинами. «Эй, ребята, кто едет?»

...На лугу у реки звенят косы. Три белые фигуры, двигаясь наискосок шагах в десяти друг от друга, гонят прокосы в гору. Карл присел на камень и закурил. Все ближе и ближе косцы. Из тумана появляется сначала фигура

отца, за ним идет Эрнест, а позади всех старый Криш остановился поточить косу. Они не замечают Карла. Вот прокос отца дошел до самой дороги. Старый Зитар остановился, выпрямил спину и тыльной стороной ладони смахивает со лба пот. До Карла доносится легкий вздох.

— Бог помочь, отец, — говорит Карл, вставая. — Хорошо берет коса? Помощники не требуются?

— Смотри-ка, наш воин вернулся! — капитан кладет косу на обочину дороги и, улыбаясь, направляется к сыну. Спокойно, как полагается мужчинам, пожимают они друг другу руки. Отец чихает и трет большим пальцем угол глаза. А Карл старается подавить радостную улыбку.

— Ну-ка, затянись солдатским дымком!..

Пока они курят, Эрнест докашивает до дороги, узнает брата, но не спешит приветствовать его. Он сначала вытирает пучком травы косу, точит ее и только тогда подходит и протягивает руку.

— Здорово, офицер! Вовремя явился — одним косцом больше. Только тебе этот френч придется оставлять дома, не то солдаты, проходя мимо, увидят, что их благородие заняты мужицкой работой.

Карл чувствует насмешку в голосе брата, но она его не задевает: Эрнест всегда был таким, неумелым на шуточки.

Подходит Криш, и все садятся, курят. Говорят о сенокосе, рыбной ловле, об урожае яблок, но никто не спрашивает о главном: как Карл чувствует себя и как он воевал. Карлу понятно, почему этих вопросов не задают сейчас: они слишком значительны, чтобы о них можно было балагурить так, между прочим, на дороге. Нужно в тихий вечерний час собраться всей семьей дома за столом — и это будет похоже на маленький светлый праздник, где каждый почувствует, что в семью вернулся близкий, родной человек, принесший с собой отголоски далеких событий.

— Ну, шагай домой, мы скоро кончим, — говорит отец, берясь за косу.

Дома, где остались только женщины да Янка, Карла ожидает более бурная встреча. Женщины плачут, гладят по плечу, окидывают радостными взглядами, засыпают вопросами. Первой приходит в себя Эльза и убегает, чтобы привести в порядок комнату брата; мать спешит на кухню. А Янка застенчиво льнет к брату. Узнав, что брат прогостит дома целых две недели, мальчик успокаивается: они ведь будут спать в одной комнате, и у них хватит времени поговорить обо всем как следует.

— Братик, я твое письмо передал, — шепчет Янка, поймав взгляд брата, украдкой брошенный на окна верхнего этажа.

— Вот и хорошо... — улыбается Карл. Он обходит двор, все осматривает, заглядывает в сад, где на ветках яблонь уже заметны зеленые

завязи, но робкий и полный тоски взгляд его упорно возвращается к верхним окнам. И Карлу кажется, что в доме стало пусто, и далека и непонятна радость родных по поводу его возвращения. За столом он старается сосредоточиться, вслушивается в вопросы матери и слова отца, рассказывает о том, как прожил этот год, но мысли его не здесь. Он представляет себе милое сердцу лицо, которого нет сейчас в большой комнате Зитаров.

После обеда Карл идет навестить Зиемелисов. Посидев там часа два, он заходит в корчму к крестному отцу. Мартын велит зажарить индейку и принести из погреба сладкое пиво, какого нет ни в одной корчме на большаке. Миците по-детски кокетничает со взрослым двоюродным братом и показывает ему альбом своих рисунков. В этом доме все такое пестрое, светлое, жизнерадостное, начиная с новых обоев и кончая платьем Миците и золотой цепочкой на внушительных размеров животе трактирщика. Щебечет избалованный ребенок, которого все уже называют барышней. Поев, сытно рыгает здоровяк отец и, посасывая сигару, вздыхает об ужасах войны:

— Здорово достается ребятам!..

Только Анна находит несколько теплых слов и, слушая рассказы Карла о Тирельских болотах [\[44\]](#) и Острове смерти, роняет искреннюю слезинку.

Когда Карл собирается уходить, Мартын сует ему в руку крупный кредитный билет:

— Возьми, крестник, пригодится. Вы ведь там за нас всех воюете.

Он откупается деньгами, этот деляга, расплачивается за кровь, пролитую воинами, кредиткой, пытаясь хоть таким путем приравнять себя к ним. Он тоже завоевывает будущую победу. Один из Зитаров воюет — его заслуги, его жертва принадлежат всем Зитарам.

Дома Карла ждет Эльза. Она сияет и полна каких-то новых переживаний.

— Я тебе снесла наверх воду в тазу. Помойся и приходи вниз поболтать.

Карл улыбнулся вниманию сестры: он на самом деле сегодня не умывался, а лицо его покрыто дорожной пылью. Эх, с каким удовольствием растянулся бы он сейчас на своей кровати, в изголовье которой воткнуты свежие березовые ветки, а возле нее на столе в глиняном кувшине благоухают цветы. Закинуть руки за голову и забыть все фронтовые ужасы и тревоги, забыть шум сражений, реки крови и смертельные схватки — все то, к чему предстоит в скором времени вернуться. Здесь так хорошо, тихо, спокойно. Из сада доносится легкий шелест яблонь, шумит море за

дюнами, струится живительный воздух, наливаются нивы, по берегам реки пасется скот, и во всех уголках кипит плодотворный труд. Каждый волен избирать себе любое занятие: пахать землю или постигать науки, производить ценности и украшать жизнь. Здесь по ночам не звучат сигналы тревоги, не рушатся стены и не уничтожается то, что создано трудом человека.

Сармите... маленькая Сармите. Карл бродит по саду и не спускает глаз с большака. Но когда показывается ее подвода, он поднимается в свою комнату и до наступления темноты не осмеливается спуститься во двор. Больше всего на свете ему хочется увидеть глаза Сармите, слышать ее голос. Но что-то его удерживает. Что это — юношеская застенчивость или страх взглянуть действительности в глаза, боязнь возможного разочарования?

4

Первую неделю отпуска Карл каждое утро отправлялся с мужчинами на покос. К вечеру во двор Зитаров въезжали, тяжело покачиваясь, пышные возы сена. Сеном завалили до самого конька сеновал над коровником, чердак жилого дома и старый сарай. В полдень братья ходили на море купаться, а вечерами, после окончания работы, Эльза водила Карла гулять. И каждый раз он должен был обязательно надевать офицерский мундир. Эльзе хотелось бы, чтобы сбоку у него висела сабля, но Карл шутливо отвечал, что в таком далеком тылу он и без оружия чувствует себя в безопасности.

Сармите он видел лишь два раза, вечером, и всегда при этом были посторонние. Эрнест умышленно вертелся около них и, чтобы оправдать свое присутствие, выдумывал всякие предлоги. Эльза не отходила от брата, воображая, очевидно, что является самым подходящим обществом для Карла, и боясь, как бы за этот небольшой срок кто-либо другой не отнял у нее права первенства на дружбу брата. Она ревниво оберегала его от непрошенных посетителей, сердилась даже на Янку, который не дает покоя Карлу и мешает ему отдохнуть. Заботливость Эльзы порой граничила с тиранией. В конце концов, должна же она понять, что брат достаточно взрослый человек для того, чтобы самому заботиться о своем покое и удобствах. Но Эльза не понимала, а сказать ей об этом не позволял характер Карла.

Возможно, что так и прошел бы весь отпуск, если бы Эльза не

переполнила чашу терпения Карла. Это произошло в середине второй недели. С уборкой сена покончили, и Карл был свободен. Убедившись в том, что дома ему не удастся спокойно поговорить наедине с Сармите, он, выяснив предварительно у Янки, где работают дорожные рабочие, собрался вечером встречать Сармите. Если бы удалось встретить ее в лесу, за рыбацким поселком, они, возвращаясь, целый час могли бы провести наедине.

После обеда Карл оделся и направился было к морю, чтобы не навлечь на себя подозрений домашних. Эльза увидела его из окна.

— Ты на взморье?

— Да, хочу прогуляться до соседнего поселка...

— Подожди меня.

«Проклятие! — раздраженно подумал Карл. — Как от нее отделаться?»

— Ты пойдешь купаться? — спросил он у Эльзы, когда она его догнала у дюны.

— Нет, я уже купалась. Я в нынешнем году не бывала нигде дальше нашего поселка. Хорошо, что ты надумал пройтись.

Карл нервно покусывал губы.

— Тебя это не утомит? Не устанешь? Я пойду по-солдатски — полным шагом.

— Не пугай, не пугай, братец! Посмотрим, кто быстрее... — усмехнулась Эльза. И она бодро зашагала, не отставая от брата.

Нет, таким способом от нее не отделаешься, она потащится за ним до соседнего поселка, а там уже будет поздно идти встречать Сармите. Миновав шалаши для сетей, принадлежавшие местным рыбакам, Карл остановился.

— Чего мы бежим как на пожар? Давай лучше посидим здесь и полюбуемся морем, — произнес он, отыскивая глазами гладкий камень, где бы можно было присесть. Он надеялся, что сестре надоест торчать на пустынном берегу, где их никто не видит.

Но прошло полчаса, а Эльза не выражала никаких признаков недовольства. Чтобы встретиться на дороге с Сармите, Карлу нужно было сейчас же идти.

— Может, вернемся? — предложил Карл.

— Можно, пожалуй, — Эльза поднялась одновременно с ним.

— Знаешь что, я заверну в поселок и загляну к Зиемелисам. А то еще скажут, что загордился...

— Да, ты прав, я тоже давно у них не была, — согласилась Эльза.

Следуя за братом, она, в своей обычной насмешливой манере,

произносятся слова немного в нос, небрежно, словно на таких людишек не стоило тратить слов, стала поносить Зелму Зиемелис.

— Прикидывается святошей, мухи не обидит. А на самом деле просто растяпа. Не умеет ни танцевать как следует, ни с людьми поговорить. За ней еще никто не ухаживал. Она-то бы рада, заглядывается кое на кого, да на нее не очень-то зарятся. Ждет, что я ее стану брать с собой на вечеринки, а я делаю вид, что не понимаю. Куда с такой пойдешь? Сидит и молчит как рыба, даже неудобно. Она ужасно завидует мне, что у меня много знакомых офицеров.

— Почему ты так думаешь?

— Да это же видно по глазам.

Убедившись, что сегодняшняя прогулка пропала впустую, Карл медленно шел лесной тропинкой, собирая чернику и слушая чванливую болтовню сестры. Она обо всем говорила насмешливо и зло, как будто кроме нее, обладающей всеми положительными качествами, мир был населен глупцами и ничтожествами.

Сквозь просветы между соснами уже виднелся большак. Послышался грохот телеги. Это возвращалась Сармите. Карл почти ненавидел сестру за ее назойливость и мысленно адресовал ей далеко не лестные пожелания, в то время как она продолжала болтать, не замечая угрюмого вида брата.

Эльза тоже заметила Сармите, и ее губы опять искривила насмешливая гримаска.

— Наша сизая голубка... — усмехнулась она. — Такой послушный ребенок у мамочки, что ужас. Ездит на работу, хлеб зарабатывает. Ха-ха-ха!

— Что в этом смешного? — Карл посмотрел Эльзе прямо в глаза.

— Не люблю людей, которые стараются казаться лучше других.

«Ты хотела сказать: которые лучше тебя...» — подумал Карл.

— Стараются казаться?! — спросил он вслух.

— Ну да. Каждый вечер вылизывает свою комнату, пишет братцу письма, только и знает, что беседовать с мамочкой об Ансисе. А сама позволяет на работе саперам щипать и тискать себя.

— Ты видала?

— Да там все только этим и занимаются. Больше любезничают, чем работают.

— Ты сама видала? — повторил Карл более резко.

— Нет, что мне там делать! Но ведь все знают и без этого.

— Ты слишком своеобразно оцениваешь людей...

— Надо уметь наблюдать за ними. Взять хоть эту самую Сармите. Молоденькая девчонка, ей бы еще за материнскую юбку держаться, а она

хищная, как кошка. Уже исподтишка строит парням глазки. И на тебя тоже заглядывается. Как-то однажды пронюхала, что я собираюсь писать тебе письмо, сразу такой лисичкой прикинулась: напишите, мол, привет от меня. «Хорошо, хорошо», — пообещала я, а потом обдумала все и не написала. Ты, братец, будь с ней осторожен. Она ловкая.

Карл молчал всю дорогу до самого дома. К Зиемелисам они так и не зашли, а вернувшись домой, Карл сразу поднялся к себе и написал Сармите следующую записку:

«Если можете, придите сегодня вечером на взморье к последнему шалашу в сторону Риги. Буду ждать между 11 и 12 часами.

К. Зит.»

Через полчаса Янка сообщил брату, что поручение выполнено.

— Она сразу же прочла записку? — спросил Карл.

— Нет, спрятала за блузку.

— Не рассердилась?

— Немного удивилась, но ничего не сказала.

— Значит, все хорошо.

«Голубка... Как идет к тебе это определение! Гораздо лучше, чем представляет себе это моя насмешница-сестра. Придешь или нет? Сможешь или не сможешь прийти?»

...Ночью он ждал ее на темном берегу. Она пришла, улыбаясь ему издали и смущаясь оттого, что явилась на его зов.

Когда Карл взял ее руку в свою, он почувствовал, как она вся дрожит. Дрожит, улыбается и лишилась вдруг голоса. Она отвечала на вопросы Карла кивками головы и счастливыми вздохами, отвечала всем своим юным существом. Но он не сказал ей, как горит его сердце, не находил ни одного подходящего слова для выражения обуревавших его чувств.

— У Ансиса теперь георгиевский крест и одна лычка на погонах, — сообщил Карл.

— Да, он, кажется, здорово держится, — ответила Сармите. — И у вас тоже крест. За что вы его получили?

— За разведку и привод пленных. Скажите, а как там, в лесу, на дорожных работах, десятники не очень сильно притесняют, не кричат на рабочих, не ругаются грубыми словами?

— Всякое бывает. На иных никогда не угодишь, вывези хоть десять полных возов, он все равно будет кричать, что мы лодыри и обманываем казну. А есть среди них и неплохие люди. Техник иной день совсем не является на дорогу, зато табельщик бегаёт каждые два часа и со всеми ругается. Он хочет казаться выше инженера. Русские солдаты всегда его

разыгрывают.

Разговор их перешел на предстоящее освобождение Курземе и всякие случаи из жизни военных лет. Карл сердился на себя, что серьезными темами преграждает путь интимному объяснению, и с беспокойством посматривал на занимавшуюся над верхушками деревьев утреннюю зарю. Наступит утро, а он так ничего и не успеет сказать. В следующий раз он не сможет пригласить Сармите на свидание.

— Вам рано вставать, — напомнил Карл. — Не выспитесь.

— Это ничего. Только бы мама не проснулась, пока меня нет...

— Она у вас строгая? — улыбнулся Карл.

— Совсем нет. Она меня знает.

— Значит, вы сами строгая?

Сармите улыбнулась, ничего не ответив. Слегка дрожа от утренней свежести, она, укутавшись в платок, сидела на скамейке для сетей и смотрела в море, откуда уже поднимался туман. Карл молча глядел на ее профиль, на сжавшуюся в комочек фигуру и маленькие руки, придерживающие на груди платок. О чем думала она в этот предрассветный час? Как истолковывала его присутствие? На что надеялась, или чего боялась?

Пройдет ночь — и, может, больше не удастся быть вдвоем, через несколько дней ему нужно будет уезжать.

И неизвестно, вернется ли он. Но какая она милая, покорная, тихая, эта маленькая, чудесная Сармите! Скажи, наконец, ей, что ты намеревался сказать, пока еще не поздно!

Карл закурил папиросу, затянулся раза два и бросил. Сейчас он заговорит, выяснит все. Сейчас откроется ему счастье или гибель всей жизни. Но почему вдруг стало так жарко? Почему перестало биться сердце?

— Сармите... — неужели это его голос, и что это творится вокруг? Почему все звучит так незнакомо: шум моря, утренний ветер? Кажется, что это не он, Карл Зитар, берет руку Сармите и с вымученной улыбкой смотрит на нее. Это кто-то другой, а он лишь наблюдает за ним со стороны. — Сармите... — словно во сне он нежно обнимает ее плечи и все ниже и ниже склоняется к ее пылающей щеке. Прильнув лицом к ней, он замирает в ожидании и не может понять, почему его не отталкивают, почему эта теплая щечка не избегает его прикосновения. Неужели она действительно... Он не верит этому, но сон продолжается: его губы нашли губы Сармите, и она робко отвечает на поцелуй. Он способен теперь плакать и смеяться, упасть к ногам Сармите и перевернуть вверх дном

большую моторную лодку. Нежность и буйство перемежаются в нем. Его сильные руки поглаживают пальцы Сармите так нежно, словно их касается легкое дыхание, но ему и это прикосновение кажется грубым, способным причинить ей боль.

— ...Сармите, маленький Сармулит, ты не сердишься на меня?

Она отрицательно качает головой, и тогда он видит пару сияющих глаз и немного шаловливую улыбку. Удивительно, откуда у него появились такие нежные ласковые слова? Никогда прежде он так не говорил.

— Сармите...

— Да, Карл...

Он еще раз целует девушку, и они молча сидят, сблизив головы, как две озябшие птицы, до тех пор, пока из-за дюн не раздается утреннее пение петухов. Сармите высвобождается из объятий Карла, вскакивает и приглаживает волосы.

— Надо идти домой, скоро все проснутся.

— А завтра вечером... Сармите? Еще только три вечера...

— Жди меня. А теперь — до свидания.

Еще один, последний, поцелуй, крепкое рукопожатие — и она бежит через дюну, оглядывается, улыбается и исчезает из глаз Карла. А он, словно охмелев, блуждает по берегу моря, разговаривает сам с собой, улыбается своим мыслям и по-мальчишески швыряет далеко в море гальку. В его жизнь вошло что-то новое, небывалое.

Никто не узнал об их прогулке. Может быть, о чем-то догадывался Янка, но и он сделал вид, что ничего не заметил. Еще один вечер и еще один, затем старый Зитар истопил баню, чтобы воин вымылся, прежде чем отправиться на поле боя.

И в понедельник утром Карл уехал.

Янка продолжал учиться — этой осенью он пошел в последний класс прогимназии. Карл после отпуска вернулся обратно в батальон, все еще находившийся на Острове смерти. В сентябрьском наступлении германская армия применила отравляющие газы и полностью уничтожила целый пехотный полк. Второй Рижский батальон восемь дней находился под газами и потерял множество людей. Под ураганным огнем противника, в отравленном воздухе, не снимая с лица противогазы, дрались и умирали стрелки. И назло немецкому упорству и непрекращающимся атакам Остров

смерти держался, представляя собой маленькое, но опасное жало в теле германской армии, заграждая путь в обход Риги и угрожая войскам Вильгельма II прорывом фронта. Три недели на Острове, три в резерве — так прошло все лето 1916 года на этом уголке Северного фронта, справедливо названном вторым Верденом [45].

После кровавых и безрезультатных июльских боев под Кекавой, где царские генералы принесли в жертву боевому эксперименту жизнь и здоровье тридцати тысяч солдат [46], моральное состояние армии заметно упало, и на всем фронте почувствовалась усталость. Кое-где уже поговаривали об измене. Рига кишела шпионами, в штабах армии и в военных учреждениях сидели предатели, и в тылу двенадцатой армии образовался второй, невидимый, неприятельский фронт, более безжалостный и опасный, чем тот, что наступал с юга и запада. Щупальца предательств тянулись кверху, добираясь до царского двора и ставки верховного главнокомандующего.

Наконец, латышские стрелковые батальоны отвели в тыл, чтобы после отдыха переформировать в полки.

Как-то в послеобеденное время, занимаясь в своей комнате уроками, Янка Зитар услышал далекую песню. Ее пели сотни людей, пели слаженно, громко, и эхо отдавалось на всех городских окраинах. Янка захлопнул книгу, оставил открытой тетрадь и выбежал на улицу.

Копья на солнце сверкают,
И трубы гремят далеко...
В Ригу седую вступает
Полк отважных латышских стрелков.

Земля гудела под мерным шагом тысяч ног. Где-то по главной улице шла серая колонна, покачивались ряды штыков, ритмично поднимались и опускались ноги, размахивали руки, в лучах осеннего солнца поблескивали котелки. Рота за ротой, взвод за взводом, с офицерами на конях, с обозами позади, — так после целого года отсутствия возвращался к месту своего формирования латышский батальон. Уходили веселые, беспечные юноши, возвращались закаленные в боях воины. Многих уже не было среди них, в рядах виднелись незнакомые лица. Но Янка узнавал их, знакомых и незнакомых. Что-то всколыхнулось в груди, и, не зная, как улыбнуться этим сотням возвращающихся, он, счастливый, стоя на панели, приветственно махал рукой.

Вот шагает рядом со своим отделением Ансис Валтер с «георгием» на груди и двумя унтер-офицерскими нашивками на погонах. А вот впереди роты выступает высокий офицер, совсем еще юный, левую руку он заложил за борт шинели. Из-под фуражки выбиваются пряди густых светлых волос. Он, сдержанно улыбаясь, смотрит вперед. Это же Карл! Янку ничто уже не может удержать на панели. Он бежит навстречу, машет брату рукой, но тот его не замечает, и тогда он подскакивает к Карлу, хватая за руку.

— Здорово! Ты что, ослеп, что ли?

— А, ты... — улыбается Карл, не останавливаясь. — Здорово, здорово! Ты опять в Милгрависе? Там же, где всегда? Я вечером зайду к тебе, будь дома.

Янка еще немного идет с ним рядом, но чувствует, что нарушает строй, и на перекрестке, где рота поворачивает к своим квартирам, останавливается у забора и глядит вслед удаляющимся стрелкам: большая часть их идет в Зиемельблазму, пулеметчики и разведчики отправляются в дом волостного правления. Гремит оркестр, слышатся песни, на тихой окраине пробуждается новая жизнь. И Янка предвкушает: наступят прекрасные, незабываемые дни.

...У стрелков начался отдых и одновременно тяжелый труд. Батальон пополнился новыми маршевыми ротами, увеличилось количество штыков, и образовался полк, один из тех, которые впоследствии выдержали большое количество сражений и понесли большие потери. Теперь Карл Зитар командовал ротой. Каждый раз, когда он со своей ротой выходил на утреннюю прогулку или на учение в сосняк, Янка сопровождал его. Напрасно Карл отсылал его в школу.

— Не беспокойся, я наверстаю пропущенное, — заявлял Янка.

Разве можно теперь сидеть в классе и слушать, что говорит учитель, когда на улицах звенят песни стрелков, доносящие сюда дыхание войны с Острова смерти! Нет, на это он неспособен.

Чтобы не мешать брату обучать роту, Янка отыскал себе друзей среди молодых стрелков. В полку были три мальчика-подростка. Янка подружился с ними с первого дня и весь досуг проводил в казармах. Слушал рассказы стрелков, ел солдатские щи и вместо геометрии изучал винтовку.

Напрасно старались учителя удержать мальчиков. Ребята целыми днями не являлись в школу. Их не огорчали ни классные взыскания, ни нотации. В эти дни авторитет учителя сводился к нулю. Он казался просто ничтожеством по сравнению с бравыми парнями, марширующими по

улицам. Стоило лишь раздаться звукам военного оркестра и чеканному шагу марширующих солдат, как все мальчики кидались к окнам и высовывались на улицу. А однажды, в день, когда вновь созданный полк пошел на парад, из класса во время занятий дезертировала половина учеников. Не помогли ни окрики учителей, ни угрозы, ни увещевания — мальчишки, схватив книги под мышку, надели спрятанные в партах фуражки и без оглядки ринулись по лестнице.

Разве может парад пройти без них! Парад, на котором будут раздавать ордена и георгиевские кресты и зачитывать списки повышенных в чинах! Пусть исключают из школы, пусть пишут записки родителям и наказывают сколько угодно — никто не имеет права лишить их этого удовольствия.

Учителя еще мирились, пока с уроков сбегали отпетые озорники, но когда за поведение пришлось поставить тройку Янке Зитару, лучшему ученику класса, задумались и самые строгие педагоги.

— Это эпидемия!

Все зло заключалось в том, что с этим нельзя было бороться, так же как нельзя прекратить войну и запретить озорные песни, задевавшие за живое достоинство многих почтенных обывателей. Стрелки, например, не могли пройти мимо дома пастора без того, чтобы не пропеть:

Разве, братцы, не чудно, не чудно, не чудно —
Влезли к пастору в окно, да, в окно — да!

Поди жалуйся на них начальству, если хочешь, — все равно не поможет.

6

— Когда полк уходит на позиции? — спросил Янка у Карла.

— Неизвестно. Такие приказы получают в последний момент. Думаю, не раньше ноября.

— Я тоже пойду с вами, — заявил Янка. — Я это сделаю во что бы то ни стало.

— Не знаю, как тебе это удастся, — усомнился Карл.

— Уж как-нибудь сумею, не беспокойся, тебя не затрудню, — в голосе Янки прозвучала плохо скрытая обида.

— За что же ты сердись на меня? — улыбнулся Карл.

— За то, что ты не настоящий парень.

— Ну?

— Да, именно, — вскипел Янка. — Помнишь, мы прошлым летом говорили с тобой? Уезжая, ты мне обещал узнать все и устроить, чтобы и я тоже мог... А сейчас ты делаешь вид, будто ничего не знаешь.

— Янка, милый, да ведь это не от меня зависит. Я не имею права принять тебя в свою роту, а приказать полковнику не могу.

— Если бы ты замолвил словечко, он бы принял. Тебе жалко. Или, может, ты стесняешься, что у тебя, офицера, будет брат рядовой?

— Не говори глупостей.

— Почему ж тогда ты не хочешь помочь мне?

— Потому, что неладное ты затеял. Мне ничего другого не остается, как продолжать войну, а тебе это ни к чему. И еще потому... — голос брата стал тише, задушевнее, — еще потому, что нельзя наших дома оставлять без сыновей. Ингус уехал, я могу не вернуться с фронта, а Эрнест... Ты отлично знаешь, чего стоит Эрнест. Успокойся, Янка, ты ничего не теряешь, оставаясь дома. Достаточно и той крови, что мы волей-неволей проливаем на радость царю-батюшке, — он мрачно усмехнулся.

Янка замолчал, но от своего намерения не отказался. Возможно, брат и прав, но это еще не причина, чтобы позволить отговорить себя.

«Если у Карла такие взгляды, — решил Янка, — я ему больше ничего не буду говорить, а поступлю так, как сочту нужным. Хоть бы полк скорей отправлялся на позиции. В ноябре? Торчи еще целый месяц в школе».

В полку служили три мальчугана того же возраста, что и Янка. Возможно, по этой причине и не угасала в душе Янки тоска по фронту, а постоянно подогревалась. Почему они служат, а он не может? Почему их приняли, а его не примут? Ерунда! Нужно только захотеть, и все будет в порядке. Полковник совсем не такой сердитый, как кажется. Те трое тоже ходили проситься в штаб, а старый командир, как лев, на них накинулся: «Нет и нет! Дети не воюют!» Но разве они испугались? Ничуть! Спокойно отправились вместе с батальоном на позиции. Их отослали по этапу обратно в Ригу. Они опять бежали на фронт, разыскали стрелков у Даугавы и, когда батальон ночью переправлялся на Остров смерти, тайком присоединились к нему. Они под огнем противника провели на Острове три недели, и наконец полковник сдался, махнул на них рукой и разрешил остаться. Упорством, и только упорством, можно чего-нибудь добиться.

Узнав, что до отправки полка времени еще много, Янка возобновил занятия в школе и, казалось, вернулся к прежнему нормальному образу жизни. Тройка за поведение заменилась пятеркой, и за короткий срок Янка

наверстал все упущенное. Этот стратегический маневр должен был усыпить бдительность брата, домашних и в нужный момент помочь осуществить намеченное.

...У стрелков дни проходили в напряженных строевых учениях. В лесу на дюнах, за кладбищем и Зиемельблазмой, они упражнялись в метании гранат и преодолении проволочных заграждений. Офицеры рассказывали бойцам о новых приемах боя и проводили с ротами тактические занятия. По всему чувствовалось: готовятся решающие бои. На эту мысль наводили и многочисленные вечеринки, устраиваемые чуть не каждый день. Стрелкам разрешали повеселиться, пожить беспечно, отвлечься от ужасов Острова смерти, чтобы они не противились, когда их пошлют на трудное дело, откуда очень многим не суждено вернуться. Бравые ротные сотни, беззаботные сорванцы со сдвинутыми на затылок фуражками, элегантные прапорщики и закаленные на службе ротные, — увидим ли вас после рождественской кровавой бойни? Не один из вас останется в Тирельских болотах и у Пулеметной горки [\[47\]](#). Пожалуй, для большинства из вас это последние радости, последние танцы в просторном зале Зиемельблазмы, и последними поцелуями награждают вас ласковые девушки в темные осенние вечера.

Гремят трубы, грохочут барабаны, нежно поют флейты, кружатся пары — офицеры бок о бок с простыми солдатами. И старый полковник задумчиво смотрит на свой полк. Поднимается занавес, и со сцены сыплются остроты, звучат куплеты. И опять музыка. Шумит последний карнавал. Может быть, это увертюра к какой-то героической драме.

В один из дней стрелкам выдали новые овчинные полушубки и зимние шапки. Люди возвращались из отпусков, и кругом все настойчивее поговаривали о скорой отправке полка на позиции. Уже намечен был день, уже одну из вечеринок называли последней, и стрелки собирали отданное в стирку белье. И наконец, как-то утром знакомый унтер-офицер сообщил Янке:

— Говорят, что мы сегодня уходим.

Янка немедленно отправился к Карлу.

— Это верно, что полк сегодня отправляется?

— Неизвестно, — уклончиво ответил Карл. — Вернее всего, нет, иначе командир полка сказал бы об этом офицерам.

Но когда Янка, делая вид, что уходит в школу, попрощался с братом, долгое, крепкое рукопожатие Карла и его сердечный взгляд рассеяли все сомнения: это было расставание! Они уходят... «Но не без меня», — решил Янка.

В то утро мальчик не пошел в школу. Весь день он провел в помещении одной из рот, стрелки которой считали его своим и даже готовы были зачислить в личный состав роты. Янка здесь же пообедал и собирался пробыть до вечера, когда вдруг пришел ефрейтор и сообщил, что сегодня вечером в «Блазме» [\[48\]](#) опять состоится вечеринка. Стрелки встретили эту весть с большой радостью, некоторые тут же принялись начищать сапоги и бриться, а Янка, огорченный, собрал книги и отправился домой. К чему такая проволочка? Кому нужна эта дурацкая вечеринка? Жди и томись. И нет никакой уверенности, что полк не уйдет потихоньку без тебя на фронт. Это было бы совершенно непростительно.

Опечаленный, он уселся вечером за книги.

Но недолго пришлось Янке ждать. Возбужденное настроение стрелков, подозрительно оживленная деятельность офицеров и скрытность Карла указывали на то, что роковой момент близок.

И вот как-то ночью...

Глава шестая

1

Ничто не предвещало, что этот день будет не таким, как предыдущие. Утром стрелки, как обычно, вышли в лес на прогулку, опять в дюнах слышался шум трещоток, изображающий пулеметные очереди, дымили полевые кухни, и вечером бойцы с котелками выстроились в очередь за супом. Никто ничего не знал и не говорил. В обычное время прозвучал сигнал на вечернюю поверку.

Янка сидел за уроками до десяти часов. Затем, проверив, в порядке ли приготовленный тайком вещевой мешок, спрятал его под кровать и погасил лампу. Он долго не мог уснуть, что случилось в последнее время довольно часто. Он думал о побеге из дому, о предстоящем разговоре с командиром полка и солдатской службе. Временами его одолевали сомнения в благополучном исходе дела, в особенности, когда он вдумывался в подробности. Но он гнал эти мысли и рисовал себе будущую фронтовую жизнь: представлял, как интересно в окопах, видел себя в землянках среди стрелков, ходил в разведку, стоял на опасном секретном посту в белом маскировочном халате, с легким карабином в руках. Минутой позже он вместе с ротой мчался в бурную атаку, прямо через проволочные заграждения, искусно прятался за соснами и, прижавшись к земле, обстреливал неприятельские цепи. Каждый выстрел попадал в цель. Так же метко стреляли и его товарищи, залпы стрелков косили ряды врагов, как траву, ручные гранаты разрушали окопы и блиндажи противника.

Вот немецкий пулемет в бетонированном гнезде. Его не возьмешь штурмом, каждую атаку встречает ливень пуль. Но Янка пробирается лесом и кустами в тыл (там обязательно будут кусты) и бросает ручную гранату. Пулеметный расчет убит наповал, смертоносная сеялка затихла. Для роты, для всего полка открыт путь ко второй линии противника. Сам командир полка хлопает Янку по плечу и говорит: «Хорошо, что я тебя взял. Что бы мы без тебя делали. Ты один стоишь всей роты. На, сынок, носи этот орден и командуй пока отделением. Я посмотрю, как у тебя получится, может, дадим тебе даже взвод...»

И таких возможностей там представится много. Где у других не хватит смекалки, там Янка моментально найдет выход. Он будет, конечно, самым

сообразительным, потому что постарается много думать, думать каждой клеточкой мозга и не будет знать страха.

Мечтая таким образом, он незаметно уснул. Но фантастические видения продолжали занимать сонный мозг, и заманчивые картины вереницей проходили перед мальчиком. В темном ночном небе над полями сражений взлетали ракеты, самолеты носились, точно стрекозы в июльский полдень, выла шрапнель, рвали землю «чемоданы» [49], и большой цеппелин переломился посередине, как разрезанная колбаса. Потом опять наступила ночь. Вокруг непроницаемая темень, и лишь вдалеке слышалась песня стрелков. Появились новые сновидения, другие шумы, а далекая песня все продолжала звучать. Она то приближалась, то становилась еле слышной.

Вдруг Янка проснулся. Кругом темно, только слева в окне отражался рассеянный бледный свет — это звезды. Где-то в ночи звучала песня и слышался грохот колес по замерзшей дороге. «Неужели?..»

Одним прыжком Янка очутился у окна. Напряженно прислушался. Пели стрелки. Полк уходил. Они далеко, возможно, уже у моста.

Стрелки часов показывали час ночи.

Великий момент наступил. Теперь или никогда! Янка поспешно оделся и, спрятав под пальто мешок с вещами, на цыпочках прокрался в коридор. Противно взвизгнула задвижка, загремела дверная ручка. Но никто не проснулся, и Янка беспрепятственно выбрался на улицу. Он сразу же свернул в переулок и побежал к мосту. Мягкий песок, не смерзающийся даже при самых сильных морозах, словно связывал ноги. Шаги укорачивались, и при подъеме в гору трудно было бежать. Скорей, Янка, спеши, пока они не потерялись в темноте!

Он чуть не рыдал от нетерпения. Душа его в отчаянной тревоге рвалась вперед, стремясь опередить тело, туда, где колонна стрелков двигалась к реке. Какое счастье, что он вовремя проснулся! Вот уже виднеются темные ряды солдат, при свете луны поблескивают штыки, и слышно звяканье котелков.

Янка побежал наперерез колонне и очутился у моста в тот момент, когда по деревянным понтонам загрохотали шаги первой роты. С вещевыми мешками за плечами и винтовками за спиной, в полушубках и шинелях шагали стрелки. У края дороги толпились провожающие: девушки, мальчишки, пожилые люди. Кое у кого виднелись запоздалые цветы. Множество рук приветственно махало в воздухе. В глазах женщин горел лихорадочный огонь — такой горячий, что глаза словно плавилась от него и по улыбающимся лицам струились прозрачные капли.

Некоторые стрелки беззаботно посылали провожающим воздушные поцелуи, другие шутили; иные весело смеялись и, сдвинув на затылок папахи, вызывающе смотрели в глаза ночной темноте. Были и такие, что шагали молча и серьезно, плотно сжав губы, погружившись в свои мысли.

— До скорой встречи! Счастливого пути! Возвращайтесь с победой!

Так уходили они в ту ноябрьскую ночь, провожаемые пожеланиями, — твердым шагом, полные жизни, по-весеннему молодые. Звезды осеннего неба озаряли зеленоватым светом темную колонну. Тысяченогому равномерному гулу шагов отвечала отдаленная артиллерийская канонада, доносившаяся с юго-запада. И никто не знал, что они уходили навстречу самому великому своему бою и что из каждого ряда суждено возвратиться только одному. А сейчас они пели...

Янка нырнул в толпу провожающих — никто не обратил на него внимания. Мимо проходила одна рота за другой. Он увидел брата, шагавшего впереди своего подразделения, и спрятался подалее в толпу. Наконец появилась его рота. Прошел первый взвод, и Янка, заблаговременно пробравшись поближе к дороге, ловко проскользнул в ряды второго взвода.

— Эй, кто там затесался в середину? — раздался с правого фланга голос отдаленного командира Ансиса Валтера.

— Ты что, не узнаешь? — негромко отозвался Янка.

— Янка? Ну, смотри, чтобы офицеры не заметили.

— Я только переберусь через мост, а там выйду.

Пристроившись к рядам стрелков, скрытый серыми фигурами от зорких глаз постовых, охраняющих мост, Янка перешел на противоположный берег. Там, пользуясь темнотой, он пробрался между рядами на правый фланг и пошел рядом с Ансисом.

— Как мне теперь быть? — спросил он. — Не лучше ли держаться сзади полка?

— Отправляйся к обозу и попытайся забраться на подводу, — шепнул Ансис. — Ты ведь знаком с обозниками?

— Большой Каулинь мой друг.

— Тогда выбери местечко потемнее и пристраивайся. Иначе тебя сейчас же отправят обратно. Карл знает?

— Боже упаси! Ни слова ему!.. — испуганно прошептал Янка.

Он отступил в темноту и подождал, пока весь полк прошел. Сразу же за ротами и командами следовал обоз. Попробуй тут разберись, на какой подводе едет Каулинь: в темноте все они одинаковы. Подходить к каждому он опасался: можно нарваться на какого-нибудь пустомелю, который

выдаст его фельдфебелю. К счастью Янки, обозные время от времени покрикивали на лошадей, и до него откуда-то из середины обоза донесся мощный бас Каулиня. Подождав, пока подвода приблизится, Янка шмыгнул к ней и вскарабкался сзади.

— Эй, кто там? — сердито заорал Каулинь, услышав, как зашуршал брезент. — Сию же минуту убирайся вон!

— Не кричи, Каулинь, это я, — зашептал Янка. — Неужели не узнаешь меня?

Обозный приблизил лицо к Янке и, узнав его, проворчал:

— Нельзя! Я получу нагоняй!

— Спрячь меня, я буду сидеть тихо.

— Тебя бы следовало не прятать, а хорошенько кнутом отхлестать, — сердился Каулинь. — Шалопай этакий! Небось, учиться лень.

— Каулинь, у меня есть папиросы. На, закури.

Этот довод смягчил сердце обозного. Янка в душе порадовался, что догадался купить папирос, хотя сам он еще ни разу не пробовал закурить.

— Залезай сюда под брезент, только не шевелись, — Каулинь сдвинул тюки с вещами и устроил из них подобие гнезда для Янки. — Свернись в клубок и подтяни ноги к животу. Так. А теперь — ни слова, пока я сам с тобой не заговорю.

«Ну, теперь дело в шляпе», — подумал Янка, устраиваясь в своем укрытии поудобнее. Под монотонный грохот колес по саркандаугавской мостовой он забыл обо всех заботах, о беспокойстве домашних и досаде учителей, когда он завтра не явится в школу. «На позиции, в бой!» — радостно звенело в его груди. Вместе со стрелками на запретную землю! Вот когда начинается настоящая, полноценная жизнь! Это не беда, что придется несколько часов пролежать в двуколке в неудобном положении с онемевшими ногами. Не страшен и гнев командира полка: всему когда-нибудь придет конец. Терпение — первая ступень к героизму.

За ночь полк прошел через Ригу и около полудня расположился на отдых в лесу. Стрелки пообедали, и часа два спустя колонна двинулась дальше, по направлению к фронту. Янка все еще лежал в двуколке. Во время привала ему приходилось быть особенно осторожным, потому что стрелки и обозники расхаживали возле подвод; временами у двуколки Каулиня собиралась порядочная толпа. Как-то один из солдат,

остановившись у подводы, облокотился на плечо Янки. Хорошо еще, что он скоро отошел свернуть сигарку, услужливо предложенную ему Каулинем, не то Янка, пожалуй, не выдержал бы.

Наконец, после долгого и томительного ожидания, Янка издали услышал знакомый голос фельдфебеля:

— Рота, стройся!

Минутная суета, перекличка, затем все стихло. И опять слова команды:

— Вольным шагом — марш!

Роты ушли. Следом двинулись и обозники. Только теперь Каулинь, смог дать Янке ломоть хлеба и мяса:

— Закуси. Только не вставай. А когда я скажу «шесть», ты совсем замри...

Поев, Янка начал обдумывать свое положение. Теперь дома уже догадались, куда он исчез. Интересно, что они делают? Хозяйка, наверное, уже сходила в школу и рассказала о его побеге, а хозяин заявил в полицию. Пусть! Он теперь так далеко, что ни учителя, ни полицейские его не достанут. Здесь свои законы и своя власть. Только при воспоминании о Зитарах Янку охватывало странное чувство. Ему стало жаль домашних; он почувствовал вину перед матерью.

«Успокоятся, привыкнут... — утешал он себя. — Когда Карл уходил, не лучше было. А ведь привыкли».

Они все ближе и ближе подходили к фронту. Все яснее слышался грохот пушек, и временами даже доносился звук винтовочных выстрелов.

К вечеру, когда над сосняком спустились ранние осенние сумерки, полк прибыл на место. Ротам предстояло отправиться вперед, на позиции, находившиеся верстах в трех, и сменить один из сибирских полков, а обозники оставались на месте. Кухни, прибывшие заранее, раздавали стрелкам горячий суп. Каулинь тоже отправился за супом, поставив подводу в заброшенный крестьянский сарай. Вернувшись, он впервые за все время откинул брезент и сказал:

— Вылезай, сынок, дальше не поедем. Теперь ты сам соображай, как тебе пробраться вперед.

Янка соскочил с подводы и расправил онемевшие члены.

— Хлебни-ка на скорую руку супу, — продолжал Каулинь, — да и отправляйся, пока ребята еще не ушли на передовые. Одному тебе туда ни за что не добраться.

Он показал Янке на сосняк, где роты ужинали. Вдоль дороги горело много костров, и в отблеске огня виднелись фигуры стрелков и составленные пирамидами винтовки. А дальше, за лесом, жил своей

таинственной жизнью фронт, то тихий и безмолвный, то разражающийся пулеметной дрожью или редкими винтовочными выстрелами.

— Поспешай, пока ребята не ушли, — торопил Каулинь. — Это все народ свой, болтать не станут. Вот только не нарваться бы на фельдфебеля — он задаст перцу.

Густая похлебка из фасоли показалась Янке очень вкусной, при других обстоятельствах он съел бы полный котелок, но сейчас аппетит умеряло сознание, что вот-вот должна решиться его судьба. Хлебнув наскоро несколько ложек, он утер рот. Каулинь указал, в каком приблизительно месте могла находиться рота Ансиса Валтера, предупредил, чтобы Янка никому не проболтался о том, как он сюда добрался, и они расстались.

До роты нужно было пройти шагов четыреста. К счастью, вечерние сумерки уже настолько сгустились, что издали нельзя было различить цвет одежды. На Янке была старая форменная шинель Карла, которую тот носил, будучи учеником реального училища, а на голове курчавая папаха без кокарды, купленная им загодя у старьевщика. По дороге ходили стрелки, но Янка старался не встречаться с ними, и скоро его скрыли густые заросли сосняка. Теперь он чувствовал себя спокойно, так как командир полка собрал у себя всех офицеров для инструктажа. Сделав крюк, он миновал команду пулеметчиков и вскоре увидел лица знакомых стрелков из второй роты. У одного из костров сидел Ансис Валтер. С ним, правда, были еще несколько унтер-офицеров, но это даже лучше, — по крайней мере, не одному Ансису придется отвечать за Янку.

— Добрый вечер! — поздоровался он, приближаясь к костру.

Ансис сделал вид, что очень удивлен, хотя в этом не было ни малейшей надобности, потому что сидевшие рядом приняли появление Янки как само собой разумеющееся дело, а один унтер-офицер даже хладнокровно произнес:

— Пришел все-таки? А мы уж думали, что ты проспал или в последнюю минуту передумал.

Вся рота давно знала, что Янка собирается идти с ними на передовые позиции, и потому его появление казалось всем совершенно естественным. Вокруг него собрались стрелки из второго взвода, подошли любопытные и из других взводов. Янка еле успевал отвечать на вопросы: как он добрался сюда? Не останавливали ли его по дороге патрули? Не хочет ли он супу?

Унтер-офицеры стали соображать, что теперь делать. Промолчать и тайком провести Янку в окопы? Могут получиться неприятности. Если же сообщить офицерам, весть неминуемо дойдет до командира полка, и военная карьера Янки на этом закончится. Наконец решили сказать все

командиру роты по дороге в окопы, причем представить дело так, будто присутствие Янки обнаружено только сейчас и волей-неволей пришлось, мол, мальчишку оставить у себя на ночь.

Так договорились, но получилось иначе. Ротный, возвращаясь от командира полка, как-то узнал все и, придя в роту, немедленно потребовал, чтобы фельдфебель привел «добровольца».

Унтер-офицер второго взвода привел Янку.

— Как же это ты, сынок? — обратился к Янке молодой поручик, больше, пожалуй, годившийся ему в братья, чем в отцы. — Так нельзя. Добровольцев принимают в штабе полка или в Риге на улице Тербатас ^[50]. Они некоторое время должны пробить в резервном полку, а ты хочешь сразу попасть на передовую.

— Я уже был в штабе полка... прошлой осенью, — проговорил Янка.

— И тебе сказали, что ты слишком молод?

— Так точно, господин поручик. Со мной даже отец ходил и просил зачислить, но они и с этим не посчитались.

— Это на них похоже, — улыбнулся поручик. — Но, может быть, теперь они будут сговорчивее. Сходи все-таки в штаб и расскажи все как есть и, если командир полка разрешит, смело приходи в роту. Мы ничего не имеем против, но приказ есть приказ. Зивтынь, проводи его к командиру полка, — приказал он одному из стрелков.

— Господин поручик... — Янка ухватился за последнее средство. — Нельзя ли мне сначала поговорить с братом, подпоручиком Зитаром?

— Ладно, Зивтынь отведет тебя в его роту.

«Не везет мне, — подумал Янка, следуя за стрелком. — Это не то, что на Острове смерти. Если б я попал туда прошлым летом, теперь мне не пришлось бы здесь попрошайничать».

Несколькими минутами позже он уже разговаривал с братом. Карл только головой покачал, когда Зивтынь привел к нему Янку.

— Озорник ты, озорник! Разве так можно?

— Такой же, как и ты, — отрезал Янка. — Или ты один только имеешь право воевать? Я тоже хочу. И если ты настоящий парень, то должен поговорить с командиром полка. Иначе и дружба врозь.

— Потихе, братец, — улыбнулся Карл. — Давай поговорим серьезно. Войди и ты в мое положение. Допустим, что я выхлопочу у командира полка разрешение и приму тебя в свою роту, но...

— Почему ты не хочешь это сделать?

— Потому что тогда на меня ляжет ответственность за твою судьбу.

— Я сам за себя сумею ответить, тебя это не касается.

— Нет, касается. Представь, что с тобой случится несчастье — тебя убьют или искалечат, — ведь мать прежде всего меня упрекнет за то, что я взял тебя на фронт. И она будет права. Пойми сам, как это ужасно! Ведь я не посмею тогда домой показаться.

— И совсем все это не так страшно.

— Нет, это страшно. Ты губишь свое будущее. Ведь ты, помнится, мечтал стать моряком?

— Да, мечтал, ну так что же?

— Тебе уже не быть моряком. Ты не увидишь чужеземных городов и островов и никогда не испытаешь прелести плавания по южным морям. Кончится война, и каждый сможет опять жить, как ему нравится, как мечталось. Твоя же жизнь будет кончена. Ты будешь лежать где-нибудь в болоте или ковылять на костыле.

— А если я останусь жив-здоров?

— На войне надо рассчитывать на самое худшее.

Он дружески беседовал с младшим братом, этот юный офицер, побывавший в пекле Острова смерти и смотревший в глаза всем ужасам войны. Он до тех пор уговаривал и убеждал его отказаться от безрассудного намерения, пока не поколебал упрямство мальчика. Но Янка все же хотел попытать счастья у командира полка. Против этого Карл не возражал, хорошо зная, какой ответ он получит от старого полковника.

— По этапу в Ригу, — приказал командир полка.

Янка был настолько утомлен переживаниями последних суток, что до него не дошло роковое значение этих слов. Они возвращали его обратно в старую жизнь, направляли его будущность не по тому руслу, какое он выбрал.

Совсем рядом слышалось хриплое, болезненное дыхание поля боя. Туда отправился брат, чтобы стоять на посту и охранять всех тех, кто спокойно спал в родном гнезде, а он, Янка, должен возвращаться обратно. Почему так получилось? Для какой цели его берегли? Для каких трудов и мучений сохраняли его силы?

К вечеру следующего дня, смертельно усталый, разбитый, Янка вернулся домой. «Как хорошо, что сейчас темно», — размышлял он, шагая по узким улочкам. О его побеге знал, конечно, весь поселок. Любая новость здесь распространялась с невероятной быстротой. Стоило сегодня чему-

либо произойти, как наутро это делалось предметом обсуждения во всех лавках и на всех перекрестках. Но вот и дом. Янка неслышно открыл калитку, так же тихо вытер у дверей ноги и незаметно проскользнул в комнату.

Спрятав свой мешочек под кровать и сняв пальто, он зажег лампу и сел к столу. Книги, тетради, циркули, линейки... Все на том же месте, где он их оставил. Бери в руки и начинай заниматься, если ты еще в состоянии.

Громко скрипнула дверь, и в комнату заглянула хозяйка.

— Смотрите-ка, наш молодой человек дома!

В ее голосе слышалось злорадство.

— Значит, все-таки вернулся! Интересно знать, где же это ты путешествовал?

— Брата провожал, — хмуро пробормотал Янка.

— Так, так. Выходит, они тебя все же не взяли? Велели подрасти? Ха-ха-ха!

Янка резко отодвинул стул и обернулся к хозяйке.

— А вам какое до этого дело? Что вы в этом понимаете? У вас есть на фронте сын или брат?

Хозяйка от неожиданности даже рот раскрыла.

— Ишь, какой приткий! — опомнившись, начала она. — Нам уж теперь, по-твоему, и знать не положено, чем ты занимаешься? Мы уже собирались известить родителей и сообщить в полицию. Вот времена пришли: дети могут делать все что хотят!

Появился и хозяин с трубкой в зубах. Он держался спокойнее, чем жена. Но не сходящая с его лица насмешливая улыбка раздражала Янку сильнее, чем воркотня хозяйки. Что нужно этим людям? Какое им дело до него? Янка не собирался выслушивать их разглагольствования. Чтобы не затягивать неприятный для него разговор, он спросил:

— Нельзя ли попросить чаю?

— Розги бы тебе, а не чай, — не унималась хозяйка. — Но ничего не поделаешь, не свой ребенок. То он убегает неизвестно куда, то чаю ему подай. Если так воспитывать детей...

В конце концов, чай все же был подан, и Янка, надувшись, глотал горячую жидкость, заедая ее кисловато-соленым солдатским хлебом, купленным у артиллеристов Даугавгривской крепости. А за стеной, умышленно громко, чтобы он слышал, хозяева зубоскалили над «забракованным стрелком». Янку возмущала ограниченность этих людей.

На следующее утро он отправился в школу и сразу же разыскал директора школы: лучше самому все уладить, нежели ждать публичного

допроса.

— Зитар, вы не являлись в школу два дня, — первым начал директор, как только Янка переступил порог его кабинета. — Где вы были?

— Господин директор, мой брат отправился на позиции, и я пошел его проводить.

— Так долго затянулись проводы? — директор улыбнулся.

— Я дошел до самых позиций и... попытался остаться с ними, но мне не разрешили. Теперь я вернулся обратно и хочу учиться.

— Сейчас самое время подумать об этом. В нынешнем учебном году вы оказались очень неаккуратным учеником, и мы уже подумывали о том, чтобы исключить вас из школы.

Янка молчал. Пусть делают что хотят — просить прощения он не станет. Если у него хватило смелости пробраться на фронт, то он перенесет и исключение из школы. Одной неприятностью больше, какое это теперь имело значение?

— Значит, вы обещаете исправиться? — возобновил разговор директор.

— Да, господин директор, я буду учиться по мере сил.

— Ну, попытаемся. Только свои военные затеи выбросьте из головы, чтобы это больше не повторилось.

— Не повторится.

Янка по-военному повернулся и вышел из кабинета.

Не сдаваться, только не сдаваться! Хоть и виноват, не склоняй покорно голову. Только так можно завоевать себе место в жизни.

И он не сдавался. На первой же перемене его окружили мальчишки. Они разглядывали его, словно какое-то заморское чудо. Некоторые дружески, другие насмешливо показывая на него пальцем, говорили:

— Наш стрелок! Крючков номер два.

Кончилось тем, что Янке пришлось подраться. Когда двое самых докучливых насмешников отведали силу его кулаков и неделями не стриженных ногтей, насмешки прекратились и Янка почувствовал себя спокойнее. Он сдержал данное директору слово, учился, как никогда раньше, вкладывая в ученье всю ту энергию, которая до этого растрачивалась на неосуществимые мечты о фронте. В его рвении чувствовался, пожалуй, какой-то ребяческий фанатизм; хотя успехи и не приносили настоящего удовлетворения, зато они являлись единственным лекарством от тоски и щемящего чувства, появляющегося в душе мальчика всякий раз, как он вспоминал о друзьях, находившихся на фронте.

С тех пор как полк Карла Зитара вернулся после отдыха на позиции, в окопах в течение нескольких недель было сравнительно тихо и спокойно. Изредка доносился грохот пушек, и в ясные дни над болотистыми местами показывались аэропланы. Это были обычные фронтовые будни. До тех пор пока не наступили морозы и не застыли болота, не могло быть и речи о серьезном наступлении ни с той, ни с другой стороны. А на легкопроходимых участках фронта немцы так укрепились, что любое наступление было бы обречено на неудачу. Бетонированные пулеметные гнезда, ряды блокгаузов и проволочные заграждения на всем протяжении переднего края позволяли немцам чувствовать себя в безопасности. Так и казалось, что грядущая зима будет похожа на две предыдущие: редкая перестрелка, иногда попытка перейти в наступление — и месяцы затишья.

В латышских полках шла напряженная работа: стрелки учились перерезывать колючую проволоку, плели маты для перехода через заграждения и устраивали пробные атаки через препятствия из колючей проволоки. Одну из таких атак провели в присутствии самого командующего армией, прибывшего ознакомиться с боевой подготовкой латышских стрелков. Важный генерал был вполне удовлетворен проведенной инсценировкой. Он обратился к стрелкам с речью, в которой указал, насколько важно уметь преодолевать проволочные заграждения без артиллерийской подготовки: таким способом можно захватить противника врасплох и с минимальными потерями достигнуть блестящих результатов. Он высказывал предположение, что латышским стрелкам в недалеком будущем придется практически применить свои знания.

Все понимали, что готовится что-то большое, но никто не знал, когда и где это произойдет, потому что штаб армии на сей раз хранил все планы в глубокой тайне. Стрелки ходили по ночам в разведку, внимательнее обычного изучали зону будущего наступления, наблюдали за действиями и передвижением противника, стараясь ничем не привлекать его внимания.

Карл Зитар жил в небольшой землянке вместе с двумя своими младшими офицерами — прапорщиками Гобой и Дакарром. Дакарр был шестью годами старше Карла, начал войну рядовым солдатом одного из сибирских полков и несколько месяцев служил штабным писарем. Школу прапорщиков он окончил на полгода позже Карла. Педагог по профессии, он применял педагогические приемы в отношениях с солдатами. Вначале молодых стрелков раздражал его назидательный тон.

— Обращается с нами, как с детьми! Подумаешь, какая нянька нашлась!

Он всегда и всюду любил поучать. А когда кому-нибудь случалось провиниться, Дакар по крайней мере полчаса читал наставление, а потом объявлял выговор или давал внеочередной наряд. Большого наказания он не налагал.

Гоба был совсем молодым пареньком, большим сорвиголовой и любителем поозорничать. Все свободное время он проводил в полковом клубе за игрой в карты и быстро завоевал славу игрока-неудачника. По вечерам, когда Гобы обычно не было в землянке, а обстоятельность Дакара выводила его из себя, Карл уходил к офицерам других рот или коротал время со стрелками. Среди них он чувствовал себя свободно. Почти все они были его ровесниками — наполовину еще мальчишки, наполовину уже юноши, — смотрели на все его глазами и так же, как он, воспринимали события эпохи.

В теплых землянках жилось даже уютно. Стрелок, который на своей шкуре испытал действие всех небесных стихий — дрог на зимних ветрах, мок под проливными дождями и месил непролазную дорожную грязь, — здесь чувствовал себя как дома. Днем тут было достаточно светло, а вечером чугунная печка, накаляясь докрасна, наполняла помещение приятным теплом. Люди могли снять одежду, расстегнуть ремни и просушить отсыревшие портянки. На столе дымился котелок с кипятком, стрелки пили чай, разговаривали между собой и проклинали трубу, которая плохо тянет и время от времени выбрасывает в землянку клубы едкого дыма. Некоторые читали газеты, писали письма или чинили одежду, другие вспоминали минувшие бои и веселые дела во время отдыха. Тут же у всех под ногами вертелся Франц-Иосиф — ротный пес. Его заросшая шерстью морда очень напоминала лицо старого австрийского императора. Маленького роста, коротконогий, красновато-рыжий пес дружил со всеми и был умен, как человек: точно знал время, когда следует наведаться в полковые кухни, где повара выбрасывают вкусные кости и обрезки мяса; отличал людей своей роты от чужих и офицера от рядового, выказывая при этом каждому соответствующую чину степень привязанности и почтения. Пес пристал к роте, когда она отправлялась на Остров смерти, прожил там длительное время вместе со стрелками и привык к фронтовому шуму. Однажды он исчез недели на две, и стрелки уже решили, что немцы застрелили тезку монарха-союзника. Полк ушел в другое место на отдых. И вдруг неизвестно откуда появился Франц-Иосиф, заморенный, залепленный грязью. Причиной его отсутствия были, по-видимому, мотивы

сугубо физиологического свойства, заставившие верного спутника солдат дезертировать в тыл. «Ну, друг, если б мы все так поступали, Рига осталась бы без защитников!» — урезонивали Франца-Иосифа стрелки, и, словно понимая упреки, пес сконфуженно вилял хвостом и залезал под нары.

По рукам ходил полковой журнал, выпускаемый стрелками. Его немногочисленные страницы заполняли стихи, короткие очерки, воспоминания и размышления. Простыми словами, порой сентиментально, участники войны отображали пережитое и пережитое. Читатели критиковали написанное, у каждого были свои взгляды, каждый понимал и чувствовал по-своему.

Анонимный автор писал о легкомыслии и распущенности латышских женщин в то время, когда стрелки всецело отдают себя борьбе. Это была небольшая заметка, но Карл перечитал ее несколько раз, так как именно в этот день получил письмо от Сармите и, взволнованный его теплыми строчками, не мог согласиться с горькими признаниями неизвестного скептика.

«Мы грустим...» — так называлась эта заметка. — «Война призвала нас на поля сражений. Но мысли наши возвращаются в тыл, к прежней жизни, к дорогим нам людям. Мы надеемся, что, вернувшись после тяжелых боев, найдем своих жен, сестер и любимых девушек такими, какими оставили их. В какой степени суждено осуществиться этим надеждам? И на этот вопрос готов уже довольно печальный ответ. Многие из нас получили и продолжают получать письма с неприятными известиями. В них сообщается о легкомысленном образе жизни соотечественниц. Почти каждый из нас имел возможность убедиться в легкомыслии наших девушек.

Как же не грустить? Мы верили нашей женщине, не допускали и мысли о возможности морального падения, но жизнь нас разочаровала.

Пусть наши женщины подумают о том, что наступит день, когда воины вернутся и встретятся с возлюбленными. Смогут ли они смотреть прямо в глаза женихам и мужьям? Не придется ли им опустить глаза перед ними?»

Карл вспомнил Вилму Галдынь и сестру. А дикий разгул, который он наблюдал и в Риге, и в сельских местностях, разве не подтверждал правильности заметки в полковом журнале?

Но Сармите? Способна ли она на такое — сегодня ласкаться и мечтать вместе с тобой, а завтра развлекаться с первым встречным? Нет, должны же быть исключения, чистые существа, не отравленные военным угаром. Иначе народ лишится той светлой силы, которая выведет его из темного настоящего. Так оно и было на самом деле. Потому что наряду с Вилмами

Галдынь и Эльзами Зитар существовали Сармите — милые, лучезарные существа, которым можно верить. И таких немало. О них не говорили, их письма читали наедине и безмолвно радовались им. Это были женщины завтрашнего дня. Их время впереди, когда на разрушенных пепелищах народ станет строить новую жизнь, новоселы расчистят кустарники под пашни, а фабричные корпуса возродятся к мирному труду. Это будет потом... Поэтому не огорчайся, воин! Сбежит мутное половодье, обсохнет тина, и земля даст новые ростки.

21 декабря командиров латышских полков пригласили к командующему двенадцатой армией генералу Радко-Димитриеву, прибывшему из Риги для знакомства с частями армии.

— Все ли командиры латышских полков готовы к наступлению? — спросил генерал.

Получив утвердительный ответ, он обратился к командирам полков с краткой речью:

— Я много потрудился, чтобы из отдельных батальонов латышских стрелков сформировать полки и бригады. Мне не удалось еще получить для вас артиллерию, но обещаю ее в будущем. Теперь, командиры, в ваших руках будущее латышского народа. В ваших полках сосредоточилось все молодое поколение вашего народа, объединенное и вооруженное. Вы куете будущее как герои. Желаю вам наилучших успехов. Наступление начнется по всему фронту двадцать третьего декабря ровно в пять часов утра, без артиллерийской подготовки.

Сразу же закипела работа в штабах. Военные приказы путешествовали сверху вниз — из армии в корпуса, из корпусов в дивизии, из дивизий в полки, — и за день до наступления командиры рот оповестили о нем своих стрелков.

Последний день и последняя ночь... Наконец-то они пришли — с метелью, с пургой. Днем разведчики ходили в разведку, но ничего нового не узнали; немцы, по-видимому, о чем-то догадывались и сильно нервничали.

У латышских стрелков было бодрое настроение. В успехе наступления никто не сомневался. Уже целый год над Ригой и Видземе нависает грозная тень противника. Теперь, наконец, пришла пора избавиться от него, уничтожить, смести с лица земли и начать новую, лучшую, чем до сих пор,

жизнь. Настал час возмездия, власти баронов навсегда будет положен конец!..

Снежные вихри кружатся над Тирельским болотам и дюнами у реки Лиелупе. Все скрыла белая пелена: дороги, сосенки, окопы, изгороди из колючей проволоки. Тонут в сугробах землянки стрелков, окна занесены снегом. Из труб вылетают искры, их подхватывают снежные вихри, и они, медленно тая, исчезают в воздухе.

В землянках, на скамейках и по краям нар, дремлют стрелки. Одетые, в полном боевом снаряжении, готовые к битве. В дверные щели врывается ветер, вдувает в землянку белые косицы снега. Но посреди землянки стоит раскаленная добела печурка. Так приятно сидеть под крышей в тепле, когда снаружи свирепствует зимняя вьюга. Хочется снять шинель, сапоги и растянуться на нарах. Но нельзя — эта ночь предназначена не для отдыха. Впереди пора тяжелой страды. В три часа пополуночи, а может быть и раньше, рота должна выступить к месту сбора.

Дремлют кругом увешанные связками ручных гранат молодые солдаты, стиснув в руках стволы винтовок. Откуда-то из дальнего угла доносится здоровый храп. Кто-то во сне бормочет, смеется; вот кто-то, расправляя затекшую ногу, потихоньку ругается. Молодой рижанин пишет письмо, мусоля во рту химический карандаш, и на его губах расплываются фиолетовые пятна.

Ссутулившись, медленно расхаживает между рядами нар дневальный. Ему тоже хочется спать. Хорошо бы уснуть, но нельзя: надо следить за печуркой, будить товарищей и ждать, когда придет третий час. Сонно дышат стрелки, в печурке потрескивают дрова, а над болотной трясинной завывает вьюга.

Дневальный вытаскивает табакерку и сворачивает сигарку. Скрипя, открывается дверь, и метель швыряет в землянку снег. Следом входит командир роты, шинель и папаха облеплены снегом. Дневальный, спрятав сигарку в кулак и приосанившись, собирается подойти с рапортом. Карл Зитар предупреждает его жестом: «Отставить!»

Он тихо проходит между столами и нарами, всматривается в спящих стрелков, затем глядит на часы: «Еще два часа...» Кое-кто из стрелков просыпается и, узнав командира роты, вскакивает, Карл опять делает знак рукой и тихо произносит:

— Спите, спите, ребята! Еще есть время.

Потом он закуривает папиросу и в раздумье стоит некоторое время, глядя на закопченную бутылку, служившую лампой. «Скр... скр...» — скребется под нарами мышь. Около двери, на старом вещевом мешке,

чешется Франц-Иосиф; по временам слышится клацанье его зубов. Когда Карл направляется к двери, пес радостно бежит ему навстречу, зевает и, потягиваясь, выбрасывает далеко вперед передние лапы.

Молодой командир обходит взводы, наблюдает их последний отдых. Может быть, он предшествует более длительному и глубокому сну, который ждет многих в холодных снежных равнинах. «Спите, милые, спите...»

Возвращаясь в землянку, он видит, как саперы отправляются перерезать колючую проволоку. Началась горячая страда. Военный кулак сжался для удара. Еще два часа, и он обрушится на спящего противника. Беззвучно, словно белые привидения, уходят в темноту саперы в белых маскировочных халатах делать ходы, открывать ворота в проволочных заграждениях для наступающих полков. И опять пусто в истерзанном взрывами снарядов сосняке, только слышится вой бурана да, посвистывая, вьется над землянками снег.

...Вытянувшись темными рядами домов, спит на песчаных холмах тихий Милгравис. В окнах — ни огонька, пустынные узкие улочки. Над замерзшей Даугавой бушует непогода, она заваливает непроходимыми сугробами дороги, засыпает изгороди и пытается сорвать крыши домов. Дико завывает в трубах. Янка просыпается среди ночи, слышит шум непогоды, чувствует, как содрогается дом. Это последняя ночь перед каникулами. Завтра приедет отец и увезет его в Зитары. «Свиу-у-у... Сви-и-и-у-у-у...» — слышится в воздухе, и что-то с шипением проносится за темными окнами, дергает ставни, ползет по крыше.

Янка, накинув пальто, выходит во двор. Глаза слепит снежная пыль, от ветра захватывает дыхание, и кажется, что над головой свистят тысячи гигантских кнутов. В такие ночи даже зверь не находит тропы, гибнут суда, замерзают заблудившиеся в поле путники. Янка думает о брате. Там, на западе, стоит он на краю болота, увязнув в снегу. И нет у него приюта, некуда укрыться от метели, долг обязывает его стоять на сторожевом посту.

Вздвогнув, Янка возвращается в комнату и забирается под одеяло, но заснуть уже не может. Мысли его уносятся далеко. Они блуждают у Лиелупских дюн и в Тирельских болотах, и временами сквозь завывания пурги ему слышится гул жарких сражений, сотрясающий землю, грохот пушек и свист пуль, летящих над головой.

Это на самом деле необычная ночь!

...В два часа ночи капитан Зитар просыпается от звонка будильника. Надо вставать, запрягать лошадь и ехать в Милгравис за Янкой. Мешок с сеном и торбочка с овсом еще с вечера приготовлены и лежат в санях.

— Не лучше ли тебе, Андрей, дожидаться утра? — говорит Альвина,

вышедшая во двор проводить мужа. — Куда ты в такую погоду поедешь! Ад кромешный!

— Ничего, в лесу потише будет, — отвечает капитан, надевая на лошадь сбрую. В длинной овчинной шубе, в фетровых бурках и заячьем треухе со спущенными ушами — в таком виде он смело может пускаться в путь. Но как неистово сегодня ветер раскачивает сосны на дюнах, низко склоняя их макушки, и с визгом крутит песчаную поземку по гладко выметенным пригоркам! А за дюнами клокочет море, гонит волны к берегу, и вода поднимается все выше и выше. Сильный порыв ветра подхватывает сидевшую на суку ворону, и птица не в силах бороться со стихией.

— Бог знает, где сейчас Карл, — вздыхает Альвина, зябко кутаясь в платок. — Может быть, дрогнет, как собачонка, на морозе...

— Что Карлу сделается, он на суше, — отвечает капитан. — А вот каково Ингусу, если он сейчас на море? А что он на море, я в этом уверен, — на рождество всегда так получается.

Капитан усаживается в сани, укрывает ноги и трогает лошадь.

— Альвина, ты бы разбудила Эрнеста, — говорит он, отъезжая. — Пусть сходит, проверит лодки на берегу.

И сразу вьюга заметает все следы. Сани скользят по сугробам, и лицо капитана обжигает ледяной ветер. Хочется курить, но разве в такую погоду закуришь? Ветер раздует весь табак. «Парни вы, мои парни... — думает Андрей Зитар. — Где-то вы сейчас?..»

Ему пришлось испытать и снежные бури, и южные штормы; он водил судно в любую погоду, привык ко всему, но в эту ночь и ему как-то не по себе: уж очень зловеще шумит лес, и, словно грозные призраки, несутся снеговые облака с востока на запад, а может быть, и наоборот. Кто его разберет в этот темный предутренний час! «Парни, мои парни...»

...- Подъем! — раздается голос дневального. Стрелки вскакивают, словно их толкнула невидимая рука. Кряхтя спросонок, ворочаются серые фигуры. Гремят винтовки, скрипят затягиваемые ремни, слышится лязганье штыков.

Унтер-офицеры делают переключку, раздаются слова команды, и рота строится в колонну. Офицеры дают последние указания, негромкое «шагом марш» — и рота уходит на полковой сборный пункт. Следом за ней, проваливаясь в сугробы и отставая, бежит пес, четвероногий Франц-Иосиф. Но в эту ночь стрелкам не до него, и преданное животное не может понять, почему его никто не приласкает и куда все они пошли в такую отвратительную погоду, когда так хорошо спалось в теплой землянке.

Рота Карла Зитара вместе с другими ротами заняла исходные позиции. Отсюда должно было начаться наступление. Внизу, невидимые в белых халатах, саперы резали проволочные заграждения. Неслышно, привычными руками прокладывали они путь через оборонительную линию противника под самым носом немецких сторожевых постов. А немного подальше, в своих блокгаузах и блиндажах спали успокоенные близостью рождественских праздников и тишиной на караульных постах дивизии Вильгельма II: они и не подозревали, что у самых стен их укреплений уже стоят войска противника и ждут лишь знака, чтобы броситься на неприятеля и прогнать его со своей земли, из лесов и с полей Курземе.

«Почему мы сегодня ночью находимся здесь? — размышлял Карл Зитар. — Не может быть, чтобы в этом не было какого-то смысла».

Лязгнула неосторожно задетая проволока. Немецкий караульный настораживается, и воздух рассекает одинокий выстрел. Стрелки, режущие проволоку, замирают на снегу, ожидая, пока успокоится встревоженный постовой. Затем они опять принимаются за работу, разрезая ряд за рядом, делая ход за ходом. Под прикрытием метели стоят немые ряды полков.

И наконец!

Вспыхивают огоньки внизу, беспокойно переминаются окоченевшие роты, нетерпеливо ожидая боевого сигнала. Все на своих местах: унтер-офицеры — возле своих отделений и взводов, офицеры — возле рот. И все напряженно всматриваются в темноту. Вот взлетают в воздух две красные ракеты, слышится отданная вполголоса команда, и серые полки приходят в движение. Темная волна катится вперед, разветвляется по ходам и растекается уже по ту сторону заграждений, как полая вода, налево и направо.словно прорвавшая плотину река, вливаются они на поле боя, бурной струей несутся через овраги и равнину, по инерции толчками выплескиваются на высокий земляной вал и, все разрушая и затопляя на своем пути, перекатываются через бруствер и прыгают с трехметровой высоты на голову растерявшемуся противнику. Одновременно с латышами в наступление устремляются сибирские стрелки. Безмолвие кончилось.

Еще в заграждениях стрелков начали косить винтовочные пули и пулеметные очереди. Среди криков наступающих звучат стоны раненых и предсмертные хрипы умирающих. Вот падает один, а там на полуслове обрывается крик другого воина, словно невидимая рука зажала ему рот, но бурный поток стрелков мчится вперед. Натужно хрипят уставшие от бега

тысячи грудей. Гудит земля под ногами наступающих полков, лязгают штыки, ударяясь друг о друга, стучат приклады, слышится команда, воздух рвут гранаты. Сокрушительная сила полководья затопляет блокгаузы и блиндажи. Один за другим затихают немецкие пулеметы. В темноте видны полуголые бегущие фигуры, и винтовки посылают им вслед огненные плевки.

...Удар по первой линии немцев был настолько сокрушительным и неотразимым, что она вскоре оказалась в руках наступающих.

Рота Карла Зитара шла в наступление слева от центральной колонны. Во время штыковой атаки и при занятии окопов противника она рассеялась. Многие оказались в рядах чужих рот и даже соседнего полка, тогда как часть сибирских стрелков во время боя очутилась в роте Карла. С помощью унтер-офицеров и командиров взводов Зитар собрал своих стрелков и привел роту в порядок для дальнейшего наступления. Выяснилось, что занятие первой линии потребовало сравнительно небольших жертв. Было убито двенадцать стрелков и прапорщик Дакар — он упал еще у проволочных заграждений. Раненых было примерно столько же.

Опомнившись после первой паники, немцы перешли к обороне. Залаяли пулеметы, послышался грохот батарей.

— Третьей роте податься влево и обойти немецкую батарею со стороны леса! — получил Карл приказ командира батальона.

Отправив вторую полуроту под командованием прапорщика Гобы к лесу, Карл сам повел первую полуроту в новую атаку.

Хотя эта атака уже не была такой стремительной, как удар по первой линии, она все же оказалась настолько мощной, что немцы, не успевшие еще оправиться, были быстро выбиты и со второй линии. Перебегая то поодиночке, то цепью, рота, поддерживаемая пулеметным огнем, продвигалась к опушке. Навстречу ей раздались залпы, и в предрассветных сумерках показалась цепь противника. Но в тот же момент с фланга открыла огонь вторая полурота, и немцы поспешно отступили в лес.

Полчаса спустя третья рота поднялась в штыковую атаку на защитников батареи. Решив, вероятно, что наступающих много — справа тоже раздавалась непрерывная стрельба, — немцы оставили пушки и поспешили укрыться в ельнике позади батареи.

Цепи наступающих устремлялись все дальше и дальше. Все слабее становилось сопротивление немцев, казалось, противник почти разгромлен и нужно лишь небольшое подкрепление, чтобы окончательно прорвать фронт, расширить и углубить прорыв до самой Елгавы. Сейчас самое время ринуться вперед кавалерии и преследовать расстроенные немецкие полки,

не давая им опомниться, гнать их на юг и юго-восток до Венты и Немана. Уже пора подойти свежим полкам и осуществить вторую половину задачи. Фронт прорван, ворота в Курземе открыты. Где же кавалерия и обещанные резервы? Неужели их нет? Или у военачальников нет честолюбия? Почему они медлят сорвать лавры, какие достались Брусилону на австрийском фронте? [\[51\]](#)

— Резервов, резервов! — требуют в своих донесениях высшему командованию командиры русских и латышских полков.

— Резервов нет. Рассчитывайте на собственные силы... — звучит ответ.

А время идет. Выбившиеся из сил латышские и сибирские полки не в состоянии преследовать противника. Они останавливаются и закрепляются. Немцы понемногу приходят в себя, подтягивают свежие пополнения и переходят в контрнаступление. Резервы! Неужели придется отдать обратно завоеванное? Предоставить противнику возможность оправиться от нанесенных ударов? Ведь он уже шевелится, оживает и поднимается на ноги! Его еще не поздно подавить, заставить замолчать, прогнать. Где же, наконец, резервы?

...В четыре часа дня немцы двинулись в контратаку. Они лезли упорно и яростно с фронта и флангов, угрожая окружить и уничтожить всю первую бригаду, вырвавшуюся вперед. Начался постепенный отход, еще более кровопролитный, чем первое бурное наступление.

Под вечер полки отошли на бывшую первую линию немцев. Те, в ком еще вчера кипела энергия, мрачно молчали. Их обманули, предали.

И вновь наступило утро, снова ожило поле боя. Люди сражались, убивали и умирали, но не было уже того яркого пламени, какое жгло их в утро первого дня. Под смертоносным огнем войны наступали и отступали роты, к старым ранам прибавлялись новые; от шума сражений, от голода и бессонницы туманилось в голове.

Когда полк Карла Зитара после непрерывных боев, продолжавшихся больше недели, отвели в резерв армии и молодой офицер получил письма родных, которые его поздравляли с праздником рождества, он был настолько усталым, что, прочитав первое письмо, не понял, о чем они пишут. Не хотелось ни думать, ни говорить — в таком состоянии даже смерть не страшна.

А в Риге на Эспланаде [\[52\]](#) у кафедрального собора народу показывали трофеи, захваченные в рождественских боях, — пушки, бомбометы, пулеметы, — словно для того, чтобы успокоить его: «Видите, наши воины

не зря положили свои жизни! Смотрите на эти трофеи. Они теперь принадлежат нам! Слава павшим!..»

Полк расположился на отдых в частных домах в Задвинье и в пустующих общественных зданиях. Если некоторые подразделения могли полностью разместиться в этих помещениях, то только потому, что ряды их во время последнего большого сражения сильно поредели.

И опять из резервного полка подходили маршевые роты, на место павших становились новые стрелки и новые офицеры. Они пополняли роту численно, но не в состоянии были поднять боевую мощь, полка на прежний уровень. Павшие товарищи прошли болота у Слоки, побывали на Острове смерти и в тирельской трясине. За долгие месяцы они закалились и стали настоящими бойцами. Их опыт и боевой дух не могли возместить новички, только что покинувшие учебное поле.

В те немногие дни, отведенные для отдыха, стрелков кормили как никогда, несмотря на то, что всюду уже ощущался недостаток продовольствия, — жирная каша, наваристый суп, увеличенная порция хлеба и мясо, мясо... Моральное состояние стрелков силились поднять физическими средствами, хотели заставить сытых людей забыть горечь, что осела в их душе после рождественских боев. Пресса пыталась изобразить случившееся как большое достижение и победу, ибо, видите ли, ценою двадцати тысяч убитых и раненых, шестидесяти трех тысяч пушечных снарядов и одиннадцати миллионов винтовочных патронов были захвачены два квадратных километра неприятельской территории, тысяча пленных, тридцать пушек и шестьдесят пулеметов.

«Стрелки! Стоит ли говорить о том, с каким волнением и радостью следил весь народ за вашими успехами на фронте! Наши старания неотделимы от усилий всего народа. Зная это, мы можем быть горды и полны светлых надежд, ибо недалек день, когда мы победным маршем пройдем по всей Курземе. Мы претерпели немало: и боль, и холод, и усталость, и голод, но все это окупается одним маленьким словом — победа. И так же как пали эти укрепленные неприятельские позиции, падут в свое время и будут разгромлены остальные его укрепления. Друзья! Свято храните память павших! Пойдем так же смело в грядущие бои! Отомстим за своих товарищей, освободим отечество, принесем радость всему народу — и наш долг будет выполнен».

Так писали. Как будто терпению бойцов не наступил еще предел или рождественское наступление было лишь увертюрой к какому-то великому героическому подвигу в этой отравленной интригами и предательством войне.

Свой кратковременный отпуск Карл Зитар проводил в полку. О поездке домой не приходилось думать: нужно было заняться пополнением роты. Карла ежедневно посещали отцы и матери убитых и раненых. Они приходили узнать, что случилось с их сыновьями, от которых они перестали получать письма. Молодому командиру роты приходилось видеть горе этих людей, рассказывать им, где и при каких обстоятельствах погиб их сын и где находится та братская могила, в которой он лежит вместе с другими боевыми товарищами. Это была печальная и тяжелая обязанность живых — утешать тех, чьи близкие не вернулись с поля боя. Временами Карла охватывало чувство ложного стыда за то, что он прошел через все ужасы боев и остался жив, не получив ни одного ранения, в то время как тысячи других скосила смерть. Но ведь он сражался так же, как они, не щадил себя, не уклонялся от опасностей.

Самым мучительным было то, что приходилось ободрять убитых горем людей, убеждать их в том, что этими жертвами достигнуто нечто великое и они могут гордиться, что участвовали кровью сыновей в народном жертвоприношении.

«Кому это нужно? И почему это предмет гордости?» — спрашивал себя Карл и не находил ответа.

Возвращаясь после рождественских каникул в школу, Янка в дороге простудился и заболел ангиной. Врач, к которому он обратился за помощью, запретил ему вставать с постели и дал лекарство. Янка пролежал всю первую неделю после каникул, можно сказать, голодный, потому что было больно глотать, каждый проглатываемый кусок вызывал слезы. Но он узнал от мальчиков, что полк брата стоит в Засулауксе [\[53\]](#). Сразу же после рождества в газетах появились многочисленные извещения о павших. Встречались знакомые имена офицеров, стрелков. О Карле ничего не было известно: убит он или ранен, а может, жив-здоров.

В первой половине января, почувствовав себя немного лучше, Янка набрался смелости и отправился в Ригу. Стоял сильный мороз, Даугава и все ее рукава замерзли. Несмотря на то, что Янка тепло оделся и укутал

шею толстым шарфом, он изрядно продрог, пока дошел пешком до Саркандаугавского моста, откуда начиналась трамвайная линия. У Елисаветинской улицы ^[54] он сошел с трамвая и завернул на Эспланаду посмотреть трофеи рождественских боев. Около них толпилось множество народу, слышались различные толки. Какой-то всезнайка показывал батарею, настолько внезапно захваченную, что немцы не успели даже выпустить снаряды. Странно было видеть, как пожилые, серьезные люди, словно дети, радовались военной добыче и говорили о «наших ребятах стрелках» с такой гордостью, точно это они сами добились победы в легендарном бою, а не грелись в теплых постелях и возле горячих печей в ту вьюжную ночь, когда «наши ребята» шли в смертный поход. Пожалуй, это неплохо — гореть вместе с борцами и восхищаться их удальством, — но Янка вдруг обозлился, слушая эти восторженные речи.

Осмотрев трофеи, мальчик по улице Калькю ^[55] отправился на набережную Даугавы. Здесь ему встретились солдаты в шинелях, обгоревших в зимние ночи, когда в перерывах между боями они, продрогшие, грелись у лесных костров. Солдаты разгуливали веселыми группами, останавливались около торговых и ели вареные сардельки с серыми пшеничными булками. Беззаботно болтая, они шутили с проходящими девушками.

«И это они, — думал Янка, разглядывая солдат, — те, кто презирал смерть и творил чудеса?..»

Где-то далеко за Даугавой слышалась канонада: там опять воевали, и шум боя казался таким близким, что некоторые горожане с опаской поглядывали на запад.

На берегу Даугавы Янка встретил стрелков из полка брата и узнал от них, что Карл жив и здоров. Мальчик перебрался через Даугаву. На льду были расчищены дорожки для перевозчиков; они, скользя на коньках, за двадцать копеек перевозили в санках пассажиров на противоположный берег. До Засулаукса оказалось далеко; когда Янка в лабиринте незнакомых улочек сумел отыскать роту брата, наступил уже послеобеденный час.

Карл куда-то отлучился. Вестовой не мог сказать точно, когда он вернется.

— Ничего, я подожду, — сказал Янка. — Пойду в роту, поговорю с ребятами. — Он мог заночевать у брата: дома знали, куда он пошел.

У входа в помещение роты его остановил незнакомый дежурный: раньше Янка не видал этого унтер-офицера.

— К кому вы идете?

Янка назвал фамилию знакомого стрелка.

— Такого у нас в роте нет. Возможно, прежде и был... не знаю.

Янка назвал другую фамилию. Но и того не оказалось. И неизвестно, как бы удалось ему пройти в роту, если бы не подошел ефрейтор третьего взвода:

— А-а, старина! Заходи, заходи, чего ты там торгуешься.

Часть стрелков ушла в город, поэтому в помещении роты было пусто. Многие же из тех, кого Янка когда-то знал, ушли туда, откуда не возвращаются. Они никогда больше не явятся на вечернюю поверку, и вместо них на нарах рядом со старыми товарищами сидели незнакомые люди. Группа, собравшаяся вокруг Янки, была немногочисленна. Одни пали в бою, другие лежат в госпитале — от роты остались жалкие остатки. Янке взгрустнулось при воспоминании о статных, веселых парнях, которых ему больше никогда не увидеть. Они не были его братьями или родственниками, но он любил их, как близких родных. Он вспомнил главного заводилу полка поручика Витыня, элегантного штабс-капитана Родэ — самого красивого парня в полку. Кое-кто из них остался на Тирельском болоте, другие лежат на Лесном кладбище, и никогда больше не раздастся их смех, не порадует глаз их упругая походка.

Один из стрелков, родственник поручика Витыня, хранил его дневник и фотографии. Он дал их Янке посмотреть, и тот, забыв обо всем, погрузился в чтение записок молодого офицера. Как в жизни, так и в дневнике он не мог обойтись без юмора; до самого последнего дня, 28 декабря, его записи носили бодрый, шуточный характер. «Сегодня спать не удастся, предстоит серьезная работенка. А в следующую ночь, возможно, придется искать приюта у гостеприимных девушек Елгавы? Вот был бы для них сюрприз — настоящий рождественский подарок!

Сам Петр не верит — вот чудак,
Что я из Вентспилса моряк!»

А следующей ночью он уже лежал накрытый шинелью около штаба дивизии рядом с семью другими убитыми офицерами, которых стрелки вынесли с поля боя. Вместо гостеприимных елгавских девушек пожелтевшее лицо веселого парня ласкал ледяной ветер.

Под вечер явился дежурный и сообщил, что командир роты возвратился. Простившись со стрелками, Янка поспешил к брату. Комната Карла находилась в соседнем доме. Пока братья разговаривали, вестовой

вскипятил чай и приготовил ужин. Янку поразила перемена, происшедшая в брате. Он и прежде не отличался особой разговорчивостью, а теперь и вовсе с трудом выдавливал из себя слова, а временами обрывал фразу на полуслове. Незнакомые, нетерпеливые жесты, какая-то новая манера резко и всегда неожиданно откидывать голову. На лице его то вдруг появлялась болезненно-сердитая гримаса, то так же внезапно исчезала. Он непрестанно барабанил пальцами по колену и, закинув ногу на ногу, нервно покачивал носком сапога. Все это — новое, несвойственное ему прежде. Карл сделался нервным, раздражительным. Казалось, он даже не рад приходу брата. Слушая Янку, Карл незаметно погружался в думы, а когда брат спрашивал его о чем-либо, словно пробуждался. Янке часто приходилось повторять вопрос.

— Когда ты приедешь домой погостить? — поинтересовался Янка.

— Домой? — взгляд Карла устремился куда-то в угол. — Не знаю. Там видно будет. Вряд ли придется.

— Скажи, Ансис Валтер здоров?

— Ансис? Вероятно. Ах, да, — очнулся он, — Ансис здоров, я вчера его видел. Он теперь старший унтер-офицер. Представлен к «георгию» третьей степени. Мне, кажется, дадут орден Станислава.

И он вдруг неизвестно почему рассмеялся. И было непонятно: радость это или ирония по поводу ожидаемой награды.

Поздно вечером пришли еще два офицера. Один принес с собой бутылку бенедиктина. Они втроем распили ее. После этого Карл точно освободился от внутреннего оцепенения, сделался разговорчивее и, когда оба его товарища ушли, стал болтать с Янкой, как прежде, когда бывал в хорошем настроении; показал трофеи — немецкую каску, бинокль и головку гранаты, убившей ротного фельдфебеля; выложил на стол групповые фотографии офицеров и густо покраснел, когда между фотографиями мелькнуло детское личико Сармите. Чтобы Янка не прочитал надпись на обороте, он сунул ее в пачку уже просмотренных фотографий и отложил в сторону.

Было решено, что Янка заночует у брата, поэтому они после ужина проговорили еще несколько часов. И как раз в тот момент, когда Карл разоткровенничался, из штаба к командиру роты явился вестовой. Карл вышел в переднюю.

Спустя несколько мгновений началась тревога. Карл вернулся взволнованный, быстро надел шинель.

— Полк отправляется.

— Сейчас? — Янке не хотелось верить.

— Да, ротам дается на сборы один час.

Вестовой поспешно связывал вещи Карла.

— Видишь, братец, как получилось, — сказал Карл. — Тебе придется возвращаться домой. Как ты ночью пойдешь?

— Дойду. Я ведь знаю дорогу. А ты... неужели вы сегодня ночью уйдете на позиции?

— Не только пойдем — придется бежать. Утром приказано быть на месте.

В безумной спешке носились вестовые, разыскивая офицеров, собирая солдат. Опустели постели, лихорадочно наполнялись солдатские вещевые мешки, гремели котелки, стучали приклады, строились взводы. Несколько минут спустя по темным улицам окраины маршировали два стрелковых полка — обратно на поле боя, с которого они только неделю назад ушли, чтобы залечивать нанесенные им раны. Лишь несколько дней отдыха, короткий перерыв, и опять война звала их в новые сражения, более жестокие, чем те, которые они уже пережили.

Мало кто видел в ту ночь уходящих стрелков. Утреннюю тишину завтра не нарушат песни и шум шагающей роты. Те, кто еще сегодня ходил по узеньким улочкам, через несколько часов будут лежать в снегу на замерзшем болоте и на них обрушится смертоносный огонь.

Янка, усталый и продрогший, к утру возвратился домой.

Глава седьмая

1

Война продолжалась уже два года. Стали заметно иссякать экономические ресурсы страны, быстро надвигался кризис. Немецкие войска уже применяли отравляющие газы и разрывные пули, подводные лодки топили суда торгового флота.

«Войну продолжать до победного конца!» — вещала пресса.

Когда наступит победа и кто, в конце концов, победит? Годы идут, гибнут миллионы людей, рушится народное хозяйство, нужда и голод душат народы, и солдат начинает тосковать по дому. Все очевиднее становится бессмысленность гигантской бойни.

Чувствовалось, напряжение в стране растет и что-то должно рухнуть. Во время рождественских сражений один из сибирских полков отказался идти в наступление, требуя, чтобы сначала очистили штаб армии от шпионов и предателей. Несколько десятков солдат расстреляли, но этим делу не помогли. Местами уже тайно братались с противником: патрули разведчиков, встречаясь в ничейной полосе, уступали один другому дорогу и стреляли в воздух, инсценируя «случайные столкновения». Некоторые полки на Рижском фронте сочли ненадежными и со стратегически важных участков перевели в тыл.

Продовольствия в городах становилось все меньше, у магазинов росли «хвосты», и открыто процветала торговля казенным имуществом.

Мартын Зитар продолжал наживаться. Рядом с его корчмой стояла большая баня. Теперь ее каждую неделю топили для войска. И каждый раз, когда взводы солдат приходили мыться, Мартын по дешевке покупал у них сапоги, ватные брюки и белье. Каптенармус сапожной команды приносил ему раза два в неделю по куску юфти. Сверху донизу распространилась эпидемия растрат и хищений. Крупные интенданты занимались этим в больших масштабах, мелкие чины — соответственно занимаемому положению. Государство несло убытки, спекулянты наживались. И люди, подобные Мартыну Зитару, отнюдь не мечтали о мире.

В ту ночь, когда полк Карла спешно отправился на позиции, чтобы ранним утром успокоиться навеки в снегах Малого Тирельского болота, в корчме происходила вечеринка. Эльза Зитар любезничала с офицерами,

смеялась, непрерывно танцевала и признавалась, что давно так весело не проводила время. К ее коллекции прибавилась фотография нового поклонника. Прежние друзья изредка присылали письма в надушенных конвертах.

Несколько прапорщиков, два подпоручика и один штабс-капитан. Если бы Эльза пожелала, в коллекции оказался бы еще и полковник, но это был человек средних лет и менее интересный, чем молодые офицеры. Да, она пользовалась успехом. Месяцы и годы летели в пьянящем вихре, одни уходили, другие приходили, и горечь разлуки сменялась радостями встреч. Некоторые из ушедших сложили головы на поле боя, но их место заняли живые, и на этом волшебном карнавале не было времени думать о слезах и печали.

Наслаждайся, юность!
Что там завтра — не горюй...

По улицам Риги в штабных автомобилях с высшим начальством катались сестры милосердия. На берегах Невы веселился величественный Петроград. Лилось потоками шампанское. Взоры тыловых героев улаждали оголенные плечи женщин. Изредка раздавался чей-нибудь предостерегающий голос, напоминавший аристократии, одурманенной пьяными оргиями, о тех, кто в траншеях кормит вшей. Никто, однако, не прислушивался к этим голосам и не думал о мере народного терпения. Два с половиной года выдерживали, выдержат и дальше. Скоро начнется победное шествие на Берлин, и российский двуглавый орел возьмет под свое крыло седую столицу Византии — Константинополь, а Айя-София из мечети снова превратится в православный кафедральный собор — осуществится давняя мечта славянофилов [\[56\]](#).

В таком водовороте событий совсем стусывалась судьба отдельных людей, и даже такое событие, как смерть старой Анны-Катрины, прошло незамеченным жителями побережья. Анну-Катрину в последние годы редко кто видел; для большинства соседей она перестала существовать еще при жизни. Поэтому не удивительно, что в день ее похорон собралось значительно меньше народу, чем при проходах в последний путь капитанов или зажиточных хозяев. Не приехал даже внук старой капитанши Карл Зитар, и от борова, зарезанного специально для поминального обеда, осталось порядочно несъеденных кусков. Кровать и шкаф Анны-Катрины убрали на чердак, комнату проветрили и вымыли пол — она сразу стала

светлее и свежее. Комнат в доме Зитаров было достаточно, поэтому некоторое время она пустовала.

После январских боев от полка, в котором был Карл, остались в строю неполные две роты. Большинство погибло 12 января на Малом Тирельском болоте, когда полк под ураганным огнем немцев пролежал весь день в открытом поле, не имея возможности ни продвинуться вперед, ни отойти назад. В стрелках с каждым днем крепла уверенность в том, что они стали игрушкой в предательских руках темных сил и что в этой нечистой игре не имеет никакого значения проявляемый ими героизм и самоотверженность.

17 января у Пулеметной горки произошел последний ожесточенный бой, в котором пали многие бойцы, благополучно прошедшие Остров смерти, Кекаву и Тирельские болота. После этого на всем фронте наступило затишье. Началась другая, внутренняя война, результатом которой было падение царского трона и конец династии Романовых.

В наступлении 12 января Карл Зитар был контужен, и ему опять пришлось пролежать несколько недель в госпитале. Приблизительно в то же время, когда полк отпустили на отдых в Ригу, Карл вышел из госпиталя и вернулся в роту. За участие в последних боях его наградили новым орденом и присвоили чин поручика. В первый же день к нему явился стрелок и вручил вещи, оставшиеся после павшего 17 января Ансиса Валтера, записную книжку и пачку писем. Карл взялся передать их родным.

Ехать домой нельзя было, в строю почти не осталось офицеров. Ходили разные слухи о событиях в Петрограде. В Государственной думе депутаты произносили бурные речи, кругом открыто поговаривали о внутреннем распаде государства. В Риге уже наблюдались тревожные симптомы: неповоротливых городских обучали шагать в строю, везде шныряли жандармы, а солдатам запретили отлучаться из казарм без разрешения командиров. Стрелки, особенно рижане, не очень-то с этим считались, и многих из них на улицах задерживал жандармский патруль.

Как-то утром Карл, выйдя с ротой на прогулку, увидел около двадцати сибирских стрелков, которых конвоировали жандармы. Когда рота проходила мимо арестованных сибиряков, произошло замешательство, строй рассыпался, и сибиряки перемешались с латышской ротой. Жандармы выхватили шашки. Казалось, сейчас начнется свалка.

Карл, недолго думая, дал команду:

— По казармам, бегом — марш!

Рота вместе со сбежавшими из-под конвоя сибирскими стрелками вскоре нашла приют в маленьких домиках Задвинья. Через некоторое время явилось отделение жандармов, возглавляемое офицером, с требованием выдать сбежавших солдат. Много глаз в эту минуту испытующе, с немым вопросом устремились на Карла Зитара. Тот некоторое время молчал, погрузившись в раздумье.

«Неужели можно выдать боевых товарищей, с которыми мы шли в бой в ту мрачную рождественскую ночь? Тогда мы вместе проливали кровь; тысячи наших братьев вместе полегли костями на Тирельском болоте... Их так же, как и нас, обманули и предали те, в чьих руках власть. Нет, нельзя этого делать! Будь что будет».

И он спокойно ответил жандармскому офицеру:

— Вам придется поискать их в другом месте. Здесь ваших арестованных нет.

— Позвольте тогда произвести осмотр помещений вашей роты! — сердито потребовал жандармский офицер.

— У вас есть на руках предписание о производстве обыска? — спросил Карл.

— Предписания нет, но ведь это только пустая формальность. Вы, как офицер, должны это понять.

— Я, как офицер, скажу вам следующее... — ответил Карл, пристально глядя в лицо откормленного ротмистра. — Уходите отсюда, и как можно быстрее, иначе я не ручаюсь за ответ, который вы можете получить от моих стрелков. Их оскорбляет ваше присутствие здесь.

Одобрительный гул прокатился за спиной Карла Зитара из домиков, где у открытых окон столпились латышские и сибирские стрелки.

— Хороший у вас командир! — говорили сибиряки. — Молодец! Побольше бы таких.

— Мы на него не в обиде, — отвечали латыши. — Не выдал ведь!.. Да и вы не подвели нас на Тирельском болоте.

Жандармы мялись в нерешительности. Герои тыла хорошо знали, что имеют дело с выдавшими виды фронтовиками, и это, конечно, не прибавляло им мужества.

А минутой позже началось такое, чего жандармы никак не могли предвидеть: из окон домиков, где расположилась рота Карла Зитара, в жандармов полетели котелки с супом и поленья. Послышались выстрелы с той и с другой стороны. Убедившись, что здесь ничего не добьешься, жандармы пустились наутек.

— Ну, теперь жди расправы, — рассуждали стрелки, когда суматоха кончилась. — Густую кашу мы заварили.

— А сибиряков мы все-таки не выдадим!

— Ни за что!

Карл Зитар понимал, что ему придется отвечать за столкновение. С минуты на минуту можно было ожидать появления жандармов или следственной комиссии.

Но будь что будет, ведь он не один: вместе с ним, готовая на все, его рота и все эти вырученные из беды сибирские стрелки.

Но все обошлось неожиданно благополучно. Не пришли ни жандармы, ни следственная комиссия. В тот же день, вскоре после этой стычки, по полкам и ротам распространилась весть: «Царь отрекся от престола — в Петрограде революция!»

Чаша народного терпения переполнилась.

— Наконец-то! — ликовал Карл Зитар. — Свершилось! Теперь все пойдет по-иному.

Среди стрелков роты — и не только роты, но и полка — после столкновения с жандармами авторитет Карла Зитара неизмеримо вырос: стрелки считали его своим человеком.

Неделю спустя, после того как весть о революции уже облетела всю необъятную Россию, Карл получил краткосрочный отпуск и поехал домой. На побережье, от Пярну до Гауи, стояла армейская резервная дивизия, и вполне понятно, что один из поручиков этой дивизии нашел радушный прием в Зитарах. Двенадцатый или тринадцатый по счету в коллекции Эльзы, он ничем не отличался от своих предшественников. Красивый, опрятный, сентиментальный, всю войну прятавшийся в тылу, он по сравнению с Карлом казался денди, и Эльзе вначале было неловко знакомить его со своим обтрепанным братом, на шинели которого в нескольких местах виднелись заплаты, папаха была продырявлена пулями, а носки сапог порыжели и голенища собрались в гармошку. Да и сам он совсем разучился улыбаться — все время мрачный какой-то, злой, нервный, с вызывающе угловатыми движениями, громким голосом — настоящий фронтовик. Вместо того чтобы радоваться встрече с родными, Карл доставлял им одни неприятности.

Заметив сидящего в комнате незнакомого офицера, Карл раздраженно отказался знакомиться с ним.

— Кто он такой?

— Командир роты, — поспешила сообщить Эльза. — Такой же, как ты. У отца под Москвой две большие фабрики.

— Скоро у него этих фабрик не будет, — зло усмехнулся Карл. Он с досадой вышел на кухню и уселся на подоконник. Эльза последовала за ним.

— Он живет здесь? — спросил Карл.

— Нет, просто заходит иногда. Очень симпатичный человек.

— Вот как! И что ему здесь надо?

— Какие ты странные вопросы задаешь! Почему же ему не прийти, ведь скучно все время возиться с солдатами. Он же интеллигентный человек...

— Ах, ему скучно! — рассмеялся Карл. — Пусть едет на фронт, это его развлечет. Бедняжка, соскучился. Ха-ха-ха! Не знает, как отцовские деньги спустить.

В кухню вошла мать. Она смущенно переглянулась с Эльзой, но не осмеливалась ничего сказать. Неужели это Карл, тихий, скромный мальчик?

— Кто он тебе? — допытывался он опять.

— Кто? Ну, знакомый, — надулась Эльза. — Тебя не поймешь. Чего ты хочешь от человека? Видно, зазнался на войне.

— Не твоего ума дело, милая сестричка! Но прошу запомнить одно: мне надоело в каждый свой приезд встречаться с этими паразитами, с этими скучающими тыловыми господами. Они мне осточертели до смерти. А сейчас одно из двух: или пусть он сию минуту убирается, или уйду я!

— Ну что вы ссоритесь, дети! — вмешалась мать. — Неужели нельзя по-хорошему? Что тут особенного? Обыкновенный человек. А ты уж сразу взъелся.

— Он или я! — повторил Карл, вставая. Мать только руками развела и вышла.

Эльза презрительно усмехнулась:

— Ты просто стал зазнаваться, вот и все.

— А тебе не стыдно водить знакомство с подобными типами? — резко заметил Карл. — Сын фабриканта... Ха-ха!

— Если ты так рассуждаешь, лучше бы тебе не приезжать. Конечно, ты не ради нас приехал, у тебя здесь свои интересы. Ну в чем ты меня упрекаешь? Разве сам ты не бегаешь на свидания к своей каштановой симпатии? Теперь уж нечего скрывать, мы все знаем. Беги скорее, наверно, заждалась. Она дома.

Карл вспыхнул, не то от злости, не то от смущения. Не говоря ни слова, он вышел в коридор и поднялся по лестнице. Эльза услышала его громкий стук у дверей Валтеров.

— Не удержался. А других осуждает.

Как бы там ни было, но поручика все же следовало удалить. Не придумав никакого повода, Эльза собралась в лавку, и угодливый офицер вызвался проводить ее. Обрато она вернулась одна. Карл еще был у Валтеров.

— Вот соскучилась — и отпускать не хочет, — издевалась Эльза.

— Ладно уж, пусть, — уговаривала ее мать. — Ты с ним будь поласковее. Ведь он не такой плохой, каким кажется. Он немало перенес, совсем доконали мальчика.

— Пусть не вмешивается в мои дела, тогда и я ничего не буду говорить.

Но когда мать послала маленькую Эльгу за Карлом и он спустился к обеду, Эльза все же не удержалась:

— Ну, налюбезничались досыта? Смотри, уже три часа.

Карл некоторое время молчал, затем проговорил безразличным тоном:

— Да, досыта. Я сообщил Сармите о гибели Ансиса, передал ей его вещи. Он погиб семнадцатого января у Пулеметной горки.

После этого в продолжение всего обеда за столом Зитаров царило молчание. Позже, преодолев упрямство, Эльза подошла к Карлу и сконфуженно сказала:

— Ты, наверное, сердисься? Прости, братик, я ведь не знала. Теперь я понимаю.

Карл промолчал.

3

Весна и лето 1917 года.

— Война до победного конца! — хрипло кричит темная стая мракобесов.

— Долой войну! Мир без аннексий и контрибуций! — облетел всю страну исторический лозунг партии большевиков.

«Ленин...» — из окопа в окоп, с фронта на фронт передавалось имя великого вождя революции, вселяя в сердца усталых бойцов надежду и веру в новую жизнь.

Звучали революционные песни, смело и гордо развевались красные знамена.

Рига клокотала. В первомайской демонстрации приняло участие несметное количество людей — народ и армия шли плечом к плечу.

Латышских стрелков было не узнать. Испытав на своих плечах всю тяжесть военного бремени, потеряв столько крови, латышские стрелки, не колеблясь, горячо откликнулись на призыв вождя революции и выразили свое доверие партии большевиков, которая вела народ к власти Советов.

Между солдатами и офицерами образовалась все увеличивавшаяся пропасть. Часть офицеров нашла с солдатами общий язык, и впоследствии они вместе прошли далекие фронты гражданской войны, защищая и охраняя молодую власть Советов; другая часть завязла в болоте реакции и контрреволюции, и их дальнейший путь был темен и полон позора, — изменив народу, они стали его врагами.

На фронте началось открытое братание.

Карла Зитара эти события не застигли врасплох. Когда настал решающий момент, ему не пришлось мучиться сомнениями: он пошел вместе со стрелками. Они давно уже считали его своим. Позже, когда началась чистка рядов армии от враждебных элементов и стрелки, обсуждая на открытых собраниях вопрос о доверии офицерам, изгоняли одних и оставляли на командных должностях других, Карла единогласно выдвинули командиром батальона вместо забаллотированного подполковника.

В начале лета полк Карла опять отправили на позиции. На фронте царило затишье — да иначе и не могло быть, раз в окопах шло братание. Карл за это время успел прочитать некоторые произведения Ленина. Иногда по вечерам он приходил к стрелкам и принимал участие в их беседах о целях революции и о последних событиях в жизни государства. И нередко ему приходилось убеждаться, что некоторые из этих простых парней, проучившиеся в школе не более двух лет, гораздо правильнее и глубже понимают смысл и сущность происходящих исторических событий, чем кое-кто из офицеров, в свое время протиравших штаны на скамьях гимназий, реальных училищ и даже университета.

...Для Зитаров нынешнее лето оказалось очень удачным. Давно так хорошо не ловилась салака, как в этом году. Весь май и июнь капитан с Эрнестом каждое утро привозили полные сети, и коптильня дымила до позднего вечера. На салаку держалась высокая цена: на базаре не хватало мяса и других продуктов. Кое-кто из менее разборчивых горожан уже ел жаркое из конины и жеребьячьи котлеты. Скупщики из Риги приезжали на побережье за копченой салакой и скупали у рыбаков все до последней калы.

Сармите Валтер работала в рыбокоптильне Зитаров низальщицей, а ее мать чинила хозяйские сети, потому что Эльза Зитар была настоящей

барышней и ей не пристало держать в руках коклюшку или иглу для нанизывания салаки.

Эльза недавно вступила в кружок молодежи, который раза два в неделю собирался в помещении волостного правления и разучивал революционные песни. Вообще Эльза стала очень активной, хотя активность эта носила чисто показной характер. Она не могла оставаться в стороне, когда в жизни и настроении общества происходили перемены. Когда «лучшие круги» латышского общества увлекались подражанием немецкому, она была усердной «липовой немкой». Война наполнила ее сердце патриотическими чувствами, немец Рутенберг получил отставку, и Эльза избыток своей любви перенесла на защитников отечества — солдат, унтер-офицеров, офицеров. Так неужели же она сейчас изменит своему обычаю? Конечно, нет. Слишком последовательные люди смешны — это все равно, что всю жизнь носить одно и то же, давно вышедшее из моды платье. Эльза считала, что человек должен обладать эластичными свойствами пружины или резины. Умный человек всегда старается подчинить свои индивидуальные особенности требованиям окружающей среды, в которой ему приходится жить. Счастлив человек, который всегда может сказать «да». Эльза Зитар принадлежала к числу таких людей.

...Ингус все это время плывал на транспортных судах — летом между Архангельском и Англией, в зимние месяцы в Средиземном море, между Порт-Саидом и Дарданеллами. Дважды суда, на которых он находился, были торпедированы, но оба раза ему удалось счастливо избежать гибели и сразу же устроиться на другие суда. В последнее время он расстался с Волдисом Гандрисом, тот получил место капитана на небольшом пароходе и плывал в других водах. После Иванова дня Зитары получили от Ингуса последнее письмо. Он сообщал в нем, что в следующий рейс переходит вторым штурманом на большой английский торговый пароход «Канадиэн Импортер» и в конце июля отправится за грузом зерна через океан из Манчестера в Канаду. После этого до конца августа от него не было никаких известий.

В субботу 19 августа 1917 года началось большое наступление немцев на Ригу. За день до этого капитан Зитар поехал в город, чтобы получить деньги за проданную рыбу. На обратном пути он с удовлетворением подумал о своем благополучии. Казалось, этим летом счастье опять

улыбнулось семейству. Доход от рыбного промысла составлял кругленькую сумму, а на полях зрел обильный урожай. Капитан рассчитывал, что нынче Янка сможет поступить в среднюю школу. Прогимназию он окончил блестяще — грешно оставлять его дома. Недавно Зитару удалось приобрести строительный материал для постройки парусника. Что если приступить к делу этой осенью? Война, по всему видно, близилась к концу: за все лето не раздалось ни одного пушечного выстрела. Может быть, будущей весной вернется Ингус с какими-нибудь деньгами и закончит то, что начал отец. Возродится, наконец, прежнее благосостояние Зитаров, их суда опять начнут бороздить моря, и можно будет приобрести, в конце концов, пароход. Его назовут «Андрей Зитар». И, чем черт не шутит, возможно, под старость капитан еще удостоится чести стать консулом. Консул Панамы или Колумбии! Консул А. Зитар. Это звучит неплохо. Подобные мысли привели его в хорошее расположение духа. Вернувшись домой, будущий консул был очень весел, шутил с женой, дразнил Эльзу, прятал от нее привезенный подарок.

«Наверно, где-нибудь хлебнул», — решила Альвина, но при более тщательном наблюдении эта догадка не подтвердилась. Поди узнай, что со старым стряслось! Чудит как шут гороховый.

В этот день старый Зитар смеялся в последний раз. В субботу проснулось долго дремавшее чудовище — фронт. Загрохотали сотни батарей, немецкие войска тронулись со своих мест и двинулись через Даугаву, чтобы быстрым маршем зайти в тыл Двенадцатой армии и взять в плен защитников Риги — триста тысяч воинов, с артиллерией и прочим военным имуществом. Это была головокружительная и, казалось, легко достижимая цель, ибо при быстром наступлении от Икшкиле до берега моря можно было добраться за один день. Если бы план удался, это явилось бы новым Седаном ^[57], самым блестящим достижением за всю войну, более выдающимся, чем Танненберг и уничтожение армии Самсонова в лесах Восточной Пруссии. И почему бы ему не удался? В сущности говоря, никакой войны уже не было — просто военная прогулка по территории противника. Но этот марш мог иметь очень важные последствия. Такой головокружительный успех на Рижском фронте поднял бы моральное состояние немецкой армии. Множество трофеев, целые корпуса пленных, давно желанная «Балтийская провинция» в руках немцев — тут от радости и мертвые из гроба встали бы.

Все было так хорошо продумано, каждое обстоятельство взвешено, и, тем не менее, надежды немецкого командования осуществились лишь частично, по той причине, что под колеса сокрушающей и неотразимой

немецкой военной машины попал маленький камешек — несколько пехотных полков, — и она споткнулась об этот камешек. Споткнулась так ощутимо, что целый день не могла подняться и двинуться вперед. Когда ей удалось это сделать, было уже поздно: Двенадцатая армия отошла, и окружение не состоялось. Седан не повторился, славная страница в немецкую военную историю не была вписана.

...В субботу в Зитарах, как обычно, истопили баню, но вечером, когда все собрались мыться, на побережье показались первые обозы. Медленно шагали громадные украинские волю, поднимая на дороге тучи пыли. Фыркающая и отгоняющая хвостами мух, тянули пушки коренастые артиллерийские лошади. Сначала караваны отступающих и беженцев были редки, но вскоре они превратились в непрерывный поток. Среди военных подвод виднелись лошаденки гражданского населения, небольшие стада домашнего скота, женщины, дети, старики. Нервно сигналивая, протискивались вперед автомобили со штабным начальством и сестрами милосердия. Кавалерийские эскадроны, будучи не в состоянии обогнать колонну едущих, поворачивали коней и, перескочив через придорожные канавы, двигались полями, начисто вытаптывая посевы овса и ржи. У Зитаров погибли все придорожные посева. Капитан издали смотрел на опустошение и не произносил ни слова. Он видел, как солдаты ловят кур, как обозники уносят с полей целые охапки клевера и вырывают картофель. Это было его имущество, заботливо им посаженное и обработанное. И если бы вчера кто-нибудь его тронул, он не стоял бы здесь молча. А сегодня... Все походило на кошмар, на дурной сон. Так, вероятно, будет себя чувствовать человек, когда наступит конец света. Все гибнет. Огонь и подковы лошадей уничтожают плоды твоих трудов, и рука не поднимается для протеста. Нет даже настоящей жалости к гибнущему. Нет злости, ненависти, ничего больше нет. Есть только тупое чувство удивления и растерянности.

Всю ночь доносился гул с дороги. Под утро над лесом на восточной стороне небосклона появилось зарево. Эрнест от кого-то узнал, что солдаты подожгли имение и теперь грабят интендантский склад; потом и его собираются сжечь.

Эрнест быстро отыскал мешок и, сунув его под мышку, поспешил в имение.

Он бежал через лес, весь обливаясь потом, и думал по пути, что будет брать и сколько войдет в мешок. На пригорке, в полукилометре от имения, ему встретилась подвода, нагруженная разным имуществом. Эрнест узнал своего дядю, Мартына Зитара.

— Ну, как там, еще что-нибудь осталось? — спросил Эрнест.

— Сколько хочешь. Почему ты не взял лошадь?

Эрнест уже не отвечал. Ему некогда было даже смотреть, что у Мартына на возу.

Вот и склад. Сколько там народу! Солдат немного, все больше местные жители. Вломившись в толпу, Эрнест хотел сразу кинуться в сарай, но его оттолкнул какой-то солдат.

— Потише, голубчик, куда торопишься!

Эрнест осекся и поспешил предложить солдату папиросу.

— Разве нельзя?

— Конечно, нельзя.

Но у многих в руках были солдатские сапоги, пачки брюк и свертки с бельем. С мешками, правда, никого не было. Из разговоров окружающих Эрнест понял, что запасы, находящиеся на складе, обольют керосином и сожгут. Возможно, уже обливают. Спрятав мешок под пиджак, он стал потихоньку продвигаться к дверям сарая. Дружески улыбаясь караульному, он вопросительно подмигнул и предложил ему папиросу. Караульный взял всю пачку и пропустил в сарай. Эрнест очутился у громадной груды вещей. Пахло нафталином. Здесь лежали брюки, гимнастерки, сапоги, шинели, полушубки, продуктовые мешки, медные котелки и белье с клеймом, местами груды были разворочены и вещи раскиданы по земляному полу. Кое-где рылись мародеры. Эрнест не знал, что брать. «Жаль, что не приехал на лошади. Дядя Мартын умнее меня». Наконец, он опомнился и с жадной поспешностью стал запихивать в мешок все, что казалось поценней. В самый низ втиснул две шинели, затем несколько пар сапог, оставшуюся половину мешка заполнил солдатскими гимнастерками и черными артиллерийскими брюками, сверху положил еще полушубок, но не смог завязать мешок и с сожалением вынул полушубок. Оставлять его он не хотел. Завязав мешок, Эрнест надел полушубок и с трудом взвалил тяжелую ношу на плечи. В мешке было примерно около двух пудов. Тяжесть солидная, да еще полушубок на плечах, а время года такое, что люди ходят босиком, расстегнув ворот.

Эрнест с мешком на спине медленно дошел до пригорка. Он весь взмок, ноги подкашивались и перехватывало дыхание. Но он не сдавался. Время от времени присаживаясь отдохнуть, он ощупывал сквозь мешок носки сапог, и сердце его всякий раз загоралось радостью.

Добравшись до опушки леса, он в последний раз оглянулся. Слева от старого замка поднялся к небу, рассыпая огненные искры, новый столб пламени: горел склад. Пропало все добро! Много, много добра.

«Зачем они все жгут? — думал Эрнест. — Самим не нужно — отдали бы мне».

При воспоминании о вещах, что там остались, у парня защемило сердце. Ему казалось, что горит не военный склад, а его собственное богатство. Что значил этот пустячный мешок по сравнению с полным сараем вещей?

Немалых трудов стоило Эрнесту дотащить мешок до дому. Но отец вместо благодарности только высмеял его:

— Вот пустая голова! Скоро придется свои вещи бросать, а он чужие тряпки домой тащит.

5

В ту ночь в Зитарах никто не спал. Капитан в тревоге ходил из комнат во двор, со двора на дорогу. Коровник и клеть закрыли на замок, скотину и птицу загнали под крышу, и все же он чувствовал страх перед многолюдным потоком, устремлявшимся на север. Для этой толпы не существовало ни власти, ни закона. Она, как дикое стадо, стремилась вперед, подчиняясь инстинкту. Военные учреждения и артиллерия без пушек уже проехали, теперь шли разрозненными группами пехотинцы, усталые, угрюмые, одичалые и наполовину безоружные.

Одна из проходивших групп заночевала в прибрежном лесу и развела костер. Солдаты поймали где-то довольно большого поросенка. Его тут же около дороги зарезали, наскоро освежевали и всю ночь варили мясо. Дрова брали из штабеля Зитаров, для растопки изрубили старые ясли, валявшиеся под навесом конюшни. Каждый делал что ему нравилось, и никто даже не пытался что-либо запретить. Наутро, когда солдаты отправились дальше, Эрнест обшарил место их стоянки и обнаружил свиную шкуру, два топора и пороссячью голову. Все это он унес домой.

Вскоре к Зитарам завернуло несколько офицеров выпить молока. Они отстали от своих частей и ничего точно не могли сказать о немцах. Один из них утверждал, что передовые немецкие части уже находятся в Цесисе, а около Царникавы кто-то видел их кавалерийские разъезды; другой сообщил, что ночью два цеппелина бомбили шоссе около Ропажы. Сегодня саперы взрывают мосты на приморской дороге — кто не успеет уехать, останется в плену у немцев.

Беженцы, едущие из-под Риги, рассказывали о немцах всякое. Говорили, что из-за латышских стрелков они очень злы на латышей —

отнимают все имущество. И если кто-нибудь из местных «липовых немцев» взъялся на латыша, то достаточно одного слова, чтобы пруссаки его расстреляли. Другие, наоборот, утверждали, что немцы относятся к мирному населению хорошо и у них можно достать сколько угодно коньяка и вина. Кто-то даже рассказывал, что его брат, всю войну страдавший без спиртных напитков, только потому и остался в Риге, чтобы хорошенько напиться.

Но никто не знал правды. Слухи множились, как грибы после дождя; то, что один высказывал как предположение, другой выдавал за факт, растерянные люди, жадно подхватывали и распространяли фантастические слухи. Что делать — оставаться или бежать? Каждый должен был решать это сам. Со стороны Юглы доносилась артиллерийская канонада, вспыхивало зарево пожаров. А людская лавина, катившаяся по всем дорогам к северу, обладала такой же притягательной силой, как большой пароход, увлекающий за собой попавшие в водоворот мелкие предметы. Наблюдающему нескончаемые вереницы подвод казалось, что сдвинулся с места весь народ, и становилось страшно при мысли остаться одному в этой пустыне, разоряемой уходящими войсками и обреченной на окончательное опустошение теми, кто следует за ними по пятам.

И как-то так получилось, что, не сговариваясь, женщины Зитаров сразу же после завтрака принялись кое-что увязывать в узлы, а мужчины смазали колеса телег и осмотрели, в порядке ли сбруя. Они еще не думали об отъезде, это совершенно не укладывалось в их уме. Как можно оставить обжитое, привычное место и отправиться неизвестно куда? Они только готовились на всякий случай, если окажется, что другого выхода нет, если появится что-то более властное, чем их разум и воля. Ведь должна же прийти эта внешняя сила, наступит какой-то роковой момент, иначе человек не в силах сам оставить то, что было смыслом всей его жизни, для чего проливал пот и о чем думал заботливо всю жизнь.

Но ничего необыкновенного не случилось. Никто не сказал решающего слова: «Иди!» Все произошло совсем незаметно, само собой. Вначале человека охватывало равнодушие, апатия и душевная усталость. Ему не хотелось больше думать и до конца понять происходящее. Постепенно он поддавался массовому психозу, потребности двигаться, и, наконец, его подхватывало течение, и он инстинктивно доверялся ему, надеясь, что оно унесет его прочь от ужасов войны, от неприятеля, от ненавистной власти баронов.

Сармите и ее матери было легче решиться. Они уже снялись с насиженного гнезда. Зитары не были ни их домом, ни родиной. Уходя

отсюда, они ничего не теряли. Везде их ждало то же, что и здесь: если теперь оставаться на месте, то какой же смысл был уезжать из своего дома. Они связали вещи и положили их на воз, забрав с собой все, что имелось. Глядя на них, и Зитары стали грузить на подводу более ценные вещи. Но разве в состоянии увезти две, пусть даже сильные лошади имущество, накопленное и пополнявшееся тремя поколениями? Самая основа их жизни, дом и земля, оставалась на месте. И когда возы были нагружены до отказа, все увидели, как много всего остается. Старый хозяин на миг словно протрезвел.

«Что я делаю? Ведь это сумасшествие...»

Но он не высказал этого. Растерянный ходил он по двору, касаясь то одной, то другой вещи, и в раздумье посматривал на дорогу. Там, поскрипывая и пыля, тянулись караваны беженцев, и ниоткуда не приходило ответа на сомнения капитана Зитара.

— Папа, а если бы мы поехали морем? — заикнулся Янка. — У нас две лодки, и погода совсем тихая...

Море... В самом деле, как он мог забыть об этом? В две лодки поместится гораздо больше вещей, чем на двух подводах. Янка, Эрнест и Криш могут ехать морем, а хозяин с женщинами — на лошадях. В одном из прибрежных селений они встретятся. Но тогда следует сейчас же собираться.

Подводы подвезли к морю, и вещи перегрузили в лодки. Оказалось, что еще есть свободное место. Значит, можно взять кое-что из мебели. В то время как мужчины трудились на берегу, женщины с помощью Сармите и ее матери увязывали новые узлы, вытаскивали во двор ящики и тюки, укладывали посуду и продукты. К обеду лодки и обе подводы были нагружены. Многие соседи успели уехать, другие, подобно Зитарам, еще собирались, но отъезд уже не казался таким невероятным — уезжали почти все. Зитар даже почувствовал, что ответственность за отъезд свалилась с его плеч: не он первый решил уехать.

В час дня, когда женщины подоили коров, Зитары и Валтеры отправились в путь. В последнюю минуту капитан передумал и решил сам ехать на лодках, а с подводами отправить Эрнеста, потому что наиболее ценные вещи находились в лодках, а по морю езда опаснее. Четырех коров привязали к задкам телег, а обоих подсвинков и борова женщины гнали по дороге. Из-за скотины возам пришлось двигаться вперед очень медленно.

У Альвины были красные, заплаканные глаза, Эльза казалась спокойной, а Эрнест был слишком занят лошадьми, чтобы дать волю каким-либо чувствам... Горели дачные домики. В воздухе стоял гул

моторов аэропланов и автомобилей. Когда Зитары въехали в соседнее селение, какой-то рыбак сообщил, что в заливе замечены немецкие военные корабли, а утром совсем близко от берега показалась подводная лодка.

— Господи боже, а наши поехали морем! — запричитала Альвина. — Пустят их ко дну вместе с вещами!

— А ты не слушай, что болтают... — проворчал Эрнест. — Лодки идут совсем близко к берегу. Да и если наши заметят немцев, они смогут укрыться на берегу. Ну, Анцис, пошевеливайся!

И они поехали дальше.

Глава восьмая

1

Оба воза Зитаров были так перегружены, что на неровных участках дороги лошади еле тянули их. По обочинам валялось разное добро: солдатская одежда, пустые вещевые мешки, котелки, штыки, патроны — то по одному, то целыми обоймами — и даже винтовки. Двигаясь медленно, Эрнест подбирал все, что мог. Два карабина он спрятал на возу. Затем повесил на плечо солдатский вещевой мешок и стал собирать в него патроны. Заметив, что и другие парни подбирают отбросы отступающей армии, он поручил женщинам управлять подводами, а сам постарался намного опередить своих конкурентов. Он ничего не хотел оставлять — был ли это блестящий штык, брезентовый патронташ или ватные солдатские брюки. Увешанный всяким хламом, он возвратился к подводам и спрятал там свою добычу. Наконец Альвина возмутилась:

— Совсем одурел! Весь мусор хочет с собой забрать. Увидит офицер, еще под суд отдаст.

Эрнест не беспокоился об оставленном в Зитарах имуществе, но, когда случалось проходить мимо чужой пары сапог или ящика с пулеметными лентами, его охватывала жадность. Он долго оглядывался, и, если кто-нибудь из едущих сзади подбирал понравившуюся ему вещь, у него сердце обливалось кровью. А что если выбросить из подводы какую-нибудь рухлядь, например, подойник или старый мучной ларь? Тогда можно бы еще кое-что подобрать. Он осторожно заикнулся об этом матери, но та принялась бранить его. Может быть, Валтеры возьмут к себе на воз что-нибудь? У них вещей меньше, а лошадь за лето отъелась, как линь. Грешно упустить такую возможность.

— Сармите, ты не положишь к себе на воз этот пояс с патронами? Он не очень тяжелый...

Валтериене, услышав разговор, сразу запротестовала:

— Патроны? Ты с ума сошел! Еще взорвутся. Долго ли до беды.

«Гусыни!..» — Эрнест надулся и с горя хлестнул кнутом лошадь. Лучше бы он поехал на лодке, по крайней мере, не пришлось бы расстраиваться. Да разве с бабами сговоришься? Им не понять, чего стоят эти вещи.

Проехав несколько часов, они добрались до места, где от главной магистрали ответвлялась дорога, ведущая вдоль берега моря, на север. По ней они должны были доехать до рыбацкого поселка, где сговорились встретиться с капитаном и остальными. Свиньи еле тащились, и из-за них приходилось очень медленно двигаться. Отделившись от большого потока беженцев, которые направились по большаку дальше, в Лимбажи, они остались без попутчиков. Отступающие войска здесь не проходили, поэтому на обочинах дороги не валялось ничего, и Эрнест понемногу успокоился. Но вместо этого возникла другая неприятность. У каждого дома их встречали крестьяне и засыпали вопросами: далеко ли немцы? Они-то сами откуда едут и куда направляются?

Иные оказывались настолько любопытными, что долго провожали, продолжая расспросы. И все они задавали одни и те же вопросы. Каждый хотел слышать грустное повествование беженцев с начала до конца, и это уже становилось утомительным. Когда они замечали возле следующего хутора толпу ожидающих, это раздражало. Их ответы становились более односложными, порою даже резкими, на некоторые вопросы они совсем не отвечали или отвечали так желчно, что любопытствующие недоумевали.

Наивные, они не понимали, что у беженцев достаточно своего горя, чтобы вникать еще в их заботы, и потому им казалось, что беженцы горды и заносчивы.

Вечером остановились ночевать на опушке леса. Развели костер и сварили ужин. Свиньи были настолько загнаны, что о дальнейшем их пути не могло быть и речи.

— Надо зарезать, — решил Эрнест. — Иначе мы не дойдем и ко второму пришествию.

Не встретив возражения, он насадил на винтовку штык и заколол обеих свиней. Громадный боров долго боролся со смертью и визжал. Тогда Эрнест прикончил его выстрелом. Внутренности выпотрошили, туши прополоскали теплой водой и неопаленными сложили на воз.

Утром двинулись дальше и под вечер добрались до рыбацкого поселка. Капитан и все остальные приехали туда еще к полудню. Путешествие морем прошло хорошо. Янка, правда, утверждал, что ночью видел в море огни военного корабля, но Зитар не поверил: вероятно, Янка принял за огни корабля звезды. Так часто случается даже и с бывалыми моряками.

В поселке они никого не знали. Домишки рыбаков были заполнены солдатами одной из частей Туркестанской дивизии. Первую ночь беженцам пришлось провести в прибрежном лесу под открытым небом. Погода была тихая и ясная. Мужчины прежде всего устроили из парусов палатки. Когда

с этим было покончено, капитан велел вскипятить воду и ошпарить свиней.

— Мы теперь настоящие цыгане, бродяги, — сказал он, разрубая окорока, и от такого сравнения всем стало немного веселее.

В самом деле, если поразмыслить, не так уж все мрачно: еды хватало, жизнь под открытым небом для рыбаков привычное дело, а морякам — кругосветным путешественникам — под чужим небом спалось так же сладко, как на родине. О том, что будет завтра и послезавтра, сейчас не хотелось думать. Только поздно вечером, когда со всеми делами было покончено и беженцы сидели у догорающего костра, тишина и темнота, царившие кругом, пробудили грустные мысли: все вдруг почувствовали себя изгнанниками, раздался чей-то подавленный вздох. Робкий вопрос раскаленным углем упал в их души и вызвал щемящую боль:

— Как-то теперь там, дома?..

2

Толки о появлении немецких военных кораблей в Рижском заливе не были лишены оснований. То здесь, то там показывались минные тральщики или подводные лодки, и в прибрежных селениях жизнь становилась небезопасной. Это и послужило главной причиной того, что Зитары, а вместе с ними и Валтеры, прожив несколько дней в селении, отправились дальше. Да и квартиры они здесь не нашли. Все крестьянские и рыбацкие дома заполнили солдаты; для скотины не хватало пастбища. А приближение осени заставляло подумать о жилье более основательном, чем палатка.

Беженцы разобрали палатки и направились вглубь страны. Зитарам пришлось часть вещей оставить на побережье, у чужих людей, разрешивших сложить их в клеть. На следующий день около полудня они доехали до имения, где управляющему нужны были рабочие для уборки урожая, — многих батраков призвали в армию. Хозяину, привыкшему всю жизнь работать на собственных полях, положение батрака вряд ли могло показаться привлекательным. Однако, стиснув зубы, Зитар принял предложение управляющего и поселился в старом доме для батраков. Вместо привычного родного гнезда всей семье пришлось удовлетвориться большой комнатой в полуразвалившемся доме и темной, кишасей тараканами кухней, которой, кроме них, пользовались еще две семьи. Валтериене с Сармите получили комнату в другом конце дома, и так как Зитарам было тесно, то в эту комнату временно перебрались и Эльза с

Эльгой.

Каждой семье разрешили оставить себе по одной корове и пасти их в помещицьем стаде. Остальных коров Зитар продал армии. Криш нанялся пастухом в имение. Сармите и Эрнест с понедельника отправились в поле и вместе с батраками, под присмотром старосты косили хлеб. В конце концов, переломила себя и гордая Эльза: повязав по-крестьянски платок, она стала ходить на работу. Казалось, последние события смягчили характер девушки. Она перестала насмехаться над окружающими, не сторонилась людей и наконец подружилась с Сармите, чего не случилось за время двухлетней совместной жизни в Зитарах. Да, ей начинала нравиться эта маленькая девушка из Курземе, несмотря на ее простоту и неразговорчивость. Карл любил ее, следовательно, она наполовину свой человек, к которому надо привыкать. Возможно, впрочем, что симпатия эта была вызвана другими, более понятными причинами: одиночество, отсутствие подруги и сходство судеб. Чужбина сближает людей, имеющих общую родину и связанных воспоминаниями. Говорит же пословица: голодный черт и мухе рад...

Устроив семейство, капитан Зитар с Янкой привезли оставленные на побережье вещи и после этого стали работать в имении на обеих лошадях: возили хлеб в амбары, выполняли гужевую повинность, пахали картофельное поле. Находясь целыми днями среди людей, они забывали свое горе — не было времени печалиться.

Зитары уже примирились было с новым положением, когда судьба нанесла им новый удар. Как-то в газете появилось следующее сообщение:

«Штормы, бушевавшие последние дни в северной части Атлантического океана, причинили судоходству большие убытки. У берегов Ирландии потерпели аварию несколько судов. Большой английский торговый пароход „Канадиэн Импортер“, находившийся в пути из Манчестера в Монреаль, затонул в 1200 морских милях к востоку от Ньюфаундленда. На подаваемые „Канадиэн Импортер“ сигналы к нему поспешил американский танкер „Джон Хардинг“, но спасти людей с потерпевшего аварию парохода не представилось возможным из-за высоких волн — они все погибли...»

«Канадиэн Импортер»... Ведь это же тот самый пароход, о котором Ингус писал в своем последнем письме. Он был на нем. Следовательно, Зитары потеряли старшего сына.

Через имение пролегал большак, ведущий из Лимбажи на Валмиеру. Почти ежедневно здесь проходила какая-нибудь воинская часть. За это время жители Видземе повидали и сибирских стрелков, и киргизские рабочие дружины, уральских и забайкальских казаков, а изредка здесь брел и летчик, оставшийся без аэроплана. Куда они направлялись, с какой целью их перебрасывали и какой в этом смысл, не знал никто. Казалось, что перед окончательным распадом разгромленная армия в последний раз шествовала перед народом во всем своем многообразии, демонстрируя свою подлинную численность, чтобы затем исчезнуть навсегда в бескрайних просторах России.

Однажды кучер управляющего имением принес весть о том, что в соседнем имении остановился женский «батальон смерти» [58]. И действительно, эти амазонки не заставили себя ждать. В мужских мундирах, стриженные, в брюках, оттопыривающихся по-женски на зад, и в поднимающихся на груди френчах они разъезжали верхом по дорогам до ближайшей станции и обратно. Каждый их шаг сопровождали насмешливыми улыбками и ядовитыми словечками:

— Спасительницы родины!.. Последний оплот Керенского!..

Эрнест Зитар дразнил сестру «смертницами».

— Тебе, верно, тоже хочется надеть галифе? Тебя ведь всегда прельщали военные мундиры. Теперь представляется возможность.

— Я с тобой и говорить не хочу, — отрезала Эльза. — Покури лучше шелк.

Это напоминание теперь уже не волновало Эрнеста.

— Шелк вещь неплохая. А как все-таки насчет батальона? Ты только посмотри, какие у них кони. Скачут как бешеные. Верхом легче бежать, чем пешком. Мне один унтер рассказывал, что у них в батальоне у каждой имеется по кавалеру. Как раз наполовину — сколько дам, столько кавалеров. Интересная служба, не правда ли?

— Ты, вероятно, сожалеешь, что тебя там нет?

— Я бы не прочь к ним попасть.

— Вот пойдешь и скажи об этом, может, примут. Будет и у тебя дама.

— Ты думаешь, у меня их здесь мало? Э-э... в имении девчонок сколько хочешь.

— Только на тебя ни одна не смотрит. Странно, не правда ли? Такой изящный молодой человек, курит шелк, но почему-то не пользуется успехом. Интересно знать почему?

Так они беззлобно поддразнивали друг друга, и похоже было, что эта словесная перепалка обоим нравилась.

Вскоре после появления «смертниц» в имении остановился один из полков Туркестанской дивизии. Солдаты не ходили ни в какие наряды. Днем они слонялись, обшаривали окрестные крестьянские усадьбы, высматривали картофельные ямы и хлева, а по ночам часть из них играла в карты на деньги, в то время как другие занимались набегами на хутора. Все солдаты были при деньгах. Откуда они их брали, оставалось загадкой. Но по утрам, обсуждая выигрыши и потери минувшей ночи, называли крупные суммы. Кое-кто хвастливо показывал полный кошелек бумажных денег. Редкая карточная игра не кончалась дракой. Иногда по ночам слышалась даже стрельба.

Самые заядлые игроки не участвовали в набегах, так как за деньги могли приобрести то, что другие добывали в ночных походах. Вооруженные винтовками, налетчики смело входили в дом, выдавая себя за лиц, которым поручена реквизиция, и брали все, что хотели. Менее требовательные довольствовались содержимым картофельных ям или курицей, а те, кто был бесцеремонней, вламывались в хлева и клетки. Каждое утро в имение к командирам приходили с жалобами крестьяне: у одного украли свинью, у другого унесли ведро масла, третий жаловался на пропажу теленка. Для отвода глаз изредка производили обыски в помещениях над помещицьею конюшней и большим хлебным амбаром, где размещались «туркестанцы», но ничего не находили. А в парке имения пылали костры и в котлах варилось мясо.

Почувствовав в «туркестанцах» родственников по духу людей, Эрнест Зитар сдружился с ними. Один из взводов расположился в доме садовника, и туда часто навещался Эрнест. Как-то раз, войдя в комнату, где на полу была разбросана солома и валялись разные солдатские вещи, он заметил в углу большой таз, наполненный медом.

— Попробуй, — предложили солдаты, и Эрнест не заставил себя упрашивать.

На следующий день к командиру полка пришел крестьянин с жалобой: воры ограбили пасеку. Опять обыскали помещение над конюшней и амбар, и по-прежнему безрезультатно. Как бы подчеркивая беспомощность начальства, «туркестанцы» на следующее утро открыто продемонстрировали свои способности: среди бела дня, на глазах начальства, батраков и управляющего имением, они взломали погреб помещика и унесли весь урожай яблок этого года. Офицеры сочли благоразумным скрыться, управляющий видел все, но не сказал ни слова, а появление садовника вызвало веселый смех мародеров.

— Нечего беречь баронское имущество! — говорили они, растаскивая

полные мешки сочных плодов. Они не скупилась и щедрой рукой угощали батраков, у которых не хватало смелости пойти в погреб. Только Эрнест не отставал от них и притащил домой изрядный мешок яблок. Мать с отцом принялись бранить его, но он отнесся к этому спокойно: баронское имущество нечего жалеть.

За месяц, прожитый в чужом имении, старый Зитар пришел к убеждению, что дальше так жить невозможно. Он, привыкший не только выполнять все тяжелые крестьянские работы, но и быть хозяином в доме, водить суда и распоряжаться всем по своему усмотрению, в роли батрака-поденщика чувствовал себя, как птица, у которой связаны крылья. Молодым было легче привыкать к новой обстановке — хребет капитана слишком затвердел для того, чтобы гнуться по чужой указке. Но больше всего ему не хватало моря. Прежняя тоска, как неизлечимая болезнь, все больше охватывала душу старого моряка, ему недоставало соленого дыхания морских просторов, рокота волн и далекого горизонта — открытой двери в мир.

Зитар заговорил о дальней поездке — в Архангельск, Одессу, Владивосток... Это очень далеко. Но разве не бывал он в самых отдаленных уголках света и разве не находил каждый раз дорогу домой? Ведь это же не навсегда, только до окончания войны. Потом можно будет опять возвратиться на родину. Каждый день следовало ожидать нового наступления немцев, а жизнь под их игом Зитары рассматривали как величайшее унижение.

Важным обстоятельством, натолкнувшим их на мысль об отъезде, была весть, принесенная Зитарам одним из их дальних соседей — Ремесисом, уехавшим из дому в тот момент, когда немцы уже вступили на прибрежную полосу. Он будто бы своими глазами видел, как кавалеристы подожгли строения усадьбы Зитаров, и она сгорела дотла. Если это действительно так, значит, Зитары остались без родного крова и им незачем торопиться назад.

Почти каждый день какая-нибудь семья беженцев уезжала в Россию. Оставшихся пугал призрак голода, который с каждым днем становился все ощутимее. Надвигающаяся зима представлялась всем грозной и безрадостной. А солдаты-сибиряки рассказывали о своей богатой родине заманчивые вещи: там хлеба столько, что некуда девать. Плодородная степь

ждет не дождется новых пахарей, земли можно получить по пятнадцать десятин на каждого мужчину, и за это ничего не надо платить. Рыбы в реках столько, что летом крестьяне собак не кормят, они сами могут наловить рыбы. А для охотников в сибирских лесах настоящий рай: лисы, куницы, белки, рыси, медведи кишмя кишат, не говоря уже о зайцах и всякой дичи. Дешевизна там такая, что можно хозяйствовать с самыми пустячными деньгами.

Каждый вечер в комнате Зитаров подолгу судили и рядили. Сначала вся семья ополчилась на капитана, но его это не смутило. Терпеливо, приводя все новые доводы, он не только убедил свою семью, но даже и соблазнил ее ожидаемыми на чужбине благами. Романтическая даль — Владивосток на берегу Тихого океана, — возможность легко добыть пищу, богатая и красивая природа — о чем еще может мечтать изгнанник?

Янку окрыляли мечты о Владивостокском мореходном училище, куда он непременно поступит, как только приедет. Летом можно проходить практику на судах, ходить на Камчатку, в Японию, Китай. Эрнеста привлекали богатые золотом сибирские горы и реки: он обязательно уйдет на золотые прииски и через несколько лет вернется на родину богачом.

Всем этим рассуждениям и фантазиям положил конец Карл Зитар: однажды вечером он совершенно неожиданно появился в имении и разыскал родных. Серая офицерская шинель его была без погон, левая рука на перевязи.

— Сынок, милый, да ты никак опять ранен! — запричитала мать. — Совсем себя не бережешь.

— Пуля не спрашивает, сколько у тебя ранений, — ответил, улыбаясь, Карл.

— Ты уже не носишь погоны, — отметил отец. — Разве и тебя... забаллотировали?

— Пока нет.

Когда улеглось первое волнение, вызванное встречей, Карл объяснил, как он здесь очутился.

— Ничего не было бы удивительного, если бы стрелки и меня забаллотировали и выгнали из полка... вместе с кучей бесчестных офицеров. При отступлении из-под Риги с нашим полком случилась загадочная история, которая довела и без того озлобленных стрелков до состояния безумной ярости. Командир полка был ранен и в тот момент находился в полевом госпитале, его замещал некий капитан. То ли умышленно, то ли из-за неумелого командования — вероятнее всего последнее — наш полк заблудился в видземских лесах и едва не попал в

плен к немцам. Когда стрелки стали намекать на предательство командования, капитан вдруг точно в воду канул, оставив полк на произвол судьбы. А тем временем немецкие войска окружили полк с трех сторон. Весть об этом дошла до старого полковника. Покинув госпиталь, он вместе с каким-то крестьянином на мужицкой подводке примчался в полк. Крестьянин был хорошо знаком с местностью и по лесным тропинкам вывел полк в безопасное место. Ничего плохого не случилось, но с того момента пропасть между стрелками и офицерами стала еще глубже. Кандидатуру каждого офицера ставили на голосование. Тех, кого сочли враждебными революции, немедленно арестовали. Половину забаллотировали и отставили от командных должностей. Меня это не коснулось, я еще две недели после этого командовал своим батальоном на участке фронта между берегом Рижского залива и Цесисом. Там меня и ранило в третий раз. Ранение оказалось не тяжелым и не опасным, но я потерял много крови. Врачебная комиссия предоставила мне трехмесячный отпуск. Когда этот срок пройдет, мне надо явиться на комиссию. А сейчас я могу делать, что хочу, и ехать хоть на Камчатку.

— А погоны? — не удержалась Эльза.

— Я сам их снял. Многие это теперь делают.

— А как ты нас нашел? — поинтересовался Янка.

— У одного командира отделения из моего батальона в этом имении живут родители. Отец приехал навестить сына — тут ведь не бог весть какое расстояние, всего тридцать километров. Он упомянул о каких-то Зитарах с побережья, приехавших сюда в начале сентября. Я сразу решил, что это вы.

Вечером вся семья долго совещалась. Все хотели знать мнение Карла: оставаться ли здесь на зимовку или эвакуироваться в глубь России? Карл высказался за отъезд.

— Конечная цель немецкой армии ни в коем случае не Лимбажи или Рауна. Она попытается промаршировать до Петрограда. Надо думать, что Керенский облегчит нашим противникам достижение этой цели так же, как помог... занять Ригу.

— Керенский? Ты думаешь, что он... — у капитана Зитара не хватило мужества произнести страшное слово «предатель».

— Чего там думать?.. — Карл пожал здоровым плечом. — Это и слепому видно. А мы не слепые. Если сопоставить события в Петрограде и у нас в Риге, до ее падения, становится ясно: Керенский своей армии — если вообще русскую армию можно назвать его армией — боится больше, чем войск Вильгельма. Нечего раздумывать, надо уезжать, пока еще не

началась зима.

На следующее утро он встретился с Сармите. Днем позже капитан Зитар вместе с Карлом и Сармите сели в поезд и поехали в Валмиеру зарегистрироваться в эвакуационном отделе. Они записались в эшелон беженцев, который через неделю отправлялся на восток. Конечной целью путешествия они избрали Владивосток.

Капитан и Сармите на следующий день возвратились в имение, и обе семьи принялись собираться в дальнюю дорогу, а Карл остался в Валмиере, чтобы привести в порядок свои дела в военных органах и получить необходимые документы.

Неделю спустя, продав вещи, которые нельзя было взять с собой, Зитары и Валтеры уехали в Валмиеру, где их ожидал Карл.

Они садились в вагон дождливым, хмурым осенним днем. Город был наводнен солдатами и беженцами. Всюду чувствовалась настороженность и тревога, на всех лицах ясно можно было прочесть один вопрос: что же теперь будет? Армия распадалась. На станции и по улицам скитались кучки дезертиров, с юга грозили немецкие войска. И растерянный народ не находил ответа на свои сомнения.

Поздно вечером поезд тронулся. Несколько сот латышей направлялось на восток, навстречу чужбине. Они ехали в богатый край, где в горах лежат драгоценные золотые крупинки, где в густых зарослях тайги шумят кедры и со снежных горных вершин сбегают великие северные реки. В богатые степи и девственные леса двинулся изгнанный народ. Но не слышалось песен, не звучал здесь смех. Мрачен был взгляд обездоленных людей в этот дождливый осенний вечер.

Часть третья
В далёких морях

Глава первая

1

— Семен Андреич, молодые штурманы прибыли! — стюард Кампе просунул голову в салон капитана. Это был длинный, худощавый человек. Спина его, то ли от частых поклонов, то ли по другой причине, стала дугообразной. Поднятые кверху уголки широкого рта открывали с каждой стороны по желтому клыку. Тонкие ноздри красноватого цвета всегда почему-то были влажными. Матросы одного из судов прозвали Кампе «Долговязой Смертью», и теперь это прозвище следовало за ним повсюду, можно сказать, по всему свету, ибо Кампе в своих морских походах побывал во всех пяти частях света. Нельзя сказать, чтобы внешность его была привлекательной, но лучшего заведующего хозяйством не мог желать ни один капитан, поэтому все мирились с его видом. На «Пинеге» он служил уже второй год.

Принимая Кампе на работу, капитан Белдав с удивлением покачал головой: такого сухощавого стюарда ему приходилось видеть впервые. Возможно, парень долго болтался без работы и отощал на скудных бичманских харчах. Но когда спустя полгода оказалось, что и хорошее питание не прибавило ни грамма в весе Кампе, Белдав задал ему вопрос:

— Что с тобой? Ешь ты за двоих, в твоём распоряжении и жареное, и вареное, работа не тяжелая — куда у тебя все девается?

— Ничего мне впрок нейдет, Семен Андреич, — Кампе сам был удручен своей худобой. — Знаете ли, существует два сорта поваров — толстые и тощие. Первые, как только нюхнут кухонного запаха, сразу начинают полнеть, а вторые, чем ни корми, все равно заморышами остаются. Я, должно быть, из второго сорта.

— Ты бездонная бочка.

— Так точно, бездонная бочка, Семен Андреич...

— Это плохо. Позор мне и всему пароходству.

— Так точно, позор.

Из подобных разговоров можно было сделать вывод, что стюард боится капитана. Он казался бесконечно покорным, никогда не защищался и не оспаривал приказаний начальника. Но это была лишь видимость. На самом деле этот кашей властвовал над капитаном и всегда все делал по-

своему, несмотря на кажущуюся свою покорность и упрямый характер Белдава. Как достигал он этого, для всех оставалось тайной, но власть Долговязой Смерти ощущали на себе все, начиная с командира судна и кончая самым молодым юнгой. Даже старший механик, мрачный, упрямый, как козел, одессит Иванов, перед которым дрожала вся команда кочегаров (пока те не успели его раскусить), и тот уступал дорогу стюарду и разговаривал с ним самым приветливым тоном.

— Семен Андреич, штурманы приехали, — повторил Кампе, и его тощая фигура проскользнула в салон.

Капитан Белдав, плотный мужчина среднего роста, сидел за столом спиной к двери и просматривал служебную переписку.

— Приехали наконец? — отозвался он. — Давно пора. Я тут один бьюсь как рыба об лед.

— Так точно, как рыба об лед, Семен Андреич.

— Придержи язык, что ты понимаешь? — проворчал Белдав, задумчиво поглаживая бородку. — Какие они на вид?

— Молоденькие, Семен Андреич, — улыбнулся стюард. — Один-то еще ничего, а второй, видно, только что из училища. Оба латыши.

— Это ничего, что молодые. Мы их научим.

— Хе-хе-хе, точно так, Семен Андреич, мы их научим.

— Не ты, а я! — колко возразил Белдав. — И чего ты радуешься? Ты-то тут при чем?

— Хе-хе-хе, Семен Андреич, у нас, так сказать, на «Пинеге», теперь настоящее вавилонское столпотворение будет. Русские, латыши, эстонцы, поляки, финны. Всякая народность. Интересная, так сказать, обстановочка получится.

— Так сказать — убирайся! — приказал Белдав стюарду. — Распорядись, чтобы юнга убрал в штурманских каютах, а ты, так сказать, приготовь им завтрак — парни, наверно, проголодались. Я не люблю, когда на «Пинеге» кто-нибудь жалуется на голод.

Кампе, сунув под мышку полотенце, вышел, словно легавая, покачиваясь на длинных ногах и нагнув вперед голову.

Белдав отодвинул бумаги и, надев форменную капитанскую фуражку, посмотрелся в зеркало па камине. Вид был достаточно внушительный. Немного строже глаза, резче голос, больше самоуверенности в походке — и первое впечатление будет таким, каким оно должно быть, когда командир парохода впервые принимает своих подчиненных. Никакой фамильярности и шуток, никаких «Семен Андреич»! Господин капитан — только так будут впредь называть его молодые штурманы. И пусть не вздумают

спекулировать на чувстве землячества.

Подкрутив кверху кончики усов, Белдав вышел на палубу. Молодые штурманы, для которых готовился этот официальный прием, стояли у трапа капитанского мостика и с видом знатоков осматривали пароход. «Пинегу» — пароход вместимостью в шесть тысяч тонн — построили в Англии в 1900 году, следовательно, это было еще не старое судно. Типичной для него была длинная, слегка наклоненная назад труба.

— Труден этот пароход для погрузки, — рассуждал Волдис Гандрис. — Стрелы не ходят, каждый пакет груза придется тащить от борта до люка.

— Нам тащить не придется, — возразил Ингус Зитар.

— Но мы отвечаем за разбитый груз. Надоест ругаться с портовыми рабочими и слушать упреки капитана. Ну, что ж, ничего не поделаешь, придется мириться с тем, что есть.

Ингус впервые поступил на такой большой пароход. Просторные палубы «Пинегу» и глубокие грузовые трюмы с междупалубными помещениями, высокий командный мостик и удобная шлюпочная палуба со спасательными шлюпками и вентиляторами машинного отделения открывали перед ним новое поле деятельности, которое было неизмеримо шире и солиднее всего того, что ему приходилось видеть прежде. Везде машины, техника, удобства, большие масштабы. Человек выглядел на фоне этой техники маленьким и незаметным. Но именно здесь-то и чувствовалось все величие его духовных сил, именно ему, человеку, повиновалось это громадное сооружение. От металлического корпуса веяло холодной мощью. Здесь не радовала глаз свежая белизна парусов, и даже прохладный морской воздух казался не таким ароматным, как на паруснике. Возможно, конечно, все это только казалось. Ведь первые мечты Ингуса о море связывались с другим миром моряков, постепенно уходящим в прошлое. Он чувствовал здесь себя чужаком, несмотря на то, что два лета плывал на пароходах. Его взгляд равнодушно скользил по палубам, лебедкам и мачтам. Грохот подъемных кранов, визг блоков неприятно резали слух, и Ингус невольно окинул взглядом порт: не покажутся ли знакомые очертания парусников?

Волдис Гандрис чувствовал себя как дома. Старая морская романтика давно выветрилась из его головы. Живой, энергичный практик — именно такой человек нужен на подобного рода «ржавых посудинах». Они прибыли в Архангельск неделю назад, после веселого и полного разнообразных приключений путешествия. И неизвестно, как бы Ингус устроился, не будь у него такого друга. За несколько дней Волдис

буквально перевернул весь порт, обшарил конторы, собрал все сведения, какие только можно было собрать. И как только первый штурман «Пинеги» перешел капитаном на другой пароход, а второго штурмана за провоз контрабанды уволили, Волдис вместе с товарищем предложил пароходству свои услуги. В приеме их на работу большую роль сыграла золотая медаль, полученная Волдисом при окончании мореходного училища. Даже не согласовав вопроса с капитаном Белдавом, контора приняла обоих на службу и назначила Волдиса первым, а Ингуса — вторым штурманом на «Пинегу».

Сейчас они уже с вещами явились на пароход представляться капитану. Матросы помогли внести чемоданы, а долговязая Смерть, бросив оценивающий взгляд на приезжих, пошел доложить капитану.

— Господин капитан просил немного обождать, — сообщил стюард, вернувшись на палубу. — Не желаете ли позавтракать?

— Благодарю, — ответил Волдис. — Мы завтракали на берегу. Скажите матросам, чтобы внесли наши вещи в каюты.

— Матросы стоят у лебедок, а боцман смешивает краски, — пояснил стюард. Кожа у его глаз собралась в многочисленные мелкие морщинки, он улыбался.

Волдис сделал вид, что не заметил улыбки, и вежливо продолжал:

— Тогда снесите сами.

— Я должен выдать коку продукты для обеда, — заартачился Кампе.

Волдис, взглянув на карманные часы, показал их стюарду и спокойно, но твердо произнес:

— До обеда осталось еще три часа. Кок только что начал чистить картофель. Вот это мой чемодан, поставьте его в каюту первого штурмана, а тот отнесите в помещение второго штурмана.

И, по-видимому, считая вопрос решенным, Волдис повернулся спиной к стюарду и закурил папиросу.

— Вредный фрукт... — сказал он Ингусу, кивнув головой в сторону уходящего стюарда. — Терпеть не могу этих котов из капитанского салона. Подхалимы, интриганы и первоклассные воры. Постоянно общаясь с капитаном, начинают черт знает что воображать, считают себя чуть ли не вторым капитаном на судне. Но этого типа я проучу!

Почти то же самое думал и Кампе, неся чемодан Волдиса в каюту. «Скоро ты, голубчик, запоешь по-другому. Лучше со мной не связывайся. Самого Белдава выдрессировал, приручу и тебя. Второй-то, кажется, человек порядочный...»

Когда на палубе появился капитан и молодые штурманы его

приветствовали, внимание капитана привлекли папиросы в руках штурманов. Не было, конечно, ничего предосудительного в том, что офицеры курят на палубе, у дверей салона, но сегодня огонек горящей папироски неприятно кольнул Белдава в самое сердце. Правда, «Пинега» — не военный корабль, но дисциплина должна быть и на торговом пароходе, и этим молодцам не мешало бы понять, что не годится курить папиросы на приеме у начальника. «Я их проучу...» — подумал Белдав, затем, откашлявшись и небрежно ответив на приветствие штурманов, спросил:

— Новые штурманы?

— Да, господин капитан, — ответил Волдис, протягивая выданное конторой предписание.

Белдав вскользь бросил взгляд на бумагу, внимательно посмотрел на обоих юношей и, протянув им руку, назвал себя.

— Сколько вам лет? — поинтересовался он.

— Двадцать четыре... — отозвался Волдис.

— А вам? — Белдав искоса посмотрел на Ингуса.

— Двадцать два, — негромко произнес тот, неизвестно почему покраснев.

— В плавании бывали? — продолжал капитан.

Волдис, подмигнув Ингусу, стал перечислять суда, на которых плавал, и в каких должностях. То же самое сделал Ингус, которого эта процедура начинала оскорблять. Чего этому старику нужно: экзаменует, как школьников. Интересно, как бы он почувствовал себя на паруснике во время шторма.

— Ну хорошо, устраивайтесь, — сказал Белдав. — После обеда приступите к исполнению обязанностей. Время — деньги, господа, а на пароходе — больше чем где бы то ни было. Я люблю порядок во всем и требую от подчиненных, чтобы они выполняли свои обязанности так же аккуратно, как я.

Откашлявшись, он ушел обратно в салон. Молодые штурманы, улыбаясь, переглянулись.

— Ишь, старый хрыч, — заметил Волдис.

— Следовало бы его проучить, — прибавил Ингус. — Сам, верно, не сумеет в море местонахождение корабля определить, а спрашивает, сколько мне лет.

Это было необычное начало. Старые и молодые, те, кто раньше находился на «Пинеге», и вновь пришедшие, — все готовились проверять друг друга, проучить, отучить от старых привычек, привить новые.

До обеда штурманы устроились в своих каютах. Каюта Волдиса находилась рядом с салоном капитана. Помещение Ингуса оказалось по соседству с кают-компанией. Юнга вымыл пол и вытер мокрым полотенцем края койки. Недавно окрашенные стены были еще совсем чистыми. На одной из них, в углу за небольшим шкафом, виднелась свежая заплата — здесь таможенные чиновники обнаружили тайник с контрабандой. Стюард принес свежий матрац, юнга поставил новое стекло на лампу и налил в графин воды, остальное Ингус убрал сам. Что тут особенно приводить в порядок в таком тесном помещении: постелить скатерть на столик, повесить в шкаф одежду, сложить в ящики белье и документы, расставить на маленьком письменном столе и развесить по стенам несколько фотографий. Но именно расстановка этих мелочей по своему вкусу и есть одно из условий, создающих уют в одинокой жизни моряка. Вдали от родины, среди чужих людей, в чужой обстановке, человек тоскует по маленькому домашнему уголку. Он не хочет чувствовать себя, как на большой дороге или в гостинице.

Люди на суше, связанные совместной работой, никогда так не привязываются друг к другу, как на море. Все чувства, как хорошие, так и дурные, проявляются здесь более ярко и сильно.

У Ингуса от первых дней пребывания на «Пинеге» остались не совсем приятные впечатления. Ему казалось, что никогда между ним и здешними людьми не установится настоящей дружбы и теплоты. Капитан Белдав был моряком старшего поколения и гордился своим многолетним опытом, ревниво относясь к теоретическому превосходству молодых штурманов. Он любил выпить больше того, что мог безнаказанно вынести его организм, во хмелю был своенравен и груб, в похмелье — несправедлив ко всему на свете: кричал на матросов, обзывал нецензурными словами штурманов и забывал элементарные приличия. И все же бывают люди похуже его. Выругав человека, он потом приглашал его в салон и угощал водкой. Матросам Белдав нравился.

Первый механик Дембовский был заносчивый и мелочный человек. Кочегары знали все его слабые стороны и умело использовали их. Он любил военный порядок, так как в молодые годы служил на военном флоте. При разговорах с Дембовским кочегары старались держаться по-военному и употреблять военные обороты речи. Он всегда носил мундир с нашивками, причем галуны нашивал очень широкие. Из офицеров механик

признавал равным себе только капитана судна и по старой привычке обедал в салоне вместе с Белдавом. Прежде с ними обедал и первый штурман, но теперь об этом не могло быть и речи — Волдис Гандрис был слишком молод, чтобы ему оказывать такую честь. Да он к ней и не стремился: сидеть за столом в обществе двух страдающих самомнением стариков, каждым словом дающих понять свое превосходство, было менее интересно, чем провести обеденное время среди людей, где юмор и жизнерадостность Волдиса не ограничивали никакие этикетки.

Второй механик, одессит Иванов, был человеком, о котором вначале всегда создавалось неправильное мнение. Только спустя недели, даже месяцы открывался истинный облик и характер этого человека. Первое впечатление о нем всегда было отрицательным. Он добился теперешнего своего положения тяжелым трудом. Начал с кочегара, потом работал дункеманом и смазчиком. Долгие годы прожил на баке, в кубрике кочегаров, среди суровых, сильных, простых людей, в результате на всю жизнь приобрел суровую оболочку чернорабочего. Внешне угрюмый, злой, грубый, он не терпел неженки, придирался к малейшему упущению и с жестокостью мызного старосты выжимал из подчиненных все соки. Побывав сам в шкуре кочегара, он великолепно знал все их уловки, ругался и поносил их так, что, кажется, не выдержал бы и камень; с удивительной настойчивостью боролся с малейшим признакам строптивости. И, тем не менее, кочегары считали его одним из прекраснейших начальников среди механиков русского торгового флота. Он был для них своим человеком. Уважал тех, кто умел пить за троих и работал как дьявол. Трудно было завоевать расположение Иванова, но уж кто сумел его добиться, тот считался ценным работником, за таким охотился каждый инженер. Вместе с этими людьми Иванов ходил в кабаки и делился последним рублем, когда у товарища не на что было опохмелиться. Офицеры любили его за знание дела. Хорошее состояние машин «Пинегы» было заслугой Иванова. Если в порту или в море случалась какая-либо поломка или авария, первый механик всецело полагался на Иванова, и он действительно всякий раз умел найти правильный выход из самого трудного положения.

Третий механик, эстонец Мяги, толстый старичок, был произведен в мастера из дункеманов за долголетнюю усердную службу на пароходах компании. Жена его и две дочери жили в Хаапсалу, куда он посылал большую часть заработка, оставляя себе лишь на табак и мыло. Это был один из тех скромных работяг, которые изредка еще встречаются среди моряков старого поколения. Судно для них — дом родной, они его любят и заботятся о нем не хуже рачительного хозяина. Не считаясь со временем,

они работают с утра до вечера, забывая о том, что они лишь наемная сила на пароходе.

Боцманом был латыш Зирнис, еще молодой человек из прогоревших штурманов. Зная, что он несколько лет учился в мореходном училище, офицеры относились к нему как к равному и нередко сваливали на его плечи часть своих обязанностей. Часто в портах ему приходилось считать и принимать груз. Если бы этот человек был более честолюбив и энергичен, он мог бы устроиться третьим штурманом на большой пароход. Но, равнодушный и флегматичный по натуре, он не заискивал перед начальством и не умел быть резким с матросами. Он никогда не терял хладнокровия. В самую сильную бурю, когда штурманы бегали как ошпаренные, капитан ругался последними словами, а команда в растерянности не знала, за что хвататься, Зирнис спокойно, с тихой улыбкой на сухощавом лице, продолжал свое дело так же, как он его делал бы в самой нормальной обстановке. Он не реагировал ни на брань, ни на похвалы, никогда и ничем не восторгался, похожий на живучее, крепкое дерево, стойчески выдерживающее все бури и непогоды. Возможно, именно это необыкновенное равнодушие и было виной тому, что из него не получился капитан. Судовладельцы любят энергичных, инициативных офицеров. Флегматичность Зирниса казалась им признаком отрицательным.

С остальными членами команды «Пинеги» Ингус познакомился позже.

Спустя день после появления на пароходе Ингуса и Волдиса Дембовский принял кочегарами двух русских и одного латыша — маленького широкоплечего Бебриса. Все его стали звать Джонит, и маленький кочегар скоро стал самым популярным человеком на пароходе.

С приходом на «Пинегу» Джонита на корабле началась новая жизнь. Она, правда, была ничуть не лучше прежней. Казалось, что в лице Джонита в каюту кочегаров вселился дух раздора и скандала. Коренастый, плечистый, грудь колесом, с атлетической мускулатурой, парень этот сразу очутился в центре внимания кочегаров и даже самых рослых заставил уважать себя. Это был человек двадцати семи лет, с круглым, покрытым здоровым загаром лицом, темными волосами и густыми, сросшимися на переносице бровями. Каждое утро он причесывался, разделяя волосы на прямой пробор и смачивая их вежеталем. Когда Джонит проделал такую процедуру в первое утро перед выходом на вахту, товарищи подняли его на

смех: там, дескать, внизу дам нет, а старый Дембовский вовсе не охотник до хорошеньких мальчуганов. Ни слова не говоря, Джонит размахнулся и коротким сокрушительным ударом отбросил наиболее ретивого зубоскала на койку:

— Вот тебе дама, а вот тебе мальчуган. Можешь схлопотать еще!..

Кочегар, к которому относились эти слова, только глазами захлопал. Он хотел обидеться, крикнуть что-то в ответ Джониту, но долго не мог перевести дух, а когда пришел в себя, было уже поздно возобновлять ссору. Черт побери, у этого малого тяжелый кулак!

Ссориться с таким не стоит, лучше жить в дружбе. Но подружиться с Джонитом не удавалось. Он держался так неприступно и вызывающе, был таким задирой, что это выводило из себя даже самых покладистых людей. Никого еще не зная, находясь первый день на пароходе, он ни с кем не стремился подружиться и вел себя по-хозяйски, словно был в кубрике давно признанным авторитетом.

Первое крупное столкновение произошло утром. Позавтракав, Джонит повелительно кивнул головой одному из трех помощников кочегара — финну Лехтинену:

— Забирай свое барахло с койки.

— Почему это? — удивился Лехтинен.

— Почему... — передразнил его Джонит. — Потому что я кочегар, а ты только трюмный. И еще потому, что не годится трюмному спать на верхней койке, а кочегару — на нижней.

— Странно, — обиженно пожал плечами Лехтинен. — Интересно, кто же все-таки из нас первым пришел на пароход?

— Это не дело, так не пойдет, — заворчали кочегары. — Что же получается — все под его дудку плясать должны?

Джонит, презрительно прищурившись, окинул взглядом присутствующих.

— В Генте я один дрался с целым кабаком. Там было по меньшей мере человек двадцать, почище вас львы. Лехтинен, тебе помочь, что ли?

Лехтинен, худощавый, долговязый парень, смотрел на товарищей, ожидая помощи, но на всякий случай все же снял с койки подушку. Кругом послышался глухой ропот. Ворчали все — и кочегары, и трюмные. Опустив глаза и отвернувшись в сторону, они угрожающе что-то бормотали под нос и возмущались, но никто не решался вступить открыто. Потом вдруг словно шлюзы прорвало, и Ингус с Ивановым, подходившие к кубрику, чтобы позвать людей на вахту, услышали разноголосый шум. Кубрик кочегаров гудел, как клетка с разъяренными дикими зверями. Уже нельзя

было различить отдельные голоса; проклятия и злобные выкрики слились в хаотический гул, сопровождавшийся грохотом деревянных башмаков. Вдруг все стихло, и, словно молот по наковальне, прозвучал триумфальный победный крик Джонита: «Индюки! Не таких львов выдывали!» — и опять поднялась разноголосая какофония.

— Ишь, как разгорелись страсти, — проворчал Иванов. — Придется окатить ведром холодной воды.

Ингус приоткрыл дверь в матросский кубрик, поздоровался и произнес обычное «тэрн ту» ^[59], после чего люди сразу собирались на работу. Иванов, не открывая дверь в кубрик кочегаров, несколько раз сильно постучал в стену:

— Тэрн ту!

Это не возымело никакого действия. Или кочегары из-за шума не расслышали стука и слов механика, или подумали, что стучит старый Мяги, которого никто не боялся. Обычно по утрам на работу приглашал третий механик, и только изредка к ним приходил Иванов.

Выждав немного, Иванов постучал вторично. Из кубрика сердито отозвался чей-то голос:

— Ну чего стучишь, чучело, — не хватает духу войти?

— Дьявол вас побери, сколько это будет продолжаться! — крикнул Иванов, распахивая настежь дверь кубрика. — Чего ревете, как быки? Марш по местам!

В кубрике сразу воцарилась тишина, нарушаемая лишь Джонитом, который безостановочно сыпал отборнейшими ругательствами на всех языках, мира. Заметив, наконец, Иванова, он сразу же переключился на него.

— Ну, чего уставился, как баран на новые ворота! — орал Джонит, глядя куда-то мимо Иванова. — Мы почище вас львов выдывали. У нас такой порядок: кто слишком много треплется, получает в зубы и с катушек долой.

Вначале это словоизвержение озадачило Иванова, и он уже собирался унять разбушевавшегося парня, но сообразил, в чем дело, и приготовился взять реванш другим путем:

— На вахту! — крикнул он кочегарам. — Сегодня я для вас приготовил приятную работенку.

Если Иванов обещал хорошую работу, это следовало понимать в обратном смысле. Кочегары догадывались, кто этому виною, и угрюмо посматривали на зачинщика скандала:

Иванов удалился. «Черномазые» повязали шейные платки и

направились в кочегарку. Прежде чем последовать за ними, Джонит пространно объяснил Лехтинену, как нужно чистить ламповое стекло и в каком порядке должен содержаться обеденный стол кочегаров.

— Если ты, в конце концов, не выскоблишь из всех щелей стола хлебные крошки, я в обед заставлю тебя их вылизывать оттуда языком. И чтобы зола была выгребена из печурки. Под койками вымети как следует. Да смотри у меня, не вздумай вытирать тарелки замасленными концами.

Сказав все это, он тоже отправился в кочегарку, оставив Лехтинена в самом мрачном расположении духа.

Внизу, в кочегарке Джонита поджидал Иванов.

— Где ты прохлаждаешься? — сердито крикнул он кочегару. — Все уже давно спустились и работают, а ваше благородие ждть прикажете?

— Я объяснял трюмному, как следует убирать кубрик, — спокойно ответил Джонит. — У них здесь на «Пинеге» нет порядка. Под койками скоро заведутся змеиные гнезда. Вот пришла бы санитарная полиция, тогда...

— Довольно! — прервал его Иванов. — Ты бывал в плавании?

— Так же, как и ты.

Иванов от неожиданности заморгал глазами.

— Мы что, свиней вместе с тобой пасли? — загремел голос механика, отдаваясь по всем бункерам. — Какая я тебе ровня. Ты не знаешь, как надо разговаривать с начальством?

— Знаю, — хладнокровно ответил Джонит, завязывая шелковый платок аккуратным узлом. — Но я знаю и то, как должен обращаться ко мне незнакомый начальник, пока мы с ним не выпили на брудершафт. Сколько я ни служил на пароходах, там даже капитаны говорили мне «вы».

— И ты думаешь, что и здесь с тобой будут так же обращаться? — рассмеялся Иванов. Ему нравилось поведение Джонита, он почувствовал, что имеет дело с толковым парнем, но продолжал разыгрывать роль оскорбленного начальника.

— А ты думаешь, нет? — самоуверенно возразил Джонит. — Какие у меня будут обязанности?

— Посмотрим, что ты вообще умеешь делать.

— Например?

— Прежде всего, покажи, умеешь ли ты кидать уголь в топку.

Это было самым большим оскорблением, какое можно нанести опытному кочегару. Джонит побагровел от злости, но промолчал. Взяв лопату, он встал к угольной куче.

— В которую топку? — спросил только он.

Иванов с удовлетворением отметил, что у Джонита от волнения дрожат руки. Прекрасно, паренек, прекрасно, понервничай — и ты сразу же начнешь пороть горячку. Даже самые опытные кочегары, если их разозлить и если за каждым их движением наблюдает начальство, не могут правильно кидать уголь — лопата то ударяется ниже топки и уголь высыпается на пол, то взлетает выше и половина угля остается на лопате.

Джонит открыл топочную дверцу и приступил к работе. С первого же броска Иванов понял, что это опытный кочегар. Подхват угля на лопату, размах и сильный бросок — все движения были настолько рассчитаны и свободны, что лучшего нечего и желать. И всякий раз уголь ложился туда, куда хотел кочегар.

— Это было с правой стороны, — произнес Иванов. — Теперь пойдем к другому котлу и посмотрим, как ты работаешь с левой руки.

Многие хорошие и опытные кочегары не умеют кидать уголь с левой руки; если им приходится бросать уголь в топку слева, они переходят на другую сторону и кидают с правой руки, но каждый такой бросок требует затраты лишнего времени на переход и поворот.

Джонит перешел на другую сторону кочегарки, открыл топку крайней печи и доказал, что левой рукой он орудует так же ловко, как и правой.

«Замечательный парень, — порадовался про себя Иванов. — Я его постараюсь перетащить в свою смену».

— Ладно, — сурово произнес он. — Топить ты как будто умеешь, а вот как чистишь топку и держишь пар, это увидим в море. Скажи, за что ты меня давеча обругал? — вдруг спросил он. — Тебе, наверное, не нравится на этом пароходе? Хочешь сняться с якоря?

Джонит испытующе посмотрел на механика, затем, отвернувшись, сплюнул и стал подниматься по трапу вверх.

— Куда ты пошел? — спросил Иванов.

— Укладывать свой мешок.

— Зачем?

— Как — зачем? Или ты думаешь, что я буду ждать, пока меня вышвырнут? Я уже вижу, что мне здесь не служить. Так лучше заблаговременно уложить свои манатки и сказать «гудбай».

— Вот еще шальной! — обозлился Иванов. — Кто тебя вышвыривает, разве тебя гонят отсюда?

Джонит остановился на середине трапа и, недоумевая, уставился на механика.

— Вот как?

— Ну да, так. Ты будешь у меня в смене. А теперь пойдем в машинное

отделение, и помоги мне у слесарного станка. Ты напильником работать умеешь?

— Напильником? Ха... — Джонит от души расхохотался. — На каком-то «датчанине» я отремонтировал динамо-машину...

До обеда Джонит работал в машинном отделении, затачивал напильником, пилил металл, смазывал, как заправский слесарь. Вскоре Иванов убедился, что Джониту можно кое-что поручать самостоятельно. Благодушно ворча, он поучал его, то и дело требуя подать то гаечный ключ, то отвертку или деталь машины, и ни разу Джонит не ошибся.

Во время обеда Джонит опять учинил скандал. Это произошло на палубе, у окна каюты первого механика. Там была насыпана куча шлака. Обычно шлак не выбрасывают до выхода судна в море, а там в первую же ночь кто-либо из трюмных сбрасывает его за борт. Но в портах запрещено выкидывать за борт какие бы то ни было отбросы, поэтому кучи шлака постепенно превращаются в настоящую помойку, куда моряки выбрасывают все: пустые консервные банки, кости, картофельные очистки, разбитые ламповые стекла и тому подобное. В теплую погоду гниющие остатки издают зловоние, и куча отбросов становится бичом экипажа.

Выйдя из кочегарки на палубу, Джонит увидел, как один из матросов выливает на шлак помой.

— Обожди, сосед! — крикнул он, подойдя к матросу. — Ты что сейчас сделал?

— А ты будто не видел? — огрызнулся матрос и собрался уходить.

— погоди, дружок, не спеши, — Джонит схватил его за обшлаг. — Что тебе здесь, помойка, да? Черные вам, рогачам, лакеями, что ли, нанялись? Кому этот мусор за борт придется кидать? Трюмным. А кто сюда сейчас вылил помой? Ты. Так вот постарайся, чтобы они немедленно были отсюда убраны.

— Убирайся к черту! — выругался матрос, вырываясь от него. В руках Джонита остался кусок обшлага матроса.

— Еще неизвестно, кто из нас скорее уберется к черту, но мне сдается, что это будешь ты. Стоп, сосед... — Джонит, схватив матроса за плечи, подталкивал его к куче шлака. — Сию же минуту убери.

— Даже не подумаяю.

Увесистая затрещина усадила матроса на только что вылитые помой.

— А теперь собираешься? — спросил Джонит.

— Я пожалуюсь штурману.

Еще зуботычина, от которой строптивый матрос растянулся на палубе во весь рост.

— А теперь пойдешь жаловаться?

Матрос с отвращением стал собирать помои. Кое-кто издали любовался необычной картиной, а первый механик Дембовский внимательно следил за Джонитом, который стоял над матросом, осыпая его в виде поощрения самой изысканной бранью. Наконец Дембовский не выдержал и вышел на палубу.

— Что здесь происходит? — резко обратился он к Джониту.

— Уборка, чиф, — небрежно ответил Джонит, скрестив руки на груди. Почитателю военной выправки такое поведение показалось предосудительным, и он вскипел от злости.

— Хватит, — кивнул он матросу, — кончай это. Он уберет потом. Это обязанность кочегаров.

Джонит загородил матросу дорогу.

— Кончай, кончай, все равно тебе рано или поздно придется заниматься этим. Я не прикоснусь к куче до тех пор, пока в ней не останется ничего другого, кроме шлака из топок.

Матрос недоумевал, как ему быть. В присутствии Дембовского Джонит не мог ему ничего сделать, но что будет потом? Не всегда же его будет охранять авторитет чифа. Чтобы дать возможность матросу самому решить, как поступить; Джонит отошел немного в сторону и стал наблюдать. После минутного колебания матрос наклонился над кучей и продолжил начатую работу.

— Я тебе говорю, не делай этого! — шипел, побагровев, Дембовский.

— Ничего, господин механик, мне ведь не трудно, — ответил еще более покрасневший матрос и поспешил закончить то, от чего он только что отказывался и что ему даже запрещал Дембовский — второй после капитана начальник на судне. Это парадоксальное явление, когда человек выполняет неприятную для него работу и когда приказание простого кочегара значит больше, чем запрещение чифа, поразило Дембовского. Кинув на Джонита злобный взгляд, он вернулся в каюту. Добившись своего, Джонит направился в кубрик. Он приобрел себе еще двух врагов, один из которых был не на шутку силен. Но это его не печалило. Совсем напротив, казалось даже, что растущее число противников доставляло ему радость. Чем их больше, тем выше честь; чем сложнее игра, тем она увлекательнее.

«И не таких львов видывали...» — было девизом Джонита, его боевым кличем уже не первый год. И всегда он выходил победителем. Почему на этот раз должно быть иначе?

Уже больше двух недель «Пинега» стояла под погрузкой — грузили различный строительный лес. В последние дни штурманам некогда было и дух перевести. Производить осмотр груза помогали боцман Зирнис и один из матросов. Но и помимо осмотра у них находилось много всяких других дел. Волдис Гандрис вел журнал погрузки и чертил ее план. На его плечи ложилась громадная ответственность за правильное размещение многочисленных грузов. По прибытии в Англию их надо было выгружать в определенной последовательности. Если на конечном пункте чего-нибудь не хватит, что-нибудь будет повреждено или спутано с другой партией грузов и этим будет причинен убыток судовладельцу, то пострадает в первую очередь первый штурман: его уволят со службы или, в лучшем случае, понизят в должности. Помимо этого, он еще обязан принимать судовую провизию, краски, бензин, канаты, керосин. Капитан Белдав больше находился на берегу, а возвратясь на пароход, молча следил за деятельностью Волдиса. Дескать, посмотрим, как ты расхлебаешь эту кашу. Я не собираюсь тебя щадить.

К вечеру Волдис настолько уставал, что не в силах был даже просмотреть газеты. Но и тогда его ни на минуту не оставляло хорошее настроение.

— Голова как котел и все еще продолжает разбухать, — жаловался он Ингусу. — Надо будет обтянуть медным обручем, а то в один прекрасный день лопнет.

У Ингуса забот было меньше, но и он почувствовал облегчение, когда в субботу вечером пароход оказался готовым к отправке.

В последний момент, когда портовые чиновники покончили уже со всеми формальностями и по командному мостику расхаживал лоцман, оказалось, что нет одного из кочегаров. Это был Джонит — герой кубрика кочегаров, проклятие матросов и злой дух корабля. Его искали во всех уголках, в машинном отделении, в бункерах, в кубрике, в каютах, но Джонит исчез бесследно. Его вещи находились на судне, следовательно, о побеге не могло быть и речи. Дембовский послал на берег дункемана и одного из трюмных. Те обшарили весь порт, побывали в местах, где обычно моряки выпивают и развлекаются, но нигде его в тот день не видели.

Нечего делать — приходилось отправляться без одного кочегара. В такой короткий срок найти замену Джониту было невозможно. Белдав возмутился, Дембовский прикидывал, кого из трюмных можно поставить

кочегаром, и пароход отдал концы.

Скоро буксир медленно развернул «Пинегу» носом в открытое море. Грузный корпус парохода еле заметно отделился от берега, и телеграф с капитанского мостика прозвонил сигнал машинному отделению пустить в ход машины... И вдруг из-за угла одного здания показался человек. Он спешил, бежал, делая зигзаги. Все узнали Джонита. Белдав распорядился застопорить машины, но пароход по инерции продолжал отдаляться от берега. Корму отделяло от мола уже пять-шесть футов. Джонит на бегу оглядывался. Шапку он где-то потерял, у костюма оторвана половина ворота, а полосатая сорочка на груди изорвана в лохмотья.

Когда ему оставалось бежать до мола шагов десять, на другом конце улицы показались двое стражников. Это были плотные мужчины в высоких лакированных сапогах, с нагайками в руках. Они гнались за Джонитом и орали во все горло:

— Стой! Держите!

Дальнейшее произошло с такой быстротой, что собравшиеся на берегу люди не успели даже уяснить смысл этого необычного состязания в беге. Добежав до мола, Джонит, не задумываясь ни секунды, сделал отчаянный прыжок. До борта парохода было не меньше восьми футов, а площадка, на которую Джонит собирался прыгнуть, — не шире шести дюймов — узкий планширь фальшборта.

Но пьяному, как известно, море по колено. С затуманившимися глазами, плохо владея собой, Джонит вспрыгнул на край планширя и вцепился в трос, которым был привязан палубный груз. Передохнув несколько секунд, он с кошачьей ловкостью вскарабкался по отвесной, не менее двадцати футов высотой, стене, образованной сложенным грузом, сполз по подпоркам на палубу и, вскочив на ноги, первым делом повернулся к берегу, где сейчас оба стражника, стоя на молу, орали, потрясая в воздухе нагайками. Джонит показал им нос и кукиш.

— Кушайте на здоровье! — крикнул он своим преследователям. — До скорого свидания!

«Пинега», толкаемая вперед мощными машинами, быстро удалялась от берега. И долго еще было видно с палубы, как размахивают руками стражники на берегу и, словно черные змеи, извиваются их нагайки.

Джонита сразу же потребовали к капитану. Белдав накричал на него, пригрозил заковать в кандалы и с лоцманским катером отправить на берег. В ответ Джонит спокойно осведомился, который час. Узнав время, он искренне, как ребенок, обрадовался:

— Значит, у меня до вахты еще два часа времени! Я не опоздал.

— Что ты делал на берегу? — спросил, немного успокоившись, Белдав, понимая, что нет смысла браниться с пьяным — он все равно ничего не поймет.

— Я пошел за бельем, — стал рассказывать Джонит. — У меня было отдано в стирку четыре сорочки, три пары кальсон, две простыни и наволочки, кроме того...

— Меня это не интересует, — перебил его Белдав. — Лучше расскажи, что за кашу ты там заварил?

— Ничего особенного. На обратном пути зашел к Карпу выпить на дорогу, и тут ко мне привязались эти горлодеры, чтобы я пошел с ними в участок. А как я могу идти, если у меня сию минуту пароход отправляется? Я им так и сказал, но они меня не послушали.

— А потом?

— Ну, тут пришлось мне с ними подраться. Дал тому и другому в морду и — ходу. Они хотели поймать меня, да где таким слонам угнаться за мной?

— Ты просто хулиган, вот что я тебе скажу, — с досадой крикнул Белдав. — Тут из-за тебя поседеешь, раньше времени в могилу сойдешь. Убирайся с глаз долой!

Джонит послушно удалился. Но когда два часа спустя он со своей сменой направился в котельное отделение, Белдав позвал его в салон, налил пивной бокал водки и подал Джониту.

— На, поправляйся. Голова, небось, гудит, как динамо-машина?

— Теперь уже перестала, — ответил Джонит, ставя пустой бокал на стол. — Спасибо, господин капитан, очень вкусная у вас водка.

— Думаешь, еще налью? Хватит. Иди работай. И больше чудес не устраивай.

— Постараюсь.

Пьяница пьяницу всегда поймет и посочувствует, когда ему плохо.

Иванов сдержал слово. Джонита назначили в смену второго механика. Приняв вахту у топок, он, как обычно, сначала вычистил топку. Это самый трудный процесс в четырехчасовой вахте кочегара: нужно выгрести золу и шлак, одновременно поддерживая в остальных топках пар, обеспечивающий нормальный ход судна, и после этого опять довести огонь в вычищенной топке до нужной температуры. Именно этот момент и выбрал первый механик, чтобы проверить способности своего врага на работе. Когда Джонит спустился вниз, чиф уже расхаживал по котельной, хотя сейчас и не была его смена, и вообще механики несут вахту у машин; в кочегарку они спускаются лишь в случае каких-либо неполадок — когда

упущен пар или еще что-нибудь.

Джонит, сделав вид, будто не замечает присутствия чифа, принял топки, разбил крупные куски угля и усилил огонь в двух топках, в которых надлежало поддерживать пар, пока чистится третья. Затем взялся за лом. Напрасно Дембовский придирчиво следил за его работой, напрасно ожидал, что ему удастся подметить какую-нибудь ошибку или упущение, к которым можно было бы придраться, — Джонит виртуозно справлялся со своими обязанностями. Стрелка манометра во время чистки топки не упала ни на одно деление, хотя в этом совсем не было надобности: при чистке топок пар можно немного спускать. Пока трюмный заливал водой вытащенные из топки куски шлака, Джонит накидал уголь в остальные две топки, разрыхлил его ломом, открыл дверцы поддувала, и белое пламя опять стало лизать стенки котлов и жаровые трубы. Закончив чистку и нагнав огонь во всех трех топках, Джонит опередил товарища по смене на десять минут. Он уселся на насосный ящик, скрестил руки на груди и стал насвистывать старый матросский вальс.

Дембовский порылся в куче золы, в надежде найти кусок негоревшего угля, но, не обнаружив ничего, разочарованный, ушел в машинное отделение.

На следующее утро, когда Джонит нес в камбуз. Кофейник, он встретил у бункерного люка Дембовского. Чиф повернулся к Джониту спиной и не ответил на его утреннее приветствие.

«Ну что ж, раз так, пусть будет так...» — решил Джонит и после этого никогда больше не здоровался с чифом. Позже Дембовский, правда, пожалел о своей опрометчивости и пытался исправить ее: он каждое утро ожидал появления Джонита на палубе, старался смотреть на того как можно приветливее и ждал, что Джонит поклонится ему, но надежды оказались тщетны. Кочегар, просто не замечал его. Создавшееся положение было очень неприятно Дембовскому, ведь с остальными начальниками Джонит здоровался, и о том, что он бойкотирует чифа, скоро стало известно экипажу. Как исправить положение? Помириться с Джонитом, извиниться, признать свою неправоту мешало самолюбие. Обратиться к капитану и просить, чтобы он заставил выполнять элементарные правила вежливости, предусмотренные дисциплиной? Но этим он поставил бы себя в смешное положение и признал бы свою беспомощность.

Этот крепкий орешек Дембовскому пришлось раскусывать одному, как бы неприятно и трудно ни было. На первый взгляд, если рассуждать здраво, — мелочь, и все же как она осложняла и портила жизнь!

Плавание было удачным, только у мыса Нордкап пароходу пришлось в течение двух дней бороться с норд-вестом, да у побережья Англии он попал в густой туман. На восемнадцатый день после выхода из Архангельска «Пинега» добралась до Саут-Шилдса.

Ингус, окончив вахту, как большинство моряков в конце плавания, привел в порядок каюту и себя: надел чистое белье, побрился и написал письмо отцу. Завершив все дела, он вышел на палубу подышать свежим воздухом. Мигали огни дальних маяков, со стороны моря прошел пароход с зелено-красными сигнальными огнями, и скудной иллюминации земли сверху отвечало величественное сияние небесного свода. Лениво фосфоресцировала спокойная вода. Где-то шла война, рвались гранаты и тысячи людей стонали в муках предсмертной агонии, а здесь, на море, был безмятежный покой, спокойные воды и звездное небо, полуночная тишина и свобода уединения. Внизу, в недрах парохода, билось его громадное сердце, мощная дрожь сотрясала гигантский металлический корпус, труба извергала темно-серое дыхание. Ингус, замечтавшись, смотрел на игру фосфоресцирующей воды. Ему вспомнились вдруг южные моря, прекрасные острова за Атлантикой и гибель «Дзинтарса». Старый Кадикис, черный Джо, юнга и слепой Цезарь — где-то вы, товарищи прежних дней? На какой берег вынес Гольфстрим ваши бездыханные тела? Вас уже нет, а Ингус Зитар на палубе «Пинеги» вспоминает о прошлом и смотрит вперед, в неизвестное будущее. Жизненный поток увлек его, и он не может связать прошлое с настоящим.

Справа, шагах в десяти от Ингуса, визжала ручная лебедка: из котельного помещения вытаскивали золу и шлак. Трюмный медленно вертел ручку лебедки, поднимая ведра, наполненные золой. Он в течение нескольких часов подвозил из междупалубного помещения в бункер уголь, колот крупные куски антрацита, заливал водой шлак, выгребал золу из поддувал и подносил кочегарам свежую воду для питья. Теперь он должен поднять снизу шлак и золу, скопившиеся за смену, — сорок тяжелых ведер. И когда с этим будет покончено, он не сможет лечь на койку и отдохнуть, как его товарищи по смене — кочегары. Он обязан еще подмести кубрик, вымыть посуду и убрать гальюн, потому что завтра пароход придет в порт, а санитарная полиция требует строгого соблюдения чистоты на пароходах. Возможно даже, что этому пареньку совсем не удастся отдохнуть. А он так устал, истомился без сна, что глаза сами собой закрываются, но он даже

сонный не выпускает ручку лебедки. Всякий раз, когда ведро поднято наверх, он берет его обеими руками и, прижав к себе, несет через палубу в ящик для золы. Зола залита водой, липнет, пачкает, а куски шлака горят красным огнем. Трюмный высыпает их за борт, они обдирают кожу на руках и обжигают пальцы. Он сует грязный палец в рот; высасывает кровь и откусывает заусеницы. За свой труд он получает несколько рублей в месяц и питание. А старый Дембовский за обеденным столом говорит капитану: — Трюмные изленились, как коты. Нам вполне достаточно двоих, третьего можно уволить.

Вот трюмный понес очередное ведро и от усталости пошатнулся, а ведро выскользнуло из рук. Тогда он потащил его по палубе, чтобы, подняв на поручни, опрокинуть в ящик с золой. Но ведро оказалось слишком тяжелым для выбившегося из сил парня. Никак не удавалось поднять его. Из котельной послышалось нервное позвякивание лопаты, и через вентилятор долетел нетерпеливый возглас кочегара:

— В чем дело? Чего ты там прохлаждаешься? Поворачивайся быстрее, до конца смены надо все поднять!

Ингус уже не мечтал. Перед его глазами был измученный человек, по лицу которого струились ручейки пота, он увидел отчаяние во взоре парня и понял: здесь что-то не так и долг каждого человека — прийти ему на помощь. Под влиянием минутного импульса Ингус двинулся было по направлению к трюмному, желая помочь ему, но тут же осекся, взглянув на свою одежду: синий штурманский мундир, белая сорочка и только что вымытые руки.

Ему стало стыдно за себя, но он не тронулся с места. В этот момент открылась дверь из помещения запасного котла, и на палубу вышел, посвистывая, человек в чистом костюме цвета хаки. Это был Джонит. В погоне за чистотой он, как и второй штурман, и многие моряки «Пинег», вероятно, бодрствовал сегодня ночью. Окончив смену, он спустился к запасному котлу, стоявшему в отдельном помещении, выстирал белье, вымылся с головы до ног и переоделся во все чистое. На палубе он сразу же заметил трюмного и некоторое время молча смотрел, как тот тщетно силится поднять ведро с золой.

Так же молча Джонит положил сверток белья на бункерный люк, снял блузу и подошел к трюмному.

— Пусти-ка!

Легко, точно мешок с мякиной, поднял он грузное ведро, вывалил из него шлак за борт и направился к лебедке.

— Но как же... — пытался возражать трюмный. Это был тот самый

Лехтинен, с которым Джонит поскандалил из-за верхней койки в день появления на судне. — Тебе ведь скоро становиться к топкам, а мне только час осталось доработать...

— Иди-ка на бак и вымой посуду! — сказал Джонит, цепляя пустое ведро на крюк лебедки и спуская его в котельное помещение. — У меня сегодня бессонница.

Просто, без рисовки и красивых жестов, он взял на себя труд другого человека, причем этот человек отнюдь не был его другом. Он просто чувствовал себя сильнее, ведро с золой не утруждало его мускулов, а товарищ выбился из сил.

Лебедка весело повизгивала, ведро за ведром подымалось наверх, и Джонит, насвистывая, уносил их через палубу к борту. Кочегар не успевал насыпать ведро, как Джонит опускал вниз порожнее и еще при этом поторапливал:

— В чем дело, почему задержка? Эй ты, поджигатель Иерусалима, пошевеливайся побыстрее! А то спущу на голову жаркое из горящего шлака!

К тому времени, когда наверх были подняты остальные тридцать ведер, светлые брюки и белая трикотажная сорочка Джонита стали грязными и мокрыми, а лицо покрылось толстым слоем золы.

Когда Лехтинен, вымыв посуду, вернулся на палубу и с виноватым видом указал на его испачканную одежду, Джонит тут же высмеял его:

— Неужто запачкался? Ах, как жаль? Это, пожалуй, и не отмоешь. Что же я буду делать на вахте? Рисовать обезьянок на стенах или играть с угольками? Ведь пар сейчас такой, что во время вахты можно обстирать всю команду.

Правду говоря, пар на «Пинеге» совсем не был таким легким, Джонит явно преувеличивал. Если он справлялся с работой шутя, то остальные кочегары основательно выматывались и после смены падали на койки совершенно обессиленными. Его выносливость и умение работать не могли служить критерием для остальных. Весь кубрик давно уже знал, что Джонит во время вахты помогает второму кочегару и даже иногда чистит его топку и что только благодаря этой помощи тот выдерживает свою вахту до конца.

Ингус кое-что слышал о похождениях Джонита на «Пинеге», о его ссорах, драках, вздорном характере и пьянстве, но сегодня ночью, когда он понаблюдал за этим парнем, ему стало не по себе: он, Ингус Зитар, уклонился от помощи уставшему человеку, пожалел чистый костюм, а тот не колебался ни минуты, когда нужно было выручить товарища. Разве

Джонит не оказался гораздо лучше его?

Ингус почувствовал сильное желание подружиться с этим человеком. Когда последнее ведро шлака было высыпано за борт и Джонит отнес его к лебедке, второй штурман подошел к нему и протянул руку:

— Вы замечательный парень. Давайте дружить. Согласны?

Джонит изумленно взглянул сначала на смущенное лицо штурмана, затем на протянутую руку и насмешливо улыбнулся. Вытер ладонь о брюки и, видимо, не придавая особого значения предложению штурмана, с размаху опустил свою грубую ладонь на руку Ингуса.

— Тогда нам в Шилдсе придется сходить в кабачок. Pint bitter and bottle whisky — and I'll not be husky. [\[60\]](#)

6

Саут-Шилдс, как и любой другой английский порт на побережье Северного моря, был в это время полон судов. Большая часть пароходов из Архангельска ходила сюда. Но теперь на море стало небезопасно. Немецкие подводные лодки шныряли вдоль берегов Норвегии и выслеживали суда, поддерживающие сообщение между Англией и Россией. Поэтому те не ходили обычным курсом, а держались ближе к северу, от Нордкапа делали крюк в западном направлении до Шетландских островов.

В Саут-Шилдсе оказалось много латышей и русских. Ингусу никогда не приходилось видеть в каком-либо иностранном порту такое количество моряков-соотечественников. Когда началась война, многие остались за границей вместе с судами, другие поспешили сюда, чтобы избежать ужасов войны. Немало было здесь эмигрантов 1905 года и тех, что в свое время дезертировали с военных кораблей русского флота, испугавшись семилетнего срока службы. Большинство из них служило на судах или в порту, остальные же работали на шахтах или занимались ремеслами.

У Джонита оказалось много знакомых среди местных латышей и русских; во всех бордингхаузах и кабаках он был своим человеком, и даже полицейские хорошо знали, как зовут сумасбродного парня, с которым у них время от времени происходили не очень приятные встречи.

На следующий день после прибытия в Саут-Шилдс капитан выплатил людям аванс. Джонит вечером надел синий бостоновый костюм, повязал галстук и осведомился у Ингуса, готов ли тот пойти на берег.

— Куда мы направимся? — спросил Ингус, когда они вышли из дока. — Мне эти трущобы совсем незнакомы.

— А мне знакомы, — Джонит бойко окинул взглядом улицы. — Меня здесь знает каждый лавочник, и я знаком чуть ли не со всеми, ведь позапрошлой зимой я прожил в Шилдсе четыре месяца. Спроси, и я тебе сразу отвечу, что здесь есть и чего нет.

Ингус улыбнулся такому самоуверенному заявлению и шутя показал на одну из лавок старьевщиков, в дверях которой стоял пожилой горбоносый человек с маленькой черной бородкой — видимо, владелец лавки.

— Кто это?

— Это? — Джонит поднес руку к козырьку шапки. — Алло, Фридман!

— Hallo, Johnny! — услужливо приветствовал его торговец на английском языке. — Как поживаете? Не зайдете ли взглянуть на мои товары? У меня есть несколько новых костюмов на ваш рост. Купил на прошлой неделе у матросов, ушедших в дальнее плавание.

— В Индию?

— Нет, в Австралию. Заходите, пожалуйста, я вам уступлю недорого.

— Thank you, [\[61\]](#) Фридман, сегодня некогда. Но вы не распродавайте все, мне понадобится один выходной костюм.

— All right, Johnny! [\[62\]](#)

— Видишь, как они меня знают! — проговорил Джонит. — Этот Фридман — русский еврей откуда-то не то из Гомеля, не то из Гродно. После очередного погрома эмигрировал в Англию и живет в Шилдсе уже восьмой год. Ему здесь неплохо. Ребята нанесут сюда всякой одежды за полцены, макинтош отдают за несколько шиллингов, а Фридман потом только успевай денежки загребать. Вон тот кабачок содержит эстонец. А этот парикмахер родом из Лиепай. Хозяин бордингхауза, который ты видишь, — датчанин. Я прожил у него несколько месяцев. Славный мальй, кормит в долг и устраивает ребят на самую хорошую работу. Жаль, что таких бордингмастеров больше нет.

— А что за барышни вышли сейчас из кондитерской? — Ингус указал на двух хорошо одетых блондинок. Джонит пренебрежительно махнул рукой.

— Эти? Обыкновенные судомойки одного из здешних кабачков.

— Ну, ну! — не поверил Ингус. — Англичанки?

— Кто же еще? Идут, словно аршин проглотили. А когда им стукнет тридцать, они вступят в Армию спасения [\[63\]](#) и начнут петь псалмы на улицах или вырастят собаку и станут называть ее милочкой. Я их знаю, все они таковы.

Болтая таким образом, они подошли совсем близко к женщинам. Джонит, продолжая балагурить, раскритиковал блондинок с головы до ног, сочинил их биографии со дня рождения до настоящего момента и делал всевозможные рискованные умозаключения о сомнительной нравственности этих женщин.

— Одна-то еще туда-сюда, а со второй я не стал бы связываться, даже если бы мне приплатили.

Женщины, шагавшие впереди, молчали — может быть, прислушиваясь к звукам незнакомой речи, или просто потому, что не о чем было говорить. Они не спешили, их стройные фигуры, маячившие перед глазами Джонита, все больше вызывали в нем раздражение. Их немое пассивное присутствие как бы вдохновляло красноречивого моряка. Ведь так интересно говорить все что угодно, зная, что не придется отвечать за свои слова. Наконец, Джониту это надоело, и он с досадой плюнул.

— Нечего метать бисер перед свиньями. Им гораздо приятнее слышать грохот кастрюль, чем человеческую речь.

На одном из перекрестков женщины остановились. Одна из них взглянула на Джонита, с трудом удерживая улыбку, да и другая покраснела от распиравшего ее смеха. Затем первая спросила на чистейшем латышском языке:

— И это все? Больше ничего не будет? Мы с таким интересом слушали.

И обе громко расхохотались.

— Проклятие! — воскликнул Джонит, увидев, что сел в калошу. — Роковая ошибка!..

Ингус тоже почувствовал неловкость, ибо высказывания Джонита отнюдь не блистали галантностью — вообще, нужно сказать, неудачное вступление на путь знакомства с соотечественницами. Покраснев, словно напроказивший мальчишка, он бормотал какие-то извинения:

— Понимаете ли, получилось недоразумение. Мой товарищ когда-то жил здесь и принял вас за своих знакомых. Было бы крайне неприятно, если он вас оскорбил.

— Мир не так велик, как вы думаете, — сказала та, что заговорила первая. — И Саут-Шилдс совсем не то место, где латыш может думать вслух обо всем, что ему взбредет в голову.

Опять раздался смех, и, уже не сдерживая его, девушки пустились бегом по улице. Вскоре они скрылись в дверях одного из домов. Пока Ингус с ними разговаривал, Джонит тоже куда-то исчез, оставив друга одного на поле боя.

«Вот ведь шельмец... — негодовал Ингус. — Заварил кашу, а я расхлебывай...»

Он обошел соседние переулки, заглянул в какой-то кабачок и выпил кружку пива, но Джонит как сквозь землю провалился. Возвращаться на пароход еще не хотелось, поэтому Ингус зашел в кино и посмотрел американский детективный фильм.

Подходя к «Пинеге», он еще издали услышал сильный шум, доносившийся из средней части парохода, где располагались каюты начальства. Вахтенный матрос пытался оттащить какую-то темную фигуру от дверей каюты первого механика Дембовского.

— Джонит, не валяй дурака, иди в кубрик и ложись спать, — уговаривал его матрос. — Проснется капитан, плохо тебе будет.

— Пусти! Пусти меня! — отталкивал Джонит матроса. — Капитан ничего мне не сделает, он правильный старик. Дал водки опохмелиться. А Дембовский... Попадись только он мне в руки!.. — затем послышался дикий грохот в дверь каюты. Джонит злобно дергал ручку двери и пинал ногами стену каюты.

— Чиф, пусти меня! Мне нужно сказать тебе несколько слов по-английски. Всего несколько слов. Ты откроешь или не откроешь?! Если нет, я спущусь в кочегарку и принесу большой лом!

В каюте царила глубокая тишина. Дембовский, бледный и перепуганный, сидел на краю койки, прислушиваясь к тому, как буйствует пьяный кочегар. Он дрожащими руками достал револьвер и проверил, заряжен ли он. Хоть бы капитан проснулся и приказал заковать в кандалы этого сумасшедшего! Ну и горазд же спать Белдав... Долговязая Смерть тоже не слышит, что здесь происходит. И где, наконец, первый штурман, второй, Иванов — почему никто из них не идет к нему на помощь?

— Открой мне, Дембовский, я тебе говорю, открой, а то хуже будет! — продолжал Джонит. — В Бельгии я один расправился с полным кабаком народу, а его там было не меньше двадцати человек. Неужели ты думаешь, что устоишь против меня?

Вслед за тем механик услышал еще чей-то голос, вероятно, это был второй штурман. Он говорил по-латышски, и Дембовский ничего не понял, но присутствие его придало механику бодрости. Дал бы бог, чтобы Зитар смог унять этого Бебриса.

— Джонит, что ты тут опять устраиваешь? — строго спросил Ингус.

— Мне охота подраться, а Дембовский давно заслужил, чтобы его продраили.

— Опять у тебя руки зачесались? И с каких это пор ты так

расхрабрился? — продолжал Ингус. — Я на берегу только что был свидетелем того, как какой-то трус удирал от двух особ слабого пола, а теперь он хочет применить свою силу к старому человеку.

— Кого ты имеешь в виду? — Джонит быстро обернулся к Ингусу.

— Тебя. Ты не парень, а пустобрех. На словах герой, а как до дела дойдет — так в кусты.

— Когда это было? — удивился Джонит.

— А ты уже забыл? — Ингус притворился сердитым. — Куда тебя унесло, когда они заговорили по-латышски? Оставил меня козлом отпущения.

— Они тебя обидели? — вся фигура Джонита воинственно приосанилась, выражая готовность отомстить за обиды, причиненные товарищу.

— Они сказали, что такого трусливого мужчину видят впервые. Так поступают только молокососы. Покажут из-за угла кулак, а потом убегают. Именно так оно и выглядело.

— Да я никуда и не убегал. Просто зашел в парикмахерскую — неудобно появляться перед женщинами в таком лохматом виде.

— И ты думаешь, я тебе поверю?

— Можешь убедиться! — Джонит сердито сорвал с головы шапку, открыв аккуратно подстриженные волосы. — Дело не в том, что я их испугался, а просто я знаю, что у женщин первое впечатление всегда решающее, и не хотел окончательно испортить все дело.

— Ха-ха-ха, недурное ты произвел первое впечатление! — издевался Ингус. — Пойдем в кубрик и перестань буянить. Люди спать хотят.

— Но мне с Дембовским...

— Нечего тебе здесь делать. А если и есть что, так сделаешь это завтра, в трезвом уме.

— У меня ум трезвый и сейчас! — упирался Джонит.

— Тем хуже для тебя.

— Ты что, меня разыграть хочешь? Этого я никому не позволю. Дембовский тоже меня на море разыгрывал, шпионил за мной, как я топлю да как чищу топки. Хорошо это, по-твоему? Меня, старого кочегара, он проверял, как мальчишку! Не ответил на приветствие!

— Ну и что же? Ты потом с ним тоже не здоровался. Пойдем, хватит ломаться!

Джонит продолжал артачиться.

— Погоди, я не могу так уйти. Мое самолюбие не позволяет. Если я постучал в дверь чифа, я должен с этим делом покончить.

— Драться я тебе не позволю.

— Тем хуже, мне, видимо, придется избрать другой объект, чтобы оттузить. Может быть, даже тебя... Но с Дембовским... стой, мне пришла в голову блестящая мысль. Только ты не вмешивайся.

— Ты не наделаешь глупостей?

— Даю слово, что я не сделаю Дембовскому ничего плохого.

— Ну, ладно, посмотрим, я останусь здесь.

— Именно этого я и хочу. Без свидетелей неинтересно. Боцман, останься ты тоже... — кивнул Джонит вахтенному матросу, затем надел шапку и очень вежливо постучал в дверь каюты Дембовского.

— Кто там? — откликнулся на этот раз чиф.

— Кочегар Бебрис желает с вами говорить. Только один момент, чиф, прошу, будьте столь любезны и откройте дверь. Здесь стоят штурман и боцман, так что можете не беспокоиться.

— Какие могут быть в ночное время разговоры... — ворчал Дембовский. — Это можно отложить и на завтра.

— И все-таки, чиф. Очень спешное дело. Верьте мне, вы об этом не пожалеете.

— Обожди.

Дембовский надел плащ и открыл дверь. Показался его голый блестящий череп.

— В чем дело?

— Добрый вечер, чиф! — Джонит снял шапку.

— Добрый вечер... — Дембовский, казалось, был удивлен неожиданной вежливостью Джонита; это случилось впервые за три недели.

— Вот и все, что я хотел вам сказать, — продолжал Джонит. — Поразмыслив о наших взаимоотношениях, я сегодня пришел к выводу, что такое положение, когда двое на одном пароходе не узнают друг друга, дальше нетерпимо. Вы не находите этого?

Дембовский молчал.

— И вот я сегодня пришел исправить затянувшуюся ошибку, — продолжал Джонит. — Я поздоровался с вами, и вы мне ответили. Теперь все в порядке: И пока вы мне будете отвечать на приветствия, до тех пор я буду с вами здороваться. Спокойной ночи, чиф!

Джонит еще раз плавным жестом снял шапку и пристально, вызывающе уставился на Дембовского. В этот момент должен был определиться характер их дальнейших отношений — это понимали оба. Если Дембовский вздумает сейчас обидеться, все останется по-старому, и чиф напрасно станет ожидать утреннего приветствия. Восстановить

нормальные отношения можно было, только сделав вид, что не понимаешь издевательского тона грубияна.

Прошло некоторое время, прежде чем Дембовский принял решение. Джонит заметил, как его противник кусал губы, как нервно дрожали его руки и на щеках выступили яркие пятна. Внутри у него все, должно быть, так и кипело, и он с удовольствием заорал бы на Джонита, чтобы тот убирался к черту. Но пришлось сдержаться, и, по-старчески крякнув, он приветливо произнес:

— Спокойной ночи!

Джонит одержал победу. Когда дверь в каюту чифа закрылась, у него остыл весь пыл борьбы.

— Теперь пойду спать. Интересно провели времечко, не правда ли?

— Да, но только вопрос — насколько приятно, — ответил Ингус. — Джонит...

— Ну?

— Ты странный человек. Мне кажется, что в твоей жизни не все ладно. Иначе ты бы не был таким.

— Возможно, что у меня все неладно. Ну и что же из этого?

— Я не могу тебя понять. А хотелось бы. Расскажи мне хоть немного о себе — о своем прошлом. Ты не похож на остальных людей, и, хотя ты делаешь много такого, за что тебя не похвалят ни другие, ни я, ты все же нравишься мне.

— Спасибо на добром слове. Откровенность за откровенность! Можно и рассказать, мне не жаль.

— Пойдем ко мне в каюту.

Джонит скорчил страдальческую мину, подчиняясь неизбежному, и последовал за штурманом. В ту ночь Ингус узнал биографию этого человека.

Глава вторая

1

— У тебя не осталось ни капельки? — спросил Джонит, усаживаясь на маленький диван.

— Нет, этих вещей я не держу в запасе, — рассмеялся Ингус. — Как лекарство водка мне еще не нужна.

— Гм! Никудышный ты после этого штурман, без виски. У Дембовского на койке под подушкой всегда хранится изрядная фляга. Надо будет как-нибудь стащить. Ну, все равно, нет так нет, обойдемся и без нее, только я тебя представлял иным.

— Значит, разочаровался? Может быть, ты теперь и рассказывать не захочешь?

— Я не торгуюсь, не думай, — обиженно нахмурился Джонит. — Но я не понимаю, что в моей жизни такого интересного, что заслуживало бы внимания. С чего начать? С рождения? Я его что-то плохо припоминаю.

— Начинай с чего хочешь.

— Ну, ладно, так слушай же. Я родился в маленьком провинциальном городке на севере Видземе. Отец мой был торговцем — средней руки обдиралой. Покупателями в нашей лавке были окрестные крестьяне, а в трактире пили проезжие и жители городка, начиная с городского головы и кончая конюхом постоялого двора. Мой отец — человек небольшого роста, но большого практического ума. В трактире его часто происходили потасовки, но сам он никогда в них не участвовал. Он продавал другим много водки и пива, но сам не пил. И благодаря этому, когда случалось, что у его клиентов описывали имущество и стук аукционного молотка слышался то в одной, то в другой усадьбе, мой предприимчивый отец за бесценок скупал разное имущество и перепродавал его в Риге втридорога. Каждый, увидев его издали, приветствовал, называя господином Бебрисом. И вот, несмотря на хорошее питание и обеспеченную жизнь, он, в конце концов, схватил какую-то болезнь и уже не встал.

Мне в то время исполнилось пятнадцать лет. Весной я только что окончил местное городское училище и, если бы не умер отец, должен был осенью поступить в коммерческое училище в Риге. Но я тогда увлекался Майн-Ридом и Жюлем Верном и больше думал о мореплавании, чем о

конторском столе. Отцу я не смел даже заикнуться о подобных вещах, потому что, будучи единственным сыном, являлся и единственным наследником его предприятия. Когда я заговорил о своих намерениях с матерью, та подняла вой и предложила немедленно выбросить из головы такие затеи: она хочет видеть меня барином, а не каким-нибудь бродягой. Чего, спрашивает она, тебе не хватает? Ведь у тебя есть все, что только душа пожелает. Что тебе нужно?

Порядочный мужчина никогда не станет спорить с женщиной, если эта женщина к тому же еще доводится ему матерью. Логикой их не проймешь, надо переходить к решительным действиям. Я так и поступил. Вскоре после Юрьева дня ^[64], как только в море растаял лед и в порт стали прибывать суда, я связал в узел свои пожитки и ночью, тайком, убежал из дому. В Риге я устроился юнгой на парусник и ушел в продолжительный рейс в Южную Америку. Вначале было очень трудно. Никто меня не щадил, заставляли работать, как раба, поручая самые неприятные обязанности, за малейшую оплошность нещадно били. Били меня все кому не лень, кто хотел. Бил кок, били матросы и штурманы, а боцман просто считал своим святым долгом по крайней мере раз в неделю отвозить меня канатным жгутом просто так, для острастки. Сам по себе канат еще ничего, он костей не переломит, но боцман навязывал на него такие узлы, от которых по всему телу появлялись синяки.

Должно быть, это было возмездием за мой легкомысленный побег из дому, а может быть, просто суровым испытанием перед тем, как принять меня в семью моряков. Что мне оставалось делать? Сопротивляться я не мог, потому что был еще молод. Так, воспитывая меня в духе требований старых морских волков, они скоро добились того, что я стал настоящим моряком. С ловкостью белки летал я по мачтам и реям, до кровавых мозолей на руках натягивал и сворачивал паруса, убирал каюты, драил палубу и чистил на камбузе картофель. Чем больше я осваивался с работой, тем больше меня ею нагружали. Я понимал, что со мной поступают несправедливо, но молчал, боясь побоев. Только в груди копилось ожесточение и надежда на мщение: погодите, когда я вырасту, я всем вам это попомню.

Ты не поверишь, но эта надежда, эта жажда мщения были единственной причиной, удержавшей меня от бегства с судна в первом иностранном порту и заставившей плавать на нем целых три года. За это время многое изменилось. Меня реже били, и матросы смотрели на меня как на равного. Только боцман и штурман по-прежнему считали Джонита мальчишкой, и, хотя я уже давно исполнял все матросские обязанности,

мне приходилось довольствоваться жалованьем юнги. Это было вопиющей несправедливостью, и именно она-то меня больше всего и терзала. Но я не сбежал. Мои мускулы натренировались, я стал гибким, как кошка, и как-то раз, когда у наших матросов происходила очередная потасовка в одном испанском кабаке со скандинавскими матросами, я впервые попробовал силу своих рук. И убедился, что в кулаках у меня есть талант: я один справился с тремя противниками. Это убеждение впервые вселило в меня веру в свои силы. Пусть теперь попробует кто-либо наступить мне на мозоль — узнает почем фунт лиха!

Из Испании судно направилось через Атлантику в Рио-де-Жанейро. И вот в один субботний вечер... Еще и теперь у меня замирает сердце при воспоминании об этой первой баталии. Матросы ушли на берег, все были свободны; боцман, штурман и кок расхаживали по палубе бритые, в новых костюмах. Я тоже надел чистое белье, новую спецовку и повязал шею зеленым шелковым платком, потому что у меня было такое же право на субботний отдых, как и у всех остальных. Но кок имел по этому вопросу особое мнение, боцман с ним согласился, и на свою беду присоединился к ним и штурман. Вероятно, мой праздничный вид портил им настроение.

— Джонка, вымой бочку из-под селедок! — приказал мне кок. — От нее идет такое зловоние, что отравляет весь воздух в кладовой.

Этого еще не хватало! Чтобы я возился с грязной бочкой и перепачкал чистую одежду селедочным рассолом!

— Этим, кокочка, ты сам займись, — обрезал я его. — Запустил бочку, сам я чисти ее, а у меня свободный субботний вечер.

— У тебя, наверно, спина соскучилась по этой штуке? — боцман показал мне узловатую судовую «кошку».

— Неизвестно, у кого больше соскучилась, — вызывающе рассмеялся я. — Ты, боча, давно в бане не был, тебе как раз и годится.

К нашему разговору уже прислушивался и штурман. Все трое сошлись вместе и о чем-то посоветовались. Выражение их лиц не предвещало ничего хорошего. Несчастные, они забыли, что Джониту Бебрису уже не пятнадцать лет, а полных восемнадцать и что в испанском кабаке он один побил троих, да к тому же просторная судовая палуба — гораздо более удобная арена для борьбы, чем тесное помещение кабака. Штурман взял кофель-нагель, боцман — «кошку», а кок, как ему и полагается, направился на меня с кочергой. Я знал, что драка с оружием в руках налагает на дерущихся большую ответственность за могущие быть последствия, поэтому кинулся в бой с голыми руками. «Несчастные», — думал я, наблюдая, как противники собираются окружить меня с трех сторон. Я

дрожал, но не от страха, а от радости, ибо почувствовал, что наступил час расплаты. Заныли по всему телу синяки и ссадины, полученные мною за это время. Все бранные слова, адресованные мне за прошедшие три года, звенели в ушах и пьянили, как крепкий джин. Тогда били меня, теперь буду бить я. Тогда стонал Джонит, теперь заохают они! И никто не посмеет меня обвинить, потому что они сами этого захотели.

— Выбирай, на которую сторону будешь: падать! — крикнул я боцману. — Положи под бок подушку, чтобы не расшибиться. А ты, кокочка, не пугайся и не думай, что тебя лошадь лягнула, если почувствуешь что-либо похожее:

Минуту спустя дело шло полным ходом. Кокухватило двух тумачков. Взыв и схватившись обеими руками за живот, он опустил на палубу, из носа хлынула кровь. Кофель-нагель штурмана полетел за борт, а боцманская «кошка» взвилась на такелаж и повисла на вантах. Вскочив на люк трюма, я схватил штурмана и боцмана за волосы и стал стучать их лбами: бух, бух, так что у приятелей искры посыпались из глаз и на лбах вскочили огромные шишки. По временам я их встряхивал, как бутылки с простоквашей или пыльные полушубки, затем опять стучал лбами. После каждого удара они крякали, как дровосеки. Под конец оба настолько обалдели, что, когда я их отпустил, они шатались и, наткнувшись на мачту, ушиблись еще лишней раз. Лбы их, украшенные шишками, выглядели очень забавно, и я громко хохотал. Я хотел было еще раз подойти к коку, но он со страху удрал в камбуз и, высунувшись в окошечко, взмолился:

— Джонит, я ведь просто так, пошутил. Неужели у тебя рука подымет на старика?

— Ничего себе старичок нашелся! — крикнул я, страдая его. — Мужчина что бык, а боится юнги. Выходи, или я тебя вытащу за чуб!

Но он закрылся на засов, а ломиться в камбуз мне не было времени. Повернулся я к обоим бодливым козлам и спрашиваю, хотят ли они еще, чтобы я мыл бочку из-под селедок. Нет, они на этом уже не настаивали. Скрипя зубами, они потащились в свои каюты, а я, сложив свой мешок, с наступлением темноты убрался на берег. Остаться мне на этом судне уже нельзя было:

Пока судно стояло в порту, я прятался в городе, затем устроился трюмным на «англичанине» и шатался по белу свету еще четыре года. За это время я сменил шесть или семь судов, ходил на бельгийских, норвежских, голландских и датских кораблях. Иногда — на палубе в качестве матроса, но больше внизу, особенно зимой или когда приходилось идти в северные моря. Вскоре я стал полноправным кочегаром, затем

дункеманом и одно время — смазчиком на голландском лайнере. Я больше не уступал дорогу никому, каким бы сильным и большим он ни был. Никто уже не осмеливался бить меня или бранить, а я, лишь только замечал на судне появление какого-нибудь забияки, сразу же обламывал ему рога. Конечно, ангельского в моем характере мало, у меня всегда руки чешутся въехать в чью-либо хвастливую морду, сварливость и неуживчивость — мои неизменные спутники. Меня нигде долго не терпели. Всегда почему-то получалось, что после каждого рейса мне приходилось собирать свой мешок и идти в бичкомеры.

Привыкнув к этому, я впоследствии и не стремился оседать на одном месте, не боялся насолить товарищам и начальству и жил вольной птицей. Тогда я еще был терпимым парнем. Временами даже подумывал о доме, о тихом, уютном уголке, куда могу в любое время вернуться, отряхнув с ног мирской прах, и зажить новой жизнью. Проскитавшись семь лет на чужбине, я почувствовал, что мне надоели беспокойные похождения, хотелось перевести дух, угомониться. И я надеялся, что найду этот отдых дома, найду тепло и радость. Я воображал, что там все осталось прежнему. Мать в письмах давно звала меня домой, писала, что ей не справиться с трактиром, и обещала передать все в мои руки.

В конце концов, я послушался, больше, пожалуй, подчиняясь властной тоске по родине, чем зову матери. В Лондоне я сел на пассажирский пароход и отправился домой. За семь лет я не скопил денег, моим единственным приобретением была кое-какая одежда, хорошие карманные часы и очень большой жизненный опыт. Кроме того, я знал три иностранных языка, и если все это оценить должным образом, то следует сказать, что я возвратился не с пустыми руками. Но представляешь себе: я очень устал, скитания по чужбине мне надоели, не прельщали, как бывало, всякие заморские чудеса, мальчишеская страсть к приключениям была удовлетворена, беспокойство улеглось, и мне хотелось серьезно и честно трудиться во славу своей семьи и на благо родного городка. Если бы я вернулся домой в более счастливый момент, немного раньше или, наоборот, позже, то сейчас мне не пришлось бы ссориться с чифом «Пинег», я нашел бы в городке богатую невесту, женился и начал заниматься своим делом. Но, видно, не суждено было осуществиться моим намерениям. Досадная мелочь поставила крест на всех моих замыслах.

Ты знаешь, как неудобно сообщение с нашими провинциальными местечками и городами, если они не расположены у железнодорожной магистрали. От Риги мне пришлось дать большой крюк на север, там пересечь на поезд узкоколейки и сойти на одной из маленьких станций, от

которой до нашего городка оставалось еще восемнадцать верст по проселочной дороге. Направление — обратно в сторону Риги. С большим трудом разыскал крестьянина, который за четыре рубля серебром согласился доставить меня в городок. Когда мы выехали, уже смеркалось. Лошадь была не из горячих, возница — не в меру болтлив, и меня утомляло его назойливое любопытство. Чтобы отделаться от него и заставить его уделять больше внимания езде, я ничего о себе не рассказывал, ведь он, по всей вероятности, знал моего отца и из уважения к покойнику замучил бы меня всякими мелочными расспросами. Моя замкнутость и односложные ответы не уменьшили, однако, любознательности возницы, и так мы продолжали ехать часа четыре, один — нескончаемо стрекоча как сорока, другой — цедя изредка по слову сквозь зубы и ругая себя за то, что избрал такого возницу. Как видишь, настроение мое было уже заранее испорчено, нервы напряжены до предела, поэтому при моем характере достаточно было малейшего пустяка, чтобы вызвать взрыв. Случись это в пути, было бы лучше. Тогда бы я до приезда в город успел разрядиться и вместо тигра домой явился бы кроткий ягненок. Но не тут-то было...

— Где же молодой человек намерен остановиться? — осведомился возница, когда впереди показались огни городка.

— Там видно будет... — неопределенно буркнул я.

— Мне бы все-таки надо знать, куда подъехать. Здесь есть одна гостиница и два постоянных двора...

— Я остановлюсь у родственников.

— Так, значит, у вас здесь и родственники есть? Прошу прощения, а на какой улице они живут?

— На Большой улице.

— Та-ак? И позволено будет узнать вашу фамилию?

Я сделал вид, что не слышал вопроса, но он повторил его. Тогда я назвал ему первую попавшуюся на ум фамилию и велел остановить лошадь в конце Большой улицы.

— Вот вам деньги, спасибо за доставку, до свидания!

— Благодарю, молодой человек, но я ведь мог довести до ворот.

— Ничего, здесь недалеко, я дойду пешком.

Взяв чемодан в одну руку, бамбуковую трость — в другую, я поспешил освободиться от услужливого возницы. Но он еще долго ехал следом за мной, вероятно, желая узнать, в который дом я войду. Для моих натянутых, как струны, нервов это было лишним испытанием. Злой, словно сорвавшийся с цели пес, я спешил по узеньким дощатым мосткам вперед, умышленно сделал крюк по переулкам и вернулся на главную улицу возле

самого дома. Но в тот самый момент, когда рука моя коснулась звонка, позади послышался грохот колес, и при свете фонаря я узнал лицо своего преследователя. У меня было такое состояние, что я готов был подбежать к нему и произвести дополнительный расчет за доставку, но я сдержался: не годится блудному сыну возвращаться в родительский дом со скандалом. Сердито дернул я ручку звонка. Мой вид, вероятно, был настолько зверским, что служанка, открыв дверь, испугалась и не хотела меня впускать.

— Кого вам нужно? — немного придя в себя, спросила она.

— Госпожа Бебрис дома?

— Да, дома, но вам придется обождать в передней, пока я ее позову.

— Не придется, милочка, — оттолкнув ее, я поставил чемодан и пошел в комнату.

— Так нельзя, госпожа рассердится, — догнала меня служанка.

— Не беспокойтесь, я за это отвечаю.

Я находился в самом воинственном настроении, а всякое препятствие еще усугубляло его. Рассчитывая устроить сюрприз и мысленно предвкушая романтику внезапного свидания, я без стука переходил из комнаты в комнату. В столовой я заметил новый буфет, в гостиной вся мебель была новой, а по стенам навешана уйма пестрых, безвкусных безделушек, похожих на те, что моряки покупают в портовых лавках за границей. Все говорило о том; что мать после смерти отца дала волю своим вкусам.

За гостиной находилась комната матери: Подойдя к дверям, я громко постучал и, не ожидая ответа, вошел, не забыв закрыть за собой дверь: в гостиной была служанка, и я не хотел, чтобы она явилась свидетелем радостного свидания.

— Как вы... как вы смеее! — были первые слова, которыми приветствовала меня госпожа мать. Но они на некоторое время оказались и последними, ибо сразу наступила тишина, какая бывает лишь на море во время мертвого штиля.

Моим глазам представилась любопытная сцена, которую я меньше всего ожидал увидеть: мать поспешно вырвала руку из лапы какого-то усача и сконфуженно натянула на плечи яркий утренний халат.

Усатый господин, сидевший с ней на диване в непосредственной близости, отодвинулся немного дальше и снял с плеч матери руку, обнимавшую ее. Он сидел по-домашнему, в жилете, а рядом, на маленьком столике стоял поднос с вином и закусками. Но что меня поразило больше всего — прическа матери. Представь себе пожилую, хорошо

сохранившуюся женщину, в волосах которой больше седых; чем темных нитей. Щеки накрашены красной бумагой, а хохолок завит и закручен, как у молодой девушки. Казалось, она только что пришла от парикмахера.

Во всем этом я усмотрел что-то неестественное, что-то такое, чего раньше не было и что на обломках прошлого казалось чуждым.

Усач исподлобья поглядывал на меня, мать стояла с видом человека, получившего пощечину, а я, опомнившись немного, молча усмехнулся и вышел в гостиную. Отвернувшись и заложив руки за спину, я стоял в позе Наполеона и делал вид, что занят разглядыванием сентиментальных картинок, розовых женских лиц и зелено-сине-красных литографий с видами Альп и охотничьими пейзажами. Слышно было, как, крадучись, уходит через гостиную усач; различаю тихие скользящие шаги матери и ее выжидательное присутствие.

— Все-таки, значит, вернулся домой... — несмело произносит она.

Быстро повернувшись к ней, спрашиваю:

— Кто это?

Покраснев, мать опускает глаза.

— Это господин Земан.

— Что он собой представляет?

— Он руководит строительными работами.

— Ну, хорошо, пусть он ими руководит, но кто он?

— Я уже сказала, господин Земан...

— Это я уже знаю, но кто он тебе?

— Ну, просто знакомый.

— А что ему здесь нужно?

— Как ты странно говоришь. Неужели знакомый человек не может зайти иногда поболтать?

— И только?

— Конечно. Я не понимаю, что ты имеешь в виду...

Я поклонился, сказал «до свидания» и быстро удалился из комнаты. Макинтош я еще не успел снять, трость и шляпа висела в передней на вешалке, поэтому я ушел прежде, чем мать сообразила удержать меня. Минутой позже я уже был на улице, а через полчаса извозчик вез меня обратно на железнодорожную станцию. Там я дождался утреннего поезда и после полудня уже был в Риге. Первый отправлявшийся за границу пароход взял меня с собой.

Это был мой второй побег из дому. Он отличался от первого тем, что теперь меня не мучили никакие угрызения совести. Я только чувствовал, что позади меня осталась пустота, чужие люди, чуждый мир и что с этой

минуты нет для меня на земле ничего близкого, родного, ничего такого, что влекло бы меня обратно и ради чего я должен был бы ограничивать свои действия. Иди куда знаешь, живи как хочешь — никому ты не нужен и тебе никто не нужен. Ты сам себе судья, центр вселенной, критерий добра и зла. Я достиг высшей ступени свободы, и мне следовало радоваться, что я ее достиг. Но вместо радости я ощущал досаду, слепую злобу на весь мир. Словом, я был потерпевшим крушение судном, обломки которого ветер и волны носят по житейской Атлантике из конца в конец, по своему усмотрению. Возможно, мое второе бегство выглядело в большей степени мальчишеским поступком, чем первое: смешно выступать в роли судьи такому человеку, как я, сам не признающий ничьего суда, — но логически оправданные поступки не в моем характере. Ну, одним словом, что было, то прошло, исправлять сделанное не стоило. Где гарантия, что при исправлении ты не натворишь новых бед? Здравомысляя, неплохо и так, как оно есть. Что было бы, если бы я не вспылел и остался дома? С усачом я ни в коем случае не мог примириться, мне было бы неприятно, да и других мое присутствие стесняло бы. Теперь всем хорошо. Они могут жить как хотят, я живу как мне нравится. Не так ли, Ингус?

— Бесцельная жизнь и опустошенное сердце... — промолвил Ингус.

— Ну и что ж? Больше останется другим.

2

Пока Ингус слушал повествование Джонита, ему пришла в голову одна мысль. Он хотел добра этому человеку, и ему казалось, что, осуществив свой случайный замысел, он этим сделает благое дело. Когда Джонит окончил свою исповедь, Ингус сказал:

— Ты живешь недостойной жизнью, Джонит. У тебя нет ни самолюбия, ни гордости, а вся твоя бравада — всего лишь барабанный бой, которым ты себя оглушаешь и обманываешь. Мне кажется, что ты и не способен на иную жизнь.

— Я не хочу другой жизни.

— А если тебе когда-нибудь надоеет эта? Представь себе, что наступит время, когда ты не в силах будешь держать пар в котлах. В кубрике кочегаров ты уже не будешь главарем. Маленький, черный, ты проглотишь обиду, нанесенную младшими товарищами, потому что грубить и отстаивать себя тебе окажется не под силу. Тебя перестанут бояться, тебе не уступит дорогу самый молодой трюмный, юнга, и любой из твоих

собутельников сможет безнаказанно дразнить тебя. Рано или поздно ты окажешься негодным к службе на судне, ни один чиф не примет тебя на работу и ты станешь скитаться, как бездомный пес. Скажи, что ты тогда будешь делать? Пойдешь мыть посуду на иностранные суда, чтобы лакомиться там матросскими объедками? Будешь валяться по убежищам Армии спасения, нищенствовать, чистить сапоги прохожим или наймешься ночным сторожем? Если бы ты умел беречь деньги, тебе бы, возможно, удалось скопить небольшой капитал и купить кабачок в порту, но этого никогда не будет.

— Ты, Ингус, преувеличиваешь, потому что мало меня знаешь. Мне стоит только захотеть, и я могу горы своротить. Когда я увижу, что по-прежнему жить уже нельзя, я возьму себя в руки.

Ингус умышленно засмеялся, чтобы задеть самолюбие Джонита.

— Ты возьмешь себя в руки? Ха-ха-ха! Кто бы это говорил, только не ты!

— Не веришь?

— Нисколько. И не строй такую обиженную и сердитую физиономию. Ты слабый человек. В тебе нет той мужской нравственной силы, которая называется волей. Ты не властен над собой, не можешь запретить Джониту Бебрису ни малейшего пустяка — что он хочет, то и делает, а ты безвольно выполняешь все его капризы. С каждым днем ты становишься все более жалким. В конце концов, ты станешь стыдиться себя.

— Кто тебе дал право так разговаривать со мной? — разозлившись, вскочил Джонит. — Что ты мне за указчик? Я знаю, что делаю, и не позволю никому критиковать мои действия.

— Вот лишнее доказательство твоего бессилия! — подхватил Ингус. — Ты не переносишь правды. Кто-то из великих мыслителей сказал в свое время: «Сильные люди не боятся правды».

Джонит, пробубнив что-то, опять сел на место, сдерживая обуревавшие его чувства.

— Повторяю, ты меня не знаешь. При желании я могу такие дела вершить, что ты рот разинешь.

— Почему же ты не пожелаешь?

— Потому что в этом еще нет необходимости.

— Не верю я тебе.

— Ну, черт подери, это уж слишком! Ты издеваешься надо мной, а этого я ни от кого не потерплю!

— Тогда докажи, что я ошибаюсь, докажи, что ты мужчина, что у тебя есть еще воля.

— Это мне все равно, что раз плюнуть.

— Давай поспорим. И раз уж ты так рьяно берешься, условия спора позволю назначить мне.

— Я не боюсь. Только не требуй невозможного, как в сказке, где король приказал прогрызть насквозь кисельные берега молочной реки, я всего лишь человек.

— Успокойся, не потребуя ничего такого, чего бы не мог выполнить я сам, — продолжал Ингус. — Скажи, столько ты ставишь?

— Месячный оклад, — не раздумывая, буркнул Джонит.

— Хорошо, для начала хватит. Я со своей стороны ставлю столько же. Правду говоря, это нечестная игра, ибо все шансы на моей стороне.

— Это мы еще посмотрим. Каковы твои условия?

— Вот они: начиная с сегодняшнего дня, ты обязуешься целый месяц не брать в рот ни капли водки, не ругаться, не ссориться и ни с кем не драться, за исключением случаев, когда тебе это потребуется для самозащиты при нападении. Вот и все. Или условия кажутся тебе слишком жесткими?

Лоб Джонита прорезали глубокие складки. Подумав немного, он насмешливо взглянул на Ингуса и сказал:

— Ты считаешь, что мой месячный оклад у тебя в кармане? Не торопись! Условия, правда, не легкие, я это сознаю, но вполне приемлемые. Мне думается, что мы даже можем удлинить срок.

— Зачем это?

— Чтобы ты потом не говорил, что мне обстановка помогла выиграть пари. Ведь трудности для меня будут только во время стоянки в порту. А сколько таких дней наберется? В Саут-Шилдсе мы простоим еще дней шесть, потом три дня — на бункеровке угля, ну, пусть четыре — всего десять. Затем восемнадцать дней в море, и на этом кончается мой срок. В Архангельске я буду уже вольной птицей. Так что вместо месяца мне придется воздерживаться только десять дней, а я с этим не согласен. Добавим еще две недели, которые мы пробудем в Архангельском порту.

Джонит протянул Ингусу руку.

— А кто нас разнимет? — напомнил Ингус.

— Правильно, должен быть свидетель, — согласился Джонит. — Я позову боцмана.

Он вышел на палубу и через минуту вернулся с вахтенным матросом, которого они вкратце ознакомили с условиями пари. Джонит и Ингус пожали друг другу руки, свидетель разнял их, и пари было заключено по всем правилам.

— Теперь ты у нас на пароходе вроде как баба! — расхохотался вахтенный матрос в лицо Джониту и показал ему кукиш.

— Я тебе покажу бабу! — выпятил было грудь Джонит, готовый вступить за оскорбленную честь.

— Этого нет в условиях пари, — напомнил ему Ингус.

— Да, ведь верно... — осекся Джонит. — Мне еще надо привыкнуть, сразу не войдешь в новую роль.

Только теперь дошло до него, в какую опасную игру он позволил втянуть себя и как трудно будет выдержать искус. Но отступить было поздно. Если слово дано, его надо выполнять. На карту поставлено мужское достоинство, и он любой ценой докажет, что оно у него еще имеется.

3

Несмотря на то, что Джонит строго-настрого запретил вахтенному матросу болтать о пари, заключенном им со вторым штурманом, весь экипаж скоро узнал об этом. Даже не зная ничего, по поведению Джонита можно было заключить, что с ним что-то произошло. Первым заметил перемену Дембовский, но он объяснил ее недавно состоявшимся примирением.

На «Пинеге» не было теперь более тихого и вежливого человека, чем Джонит. Разговаривал он мало, не вмешивался в споры товарищей и, казалось, всю энергию вкладывал в работу. По утрам он первый спускался в машинное отделение и узнавал у Иванова, что предстоит делать. Получив задание, он отдавался делу всем существом, оставаясь глухим и слепым к происходящему вокруг. Вечерами он не спешил к умывальнику, а работал до последнего момента, потом, не торопясь, отмывал керосином и машинным маслом въевшуюся в ладони грязь, затем мылся до пояса в теплой воде и приходил в кубрик последним. Безмолвно ужинал, выкуривал сигарету, брал ведро и исчезал в помещении дункемана. Там он часами стирал свою рабочую одежду, белье, носки, простыни и одеяло. Его рабочий костюм был теперь чище, чем у других. Каждое утро он менял тельняшку, а койка Джонита могла вполне соревноваться в чистоте с постелями начальства.

До этого Джонит не придавал значения одежде. Только теперь он заметил, как у него все запущено: у сорочки не хватает пуговиц, у ботинок шнурки оборваны, у пиджака лопнул под мышкой шов, а воротник пальто

лоснится от грязи. Он прежде не заботился об удобствах и красоте — как вставал утром с койки, так в нее, мятую и как попало застеленную, вечером и ложился. Со временем его постель, подобно койкам остальных кочегаров, стала похожей на угольный бункер. Теперь он все прибрал, зачинил матрац и стряхивал с простыни всякую соломинку, всякий волосок морской травы. Он делал это не в силу внезапно проснувшегося эстетического чувства или из усердия, а просто потому, что надо было чем-то заняться, чтобы заполнить свободное время.

Поначалу эта перемена показалась товарищам Джонита приятной и удобной. Казалось, семья кочегаров стала миролюбивее и дружнее. Вместо обычной ругани обеденный перерыв проходил в дружеских беседах, вечерами не слышалось перебранки и вызывающих насмешек Джонита. Трюмные вздохнули свободнее, потому что никто не ворчал и не придирался по поводу плохо вымытой посуды или закоптевшего лампового стекла. Когда в кубрике на полу скапливалось слишком много мусора и окурков, Джонит не спрашивал Лехтинена, не собирается ли тот устроить в кубрике змеиное гнездо, а сам брал швабру и выметал сор. Когда ламповое стекло покрывалось настолько толстым слоем копоти, что по вечерам невозможно было читать газету, Джонит чистил его. Иногда после ужина он отпускал трюмных на берег вместе со старшими товарищами и мыл за них посуду. Сам он больше не ходил на берег. Если случалась надобность купить мыло или табак, Джонит давал деньги товарищам и просил их принести, что ему нужно. Джонит Бебрис превратился теперь в добровольного пленника «Пинеги». Среди старых моряков такие домоседы не редкость, и для них это не составляет никакой трудности, но для беспокойной натуры Джонита такое состояние становилось просто мучительным. Об этом можно было судить по его удрученному, грустному виду. Словно стыдясь чего-то, он очень редко появлялся на палубе, избегал смотреть в глаза матросам и начальству и старался при первой возможности исчезнуть в кубрике или кочегарке.

Со всем этим он смог бы справиться сравнительно легко, беда заключалась в том, что все узнали об условиях пари и всячески старались воспользоваться его беззащитностью. Джонит не смеет ругаться и драться — следовательно, его теперь нечего бояться. Он должен переносить любые насмешки и оскорбления, как когда-то другие терпели от него. Его можно дразнить, говорить в глаза все, что хочешь, не уступать дорогу и делать все наперекор ему — он не имеет права давать рукам волю.

Первым поспешил воспользоваться свободой действий долговязый Путраймс, простоватый человек, забравший в голову цель — научиться

играть на мандолине. У него полностью отсутствовал слух, и его нелепые упражнения могли вывести из себя даже глухого. Прежде Джонит запрещал ему тренькать на мандолине в кубрике, и Путраймс по вечерам уходил играть на бак, пока его и оттуда не прогонял кто-либо из матросов. Теперь он набрался храбрости и, свесив с койки ноги, целыми часами без усталости терзал струны. Джонит ворочался на койке, словно его кусали тысячи блох, пытался думать о чем-нибудь другом, чтобы не слышать душераздирающие звуки, затыкал уши и испытывал чисто физические страдания.

— Путраймс, может быть, ты прекратишь, наконец, хватит уж... — умолял он.

— Я хочу разучить эту песенку, — невозмутимо отвечал Путраймс, хитро подмигивая товарищам.

— Не забудь, что в кубрике есть люди и кроме тебя, и им тяжело слушать, — продолжал Джонит.

— Кому не нравится, пусть выйдет, я никого не держу... — издевался Путраймс.

— Музыкант из тебя все равно не получится.

— А тебе что за дело? Лежи на койке и чеши бока, если тебе больше нечего делать, а я буду играть.

Джонит закрывал голову подушкой и задыхался физически и морально. Он походил на запертого в клетку льва, которого дразнят всякие болваны, а он не может их растерзать. Он даже не смеет грозно зарычать на них.

Ему приходилось на каждом шагу выслушивать оскорбительные, насмешливые замечания. Увидев, как героически он держится и что его действительно нечего бояться, товарищи превратили травлю Джонита в своего рода спорт. Казалось, что весь экипаж, исключая Зирниса, кое-кого из начальства и старого кочегара Юхансона, поклялся любой ценой спровоцировать Джонита нарушить условия пари. Они задевали самые больные его струнки, дразнили как сердитого чудака, старались использовать его слабости и втянуть в скандал.

Как-то вечером кочегары, возвратившиеся с берега, принесли с собой бутылку виски. Усевшись за стол, они пригласили в компанию Джонита.

— Иди-ка, хлебни глоточек. Это тебе, старина, не повредит.

— Спасибо, мне не хочется.

— Брось ломаться, — произнес Путраймс и, налив стакан, поднес его Джониту, лежавшему на койке. — На-ка, дерни. Сногшибательная водочка.

— Отстань, я не буду пить.

— Может, тебе молочка принести? — издевался кто-то. — Такой рожок с соской, чтобы маленький Джонит мог сделать ням-ням.

Джонит отвернулся к стене. Он слышал, как товарищи пьют виски, как причмокивают и расхваливают прекрасные качества напитка. Слышал, как они обсуждали достоинства других напитков, вспоминали великолепное пиво, какое они пили в кабачке, и коктейль, поданный им барменом в матросском баре. Они не скупилась на краски и рисовали такие соблазнительные картины, что Джонит, мысленно представив их, почувствовал физическую жажду. Что, если потихоньку пробраться на берег и забежать в кабачок? Много бы он не стал пить, всего лишь маленький глоток, только бы промочить горло и хоть немного заглушить дьявольскую жажду, которая огнем жжет глотку... Никто бы ничего не узнал, условия пари не нарушились бы открыто... Нет, нет и еще раз нет, об этом нечего и думать. Он честно заключил пари и честно будет соблюдать его условия. Не столько ради Ингуса, сколько из самолюбия. И если он почувствует, что ему не выдержать, он без обмана, честно капитулирует.

Не надеясь на свою выдержку, Джонит вышел из кубрика, где продолжалась веселая беседа, и направился в кочегарку — опять что-то стирать. В кубрик он вернулся после полуночи, когда все уже спали. На следующее утро его дразнили баптистом, барабанщиком Армии спасения, членом общества Синего Креста ^[65]. Он с натянутой улыбкой отшучивался. В груди его kloкотал скрытый вулкан, и глаза по временам загорались недобрым огоньком.

Ингус все время следил за Джонитом. Он видел, как мужественно тот переносит все трудности, как стойко держится в непосильной борьбе. Временами ему даже становилось жаль парня, потом охватывало опасение: что будет, когда эта скованная сила вырвется на свободу?

В Саут-Шилдсе Ингус получил письмо от Лилии Кюрзен — второе с момента их расставания. Эти письма каждый раз возвращали Ингуса в далекий, утраченный мир. Он мысленно восстанавливал все пережитое, и всякое, даже незначительное событие прошлого приобретало неизъяснимую, почти осязаемую привлекательность. Он знал, что в те дни он ко всему происходившему относился иначе, но теперь, сквозь призму воспоминаний, он все воспринимал по-другому, его мысли, все существо совсем по-иному реагировало на пережитое.

То, что он нашел в Лилии Кюрзен, он мог найти в бесконечном количестве других женщин. Почему же, после долгих лет разлуки встретив ее, он забыл о существовании других женщин и решил, что только она одна настоящая, единственная, исключительная? Куда девались его смутные страхи? Откуда такая беспечная готовность потерять свободу, преимущества холостяцкой жизни? А вдруг это только результат самовнушения или еще что-нибудь столь же непонятное?

Ясного ответа на свои вопросы Ингус не мог найти, да он и не искал, считая все это одной из великих загадок природы.

Он жил в мире созданных им образов и мысленно окружал свое будущее радужным ореолом. Пройдет несколько лет, война кончится, и люди, прошедшие все испытания, осуществят свои желания — такие микроскопические по сравнению с судьбами человечества и в то же время такие огромные, если смотреть на них с точки зрения отдельного человека.

Так думал Ингус несколько дней после получения письма от Лилии. Постепенно яркость воспоминаний угасла, и все представления приняли прежний вид. Дух его словно спустился с заоблачных высот на землю, и человек вспомнил, что он молод, что жизнь его однообразна, даже пуста, и что нельзя жить только мечтами и надеждами на будущее — настоящее тоже предъявляет свои требования.

За это время из поля зрения Ингуса почти исчез Волдис Гандрис. Подобно Джониту, он также сейчас держал испытание, правда, чисто практического характера.

Окунувшись с головой в работу, обремененный заботами и ответственностью, первый штурман жил напряженной жизнью. Волдис выдавал грузы адресатам, и мозг его в эти две недели был занят цифрами, названиями партий товаров и вечным беспокойством о состоянии грузов. Ничто не должно было потеряться — и ничего не терялось. Каждый грузополучатель должен получить то, что ему полагалось, — и он получал. Но все это было не так просто. Чтобы обеспечить надлежащий порядок, первый штурман жертвовал ночным покоем, сном, личными потребностями. Ингус помогал ему в меру сил и способностей, но это не давало ощутимых результатов. Капитан, вместо того чтобы радоваться усердию первого штурмана и его достижениям, становился все более капризным и холодным. Причиной, вероятно, была молодость Волдиса. Завистливый старик не мог примириться с тем, что двадцатичетырехлетний юноша образцово справляется со сложными обязанностями первого штурмана. Если бы у Волдиса дело не ладилось и ему приходилось обращаться за советом к Белдаву, их отношения, вероятно, сложились бы

иначе. Люди легче мирятся с недостатками своих собратьев, чем с их превосходством. Но все шло гладко, фирмы получали грузы и были признательны за безукоризненный порядок. И когда «Пинега» закончила выдачу грузов, Белдав понял, что напрасно ждал предлога пожаловаться на Волдиса в контору пароходства. Чтобы утешиться, он стал пить больше прежнего. Это было роковой ошибкой, за которую ему пришлось сурово расплачиваться.

Ни для кого на «Пинеге» не являлось секретом, что у Белдава в прошлом было несколько приступов белой горячки. Во время одного из них он дошел до такого состояния, что ему пришлось провести полгода в клинике для нервных больных. Немного подлечившись, он сбежал из клиники, напился до бесчувствия и, вернувшись в больницу, устроил страшный дебош: поломал мебель, избил санитарок и врачей и перевернул вверх дном всю палату. После этого его выгнали из клиники, и Белдав лечился в другом месте. На пароход он вернулся не вполне выздоровевшим. Продолжая пить, он скоро дошел до весьма жалкого состояния. По утрам у него так сильно дрожали руки, что он не мог расписаться. Кампе наливал ему полный пивной стакан специального коктейля. Выпив его, Белдав немного успокаивался и мог работать. Во хмелю он буйствовал, несколько раз бросался в воду, и его спасали. В трезвом уме (если так можно было назвать короткие моменты прояснения) он умолял стюарда, чтобы тот не позволял ему буйствовать, когда на него найдет блажь. Стюард обещал. Но Белдав был человеком могучего сложения и в минуты приступов обладал нечеловеческой силой, и очень часто героические усилия Долговязой Смерти унять капитана не приводили ни к чему. Он избивал стюарда, вырывался из каюты и делал все, что повелевал проснувшийся в нем зверь. Потом он просил прощения у Кампе, если тот оказывался сильно пострадавшим.

На этот раз приступ белой горячки случился в очень неудачный момент — сразу же после выхода «Пинеге» в море. Капитана закрыли в каюте, и его обязанности взял на себя первый штурман. Так случилось, что двадцатичетырехлетний Волдис Гандрис два дня и три ночи командовал пароходом грузоподъемностью в шесть тысяч тонн и чиф Дембовский находился в его подчинении. Понимая, какая огромная ответственность легла на него, Волдис дни и ночи проводил в штурманской рубке, даже еду приносили сюда. Нетрудно стоять на штурманской вахте и управлять пароходом под руководством капитана. Но давать указания самому и отвечать за все, что происходит с судном, и за людей — это был груз, непосильно давивший на плечи молодого моряка. Много чести, но еще

больше забот. Поэтому Волдис чрезвычайно обрадовался, когда на третий день Белдав оправился и, взойдя на капитанский мостик, велел показать судовой журнал. Все оказалось в порядке, пароход шел правильным курсом, не сделав ни одной лишней мили. Белдав должен был чувствовать благодарность к первому штурману за то, что он избавил его от неприятностей. Вместо этого он еще больше невзлюбил Волдиса. Возможно, он видел в нем будущего конкурента, который со временем займет его место. Официально он поблагодарил Волдиса за образцовую службу, но в душе поклялся во что бы то ни стало найти какой-нибудь промах в его работе — это было совершенно необходимо. Он должен опорочить Волдиса в глазах судовладельцев.

Обратный путь в Архангельск оказался очень трудным. Еще на пути к Нордкапу начался шторм. Он сопровождал «Пинегу» вдоль всего мурманского побережья и немного утих лишь у входа в Белое море. Плавание затянулось на целую неделю.

Это было трудное для команды время. Матросы мокли и дрогли на арктическом ветру, кочегары изнывали от зноя топок, бункеры то и дело опустошались, и трюмные не успевали подвозить в кочегарку топливо. Всем надоел затянувшийся рейс, чуть ли не ежеминутно кто-нибудь спрашивал у штурманов, сколько миль пройдено в предыдущую смену, но ответы звучали неутешительно.

На время все будто забыли о пари Джонита и оставили его в покое, хотя именно сейчас, когда каждый кочегар был доведен изнурительной работой до такого состояния нервного напряжения, что малейшее раздражение могло вызвать взрыв, легко было бы добиться нарушения пари со стороны Джонита. Но ему и без подстрекательств товарищей было не сладко. Взвинченный до отказа, физически изнуренный, он впервые за все время своей работы кочегаром не мог выругать чифа за плохой уголь и клясть матросов, стоящих у штурвала. Он помрачнел, сделался каким-то подавленным, потухшим — словно его неисчерпаемая жизнерадостность и энергия сгорели в огне испытаний. Никогда в жизни не мечтал он с такой жадностью о кружке пенистого пива и о возможности забыться в огненном винном угаре, как в эти тяжелые для него дни. Джонит знал: когда пароход придет в порт и люди получат аванс в счет жалованья, все устремится к Карпу, зальют воспоминания о пережитых муках и утолят жажду. Все

уйдут, а он останется на пароходе и будет терпеть еще две недели, пока наступит час избавления для пленника «Пинеги». Пусть это послужит наказанием за его высокомерие, за гордость. Жалел ли он о необдуманном обещании? Нет, он только осознал теперь, что все это смешно и глупо, потому что никому не нужно. Какой смысл в том, что он несколько недель ломал свои привычки в угоду окружающим и мучил себя, если после этого все пойдет по-старому? Пусть Ингус не воображает, что Джонит после окончания срока пари будет продолжать жить так, как теперь. Он не станет принуждать себя делать лишнее, ненужное, нарушающее привычную жизнь, не пожертвует для других своими удобствами и свободой. Если кто-либо рассчитывает на это, он горько заблуждается. Джонит не ребенок.

Все случилось именно так, как он и предполагал. Едва только пароход вошел в порт, товарищи по каюте оставили Джонита одного. У многих в городе были родственники, другие нашли знакомых на соседних судах, а те, у кого не было ни родственников, ни знакомых, нашли общество за деньги в соответствующем месте. Покутив основательно, они возвратились на пароход поздней ночью, а кое-кто и на следующий день, с покрасневшими, утомленными глазами.

Немного отдохнув от трудного рейса, они вспомнили про Джонита и опять принялись травить его. Длинный Путраймс вытащил из сундучка мандолину, которую он за последнее время ни разу не брал в руки, и каюта наполнилась невыносимыми звуками. На столе по-прежнему валялись хлебные крошки, в тарелках сутками ржавели вилки и ножи, а за обедом и ужином разговор шел преимущественно о баптистах и Синем Кресте. Кто-то из матросов однажды, убирая палубу, озорничая, направил из шланга мощную струю воды прямо в грудь Джониту и облил его с ног до головы. Увидев это, даже тихоня боцман Зирнис не выдержал и обругал матроса.

— Ничего, сейчас ведь не холодно, — улыбнулся Джонит. — Он просто кое о чем забыл.

— О чем? — спросил матрос.

Джонит промолчал. Забыл не только этот матрос, забыли многие из экипажа «Пинеги» о том, чего не мог забыть Джонит и что с особой силой воскресало в его памяти при каждой новой нанесенной ему обиде или оскорблении: о том, что приближается срок окончания пари. Он не мог понять забывчивости товарищей, не понимал, как можно так опрометчиво увлекаться опасной игрой, которая в скором времени грозит повернуться против них самих. Пусть стараются, пусть копят горящие угли у себя над головой — еще осталось каких-нибудь десять дней. И тогда...

В этом «и тогда...» таилась угроза, придававшая Джониту силы

выдержать испытание до конца. Его только беспокоило, что пароход к этому времени может уйти в море — погрузка шла очень быстро. Но надвигалась ранняя северная зима, и для «Пинеги» заблаговременно был приготовлен груз на обратный рейс — две тысячи сажен крепезного леса. Контора торопила погрузку всеми способами, то увеличивая количество грузчиков, то оставляя людей на сверхурочные работы. Джонит рассчитал дни и с радостью убедился, что пароход не успеет выйти в море до окончания срока пари. В худшем случае в его распоряжении останутся, по крайней мере, одни сутки. Ему будет достаточно и этого.

В начале октября Джонит взял жалованье за истекший месяц и небольшой остаток от прошлых месяцев. Но он ничего не покупал.

В пятницу утром Джонит остановил Ингуса на палубе и спросил, не забыл ли он, что сегодня ночью ровно в двенадцать истекает срок пари.

Нет, Ингус помнил об этом.

— Позаботься, чтобы к тому времени твой месячный оклад лежал у тебя в кармане. Я выигрываю пари, и ты обязан своевременно уплатить мне деньги. Никаких отсрочек я не дам.

— Хорошо, о деньгах не беспокойся, они у меня уже приготовлены, — ответил Ингус. — Только неизвестно еще, что может случиться до полуночи.

— Ничего не произойдет, зря надеешься, — улыбнулся Джонит. — Я уже придумал, куда употребить выигранные деньги. Вечером мы оба сходим к Карпу, позовем с собой ребят, и я буду платить за всех. Истрачу все до последней копейки, с такими деньгами иначе не поступишь.

— Мне все равно, — ответил Ингус.

Вечером весь кубрик получил приглашение явиться к Карпу — до полуночи каждый сам платит за себя, за дальнейшее отвечает Джонит.

Перспектива бесплатной выпивки соблазнила многих. У кого еще сохранился какой-нибудь рубль, ушли на берег сразу после ужина. Те, кто порасчетливее или у кого не было денег, томились на пароходе до десяти часов, затем тоже последовали примеру товарищей. Когда все ушли, Джонит повязал на шею шелковый платок, надел недавно выстиранный макинтош и разыскал Ингуса.

— Ну, пошли.

За час до полуночи они явились к Карпу. Тайный кабачок, устроенный в «личных апартаментах» владельца чайной, гудел от посетителей, и все восторженно приветствовали пришельцев.

Ни для кого не было секретом, что в чайной Карпа продается чай двух сортов и что те, кто являются в его заведение с парадного хода, никогда не получают того, что подносится посетителям, проникающим к нему со двора. Но никто не мешал ему заниматься этими темными делами, взяточники привыкли на многое смотреть сквозь пальцы.

— Что господа будут пить? — спросил официант, когда Ингус с Джонитом уселись за отдельный столик, стоявший в стороне.

— Дай сельтерской, нет, — чаю... — заказал Джонит. Ингус улыбнулся. Улыбнулся и официант: заказ Джонита не соответствовал традициям этого заведения.

— Какой чай господин желает, обыкновенный или крепкий? — спросил он.

— О-бык-но-венный! — отчеканивая каждый слог, повторил Джонит. — А лучше всего вскипяти мне стакан молока, если у вас есть под рукой. Хочется согреться, — простодушно пояснил он, поворачиваясь к Ингусу. — Ты на меня не смотри. Пей, что тебе хочется.

Ингус заказал пиво. Кроме экипажа «Пинеге», у Карпа собрались моряки и с других судов. Они удивленно зашептались, когда официант поставил на стол перед Джонитом стакан кипяченого молока. Пинегинцы, посмеиваясь, рассказали чужим морякам о причинах странного вкуса Джонита.

Теперь улыбались все посетители кабачка, они подталкивали один другого локтем в бок, кое-где прорывался приглушенный смех. Только Джонит с серьезной миной пил маленькими глотками горячее молоко, с наслаждением причмокивая после каждого глотка.

— Удивительно вкусное молоко. Здесь, на севере, очень хорошие коровы. Придется заказать еще стакан. Ингус, ты не хочешь?

— Нет, Джонит. У Карпа неплохое пиво...

— Вот как. Ну, пей, пей, а я пока займусь молоком.

До полуночи оставался еще почти час. Все знали, что это лишь увертюра к какому-то большому представлению, поэтому время тянулось бесконечно долго, и, чтобы скоротать его, люди пытались веселиться. Кое-кто насмешливо осведомлялся о здоровье Джонита, о состоянии его желудка и о том, не повредит ли молоко его организму. Другие рекомендовали испытанные средства для пищеварения и от колик в животе, кто-то знал патентованное средство против страха и малодушия.

У Джонита горели кончики ушей, и стакан с молоком дрожал в его руке, но он принужденно улыбался на все выпады, старательно отодвигал чайной ложечкой пенку с молока. Напрасно Ингус глазами давал понять парням, чтобы они перестали дразнить его. Все были немного под хмельком, и никто уже не обращал внимания на присутствие штурмана. Те, кто был потрезвее, думали, что, провоцируя Джонита, обслуживают Ингусу: если Джонит сорвется, штурман выиграет пари.

В половине двенадцатого из-за стола поднялся кочегар одного из судов и подошел к Джониту с полным пивным бокалом.

— Разрешите подсесть? — спросил он, сев рядом с Джонитом и устранив этим всякую необходимость ответить.

Джонит не отвечал.

Чужой кочегар, один из тех морских геркулесов, у которых от спертости воздуха и зноя кочегарки не бледнеет лицо и не высыхают мускулы, облокотился обеими руками на столик и уронил голову на грудь. Он сильно захмелел, глаза его косили.

— Ты правильный парень, — прошепелявил он. — Я хочу с тобой выпить.

— Ваше здоровье! — Джонит поднял навстречу незнакомцу стакан с молоком.

— Нет, дружок, не так. Официант! Да двигайся же, сухопутная корова! За мой счет два стакана водки.

Когда официант принес требуемое, незнакомец пододвинул один стакан Джониту, другой взял сам и поднял его, чтобы чокнуться.

— И ты, старина, не так ли? — спросил он. Ингусу показалось, что кочегар совсем не так пьян, каким представляется.

— Немного погодя, — ответил Джонит, отодвигая от себя стакан. — После двенадцати я с тобой выпью, выпью с каждым, кто пожелает, а сейчас нет.

— Что, ты мною брезгаешь? — чужой угрожающе закачался над столиком. — Я для тебя слишком прост? Друзья, будьте свидетелями, — он обратился ко всем окружающим. — Я хочу выпить с ним по-дружески, я заказал водку, а он отказывается. Как в таких случаях поступают?

— В рыло, в рыло! — прокрипел где-то в углу незнакомый тонкий голос. Вероятно, это был кто-нибудь из товарищей кочегара.

— Правильно, в рыло дать такому! — взревел кочегар. — Но сначала он выпьет, раз я этого хочу. На, не ломайся, молокосос! Понимаешь ли ты, мальчишка, какую тебе честь оказывают?

Джонит в отчаянии взглянул на стенные часы. Еще двадцать пять

минут. Черт, вот глупое положение... Незнакомец, вероятно, знал, что Джониту нельзя драться, поэтому и пристал к нему как банный лист. Но... Джонит вдруг что-то вспомнил и громко спросил у Ингуса:

— Если на меня нападут, я имею право защищаться, штурман? Ведь так улавливались?

В помещении наступила полная тишина. Все ожидали ответа Ингуса.

— Да, если тебе угрожают и кто-нибудь первый ударит тебя, ты имеешь право защищаться, — тоже громко ответил Ингус. — И я думаю, что если кто-либо вздумает сейчас тебя без повода оскорбить, все пинегинцы, находящиеся здесь, пойдут тебе на помощь.

— Правильно, товарища нельзя давать в обиду, — раздалось по углам возгласы людей с «Пинегеи». Слова Ингуса затронули чувство товарищеской солидарности, и поняли все: длинный Путраймс, Лехтинен и боцман Зирнис, — что всякое оскорбление, нанесенное Джониту, задевает весь экипаж «Пинегеи».

Чужой кочегар сразу почувствовал, что обстановка изменилась не в его пользу, и остатки трезвого рассудка в мозгу подсказали ему, что нужно переменить тактику. Приготовленный удар кулаком не состоялся, кочегар презрительно поморщился и, чтобы с честью уйти, вылил свою водку к Джониту в стакан с молоком, затем протянул ему этот своеобразный коктейль.

— Ну, это-то ты можешь выпить?

— Нет, я не пью помоев, — покачал отрицательно головой Джонит.

В следующий момент кочегар плеснул содержимое стакана в лицо Джониту. Мутная жидкость липкими каплями стекала по лицу, оставляя белые извилистые следы и впитываясь в шейный платок Джонита. Чужой ушел к своему столу и, словно победитель, уселся там, выпятив важно грудь, а Джонит, вынув носовой платок, старательно стер капли с лица и пятна с одежды.

Ингус решительно поднялся.

— Долг пинегинцев проучить нахала, — произнес он так, чтобы все могли его слышать.

— Успокойся, — Джонит силой усадил его обратно. — Разрешите мне самому это уладить. Ведь я еще не лишен права расквитаться со своими обидчиками?

Прошло еще четверть часа. Без пяти минут двенадцать Джонит встал, подозвал официанта и о чем-то тихо его спросил. Официант удивился было вопросу Джонита, но тот не отступал и спокойно убедил его. В результате переговоров официант принес Джониту какой-то ключ, и Джонит, как бы

продолжая разговор, незаметно закрыл единственные двери помещения. Это видели только двое — Ингус и официант. Остальные решили, что Джонит заказывает официанту обещанное угощение, и из скромности старались не смотреть в их сторону. Да, Джонит действительно готовил им угощение, только совсем не такое, какого они ожидали.

Закрыв дверь на ключ, он вернулся к столику и сел напротив Ингуса. До полуночи оставалось три минуты. Это был совсем коротенький промежуток времени, но вполне достаточный для того, чтобы могли произойти кое-какие трагикомические случаи. Началось все с того, что чужой кочегар, заявив товарищам, что должен выйти на минутку по своим надобностям, встал из-за стола и пошел к двери. Найдя ее закрытой, он вернулся и с беспокойством взглянул на Джонита. Тот, недобро усмехаясь, барабанил пальцами по столу. Кочегар подсел к товарищам и нервно стал переставлять стаканы.

Тогда Путраймс, сославшись на невыносимую духоту, сказал, что выйдет подышать свежим воздухом. У двери его красное лицо побледнело, и, покусывая нижнюю губу, он возвратился на свое место. И его проводил насмешливый, горевший злым огнем взгляд Джонита. С приближением полуночи еще кое-кто вспомнил о разных неотложных делах, но закрытая дверь возвращала их обратно к столам. Они в поисках чего-то озирались, изучали стены и окна, и их смятение усилилось при виде закрытых ставнями окон. Из этого помещения был лишь один выход в дверь, но она была закрыта, а ключ был у Джонита. Только теперь дошло до сознания чужого кочегара, Путраймса и многих других, что они заперты, заперты в одно помещение с разъяренным зверем. Ингус тоже почувствовал назревающий скандал.

— Джонит, — заговорил он, коснувшись руки товарища, — ты не натворишь глупостей? Тебе же потом хуже будет.

— Не надо беспокоиться, все будет в порядке — и волки сыты и овцы целы... — загадочно усмехнулся Джонит.

Стенные часы медленно пробили двенадцать. Когда прозвучал последний удар, Джонит встал из-за стола и громко спросил Ингуса:

— На твоих часах тоже двенадцать?

Пока Ингус сверял время по своим карманным часам, из противоположного конца помещения послышался угодливый голос Путраймса:

— Что верно, то верно, Джонит прав — сейчас ровно двенадцать.

— Тебя никто не спрашивает, жди своей очереди, — повернулся Джонит к Путраймсу.

На часах Ингуса тоже была полночь.

— Значит, выходит, что я выиграл пари? — продолжал Джонит.

— Выходит так, — подтвердил Ингус. — А теперь позволь мне тебя поздравить как настоящего мужчину, который в состоянии на деле доказать то, о чем говорит. Хочу надеяться, что это не исключение и что ты и в дальнейшем так же блестяще будешь управлять своими чувствами и желаниями.

— Слишком торжественно, Ингус, слишком торжественно, — сказал Джонит. — Сегодня не юбилей и никто не умер. Давай сюда деньги.

Ингус отсчитал свое месячное жалованье, Джонит подтвердил, что получил все до последней копейки и что он не имеет ко второму штурману никаких претензий, затем вышел на середину помещения и, не торопясь, но со значительным видом, засучил рукава.

— Здесь кто-то хочет со мной выпить. Где он, пусть отзовется!

Чужой кочегар, положив голову на стол, сделал вид, что заснул.

— Официант! — крикнул Джонит. — Полстакана молока и стопку водки. Вот ключ, теперь можно открыть дверь. Кто страдает медвежьей болезнью, пусть выйдет и не портит воздуха.

Многие охотно воспользовались бы разрешением Джонита, если бы их не удерживал стыд перед товарищами, поэтому никто не сдвинулся с места.

Официант принес заказанное. Джонит поднял стаканы над головой и на глазах у всех влил водку в молоко. Хорошенько взболтав смесь, он сильным тумаком разбудил кочегара и протянул ему стакан.

— Пей теперь ты.

Без приглашения, охваченные внезапной готовностью, встали из-за стола моряки «Пинегы» и грозным полукругом выстроились возле стола чужих моряков.

— Я буду считать до трех, — сказал Джонит кочегару, который, увидев себя в кольце, тупо улыбался, но стакан взял.

— Шутник ты все-таки.

— Один... — отрезал как ножом Джонит.

— И мне это надо выпить? — смеялся кочегар. — Я тебя угощал чистым продуктом.

— Два... — Джонит отвел локти назад, и на обнаженных руках заиграли могучие мускулы.

Кочегар понюхал стакан, комично подмигнул окружающим его матросам и, словно шутя, выпил беловатую мутную смесь.

— Ничего, добра добром не испортишь, — сказал он, утираясь, а под ложечкой уже начинало поташнивать.

— Да, хорошая свинья ничем не брезгает, — согласился Джонит. — Но здесь не свинарник, давай-ка выметайся отсюда.

Кочегар ушел бы и без напоминания, потому что смесь молока с водкой вызвала состояние, близкое по своим симптомам к морской болезни. Как только он выпил, ему стало нехорошо. Встав, он уже начал давиться и зажимать рукой рот. Поддерживаемый товарищами, он вышел из помещения, и с тех пор его у Карпа больше не видали.

— Вот это номер! — восторгался Путраймс. — Джонит, ты чертовский парень.

— Чего нельзя сказать о тебе, — холодно ответил Джонит. — Или, может быть, ты не согласен? Тогда выходи один на один и докажи, что кулаками действуешь не хуже, чем языком.

Джонит уперся обоими кулаками в бока, напоминая огромную вазу с двумя ручками, и вызывающе уставился на товарищey.

— Один, два, три... четыре... шесть... только одиннадцать... — сосчитал он их, и на лице его появилась гримаса сожаления. — Только одиннадцать, нечего и руки марать. В Генте я дрался с двадцатью, и никто из них не прятался за спиной других, как это делает наш доблестный Путраймс.

— Я и не прячусь, — протестовал Путраймс, — не могут же все стоять впереди.

— Вон что? Ах, какая жалость! Да пропустите же Путраймса вперед. Он, бедняжка, так рвется, так рвется.

Но Путраймс нырнул еще глубже за спины товарищey, совсем скрывшись из глаз Джонита.

Долго смотрел Джонит на своих товарищey.

— Все вы трусы, — произнес он. — Одиннадцать верзил боятся одного человека.

Молчание.

— Молчание, говорят, есть знак согласия, — продолжал Джонит. — Следовательно, вы все признаете себя трусами.

Вдруг он сделал резкий выпад на шаг в сторону и вперед, растопырив пальцы обеих рук, точно собираясь схватить что-то. Все одиннадцать инстинктивно отступили на шаг назад, а более робкие — и на два. Ингуса поразило, что целая толпа трепетала перед одним человеком, хотя этот человек не был ни великаном, ни носителем опасного оружия. Это был психоз, странное состояние чувств, которое рождает панику и затуманивает разум. На каждого из этих одиннадцати по отдельности Джонит в свое время нагнал страху, и теперь они забыли, что их много и что Джонит

каждому из них грозит лишь одной одиннадцатой частью своей силы. Да он и сам, пожалуй, забыл об этом, сгорая желанием отомстить.

Увидев, как его поведение подействовало на товарищей, Джонит передернулся, плюнул с досадой и махнул рукой.

— С трусами не стоит и связываться. Официант, неси водки, неси пива и закуски. Пусть они пьют, может быть, тогда у них появится смелость.

Жалованье второго штурмана позволило устроить основательную попойку для нетребовательных людей, многие из которых уже перед этим успели крепко выпить. Водка заливала скатерти и одежду моряков, пиво, пенясь, бежало через край и образовывало на полу лужи. Те, кто почувствительнее, лезли целоваться и мириться с Джонитом, остальные оправдывались, стараясь не уронить достоинства, но Джонит не хотел слушать ни тех, ни других.

— Ингус, мне жаль... — охмелев, шептал он штурману, тоже оставшемуся в кабачке.

— Чего тебе жаль?

— Мне жаль себя — никуда я больше не гожусь. Ты меня испортил навсегда.

— В каком смысле?

— Я теперь уже не парень, а кисель. Да, да, кисель. Разве ты не заметил? Почему я упустил этого большого кочегара? Ни разу не смазал его по зубам. А эти пентюхи — разве они заслужили такое отношение? Не водкой их следовало угощать, а оплеухами, чтобы напились своей крови досыта. Но я не в состоянии, мне больше неохота драться. Мне все опротивело, хочется наплевать на весь мир и ни с кем не говорить. Вот что ты со мной сделал. На что я теперь такой годен?

Горе Джонита об испорченном характере было настолько велико, что под утро, когда Ингус ушел, он, незаметно расплатившись, покинул своих товарищей.

Он долго скитался по улицам Архангельска. Ночь была холодная, северный ветер леденил Джонита, да к тому еще он упал с мола в воду. Его вытащил вахтенный матрос стоявшего вблизи судна, указал, где стоит «Пинега», и посоветовал скорее отправляться в тепло. Но Джонит прошел мимо «Пинеги», уселся на кучу досок и заснул.

Спустя час его разбудил ночной сторож. Немного протрезвившись, в обледеневшей одежде, заочковевший от холода Джонит медленно побрел на пароход. Кубрик кочегаров, вернувшихся после попойки, оглашал могучий храп, похожий на рокот моря после бури. Джонит, не раздеваясь, упал на койку и заснул. Никто не заметил его возвращения.

Глава третья

1

Чтобы судам не оставаться в порту до понедельника, к погрузочным работам приступили в субботу на час раньше обычного. У кочегаров морская вахта началась с самого утра, поэтому после завтрака на работу вышла только очередная смена — два кочегара и трюмный. Другие оставались в кубрике. Те, кто сильно страдал от похмелья, совсем не поднимались с коек, остальные позавтракали и спокойно отдыхали. Для такого непривычного спокойствия были свои причины. Вообще в это утро в кубрике «Пинеге» многое происходило не так, как всегда.

Обычно, когда трюмный приносит кофе, население кубрика с сопением и пыхтением вылезает из коек, садится в одном нижнем белье за стол, завтракает; потом все ищут разбросанную одежду, вылавливают из-под коек завалившуюся туда обувь, ругаются, не находя ее, и вообще проявляют себя вызывающе громко. В это утро все протекало в полной тишине: длинный Путраймс, встав одновременно с Лехтиным, убрал мандолину в чемодан. Лехтин старательно подмел пол, подобрал окурки и основательно вычистил ламповое стекло. Отправившись в камбуз, чтобы принести кофе, он долго мыл кофейник изнутри и снаружи, пока не была выполоскана последняя крупинка кофейной гущи, и кофейник впервые за долгое время не принял свой естественный вид. В то утро тарелки, кружки, ножи и вилки оказались ярко начищенными и во время завтрака лежали на своих местах. Когда один за другим начали просыпаться люди первой смены, они оделись, молча позавтракали, стараясь не шуметь посудой и ножами. Каждый изредка бросал взгляд на койку Джонита. Там лежал он — причина удивительных перемен и тишины, — упав ничком на койку в мокрой одежде, с лихорадочно горячим лицом.

— Потеше, Юхансон... — призвал к порядку Путраймс сменщика Джонита. — Пусть парень выспится, он порядком устал.

— Не греми ты так ботинками... — зашипел кто-то на Лехтинена. — Возится, как собака с костью.

Было такое ощущение, словно после долгого отсутствия в кубрик вернулся строгий хозяин и семья с беспокойством ожидает его пробуждения. Что-то он скажет, не будет ли бранить их за беспорядки, не

накажет ли нерадивых и не заберет ли в крепкие руки распустившуюся семью? Теперь уж не то, что вчера или позавчера, за каждым твоим шагом следит зоркий глаз хозяина, и все будет так, как он хочет. Тише, Путраймс! Тише, Юхансон!.. Он может с минуты на минуту проснуться.

Но Джонит не просыпался. Сверху уже давно доносился грохот лебедек и слышались крики портовых рабочих, первая смена кочегаров вернулась и вторая ушла сменять ее, а он продолжал крепко спать. Когда наступило обеденное время, кто-то из товарищей осторожно прикоснулся к плечу Джонита.

— Джонит, ты не хочешь закусить?

Он что-то спросонья проворчал и перевернулся на другой бок.

— Тогда хоть разденься, Джонит, сними ботинки... — продолжал товарищ, но Джонит не отвечал. Прошло еще несколько часов. В четыре часа Джонит открыл глаза и недоуменно осмотрелся.

— Хорошо поспал, Джонит? — дружески спросил Путраймс.

— Который час? — спросил Джонит.

— Четыре, мы скоро выходим в море.

— Уже началась, наверно, морская вахта?

— Целый день, Джонит, Юхансон только что спустился вниз. Пары подняты.

— Юхансон ушел? — Джонит забеспокоился, затем медленно сел и вылез из койки. Голова у него горела как в огне, на щеках пылал горячий румянец, глаза лихорадочно блестели. Он начал чихать, и всякий раз, когда он чихал, ему казалось, что кто-то ударял заостренным молотом по вискам.

Шатаясь, он добрался до угла кубрика, разыскал рабочую одежду и стал переодеваться.

— Поешь, Джонит, как же ты пойдешь на голодный желудок...

Он попытался что-то съесть, но не смог проглотить ни куска. Выпив кружку остывшего кофе, он ушел в кочегарку. Пока пароход стоял у берега, Юхансон мог один поддерживать пар, но Джонит не хотел и слышать о возвращении в кубрик. Стиснув голову руками, он уселся на насосный ящик и неподвижным взглядом уставился на бушующий в топках огонь, временами посматривая на манометр и через каждые пять минут поднося ко рту кружку с водой.

— У парня тяжелое похмелье... — решили товарищи.

Но голова Джонита горела не только от похмелья. Сильный насморк и кашель предвещали начало болезни. Если бы все было лишь результатом кутежа, то тяжелая работа скоро рассеяла бы пьяный угар, и Джонит не

шатался бы на ходу. Он ничего не сказал товарищам о своем состоянии. Когда пароход вышел в море, Джонит вычистил свою топку и нагнал пар до красной черточки в манометре. Это ему досталось нелегко, и если он вообще справился, то только благодаря великолепному знанию дела. Увидев, что все идет как следует, товарищи решили, что Джониту стало лучше и к следующей смене он окончательно выздоровеет. Но это было ошибочное мнение. Болезнь прогрессировала, Джонит все чаще чихал и все мучительнее становились приступы кашля.

В четыре утра, когда Джониту следовало вторично стать на вахту, он с трудом съел маленький кусочек хлеба с маслом и еле дотащился до кочегарки. Работа словно вдохнула в него энергию, и с нечеловеческими усилиями он выполнял свои обязанности. У него не переставая кружилась голова, как это бывает на первой стадии опьянения, в ушах стоял звон, а тело сделалось нечувствительным к боли. Подхватив на лопату уголь, он, еле сохраняя равновесие, шатаясь, поворачивался к топке и кидал в нее уголь. Часто бросок оказывался неудачным, лопата ударялась о дверцу, и уголь высыпался на пол. Вытаскивая шлак из топки, Джонит иногда прихватывал горящий уголь: он потерял точность глаза. Все предметы словно убегали от него — то отодвигались в сторону, то ускользали куда-то вглубь; вместо одного оказывалось два, а там, где виделось два, рука хваталась за воздух.

Старый Юхансон все время подозрительно посматривал на Джонита. После смены он поговорил с Ивановым, тот в свою очередь — с Дембовским, и весть о болезни Джонита быстро дошла до капитана.

— Почему вы мне раньше не сказали? — возмутился Белдав. — Я бы его в Архангельске сдал в больницу. Где теперь найдешь ему замену, у нас нет ни одного лишнего человека.

— Но ведь он еще работает, — сказал Дембовский. — Прошлую смену держался неплохо. Инфлюэнцу лучше всего лечить именно работой. Если начнешь лежать, поддашься болезни, долго проваляешься, а если сопротивляться, она пройдет шутя...

— Вы так думаете? — Белдав взглянул на чифа. — Ну что ж, по мне, так пусть работает, если может. Скажу первому штурману, чтобы дал Бебрису каких-нибудь порошков от головной боли.

На том и порешили пока. Джонит получил от Волдуса порошки и еще два раза спустился в кочегарку. После последней смены он встретился на палубе с Ингусом. Того обеспокоил вид Джонита. Он пошел в кубрик к кочегарам и заставил Джонита измерить температуру. Термометр показал тридцать девять и две десятые.

— Тебе нужно сейчас же лечь и лежать, — заявил Ингус. — Это же сумасшествие допускать больного человека к топкам.

— А как же Юхансон справится? — протестовал Джонит.

— Я поговорю с капитаном, Юхансону дадут помощника.

— Чтобы я лежал на койке, в то время как мои товарищи работают? — Джонит хотел было рассмеяться, но сразу же оборвал смех, так остро защемило в груди.

Если бы Джонит вовремя стал лечиться и вылежал положенное время, его крепкий организм скоро справился бы с болезнью, и она прошла бы в несколько дней. Но тяжелые вахты у топок, работа в жаре, сквозняки и ледяной ветер, охватывавший его на палубе, способствовали развитию болезни. Временами он уже бредил.

Когда подошло время идти на вахту Джониту, товарищи не стали его будить. Помогать Юхансону пошел Лехтинен, а кто-то из матросов заменил трюмного. Джонит проснулся полчаса спустя после ухода смены. Его взгляд сразу же остановился на будильнике, висевшем на стене напротив койки. Половина пятого...

— Юхансон... — простонал он слабым голосом. Ответа не было.

— Лехтинен... — кругом тишина.

«Ушли без меня...» — сообразил сквозь бред Джонит. Он с трудом выполз из койки, пошатываясь, встал на ноги и, не слушая уговоров товарищей, направился в кочегарку. На палубе было темно, дул ледяной ветер, и пароход кидало на волнах Северного Ледовитого океана. Не встретив никого, Джонит добрался до трапа, ведущего в кочегарку, и спустился вниз. Ни слова не говоря, взял у Лехтинена из рук лопату и открыл дверцу топки. Он словно во сне брал уголь на лопату, кидал его в топку, выламывал шлак и прикрывал отверстие поддувала. Накидав уголь во все топки и проделав всю привычную работу, он встал под вентилятор и прижался лбом к теплой железной обшивке стены, чтобы струей ледяного воздуха охладить огонь, который все разгорался внутри и жег его больную грудь.

Они хотели его побережь, хотели обмануть, но ничего не вышло. Он слишком горд, чтобы жить за счет жалости других, он не хочет, чтобы товарищи его щадили. Пока хоть крупинка силы останется в его теле, он не перестанет бороться за свое место под солнцем. Но, черт возьми, как болит грудь и какой звон стоит в ушах от притока горячей крови... И как темно вдруг почему-то стало в кочегарке, словно все топки загасли...

Джонит без сил упал на насосный ящик. Лехтинен подбежал с кружкой воды. Сделав несколько глотков, Джонит немного пришел в себя. Из

глубины окружавшего его мрака вдруг вынырнули шесть красных пучков огня, и его взор опять остановился на ярко горящих огненных глазах топочных отверстий. Они алчно и ненасытно уставились на него и чего-то ждали. Он знал, чего они хотят, и взял лопату.

Миновав Нордкап, пароход взял курс на юго-запад. Ночью радист поймал предупреждающий сигнал: вблизи Лофотенских островов немецкая подводная лодка потопила английский пароход. Это было уже не первое судно, которое торпедировали немцы.

Белдав приказал изменить курс и взять на запад. С наступлением утра «Пинегга» находилась на изрядном расстоянии от берегов Норвегии. Дежурный штурман и впередсмотрящий матрос не спускали ни на секунду глаз с моря, сам капитан часами не сходил с мостика, изучая в бинокль горизонт.

Был один из тех тихих, сумрачных дней, какие обычно наблюдаются выше Полярного круга в это время года. Свинцово-серое море и такое же небо; солнце, едва успев подняться, садилось; умеренный ветер катил небольшие сердитые волны, от которых веяло студеным дыханием ледников.

В четыре часа пополудни Ингус, принимая от Волдиса вахту, надел теплый морской бушлат и сохранившуюся у него со времен мореходного училища шинель. Он непрерывно расхаживал по капитанскому мостику от борта к борту, наблюдая в бинокль. Океан словно вымер. До самого горизонта не было заметно ни одного дымка, ни паруса, даже птиц встречалось мало в этой водной пустыне. У штурвала стоял матрос Клюквин. На палубе боцман Зирнис с младшими матросами соскабливали ржавчину со старых вентиляторов и закрашивали суриком изъеденные ею места.

Чиф Дембовский, закутав шею толстым шарфом, прогуливался возле дверей кают-компании и издали наблюдал, как трюмный высыпал за борт золу. Ветер был боковой, с правого борта, и часть золы относило в сторону мостика, часть оседала на белой стене салона.

Ингус уже хотел посоветовать трюмному высыпать золу через левый борт. То же самое, но в более суровой форме намеревался сделать появившийся капитан, которому ветер швырнул в лицо пригоршню золы. Но ни тот, ни другой не успели выполнить своих намерений. С бака

раздался крик впередсмотрящего:

— Кит! Прямо впереди!

Ингус на мостике и Белдав у дверей салона поднесли к глазам бинокли. Примерно в полумиле от «Пинеге» в волнах виднелся какой-то темный, узкий, продолговатый предмет, имевший некоторое сходство с китом. Только у этого предмета оба конца суживались, как у необрезанной сигары, а посередине поднималось возвышение в виде маленькой круглой башни.

Это была подводная лодка.

Дальнейшие события развернулись с невероятной быстротой. С подводной лодки дали сигнал остановиться. Продолговатая металлическая сигара приблизилась к «Пинеге» настолько, что можно было разговаривать через рупор. Все признаки указывали на то, что пароход приписан к Архангельскому порту и принадлежит русской пароходной компании.

Командир подводной лодки дал экипажу «Пинеге» пятнадцать минут на то, чтобы оставить пароход. Он сообщил, что после этого будет выпущена торпеда. Началась тревога.

Из кают выбежали полуодетые, сонные люди, свободные от вахты. Матросы сорвали брезенты со спасательных шлюпок и старались привести в движение заржавленные шлюпбалки. Белдав побежал в салон за судовыми документами и деньгами, Дембовский тащил на шлюпную палубу большой чемодан, а стюард Кампе выкидывал из кладовой на палубу ящички с галетами и вином. Ингус смог только добежать до каюты и схватить маленький ручной чемодан с документами и письмами. Волдис Гандрис еще не ложился спать после вахты, поэтому успел надеть пальто и взять свои бумаги.

У кочегаров, стоявших у топок, не было времени, чтобы забежать в кубрик одеться: они прыгнули в шлюпки почти полуголыми, в тонких бумажных спецовках и легких шейных платках.

В последний момент, когда все уже уселись в шлюпки и ржавые шлюпбалки начали выносить их за борт, Ингус заметил, что нет Джонита.

— Где Джонит? — крикнул он кочегарам.

— Остался внизу у котлов! — откликнулся старый Юхансон. — Мы никак не могли его дозваться.

— Стоп! — Ингус задержал свою шлюпку, конец которой завернул за шлюпбалку. — Мы не можем оставить Джонита на пароходе.

— Нам некогда ждать! — заревел Белдав. — Еще пять минут, и немцы выпустят торпеду. Если он не захотел пойти, пусть остается на пароходе.

— Правильно, — согласился Дембовский. — Нельзя рисковать

столькими человеческими жизнями из-за одного человека.

— Спустить лодку! — приказал Белдав.

Ингус соскочил на шлюпочную палубу.

— На некоторых пароходах существует такой порядок, что капитан последним садится в шлюпку или совсем не садится в нее! — уязвил он Белдава и поспешил в кочегарку.

— Это там, где капитан не трус... — заметил Волдис Гандрис. Белдав побелевшими от злости глазами посмотрел на Волдиса, но промолчал.

В это время Ингус сбежал по трапу вниз, проехался, скользя по перилам, и удивленно застыл на месте: Джонит, еле держась на ногах, спокойно шуровал в топке.

— Сбежали все, а пар спадает, опять чиф придет, станет ругаться, что машины не работают... — сердито бормотал он. — А тут вертись один как белка в колесе.

— Джонит! — крикнул Ингус. — Сию же минуту наверх, на палубу! Пароход идет ко дну.

Джонит лукаво усмехнулся.

— Ври, друг, из ушей дым валит. Так же хочешь меня разыграть, как все они. Не разбудили меня, я сам проснулся. Не уйду от печей, пока склянки не пробьют.

Ингус вырвал у него из рук кочергу и, то уговаривая, то проклиная, стал толкать Джонита вверх по трапу. Вначале тот сопротивлялся, а потом обозлился и обещал жаловаться капитану, что мешают ему работать.

— Жалуйся, Джонит, капитан тебя ждет, только поскорей, поскорей...

Спотыкаясь, скорее благодаря толчкам Ингуса, чем своим силам, Джонит, наконец, добрался до палубы. Каждый упущенный миг мог стоить жизни, сидящие в шлюпках уже начали возмущаться, а Волдис Гандрис и Зирнис; пользуясь задержкой, погрузили в свою шлюпку несколько мешков с галетами и вином, в спешке оставленных на палубе.

Навстречу Джониту протянулось множество рук, его силой втащили в шлюпку, и сразу же завизжали блоки. Шлюпка, в которой находились Волдис и Зирнис, уже отошла от «Пинеги» на расстояние нескольких десятков сажен, когда вторая отдала концы и оттолкнулась от борта парохода. Матросы навалились на весла, и лодки, обогнув корму «Пинеги», стали быстро удаляться от парохода. Еще минута, сорок, двадцать секунд... Шлюпки с людьми находились саженях в пятидесяти от обреченного на гибель парохода, когда в назначенное время от подводной лодки отделился тонкий продолговатый предмет и как стрела помчался по волнам в сторону «Пинеги». Большой пароход стоял, словно на якорю, спокойно ожидая своей

участи. Тихо полоскался флаг, обвеваясь вокруг мачты, дымила труба, и в вечерних сумерках поблескивала медная обшивка на головке компаса и телеграфной трубе капитанского мостика. В последнюю минуту на конце трубы заревел пар: котлы были сильно нагреты, и после остановки машин пар продолжал подниматься сам собой. Отчасти это была заслуга Джонита, и теперь получилось, что он последним выпустил пар из «Пинеги». Но уж больше Джониту никогда не пришлось выпускать лишний пар из котлов в гудок.

Раздался оглушительный взрыв. У борта «Пинеги», посередине корпуса, взлетел в воздух громадный водяной столб, и раненое судно стало медленно крениться набок. За первым взрывом последовал второй, внутри парохода. Это взорвались котлы, и пароход разломился надвое. Вода закружилась огромными воронками, море словно закипело в этом месте — и «Пинеги» не стало. Над поверхностью воды задержалось лишь маленькое облако дыма, последний вздох топок, не пожелавший пойти на дно вместе с ними. Странно было видеть этот гонимый ветром клубок дыма, который тянулся на юг, прижавшись к самым гребням волн, словно стадо уток, спешащих вечером в тихую озерную заводь.

Приближалась ночь. Две шлюпки шли по направлению к югу.

3

В каждой шлюпке находилось по пятнадцати человек, бочка затхлой пресной воды и несколько ящиков с галетами, в которых от долгого лежания завелись черви. Этот запас должен находиться в каждой спасательной шлюпке и, согласно морским законам, время от времени обновляться. Перед каждым новым рейсом полагается менять питьевую воду, проверять, в каком состоянии шлюпки и исправно ли действуют спускные приспособления. Но так как всякое судно гибнет только один раз и пользоваться спасательными средствами команде судна тоже приходится только однажды, то загруженные повседневной работой моряки зачастую забывают проверить шлюпки и обновить запасы провианта. Галеты лежат годами, вода в бочонках становится затхлой, шлюпки рассыхаются и пропускают воду, и когда, наконец, наступает роковой момент — все оказывается никуда не годным. Штурманы обвиняют во всем капитана, капитан — штурманов, а команда — администрацию. Виновны все и никто.

Судовой плотник, сидевший в одной шлюпке с Волдисом, получил возможность услышать в свой адрес много неприятного, так как в шлюпке

была настолько сильная течь, что воду едва успевали вычерпывать. Чтобы как-нибудь задержать течь, плотник нащипал пакли из куска старого каната и законопатил самые большие щели. В этой шлюпке меньше жаловались на испорченный провиант, потому что Волдис захватил несколько ящичков со свежими продуктами из запасов Кампе. Зато возмущение пассажиров второй шлюпки было безграничным, когда вместо воды они обнаружили в бочонке зловонную жидкость, а в ящичках — червивые галеты. Течь в их шлюпке оказалась незначительной, так как шлюпкой пользовались в портах и на рейдах и за ней больше следили.

Чтобы лодки не потеряли друг друга из виду, зажгли фонари и прикрепили их к мачтам. Парусов не поднимали из-за глубокой осадки шлюпок — сильный порыв ветра мог их опрокинуть.

Под вечер у Белдава с Ингусом возник спор из-за курса, которым должны следовать шлюпки. Белдав настаивал на том, что нужно уклоняться еще дальше на запад, так как все суда, узнав о нападении подводных лодок, будут держаться мористее... А Ингус считал, что им не следует слишком сильно уклоняться на запад — никому неохота попадать в Гренландию. Он советовал попробовать добраться до берегов Норвегии. Если шторм не усилится, то они за два дня доберутся до берега, скитаясь же по морю наудачу, они могут неделями не встретить ни одного судна. Белдав очень хорошо понимал преимущества этого плана, но из чистого упрямства не хотел признаться, что юноша сообразительнее его. Поэтому направление осталось прежним.

Люди страдали от холода, особенно дрогли полураздетые кочегары. Они охотно садились на весла, чтобы согреться, но когда их через полчаса сменяли, то негде было укрыться и они сидели совершенно окоченевшие от стужи. Их обдавало ледяными брызгами, и северный ветер непрерывно обжигал лицо, голую грудь и руки.

Джонит бредил, свернувшись в комок у ног товарищей на дне шлюпки. Он уже был не в состоянии грести, не мог сидеть. Один бок его мок в воде, которая набралась в шлюпку в пробойну и от всплесков волн. Наутро, когда обе шлюпки съехались вместе и Волдис отдал часть запаса воды людям второй шлюпки, Ингус уговорил Джонита выпить несколько глотков рома. Но его сразу же вырвало. Джониту постелили брезент и подложили под голову пустой ящик из-под вина.

— Это не жилец, — заявил Белдав. — Да и для него лучше было бы, если... — не договорил он до конца свою страшную мысль.

К вечеру заболел Юхансон и один из матросов. Все продрогли, и даже самым выносливым не хотелось подымать тяжелые дубовые весла.

Усталые, безразличные ко всему, сидели они, засыпая с веслами в руках. Утомление, посиневшие от холода небритые лица придавали им зверский вид. Это были страшные призраки в пустынных просторах северных вод. Только два человека — Волдис Гандрис и боцман Зирнис — и в испытаниях оставались неизменными. Казалось, боцману было безразлично, что его ждет. Такой же спокойный, флегматичный, как на пароходе, он теперь сидел у руля, время от времени сменяя Волдиса. Его как будто не трогали ни стоны и проклятия товарищей, ни безнадежное положение и физические страдания. Чтобы согреться, он изредка похлопывал себя по бокам окоченевшими руками или набивал трубку и посасывал ее с таким же безмятежным видом, с каким делал это в теплой каюте после сытного обеда.

Волдис развлекал товарищей рассказами о веселых случаях из своей жизни, о шалостях в мореходном училище и приключениях в портах. Порою ему даже удавалось вызвать улыбку на их лицах. Он демонстрировал свое прежнее искусство — подражал кошачьим концертам — и описывал, как он когда-то пугал этим суеверных кумушек. Матрос Клюквин заснул на веслах, Волдис наклонился к его уху и громко прокукарекал. Клюквин открыл глаза, Волдис весело пожелал ему доброго утра. Все расхохотались.

Когда все средства были исчерпаны и ничто уже не помогало, Волдис начинал фантазировать и рисовал людям заманчивые картины их возвращения в Англию: их примут замечательно, накормят и уложат спать; журналисты, поговорив с ними, опишут в газетах их приключение. Они останутся в бордингхаузе за счет пароходства, получают деньги за погибшие вещи и станут жить припеваючи.

Был ли он в действительности настолько беспечен — это вопрос, но если у него хватало силы поддерживать бодрость духа, то, вероятно, запасы жизнерадостности в нем еще не иссякли.

Во второй шлюпке люди разучились улыбаться. Угрюмые, точно злейшие враги, сидели они вплотную друг к другу. Измученные до предела, они сделались нечувствительными к мучениям других. Стоны больных, бред страдающих галлюцинациями, истерический плач и мольбы о том, чтобы их пристрелили, никого больше не трогали. С еле заметными признаками жизни лежал на дне шлюпки старый Юхансон. Больной матрос умер к утру третьего дня, и его без обычной церемонии опустили в море.

Белдав, закутавшись в плотное пальто, не спускал глаз с Джонита и время от времени бормотал:

— Это не жилец... это не жилец...

В его мозгу засела мысль, что Джонит уже мертв и только кажется, что он еще чуть жив. Он лежит на дне лодки, как покойник, не двигаясь; грудь его не подымается, а если рот еще изредка кривится в гримасе, то это скорее похоже на посмертную конвульсию, чем на проявление жизни.

В продолжение всего третьего дня Белдава мучило сознание, что в шлюпке находится мертвец и его нужно выбросить за борт, но у него не хватало решимости сказать об этом остальным. Так прошла еще одна ночь. Под утро Белдав сменил Ингуса у руля. В седой предрассветный час, когда второй штурман задремал, Белдав склонился к Джониту и ощупал его лицо. Он не разобрал, чувствуется ли в нем живое тепло или оно застыло, но ему хотелось, чтобы оно было мертвым и застывшим, и поэтому он так и подумал.

— Этот готов, — сказал он Дембовскому.

— Да... — как автомат ответил чиф.

— Надо его выкинуть за борт, — продолжал Белдав.

— Да... — не открывая глаз, подтвердил Дембовский.

Белдав разбудил стюарда, окликнул двух неспавших матросов и приказал выбросить Джонита в море. Те механически выполнили распоряжение, ничего не спрашивая и не соображая, для чего это делается. Втроем они подтащили Джонита к борту шлюпки, отодвинули дремавших кочегаров и столкнули безвольное, несопротивляющееся тело в воду. Всплеск воды разбудил Путраймса и Лехтинена. Они взглянули в том направлении, откуда послышался всплеск, и увидели, как чье-то чужое, но где-то виденное лицо скрывается в пучине. Это было лицо живого человека; во взгляде широко открытых глаз отражалось недоумение, они ясно слышали прерывистое дыхание и видели, как две руки цеплялись за борт лодки. А потом все опять стало обычным. Волны сомкнулись над головой Джонита, слегка покачиваясь, скользнула вперед лодка, и в правой стороне горизонта на небосклоне забрезжил зеленовато-серый рассвет.

— Что случилось? — спросил сонно Путраймс.

— Бебрис умер, его выбросили в море... — ответил Белдав.

— Но ведь он же был еще жив... — прошептал Путраймс.

Никто ему не ответил.

Спустя два часа шлюпки нагнал английский пароход и подобрал двадцать восемь спасшихся моряков. Он шел из Бергена в Манчестер, огибая Шетландские острова. Все двадцать восемь спасенных моряков ожили, в том числе и старый Юхансон, на выздоровление которого не надеялись. Экипаж потерял только двух человек — одного матроса и маленького Джонита.

Белдав считал, что дешево отделался, — в это время года могли произойти и более крупные неприятности. Но он ошибся. Все неприятности были еще впереди...

Английский пароход был наполовину меньше, чем затонувшая «Пинегга», но совершенно новый и построен с такими удобствами, каких и в помине не было на старом пароходе. Однако он не был приспособлен для перевозки пассажиров, поэтому разместить на нем двадцать восемь человек оказалась нелегкой задачей. Для командного состава нашлись каюты. В каждой поселили по два человека: Белдава с Дембовским в одну, Волдиса с Ингусом в другую, третью предоставили в распоряжение Иванова и Мяги. Остальные разместились у своих товарищей по профессии — матросы у матросов, кочегары у кочегаров.

Отогревшись и насытившись, пинегинцы быстро пришли в себя после тяжелых переживаний. Теперь им вспоминались разные мелочи, на которые во время опасности они не обращали внимания, некоторые факты приобрели неожиданный смысл и заставили задуматься о ряде привходящих обстоятельств. Во всем происшедшем самым непонятным был случай с Джонитом. О его болезни знали все; знали, что он больной выходил на работу и ему позволяли работать. Вспомнили и о том, что Джонит, пожалуй, остался бы на тонущем пароходе, если бы не вмешался второй штурман. Из всех этих фактов, которым при иных обстоятельствах можно было легко найти оправдание, Ингус теперь плел сеть обвинений против капитана Белдава. Дело было, конечно, не в болезни Джонита и не в том, что его чуть не оставили на пароходе, — все раскрылось благодаря длинному Путраймсу и Лехтинену и странному их видению на утренней заре, перед появлением английского парохода; Путраймс неосмотрительно рассказал об этом Ингусу. Лехтинен подтвердил его слова, и таким образом у Ингуса сложилось определенное убеждение в том, что Джонит был брошен в море живым.

Он рассказал об этом Волдису, Иванову и Зирнису, всей команде «Пинегги», за исключением Белдава, стюарда и первого механика. Общее мнение всех было, что гибель Джонита произошла по чьему-то злому умыслу. Виновным считали Белдава.

Люди избегали Белдава, встречаясь с ним на палубе, провожали его косыми взглядами, уклонялись от разговоров с ним и всячески

бойкотировали его. Белдав каким-то путем узнал причину бойкота. Только теперь он понял, какую допустил ошибку, приказав бросить Джонита в море. И странно: теперь он сожалел о том, что английский пароход появился так скоро после этой злополучной истории. Если бы он спас их несколькими днями позже — оправданием послужило бы соображение, что Джонит все равно не дожил бы до появления парохода.

Считая для себя неудобным лично вести по этому вопросу разговоры, Белдав обратился к посредничеству Кампе. Стюард ежедневно навещал матросов и кочегаров в кубрике и всеми силами пытался оправдать поступок капитана. Он утверждал, что Белдав проверял пульс Джонита, неоднократно убеждался, что сердце не работает, и его, Кампе, приглашал проверить это. Перед тем, как бросить Джонита в море, он посоветовался с Дембовским и только тогда решился на это. И если бы, мол, Джонит был жив, это бы почувствовали матросы, помогавшие Кампе поднимать его на борт. Слова капитана могли подтвердить четыре человека, и только двое опровергали их. Неужели двоим можно верить больше, чем четверым?

Но ничто не помогало. Сомнения людей уже нельзя было рассеять, и спасенные моряки продолжали свой путь в Ливерпуль в самом мрачном настроении.

В Ливерпуле их высадили на берег и оставили на попечении русского консула.

Потерпевших крушение моряков поместили в один из морских пансионатов, а несколькими днями позже собрался морской суд, рассмотревший дело о «Пинеге». По делу о столкновении с немецкой подводной лодкой Белдава оправдали, здесь были виною военные условия. За поступок с Джонитом он юридически тоже легко отделался — выговором: его необдуманные действия объяснили исключительно тяжелыми переживаниями и состоянием общего духовного упадка, в котором в то время находились капитан Белдав и остальные члены экипажа.

Но чего не в силах были сделать суд и буква закона, того добилась команда «Пинеге»: весь экипаж, за исключением стюарда и первого механика, категорически заявил, что они отказываются служить на одном пароходе с Белдавом. Это была нравственная пощечина, выражение недоверия, а так как об этом довольно подробно распространялись газеты, случай стал известен в широких кругах моряков. Белдав больше не смог набрать себе экипаж на новый пароход. Позже выяснилось, что он поступил первым штурманом на русский транспортный пароход, который всю войну курсировал по Средиземному морю между Марселем, Египтом и

Дарданеллами. Но и там его преследовала тень минувшего, весть о случае с Джонитом дошла до новых товарищей Белдава, и он уже нигде не мог найти покоя.

Потерпевшие крушение моряки прожили в одном из пансионатов в Ливерпуле полторы недели. Они получили деньги за погибшее личное имущество и причитающееся им жалованье. Деньги скоро разошлись, так как следовало обзавестись новой одеждой и разной мелочью. Ингусу необходим был новый костюм и пальто; Волдису, кроме костюма, требовались белье, постельные принадлежности, приличный чемодан и многое другое, без чего не может обойтись ни один моряк. Поэтому оба штурмана с радостью приняли сообщение о том, что им предстоит отправиться в Манчестер и начать службу на новом русском судне. Вместе с ними отправились боцман Зирнис и механик Иванов.

Остальные моряки «Пинегы» разбрелись кто куда. Белдав с Дембовским и, само собой разумеется, Кампе еще раньше уехали в Ньюкасл, часть матросов и кочегаров поступила на суда здесь же, в Ливерпуле, а третьего механика Мяги и двух финнов направили в Кардифф. Моряки сейчас не пользовались свободой выбора. Они все были зарегистрированы, считались военнообязанными и не имели права отказываться от предлагаемой работы. После кораблекрушений и торпедирования спасенным давали двухнедельный отдых для устройства личных дел, после чего опять отправляли в море.

Ингусу не приходилось бывать в Манчестере, зато Волдис был очень хорошо знаком с этим большим внутренним портом. В районе доков, в Солфорде, у него даже имелись старые друзья, он знал здесь все учреждения, кино, парки, рынки и бары не хуже манчестерского старожила.

Их новое судно — пароход «Таганрог» грузоподъемностью в четыре тысячи двести тонн — ремонтировалось в сухом доке. У штурманов было мало работы. Иванову, который на «Таганроге» впервые выступал в роли чифа, приходилось следить за ремонтом. Капитан еще не прибыл из Лондона. Ингус и Волдис на несколько дней оказались предоставленными самим себе. Письма родным и друзьям они отправили еще из Ливерпуля. Чем заняться двум молодым людям на чужом берегу? Единственное развлечение — выпить кружку пива в портовом кабаке. Даже чтение не

шло на ум в это тревожное время.

Если бы работы на «Таганроге» шли полным ходом, капитан приехал бы скорее, и четвертое письмо Лилии Кюрзен пришло несколькими днями раньше, возможно, что судьба Ингуса сложилась бы иначе. Откажись Ингус в тот вечер от приглашения Волдиса пойти с ним на матч между двумя лучшими футбольными командами Англии, его жизнь не омрачилась бы некоторыми неприятными переживаниями. Но вечерами было так одиноко и стены сухого дока так надоели, что Ингус не мог не пойти!

Они пришли на стадион за полчаса до начала матча. Пешком, в трамваях, на автомашинах со всех концов города к стадиону стремились тысячи людей. У касс стояли длинные очереди опоздавших купить билет. Несмотря на высокую входную плату, билеты на все лучшие места были уже распроданы. В толпе шныряли спекулянты, предлагая хорошо одетым посетителям за сказочную цену «два последних» билета на сидячие места. Им не приходилось дважды повторять своих предложений. Чего бы это ни стоило, нужно пройти на стадион! — такой спортивный азарт охватил опоздавших джентльменов и леди. Пока Ингус и Волдис колебались — платить или не платить пятнадцать шиллингов за место в последнем ряду, — билеты оказались проданными, и, в конце концов, они были счастливы, что достали за восемь шиллингов билет на стоячее место.

Поистине нужно быть очень большим любителем спорта, чтобы за свои собственные восемь шиллингов простоять два часа зажатым среди нескольких сотен беспокойных, шумных, вечно находящихся в движении, жестикулирующих людей. Да если бы в награду за такое терпение можно было хоть видеть все как следует!.. Впереди стоят в несколько рядов зрители, прибывшие раньше. Задние ряды нетерпеливо стремятся продвинуться поближе и напирают на стоящих впереди. В особо острые моменты игры толпа поднимается на носки, и волей-неволей это приходится делать всем. Если вы обладаете небольшим ростом, то сердитесь на всех высоких, загораживающих от вас зеленое поле; если вы, наоборот, выше других, стоящие сзади проклинаят вас, сравнивая, в лучшем случае, с жирафом. Ваши новые туфли топчут чужие каблукы впереди стоящих, пальцы ваших ног немеют от долгого стояния на носках, а от беспрестанного вытягивания шеи начинают болеть шейные мускулы. Изредка вам удастся узреть полосатую спину одного из футболистов и еще

реже — увидеть мяч. Лишь на следующий день вы узнаете из газет, что именно происходило на поле и «очевидцем» каких знаменательных событий вы являлись. Вам не довелось видеть, как забивали мяч в ворота, но вы слышали, как другие хлопали этому. Вы слышали также, как освистывали незадачливых игроков, и присоединялись к общему свисту, не отдавая себе отчета, зачем и для чего. Когда все кончалось, вы говорили:

— Не стоило платить восемь шиллингов...

Некоторые моменты игры Ингус с Волдисом все же увидели. Ингусу в этом смысле посчастливилось, так как он был выше ростом, чем Волдис. По ходу матча и поведению публики они установили следующее: играют две команды высшего класса; те, что стояли против солнца, были манчестерцы и считались лучшей командой, а вторая команда представляла Кардифф. Это был один из последних турнирных матчей и один из последних серьезных матчей вообще, так как многие игроки уходили на военную службу. Через некоторое время их спортивным полем будут равнины Фландрии, где место футбольного мяча займут оружейные снаряды.

Хотя манчестерцы считались сильнее своего противника и их вратарь был национальным героем спорта, все же, начиная с первой половины игры, симпатии зрителей склонились в пользу гостей — кардиффцев. Перед началом матча заключались многочисленные пари. Большинство рассчитывало на победу манчестерских игроков и ставило три против одного за них. Возможно, это и было одной из причин, почему гнев публики так скоро обернулся против ее любимцев: они обманули надежды, грозили нанести своим друзьям материальный ущерб, а родному городу — позор. Когда нападающие Кардиффа в первый раз прорвались сквозь защиту манчестерцев и прославленный вратарь сумел отбить мяч только в угол, раздались первые свистки. Сразу же последовал угловой удар кардиффцев, чуть не забивших гол в ворота манчестерской команды. Вратарь растянулся, схваченный им мяч выскользнул из рук, и подбежавший полузащитник еле успел направить его в аут.

Трибуна заревела. Зрители стучали ногами, свистели, улюлюкали и бросали на поле все, что попадало под руку. Манчестерских игроков осыпал такой град насмешек и брани, что ребята растерялись и некоторое время не могли начать как следует игру. Несчастнейшим человеком на поле был манчестерский вратарь. Столько славных побед за его спиной, много раз его уносили с поля на руках, но вот сегодня у него болит живот. Болит так, словно туда забрался сам дьявол и свернул в клубок все кишки. При каждом движении внутри точно ножом режет. Перед началом матча он

просил тренера команды заменить его, но тренер не сделал этого, ведь именно на него возлагались самые большие надежды. Стиснув зубы, стоял он в воротах, со страхом поглядывая на мяч.

Незадолго до окончания первой половины игры наступил позорный момент, когда сильным высоким ударом кардиффца был забит первый мяч в ворота манчестерской команды. Несчастный вратарь заявил, что не может продолжать игру, и под рев публики ушел с поля. Страсти зрителей разгорелись и достигли высшей точки напряжения. Нужен был лишь малейший повод, чтобы все перевернулось вверх дном.

Этот повод, причем довольно увесистый, появился в начале второй половины игры. Сразу же после свистка судьи манчестерцы бросились в нападение, стараясь отыграться. Центр нападения прорвался сквозь защиту кардиффцев и стремительно повел мяч к воротам. Казалось, ничто не может помешать сравнять счет; зрители, затаив дыхание, следили за движениями нападающего. Еще несколько мгновений — и мяч влетит в сетку. Вдруг откуда ни возьмись на пути нападающего появилась полосатая фигура левого полузащитника кардиффцев и пересекла линию нападения в восемнадцати метрах от ворот. С того места, где мысленно пересекались пути бегущих, нападающий собирался нанести решающий удар. Все его тело приготовилось к тому, чтобы удар сделать здесь, на этом квадрате, и он уже не волен был отменить данное мускулам приказание. Физическая инерция, взмах ноги, напряженное внимание — все было сосредоточено на этом моменте, и, когда он наступил, удар по воротам не мог не произойти, иначе это противоречило бы всем законам природы. Тяжелый кузнечный молот не может не упасть на наковальню, если им замахнулись. И удар состоялся. Но бутсы ударили не по мячу, а по ноге полузащитника кардиффской команды. Всего на какую-нибудь десятую долю секунды нога эта пересекла линию движения нападающего раньше, чем он рассчитывал, и этой микроскопической единицы времени оказалось достаточно, чтобы вместо верного гола игра манчестерца закончилась тяжелой катастрофой.

Полузащитник упал с переломанной голенью. Свисток судьи оповестил о перерыве в игре. Пострадавшего окружили товарищи, а на краю поля, опустив голову, одиноко стоял человек. Это был центр нападения манчестерской команды.

В этот момент откуда-то из толпы стоящих зрителей донесся резкий выкрик:

— Полосатая зебра, бенгальский тигр! Он уже третьего игрока калечит!

По стадиону прокатился гул негодования. Зашевелились трибуны,

тысячи зрителей, словно притягиваемые магнитом, хлынули на поле. Затрещали подгнившие барьеры, отделяющие трибуны от мест для стояния, и пестрый, клокочущий людской поток устремился к центру стадиона. И не существовало на свете силы, которая была бы в состоянии остановить сокрушительное, грозное поступательное движение толпы. В миг десятки тысяч людей слились в единое целое. И если бы даже среди этой разъяренной толпы нашелся человек, разум которого не захотел бы подчиниться безумному влечению, он все равно против своей воли вынужден был бы повиноваться движению. Устоять на месте, отойти в сторону или вырваться из этого бурлящего потока не было возможности. Старики и молодые, женщины и мужчины, люди разных слоев и общественного положения были втянуты в грубую, дикую свалку; они напирала один на другого, топтали упавших, кричали, стонали, не слушали никого и ничего не понимали. Незнакомые друг с другом люди бесцеремонно кричали друг на друга, размахивали кулаками, не заботясь о том, на кого придется удар. Выходило, что нападающий манчестерской команды своим неудачным ударом причинил боль каждому из них, и все они кричали от этой боли и негодования.

В самом начале сутолоки Ингуса разлучили с Волдисом. Их увлекли людские потоки, двигавшиеся в разных направлениях. У них не было ни времени, ни возможности хотя бы глазами отыскать друг друга в этом море людей. Ингусу казалось, что его задавят в толпе. Чем ближе она придвигалась к центру поля, тем сильнее становился напор. Пространство, куда стекались десятки тысяч людей, с каждой секундой все уменьшалось, а магнит, притягивавший их со всех концов стадиона, продолжал действовать. Передние ряды уже встретились, сзади на них напирала следующая, и толпа все уплотнялась.

«Только бы не упасть, только бы удержаться!» — повторял про себя Ингус. Теперь это было вопросом жизни. Отовсюду доносились крики женщин, стоны пострадавших. Со всех сторон нажимали, и он изо всех сил упирался, чтобы отвоевать для груди возможность дышать.

Он устоял не только благодаря своей ловкости, но и потому, что в такой гуще невозможно было упасть, также как невозможно было упавшему подняться.

И вот в этот-то момент обстоятельства жестоко подшутили над Ингусом Зитаром. Задыхающийся, сдавленный переплетающимися руками и ногами окружающих его людей, он — маленькая частица кишачего живого клубка — вдруг увидел прижатую к нему фигуру молодой женщины. Обе руки его лежали на ее плечах, он против своей воли,

бессознательно держал ее в объятиях; щека ее прижалась к груди Ингуса, и как раз под его подбородком приходилось ее обнаженное плечо — легкое платье в давке было разорвано. Волосы женщины касались лица Ингуса, он видел их золотистый блеск, чувствовал их аромат, но лицо женщины оставалось скрытым.

Ингус инстинктивно старался уберечь незнакомку от напора толпы, напряг все мышцы и соединил свои руки в железный обруч, сантиметр за сантиметром отвоевывая пространство для круга, внутри которого женщина находилась в безопасности.

Он не знал, как долго это продолжалось, но вдруг почувствовал, что напор толпы слабеет, сзади образовалось свободное пространство и движение от центра устремилось к краям поля. Толпа, словно громадная, свернувшаяся в кольца змея, начала постепенно разворачиваться; сначала развернулись наружные кольца, за ними — средние, и, наконец, в центре зашевелилась голова. Оказалось, что прибыли пожарные и пустили в ход брандспойты. Под напором мощных холодных струй понемногу остывали разгоряченные головы. Вода, по-видимому, смягчающе действует не только на физические тела, но и на психику, — это доказала быстро редущая толпа; каждый думал о себе и направлялся в сторону наименьшего скопления народа.

Ингус Зитар, в окончательно измятом новом костюме, стоял среди поля, сжимая в объятиях женщину, находящуюся в глубоком обмороке. Наконец и их коснулась струя воды, и это оказалось весьма кстати, так как женщина вскоре с легким вздохом открыла глаза. Первое, что она увидела, был незнакомый мужчина, к груди которого она прильнула. Он с беспокойством смотрел на нее, поддерживая обеими руками.

— Вам стало лучше? — спросил Ингус, освобождая одну руку.

Недоуменно, словно проснувшись после длительного сна, она продолжала смотреть на незнакомца и наконец вспомнила все, что произошло. Резко высвободившись из рук Ингуса, она начала приводить в порядок одежду.

— Как это получилось... я не помню, чтобы мы раньше встречались? — произнесла она.

Ингус в нескольких словах объяснил все. Женщина поблагодарила его и хотела удалиться, но в этот момент заметила, в каком жалком состоянии находится ее платье: левое плечо обнажено, оба рукава разорваны сверху донизу, в довершение всего в толчее она потеряла сумочку.

— Как я в таком виде пойду по улице? — сокрушалась она, приглаживая растрепавшиеся волосы.

— Вы далеко живете? — спросил Ингус.

— На Маркет-стрит. Я должна ехать трамваем.

Ингус пожалел, что у него нет с собой ни одной булавки. Но ему удалось найти тоненькую проволоку и кое-как стянуть разорванное платье. Ловкими пальцами моряка он скрепил разорванный на плече шов, закрутив концы проволоки в узелок. И все это время не мог отвести глаз от ее молодого красивого лица и фигуры, линии которой четко обрисовывались под легкой тканью. Ей было не больше двадцати лет. Среднего роста, скорее склонная к полноте, чем хрупкая, с большими голубыми глазами и еле заметным пушком на верхней губе, придававшим лицу пикантность. Руки белые, нежные, беспомощно-маленькие, и только голос, в котором изредка прорывались резкие нотки, не соответствовал ее изящной внешности.

Она скоро оправилась и, оглядывая себя, даже начала шутить.

— Мы похожи на двух потерпевших кораблекрушение, — с улыбкой промолвила она, шагая к выходу рядом с Ингусом.

— Удачное кораблекрушение, из которого можно спастись, — ответил Ингус. — У меня это третье.

— Вы моряк? — спросила она.

Ингус отрекомендовался и назвал место своей службы. Немного поколебавшись, она назвала себя:

— Мод Фенчер.

Выйдя на улицу, они сели в такси и поехали на Маркет-стрит — одну из лучших улиц Манчестера. Мод еще раз поблагодарила Ингуса за оказанную ей помощь и, узнав, что его судно еще недели две пробудет в Манчестерском порту, дала ему свой адрес и просила навестить ее в один из ближайших вечеров.

— Лучше всего послезавтра, — сказала она, прощаясь. — Я вас обязательно жду. Буду дома весь вечер.

«Какая она славная», — думал Ингус, шагая пешком в Солфорд: на такси у него уже не хватило денег. Счастливая авария, удачный вечер...

На следующий день прибыл новый капитан «Таганрога», Озолинь. Это был молодежавый, тридцатисемилетний мужчина, по характеру представлявший полную противоположность Белдаву. До войны он несколько лет плывал капитаном на паруснике.

Волдис с первого же дня убедился, что с новым командиром будет гораздо легче работать. По поводу того, что Озолинь, будучи сам трезвым, исполнительным человеком, требовал того же и от своих подчиненных, Волдис не беспокоился: он тоже не любил бездельничать.

Сразу же после появления капитана развернулась оживленная работа. Ускорились темпы ремонта, судно запаслось провиантом, был пополнен экипаж.

После возвращения с футбольного матча у Волдиса с Ингусом произошел короткий разговор.

— Ты, верно, сердишься на меня? — спросил Волдис.

— Гм, неизвестно, — загадочно пробормотал Ингус, усмехаясь.

— Сколько ты заплатил за этот новый костюм? — продолжал Волдис.

— Восемь фунтов.

— Теперь ты вряд ли получишь за него четыре. Да, если прибавить сюда восемь шиллингов за билет, то это удовольствие слишком дорого обошлось.

— А я все-таки считаю, что не переплатил, — заявил Ингус.

— Тебе там понравилось? — Волдис удивленно взглянул в глаза товарища.

Ингус опять таинственно улыбнулся. Почему-то на этот раз он не поделился с Волдисом своими переживаниями, хотя обычно они были откровенны друг с другом. Он не упомянул ни слова о Мод Фенчер и на следующий день, а во время обеденного перерыва тщательно чистил и утюжил свой костюм до тех пор, пока тот не принял более или менее приличный вид. После обеда явился капитан и привез почту. Ингус тоже получил письмо. Но он не стал его распечатывать, хотя по почерку увидел, что оно от Лилии Кюрзен. Он обычно так всегда поступал — дорогие и желанные письма прятал в ящик стола и наслаждался их чтением в спокойной, тихой обстановке.

Вечером Ингус переоделся, сунул в карман все имевшиеся у него деньги и ушел потихоньку от Волдиса на берег. Он боялся расспросов товарища. Рассказывать о Мод пока не хотелось, лгать — тоже, а поэтому он счел самым удобным уклониться от разговора.

«Я вас обязательно жду», — сказала Мод. Так оно и было. Она сама открыла дверь и провела Ингуса к себе в комнату.

— Пришли все-таки, — были первые ее слова, выражающие не то удивление, не то самодовольство: мол, не выдержал, явился.

Это была комната современной женщины, где изящество сочеталось с практичностью: ничего лишнего, только самое необходимое. Голубая

ширма в углу комнаты скрывала кровать. Маленький дамский письменный стол конторского типа, этажерка с книгами, стенной платяной шкаф, небольшой диван, туалет, кофейный столик, два мягких стула и табурет, на стенах несколько фотографий и репродукций — вот и все. Скромно, но большего и не требовалось — ценность всем предметам придавала сама хозяйка.

Судя по тому, что из соседних комнат доносились шаги, можно было заключить, что Мод жила не одна. Но не успел Ингус раскрыть рта, как Мод предупредила его, что эту комнату она снимает в знакомой семье. Сама она служит в конторе большого текстильного предприятия; ее родители живут у судоходного канала на полпути между Ливерпулем и Манчестером. Отец ее — шлюзовой техник, а единственный брат — лейтенант саперного полка.

Мод окончила коммерческое училище, знала французский и немецкий, увлекалась произведениями Киплинга и Джозефа Конрада ^[66] и три раза в неделю посещала кино. Один раз в неделю она ходила в танцевальный холл, раз в месяц отправлялась на воскресные экскурсии за город или в окрестные города, любила спорт и больше всего ненавидела кухню. Питалась она в ресторане. Вот и все — ничего особенного. Такой образ жизни вели многие молодые женщины. Но это была Мод, Мод Фенчер, и все, что связано с нею, казалось Ингусу замечательным. Он ценил ее внимание. Сидеть в ее комнате и болтать о роковом футбольном матче, видеть, с каким интересом она слушает твой рассказ о столкновении с немецкой подводной лодкой, о «Дзинтарсе» и о далеких южных странах, где ты бывал, — это нечто большее, чем простое времяпрепровождение с интересной женщиной.

— Очень любопытно, — произносит она, когда Ингус заканчивает рассказ.

Тут она вспоминает, что следовало бы предложить гостю чай, но просит извинить — у нее в доме нет ничего съестного.

— Прошу вас, не беспокойтесь о таких пустяках... — покраснев, старается уверить ее Ингус и замечает, что сейчас семь часов, а Мод обедает в ресторане. Ведь она, вероятно, еще не обедала.

— Мисс Мод, если вы разрешите, я хотел бы просить вас... — виноватым тоном начинает он.

Нет, она ничего не имеет против приглашения. И вот они идут в ресторан. Но еще только семь часов, слишком рано для ужина. Мод останавливается у столба с афишами.

— Этот фильм я еще не смотрела, говорят, очень интересный...

— Если ничего не имеете против... — опять предлагает Ингус.

— Нет, конечно. У нас еще есть время.

Затем они сидят в обитой красным плюшем ложе кино и смотрят, как современный джентльмен переживает во сне героические похождения своих предков — морских пиратов, дерется с испанцами и голландцами, похищает прекрасную принцессу и завоевывает ее сердце. Но у этой принцессы абсолютное сходство с одной из знакомых джентльмену девушек, и, проснувшись, он спешит предложить ей руку и сердце. Затем начинается счастливая брачная жизнь.

Временами фильм обрывается, и, когда в перерывы зажигается свет, Ингус видит в партере множество парочек, которые сидят как голубки — кавалеры обнимают своих дам. Они не отнимают рук, когда вспыхивает свет, не стесняются своей нежности, да никто ими и не интересуется. Это, конечно, простые люди, фабричные или портовые рабочие, им нечего беспокоиться о том, что о них подумают другие, но Мод... Ах, почему Мод не простая работница, ткачиха, мотальщица или кто-нибудь в этом роде!

Когда гаснет свет и фильм продолжается, Ингус чувствует, как плечо Мод слегка касается его плеча. Это, конечно, чистая случайность, потому что она внимательно смотрит на экран и немного забылась. Но какая это приятная случайность! Ингус хотел бы, чтобы сеанс продолжался долго, долго... Плечо Мод, такое нежное и осязаемое, опирается все сильнее на его плечо, вот она даже пошевелилась, чтобы удобнее устроиться в этой позе. Это уже, пожалуй, не случайность. Пьянящий жар обжигает грудь Ингуса, он не верит и в то же время надеется. Мод Фенчер, прекраснейшая из всех девушек, с какими ему доводилось встречаться в морских скитаниях, и он... — может ли это быть? Она такая изящная, красивая, интеллигентная, а у него огрубевшие руки и обветренное лицо... Можно ли этому верить?

Будь что будет. Ингус незаметно протягивает руку и слегка обнимает Мод. Она не отстраняется, не смотрит на Ингуса с негодованием, совсем наоборот — она спокойно опирается на его руку. Так удобнее сидеть, а фильм настолько захватывающий, что Мод некогда размышлять о поведении Ингуса. Вспыхивает свет, и рука его скользит вниз по спинке стула. Но как только становится темно, он снова обнимает Мод. Так продолжается до конца сеанса. Как-то, забывшись, Ингус прижимает к себе Мод. Она и тогда не протестует, не уклоняется, как будто все так и должно быть.

После кино они отправляются в ресторан. Мод выбирает меню, и Ингус восхищен тем, с каким знанием дела она заказывает кушанья.

— Я хочу это, затем то, а на десерт возьму...

На ужин у Ингуса ушла четверть его месячного жалованья. Но зато Мод осталась очень довольна вечером и после ужина пожелала еще немного погулять в парке. Она очень любила шоколад, и Ингус тотчас купил его.

Проходя мимо ювелирного магазина, Мод остановилась и, указывая на серьги, между прочим сказала:

— Такие серьги подарил моей подруге жених. Он моряк и тоже штурман, как вы. Очень интересный человек.

Серьги стоили три фунта стерлингов (цена была указана), и Ингус пожалел, что магазин уже закрыт. Он заметил, с каким удовольствием Мод любовалась красивой безделушкой, — вероятно, она не отказалась бы от подарка. Она его получит если не завтра, то послезавтра, эта прекраснейшая из девушек.

— Когда я опять увижу вас? — спросила она у дверей своего дома на Маркет-стрит.

— Вы разрешите мне прийти к вам? — ответил он вопросом на вопрос.

— Я каждый вечер бываю дома до семи, за исключением воскресенья — в этот день я обычно уезжаю. Завтра вечером вы свободны?

Будет ли он свободен?!

Они условились встретиться на следующий день вечером в семь часов в парке у фонтана. Прощаясь, Ингус испытал удовольствие, какое он даже представить себе не мог: подав на прощание руку, Мод сама потянулась навстречу ему и подставила губы для поцелуя — она, Мод Фенчер! Ее лицо оставалось при этом спокойным и серьезным, ни одна черта не указывала на волнение или душевное переживание, но она поцеловала Ингуса, и он, пьянея от счастья, ответил на поцелуй. Сразу же после этого она скрылась за дверь. А он еще долго стоял на улице и смотрел на темную дверь, за которой исчезла эта удивительная женщина, завладевшая целиком его мыслями. Он забыл о том, что здесь нечему удивляться и что поцелуй ее совсем не означал исключительное к нему отношение. Это был старый английский обычай: английские девушки разрешают поцеловать себя тому, кто провожает их домой. Ингус знал об этом обычае, но неожиданный поцелуй Мод затуманил ему голову.

Утром он прочел письмо Лилии. Оно было таким же теплым и простым, как предыдущие, но уже не заставило молодого моряка впасть на несколько дней в мечтательное настроение. Теперь Ингус больше не перечитывал, как бывало, по нескольку раз каждую строчку, спокойно

написал сердечный и достаточно нежный ответ и сразу же отослал письмо. С этим было покончено, его мысли опять вернулись к Мод Фенчер.

Вечером он зашел к Волдису.

— Ты не можешь дать мне займы фунта два? Мне нужны деньги, а у капитана просить не хочется.

— Ты покупаешь что-нибудь? — спросил Волдис, доставая деньги.

— Да, я облюбовал одну хорошенькую вещицу для подарка.

— Не хочешь ли сходить сегодня вечером в театр? — спросил Волдис. — Давно мы ничего серьезного не смотрели.

— Мне сегодня некогда. Может быть, завтра.

Но и завтра Ингусу было некогда, занят он был и послезавтра. Волдис ни о чем не спрашивал его — если Ингус сам не хочет рассказывать, не стоит принуждать. Он и так понимал, что происходит с другом. «Интересно, на какую подводную скалу парень наскочил? — думал он, наблюдая за Ингусом. — Ишь, шельмец, скрытный какой стал! Как бы не пришлось подавать сигнал бедствия».

Глава четвертая

1

Мод Фенчер получила понравившиеся ей серьги, а Ингус Зитар был вознагражден одним... двумя... нет, даже тремя поцелуями. И поцелуи эти были совсем не такие, как при обычном прощании. Но вот наступило время расставания. Само собой разумеется, что они обменялись фотографиями и обещали писать друг другу. Казалось, что в последний вечер спокойствие Мод было нарушено: она выглядела взволнованной и, словно стараясь наверстать упущенное, сделалась такой ласковой и капризно-милой, что Ингус просто таял, глядя на нее.

— Что вам привезти с Востока? — спросил он,

— Чадру, — не задумываясь, ответила Мод.

Он обещал, думая о том, какая чадра мешает ему познать эту женщину. Зачем чадра? Ее настоящее лицо и без того было скрыто от Ингуса. Она умела оставаться сдержанной в минуты самой большой нежности и, наоборот, сохраняла обаяние во время капризных размолвок. Очень женственная, она никогда не рисовалась женской хрупкостью, не отличалась податливостью, не проявляла всех тех милых, мелких слабостей, которые так приятны многим мужчинам. Слишком умная и изощренная или совершенное дитя — кто она? Намеренно или бессознательно, но Мод умела вызывать в Ингусе состояние мучительной напряженности, держать его в таком состоянии часами, днями, неделями и в то же время обуздывать его, внушая к себе такое благоговение, что он не осмеливался даже мысленно дать волю своей страсти. Она жгла его, словно раскаленный уголь, и охлаждала ледяным холодом. Она избегала разговоров о любви, ее не волновали душевные бури, но она дарила поцелуи — и какие поцелуи! — человеку, которого встретила на футбольном поле. Что она хотела, чего не хотела — сам дьявол не разберет.

Затем Ингус ушел в плавание и не виделся с Мод больше полугода, но он не переставал думать о ней. И чем больше думал, тем меньше понимал ее и тем сильнее его влекло к ней. До весны «Таганрог» оставался в Средиземном море и курсировал между Тулоном и Малой Азией, подвозя союзным войскам военные материалы. Ингус увидел многие города и порты Ближнего Востока, неоднократно побывал в Порт-Саиде и

Александрии, стоял на рейде в заливах греческих островов, прославленных историческими легендами и мифами. Однако все эти достопримечательности проходили мимо его сознания; для него это было изгнание, принудительная отлучка, ибо в Манчестере на Маркет-стрит жила Мод Фенчер.

Весной, когда открылся путь на Архангельск, «Таганрог» перевели на северную линию. Из Тулона они отправилась в Хартлпул и взяли военные материалы для русской армии. Погрузка велась в большой спешке, работали, в несколько смен. Командный состав парохода был все время занят, и получилось так, что Ингус не смог поехать в Манчестер, чтобы повидаться с Мод. Восточную чадру он ей отправил по почте и тут же, в Хартлпуле, получил письмо Мод с благодарностью. Она сожалела, что Ингус не телеграфировал ей сразу, как только прибыл в Хартлпул, — она могла бы в воскресенье приехать. Мод только сожалела, а Ингус не мог простить себе недогадливость и упрекал себя. Теперь приходилось ждать еще полтора месяца, а может быть, и все два. Время шло, весенний хмель разливался и по северным просторам, и все живое опять было объято трепетным волнением. «Жить! Жить!» — кричала каждая клеточка тела. Земля благоухала, струился в лучах солнца теплый воздух, проснулись дремавшие силы природы, деревья и растения наливались соком, набухали почки, а пароход Ингуса скитался по пустынным морским просторам. Ему казалось, что этому рейсу не будет конца. Его желания опережали время, и бедный, безупречный «Таганрог», делая по одиннадцати узлов (скорость вполне достаточная для транспортного парохода), все же отставал от Ингуса.

Несмотря на нетерпеливое настроение юноши, рейс оказался одним из самых примечательных в его жизни.

Это началось в Хартлпуле. Старый кок проглотил нечаянно косточку, и за день до выхода судна в море его отправили в больницу. На другой день на «Таганроге» появился новый мастер кухонных дел, уроженец местечка Айнажи, — Зирдзинь, прозванный латышскими моряками с первого дня Зиргсом ^[67]. Так его, вероятно, прозвали бы и без этой фамилии, потому что тяжеловесная угловатая фигура кока, большие вылупленные глаза и похожий на ржанье смех поневоле напоминали всем известное домашнее животное. Зирдзиню шел сорок четвертый год. У него было широкое, похожее на полную луну лицо, рыжие моржовые усы и такого же цвета волосы, которые он стриг дважды в году. Так как до срока стрижки оставалось еще около месяца, то можно себе представить, как выглядела эта неряшливая, свалявшаяся грива. В ней, несомненно, водились

насекомые, потому что жирные пальцы кока то и дело погружались в копну волос. Но свое дело кок знал прекрасно. Ни один повар не мог сравниться с этим неопрятным малым в приготовлении вкусных бифштексов, котлет, супов и компотов.

Внутреннее содержание Зирдзиня находилось в удивительном соответствии с его наружностью. Он отличался неуживчивым характером, всегда на кого-то дулся, большие глаза его смотрели исподлобья, к командному составу он относился заискивающе, помощнику своему на второй же день дал в зубы, а матросам не разрешал и шагу ступить в камбуз. Если в кубрике кочегаров за столом не хватало соли, юнга должен был сначала выслушать громоподобные проклятья кока и лишь тогда, когда Зирдзиню надоедало ругаться, получал соль. Кок вместе со стюардом, как вороны, растаскивали продукты, и до капитана Озолия вскоре дошли слухи о том, что команда недовольна аптечным рационом.

— А что, эта братия воображает, что их на откорм сюда поставили? — заявил Зирдзинь, узнав о недовольстве команды.

Таким он был и таким остался, ибо справедливо говорится: «Горбатого могила исправит». Кок, прослуживший двадцать лет на пароходах, начинает зазнаваться и не желает слушать каких-то там мальчишек. Если его не оставят в покое, он может устроить кое-что похуже — ведь в его руках немало возможностей отомстить этим оболтусам.

Вот благодаря этому человеку на «Таганроге» и произошли события, каких капитану Озолию за всю его морскую службу не приходилось переживать, — вызовы в суд, допросы, уголовные дела.

«Таганрог» вез боеприпасы. К боязни наткнуться на подводную лодку прибавилась еще другая: смертоносный груз в трюмах парохода, предназначенный для разгрома противника в грядущих боях, в неменьшей степени угрожал сейчас двадцати восьми морякам. Судно было застраховано, за провоз опасного груза судовладельцы получали хорошую плату, застрахованы были и вещи моряков: их одежда, обувь, белье; незастрахованной оставалась только жизнь двадцати восьми человек команды.

«Таганрог» был одним из первых пароходов, отправившихся этой весной из Англии в Архангельск. Немецкие подводные лодки успели уже затопить два ранее вышедших судна. По всему видно было, что война на

море в этот сезон навигации будет еще ожесточеннее. Сколько окажется тех, кто выдержит до осени? Когда пробьет час «Таганрога»? Сколько раз еще придется менять обреченные на гибель суда? Не окажется ли одна из торпед последней, роковой, после чего не нужно будет больше ходить в плавание, не будет больше судов, моря, берега и людей? Кому станет посылать письма Лилия Кюрзен и чьего возвращения из дальнего плавания будет дожидаться Мод Фенчер? Эх, стоит ли об этом думать? Твои думы не отведут от тебя удара, твои догадки не облегчат его. Выходи на вахту, Ингус, наблюдай в течение четырех часов за горизонтом и следи за курсом, а потом спи четыре часа. В этой лотерее смерти кое-кто изредка выигрывает. Только не спрашивай, будешь ли это ты. Двадцать три года — срок жизни, конечно, небольшой, многое не изведано, но другие погибают еще раньше. Ты мечтал, любил, даже бывал счастлив, следовательно, кое-что повидал за свою жизнь. Многие и этому могут позавидовать. И даже если следующий час окажется последним, и тогда тебе позавидуют — на свете всегда найдутся люди; которым твоя судьба покажется прекрасной. Умирать в постели или на море — что благороднее? Умереть в бессилии, от дряхлости, или сломаться, как молодое зеленое деревце, занимавшее свое место в центре великих мировых событий?

Да, это была война. Война на суше и на море, в каютах судов и в человеческом сердце. Полгода «Таганрог» курсировал по Средиземному морю и Греческому архипелагу, и все было так, как полагается на хорошем пароходе: капитан доволен командой, члены команды довольны друг другом и капитаном; всякий уважает свой труд и труд другого, все чувствуют себя членами одной семьи. Но с тех пор, как они вышли из Хартлпула, все стало иначе. Люди сделались раздражительными, неразговорчивыми. Да, да или нет, нет, скупой капитан, плохое питание, тяжелая работа и ленивые работники. Все делается исподтишка: закулисные сплетни, тайная травля, в глаза говорят одно, за глаза другое, никто никому не доверяет.

— Какая это жизнь, если капитан скупердяй... — вздыхает Зирдзинь, разливая матросам суп по бачкам. — Тащит себе что может. Не хочет людей кормить как полагается.

— Боцман, — немного погодя шепчет кок Зирнису. — Если бы вы слышали, как старший штурман тут на ваш счет прохаживался! Говорит, трое — вы и два младших матроса — за весь день соскоблили ржавчину только с двух пластин на кватердеке! Он бы один соскоблил четыре.

— Господин штурман, почему вы держите Зирниса только на красках да на швахбах? — хитро улыбаясь, спрашивает он через некоторое время

Волдиса. — Он, например, считает, что сумел бы определить курс судна лучше вас и даже самого капитана. Так, как это делаете вы, каждый мальчишка сумеет, а если пароходу придется дольше идти, то это результат тех новых премудростей, которыми вас напичкали в мореходном училище.

— Мистер чиф, — таинственно шепчет кок Иванову, — кочегары грозятся подать жалобу судовладельцам. Будто вы с капитаном приняли на пароход вместо бункерного угля мусор, а в счетах провели его как первосортный антрацит. Они, дескать, там внизу парятся, как грешники в аду, а вы оба кладете изрядные куши в карман. Я-то не знаю, как там на самом деле, но они так говорят...

— Эй, Антон... — качая питьевую воду кочегарам, обращается он к черному человеку. — Сейчас тут чиф разорился — нет спасения. Обещал всех вас на берег списать. Вы, дескать, не смотрите, где уголь, а где шлак, целые куски угля за борт выбрасываете. Так, говорит, и на уголь не заработаешь.

Кок повсюду сеял щедрой рукой подозрение, недовольство, недоверие; заискивал и льстил перед сильными, травил слабых и плескался сам в этой мутной водице, как утка. Ему недостаточно было того, что люди теперь ненавидели друг друга. Он ненавидел их всех за то, что они были лучше его. Ему казалось недостаточным, что он воровал их продукты, ссорил их, нет — он жаждал еще и физического удовлетворения, а это ему могли доставить лишь их физические страдания. Из всей команды коку подчинялся только пятнадцатилетний юнга. Его-то он и гонял с утра до вечера, заставлял чистить весь картофель, мыть всю кухонную посуду и котлы, по утрам растапливать в камбузе плиту. Самым большим несчастьем для мальчика было то, что ему приходилось жить в одной каюте с Зирдзином. Постоянно загружая его своей работой, кок устроил так, что мальчик не успевал убирать каюты офицеров, а это считалось его основной обязанностью. И офицеры стали придирааться к нему. Увидев, что начальство невзлюбило юнгу, Зирдзинь окончательно распоясался и стал походя бить мальчика. Хлестал по лицу грязной кухонной тряпкой, тыкал кулаками в бока и грозил выбить все зубы, если тот вздумает пожаловаться.

Но здесь кока осадили. Он не учел того обстоятельства, что мальчик родом из Архангельска и что на пароходе у него много земляков. И вот однажды, когда мокрая кухонная тряпка кока опять хлестнула юнгу по лицу, кочегар Самойлов стукнул Зирдзиня кофейником по голове. Самое неприятное было то, что в кофейнике оказался горячий кофе, и вместе с увесистым ударом кока облила горячая жидкость, ошпарив ему нос. Зирдзинь взвыл от боли и схватил большой кухонный нож.

— Я тебя на куски изрежу, черный дьявол! — заревел он, устремляясь на Самойлова. — Оба уха отрежу, кишки выпущу, разбойник ты этакий!

Самойлов хладнокровно выплеснул ему в лицо остатки кофе. Взбешенный Зирдзинь бросил в него нож. Нож просвистел мимо лица кочегара, чуть не задев щеку.

— Чучело! — крикнул Самойлов. — Если ты не оставишь в покое мальчишку, мы с тебя с живого шкуру сдерем, а самого бросим в топку. А теперь налей снова кофе, да чтобы кофейник был полный.

Когда кочегар удалился, кок послал юнгу в каюту вымыть пол. Последовав за ним, он закрыл дверь на замок.

— Значит, ходишь жаловаться на меня кочегарам? На, понюхай кулак! Вкусно? На-ка еще!.. А если ты и теперь посмеешь жаловаться, я еще до Архангельска из тебя покойника сделаю. По жилочке вытяну из тебя твою подлую жизнь.

Таков был Зирдзинь — злой, жестокий, трусливый. Кроме всего, он был еще и суеверен: верил в привидения и порой даже видел их. Как-то ночью он, весь в поту, дрожа от страха, разбудил юнгу, жалобно бормоча:

— Взгляни, сынок, не залез ли он в шкаф... Ну, сходи, Петенька, посмотри! Я тебе завтра помогу за это вымыть офицерские тарелки.

— Кто он? — очнувшись от сна, спросил мальчуган.

— Он только что здесь был, я ясно видел.

Мальчик заглянул в шкаф. Там никого не было.

— Может быть, он залез под койку? — не унимался кок. — Нагнись, ты помоложе!

Но и под койками никого не оказалось. Все же Зирдзинь долго не мог успокоиться. Он задраил иллюминаторы, закрыл на ключ дверь и, вооружившись финским ножом, всю ночь просидел на койке, дрожа собачьей дрожью.

Этот случай скоро стал известен всему экипажу. А несколькими неделями позднее суеверие Зирдзиня погубило его.

На «Таганроге» служил эстонец — двадцатитрехлетний трюмный Матисон. Он пришел на судно еще в Манчестере, вместе с первым экипажем, и считался старожилом. Парню давно следовало бы стать кочегаром, но никто из стариков не уходил на берег, а искать себе место получше на другом судне Матисон не пытался. Это был тихий,

покладистый человек, трезвый и бережливый. Большую часть своего заработка он посылал домой, оставляя себе только на самые необходимые нужды.

Зирдзинь с первого же дня старался подружиться с Матисоном. Оба они были из одной местности, так что им было о чем поболтать на досуге. Но неразговорчивый Матисон больше любил слушать, чем говорить, поэтому Зирдзиню от него мало было радости. Он пытался задобрить земляка всякими имеющимися в распоряжении кока средствами: время от времени потихоньку совал ему лакомый кусок со стола офицеров. Матисон стеснялся принимать подачки и даже избегал подходить к камбузу без надобности. Он знал, что вся команда ненавидит Зирдзиня. Если водить дружбу с коком, товарищи подумают, что он передает ему все их разговоры. Он уже стал замечать, что кочегары в его присутствии не так откровенны, как прежде. Это плохой признак на судне, где люди живут в тесной близости. Поэтому Матисон предпринимал все возможное, чтобы вернуть доверие товарищей. Обычно скупой на слова, он первым горячо осуждал Зирдзиня и выражал надежду, что капитан дольше одного рейса не станет терпеть присутствия этого молодчика.

Но не хотелось ему обижать и Зирдзиня. Как-никак он старый моряк, повидавший на своем веку больше, чем молодой трюмный. Как отказаться, когда Зирдзинь в Архангельске приглашает пойти с ним на берег в гости к его знакомым, приехавшим сюда во время войны? Как сказать нет, когда коку подвернулось выгодное дельце, и он приглашает тебя принять в нем участие, и ты сможешь заработать на этом кругленькую сумму, превышающую твой годовой заработок?

— Такая добыча попадается раз в несколько лет, — утверждал кок. — Я много плавал и всякое перевидал, но такой случай мне представляется впервые. Триста рублей тебе и триста мне, и никакого риска и ответственности.

Да, триста рублей... Это им обещали без всяких разговоров. Зирдзинь даже считал, что, когда судно будет в пути, можно будет сорвать и все пятьсот.

— Это мы устроим, предоставь мне свободу действий.

Вскоре после того как «Таганрог» начал грузиться для обратного рейса, около судна появился какой-то с виду интеллигентный человек. Он даже поднялся на палубу и разговаривал с Зирдзиным. Вечером они встретились на берегу, и после этого незнакомец больше в порту не показывался. А Зирдзинь разыскал Матисона и рассказал ему суть дела.

Этому человеку любой ценой нужно пробраться за границу.

Легальным путем он этого не мог сделать, так как документы у него не в порядке, поэтому он должен пробираться тайком, «зайцем», в бункере «Таганрога». Бункер — это владения трюмных, и если кто-либо собирается там прятаться, то, по крайней мере, один из трюмных должен об этом знать, иначе может произойти нежелательная встреча, донесение капитану — и прощай все тайное путешествие. Вот для чего Зирдзиню понадобился Матисон. Не из чувства дружбы устраивал он хороший заработок парню, а по той простой причине, что без его помощи сам ничего не смог бы заработать.

— Ты спрячешь его в бункере и будешь носить ему еду, а я ее буду готовить... — сказал кок. — Одним едоком больше на судне, это совсем незаметно. Только никому ни слова — у этого молодчика есть причины скрываться, иначе бы он не платил такие бешеные деньги.

Матисон согласился. Он знал на дне бункера укромный уголок, откуда не придется брать уголь и куда никто носа не сунет. В один из вечеров они оба с Зирдзином сходили в город и окончательно обо всем договорились с незнакомым господином. Тот уплатил каждому из них по сто пятьдесят рублей, вторую половину обещал заплатить по прибытии на место. Зирдзинь принес на судно узелок с одеждой и бельем «зайца», чтобы ему было во что переодеться, когда прибудет в Англию, а Матисон на следующий день приготовил в бункере укрытие. В конце междупалубного пространства в одном месте уголь навалили до самого потолка, а сзади оставили свободное пространство размером около кубической сажени. Чтобы пассажиру не пришлось лежать на угле, Матисон принес в тайник две старые крышки от люков и застелил их соломенными матами, употреблявшимися при упаковке хрупких грузов.

В ночь перед отправкой в море беглец пробрался на судно. Кок предусмотрел все, чтобы его появления никто не заметил. Юнгу в тот вечер отпустили на берег погостить у родных, а вахтенного матроса зазвали в каюту и угостили водкой, специально купленной для этой цели на деньги пассажира. Матисон весь вечер стирал в кочегарке белье и в назначенное время ожидал беглеца у трапа. Они тихо спустились в междупалубное пространство и через груды угля пробрались в тайник.

— Сидите тихо, прямо над вами находится каюта чифа, — предупредил Матисон беглеца. — Позже, когда судно будет в пути и заработают машины, вы сможете походить. Я приду будущей ночью. Питье здесь, в кружке.

Уходя, он забаррикадировал проход до самого потолка, и беглец остался один в кромешной тьме, наедине со своими заботами и судовыми

крысами, которые с писком возились в углах.

Матисон зашел к Зирдзиню.

— Сделано, — значительно произнес он. — Все в порядке, можно ложиться спать.

— Что в порядке? — спросил вахтенный матрос, оценивая взглядом, сколько глотков водки осталось еще в бутылке.

— Белье выстирано, — не растерялся Матисон. Кок вышел с ним на палубу.

— У него что-нибудь было с собой? — тихо спросил он.

— Нет, только вот такой маленький чемоданчик.

— Маленький чемоданчик, — задумчиво повторил Зирдзинь. Его глаза радостно вспыхнули. — Да, Матисон, значит, все в порядке. Можно ложиться спать.

4

И вот «Таганрог» снова в пути. Ингус Зитар считал дни и вахты, остающиеся до Манчестера, — на этот раз они прямым курсом шли туда. До осени предвиделось несколько рейсов между Архангельском и этим крупным центром текстильной промышленности.

На дне бункера за кучами угля сидел тайный пассажир, о присутствии которого знали только два человека. Один раз в сутки, по ночам, Зирдзинь наполнял корзинку едой и Матисон относил ее беглецу. Они устроили все так ловко, что никто ничего не замечал. К юнге Зирдзинь теперь относился гораздо лучше, чем прежде. Кухонную посуду кок мыл сам, а по вечерам отпускал мальчика в кубрик кочегаров поболтать с земляками и не сердился, если тот там задерживался дольше, чем полагается. Иногда по вечерам Зирдзинь сам спускался в междупалубное пространство за углем. Матросы решили, что на кока повлияла угроза Самойлова и он боится побоев.

Однажды ночью, когда юнга уже спал, а трюмный Матисон высыпал в море золу, Зирдзинь наполнил едой корзинку и спустился в бункер к «зайцу». Не боясь запачкать свой костюм цвета хаки, он пробрался в тайник и зажег карманный фонарик. Пассажир спал на старых крышках люков, подложив под голову маленький чемодан. Он сразу проснулся и сел, инстинктивно прижимая к себе чемодан.

— Не бойтесь, это я, — шепнул кок. — Принес вам ужин.

— О, благодарю, еще не съедено то, что раньше принесли... —

успокоенно улыбнулся «заяц»,

За шесть дней, проведенных в бункере, у него отросла борода и лицо стало совершенно черным от угольной пыли, так что Зирдзинь лишь по голосу узнавал в нем прежнего элегантного господина.

— Я думал, что пришли обыскивать. Сегодня сюда спускался человек. Осмотрел все уголки.

— Я знаю, — произнес Зирдзинь. — Это был механик Иванов. Он обмеряет уголь и подсчитывает, надолго ли его хватит.

— А если не хватит?

— Ничего. На пароходе еще много темных углов. А теперь давайте поужинаем. Этого вы, наверно, не ожидали? — Зирдзинь вытащил из корзины бутылку коньяку.

— Мартель ^[68]? — глаза незнакомца загорелись огоньком знатока.

— Да, это у меня осталось от прежних времен. Сегодня мой день рождения, и я хочу его отметить. Не позабыл и вас. Дайте-ка чемодан, он нам послужит столом.

Незнакомец вздрогнул, нехотя подвинул чемодан на середину крышки и сам подсел поближе к нему.

— Что у вас там? — равнодушно кивнул кок в сторону чемодана, откупоривая бутылку.

— Бумаги разные, документы.

— Так, так. Ну, меня это не касается. Я ведь не спрашиваю, как вас зовут, значит, и до остального мне дела нет. Я вас везу и кормлю, вы мне за это хорошо платите — и баста Я не любопытен. Пейте, господин.

Незнакомец отпил изрядный глоток.

— Жаль, что нет еще чашечки крепкого кофе, — улыбнулся он, протягивая бутылку Зирдзиню. — Что поделаешь, не в ресторане. Иногда так даже интереснее.

— Цсс... — прислушался Зирдзинь. — Кажется, кто-то ходит.

— Это крысы, — пояснил незнакомец. — Они каждую ночь посещают меня. Видите эту дыру в брюках — это они прогрызли прошлой ночью. Наверно, обозлились, что я им ничего не оставил от ужина.

— Пейте, пейте... — угощал кок. — Я вам достану крысоловку.

— О, этот коньяк вливает в тело замечательную бодрость, — удовлетворенно произнес беглец, вторично прикладываясь к горлышку бутылки. — От такого сидения, будто курица на яйцах, совсем одеревенеешь. Скажите, нам еще долго быть в пути?

— Недели полторы. Вам надо постараться сойти с парохода уже в Ливерпуле, когда мы остановимся у начала канала. Там легче, чем в доках.

— Разумеется, я это сделаю в Ливерпуле. Но почему вы не попробуете этот божественный напиток?

— Я, господин, сегодня уже достаточно пил. Пейте на здоровье. А я посижу и поболтаю с вами, пока вы не выпьете бутылку. Как вам нравится бифштекс? Не слишком жесткий?

— Нет, он великолепен. Вы достойны всяческих похвал. Если мне когда-нибудь опять потребуется повар; я с удовольствием приму вас к себе на службу.

Побуждаемый Зирдзином, незнакомец продолжал прикладываться к бутылке, и вскоре она опустела. Вполне естественно, что ровно на столько, на сколько понижался уровень содержимого бутылки, повышалось настроение незнакомца — он становился энергичнее, смелее и хвастливее, как и все выпившие.

— Всяко пришлось пожить, — начал он. — Спросите в Петрограде в больших гостиницах, там вам любой расскажет. Такие кутежи, такие попойки... Как, бывало, начнешь — так на целую неделю.

— Вы, вероятно, хорошо зарабатывали?

— Зарабатывал? Я имел тысячи, десятки тысяч; столько, сколько мне была нужно и сколько я хотел. В моем распоряжении находились банки и магазины, наличные деньги и самые дорогие товары. Нужны только смелость, желание и, конечно, некоторая ловкость. Как, например, тогда, с векселем графа Давыдова... кхе, хорош коньяк, в самом деле хорош. Я кое-что понимаю в марочных винах.

— Я это вижу, — согласился Зирдзинь. — Но скажите, господин, если вам так хорошо жилось, почему вы бросили такие доходы и уехали? За границей жизнь недешевая.

— Вы думаете, я без копейки еду? — незнакомец нежно погладил чемодан. — Когда человеку становится слишком жарко, он ищет более прохладный климат. Перемена воздуха очень полезна, это утверждают все врачи.

— Все же: ну сколько может человек взять с собой?.. — продолжал Зирдзинь. — На полгода, на год. Деньги разойдутся скоро. Нескольких тысяч вам ненадолго хватит.

— Несколько тысяч, — незнакомец усмехнулся. — На это я плюнул бы. Видите эту банковскую расчетную книжку? Она стоит больше, чем шестиэтажный дом, чем весь этот пароход.

— В чемодане у вас тоже что-нибудь есть?

— В чемодане? Гм... — пассажир сразу подтянул его поближе и, словно защищая, облокотился на замок. — Моя жизнь обеспечена, и я

теперь хочу почить на лаврах.

— Вы остановитесь в Англии?

— Нет, там нечего делать. У меня грандиозные планы. Я поеду в Южную Америку, куплю имение, два имения. Тысячи голов скота, сотни рабочих. У меня будет собственный замок, верховые лошади, автомобиль и черт его знает что еще. Может быть, я стану промышленником, построю фабрики, куплю рудники.

— А вас... там не будут разыскивать?

— Это далеко. Здесь, в Архангельске, не смогли найти, а за морем и подавно.

Бутылка опустела, ужин съеден. Пассажиру захотелось спать. Бессвязно побормотав еще некоторое время, он заснул, согнувшись над чемоданом. Он охранял его и во сне, обнимая обеими руками, словно невесту.

Напротив него на углях сидел кок, не спуская глаз со спящего. О корпус парохода бились волны; внизу, в кочегарке, слышался лязг лопат, стучали кочерги, звякали топочные дверцы. Наверху и в междупалубном пространстве стояла тишина. Сонно сопел охмелевший человек. У кока от дум закружилась голова.

Расчетная книжка и маленький чемодан!.. Много, много денег! Только двое знают об этом «зайце». А сейчас ночь.

На следующий день вечером Зирдзинь опять сложил еду в корзинку и подождал, пока Матисон придет за горячей водой для мытья посуды.

— Снеси-ка приятелю. И передай, что мы кормим его, как самого капитана. Если он и тогда не поймет, что надо делать, так лучше бы сидел на берегу.

Матисон знал: у Зирдзиня на уме увеличение платы, но он не вмешивался в расчеты — прибавит или не прибавит, все хорошо. Триста рублей — деньги. Улучив удобный момент, когда на палубе никого не было, Матисон пробрался к бункерному люку и спустился в междупалубное пространство. Зажег карманный фонарь и перелез через груды угля к тайнику.

— Алло!

Ответа не было. Пассажир, вероятно, спал. Отодвинув в сторону куски угля. Матисон спустился вниз, в темное углубление. Там было пусто.

Незнакомец исчез, а вместе с ним все, что указывало на присутствие здесь тайника. Обе тяжелые крышки люков оказались перенесенными через все междупалубное пространство к левой двери (Матисон позже их там обнаружил); окурки, остатки еды, корки хлеба и бумажки — все было убрано, углубление наполовину засыпано углем. Может быть, при качке парохода уголь обвалился и засыпал спящего беглеца? Матисон принялся за работу и раскопал уголь до пола. Нет, там никого не было.

Может быть, незнакомцу стало скучно, и он решил пройтись по междупалубному пространству?

Матисон оставил корзинку с едой в тайнике и обошел весь бункер. Он знал здесь каждый уголок, все ходы и закутки и обшарил всюду, где только можно было пролезть человеку. Все оказалось напрасным — незнакомец исчез.

Это было странно. Если б даже ему надоело сидеть в темноте, он никогда не осмелился бы сменить свое местопребывание. Если бы кто-либо обнаружил его, об этом знала бы уже вся команда — о таких делах не принято молчать. Матисон пошел к коку.

— Ну, все в порядке? — равнодушно спросил Зирдзинь. — Что он сказал про блинчики?

— Он исчез, Зирдзинь, — смущенно прошептал Матисон. — Его нигде нет.

— Иди ты? — удивился кок. — Куда, к дьяволу, он мог провалиться? Не упал ли в боковой бункер? У вас там лючок постоянно открыт. Я сам однажды чуть не свалился.

— Нет. Я уже спускался вниз.

— Странно.

— Что же теперь делать?

— Подождем, может быть, где-нибудь найдется. Стоп! А если он действительно прячется, чтобы ускользнуть от расплаты?

— Но ему же нечего есть.

— Есть? Ха, ты думаешь, он все съедал, что мы приносили? Это тонкая штучка, голыми руками не возьмешь. Подкопил запасы, ознакомился с пароходом, а мы теперь остались в дураках.

— Не верится.

— Но что же в таком случае могло быть? Взбесился и прыгнул в море? Может, конечно, и это быть, прошлой ночью сильно качало.

— Зирдзинь, может, ты все же что-нибудь знаешь? — Матисон пристально взглянул на кока.

— Глупости болтаешь! Что я, колдун какой, что ли? Цсс! Мальчишка

идет. Уходи и держи язык за зубами.

Так и осталось. Пассажир исчез. Напрасно Матисон обшаривал все уголки. А Зирдзинь? Тот вообще не любил говорить об этом и велел Матисону молчать:

— Может быть, произошло несчастье? В наших интересах, чтобы никто об этом не знал.

Матисона мучила страшная догадка, но, так как у него не было никаких улик, он молчал.

И вот однажды под вечер, за полчаса до захода солнца, примерно в двадцати морских милях от «Таганрога» появилась немецкая подводная лодка. Капитан Озолинь только что уселся за ужин, как первый штурман прислал к нему матроса. Озолинь немедленно распорядился изменить курс и быть готовыми ко всяким случайностям. В спасательные шлюпки снесли провиант и пожитки моряков, кочегарам послали подкрепление, «Таганрог» развил самую большую скорость, на какую был способен, — двенадцать узлов. Началось отчаянное состязание с противником в скорости. К счастью для «Таганрога», была пасмурная погода. Если до захода солнца подводная лодка не сумеет догнать пароход, наступающая темнота поможет ему исчезнуть с глаз преследователей.

Весь экипаж, за исключением команды машинного отделения, находился на палубе. Все говорило за то, что подводная лодка нагонит пароход, и, тем не менее, люди на что-то надеялись. Они с волнением, не отрывая глаз, смотрели на море, на заходящее солнце и на серый призрак, неотступно следующий за «Таганрогом». И вот, наконец, солнце село, и зарево заволочли кучевые облака. Тени на воде слились с сумраком небосклона, темнее стала глубоко избороденная поверхность волн.

На подводной лодке вспыхнул сигнал Морзе: «Остановить пароход!»

Больше всех переживал Зирдзинь. Он бегал как помешанный из каюты на палубу, с палубы в каюту.

— Боже мой, боже мой! И что только будет? Господин штурман, неужели нас в самом деле торпедируют? Господин капитан, а эти спасательные пояса надежны? Они удержат меня на воде? Матисон, милый, иди помоги! Иди помоги!

Он увязал вещи в огромный морской мешок. Белье и одежду не взял, оставил обувь, новое пальто, но, завернув что-то прямоугольное в простыню, положил в мешок на самое дно. Матисон видел, как у него шевелятся губы: Зирдзинь читал молитву.

— Я дурной человек, я знаю, ради меня ты не пощадишь пароход. Но здесь много хороших людей. О, вспомни, как было тогда у Содома и

Гоморры, когда у тебя спросили: «А если там окажется один праведный?»

Что это? Какой яркий свет! Ведь не утро же наступило! Нет, это прожекторы. Два, три прожектора. Что? Подводная лодка больше не преследует? Уходит? Английские крейсеры?

— Эй, гнида, где ты был, когда тебя искали? — вдруг заорал Зирдзинь на юнгу. — Сию минуту убери каюту! Пентюхи жалкие, испугались одной прусской лодчонки! Стоят, как мешочники, со своим барахлом на палубе. Я еще и подумать о таких вещах не успел. О!

Да, Зирдзинь казался несокрушимым, как скала. Только Матисон, слышавший его молитву, был о нем другого мнения. И когда улеглось волнение и спасенный пароход снова стал идти своим курсом, Матисон отыскал первого штурмана. Трюмный долго что-то ему рассказывал. Потом к ним подошел второй штурман, и все они — трое молодых людей — совещались о четвертом, и Волдис Гандрис в конце концов сказал:

— Да, на этом мы его поймаем. Предоставьте все мне. Этот верзила несколько не лучше старой бабы. Ингус, помнишь, как я тогда в местечке...

— Когда ты думаешь этим заняться? — спросил Ингус.

— Завтра под вечер. А ты, Матисон, делай вид, что ничего не понимаешь.

На этом они расстались. Зирдзинь и не подозревал, какую ловушку готовил ему первый штурман «Таганрога» — веселый парень, шутки которого иногда могли быть и вполне серьезными.

6

На следующий день на пароходе творились странные вещи. Несмотря на прохладную погоду, кок Зирдзинь обливался потом и очень здорово потерял в весе. Поводом к этому послужили обстоятельства, о которых до вечера никто не догадывался.

Утром, приняв вахту в угольном трюме, Матисон уже через полчаса выбежал на палубу и разыскал Зирдзиня.

— Кажется, я теперь знаю, где он, — шепнул Матисон.

— Кто он? — ворчливо спросил Зирдзинь, помешивая угли.

— Тот беглец, наш пассажир, — продолжал Матисон. — Я сейчас работал в междупалубном пространстве. Вдруг слышу, в глубине в углу кто-то постукивает. Не то царапает стену, не то стучит. А то вдруг завздыхает, застонет. Я перепугался да бежать. Пойдем вместе послушаем.

— Я? — с трудом выдохнул Зирдзинь, заметно струсив. — Мне

некогда, надо обед заправлять.

— Как же быть? — Матисон казался очень озабоченным. — Там такая темень, что с коптилкой ничего не увидишь, а он стучит. Похоже, что он забрался в танк для воды. Может быть, посоветоваться с офицерами?

— Рехнулся, что ли? Этого еще не хватало! — всполошился Зирдзинь. — Хочешь нас обоих погубить? Еще неизвестно, что это за шум, может, просто крысы.

— Дай бог, чтобы это оказались крысы. Прямо нехорошо делается, когда слышу. Мне даже показалось, что он кого-то зовет, только не разобрал я. Ей-богу, Зирдзинь, здесь что-то неладное. Постой! Ты слышишь!

Нет, Зирдзинь не слышал, как, впрочем, не слышал и Матисон. Да ему и не нужно было, чтобы кок слышал. Возвращаясь в бункер, он убедился, что желаемое достигнуто: Зирдзинь встревожился, теперь в голове у него засела эта мысль.

Некоторое время спустя, когда кок вошел в каюту и лег на свою койку, произошло новое непонятное явление: под полом раздался стук. «Тук... тук... тук...» Пауза. Затем опять этот жуткий таинственный стук. Лицо Зирдзиня покрылось крупными каплями пота. Он спрыгнул с койки и начал греметь посудой в камбузе. Грохотал металлическими банками, открывал и закрывал дверцу плиты, переставлял котлы и сковороды, кашлял, ругался, фыркал, стучал башмаками так, что в этом шуме потонули все остальные звуки. Но вот ему понадобилось взять муку для подливки, и на минуту в камбузе стало тихо. И, словно ожидая этого, из-под пола камбуза послышался троекратный стук.

— Жара, как в пекле, чертовская жара, — бормотал кок, отирая мокрый лоб.

Потом стук прекратился, и до самого обеда его не было слышно. Но в двенадцать часов, когда команда пришла в камбуз за обедом, он возобновился, и на этот раз на него обратил внимание даже кто-то из матросов.

— Кто там стучит?

«Тук... тук... тук...»

— Наверное, насос грохочет, — высказал предположение дункеман. — Сейчас как раз качают воду в котлы.

Это объяснение удовлетворило всех, за исключением Зирдзиня. Раздав людям обед, он, как обычно, пришел в каюту и лег на койку, но странный стук сразу же возобновился, и сон как рукой сняло. Кок встал, закрыл на ключ дверь и начал бормотать слова молитвы. Неизвестный продолжал стучать. Зачем он стучит, что предвещает его стук, несущийся из темноты?

Что ему нужно?

Наконец, стук прекратился. Через некоторое время из кубрика пришел Матисон.

— Нет, Зирдзинь, я этого не вынесу! — пожаловался он. — В междупалубное пространство больше нельзя показываться. Мало того, что он царапается и вздыхает, — он начинает говорить.

— Что он сказал? — Зирдзинь повернул к Матисону страдальческое лицо. — Ты что-нибудь разобрал?

— Давеча, когда я перевозил в тачке уголь в боковой бункер, я вдруг почувствовал, что на меня кто-тодохнул холодом. Оглянулся — никого. Я крикнул: «Эй, кто тут, выходи, покажись!» И знаешь, что он сказал? «Не успеет кончиться сегодняшней день, как вы меня увидите. Близок роковой час одного человека». Да, и знаешь еще что, Зирдзинь?.. Наши кочегары рассказывают, что видели коричневый уголь, который я будто бы привез в тачке из междупалубного пространства. Некоторые куски, говорят, совсем мокрые. Самойлов котел даже один кусок показать чифу. Я кое-как отговорил его, но нельзя ручаться, что он все-таки не покажет. Что ты на это скажешь?

Зирдзинь сидел на краю койки, онемев от страха, тупым взглядом уставившись в пол. Не дождавшись ответа, Матисон ушел. В течение дня таинственный стук несколько раз возобновлялся, но потом прекратился. Зирдзинь совсем раскис и попросил стюарда дать ему порошки от головной боли. Уже под вечер, перед самым заходом солнца, его позвали в салон, чтобы посоветоваться насчет меню на следующий день. На палубе еще не были зажжены огни. В сумерках Зирдзинь заметил спускающегося с мостика капитана. Второй штурман был на вахте, а около ящика с золой, облокотившись на фальшборт, стояло несколько матросов. Зирдзинь хотел пройти мимо, но один из них задержал его.

— Зирдзинь, постой-ка, мне надо тебе кое-что сказать! — громко крикнул он, схватив кока за локоть.

— Говори скорей, мне некогда.

— Да мне только на пару слов... Что это? — матрос вдруг выпустил локоть Зирдзиня и, притворяясь испуганным, показал на открытый люк междупалубного пространства.

Зирдзинь повернулся. В люке показалось чье-то мертвенно-бледное лицо, затем плечи, туловище, закутанное в белый саван. Жуткая фигура медленно поднялась на палубу; придерживая одной рукой саван, другой словно нащупывая дорогу, она приблизилась к Зирдзиню.

— Верни мне жизнь, — послышался загробный голос, и вытянутая

рука коснулась кока. — Верни мне жизнь!..

Зирдзинь закричал не своим голосом и с не свойственной его росту прытью метнулся в сторону. Широко раскрыв глаза, в ужасе смотрел он на привидение, медленно следующее за ним. Он крестился и отмахивался от него руками.

— Боже мой, помогите! Помогите, люди добрые!

— Что здесь происходит? — крикнул капитан.

Зирдзинь подбежал к капитану, дрожа, прижался к нему и, словно утопающий, вцепился в него обеими руками.

— Спасите, капитан, не дайте ему увести меня! Он явился за мной! Милый капитан, у вас есть револьвер, стреляйте в него, не отдавайте меня! Я вам все, все расскажу!

Привлеченные шумом, на палубу вышли любопытные. Странная белая фигура, причитающий кок и револьвер в руках капитана привели в смущение даже самых серьезных людей. Увидев, что инцидент может кончиться плачевно, Ингус спустился с мостика и что-то шепнул капитану. Озолинь спрятал оружие в карман и постарался освободиться от Зирдзиня.

— Ну, говори же, почему я должен тебя спасать? Что ты натворил? Что он хочет от тебя?

— Мою жизнь, капитан! — простонал Зирдзинь. — Не уходите, не оставляйте меня. Все расскажу, только не подпускайте его ко мне.

«Привидение» остановилось посреди палубы и пристально следило за коком.

— Даю тебе минуту времени. Расскажи, что ты со мной сделал, иначе я заберу тебя с собой.

Воцарилась глубокая тишина, нарушаемая только тяжелым сопением Зирдзиня. Наконец послышался бессвязный, полубезумный бред:

— В междупалубном пространстве, в самой глубине, у стены машинного отделения... Я его спрятал... Матисон и я... Ночью носил еду... У него было много денег, целый чемодан... Он напился и заснул. И я взял лопату... Он был убит на месте... Но ведь я его бросил в море еще там, у Нордкапа. Почему он не остался у Нордкапа? Капитан, скажите же ему, чтобы он уходил.

— Куда девал деньги? — спросил капитан, опять нащупывая револьвер.

— В каюте, в мешке — все до копейки целы! Я ничего не тронул.

— Позовите Матисона, — приказал капитан.

Матисон уже явился сам.

— Это правда, что рассказывает Зирдзинь?

— Да, господин капитан, мы везли «зайца». Но потом он вдруг бесследно исчез.

— Значит, ты его убил? — спросил Озолинь у Зирдзиня.

— Выходит, так, господин капитан. Он скончался на месте. Деньги, маленький чемодан, в моем морском мешке.

— Принесите мешок Зирдзиня!

Мешок принесли. В самом низу, завернутый в простыни и старую спецовку, лежал маленький чемодан. Замок был сломан.

— Люди! — обратился капитан к присутствующим. — Запомните, что вы сейчас слышали и видели. Вам придется быть свидетелями на суде. А теперь, боцман Зирнис, наденьте Зирдзиню наручники и закройте его. Вы арестованы, Зирдзинь! А вам, господин призрак, я весьма признателен за остроумную услугу. Прошу вас перевоплотиться в обыкновенного смертного.

— Слушаюсь, господин капитан, — «привидение» сбросило простыню и вытерло лицо. Задыхаясь от злобы и стыда, Зирдзинь увидел перед собой первого штурмана.

— Проклятый, так это ты меня разыгрывал! — заревел кок, порываясь к Волдису. — Я из тебя сделаю настоящее привидение!

Но ему не пришлось осуществить своей угрозы, его крепко держали три пары железных рук.

— Не брыкайся, Зирдзинь, твоя песенка спета!

Так кончилась эта история. Кока заперли, и до самого прибытия в Англию у его темницы дежурил вооруженный матрос. В маленьком чемодане лежала расчетная книжка Английского банка на десять тысяч фунтов стерлингов и несколько тысяч наличными деньгами. Убитый оказался широко известным уголовным преступником, которого давно разыскивала русская полиция. Зирдзиня привезли в Россию и судили в Архангельске. Его приговорили к восьми годам каторжных работ. Матисона оправдали, но на «Таганроге» он не остался. В бункер, где произошло убийство, ему было страшно спускаться. О маскарадном трюке Волдиса Гандриса в свое время было очень много разговоров среди моряков, об этом писали даже в газетах, но мальчишеская выходка нисколько не поколебала установившейся за ним доброй славы.

Глава пятая

1

Вечером в пятницу «Таганрог» пришвартовался в манчестерском доке. Капитан сообщил в соответствующие органы о Зирдзине, и на пароход немедленно явился полицейский комиссар. После допроса экипажа Зирдзиня отвезли на берег и заключили в тюрьму, чтобы несколькими днями позже с попутным русским судном отправить в Россию.

По ряду причин Ингус в тот вечер не пошел на берег. Во-первых, идти к Мод было уже поздно, во-вторых, еще не получены деньги, а он по опыту знал, что к этой девушке нельзя являться с пустым карманом. О последнем обстоятельстве он избегал думать и рассердился бы, если б кто-нибудь ему об этом намекнул. Мод и деньги! Она была Мод, прекрасная, милая, самая нежная, и если даже после каждой встречи с ней в кармане делалось просторнее, то в этом нельзя обвинять ее. Ведь она ничего не требует. Просто самому хочется тратиться, доставить ей приятное. И если у тебя нет денег и потому ты после шести месяцев разлуки торчишь весь вечер на судне, то это просто твой каприз.

Торговый агент принес почту. Ингус получил два письма — от Лилии и от Янки.

Лилия писала:

«В этом году хороший улов. И на рыбу такие цены, просто страшно. Мама считает, что нужно было бы купить хутор нашего соседа Клуги. Ты уже, вероятно, забыл — это старый дом с черепичной крышей, большой сарай, хлев и несколько пурвиет земли. Его можно довольно дешево купить. Но Фриц на военной службе, и я не знаю, как мы сможем справиться с двумя хуторами. Из тебя ведь тоже хозяина не выйдет. Но если ты считаешь, что иметь собственность не мешает, я скажу отцу, пусть покупает. У Клуги хороший яблоневый сад и рядом море — довольно приятный уголок. У меня дома много работы, я ведь теперь почти хозяйка: мать больше занимается рыбой и рынком. Да так оно и лучше — мало свободного времени и некогда скучать. Хорошо бы получать от тебя письма подлиннее, если, конечно, у тебя на это есть время и желание. И пришли свою фотографию, хочется посмотреть, каким ты теперь стал англичанином...»

Милое, бесхитрое сердце. Она живет мыслями о завтрашнем дне, мыслями о тебе и о какой-то далекой мечте. Дом на берегу моря, несколько пурвиет земли и яблоневый сад, где моряк может отдохнуть после далекого рейса. Ты делаешь прививки на молодые деревца, для возбуждения аппетита копаешь грядки, и на твоём дворе высится мачта с реями и парусником на вершине — так же, как в Зитарах. Со своего балкона ты любишь синими водами залива, где виднеются парусники, покачиваются на волнах рыбацкие лодки и в тумане гудят пароходные сирены. Изредка, пока ты ещё молод, уходишь в плавание, потом остаёшься на берегу, посасываешь длинную трубку и рассказываешь мальчуганам о ветрах, которые называются пассатами, и теплых странах, где растут банановые деревья. И у тебя есть гнездо, есть нежный друг, который натрет спину, если тебя мучат боли в пояснице, — он ничего не требует, разреши только ему находиться рядом с тобой.

Так можно было думать, когда образцом служил отец, и так можно будет думать, когда тебе перевалит за сорок. Сейчас же ты живёшь в шумных доках сегодняшним днём, ждёшь наступления утра, когда капитан принесёт деньги, и ты пойдёшь на Маркет-стрит, к той, которая тебе ничего не обещает. И чтобы ночь не казалась такой долгой, ты пишешь письмо на двух-трех страницах: бумага стоит недорого, а кое-кому оно доставит радость. И возможно, ты не лжешь ей, ведь сердце человеческое обширно — там хватает места многим. Ты говоришь «милая Лилия», и так оно и есть на самом деле. Ты загорался, возможно, воспламенишься и опять, бежал и вернулся; Гольфстрим жизни струится и вдоль прохладных, и вдоль жарких берегов. Как поётся в песне о вольной морской птице чайке?

О, белая чайка, о, дикая чайка,
Искришься радостью ты...

Ты тоже похож на эту счастливую, радостную птицу. Устав летать, ты возвращаешься на берег и отдыхаешь на песчаных отмелях.

Ночь тянется бесконечно долго, ещё бесконечней будет грядущий день. Почему тебе не спится? Ты пишешь одно письмо, затем другое — своему маленькому брату, такому же мечтателю, как ты. Ты ежемесячно посылаешь ему деньги, чтобы он мог посещать школу, и сердись на него, что он благодарит тебя за такие пустяки. Благодарить за деньги! Какой абсурд! Тогда ведь и Мод... Благодарность — тень радости. Почему мы не можем делать приятное своим друзьям, не затрудняя их выражением

чувств благодарности?

Два часа ночи. В доках тишина. Судно уснуло. Только ты один, словно призрак, не спишь и гредишь наяву. А жаль, что ты сейчас один. Надел бы ты на плечо гармонь, свой новый, замечательный инструмент, купленный после гибели «Пинегги». Это настоящий маленький орган с чистым, нежным звуком, и ты играешь на нем, как редко кто умеет. Если бы ты не стал штурманом, ты был бы музыкантом, играл бы в портах, на судах, в матросских кабаках. В твою шапку кидали бы деньги, тебя приглашали бы к столам, возможно даже, у тебя была бы маленькая обезьянка или собака, умеющая ходить на задних лапах. Но к Мод Фенчер ты не пошел бы с гармонью. Сколько стоят эти серьги? Восточная чадра?

Вечером в семь часов на Маркет-стрит...

2

Он встретил Мод на лестнице. Она была с подругой. Поднимаясь по ступенькам, Ингус увидел их впереди. Девушки не замечали его, пока им не пришлось посторониться, давая дорогу. Навстречу шла совсем не та Мод, какую он привык видеть. Ее подруга щебетала и смеялась, а лицо Мод кривилось в презрительной усмешке. Она сердито бросала подруге какие-то резкие слова. У нее был усталый, мрачный взгляд, в голосе слышались непривычные, по-мужски грубые нотки. Похоже было, что подруга чем-то раздражает ее.

Ингус громко откашлялся и загородил девушкам дорогу.

— Добрый вечер!

Мод кинула на него косой, почти враждебный взгляд, затем, всмотревшись пристальнее, вдруг преобразилась. Морщины разгладились, презрительно сжатый рот принял более мягкие очертания, брови поднялись кверху — в один миг ее лицо приобрело то кроткое выражение, которое пленило Ингуса полгода назад.

— Вы! Какой сюрприз! — и голос Мод тоже зазвучал по-прежнему, фигура стала снова по-девичьи стройной, она даже чуть-чуть покраснела.

Присутствие подруги наложило на первые минуты свидания отпечаток сдержанности. Ингусу пришлось удовольствоваться рукопожатием и дружеской улыбкой. Мод поспешила познакомить его с Долли Колстоун — так звали ее сослуживицу, худощавую узкоплечую брюнетку с маленьким лицом. Разговаривая, она все время улыбалась, и ее руки никогда не оставались в покое. Очевидно, зная кое-что об Ингусе со слов Мод, она с

нескрываемым любопытством смотрела на моряка, хотя он уделял ей ровно столько внимания, сколько требовало приличие.

— Я вас не задерживаю? — спросил Ингус.

— Нисколько, — отрицательно покачала головой Мод. — Мы собрались пойти к портнихе. Но это можно отложить, не правда ли, Долли?

— Я схожу на примерку одна, — поспешно согласилась Долли. — Скажу, что ты сегодня не можешь прийти.

— Тогда желаю счастливого пути. Передай всем привет от меня и скажи, что я передумала.

Ингус понял: своим появлением он помешал, и Мод должна от чего-то отказаться. Он почувствовал гордость, видя, как ради него девушка отказывается от намерения пойти с подругой, и в тоже время не хотел жертв. И он сказал, не сознавая, что этим лишает себя возможности провести долгожданный вечер с Мод:

— Я зашел мимоходом. Мне вечером нужно быть на судне, сегодня я дежурный офицер.

— В таком случае... — начала было Долли, но запнулась, встретив повелительный взгляд Мод. — Ну, хорошо, я пойду.

Она поспешно простилась и ушла.

Мод повернулась к Ингусу и насмешливо улыбнулась.

— Вы думаете, я вам поверила?

— Вы совершенно напрасно нарушили свой план и испортили вечер себе и друзьям, — ответил Ингус.

— Вы хотите сказать, что мне совсем не нужно было идти к портнихе? — Мод сделалась серьезной.

— Так же, как мне дежурить на судне сегодня вечером.

— Вам не кажется, что это звучит невежливо?

— Безусловно, если бы это было сказано незнакомому человеку. Но друзья, по-моему, имеют право на откровенность. Впрочем, может быть, я ошибаюсь, считая вас другом? Тогда все становится понятным, и мне остается только откланяться.

Он поднял фуражку, слегка поклонился и стал спускаться вниз. «Как глупо и театрально, — думал он. — Пришел к любимому человеку с самыми искренними чувствами и поссорился из-за пустяка. Каким иногда бываешь идиотом!»

Сознавая комизм положения, понимая, что его поступок бессмыслен, он все же не желал ничего исправлять. Мод лжет. Кто сознательно позволяет обманывать себя, тот трус и простофиля — он заслуживает сожаления и в том, и в другом случае. Правильно, Ингус, ты поступил по-

мужски. Это доказывает, что ты еще не совсем запутался в юбках этой женщины. Тверже шаг и не оглядывайся, чтобы она не подумала, что ты чего-то ждешь от нее. Сейчас должно выясниться, кем ты для нее являешься.

Ступенька за ступенькой, площадка нижнего этажа, поворот за шахту лифта.

— Генри!

Не оглядывайся, ты ничего не слышал. Мелкие торопливые шаги.

— Генри!

Ингус повернулся, ожидая приближения Мод. «Победа... Победа...» — выстукивало сердце, и этого было достаточно. Он не признавался себе в том, как ничтожна эта победа и что, если бы в Мод говорило настоящее чувство, она бы так не поступила.

— Вы сердитесь? — спросила она, положив руки ему на плечи. — Я ведь только пошутила. Как вы можете такие пустяки принимать всерьез?

— Какое право имею я, чужой человек, сердиться? — возразил он, но в голосе его ясно слышались огорчение, радость, тоска влюбленного.

— Вы действительно так думаете? — теперь была огорчена Мод. Она отвернулась, словно для того, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы.

«Неужели он в самом деле так любит меня?» — думала Мод.

«Неужели я ее действительно обидел?» — спрашивал себя Ингус.

Он мягким движением взял ее одной рукой за локоть, другой бережно обнял и поцеловал золотистый узел волос.

— Мод... забудем все эти глупости, будем такими, как прежде. Куда мы сегодня вечером пойдем?

Постепенно, с необходимой в подобных случаях медлительностью, она оттаивала, потом повернулась к Ингусу и улыбнулась сквозь слезы — ей на самом деле удалось выжать из каждого глаза по слезинке. И это придало ей такой прелестно-беспомощный вид, что Ингус совсем потерял голову. Он целовал пальцы Мод, шептал нежные слова, тогда как ее безвольный стан все доверчивее и ближе склонялся к нему. Ингус властно и смело привлек Мод к себе, крепко поцеловал в губы и затем отпустил, словно очарованную птицу, зная, что она никуда от него не улетит.

Мод оправила одежду, лукаво, с дружеским упреком улыбнулась ему и произнесла:

— Пойдем наверх. Здесь нельзя...

Ингусу показалось, что он наконец сломал преграду, которая до сих пор разделяла их. Но наверху, в комнате Мод, где все оставалось таким же, как полгода назад, где нужно было разговаривать вполголоса и где

постоянно сковывала близость посторонних людей, его вновь охватили сомнения.

— Я предложила бы вам чашку чаю, но не держу дома таких вещей, — так же, как и в первый раз, произнесла она.

— Если бы вы не сочли это неудобным, мы могли бы пойти в ресторан, — ответил он.

Немного посидев, они отправились в ресторан, но, так как еще не наступило время ужина, они завернули в кино. Все повторилось с той же последовательностью, только во всем этом не хватало первоначальной свежести.

После ресторана Мод создалась, что собиралась сегодня вечером поехать со своими знакомыми в маленький приморский городок у Моркамбского залива и провести там весь завтрашний день.

— А что, если нам завтра поехать туда? — предложил Ингус.

— Не стоит. В нашем распоряжении останется всего лишь четыре часа. Лучше поедem туда в следующее воскресенье. Вы ведь еще пробудете в порту?

— Как будто да.

На следующий день — это было воскресенье — они поехали за город, сошли с поезда на какой-то станции и до вечера гуляли по окрестностям. Там были крестьянские фермы, стада овец, пасшиеся на склонах зеленых холмов, маленький промышленный городок и много фабрик. Самым красивым местом оказалось кладбище городка. Многочисленные памятники были расположены в цветущем саду, и по краям аллей тянулся искусно подрезанный кустарник. Вчерашний случай был предан забвению. Чем дальше они гуляли, тем покорней и смиренней становился Ингус. В руках Мод он делался инструментом, из которого она могла извлечь любые звуки. Чтобы обуздать Ингуса, достаточно было одного ее взгляда, и он слушался, сам не сознавая этого. Мод играла им, заставляла загораться и обдавала холодом, влекла и отталкивала — у него больше не было собственной воли.

Однажды она допустила маленький промах. Во время обеда в маленькой гостинице служанка подала им десертные тарелки. Мод заметила на краю тарелки соринку и велела подать другую. Не ограничиваясь этим, она осмотрела и стаканы и попросила переменить скатерть. Все претензии она выражала в таком резком тоне, что служанка совсем растерялась. Ингус почувствовал себя неловко и весь обед просидел молча. Ему было стыдно перед служанкой, он чувствовал себя виноватым за поведение Мод. В этот момент Мод показалась ему неприятной и чужой.

Нужна была еще какая-нибудь мелочь, чтобы он, наконец, увидел ее в естественном виде, без ореола одухотворенности, созданного им самим, — и на этом все было бы покончено. Но Мод сразу поняла, что ее акции падают, и угадала причину этого. Она больше не фыркала и, словно оправдываясь, пояснила:

— Такова наша провинция. Вы еще не знаете ее.

Но Ингуса долго не оставляло неприятное чувство, и порою он ловил себя на странных мыслях: «Стоит ли?.. Что, в конце концов, представляет собой Мод? Что Мод нужно от меня? Если бы у меня не было денег...» Ему казалось, что Мод просто использует его.

Но она уже начала борьбу за утерянные позиции, с изумительной ловкостью пуская в ход все женское лукавство и обаяние. И Ингус вскоре почувствовал еще большее влечение к ней.

Были ли у них общие духовные интересы? Вряд ли. Если и были, то лишь самые незначительные. Тут преобладала слепая страсть. И, вероятно, поэтому молодой Зитар не мог освободиться от этой связи. Это было рабство, самоунижение, издевательский деспотизм самки, которому Ингус добровольно подчинился. Поцелуй Мод, ничего не стоящий звук, издаваемый губами, в котором не чувствовалось сердечного тепла, казался ему божественным даром, и за него он готов был жертвовать всем, даже своим человеческим достоинством — самым ценным, что мы имеем. И если бы она хоть понимала это!

Вернувшись на судно, Ингус словно очнулся после сильного опьянения, и его начало мучить моральное похмелье. В присутствии Мод он был в состоянии думать только о ней, о ее близости; она его подавляла, делала счастливым, разжигала и все сильнее влекла к себе. Разлученный с Мод, наедине, он чувствовал себя внутренне свободнее. Рассудок искал недостатки в Мод. Ингус брал под сомнение те ее достоинства, из-за которых терзался в тоске, и порой в его сознании мелькало что-то похожее на презрение к себе за свои слабости. Десятки раз он мысленно возводил эту женщину на пьедестал и повергал на землю, и тогда рядом с ней он казался себе великаном. А потом снова окружал ореолом это обыденное существо и преклонялся перед созданным им кумиром, чтобы в следующий момент развеять его в прах. Но одна крайность была такой же ошибочной, как и другая. Во время приступов нравственных терзаний он мог как

угодно презирать Мод, но освободиться от ее чар был не в состоянии. И, чтобы капитуляция не казалась такой позорной и чтобы хоть сколько-нибудь сохранить свое достоинство, он раз и навсегда признал, что Мод неотразима. «В семь часов на Маркет-стрит!» — это был лейтмотив, который теперь неотступно звучал в личной жизни и работе Ингуса, пока судно стояло в солфордских доках.

— Господин капитан, нельзя ли мне получить немного денег? — такие просьбы с небольшими интервалами возобновлялись несколько раз в неделю.

Ингус посещал Мод каждый свободный от вахты вечер, всегда нетерпеливый перед свиданием и разочарованный после него. Штурманского жалованья еле хватало на вечерние расходы. Мод высказывала желания, и Ингус Зитар должен был выполнять их. Порой приходилось занимать фунт-другой у Волдиса. Но когда друг как-то раз шутя поинтересовался, что это за гиена, которая так основательно опустошает его карманы, Ингус рассердился и два дня не разговаривал с Волдисом. Заметив, что подобные шутки раздражают Ингуса, Волдис продолжал его дразнить, пользуясь правами дружбы. Он по-всякому разрисовывал таинственную Дульсинею ^[69], предсказывал самый пошлый и нелепый конец романа, неоднократно напоминал другу о непомерных расходах (чего Ингус не мог отрицать) и, в конце концов, привел его в совершенную ярость.

Но все это не давало желаемых результатов и не излечивало от слепой любви. В минуты протрезвления Ингус сам понимал, что от любовного яда может помочь только сильное противоядие. Если бы рядом с Мод находилось какое-нибудь другое милое, светлое существо — обаяние Мод померкло бы. В такие моменты ему вспоминалась Лилия. Но она была далеко, письма приходили с большими перерывами, и, какими бы они ни казались дорогими и желанными, слова не в состоянии были воскресить свежесть чувств. Ингус должен был бороться один.

Возможно, Волдис относился бы безразлично ко всему, что происходило с Ингусом, будь они просто товарищами по работе, земляками, случайно встретившимися на пароходе. И если он теперь не выпускал его из поля зрения и не относился равнодушно к тому, что этот бодрый, жизнерадостный юноша превращался в унылого меланхолика, то это следовало отнести и за счет их давнишней дружбы, и за счет другого обстоятельства, которое Волдис скрывал от Ингуса, так же как тот скрывал от него все, что касалось Мод Фенчер: Волдис небезразлично относился к Эльзе Зитар. Они переписывались, обменивались фотографиями и так или

иначе давали друг другу понять, что это не просто флирт, а нечто более серьезное. Волдис, правда, еще не уточнил себе, чего, собственно, он добивается этой перепиской, еще меньше думала об этом Эльза, но Волдис, во всяком случае, считал себя ответственным перед ней за судьбу Ингуса.

Он не жалел о том, что Ингус тратит жалованье на удовлетворение прихотей незнакомой женщины, он даже мысленно не упрекал Ингуса за эту связь (упаси бог в возрасте двадцати пяти лет сделаться моралистом и опекуном!), но он понимал, что его друг попался в сети какой-то эгоистичной, алчной и недостойной женщины. Предоставить его судьбе, отдать этому вампиру в жертву лучшего друга — этого он не мог допустить.

Но чем помочь Ингусу? — Возбудить в нем сомнение, заставить переоценить ценности? Он уже пытался это сделать, но безрезультатно — Ингус замкнулся в себе, и его уже нельзя было никакими способами вызвать на откровенность. Вся беда в том, что Ингус не умел критически относиться к жизненным явлениям; он все чувствовал и воспринимал слишком страстно, не знал середины и неопределенности.

Условия жизни моряка обычно помогают ему прийти к правильным выводам и более глубокому пониманию своих чувств. Благодаря периодическим разлукам, пребыванию в одиночестве легче становится рассеять все искусственное, надуманное и вернуть себе моральную свободу, если это необходимо. Не так выходило у Ингуса. В нем разлука гасила даже те еле заметные искорки сомнения, которые появлялись у него в присутствии Мод; находясь вдали от нее, он переставал видеть ее недостатки и всякий раз, возвращаясь к ней, уже заранее мысленно шлифовал ее, словно драгоценный камень. То, что для другой явилось бы минусом, для Мод было плюсом.

Весь сезон навигации 1915 года они курсировали между Архангельском и Англией. В Архангельск съехалось много латышей — целая колония. Многие из них работали в порту и на лесопильных заводах, другие плавали на ледоколах: Если добавить к этому моряков, которых немало было почти на каждом прибывавшем в Архангельск пароходе, то можно сказать, что это было обширное и пестрое общество латышей. Чувствуя себя в изгнании, оно держалось более сплоченно, чем на родине, каждый вновь появившийся земляк казался дорогим родственником.

Волдис, по своему обыкновению, быстро освоился с жизнью этой латышской колонии, после каждого рейса разыскивал земляков, тащил с собой Ингуса в надежде, что тот среди здешних земляков найдет кого-нибудь, кто заставит его забыть манчестерское наваждение. Напрасно.

Ингус всецело был поглощен Мод, и никто другой не мог пробудить в нем новых чувств. Мало удовольствия испытывали земляки от общества бравого штурмана. Занятый своими мыслями, он скучал в самом веселом обществе. Наконец, Волдис предоставил Ингуса самому себе.

— Ты дохлая курица, больше ничего, — сказал он ему однажды. — По мне, лезь хоть крокодилу в глотку!

Во второй половине лета 1915 года Ингус получил письмо от Карла. Брат описывал, насколько это позволяли условия военной цензуры, свою жизнь в латышском стрелковом батальоне, а в конце письма упоминал об Эдгаре Алкснисе, работающем в Архангельске конторщиком на большом лесопильном заводе. «Мы два года учились вместе в реальном училище, — писал он. — Алкснис, по известным обстоятельствам, вынужден был уйти, не закончив последнего класса. Может случиться, что он как-нибудь явится к тебе на судно и попросит об одолжении. Если это будет в твоих силах, помоги ему. Это честный парень. Можешь ему доверять так же, как мне».

А несколько дней спустя Эдгар Алкснис пришел к Ингусу на судно. Молодому моряку сразу понравился этот тихий, почти застенчивый парень. Побеседовав с полчаса, Ингус понял, почему Карл подружился с ним: оба они были людьми одного направления, возможно, у них много общего и в юношеских мечтах, и в жизненных целях. И когда Алкснис, наконец, сказал, что ему нужно отправить в Ньюкасл письмо, которое не пошлешь по почте, Ингус, не колеблясь, ответил:

— Я охотно это сделаю.

— Только должен предупредить вас, если письмо найдет полиция, у вас могут быть большие неприятности, — прибавил Алкснис.

— Не найдут! — заверил Ингус. — Еще не было случая, чтобы английские таможенные ищейки шарили в карманах офицеров русского торгового флота.

— Если все обойдется хорошо, не согласитесь ли вы привезти ответ или то, что вам передадут для меня? — спросил Алкснис.

— Разумеется. Мне доставит удовольствие оказать услугу друзьям брата.

— Я вам очень признателен, — тихо сказал гость.

За день до ухода судна в море они встретились на берегу, и Алкснис передал толстое письмо. На конверте вместо адреса было написано:

«Милому брату в день именин».

Адрес был написан отдельно на полоске папиросной бумаги.

— В худшем случае, — сказал Алкснис, — если вас задержит полиция и вздумает обыскать, проглотите эту полоску бумаги с адресом. Она не

должна, понимаете ли, ни в коем случае не должна попасть в руки полиции.

— Понятно, — ответил Ингус. — Я постараюсь заучить этот адрес наизусть. Тогда мне и бумажка не понадобится.

— Так будет лучше всего, — согласился Алкснис.

Но все предосторожности оказались излишними. В Ньюкасле Ингус безо всяких осложнений вручил письмо адресату — какому-то рабочему порта — и несколько дней спустя спрятал у себя на судне довольно большой пакет, который получатели письма посылали своим друзьям в Архангельске. И не нужно было быть особенно догадливым, чтобы понять, что там находится что-то запретное — скорее всего, революционная литература, отпечатанная за границей.

После этого Ингус несколько раз возил из Архангельска в Англию и из Англии в Архангельск тайные посылки. Это занятие его даже увлекало, как захватывающий, полный риска спорт. Если его товарищи в каждый рейс провозили контрабанду, зарабатывая лишние рубли, то почему бы ему не перевозить запретный товар другого рода, получая в награду за это лишь искреннюю благодарность и дружбу некоторых незнакомых ему людей. У него было такое ощущение, точно он соприкоснулся с новым, своеобразным миром, вступил в связь с тайными силами, скрытыми от глаз большинства. Но эта связь для Ингуса была лишь интересным приключением, с помощью которого частично заполнялась пустота, образовавшаяся от вынужденной разлуки с Мод. Он не пытался понять смысл того, что делает, не собирался из простого технического исполнителя стать сознательным участником армии борцов, героически выполняющих свою историческую задачу. Если бы он это сделал, может быть, Мод Фенчер потеряла бы свою неограниченную власть над Ингусом Зитаром. Но он не сделал этого, продолжая оставаться только мечтателем, романтиком, жаждущим приключений путешественником, полет мечты которого не в состоянии подняться выше мелких неприятельных требований личной жизни.

Так прошел еще один год. На зиму «Таганрог» отправили в Средиземное море, а весной 1916 года опять вернули на север. Много судов потопили немецкие подводные лодки, и немало погибло знакомых моряков, с которыми Ингус когда-то вместе учился, плавал или встречался в портах. «Таганрог» тоже не однажды находился в опасности, но его час пробил

только летом 1916 года. Он направлялся в Архангельск с грузом боеприпасов, когда в трехстах морских милях к западу от Лофотенских островов его встретила немецкая подводная лодка.

Было тихое, солнечное утро, когда «Таганрог» прогудел морю свое последнее прощание. Двое суток экипаж парохода скитался по водным равнинам Северного моря, пока его не подобрал маленький норвежский пароход и не доставил в Абердин. Им пришлось прожить на берегу три недели, и опять, так же как после гибели «Пинег», часть экипажа рассеялась по другим пароходам. Ингус и Волдис остались вместе, когда капитан Озолинь вербовал команду для нового судна. На этот раз они оказались предусмотрительнее и, отправляясь в рейс, в котором судно было торпедировано, взяли с собой лишь самое необходимое из своего обихода, оставив лучшие вещи на берегу у знакомого манчестерского шипшандлера. Поэтому им не пришлось истратить всю аварийную премию на приобретение новых вещей. Как ни парадоксально это звучит, но некоторые моряки, попадая в судовые аварии, накапливали за счет этих премий приличную сумму денег. Один латышский боцман, который за два года пережил торпедирование шести судов, как-то похвастал Волдису расчетной книжкой: на банковском счету лежало больше двухсот фунтов стерлингов. Вскоре после этого он во время шторма сломал предплечье левой руки и получил сто фунтов стерлингов за частичную потерю трудоспособности. «На мой век хватит... — рассуждал он. — Куплю хутор и заживу после войны хозяином...»

Чтобы с пользой проводить время на чужбине, Волдис обзавелся программой английского мореходного училища и стал готовиться к экзаменам. Зимой, когда судно курсировало между портами Средиземного моря, к нему присоединился и Ингус, и они, соревнуясь и помогая друг другу, за короткий срок весьма заметно пополнили свои знания. Весной 1917 года оба сдали выпускные экзамены в одном из английских мореходных училищ дальнего плавания и получили дипломы, дававшие им право занимать офицерские должности на английских торговых судах.

Такая возможность вскоре представилась. Весной 1917 года немцы объявили беспощадную подводную войну чужим торговым судам независимо от того, принадлежали ли они воюющим или нейтральным странам. Судостроительные верфи со сказочной быстротой выпускали новые суда, и все же не удавалось заполнить брешь, пробитую в тоннаже союзного флота немецкими торпедами. Вскоре Англия направила четырем нейтральным странам — Норвегии, Швеции, Голландии и Дании — ультимативное требование передать в ее распоряжение их торговый флот.

Вот в это время и создалось такое положение, что моряков с образованием искали днем с огнем, и если человек хоть что-нибудь понимал, то его знания старались немедленно применить на деле. Только этим обстоятельством можно объяснить, что двадцатилетнего Волдиса Гандриса поставили капитаном на торговый пароход «Элизабет» грузоподъемностью в две тысячи четыреста тонн. Это была головокружительная карьера даже в такой исключительной обстановке. Такой молодой «старик» на пароходе — явление совсем необычное. В известной степени здесь помогло покровительство капитана Озолия. За два года совместной работы он убедился, что Волдис не посрамит себя на самой ответственной морской службе.

Пути двух друзей разошлись. Волдис отправился на своем пароходе в бискайские порты Франции, а Ингусу представилась возможность устроиться первым штурманом на большой английский пароход «Канадиэн Импортер». Первый штурман на иностранном пароходе грузоподъемностью в девять тысяч тонн — это звучало очень заманчиво и многообещающе.

Пароход должен был вскоре отправиться через Атлантику в Канаду. Ингус уже написал письмо домой и Лилии, сообщил новый, адрес, и, казалось, с этим вопросом было покончено. И однако, он не попал на «Канадиэн Импортер», не пережил страшного шторма и не утонул вместе с судном, как весь его экипаж.

Произошло это так.

В связи с ожидаемым поступлением на «Канадиэн Импортер» Ингус прибыл в Манчестер, откуда отправлялось и судно Волдиса. На следующее утро Ингус должен был явиться к администрации порта подписать договор. Накануне он зашел в союз английских моряков, чтобы выполнить разные формальности и стать полноправным работником торгового флота Великобритании. В союзе он встретил Яновского, первого штурмана большого торгового парохода, с которым немного был знаком по мореходному училищу. Яновский окончил училище двумя годами раньше Ингуса и сразу пошел служить на иностранные пароходы. Это был ловкий, энергичный человек, умевший всего добиваться в жизни и не отказывавший в совете другим. Узнав о намерении Ингуса наняться на канадский пароход, Яновский пренебрежительно поморщился.

— Не стоит. Ты там ничего лишнего не сможешь заработать. Если тебе предстоящая твоя должность еще не окончательно вскружила голову, я бы посоветовал тебе пойти вторым штурманом на мой пароход «Саутэрн Принс». Его грузоподъемность — восемь тысяч тонн, и он регулярно курсирует между Южной Америкой и Англией. Мы только что закончили полукапитальный ремонт и сейчас комплектуем экипаж. Если у тебя есть английский диплом штурмана, то ручаюсь, что «старик» возьмет тебя с распростертыми объятиями. Прежний второй штурман перешел на другое судно.

— Но какие же на «Саутэрн Принс» преимущества в сравнении с канадцем? Здесь я буду первым штурманом...

— И у тебя ничего, кроме твоего штурманского жалованья, не будет. А у нас ты за один рейс получишь больше, чем все твое годовое жалованье. Монтевидео, Буэнос-Айрес — это же настоящее золотое дно для контрабандистов. У тебя есть хоть сколько-нибудь денег?

— Фунтов тридцать наберется.

— Если ты вложишь их в дело, то после первого же рейса у тебя будет сто пятьдесят, после второго — семьсот, а потом тебя и за уши не стащишь с «Саутэрн Принс». Я знаю ребят, которые согласны без жалованья работать, лишь бы попасть на судно.

— А риск? — высказал сомнение Ингус.

— Риска никакого. Я знаю, кому сбывать товар, у меня хорошие отношения с некоторыми таможенными чиновниками. Пять процентов от заработанных денег, и все идет как по маслу. А если ты говоришь о риске, то не забудь, что на северном направлении орудуют немцы. Топят суда так, что только пузыри остаются на поверхности. А наш маршрут спокойный. Хочешь, поговорю с капитаном. Он мне доверяет.

Ингус согласился дать окончательный ответ на следующий день.

«Сто пятьдесят фунтов, потом семьсот, — думал он, бродя по улицам Солфорда. — За полгода можно стать обеспеченным человеком и подумать о будущем».

Вполне естественно, он сразу же вспомнил Мод. Когда у тебя есть семьсот фунтов, можно разговаривать совсем по-иному. Это тебе не тридцать. Ингусу казалось, что деньги эти уже у него в кармане. Его вдруг охватила отвага, нетерпение. Мод... чудеснейшая Мод...

В тот же вечер он отправился в знакомый дом на Маркет-стрит с твердым намерением определить все окончательно. Они знали друг друга полтора года — срок вполне достаточный для того, чтобы выяснить свои отношения. Полтора года Ингус жил в романтическом опьянении,

восхищался, мечтал, страдал, и теперь, наконец, наступило время исполнения всех ожиданий. Он любит Мод и ни о чем так не мечтает, как о том, чтобы соединить свою судьбу с ее судьбой. Но что сказать о Мод? Любила ли она его или только мирится с его обществом ради собственной выгоды? Сегодня все выяснится. Если Мод скажет «да», он наймется на «Саутэрн Принс», если откажет, уйдет в Канаду и перестанет думать об этой женщине:

И вот они уже сидят рядом на диване в комнате Мод и перелистывают какой-то журнал.

— Изумительный вечер, — говорит Мод. — Мы могли бы часок погулять.

— Нельзя ли потом, через час? — возражает Ингус. — Мне нужно поговорить с вами.

— Хорошо, — равнодушно соглашается Мод. — Ну, так почему же вы не начинаете?

— Я не знаю, как начать, — покраснев, отвечает Ингус.

— Вот так... — Мод берет из его рук журнал и кладет на стол.

Они одновременно улыбаются, и Ингусу кажется, что в улыбке Мод он увидел поощрение. Ему и самому не хочется слишком долго мямлить и ходить, как кот около горячей каши. Но он боится чрезмерной поспешностью испортить дело. Чтобы как-то оттянуть роковой разговор, он закуривает сигарету.

— Ну? Говорите же.

— Хорошо, сейчас, — Ингус силится набраться духу. — Но прежде всего у меня к вам огромная просьба: что бы я вам ни говорил и как бы вы к этому ни отнеслись, вы должны обещать не смеяться надо мной.

— Странная причуда! — смеется Мод, но сразу стихает и становится серьезной. — Я обещаю, хотя ваша просьба совершенно излишня.

— Мод... — Ингус берет ее руку и в продолжение всего разговора не выпускает ее. — Мне кажется, мы достаточно хорошо знаем друг друга.

— Правильно. Продолжайте.

— Если это так, то мне остается сказать, что я нашел в вас женщину, с которой охотно бы связал свою жизнь. Мне не нужно говорить, как я вас люблю, — вы знаете об этом уже полтора года. И если меня мои чувства не обманывают, то и у вас ко мне не только простая дружба. В наш век, так же как и во все предыдущие, принято в таких случаях жениться, если мы уже достигли установленного законом возраста. Мне двадцать четыре, вам...

— Двадцать два, — подсказала Мод.

— Следовательно, с этой стороны никаких препятствий нет. Если вас

удивляет, что я говорю об этом именно сегодня и так внезапно, то должен сознаться, что к этому у меня есть определенные причины, не говоря уже о том, что тяжело находиться в неведении полтора года. Ну, как вы думаете?

— Сейчас?

— Лучше всего сейчас, потому что к утру я должен решиться на один очень важный шаг, зависящий от вашего ответа. Можете говорить совершенно смело, лучше всего без всяких обиняков. И чтобы вам было легче ответить, я вам помогу двумя... тремя вопросами.

— Первый? — Мод лукаво заглядывает Ингусу в глаза.

— Любите ли вы меня?

— Да... — следует решительный ответ.

— Согласны ли вы стать моей женой?

— Этого я сразу не могу сказать.

— Я это предвидел, и поэтому разрешите поставить третий и последний вопрос: почему?

— Потому что сначала нужно выяснить и взвесить ряд обстоятельств.

— Я тоже этого хочу. Никаких внешних препятствий у нас нет. Мы совершеннолетние, свободные люди. Закон и общество не запрещают нам жениться. Мы любим друг друга, следовательно, отпадает самое главное препятствие. Что еще вас волнует?

— На какие средства мы будем существовать?

— Я штурман и получаю определенное жалованье, которого вполне хватит, чтобы прилично жить вдвоем.

— Вы ведь не захотите, чтобы я после свадьбы продолжала работать в конторе? — спрашивает Мод.

— Конечно, нет.

— После свадьбы нам необходимо будет иметь квартиру, по крайней мере, из трех комнат. Нужна прислуга. Сможем ли мы обставить квартиру, купить мебель и отложить необходимую сумму на жизнь?

— Через полгода у меня будет семьсот фунтов.

— А в настоящий момент?

— Не больше тридцати.

— Следовательно, вы собираетесь устраивать свадьбу через полгода?

— Да, когда будут деньги.

— Откровенно признаться, весь этот разговор мы ведем несколько преждевременно. Нам следовало бы говорить об этом через полгода.

— Но мне нужно знать ваше решение сегодня, иначе эти полгода пройдут так же бесцельно, как предыдущие полтора.

— Почему?

— Мод... — Ингус принужденно улыбнулся и крепко сжал ее пальцы. — Я хочу добыть эти деньги только ради нас. Иначе они мне не нужны. Но я не могу действовать вслепую, мне нужно видеть впереди цель. Полгода неизвестности или полгода светлых надежд. Вы понимаете, какая в этом разница?

Тронуло ли Мод отчаяние, написанное на лице Ингуса, или что-то другое, но она совершенно преобразилась. Ее серьезность, деловой, почти коммерческий тон исчезли. Она под села ближе к Ингусу и прижалась к нему.

— Дорогой... Неужели вы еще сомневаетесь?

Потом начался чудесный, идиллический вечер. Они никуда не пошли, просидев до поздней ночи в комнате, забыв зажечь огонь. Крепко прижавшись друг к другу, они тихо ворковали, как пара голубков, наслаждаясь этой близостью, которую уже не омрачали никакие сомнения. Они мечтали о будущей совместной жизни, придумывали, как обставить квартиру, мысленно выбирали мебель и подсчитывали, сколько будет стоить обстановка; еще и еще раз клялись друг другу в верности, листали календарь и выбирали день свадьбы. С обеих сторон было проявлено много нежности. Впервые за все время Мод предстала перед Ингусом во всей своей женственности. Но если подвести итог содержанию их беседы, то окажется, что она была весьма прозаичной. Мод будет ждать Ингуса шесть месяцев. За это время он добудет семьсот фунтов стерлингов. Если он через шесть месяцев вернется с семьюстами фунтами, они поженятся, если же нет, то этот вечер и все сказанное сейчас сведутся к нулю.

Вот почему Ингус не пошел первым штурманом на «Канадиэн Импортер» и не погиб на море.

Две недели спустя после этого разговора «Саутэрн Принс» отправился в Южную Америку, и второй штурман Зитар вез с собой на тридцать фунтов английских стерлингов контрабандных товаров. «Дорогой...» — произнесла, расставаясь, одна женщина. Это слово он не забывал всю жизнь.

Глава шестая

1

«Саутэрн Принс» вез на юг разнообразный груз. Верхнее междупалубное пространство было заполнено различными изделиями одной крупной английской фирмы, посылаемыми в качестве образцов аргентинским купцам. Вероятно, поэтому грузы сопровождал представитель фирмы мистер Смоллет. Это был малоподвижный, надменный человек — длинный, высохший, желтый, как лимон, в очках на тонком носу. Как истый педант и верный слуга хозяев, он в продолжение всего пути не переставал заботиться о грузах фирмы, но его заботы главным образом выражались в недоверии к пароходной прислуге. Убежденный в том, что у моряков только одно на уме — как бы воспользоваться имуществом фирмы, он не дружил с офицерами. По отношению к капитану, за столом которого он обедал, Смоллет был сдержанно вежлив, за матросами следил, как истый сыщик.

Когда пришли в тропики, лимонно-желтое лицо Смоллета за несколько дней ссохлось еще больше и напоминало теперь сморщенный кожаный коричневый кисет для табака. Несмотря на то, что он впервые попал на юг, тропическую жару он переносил довольно хорошо и лицо его редко покрывалось потом — возможно, потому, что вся излишняя влага давно уже испарилась из тела Смоллета.

На судне его все ненавидели. Матросы открыто смеялись над ним, изображали его негнущуюся спесивую походку и ледяное выражение лица. Офицеры чувствовали себя задетыми его подчеркнуто сдержанным поведением и от души желали ему всего самого плохого, что можно пожелать в море.

— Жаль, что в этот раз Бискайя была такой спокойной, — сожалел первый штурман Яновский. — Следовало бы его как следует покачать до приступа морской болезни, а потом заставить самого убирать загаженную каюту.

— Все равно стюард за шиллинг вычистил бы, — возразил старший механик.

— Я бы дал стюарду два, чтобы только не чистил, — разгорячился Яновский.

— А может быть, он пожалел бы шиллинг и вычистил бы сам, — предположил Ингус.

— А вот посмотрим, что будет на экваторе, — продолжал Яновский. — Если не буду стоять на вахте, я с удовольствием возьму на себя роль «священника». Но как бы там ни было, на сей раз праздник Нептуна произойдет по всем правилам.

Когда судно стало приближаться к экватору, Яновский заблаговременно договорился с матросами и подобрал из них подходящих парней для выполнения традиционного морского ритуала. На всякий случай, не зная, сможет ли сам участвовать в церемонии крещения, он приготовил себе достойную замену в лице судового плотника Свенсона. Это был молодой, веселый и энергичный светловолосый швед. Он готовился к своей роли с таким увлечением, словно впереди его ожидало какое-то исключительное удовольствие. Весь экипаж знал о том, что произойдет на экваторе, только бедняга Смоллет не имел об этом ни малейшего представления. Он даже не заметил, что сделался центром всеобщего внимания, а впрочем, если бы и заметил, то скорей всего решил бы, что пароходная прислуга покушается на собственность фирмы.

Все безжалостнее припекало тропическое солнце. Металлические части судна накалились до такой степени, что к ним нельзя было прикоснуться, палуба стала горячей и жгла подошвы ног даже сквозь подметки. А на шлюпочной палубе из щелей вытекла вся смола, и Смоллет, прогуливаясь под солнечным тентом, прилипал к полу подошвами, как муха к липкой бумаге.

Наконец, наступил долгожданный день. В три часа пополудни должны были пересечь экватор. Кроме Смоллета на «Саутэрн Принс» подлежал крещению юнга. Часа за два до торжественной церемонии начались приготовления. На корме на четвердеке натянули большой кусок промасленной парусины и наполнили его водой. Затем шестеро матросов нарядились неграми, вымазались сажей и надели соответствующую одежду. Боцман приклеил себе бороду из пакли, как полагается Нептуну, а один из молодых матросов переоделся дамой, изображая дочь Нептуна. Остальные тоже распределили между собой роли: один был «священником», второй — «адвокатом», третий — «врачом», четвертый — «парикмахером».

Когда секстан показал, что судно достигло экватора, капитан сообщил об этом экипажу и послал юнгу, над которым собирались провести церемонию крещения, на нос парохода с большим топором для рубки мяса, наказав:

— Последи там! Сейчас мы будем проходить линию, которая отделяет север от юга. Ты должен перерубить ее, иначе нам дальше не пройти.

Мальчуган пошел на бак и пристально стал смотреть вперед. Все свободные от вахты люди собрались на палубе и с улыбками следили за ним. Смоллет тоже вышел из каюты и, не разобравшись еще, что привлекает внимание моряков, также уставился на нос судна.

— Что там — земля или акула? — не вытерпев, спросил он одного из матросов.

— Сейчас увидим, — с занятым видом пробурчал тот.

— Ну как, видишь что-нибудь? — крикнул капитан юнге.

— Еще ничего не видно, господин капитан! — отозвался мальчик.

— Значит, ты прозевал.

Капитан подошел к рукоятке sireны и дал три мощных гудка, оповещающих о том, что судно переходит экватор. Мальчик, наконец, сообразил, что его дурачили, и покинул свой пост на баке. Но не успел он спуститься на палубу, как два «негра» схватили его под руки и повели на корму, к купели, вокруг которой уже толпились все свободные члены экипажа. Смоллет тоже находился там. Его, так же как и юнгу, держали за руки два «негра». К великому удовольствию моряков, оказалось, что этот человек совершенно лишен чувства юмора. Он сопротивлялся, пытался вырваться, протестовал против самоуправства, грозил подать в суд за грубое обращение с пассажиром и призывал на помощь капитана. Но тот только пожимал плечами и говорил, что таков морской обычай, — он ничем не может помочь.

— Которого вперед возьмем? — спросил у «священника» один из «негров», державших Смоллета.

— Отдадим предпочтение гостю! — торжественно произнес «священник».

— Тогда просим, мистер Смоллет! — «негры» подвели разгневанного агента к «священнику» и заставили его встать на колени.

— Не паясничайте! — Смоллет брыкался так энергично, что у него упали очки с носа. — Вы об этом горько пожалеете.

— Не валяйте дурака, — шепнул ему на ухо один, из «негров». — Это традиция, которой вам все равно не избежать. Подчиняйтесь лучше по-хорошему.

Смоллет был в белых брюках и теннисной сорочке. Окружающие улыбались, предвкушая, какой вид будет у этого гуся, когда он пройдет все стадии испытания.

«Священник» важно поднял над головой руку, призывая к тишине.

Затем торжественно стал исповедовать Смоллета.

— Как тебя зовут?

— Дэвид Смоллет, — прошептал агент, понуждаемый «неграми».

— Где и когда родился?

— В тысяча восемьсот девяносто втором году, в Ньюкасле-на-Тайне.

— Дэвид Смоллет, сейчас наступил момент, когда владыка моря Нептун подвергает тебя испытанию, желая узнать, достоин ли ты путешествовать по его владениям и можно ли тебя пустить за экватор. До нас дошли дурные вести о тебе, и я сильно сомневаюсь, можешь ли ты рассчитывать на милость Нептуна. Однако нельзя терять надежду. Возможно, он и помилует тебя, если будешь себя вести как подобает мужчине. Ты должен исповедаться в своих грехах, какими бы они тяжкими ни были, и рассказать мне всю правду. Говори, сын мой, будь откровенным.

— Бросьте свои глупости! Кончайте скорее! — негодовал Смоллет.

— Ты не хочешь исповедоваться. Это дурная примета. Значит, у тебя совесть нечиста, бес гордыни и высокомерия зажимает твой рот. Скажи, сын мой, не был ли ты заносчив, спесив со своими спутниками, которые трудятся для тебя и везут по морю имущество твоего хозяина?

Смоллет нервно подергал одну руку, затем другую, но «негры» крепко держали его.

— Молчание — знак согласия, — продолжал «священник». — А теперь скажи, не было ли у тебя дурных мыслей по отношению к своим ближним? Можешь ли ты указать, кого из них ты любишь? Семь смертных грехов написаны на твоём челе: ты труслив, высокомерен, себялюбив, корыстолюбив, скуп, ты не знаешь, что такое дружба и веселье. Не пытайся отрицать, я вижу тебя насквозь и уверен, что властителю моря такого подданного не нужно. Я кончил.

«Негры» подняли Смоллета с колен и подвели к «адвокату».

— Плохой ты у меня клиент, но мой долг не разрешает мне отказаться от защиты, — начал «адвокат». — Не вешай головы, Дэвид Смоллет! Я обелю тебя опять, как ягненка. Нельзя отрицать, ты много грешил и провинился перед законами порядочных людей, но это все от врожденной глупости. Я подчеркиваю это обстоятельство, чтобы твои судьи не вздумали тебя судить за то, что ты получился таким неудачным у своих родителей. Одно лишь положительное качество я нахожу в тебе: застенчивость; ты не любишь рассказывать о своих делах. Предположим, что ты так поступаешь, боясь суда общества, но и оправданием тебе может служить веский довод: кто же захочет себя порочить? И какая в том заслуга, что ты начнешь выставлять напоказ свои дурные поступки?

Добродетельное молчание — лучшее твоё украшение. Ты не труслив, как некоторые утверждают, а осторожен, ты не высокомерен, а самоуверен; то, что другие называют корыстью, — только предусмотрительная забота о будущем благосостоянии; твоё скупость доказывает лишь твою нерасточительность, а то, что тебе незнакомо чувство дружбы, говорит о твоей деликатности, ибо ни один благородный человек не станет навязывать другим своё скучное и неприятное общество. Если тебя упрекают в отсутствии веселья, так это устаревший предрассудок: человек себе на уме никогда не смеется громко, он исподтишка ухмыляется и радуется ошибкам друзей и врагов. Как я уже сказал, твоим главным оправданием остается твоё глупость, и на основании этого я требую, чтобы тебя оправдали по всем пунктам.

Глаза всех обратились теперь к Нептуну. Долго старый морской царь ворчал, размышлял, но «адвокат» продолжал так горячо и убедительно защищать Смоллета, что, в конце концов, Нептун не устоял перед его красноречием.

— Хорошо, я делаю исключение и разрешаю Дэвиду Смоллету перейти на ту сторону экватора при условии, если «врач» найдет его вполне здоровым и если он понравится моей дочери.

Теперь Смоллета на несколько минут предоставили в распоряжение «врача». Тот принялся его всячески тискать и выслушивать. Основательно поваляв Смоллетта на широкой скамье, «врач» посадил его на стул и сделал вид, что проверяет его зрение. Встав позади агента, он приставил к его глазам две бутылки.

— Смотри через горлышки бутылок и скажи, какую букву я тебе покажу.

Как только Смоллет придвинулся ближе к бутылкам, «врач» наклонил их горлышками вниз, и на лицо агента потекли две струйки туши, выкрасив его в черный цвет.

Смех моряков привел Смоллета в бешенство. Сознывая, что он сейчас действительно смешон и жалок, агент буквально-таки задохнулся от злобы.

— Я на всех вас подам в суд! В Буэнос-Айресе вы об этом пожалеете. Будьте уверены, капитан, это ваш последний рейс. В дальнейшем вы больше не станете водить суда!

Орущим и злобно фыркающим его передали в руки «парикмахера». Тот взбил полное ведро пены из картофельной муки, зеленого мыла и белил. Смесь представляла собой весьма странную эмульсию. Взяв в руки большую малярную кисть, «парикмахер» начал кропить этой смесью лицо Смоллета, не щадя и глаза, после чего громадной деревянной бритвой до

тех пор скоблил его лицо, пока оно не очистилось от покрывавшей его смеси. Окончив бритье, он поклонился Смоллету и попросил его встать. В тот же миг оба «негра», не отходившие от Смоллета ни на минуту, схватили его за руки и ноги и швырнули в парусиновую купель. Засучив рукава, они принялись мыть бедного агента, не жалея при этом зеленого мыла, так как краска отмывалась с большим трудом. Захлебываясь в теплой воде, Смоллет пытался ругаться, но «негры» в тот же миг окунали его с головой в воду и заглушали фонтан неистовых ругательств.

— Потерпи немножко, это делается в твоих же интересах. Грязным и неопрятным ты можешь не понравиться дочери Нептуна, и она не разрешит тебе перейти экватор.

Наконец, испытание водой закончилось и Смоллета вынули из купели. Дочь Нептуна, как и полагается даме, капризно осмотрела вновь окрещенного, даже попыталась было завести с ним флирт, но Смоллет был в таком мрачном настроении, что из этого ничего не получилось. После всех перипетий, которые этот лишенный юмора человек воспринимал как оскорбление, наконец, подошел капитан с традиционным стаканом коньяку и сигарой, которые подносились каждому новому подданному Нептуна.

— Не пью и не курю! — резко отказался Смоллет. — Вы мне должны уплатить за испорченные брюки и сорочку.

— Сколько они стоят? — спросил Яновский.

— Два фунта и шесть шиллингов.

Яновский, улыбаясь, повернулся к морякам:

— Ну что ж, братцы, соберем мистеру Смоллету на брюки и сорочку. А то ему, бедняжке, голому ходить придется.

В фуражку штурмана посыпались шиллинги и пенсы. За несколько минут нужная сумма была собрана, и делегация моряков, возглавляемая Яновским, явилась к раздраженному агенту, успевшему за это время переодеться в сухую одежду. Яновский положил деньги ему на стол в каюте и попросил Смоллета пересчитать их.

— Что вы, что вы... — бормотал тот, смутившись. — Я ведь совсем не то думал.

— Но мы поняли вас именно так и поэтому просим взять деньги, — настаивал Яновский. — Два фунта шесть шиллингов.

— Ах, бросьте наконец эти шутки, — попытался улыбнуться Смоллет.

— Шутки кончились, теперь началось серьезное. Верьте мне, — Яновский пристально взглянул Смоллету в глаза, — экипаж будет рассматривать это как оскорбление, если вы откажетесь принять деньги.

— Ну и порядки, — вздохнул Смоллет, собирая мелочь.

— Да, немного иные, чем на суше, — согласился Яновский. — Если вы в дальнейшем собираетесь путешествовать на судах, вам придется кое к чему привыкнуть.

После этого Смоллет всячески пытался завоевать расположение моряков, но безрезультатно. Все вежливо уступали ему дорогу. В конце концов, Смоллет опять обозлился и стал платить им таким же равнодушием, какое они проявляли по отношению к нему. В Буэнос-Айресе он поселился в гостинице и, как только груз был сдан, не появлялся больше на пароходе. Но самая большая неожиданность постигла его у адвоката, к которому он явился с печальным повествованием о крещении на экваторе: адвокат категорически отказался вести это дело, несмотря на обещанный крупный гонорар.

Действительно, странные обычаи существуют на море.

2

Главным перекупщиком контрабанды, с которым Яновский познакомил Ингуса в Буэнос-Айресе, оказался один из полицейских порта, итальянец. Как служащий порта, он имел свободный доступ в доки. Заверения Яновского оправдались с лихвой: тридцать фунтов стерлингов, вложенные в опасное предприятие, превратились в сто шестьдесят. Еще раз рискнуть — и Ингус достигнет того, о чем мечтал. Риск оказался совсем не таким уж большим, как он вначале предполагал. По прибытии в порт таможенные чиновники осматривали каюты, ходили по бункерам. Однако они не отличались особым чутьем. Самым удобным было то, что контрабандный товар не приходилось везти на берег самому. Полицейский являлся на судно, забирал то, что ему полагалось, платил по местному «курсу» и о дальнейшем заботился сам. Он был поставщиком крупной торговой организации, и количество товаров не играло никакой роли. Чем больше, тем лучше. На следующий раз он заказал новые товары, которые теперь пользовались большим спросом на юге. Галантерея, духи, аптекарские товары, оружие, даже мануфактура — на этом можно было хорошо заработать.

Но все предположения и планы рухнули. Не успел еще «Саутэрн Принс» разгрузиться, как капитан получил телеграфное распоряжение пароходной компании отправиться из Аргентины в Соединенные Штаты в распоряжение военно-морских сил. Это было большой неожиданностью для всего экипажа, так как «Саутэрн Принс» являлся не трампом, не

судном, которое всякие случайности заносят в самые отдаленные уголки земного шара, а настоящим лайнером. Чуть ли не со дня спуска на воду он ходил в регулярные рейсы между Англией и Южной Америкой. И вдруг ни с того ни с сего — Соединенные Штаты! Прощай, контрабандные операции, спокойные, удобные рейсы! На севере свирепствовала война, подводные лодки пускали ко дну суда, вместо спокойной работы моряков ожидали борьба и опасность.

После трех лет раздумья и проволочек Соединенные Штаты Америки вынуждены были выйти на военную тропу, чтобы обеспечить своим кредиторам победу и этим поддержать их платежеспособность. Чего не сумели сделать эмоции, патриотизм и кровное братство, того добились коммерческие соображения. Старинный закон ростовщиков гласит: нельзя допускать разорения должников. Он сохранял свою силу как на биржах, в банкирских конторах и маленьких лавчонках, так и в международных сделках государств.

Болезненнее всех переживал перемену рейса Ингус — рушились все его планы. Неизвестно было, как долго «Саутэрн Принс» останется в Соединенных Штатах. Может быть, все обойдется одним рейсом, а возможно, его задержат до весны. Время уходит, наступит рождество, и Ингус не успеет накопить нужную сумму. Даст ли Мод ему новую отсрочку?

Перед уходом из Буэнос-Айреса он написал Мод письмо: «Пока все идет хорошо, есть уже половина обещанного, и надеюсь до рождества выполнить остальное. Еще одна поездка в Аргентину — и все будет достигнуто! Жаль, что сейчас нас отправляют в Соединенные Штаты — это будет очень досадный перерыв».

Домой и Лилии он еще не писал, так как не получил ответа на последние письма. Только Карл прислал безотрадное письмо — можно было догадаться, что ход военных событий обещает мало хорошего для Риги и Видземе.

В конце июля «Саутэрн Принс» кончил разгрузку и, забрав балласт, направился на север. Через двадцать дней они завернули в один из портов Венесуэлы пополнить запасы угля. Капитан одновременно с почтой получил целую пачку английских газет. Вечером к Ингусу зашел Яновский и протянул ему номер «Дейли Мейл».

— Прочти внимательно и скажи, не придется ли тебе поблагодарить меня, — сказал он.

— Что там особенного? — спросил Ингус.

— Прочти, тогда поймешь, о чем говорю.

Яновский ушел, и Ингус принялся внимательно изучать газету.

Вскоре он нашел то, на что намекал Яновский. Это было сообщение о гибели «Канадиэн Импортер».

— Вся команда погибла, — шептал Ингус, содрогаясь от ужасного известия. — Я бы тоже был среди них. Яновский прав, я должен быть ему благодарен. Или, может быть, меня сама судьба хранит? Почему? Для какой цели?

Он сразу же вспомнил Мод. Ведь это ради нее он избрал это судно и вот остался жив! Следовательно, больше, чем Яновскому, он должен быть благодарен Мод. «Мод, милая, добрая фея моей жизни! Сама судьба указывает нам верный путь. Ради тебя мне дарована пощада, и в будущем ты спасешь меня».

Затем ему пришли на память и другие обстоятельства. Он вспомнил о домашних. В последних письмах он писал им, что поступает на «Канадиэн Импортер» и уходит в Канаду. Они ведь не знают о его переходе на другой корабль и теперь убеждены, что Ингуса нет в живых. Какое горе и страдания по-пустому! Живого человека оплакивают, как покойника!

Чтобы немедленно покончить с трагическим недоразумением, Ингус сразу же написал письма матери, Карлу, Лилии и в тот же вечер отправил их. Заодно он послал родным немного денег.

«Саутэрн Принс» оставался в порту только одни сутки. Это было безотрадное место, один из самых опасных малярийных очагов на всем южноамериканском побережье. Незадолго до выхода в море распространилась зловещая новость: в порту начала свирепствовать холера. Это подтвердила и санитарная полиция. Капитан сразу же прекратил погрузку угля, и «Саутэрн Принс» с полупустыми бункерами отправился в море, подальше от опасного места.

Но микробы эпидемии уже были занесены на пароход. На следующее утро заболел один из матросов, до вечера к нему присоединились стюард и третий механик. К счастью, все обошлось только этими тремя. Их изолировали от остальных и поместили на кватердеке. У острова Кюрасао «Саутэрн Принс» встал на рейде и поднял карантинный флаг. Вскоре появился санитарный катер и увез больных на берег, а пароход продолжал свой путь в Галвестон.

— Ну, теперь пойдут неприятности, — сказал Ингусу Яновский. — Придется болтаться в карантине.

Больше всех огорчался капитан.

— И зачем мы полезли в эту чертову дыру? — ворчал он. — Можно было бункероваться в Пернамбуку или Баие. Теперь вот сиди на якоре на

Галвестонском рейде в ожидании, пока американцам заблагорассудится впустить нас в порт.

Единственная надежда была на то, что из-за нехватки пароходов военные ведомства не разрешат устанавливать слишком продолжительный карантин. Надежда эта оправдалась к удовольствию экипажа и судовладельцев и к несчастью для семи человек с желтоватым цветом кожи — они прокрались на «Саутэрн Принс» во время его стоянки в угольном порту и спрятались в междупалубном пространстве. Семь китайцев ехали в Соединенные Штаты, и никто на пароходе не подозревал об этом.

3

Они прокрались на пароход ночью, когда он стоял под погрузкой. Четверо из них работали на подноске угля, остальные трое слонялись без работы на берегу, но у всех семерых было одно желание — попасть в Соединенные Штаты.

На родине они не знали друг друга. Их свела одинаковая судьба — голод, безработица, стремление выбиться в люди. Шесть лет назад они записались в партию кули, которых вербовали в Шанхае агенты гавайских плантаторов. Договор надо было подписать на четыре года — договор, который на сорок восемь месяцев превращал их в рабов, в собственность белого плантатора, подобно мулу, плугу или дойной корове. Но они мечтали о долларах, которые получат по окончании работы, и о тех прекрасных вещах, которые приобретут на эти деньги. Четыре года рабства, а после этого — свободный, состоятельный человек до конца жизни — такая перспектива позволяла нетребовательным людям пренебречь всеми трудностями и страданиями на чужбине. Состоятельность — понятие относительное. Несколько сот долларов — сумма как будто не очень большая, но для человека скромного, привыкшего довольствоваться несколькими центами в день, если его удовлетворяет горсточка риса и хрупкая бамбуковая хижина, это целый капитал.

У каждого из них была своя цель. Один собирался купить клочок земли, построить лачугу и заняться земледелием, другой — открыть в городе лавчонку и вести торговлю, третий мечтал о мастерской, о почетном звании мастера и хозяина. Решив однажды, они уже не меняли планов и поэтому иногда достигали цели.

Когда предусмотренный договором срок кончился, большая часть кули уехала с Гавайских островов обратно в Китай. Не уехали только эти семеро

и еще некоторые другие. Не потому, что они изменили своим планам, и не потому, что у них не было достаточного количества денег для их осуществления, а просто потому, что они, самые молодые в партии кули, в состоянии были проработать на чужбине еще четыре года, удвоить свое богатство и, вернувшись на родину уважаемыми людьми, взяться за более солидные дела.

Именно в это время на островах пронеслись слухи о сказочных заработках на Южноамериканском континенте, по сравнению с которыми бледнели заработки на гавайских плантациях.

Они уехали на континент и два года переходили с одной работы на другую. Часть из них отделилась и даже забралась в Боливию, двое умерли в болотах Колумбии, а семеро оставшихся держались вместе и наконец оказались в маленьком венесуэльском городке, где нанялись грузчиками в порт. Их сбережения значительно увеличились; кое-кто уже начинал подумывать о возвращении на родину, но опять, так же, как на островах, их и на этот раз соблазнила возможность хорошего заработка. Теперь шел разговор о Соединенных Штатах, где в связи с большой войной начался экономический подъем. Фабрики работали день и ночь, нигде не хватало рабочих, и за самую простую работу платили невероятные деньги — несколько долларов в день. Эту возможность им не хотелось упускать. Еще последний раз, один только год, не больше, — и они поедут домой и будут доживать свою жизнь в достатке.

Но Соединенные Штаты находились далеко. Было бы безумием платить громадные деньги за проезд на пароходе, когда можно добраться без излишних затрат. Они пытались пробраться на каждое судно, уходившее отсюда на север, но им не везло. Их всякий раз обнаруживали и выгоняли на берег. Они упустили хороший сезон, не поехали на фасиенды [70], а терпеливо сидели в маленьком порту, где с трудом можно было заработать на пропитание. В довершение всего в этом малярийном гнезде еще завелась проклятая холера. Уезжать с побережья в глубь страны уже не имело смысла, сезон сельскохозяйственных работ кончился, а на случайные заработки нельзя было рассчитывать. Случилось так, что именно тогда в порт прибыл «Саутэрн Принс». На этот раз их побег удался. Таская в бункеры мешки с углем, они присмотрели в междупалубном пространстве хорошее укрытие, и ночью все семеро, забрав по маленькому узелку с необходимыми вещами, остались на пароходе.

Пароход вышел в море, через несколько дней где-то остановился и направился дальше. В Карибском море его начал трепать сильный шторм. Все семеро заболели морской болезнью, но стоически переносили

страдания, которые имели даже положительную сторону: во время болезни не хотелось есть и сохранился запас продуктов, а их при нормальной обстановке хватило бы только на половину пути.

Они не покидали убежища даже в самые глухие ночные часы; когда кто-нибудь из них начинал кашлять, товарищи завязывали ему рот платком. И все же, несмотря на все предосторожности, на полпути их обнаружили двое трюмных. Во время шторма в междупалубное пространство через вентиляторы попала вода, которая во время качки парохода раздражающе плескалась около бункерного люка. Механик послал трюмных вычерпать воду, и они с яркими карбидными лампочками в руках обошли все междупалубное пространство. К счастью для китайцев, это были славные ребята. Они немного посмеялись над «зайцами», шутя погрозили им калабузом, но о своем открытии никому не сказали.

Один из них оказался настолько великодушным, что принес беглецам полное ведро питьевой воды. Такой оборот дела поднял настроение пассажиров, и они уже начали надеяться, что их путешествие окончится так же благополучно, как началось. Надежда — вещь хорошая, зачастую она является источником нравственных и даже физических сил, но что в ней толку, если пароход идет из порта, где свирепствует заразная болезнь? Ты мечтаешь о чайных плантациях на далекой земле предков, с радостью голодаешь, считая каждый цент, а пароход в пути бросает якорь и поднимает желтый флаг. И на этом все кончается. Самое страшное в том, что ты ничего об этом не знаешь и не узнаешь никогда.

На рассвете «Саутэрн Принс» встал на якорь на Галвестонском рейде. Спустя час к пароходу подошел портовый катер, и капитан получил распоряжение всей команде немедленно оставить пароход и на несколько дней перебраться в карантинные помещения. Галвестонские власти уже знали, откуда идет «Саутэрн Принс». Янки не имели ни малейшего желания рисковать своим здоровьем и подвергать опасности жизнь.

Ввиду исключительности обстановки сейчас нельзя было применять медленно действующие средства дезинфекции. Поля сражения, находящиеся за океаном, требовали боеприпасов, пушек, танков и людей, и обстоятельства не позволяли держать в бездействии пароход грузоподъемностью в восемь тысяч тонн.

Экипаж сошел на берег, а на пароход прибыла дезинфекционная

команда. Все произошло с такой быстротой, что люди, еле успев забрать с собой разрешенные вещи, уже оказались на катере санитарной полиции, а полчаса спустя — в карантинном бараке.

— Что теперь будут делать с пароходом? — спросил у Яновского кто-то из трюмных.

— То же, что и с нами, только более бесцеремонным способом, — ответил первый штурман. — Зальют дезинфицирующим раствором все жилые помещения и вещи, остальное прогазируют, заодно ликвидируют и всех крыс на судне.

— И бункера и междупалубное пространство тоже? — спрашивал трюмный, заметно волнуясь.

— Непременно. Увидите, теперь у нас не будет ни одной крысы.

Трюмный отошел в сторону и разыскал товарища.

— Ты слышал? — тихо спросил он его.

— Да.

Первый трюмный продолжал еще тише:

— А что теперь будет с нашими семью китайцами?

— Черт возьми! Я совсем забыл о них!.. — тревога товарища передалась и второму трюмному.

— Они ведь не знают, что произойдет на пароходе. А дезинфекционная команда считает, что все люди на берегу.

— Я понимаю. Это очень неприятная штука.

Они отошли в угол и стали совещаться. О «зайцах» знали только они. Согласно правилам внутреннего распорядка они обязаны были в самом начале сообщить капитану о своем открытии, но китайцы были славные ребята... И оба трюмных молчали, побуждаемые самыми добрыми намерениями. Теперь их вынуждали к молчанию другие обстоятельства — они могли потерять работу, — но еще больше боялись они упреков товарищей, если бы с китайцами что-либо случилось.

— Может быть, перед тем как пустить газ, санитары осмотрят помещение...

— Я считаю, это их обязанность.

Постепенно они успокоились и больше не говорили об этом.

А на пароходе между тем все шло своим чередом и не совсем так, как предполагали трюмные. Дезинфекционная команда в первую очередь принялась за жилые помещения, начиная с салона и кончая кубриками. Затем дезинфицировали камбуз, штурманскую рубку, капитанский мостик, будку телеграфиста, продуктовую кладовую и гальюны. До обеда с этим было покончено. Затем они подготовили все для газовой дезинфекции.

Задраили иллюминаторы машинного отделения, закрыли все двери и люки, заткнули вентиляторы, так что междупалубное пространство с бункерами и машинным отделением превратилось в совершенно изолированную камеру.

В два часа пустили газ. Невидимыми волнами хлынул смертоносный угар, растекаясь по всем ходам и отсекам, медленно, но неудержимо проникая в самые укромные уголки.

Изредка до дезинфекторов из-под палубы доносился царапающий звук, хруст угля и приглушенные стоны, но, занятые работой, они не прислушивались к этим звукам.

— Крысы. Чувствуют, что настал их последний час, и ищут выхода.

Они ошиблись наполовину. Там были и крысы...

Потом все стихло, и вечером, закончив работу, дезинфекционная команда отправилась на берег. На пароходе осталось только двое дежурных.

После такой решительной борьбы с бактериями карантин на третий день кончился. Помещения, подвергшиеся воздействию газа, проветрили, раскрыли настежь иллюминаторы и двери, чтобы сквозняком вынесло остатки смертоносного яда. Когда открыли люки междупалубного пространства, глазам присутствующих представилась необычная картина: повсюду валялись сотни крысиных трупов, странно вздувшихся, и все они лежали, задрав кверху лапки, словно по какому-то неизвестному закону природы перед смертью центр тяжести у них переместился в спину. Тут же у люков лежали семь человеческих трупов — все ничком. Они не лежали вместе, а находились в разных частях междупалубного пространства, у выходов, дверей, люков и вентиляторов. Судя по тому, в каком положении находились их тела, можно было понять, что газ проник к ним, когда они не спали, и что они цеплялись за жизнь до последней минуты, искали выхода, свежего воздуха.

— Трагический случай. Лишнее предостережение любителям приключений...

Напрасно ожидали своих хозяев чайные плантации в далеком Китае.

Часть груза пароход получил в Галвестоне, за остальным нужно было отправляться в Балтимор. Выяснилось, что следующим рейсом «Саутэрн Принс» пойдет в Бейрут и Смирну. Отпустят ли его потом на регулярные рейсы линейного плавания или до окончания войны оставят трапом —

этого никто не знал. Предприимчивый Яновский уже начал выяснять, какими торговыми делами можно здесь заняться. В скором времени он установил контакт с балтиморскими «портовыми крысами» и узнал, что выгоднее всего возить контрабандой смирнские ковры. Правда, риску было больше, чем на юге, да и нажить можно «только» двести процентов на сумму вложенного капитала, но это все же лучше, чем ходить в рейс пустым и довольствоваться штурманским жалованьем.

Как в Галвестоне, так и в Балтиморе Ингус встретил много латышей. Большинство из них приехало в Соединенные Штаты за последние два года, и в основном это были моряки. Они работали на судостроительных верфях и малярами. На заработок они могли жить безбедно. Некоторые пытались уговорить Ингуса, чтобы он остался на берегу, — в плавании, говорили они, он не заработает и половины того, что получит на каком-либо из балтиморских судостроительных заводов или в артели маляров; возможно, ему удастся даже получить место штурмана на американском пароходе или хорошо оплачиваемую должность в порту. Работы здесь было хоть отбавляй, и не хватало рабочих рук.

Ингусу для этого пришлось бы дезертировать с «Саутэрн Принс», а в военных условиях это означало, что он никогда уже не сможет показаться в Англии, где его ждала Мод. Согласится ли она приехать в Соединенные Штаты? Этот вопрос нужно как следует обдумать: прежде всего, следует узнать, как к этому отнесется Мод, и если она примет его план, тогда в следующий рейс можно и остаться.

В Балтиморе Ингус получил письмо от Мод. Она уже знала о том, что пароход переброшен на другую линию и что его теперь нельзя скоро ждать в Манчестер, но приняла это без особого огорчения: «Что же делать? Приходится мириться с обстоятельствами и привыкать к тому, что в жизни иногда не все получается так, как мы хотим. Мало ли что может случиться? Вы живете на одном краю света, я — на другом, рождество наступает и проходит, идут один за другим новые дни с новыми событиями, за которые вчерашний день не несет ответственности...»

Так писала она. По всему видно, Мод примирилась с мыслью, что на рождество свадьба не состоится. Ингус в ответном письме осторожно намекнул ей: может случиться, что его судно задержат за границей до весны, но это окупится. Он предполагает хорошо заработать на палестинских рейсах, и совсем не так уж плохо начать совместную жизнь не с семьюстами фунтов, а с тысячью, а то и больше. Имеющиеся у него сейчас деньги еще нужны ему для оборота, но к осени Мод уже может начать устраивать квартиру — он вышлет ей часть денег. Как она смотрит

на настоящий смирнский ковер для гостиной? Он купит его и отправит в Манчестер почтовым пароходом.

Из дома и от Лилии не было известий. Двадцать второго августа, когда в Зитарах запрягали лошадей и родные Ингуса покидали родной дом, «Саутэрн Принс» выходил в море. Ингус не читал весь месяц ни одной газеты и не знал, что в это время происходило на его родине.

Глава седьмая

1

Рейс «Саутэрн Принс» от Балтимора до Гибралтара длился двадцать дней. Море все время было спокойно. Большую часть Средиземного моря пароход также прошел почти при полном штиле. Спокойная водная равнина, называемая морем из-за своих размеров, в эти дни напоминала скорее большое озеро. После долгих скитаний по бесконечным водным пустыням морякам приятно было ощущать близость берегов. Земля не скрывалась из глаз, днем на горизонте синели полосы суши, города, острова, ночью мерцали огни маяков и многочисленных встречных судов. Человек не чувствовал себя одиноким, бессильным, заброшенным, как пушинка, несомая ветром между небом и пучиной. Близость земли порождала оптимистическое настроение. Оставаясь наедине с морем, человек чувствовал свою подчиненность могучим силам природы, в его представлении океан, ветры, солнце и тучи казались живыми существами, воля и капризы которых играют человеческой судьбой. И сколько еще умных и образованных моряков, находясь вдали от берегов, унимают беспечно насвистывающего товарища:

— Свисти, свисти, высвистишь шторм!

Ингус вспомнил своего отца, старого, закаленного капитана, как он во время затянувшегося мертвого штиля расхаживал по палубе, свистел и скреб ногтями мачту, думая в простоте душевной вызвать такими манипуляциями появление ветра, разбудить дремлющие силы стихии. Позже, находясь уже на берегу, он сам над этим смеялся и старался превратить все в шутку. Но попробовал бы кто-нибудь пошутить над ним в море!

Оставалось еще около полутора суток хода до Яффы, когда ночью запел такелаж судна — первый предвестник шторма. Мрачно загудели металлические ванты, пронзительно зазвенела радиоантенна. И спящее озеро проснулось, проявило свой морской характер, мощными валами окружило судно. «Саутэрн Принс» перенес десятки жесточайших штормов и вышел победителем из свирепых оргий Бискайского залива, поэтому угрозы Средиземного моря не казались ему страшными. Небольшая неприятность, легкая качка на волнах и немного затянувшийся рейс — вот

и все, что следовало ожидать. Возможно, кто-нибудь из команды ушибется, вывихнет руку или ногу или волной смоет что-нибудь с палубы — для моряков это привычное дело.

Но произошло совершенно непредвиденное, за одну ночь погубившее добрую славу капитана как хорошего судоводителя, приобретенную им за долгие годы службы. В течение первой ночи и всего следующего дня пароход успешно боролся со штормом и к вечеру подошел к берегам Палестины. Капитан поторопился ввести судно в порт и допустил оплошность: вошел в опасную прибрежную зону. Он рассчитывал на мощные машины и морские карты, упустив в своих расчетах то случайное и неотвратимое, что, словно черная кошка, перебегает дорогу смелым мореплавателям.

В одиннадцать часов вечера испортилась рулевая машина. В открытом море, вдали от берегов, где морские пучины не таят никаких ловушек, это не такая уж большая беда! Машину можно исправить за несколько часов, а пока что управлять ручным рулем. Но сейчас дело значительно осложнялось. Справа и слева находились мели, и, потеряв способность маневрировать, большой пароход мог легко попасть в лабиринт прибрежных подводных скал. Сила шторма, казалось, возрастала с каждым мигом. За те несколько минут, пока моряки приводили в действие ручкой руль, «Саутэрн Принс» развернулся бортом к ветру, и порыв ветра силой в двенадцать баллов быстро погнал стальной гигант к берегу. Тут же неподалеку на отмелях кипели и клокотали разъяренные волны.

Капитан понял: судно уже не повернуть носом в открытое море — и приказал выбросить якорь. Словно раскаты грома, загрохотала якорная цепь, выскальзывая из клюза; на миг она туго натянулась, потом ослабла и мягко обвисла почти вертикально вдоль бака парохода.

Выбросили второй якорь, но и он не помог.

— Якоря ползут! — крикнул Яновский в рупор капитану.

— Полный назад! — распорядился капитан.

Но прежде чем машина успела остановить скользивший вперед пароход и сдвинуть его в обратном направлении, мощный толчок потряс корпус судна, опрокинув всех стоявших на палубе моряков, — «Саутэрн Принс» сел на мель так основательно, что своими силами уже не мог сдвинуться. Да еще произошло это во время прилива, когда вода стояла высоко. Что же будет с судном через несколько часов, когда начнется отлив и мель превратится в островок?

Капитан велел радисту посылать сигналы бедствия.

Далеко от места аварии, между Красным и Аравийским морями, в порту Аден стоит удивительное судно. Оно совсем небольшое — что-то среднее между большим буксиром и маленьким пароходом. Хотя на нем имеются подъемный кран и в носовой части — грузовой трюм, никто никогда не видел, чтобы оно перевозило грузы. Оно прочно построено, очень устойчиво и содержится в безукоризненном порядке. Оборудованное мощными машинами, совсем не соответствующими его тоннажу, оно месяцами, даже годами стоит в порту в бездействии. Нос судна и борта оснащены толстыми фендерсами, на палубе видны свернутые в кольца толстые шланги насосов, а в кладовой хранятся водолазные костюмы и всякие иные принадлежности. Стоит это странное судно в порту у пирса, и весь год днем и ночью дымит его труба. В котлах постоянно поддерживается пар, чтобы в любой момент можно было выйти в море. На судне две команды: одна дежурит на палубе, выполняя обычные обязанности моряков, стоит на вахте, поддерживает огонь в топках, как во время рейса. Радист постоянно находится у приемника, неустанно прислушиваясь к таинственному шепоту мира, а штурман сидит в рубке, разложив перед собой четыре морские карты. Другая команда в это время на берегу, отдыхает, выпивает, играет в карты. Через определенный срок экипажи меняются.

Так они томятся изо дня в день, словно готовое к наступлению войско. Несмотря на кажущееся безделье, они живут в непрерывном напряжении. И вот в одну из ночей, когда в море бушует тропический оркан, странное судно отдает концы, поднимает якоря и уходит в море. Эта бывает даже в тех случаях, когда самые большие пароходы ищут пристанища в порту. Какой бы ни был шторм, это судно отправляется в открытое море и не возвращается оттуда по целым неделям и месяцам.

Моряки и жители порта зовут его современным пиратом, а официально оно именуется спасательным судном. Его название «Си-хок» — морской ястреб — соответствует ему как нельзя лучше. Это именно ястреб, стремительный, зоркий и жестокий. Почуввав добычу, он стрелой мчит к ней, схватывает своими стальными когтями и тащит в укромное место, где от бедной жертвы только перья летят. Редко кто может спастись от его нападения.

В ночь, когда «Саутэрн Принс» сел на мель и радист послал в эфир сигналы «SOS», команда «Си-хок» находилась на своих местах. Жестокий

шторм, как обычно, пробудил в них надежду. Капитан с удовлетворением следил за разбушевавшейся стихией и изучал метеорологические сводки. Машинисты дежурили у машины, радист не отходил от аппарата. В продуктовой кладовой лежал двухмесячный запас провианта.

Целый год «Си-хок» не выходил в море, но это никого не тревожило: попадетсЯ богатая добыча и с избытком покроет продолжительное бездействие.

И вот среди ночи запищал радиоаппарат. Радист схватил карандаш и трясущимися пальцами записал позывные. Минуту спустя он уже стучал в дверь капитанской каюты.

Капитан быстро прочел сообщение, надел дождевик и вышел на палубу.

— Все по местам! Поднять трап и отдать концы!

Четверть часа спустя «Си-хок» вышел в море. Со скоростью двадцати двух миль в час понесся он на север через Красное море, через Суэцкий канал к берегу Палестины, где на песчаной мели, как попавший в западню слон, отчаянно метался большой «Саутэрн Принс». Пираты спешили и радовались, что шторм еще не собирается утихать. Они должны были первыми прибыть на место аварии, пока не примчались другие спасательные суда из Генуи или Марселя. Может быть, им подвернется добыча где-нибудь поближе к дому и «Саутэрн Принс» останется целиком в распоряжении «Си-хок»?

— Поднять пар! Не жалеть топлива! Мы должны сегодня прибыть на место бедствия!

Пусть бушует море, пусть волны перекатываются через палубу — только вперед, на север, ангел-хранитель судов! Теперь тебе предстоит поработать, потом опять настанут свободные дни.

Суэцкий канал на время затормозил неистовую спешку, но и здесь «Си-хок» воспользовался преимуществами, которые предоставлялись ему как спасательному судну, и прошел канал с большей скоростью, чем это разрешено всем остальным судам. Его вне очереди пропустили через шлюзы, и в час дня он уже приближался к месту аварии.

«Какая добыча! Вот это лакомый кусок!» — глаза капитана алчно заблестели, когда он рассмотрел в бинокль мощный корпус «Саутэрн Принс». На мачтах судна развевался сигнал бедствия. Люди «Си-хок» были приятно удивлены. Пароход грузоподъемностью восемь тысяч тонн, совсем новый, полностью нагруженный — это действительно богатая добыча; ведь спасителю по закону причиталась третья часть его стоимости. Достаточно было один раз в год спасти такой пароход, чтобы «Си-хок» под полными

парами и с двумя командами на борту мог спокойно дремать у портовых пирсов и приносить своим владельцам более чем приличный доход.

Да, добыча найдена, но нужно еще завладеть ею, а это не так-то легко. Впрочем, капитан «Си-хок» Робертсон недаром двенадцатый год водил спасательные суда и разгрыз на своем веку уже не один твердый орешек. Главное — обнаружить судно. Еще не было случая, чтобы кто-нибудь сумел вырваться из рук Робертсона, как бы хитро и осторожно ни действовали капитаны потерпевших аварию судов.

О том, что борьба на этот раз будет нелегкой, свидетельствовало угрюмое ворчание командира Джефриса, когда он заметил приближение «Си-хок».

— Стервятник уж тут как тут! Издали чуе пададь. Смотри не подавись, обжора, этот кусок слишком велик для твоей глотки.

С того момента, как «Саутэрн Принс» наскочил на мель, команда работала без отдыха. Пока не кончился прилив, Джефрис еще надеялся своими силами сдвинуть судно с мели. Если б море было спокойнее, возможно, это и удалось бы ему, но сейчас нечего и думать о спуске шлюпки и выброске якоря. Единственное, что можно предпринять, — это машинам непрерывно давать полный назад. Но и это не помогало. Пароход вязнул все глубже и глубже и во время отлива почти всем корпусом поднялся над водой.

Вначале Джефрис думал, что «Саутэрн Принс» помогут военные корабли — ведь он перевозил продовольствие, медикаменты и оружие для союзнической армии. Но до появления «Си-хок» на море показался лишь какой-то портовый катер, Он был прислан, чтобы посмотреть, в каком состоянии терпящий аварию пароход, и в случае опасности забрать на берег людей. Больше ничем эта букашка не могла помочь большому пароходу.

К полудню ветер стал спадать, волнение уменьшилось, и непосредственной угрозы для жизни людей экипажа «Саутэрн Принс» уже не было. Оказалось, что и сам пароход пострадал не очень сильно, если не считать течи, образовавшейся в трюмах носовой части. Об этом можно было не беспокоиться, так как в трюме находился груз, которому вода не могла повредить. Но течь была слишком большой, и судовые насосы не успевали откачивать воду. Разница выражалась в нескольких сантиметрах в

час. Поэтому-то капитан Джефрис так враждебно встретил спасательное судно.

Встреча обоих судов оказалась довольно комичной. «Си-хок» прямо с моря искусным маневром приблизился к «Саутэрн Принс». Не спросив ни о чем Джефриса, капитан Робертсон собирался взять потерпевший аварию пароход под свое командование и распорядиться на нем по своему усмотрению. Оснащенное фендерсами, спасательное судно смело прижалось к борту «Саутэрн Принс». Матросы возились с концами, готовили насосные шланги и уже намеревались подняться на палубу парохода.

Тогда энергично вмешался Джефрис:

— Наверх никого не пускать! Не разрешать швартоваться! Никаких спасательных работ без моего разрешения не начинать!

Капитан Робертсон, усмехаясь, кивнул своему помощнику:

— Видать, из опытных. Хочет поторговаться. Пусть попробует, нам некуда спешить.

Успешно отразив первую беззастенчивую атаку «Си-хок», капитан Джефрис начал дипломатические переговоры. Он пригласил капитана спасательного судна поговорить с глазу на глаз. Робертсон согласился и поднялся на палубу «Саутэрн Принс». В салоне капитана за стаканом коньяку и душистыми гаванскими сигарами произошел следующий разговор.

Робертсон: Вы посылали сигналы «SOS», на которые мы поспешили из Адена к вам на помощь. Никто, кроме нас, не явился, и за это время положение вашего парохода не улучшилось. Следовательно, вы не имеете права отказываться от нашей помощи.

Джефрис: Я звал не вас и могу подождать, пока придет помощь из другого места. Мое судно находится сейчас в ведении военно-транспортного ведомства, поэтому у меня есть основания надеяться, что какой-нибудь военный корабль снимет «Саутэрн Принс» с мели. Перед вами, мистер Робертсон, у нас нет никаких обязательств.

Робертсон: Морской суд решит иначе.

Джефрис: Не забудьте, что в данном случае вы имеете дело не с частной фирмой, а с государством. Кроме того, особые условия военного времени...

Робертсон: Позвольте спросить, с кем мне в данном случае нужно вести переговоры — с военно-транспортным ведомством или с вами? Вы правомочный представитель судовладельца или служебное лицо, не облеченное ответственностью?

Джефрис понял — ему расставляют западню: если он станет отрицать свою самостоятельность и правомочность, Робертсон сможет не считаться с ним и без согласия капитана возьмет пароход на буксир, если же он подтвердит свою самостоятельность, тогда придется признать и обязательства по отношению к спасательному судну. Поэтому он уклонился от ответа и приступил прямо к практическим переговорам.

— Сколько вы возьмете за снятие парохода с мели и доставку его в порт?

— Только то, что полагается по закону: одну треть стоимости парохода и находящихся на нем грузов. Это же понятно само собой, поскольку у нас существует такой закон.

— Я с этим не согласен. Если бы «Саутэрн Принс» грозила немедленная гибель, тогда мне пришлось бы принять ваши условия. Но с пароходом не произошло ничего страшного. Мы вполне можем просидеть на мели целый месяц. За этот месяц мы, учитывая близость порта, можем весь свой груз перевезти на каботажниках и баржах на берег. Стоимость перегрузки обойдется страховому обществу значительно дешевле, чем треть стоимости груза. А когда пароход будет разгружен, он и без вашей помощи сойдет с мели.

Робертсон в душе злился на сообразительность капитана. Видать, это бывалый старик, и голыми руками его не возьмешь. Но он, по-видимому, не был знаком с местными условиями, и поэтому у Робертсона еще оставались кое-какие надежды.

— Сколько вы даете? — спросил он.

— Я думаю, нам выгоднее всего договориться о поденной оплате. Работы по снятию судна с мели могут продолжаться самое большее два дня. Предположим, что пройдут все три. Прибавим к этому один день на доставку судна в порт, два — на путь из Адена и два — на обратный путь. Всего получается восемь дней. Вам известно, во что обходится в день содержание вашего судна. К этим фактическим расходам прибавим сумму, о которой мы условимся, причем сумму солидную, и наши расчеты будут закончены.

— Как велика будет эта сумма?

— Я считаю, тысяча фунтов в день устроит любого предпринимателя.

— Благодарю.

Капитан Робертсон взял фуражку, сдержанно поклонился и направился к выходу.

— Тогда нам не о чем разговаривать.

— Какое же будет ваше предложение? — спросил Джефрис.

— Вы забываете наше исключительное положение, — произнес Робертсон. — Спасательное судно имеет работу в лучшем случае две недели в году. Если ему будут платить только за эти две недели, скажите: как нам существовать остальное время? Еще раз повторяю: я не требую больше того, что предусмотрено законом. Треть стоимости спасенного имущества, вот и все.

— Тогда и мне не о чем говорить с вами, — обрезал Джефрис.

Капитан Робертсон вернулся на свое судно, отвел его метров на двести от «Саутэрн Принс» и приказал бросить якорь. Теперь оба судна — жертва и агрессор — находились на расстоянии человеческого голоса. Робертсон вооружился терпением и решил выждать, пока Джефрис сам признает свое бессилие. Когда шторм стих, на палубе «Си-хок» было слышно, как старый Джефрис исходил проклятиями и потрясал кулаками в сторону спасательного судна.

— Прожорливая акула, ну чего ты тут торчишь, чего кружишь, словно ворон над падалью?

— Побесись, старичок, скоро утихомиришься, — усмехался Робертсон. Ярость Джефриса доказывала, что положение «Саутэрн Принс» ухудшилось.

Два дня «Си-хок» простоял на якоре вблизи парохода, после чего Робертсон решил, что настало время применить дальнейшие меры воздействия. Вечером в сумерки он опять приблизился к «Саутэрн Принс» и осведомился, не желает ли капитан Джефрис с ним говорить.

Джефрис желал. Одновременно с Робертсоном на «Саутэрн Принс» отправился и его помощник. И пока оба капитана ожесточенно спорили в салоне, помощник Робертсона беседовал с людьми. В салоне происходила странная сделка: оба капитана старались дать друг другу взятку. Джефрис обещал Робертсону тысячу фунтов сверх условленных, если он согласится с его предложением, Робертсон обещал Джефрису столько же, если Джефрис разрешит ему действовать «в соответствии с морскими законами». В тот день им так и не удалось подкупить друг друга. Зато более успешно действовал помощник Робертсона. Он тоже прибегал к взяткам, правда, в более скромных размерах, но зато с лучшими результатами. Он убедился, что боцман готов услужить за десять фунтов. Столько же потребовал дункеман и еще некоторые нужные ему люди. Офицеров пока в это дело не вмешивали.

Спустя час Робертсон с помощником вернулись на «Си-хок» и спокойно стали ждать утра, когда переговоры должны были возобновиться, но уже совсем в другом духе.

За ночь на «Саутэрн Принс» произошло много существенных изменений. Во-первых, значительно увеличилась течь. В трюмах вода начала прибывать на четыре сантиметра в час. Во-вторых, под утро вышел из строя большой судовой насос, и механики никак не могли починить его. Капитан Джефрис метался как безумный, но ничем помочь не мог. Вода все прибывала и грозила вскоре подмочить грузы, боящиеся сырости. На «Си-хок» об этом были осведомлены лучше, чем сам Джефрис, поэтому сегодня Робертсон не спешил возобновлять переговоры.

Положение «Саутэрн Принс» с каждым часом становилось все более угрожающим, и наконец около полудня Джефрис сообщил, что желает говорить с капитаном Робертсоном.

Разговор происходил в секретной обстановке и продолжался не больше получаса — обстоятельства не позволяли дольше тянуть. Какую взятку удалось дать Джефрису, об этом никто не знал, но когда оба капитана вышли на палубу, Джефрис был очень любезен с Робертсоном и торопил его скорее приступить к спасательным работам, а Робертсон из спокойного, флегматичного наблюдателя превратился в энергичного командира.

— Ошвартоваться с подветренной стороны! Пустить в ход все насосы! Водолазам приготовиться к осмотру днища «Саутэрн Принс»!

Он в несколько мгновений поднял тревогу на своем судне. И начались спасательные работы — одна из самых больших комедий, какие только приходилось видеть Ингусу Зитару. Но и он не был забыт и поэтому наравне с Яновским, Джефрисом и другими смотрел на происходящее сквозь пальцы, хотя это обошлось владельцам парохода и грузов в одну треть стоимости их имущества.

В продолжение двух часов насосы «Си-хок» качали в море мощные струи воды, и скоро течь была ликвидирована. Одновременно водолаз осмотрел днище парохода. Капитан Робертсон убедился, что при желании «Саутэрн Принс» можно снять с мели за один день. Но по некоторым соображениям это было нежелательно: если слишком скоро закончатся спасательные работы, то страховому обществу и судовладельцам покажется обидным платить большую премию за спасение. Нужно создать видимость, что «Саутэрн Принс» действительно находится в безвыходном положении и «Си-хок», спасая его, проделал поистине героическую работу.

Вот почему прошло целых две недели непрерывной работы, пока

громадный пароход был сдвинут на глубокую воду. Водолаз сообщил, что днище сильно пострадало и в нескольких местах необходимо ставить цементный пластырь. Он часами находился под водой, чинил там, где нечего чинить, и убедил капитана в том, что без его вмешательства усилия всех остальных были бы напрасны.

Еще большую комедию разыграли с откачиванием воды из трюмов. Если бы насосы «Си-хок» работали в полную мощь, то уже в первый вечер, осушив трюмы, можно было взять пароход на буксир и снять с мели. Это тоже было нежелательно, поэтому откачивание воды продолжалось целые дни напролет. Когда в трюмах прекратилась течь, один насос стал накачивать туда морскую воду, другой выкачивал. Так могло продолжаться до бесконечности, потому что мощность обоих насосов была одинакова. Понятно, что эти махинации не могли не заметить зоркие глаза моряков, но, чтобы отвлечь их в сторону, помощник Робертсона не скупился на скромные доказательства дружбы. По фунту туда и сюда — в виде благодарности экипажу за содействие в спасательных работах, — и никто уже не обращал внимания на то, что происходит в трюмах. Каждый получил свою мзду, начиная с капитана Джефриса и кончая последним юнгой, потому что Робертсон был человек справедливый. Да и было за что давать. Стоимость одного только парохода при самых приблизительных подсчетах выражалась в сумме в сто тысяч фунтов стерлингов, груз стоил раза в четыре дороже. Значит, премия за спасение составит примерно сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Стоит ли говорить о каких-нибудь двух-трех процентах от этой суммы, которые пришлось раздать в интересах дела?

Спасательные работы продолжались восемь дней, после чего Робертсон в первый раз попробовал взять «Саутэрн Принс» на буксир. Целый час пытался он раскатать засевший на грунте пароход, но, понятно, безрезультатно, так как машины «Си-хок» работали на половинную мощность. Наконец внезапным ловким рывком был разорван канат и наглядно доказано, что пароход невозможно стронуть с места.

— Придется все же часть груза перевезти на берег, — посоветовал Робертсон Джефрису.

Груз брали из носового трюма, чтобы в первую очередь облегчить нос парохода, зарывшийся в грунт глубже остальных частей. Небольшими партиями, по сто тонн за каждый рейс, груз свозили на берег. Когда таким способом было выгружено около тысячи тонн, Робертсон возобновил попытку сдвинуть пароход с мели. На этот раз повезло: «Саутэрн Принс» послушно сполз с мели. Как и полагается галантному кавалеру, спаситель

пришвартовался к борту спасенного и, словно больную даму, повел к порту, продолжая усердно выкачивать воду из трюмов. Даже в порту, поставив пароход к берегу, «Си-хок» не оставил его и, как верный страж, встал рядом, готовый к услугам в любую минуту.

Тем временем газеты, захлебываясь, расписывали полный драматизма поход спасательного судна из Адена в Средиземное море, бессменную круглосуточную работу всей команды в продолжение недель и особенно заслуги капитана Робертсона. Все это представлялось в самом романтическом свете. Робертсон мог рассчитывать на награду.

За все это время Ингус не получил ни одного письма. Не писала и Мод, и он уже начал беспокоиться, не случилось ли с ней что-нибудь. Почему не писала Лилия и родные, он теперь знал: Рига пала и в родной усадьбе хозяйничали немцы. Но Мод? Почему молчала Мод?

Рождество и Новый год Ингус встречал в море, находясь во втором рейсе между Соединенными Штатами и Палестиной. Со смиренскими коврами ничего не получилось, потому что в Яффе и Порт-Саиде, откуда судно отправлялось в обратный рейс, можно было купить только подделку, которой не обманешь янки, понимающих в этих вещах толк. Благодаря контрабандистским талантам Яновского друзьям не пришлось возвращаться с пустыми руками — для контрабанды нашлись кое-какие другие товары, хотя и менее доходные.

После второго рейса команда оставила надежду вернуться на старую линию до окончания войны. Пароход должен был пойти весной в док на полукапитальный ремонт, но сейчас об этом нечего было и думать. Классификационный срок продлили без ремонта на полгода. По прошествии полугода срок продлили до весны 1919 года, и, если бы война не окончилась осенью 1918 года, отсрочки продолжались бы без конца, пока судно действительно не стало бы непригодным к плаванию или пока его не пустила бы на дно немецкая торпеда.

Прошел еще год. Ингус не получал больше никаких известий из дому, Мод с прошлой осени тоже молчала, хотя он аккуратно перед каждым рейсом и по возвращении посылал ей письмо. Изредка писал только Волдис Гандрис. У этого человека были успехи: прослужив восемь месяцев капитаном маленького парохода, он получил назначение на большой торговый пароход, только что спущенный на воду, грузоподъемностью в

шесть тысяч тонн. Но Ингус если слегка и завидовал, то совсем не капитанству Волдиса — он заслуживал его больше, чем кто-либо другой из школьных товарищей, — а лишь тому, что его друг на своем пароходе изредка заходил в Манчестер. Временами Ингусу хотелось рассказать Волдису про Мод и просить, чтобы тот разыскал ее, но он не мог забыть его иронических высказываний. Ингуса пугало странное предубеждение товарища к незнакомой женщине и боязнь, что тот может изобразить Мод в непривлекательных красках. Продолжая по-прежнему жить воспоминаниями и мечтами, он предпочитал оставаться в неведении, чем увидеть, как лопается его радужный мыльный пузырь.

31 октября 1918 года капитулировала Турция. Вскоре окончилась и война вообще. Сообщение о перемирии «Саутэрн Принс» получил на море, посреди Атлантики. Но пароход, тем не менее, не имел права изменить курс и спешить на север, как этого желал штурман Зитар. Груз следовало доставить в Палестину, затем разгрузить пароход и терпеливо ожидать приказаний военно-транспортного ведомства. Лишь в начале декабря «Саутэрн Принс» получил распоряжение компании вернуться в Англию и приступить к ремонту.

На рождество, только на целый год позже, чем обещал, вернулся Ингус в Манчестер. Он скопил тысячу фунтов стерлингов, выполнив обещание, данное девушке. За опоздание же пусть отвечает военное командование, завоеванная Месопотамия и оккупированные Дарданеллы.

Глава восьмая

1

Сухой док, где должен был ремонтироваться «Саутэрн Принс», был занят, поэтому пароходу пришлось швартоваться в одном из отдаленных уголков порта. Как только были выполнены все формальности с таможенным надзором и портовыми чиновниками, на пароход хлынули разные услужливые люди: торговцы, агенты по продаже всяких нужных и ненужных товаров, сборщики белья из прачечных, сапожники, портные с образцами тканей, посыльный от христианской миссии для моряков [71] с приглашением на елку и несколько инвалидов войны. Все они расхваливали свои товары или заслуги, пока первый штурман Яновский, расшвирипев, не прогнал их на берег.

— Никого больше не пускать без моего ведома! — приказал он вахтенному матросу. — Настоящие акулы. Знают, что у ребят деньги водятся, вот и кружатся возле них.

Вскоре после того как последовало это грозное распоряжение, вахтенному матросу пришлось прогнать молодого человека, пытавшегося проникнуть на пароход. Он уже поднялся до половины сходней, когда его заметили и велели убираться прочь. Молодой человек, который был не кто иной, как Волдис Гандрис, пожал плечами и сошел обратно на берег. Оттуда он начал дипломатические переговоры с ревностным караульным.

— Второй штурман на судне? — спросил он.

— Да, и первый тоже, и даже капитан, — вызывающе заявил матрос.

— Мне нужно повидать второго штурмана, — продолжал Волдис. — Будьте так любезны, вызовите его.

— Что вам нужно от второго штурмана?

— Это не ваше дело, — резко ответил Волдис. — С каких это пор на судах появились такие любопытные и неотесанные матросы?

— С тех пор как всякие проходимцы стали лезть на палубу, — не остался в долгу матрос.

Неизвестно, на сколько затянулось бы это состязание в красноречии, если бы на палубу не вышел Яновский. Он сразу узнал бывшего школьного товарища, о котором Ингус в последнее время часто говорил, и радостно приветствовал его.

— Поднимайся наверх, господин капитан, и перестань ругаться с моими ребятами.

— Ты поставил у схода настоящего цербера. Что вы там везете — алмазы или золото?

— Нет, только сов и обезьян! — рассмеялся Яновский.

— Где Ингус? Неужели успел удрать на берег?

— Нет, но готовится вовсю... — Яновский с комическим любопытством осматривал Волдиса с головы до ног. — Надо посмотреть, что из себя представляет человек, полтора года плававший капитаном. Гм... Этой профессии присуща одна особенность, которой не может избежать даже самый ловкий из нас. И тебя она коснулась.

— А именно?

— Взгляни на свое брюшко, — сказал Яновский. — Много ли времени прошло — всего полтора года, а уже чувствуется.

Волдис действительно заметно округлился.

— Это особенность профессии, — пошутил он. — Молодым еще кое-как разрешается занимать эту должность, но худощавым быть не годится — ребята уважать не станут.

— Почему ты не пустил золотую цепь по животу? — продолжал Яновский, провожая Волдиса в каюту Ингуса. — Посмотрел бы ты у нашего. Настоящий трос.

— Устаревшая мода...

Ингус и обрадовался, и обеспокоился, увидев Волдиса. Приятно было после полуторагодовой разлуки встретить лучшего друга, но только не теперь, когда он готовился пойти к Мод. Нечего было и надеяться на скорый уход Волдиса, а уйти первым неудобно.

Но Волдис оказался достаточно деликатным, чтобы понять причину беспокойства Ингуса. Он сразу спросил, не собирается ли тот сегодня вечером куда-нибудь пойти.

— Честно говоря, собирался, но я не предвидел такого гостя, так что все можно отложить, — ответил Ингус.

— Совершенно напрасно, — возразил Волдис. — Я пробуду все праздники в порту, и у нас еще хватит времени поболтать обо всем. Когда тебе нужно быть на берегу?

— Я собирался к семи.

— Следовательно, в нашем распоряжении больше получаса. Ну, на первый раз достаточно. Поговорим о делах. Ты что-нибудь знаешь о своих домашних?

— Абсолютно ничего. Больше года не имею от них ни одного письма.

Теперь и я перестал писать.

— И не стоит. Там некому отвечать.

— Вот как? Тебе что-нибудь известно?

— Да. Видишь ли, ты, может быть, помнишь, у меня была кое-какая переписка с твоими родными. В один прекрасный день мне перестали отвечать, так же, как и тебе. Я подождал некоторое время, пока там утвердятся оккупационные власти, и написал опять. Ответа не получил. Еще написал, но результат все тот же. Потом я узнал, что некоторые наши земляки все же получают письма из дому, и стал думать, почему мне не отвечают. Наконец сообразил, что отвечать некому, — ведь очень многие уехали в Россию и скитаются неизвестно где. Почему бы и твоим родным не поступить так же?

— Ты думаешь, что их уже нет в Зитарах?

— Я это точно знаю. Недавно посылал заказное письмо в адрес твоего волостного правления и через месяц получил ответ. Семья Зитаров еще до прихода немцев уехала на север Видземе и, по полученным позднее сведениям, осенью 1917 года отправилась в отдаленные губернии России.

— А как же дом? Кто там теперь хозяйничает?

— Этим я не интересовался, и потому мне ничего не сообщили. Скорее всего, он разорен и пустует, так же, как и многие другие.

— Значит, я остался совершенно одиноким и неизвестно когда увижу родных. Может быть, и никогда...

— Всего можно ожидать, Ингус...

— А что мы теперь станем делать? Война окончилась. Можно бы поехать домой, но если там никого нет...

Волдис с минуту молчал, размышляя о чем-то, затем сказал:

— Я думаю, нам стоило бы некоторое время обождать и посмотреть, как все устроится. Судя по газетам, там сейчас идет заваруха. Нельзя, конечно, принимать за чистую монету все, о чем трезвонят газеты, но ясно одно: в России сейчас жарко. Царь со своим тронном полетел за борт. Большевики до основания разрушили старый мир и угрожают помещикам и капиталистам. Похоже на то, что у этих большевиков настоящие мудрые вожди — не зря так поносит их в Лондоне, Париже и Нью-Йорке вся эта огромная шайка живодеров. Одному ворону обкорнали крылья, как же тут не закаркать всей черной стае?

— Ты думаешь, они удовольствуются только карканьем? — спросил Ингус. — Примирятся с русской революцией и позволят установить там новые порядки?

— Возможно, они и попытаются что-то сделать, но о результатах я не

берусь судить. Слишком мало мы, Ингус, знаем о том, что в действительности происходит сегодня в России. Питаемся разными слухами.

Так оно и было. Отголоски революции хотя и долетали до них, но капиталистическая пресса делала все возможное, чтобы народы Западной Европы и Америки получали самые искаженные, превратные представления о том, что происходит в России. Ингус и Волдис не были искушены в политике. Но и они иногда улавливали в какофонии кликушествовавшего хора реакционных сил какое-нибудь объективное сообщение оттуда. Однако этого было мало, чтобы сделать правильные выводы и ясно определить свою позицию. Они с радостью приняли сообщение о крушении старого режима. Но они и понятия не имели, что несет с собою новый режим, а поэтому не знали, как к нему относиться: принять или отвергнуть. Им оставалось одно: наблюдать, пока картина происходящих на родине событий станет ясной.

На том и порешили.

Без четверти семь друзья вместе сошли на берег. Волдис указал место стоянки своего парохода и напомнил, что на следующий день ждет Ингуса к себе в гости.

Они расстались. Вечером Волдис должен был быть на судне — ожидалось посещение судовладельцев. Ингус сел в трамвай и поехал на Маркет-стрит. Он не забыл прихватить с собой и подарок.

2

Ингус привез со Средиземного моря тот ровный, темный загар, которым не могут похвастаться северяне. В середине лета, когда все здоровые люди в большей или меньшей степени покрываются загаром, он своим видом не выделялся бы так резко, но сегодня, в рождественский сочельник, он казался на улицах Манчестера белой вороной. Каждое его движение, взгляд, упругое тело — все дышало здоровьем, молодостью, силой и жизнерадостностью. Трудно было себе представить, что в сердце этого человека скрывается печаль, уныние и заботы. Но именно так оно и было. Чем ближе подходил Ингус к знакомому дому, тем учащеннее билось его сердце в ожидании предстоящего свидания и тем сильнее охватывали его какие-то неясные предчувствия. Ноги точно налились свинцом. Ему вдруг захотелось сесть в парке на скамейку и отдохнуть.

Почему молчала Мод?

Ждет ли она его, и будет ли ей приятен его приход? Он вспомнил прошлые встречи и задушевный тон последних писем. Все это как будто давало право возвратиться после длительной разлуки и связать порвавшуюся нить на том месте, где произошел обрыв. Если у Мод появилась новая привязанность, она известила бы об этом Ингуса — дальность расстояния давала возможность безболезненно уладить самые щекотливые вопросы. Ведь при этом не нужно смотреть в глаза другу, видеть его страдания. Самая нерешительная женщина нашла бы в себе достаточно смелости и не оставила бы мужчину в неведении. А Мод нельзя было упрекнуть в нерешительности. Следовательно, дело не в этом.

Может быть, с ней случилось что-нибудь... Мод уже больше не существует?

С трудом, точно взбираясь на отвесную скалу, поднялся он по лестнице, немного отдышался у знакомых дверей и позвонил. Мод не могла еще никуда уйти — было слишком рано.

Повернулся ключ в замке. Ингус отошел подальше от двери и переложил пакет с подарком в левую руку, чтобы правой поздороваться. В дверной щели показалось лицо мужчины средних лет.

— Добрый вечер, сэ, — поздоровался Ингус. — Простите за беспокойство. Мисс Фенчер у себя?

— Такая мисс здесь не живет, — нетерпеливо ответил англичанин, которого звонок Ингуса, очевидно, оторвал от какого-то важного занятия.

— Давно ли она отсюда выехала, и не можете ли вы сказать, куда именно? — поспешно спросил Ингус, боясь, что занятый человек захлопнет перед ним дверь раньше, чем он узнает самое необходимое.

— Спросите у управляющего домом. Квартира номер два. Вторая дверь от входа.

— Благодарю, сэ. До свидания.

От управляющего домом Ингус узнал, что Мод Фенчер съехала с этой квартиры в ноябре прошлого года, то есть больше года тому назад. Куда она переехала, управляющий не мог сказать.

...Это был самый одинокий и печальный сочельник в жизни Ингуса Зитара. Он бродил по улицам и паркам — всюду, где когда-то гулял вместе с Мод; отыскивал скамейки, на которых они сидели во время прогулок. Он зашел в кино и посидел в ложе, где впервые опьянила его близость Мод. Завернул в ресторан и уселся за прежний их столик. И везде, в каждом из этих мест он словно искал следы Мод, какой-то оставленный ею в свое время отпечаток. Возможно, что он даже надеялся, бродя по любимым тропкам Мод, встретить ее. Все вокруг было таким же, как тогда. Так же

играла музыка, приходили и уходили люди, так же по темным уголкам парка сидели влюбленные, тесно прижавшись друг к другу, шутили молодые люди, смеялись девушки, и где-то у самых ворот порта слышалась балаганная музыка каруселей.

Все было таким же, если даже не более праздничным и радостным, чем тогда, но не было Мод. Одиноким человек с темным лицом южанина бродил по улицам в поисках вчерашнего дня.

Мимо него проходили веселыми толпами моряки; суровые полисмены сегодня смотрели сквозь пальцы на то, что захмелевшие парни громче положенного выражали свои чувства, — сегодня сочельник. Для всех был праздник. Большой город, впервые за несколько лет такой светлый, смеялся и улыбался: окончилась война. И где-то в недрах этого города находится Мод. Попробуй найти ее среди тысяч домов и людского моря. Людей здесь восемьсот тысяч, ты можешь прожить всю жизнь и не встретить нужного тебе человека. Возможно, ты действительно никогда ее не встретишь. Город похож на дремучий лес — если не знаешь правильной тропинки, ты никогда не найдешь того, что ищешь.

Может быть, ее уже нет в Манчестере? Как-то раз она упоминала о богатой тетке в Канаде, та звала ее к себе. Вдруг Мод приняла приглашение тетки?

Поздно вечером Ингус возвратился в док. Справа от главных ворот виднелись отблески огней балагана. Он направился туда. Тесно жались друг к другу маленькие, наскоро построенные хибарки; там были натянуты парусиновые палатки и стояла громадная карусель. Под музыку, сопровождаемую звоном бубенцов, вертелись пестрые сани и лодки, откуда-то тянуло запахом зверинца, а на грязной площади топталась толпа, забавляясь бросанием колец в цель, стрельбой по прыгающим шарикам, пробуя силы у силомеров. Портовые девушки флиртовали с подгулявшими моряками. Это были простые, непритязательные люди, они довольствовались небольшим. Прибыв сюда из-за океана, они за несколько шиллингов покупали себе иллюзию счастья.

Ингус обошел балаган, но не остановился ни у одной будки и, сам не зная, зачем он сюда явился, вскоре ушел.

Часы показывали без четверти двенадцать, когда он добрался до парохода Волдиса Гандриса. В салоне у капитана собрались гости — несколько человек из пароходства со своими дамами. Ингус сразу же собрался уйти, но Волдис его не отпустил.

— Ты, видно, сегодня основательно заложил за галстук? — улыбнулся он, окинув внимательным взглядом Ингуса.

— Ошибаешься, я сегодня не выпил ни капли.

— Тем хуже... — задумчиво продолжал Волдис. — Поэтому заходи и наверстывай упущенное. Сегодня мы пьем за счет пароходовладельцев, а ты будешь моим гостем.

В ту ночь Ингус не вернулся на «Саутэрн Принс». На первый день рождества он проснулся в каюте Волдиса, но не мог вспомнить, как он сюда попал. Забыто было и многое другое, поездка на Маркет-стрит, блуждание по улицам. Но когда стюард принес Ингусу оставленный им где-то пакет с подарками для Мод, он вспомнил все. И ему стало невыносимо тяжело.

3

У Ингуса и Волдиса это было первое свободное рождество за четыре года. Праздничное настроение усугублялось еще сознанием, что окончилась война и можно начать новую, более спокойную жизнь. Как хорошо было бы теперь, после всех перенесенных трудностей и опасностей, оказаться в кругу своей семьи, любоваться огнями рождественской елки и вспоминать пережитое. С чувством зависти смотрели они на своих товарищей — англичан, которые направлялись на берег домой или в родные города, чтобы после праздников обновленными вернуться на работу. У них были семьи, была родина — чужестранец понимал, что это значит.

В такие минуты нечаянно встретить друга приятнее всего на свете. Он не только товарищ — он для вас самое близкое, родное, дорогое, что связано с вашим народом, землей вашего детства. Просыпаются позабытые чувства, звучат замолкшие струны, и воспоминания уносят вас за моря и острова, в солнечную страну, равной которой вы не найдете во всем свете.

В первый день рождества Ингус был дежурным по судну. Никто не сделал ему никакого замечания, когда он вернулся с берега только после полудня. Вечером пришел Волдис и остался у него допоздна. К ним присоединился Яновский, и за бутылкой виски полилась беседа о прежних веселых годах в мореходном училище. Некоторые товарищи погибли во время войны, другие уехали на чужбину, а иные и совсем исчезли из поля зрения. «Волдис, что там у тебя получилось с кухаркой аптекаря?» — «Яновский, а ты помнишь, как сдавали на выпускных экзаменах девиацию?» — «А та маленькая резвушка? Ингус, ты продолжаешь переписываться с ней?»

Время прошло незаметно, день кончился и начался другой. На второй день рождества Ингус опять гостил у Волдиса. Он завидовал другу: как легко он умел жить! Его не мучили сомнения и несбыточные мечты. Когда есть работа, он работает, когда праздник — празднует. Почему Ингус не может так? Для этого нужно совсем немного. Более практично смотреть на жизнь, не увлекаться встреченными на футбольном поле девушками и отнестись наплевательски к тому, что Мод перестала отвечать на письма. Кроме Мод есть целые легионы других женщин. Где-то на берегу родного залива одна из них ждет тебя уже пятый год и будет ждать, пока ты не вернешься. Почему ты так мрачен, молодой человек? Виски — крепкая водка, и гармонь звучит весело. Когда-нибудь и ты станешь капитаном на своем собственном судне.

Может быть, это была уже не любовь, а строптивость, упрямство страсти, задетое самолюбие? Каждому из них — и Ингусу, и Мод — хотелось сказать последнее слово, и никто из них не желал примириться с тем, что не он первый повернется к другому спиной. Тебе надоело или ты надоел — в этом большая разница. Мод первая поспешила сказать «нет», когда Ингус об этом еще только начинал думать. Ей принадлежала пальма первенства. Но и он хотел быть победителем и с честью уйти с поля сражения. Имея в кармане тысячу фунтов и зная слабость Мод к материальным ценностям, он мог быть твердо уверен, что она не выдержит соблазна и откажется от своего оскорбительного решения. Она опять захочет вернуться к нему, но он тогда скажет ей «прощай» и уйдет навсегда.

Вечером на третий день рождества Ингус опять обошел все места, где можно было рассчитывать встретить Мод. Все напрасно. Но Ингусу не верилось, что Мод не живет в Манчестере, и поэтому, попросив у капитана разрешения, он с самого утра отправился в город на целый день. Пакет с подарками для Мод он захватил с собой. Ингус разыскал контору, где она когда-то работала, навел справки в адресном столе, но нигде никаких следов ему найти не удалось. Значит, она в самом деле не живет здесь и надо успокоиться, сесть в трамвай, вернуться в док и примириться с мыслью о том, что свет слишком велик и найти в нем потерявшегося человека нельзя.

На корабль Ингус отправился не на трамвае, а пешком, и поэтому в два часа пополудни находился не на судне, а на перекрестке двух больших улиц. И вдруг на противоположной стороне он увидел ее. Она шла одна и несла в руке корзину с покупками. Ингус не мог сразу перейти на ту сторону из-за оживленного движения транспорта, а когда путь открылся, Мод вошла в одну из дверей и скрылась из глаз. Ингус перешел улицу, не

выпуская из виду эту дверь. В вестибюле он услышал шаги Мод двумя этажами выше — больше никого на лестнице не было. Потом он услышал, как Мод открыла ключом дверь и вошла в квартиру. Минутой позже он уже стоял на площадке третьего этажа и читал фамилии квартирантов на дощечках всех четырех дверей, выходящих на площадку. Но ни на одной не было фамилии Мод. За которой же из них она жила?

Ингус без промедления начал звонить по очереди в каждую квартиру. В первой никто не ответил, во второй появилось морщинистое лицо старой леди. Третью дверь открыла она.

4

— Вы?! — воскликнула Мод и в первый миг отшатнулась от двери. Восклицание это было настолько неопределенным, что его можно было с одинаковым успехом истолковать и как проявление чрезвычайной радости, и как признак сильного смущения и разочарования.

Ингус смотрел на смущенное лицо Мод, объясняя ее замешательство по-своему. И опять его охватило какое-то сладостное ощущение; он вдыхал воздух, который был для него самым пьянящим ароматом. Вся горечь и планы мщения были забыты, бесконечная радость и нежность притягивали его все ближе и ближе к этой женщине, которую можно было одновременно ненавидеть и любить.

— Здравствуйте, Мод... — прошептал он прерывающимся голосом. — Как видите, я опять здесь.

Она через порог протянула ему руку. Он не удовлетворился этим и попытался, как прежде, обнять и поцеловать ее. Она хотела было уклониться, но, заметив горящий взгляд Ингуса, поспешно потянулась навстречу ему.

— Заходите, — преодолевая неловкость, пригласила Мод. Но она не предложила ему снять пальто, и Ингус без разрешения не разделся. Между ними лежали полтора года разлуки и большой период молчания. Единственный поцелуй, которым они обменялись при встрече, не мог вернуть прежнего ощущения близости и уверенности во взаимности чувств. Ингус почувствовал, что в этой квартире он лишь гость, без каких-либо прав и преимуществ. Здесь он мог делать только то, что ему позволит хозяйка.

— Садитесь туда! — и он послушно сел.

— Вы можете закурить, — и он, поблагодарив, вынул портсигар,

словно только и ждал разрешения Мод.

Она чинно села напротив него за маленький круглый столик, не забыв поправить волосы и блузку.

«И это все? Неужели на самом деле ничего больше не будет?» — подумал Ингус, сдержанно наблюдая холодную красоту этой женщины. Ведь сумел же он когда-то зажечь ее, извлечь огонь из этих зеленовато-серых глаз. И ведь мечтали они тогда об одном и том же.

— Как поживаете, мистер Зитар?

— Благодарю вас, хорошо. А как вы, мисс Фенчер?

— Миссис Уотсон, — поправила его Мод.

Вот теперь все ясно. Мод Фенчер уже не существовала. Ингус находился в гостях у госпожи Уотсон. Как он не сообразил этого сразу? На правой руке Мод блестело обручальное кольцо, и она все время держала руку на виду, показывая его.

Ингус жадно затягивался табачным дымом, словно желая скрыться в его синих облаках. И, будто сквозь туман, он видел белое, холодно-бесстрастное лицо, которое казалось очень далеким. Видимо, взгляд его утратил правильную перспективу. Он сознавал, что нужно что-то сказать, но мысли не приходили в голову. Неужели он никак не выразит своего отношения к ее словам?

— Когда это произошло? — спросил наконец Ингус.

— Прошлой зимой.

— Когда именно? — настаивал он, чувствуя нерешительность в голосе Мод.

— В ноябре, — ответила она, расправляя скатерть.

Ингуса охватила жестокая радость при виде того, что Мод, вечно спокойная и непоколебимая Мод, не может скрыть охватившего ее смущения. Смущаются лишь люди, которые не уверены в правильности своих действий.

— В ноябре, — повторил он. — Мне это не совсем понятно.

— Почему? — спросила Мод.

— Очень просто. Я никогда не представлял себе, что люди могут совершенно запросто не сдержать слова, благо это не грозит им никакими неприятностями. Если в ноябре один из нас находится в Манчестере, а другой принужден в это время быть где-то в Средиземном море, то этот другой не может немедленно прилететь на север и перечеркнуть ваши новые планы. Тем более что для него эта возможность обусловлена известным имущественным цензом, скажем, суммой в семьсот фунтов стерлингов.

— Генри, я вижу, вы сердитесь, — голос Мод заметно потеплел. — Но это все было не так, поверьте мне. Если бы вы знали все обстоятельства...

Ингус не хотел так легко уступать свои позиции судьи. Он уже вошел в роль обиженного, и к театральному холоду теперь присоединилось еще возмущение.

— Я не желаю ничего знать, и вам не в чем оправдываться, — резко перебил он. — Я констатирую только факты и по ним делаю свое заключение. Сидите спокойно, — кивнул он, заметив испуганное движение Мод. — Никакой истерики не будет. Я ведь мужчина, да к тому же моряк, которому в жизни приходилось встречаться с разными неприятностями. Знаете, как поступают порядочные люди?

Мод с беспокойством взглянула на него.

— Они не лгут, не пытаются скрыть свои слабости и ошибки, — продолжал Ингус. — И не перекладывают вину на других, утверждая свою правоту. Если они чувствуют, что не могут выполнить слова, данного другому человеку, они говорят ему об этом сразу, а не оставляют его многие месяцы в неведении и во власти обманчивых иллюзий. И если этот второй человек здравомыслящий и честный, он даже будет благодарен за такую откровенность и не станет чинить никаких препятствий, а сойдет с дороги, сохранив самые лучшие воспоминания. Потерпите еще несколько мгновений и не перебивайте меня. В нашем договоре предусматривались два обстоятельства: рождество и семьсот фунтов стерлингов. Это можно сравнить с векселем, выданным на определенную сумму и на известное время. Время уплаты истекло на рождество прошлого года. Если у вас не хватило смелости сообщить мне свою точку зрения, то из чисто коммерческих соображений — вы же по натуре коммерсант — вам следовало дожидаться этого срока. Но вы и этого не сделали. Вы опротестовали вексель досрочно, чтобы скорее пустить свои капиталы в оборот под более высокие проценты. Вы не имели права так поступать. Это значит, что я теперь могу привлечь вас к ответственности за нечестный поступок. И я это сделаю.

Он ничего не собирался делать, но все возрастающая растерянность Мод толкала его на эту жестокую игру.

— Генри... — еще раз начала она, но он опять прервал ее и, закурив вторую сигару, продолжал рисовать перед ней угрожающие перспективы.

— Существуют разные способы разрешения этого вопроса. Говоря аллегорически, я мог бы потребовать, чтобы суд возместил мне разницу в барыше, который вы получили благодаря этой коммерческой операции. Но я не корыстолюбив и не желаю обогащаться за счет других. Здесь замешано

еще и третье лицо — ваш муж. В прежнее время, когда существовали рыцарские обычаи, я потребовал бы от него удовлетворения за совершенный вами опрометчивый шаг. Я весьма неплохой стрелок, и не было бы ничего удивительного, если бы я сделал вас вдовой. Но теперь такие приемы устарели. И вот во имя тех чувств, которые когда-то у меня были, которые и сейчас более искренни, чем ваши, я могу... — он медленно вынул из кармана револьвер и положил его на стол. — Вы понимаете? Кричать не имеет смысла, потому что я не собираюсь щадить себя. Пока взломают дверь и прибегут к вам на помощь, все уже будет кончено. Теперь говорите вы.

Нельзя сказать, чтобы это было великодушно с его стороны — заставлять женщину говорить под угрозой оружия, но кто в такие моменты думает о внешних формах приличия?

— Генри, как вы можете так... — начала Мод, искренне поверив его игре. — Ведь я вас любила, вы и сейчас мне не безразличны, но как я могла поступить, если я еще раньше дала слово другому — моему теперешнему мужу.

— Почему вы мне об этом не сказали в самом начале? Почему начали знакомство со мной и дали слово двоим?

— Ах, это такое запутанное дело, — удрученно проговорила она. — Мы с ним договорились, а потом он ушел на войну, и я не знала, вернется ли он когда-нибудь домой. Потом я встретила с вами. Вы были таким милым, таким... я даже не знаю, как это выразить... И я вас полюбила. Мне казалось, что Уотсон никогда не вернется, а разве тогда я не имела бы права выйти за вас? Стыдно признаться, но я в то время даже желала, чтобы Уотсон не возвращался. Вы уехали, а через несколько месяцев его освободили от военной службы ввиду тяжелого ранения. Могла ли я ему тогда отказать? Ведь он был первым, к тому же пострадал на войне. Скажите, какая порядочная женщина поступила бы иначе?

— Какое у него ранение?

— Он хромает. Правая нога у него не сгибается. Он работает инженером на фабрике, и хромота не мешает ему.

— Скажите, что получилось бы, если бы я тогда явился в рождество со своими семьюстами фунтами стерлингов, а Уотсон еще не вернулся бы?

— Не знаю. Вероятно, вышла бы за вас.

— А потом, когда он бы вернулся?

Мод смущенно теребила скатерть. Ингус взял пакет с подарком и начал вертеть его в руках. Ну конечно, Мод сразу о чем-то догадалась и не могла не бросить взгляда в его сторону.

— Что у вас там, Генри?

— Посмотрите, — он протянул пакет Мод.

И вновь в ее глазах вспыхнул алчный огонек, так хорошо знакомый Ингусу по прежним временам. «Унижайся, Мод!..» — подумал он с презрением. Как она вся преобразилась! Как жадно дрожат руки, когда она примеряет перед зеркалом дорогой наряд, отделанный мехом! О, у нее совершенно нет гордости. И эту женщину ты когда-то любил, Ингус Зитар?

Как это теперь далеко и каким странным кажется... это чувство...

— Кому вы это привезли? — спросила она, рассматривая в зеркале свое нарядное отражение.

— Одной женщине, конечно, — ответил он.

— Она будет вам очень признательна. У вас, вероятно, есть сестра?

— Это не для сестры, потому что я не знаю, где она сейчас находится.

— Тогда — невесте?

— Ее у меня нет... больше... Видимо, придется подарить какой-нибудь ласковой девушке, если удастся встретить такую.

Нет, у нее совсем нет самолюбия. Если он заберет этот наряд и уйдет, она несколько ночей не будет спать и бедному мистеру Уотсону придется пережить немало неприятных минут. Какая ткань и какой мех! А сшит точно на заказ по ее фигуре.

— Генри... Вы уже нашли... эту девушку? — охрипшим голосом спросила она, избегая его взгляда.

— Она сама должна меня найти.

— Вам безразлично, кто она будет?

— Почти. Только чтобы она не была глупа...

— Нет, глупа она не будет! Смешно, если такой наряд попадет к человеку, который не знает ему цену.

— Вам представляется возможность позаботиться о том, чтобы этого не случилось.

— Вы полагаете?

Несколько мгновений Мод еще как будто колебалась, затем, бросив на Ингуса кокетливый взгляд, подошла к окну. Шурша, опустила темно-зеленая штора. Комната погрузилась в приятный полумрак.

— Генри, почему вы не снимете пальто?

Ингус встал, положил револьвер в карман и вышел в переднюю. Грудь его дрожала от сдерживаемого смеха. Он был удовлетворен: Мод проявила свою готовность, и с него достаточно этого. Он взял шапку и вернулся к дверям комнаты. Поклонился Мод. Она сидела на диване.

— Всего хорошего, миссис Уотсон.

— Вы уходите? — вскочила она. — А наряд?

— Можете спокойно оставить его себе, если он вам нравится. Вы были достаточно любезны со мной. Остальную любезность приберегите для мистера Уотсона.

И вышел. Закрывая дверь, Ингус увидел коренастого мужчину, который сопя поднимался по лестнице. Поравнявшись, оба пытливо взглянули друг на друга. Когда Ингус дошел до того места, где впервые заметил незнакомца, он обернулся и увидел, что коренастый мужчина входит в ту же дверь, из которой только что вышел он сам. Возможно, это был мистер Уотсон. Он, правда, не хромал и не был похож на человека, который побывал на войне, но это уже ничего не меняло. Одной ложью больше...

«Успеет ли она поднять штору и спрятать наряд?» — подумал Ингус, спускаясь по лестнице.

5

В груди Ингуса было пусто и душно, как в заброшенной угольной шахте. Ингус вышел на улицу и смешался с потоком пешеходов, не отдавая себе отчета, куда он идет. Смеркалось, в магазинах зажигались огни, и у витрин, откуда еще не были сняты рождественские украшения, толпился народ. Ингус остановился и долго разглядывал пестрые безделушки.

«Кончено, все кончено», — повторял он бесчисленное количество раз. Временами его охватывал стыд, а потом радость, что вот наконец и он свободен от всякой тоски и может всем своим существом отдаваться вольному течению жизни. Одиночество? Разве он до сих пор не был еще более одиноким, думая только о Мод и равнодушно проходя мимо всего остального? Потеряв ее, он приобрел целый мир, всю жизнь, с ее неисчислимыми богатствами. Да это же свобода, воскресение юности! В страшнейшем оцепенении он провел кошмарные четыре года! Двадцать шесть лет... Только теперь начинается жизнь, только теперь! Пережив первое разочарование, он наконец мог судить о жизни и избрать правильный путь. Поменьше мечтать и побольше сомневаться — вот в чем настоящая мудрость. И тебе никогда не будет тяжело. Волдис давно уже пришел к этому.

Война окончилась. Ты остался цел и невредим. У тебя скоплена тысяча фунтов стерлингов, с которыми можно начать постройку судна. Через два года ты станешь капитаном и будешь посещать приемы у консулов. На

взморье, среди дюн и зеленых лугов, будет стоять твой дом. Стоп, Ингус, не ищешь ли ты опять кандалы?

Это была странная реакция, смешение самых противоречивых дум и чувств, апатия и отвращение. Все никуда не годилось, на все было наплевать, и в то же время не было желания плевать.

«Хорошо бы проспать двадцать четыре часа подряд, как медведь, а потом проснуться и забыть обо всем... Вымыться с головы до ног и начать жизнь снова. Эх!..»

Ингус не помнил, как очутился в незнакомой части города. Здесь стандартные дома из красного кирпича были ниже, грязную улицу заполняло зловоние. Во дворах на веревках висело рваное белье, и дети с перепачканными лицами играли в футбол. Нет, здесь было слишком мрачно. Ингус ускорил шаг, он хотел быстрее покинуть эти казармы нищеты. Вот и опять улица с гладкой мостовой, крашенные дома и больше света.

— Пойдем, господин!.. четыре шиллинга, пять...

Ах вы, шиллинговые души! Как скромно вы себя оцениваете... Я знавал одну такую же, как вы. Ее тоже можно было покупать, но она запрашивала больше. Семьсот фунтов. И я сильно сомневаюсь, увеличивалась ли от этого ее ценность по сравнению с вами, дешевыми. Ведь запрашивать можно...

Наконец он забрел в какой-то кабачок и выпил много вина и виски. На душе повеселело, нравилась музыка, хотелось танцевать, но здесь это было не принято. Даже петь не разрешили. Тогда ему захотелось излить накопившуюся досаду и силу, и он затеял драку с посетителями, сидевшими за соседним столиком. Он говорил им в глаза обидные слова, и наконец, те не выдержали. В один миг вспыхнула потасовка, совершенно не вязавшаяся с солидностью этого заведения. Пока англичане засучивали рукава и приготавливали кулаки для настоящего бокса, Ингус при помощи самых простых тумачков успел нескольких усадить на паркет. После этого официанты вышвырнули его на улицу.

Скорее руководимый инстинктом, чем здравым смыслом, он длинным и сложным путем доплелся до доков и разыскал свой пароход. Был поздний час, и весь экипаж уже давно спал. Единственный, кто встретил Ингуса, был стоявший у сходней вахтенный матрос.

— Господин штурман, на кого вы похожи! — он укоризненно покачал головой.

— Ну, на кого? — спросил Ингус, направляясь нетвердым шагом в каюту.

— Посмотрите в зеркало! — крикнул ему вслед матрос.

Ингус вошел в каюту и зажег электричество. Качаясь, он встал перед зеркалом. То, что он увидел, его отчасти протрезвило. Одна щека была ободрана до крови, верхняя губа раздулась, а подбородок совершенно почернел от грязи.

— Основательно, Ингус... — он тупо усмехнулся. — Ты вернулся домой точно с поля боя. Но мы это так не оставим. До завтра все должно быть в порядке.

Он кое-как разыскал мыло и полотенце и направился в машинное отделение, захватив в камбузе ведро. Там, внизу, всегда можно достать горячую воду. В машинном отделении было темно. Не желая, чтобы его в таком состоянии увидел кто-нибудь из механиков, Ингус, не зажигая электричества, наугад пробрался к конденсаторам. Долго он нащупывал вентили и рукоятки, не находя нужного. Но вот несколько поворотов — и произошло что-то непонятное. В лицо Ингусу, словно белая стрела, ударила струя пара. Он шипел, извергаясь, лизал щеки, обжигал глаза. Нестерпимая, жгучая боль терзала лицо, тысячами иголок кололо веки.

После этого он уже ничего не помнил.

Краткий словарь морской лексики

Бак (или *полубак*) — носовая часть корабля.

Бакборт — левая (от кормы) сторона судна.

Барк — морское трех-пятимачтовое парусное грузовое судно дальнего плавания; его грузоподъемность доходила до 6000 тонн. Задняя мачта барка имеет только косые паруса, остальные мачты — полное парусное вооружение.

Баркентина — морское двух- или трехмачтовое парусное судно, у которого передняя мачта имеет прямое полное парусное вооружение, а остальные мачты — косые паруса.

Бизань-мачта — задняя мачта на корабле.

Бичкомер, бичман — безработный моряк, ставший человеком без определенных занятий и места жительства, существующий в значительной степени за счет подачек моряков.

Бордингмастер — содержатель бордингхауза — пансионата для моряков, подыскивающих работу на судах. Посредничая между матросами и судовладельцами или капитанами, бордингмастеры эксплуатируют безработных моряков, присваивая значительную часть их заработка.

Ванты — оттяжки к борту из стального или пенькового троса, служащие для укрепления мачт.

Галсы — курс судна относительно ветра. Судно, лавирующее против ветра, попеременно ложится то на правый, то на левый галс.

Гафель — наклонное дерево, укрепленное нижним концом к мачте, служит для привязывания верхней кромки косога паруса — триселя.

Гребная банка — сиденье в лодке для гребцов.

Грот-мачта — средняя (самая высокая) мачта на корабле.

Девияция — отклонение магнитной стрелки компаса от магнитного меридиана под воздействием металлических частей корабля.

Дункеман — помощник первого механика, старший кочегар.

Зюйдвестка — непромокаемая морская широкополая шляпа из прорезиненной парусины.

Йонгстер — юнга.

Каботажные суда — суда прибрежного плавания, курсирующие между портами одного государства, без захода в иностранные порты.

Калабуз — чулан на судне, используемый в случае необходимости как камера для содержания в ней арестантов, «каталажка».

Кватер, кватердек — приподнятая кормовая часть верхней палубы.

Классификационный срок — четырехлетний промежуток между очередными классификациями судна (периодическими освидетельствованиями его корпуса, котлов, машин и пр.).

Кливер — косой треугольный парус, ставится впереди фок-мачты.

Клип — подводный камень или скала.

Клюз — отверстие в борту судна для выпуска якорной цепи.

Коносамент — расписка в приеме груза, выданная капитаном судна грузоотправителю.

Кофель-нагель — металлический или деревянный штырь для натяжки снасти.

«*Кошка*» — плеть (использовалась в старину для наказания матросов), сплетенная из нескольких смоленых пеньковых концов.

Лаг — прибор для определения скорости хода судна.

Лайнер — транспортное судно, совершающее регулярные рейсы между определенными портами.

Лесной двор — площадка в порту, где выгружаются с судов и складываются лесоматериалы.

Марс — площадка с поручнями на верхнем топе (конце) мачты для наблюдателя, прожектора, навигационных и других приборов.

Марса-рея — рея, несущая марсель — прямой четырехугольный парус, второй снизу на судах с прямым парусным вооружением.

Мастер — капитан торгового судна.

Морской протест — заявляется капитаном судна после шторма, вызвавшего убыль или порчу грузов; подтверждается выпиской из судового журнала и свидетельскими показаниями не менее чем двух членов экипажа, заявляется в нотариальные конторы или консульства.

Оркан — ураган, шторм на море (обычно в тропических широтах).

Пирс — каменная или железобетонная дамба для стоянки и разгрузки судов в порту, сооружается перпендикулярно или под углом к линии берега.

Планишь — см. фальшборт.

Рангоут (рангоутные деревья) — служит для постановки и несения парусов.

Реи — рангоутные крупные балки, подвижно укрепленные средней частью на мачте или стеньге. На парусных судах несут прямые паруса, на кораблях с механическим двигателем служат для установки антенн и подъема сигналов.

Рогачи — прозвище матросов.

Салинг — рама, надеваемая на мачту, служит для укрепления стеньги.

Слани — съемный деревянный настил, предохраняющий днище шлюпки или лодки от повреждения.

Стеньга — наставная часть мачты, служит ее продолжением. В зависимости от принадлежности к той или иной мачте — передней, промежуточной и задней — стеньги именуются соответственно фор-, грот- и крьюйс-стенъгами.

Стюард — судовой буфетчик.

Такелаж — совокупность всех корабельных снастей, имеющих служебное назначение.

Танк (на судах) — цистерна для перевозки и хранения жидких грузов.

Топ — верхний конец мачты или стеньги.

Топ-паруса — верхние паруса.

Трамп — грузовое судно, перевозящее грузы по всем направлениям.

Трюмный — помощник кочегара, подающий ему уголь и выполняющий различные подсобные работы в кочегарке и машинном отделении.

Фалреп — трос, протянутый вдоль судовой лестницы (трапа) в качестве поручня.

Фальшборт — продолжение наружной обшивки судна выше верхней палубы; заканчивается сверху продольным брусом — планширем — и обеспечивает безопасность людей и грузов, находящихся на верхней палубе.

Фендерс — кранец, короткий тросовый обрубок, деревянный валеk или набитый и оплетенный парусиновый мешок — оберегает борта судна от резких толчков о стенки каналов, шлюзов, пристаней и о борта других судов.

Флаглинь — прочный тонкий канат для вывешивания флага на судне.

Фрахт — плата за перевозку грузов, а также вообще груз корабля.

Чиф — старший механик на судне.

Шипшандлер — портовый торговец, поставляющий на суда продукты и всевозможные товары, необходимые морякам.

Шкот — снасть для управления парусом, привязывается к нижнему свободному концу паруса, не закрепленному за рею или мачту.

Шлюпбалка — стальная балка, обычно изогнутая, на палубе у борта судна, служащая для спуска на воду шлюпок и подъема их обратно на борт.

Шпангоуты — детали поперечной связи на судах, ребра, к которым крепится обшивка.

Шпигат — отверстие в борту судна, служит для стока воды с палубы.

Штаг — судовой канат от верхнего конца мачты или стеньги до носа,

удерживает мачту от падения назад.

Штирборт — правая (от кормы) сторона судна.

Примечания

Роман «Семья Зитаров» был впервые опубликован (под заглавием «Старое моряцкое гнездо») в 1937 году в рижском журнале «Атпута» («Отдых»).

В 1955 году роман — в новой авторской редакции — был издан на русском языке. Затем он вышел в свет на русском языке с новыми дополнениями и исправлениями автора в 1959 году. Настоящее издание основывается на издании 1959 года.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Видземское взморье — побережье Рижского залива к северу от Риги (к северо-востоку от устья реки Даугавы).

Яунмилгравис — район на северной окраине Риги, расположенный на южном берегу протоки Милгравис, впадающей справа в реку Даугаву неподалеку от ее устья.

Даугавгрива — отдаленный окраинный район Риги на левом берегу реки Даугавы у впадения ее в Рижский залив. Здесь находились аванпорт и зимняя гавань Риги.

4

Коклюшка — палочка с утолщением на одном конце и с шейкой и пуговкой на другом для плетения кружев.

Иванов день (день Яниса, Ивана Купалы и т. п.) — 24 июня, день летнего солнцестояния. Один из древних праздников земледельческих народов, в частности латышей.

Милгравис (вернее, Вецмилгравис) — крайняя северная часть Риги, расположенная на северном берегу протоки Милгравис, напротив Яунмилгрависа, и далее вниз вдоль Даугавы на ее правом берегу.

Содом и Гоморра — библейские города у Мертвого моря, уничтоженные якобы богом за распутство их жителей «дождем серы и огнем» (кн. Бытия, гл. 18–19). В переносном смысле — общий переполох, хаос.

По утрам Янка обнаруживал в букваре снесенный петухом пятак... — На обложке латышских букварей в дореволюционные годы, а также и в период существования буржуазной Латвии по старой немецкой традиции изображался петух.

Пурвиета — старая латышская мера земельной площади, равная примерно $\frac{1}{3}$ гектара.

«Зексеры» — распространенная в Латвии перед первой мировой войной игра в пуговицы.

Здесь и далее стихи переведены Еленой Вечтомовой.

...они рассуждали... о войне на Балканах... — Имеются в виду так называемые Балканские войны 1912–1913 годов — первая, в которой коалиция, включавшая Болгарию, Сербию, Черногорию и Грецию, нанесла поражение Турции, и вторая, в ходе которой Греция, Сербия, Черногория и Румыния, вступив в союз с Турцией, одержали победу над Болгарией. Балканские войны, за спиной участников которых стояли враждебные друг другу европейские великие державы, явились прелюдией первой мировой войны.

Русский добровольный флот. — В условиях быстрого развития капиталистических отношений в России после крестьянской реформы 1861 года остро встал вопрос о развитии в стране транспорта, как сухопутного, так и водного. С призывом о создании усовершенствованных транспортных средств и путей сообщения выступили во второй половине XIX века ряд общественных деятелей, отстаивавших главным образом интересы буржуазии. Среди них был также один из руководителей во многом прогрессивного, но буржуазного по своей сути младолатышского движения Кришьян Валдемар. В 1873 году по его инициативе было основано Общество для содействия русскому торговому мореплаванию, в 1878 году ставшее центром сбора добровольных пожертвований на приобретение быстроходных океанских пароходов, составивших так называемый добровольный флот. Царское правительство сочло целесообразным для себя пристроиться к этому начинанию и взяло руководство сбором средств в свои руки. В 80-х годах управление добровольным флотом было передано Морскому министерству. К началу первой мировой войны Добровольный флот включал 42 парохода, которые курсировали главным образом на линии Одесса-Владивосток и между портами Тихого океана.

...она... прошлой весной была конфирмована. — Конфирмация — у лютеран специальная церковная церемония, после участия в которой юноши и девушки (начиная с возраста 15–18 лет) считались полноправными членами церковной общины. Готовясь к конфирмации, они должны были под руководством пастора заниматься изучением катехизиса и христианских моральных заповедей.

15

Пойдем (нем.).

Флибустьеры — пираты XVI–XVII веков, в основном английские, французские и голландские, действовавшие преимущественно в водах Центральной и Южной Америки, где их главным врагом были испанцы.

Генри Морган — известный английский пират XVII века.

Филипп ван Стратен — известный голландский моряк XVII века, один из прообразов Летучего Голландца.

Огни святого Эльма — светящиеся электрические разряды в форме кисточек на верхушках корабельных мачт, башен, отдельно стоящих деревьев, скал. Свое название получили в средние века по церкви св. Эльма (Италия), на башнях которой они часто наблюдались.

Летучий Голландец — легендарный капитан, обреченный вечно носиться на своем судне (его тоже часто называют тем же именем) по бурному морю, не приставая к берегу, в виде наказания за то, что он при противном ветре не сумел обогнуть мыс Доброй Надежды да к тому же отправился в путь в «страстную пятницу».

Клабаутерман — по верованиям голландских и северогерманских моряков, рыжеволосый гном с белой бородой, живущий на судах и оказывающий морякам различные услуги, но покидающий суда, когда им грозит гибель.

Кьюнард-лайнеры — большие быстроходные пассажирские пароходы, принадлежавшие компании «Кьюнард лайнс» и курсировавшие между Западной Европой и Северной Америкой (трансатлантики).

Мартынов день — 10 ноября, считался днем завершения активного хозяйственного полугодия и моментом начала зимы. В это время, завершив осенние полевые работы, подводили итог урожаю, устраивая обильные трапезы (резали свиней, гусей и т. п.), шествия ряженных.

«Далекие отзвуки» — имеется в виду первая книга стихов великого латышского поэта Яна Райниса (1865–1929) «Далекие отзвуки в синем вечере», вышедшая в свет в Риге летом 1903 года.

«Огонь и ночь» — первая пьеса Яна Райниса, написанная в 1903–1904 годах на основе эпической поэмы Андрея Пумпура «Лачплесис» (1888 г.), которая создана по мотивам латышского народного творчества и в сказочной форме рассказывает о борьбе латышей с немецкими крестоносными завоевателями.

«Мысли» («Домас») — прогрессивный латышский литературный журнал, издавался в Риге в 1912–1915 годах. Выходил под редакцией Андрея Упита.

Так... Так (нем.).

Кала — счетная мера латышских рыбаков (30 штук).

...где-то на другом конце Европы раздались выстрелы... — Имеется в виду покушение в боснийском городе Сараево, где 28 июня 1914 года сербским националистом Г. Принципом был убит эрцгерцог Франц-Фердинанд — наследник престола Австро-Венгрии, которая к тому времени уже несколько лет оккупировала населенную сербами бывшую турецкую провинцию Боснию.

Задвинье (Пардаугава) — часть Риги, расположенная на левом берегу реки Даугавы (Западной Двины).

Белый билет — в царской России удостоверение об освобождении (по состоянию здоровья или семейному положению) от призыва в армию.

Павел Ренненкампф (1854–1918) — генерал царской армии, жестокий палач-каратель в годы первой русской революции и бездарный военачальник, оказавшийся главным виновником поражения русских войск в Восточной Пруссии в начале первой мировой войны — в августе 1914 года, когда в районе Танненберга были разгромлены и в значительной степени уничтожены две армии — Ренненкампа и Самсонова.

Ополченцы — в царской России лица (до 40-летнего возраста), способные носить оружие, но не служившие в кадровой армии и отбывавшие срок службы в запасе, призывавшиеся во время войны для пополнения действующей армии (ополченцы 1-го разряда) и тыловых служб (ополченцы 2-го разряда).

Сольвейг — героиня драматической поэмы великого норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828–1906) «Пер Гюнт». Долгие годы верно ожидала возвращения своего жениха Пера.

Великое переселение народов — условное название передвижения (в IV–VII веках) союзов германских, славянских, сарматских и других племен, у которых зарождались раннефеодальные отношения, на запад и юг Европы, приведшего к падению Римской империи и основанию государств средневековой Европы.

Мечтает стать вторым Крючковым. — Кузьма Крючков — казак, отличившийся в бою с немцами в 1914 году. Его воинская доблесть всячески превозносилась царским правительством, пользовавшимся созданным буржуазными писаками лубочным образом Крючкова для раздувания шовинистических настроений.

Зиельблэзма («Северное сияние») — народный дом (учреждение клубного типа) на окраине Риги, в Вецмилгрависе.

Саркандаугава — правый рукав реки Даугавы в пределах Риги, выше протоки Милгравис, а также район Риги к северу и востоку от этого рукава.

Киш-озеро — озеро, примыкающее к территории Риги с северо-востока и сообщаемое с рекой Даугавой через протоку Милгравис.

...в кровавых мартовских сражениях. — Имеются в виду кровопролитные бои между германскими и русскими войсками, которые происходили с участием латышских стрелков 8 марта 1916 года в 5 км южнее Кекавы (в 20 км южнее Риги).

Субалтерн (субалтерн-офицер) — в царской армии младший офицер роты, эскадрона, батареи.

Остров смерти — плацдарм русских войск на левом берегу Даугавы напротив Икшкиле, который немецкие войска, к осени 1915 года вышедшие к Даугаве на широком фронте, тщетно пытались захватить в течение почти двух лет. В кровопролитных боях на Острове смерти наряду с другими частями русской армии принимали участие и подразделения латышских стрелков.

Прошлой осенью за бой под Слокой... — Имеются в виду бои, которые вели латышские стрелковые подразделения под Слокой и Кемери (в 35–40 км западнее Риги) во второй половине октября 1915 года, сдерживая вместе с другими частями наступление немецких войск, после захвата Курляндской губернии рвавшихся к Риге.

Тирельские болота — название ряда болотных массивов к югу и юго-западу от Риги, где с осени 1915 года вплоть до начала 1917 года неоднократно происходили ожесточенные сражения, в которых в рядах русской XII армии участвовали и латышские стрелки, понесшие здесь по вине бездарных царских генералов огромные потери.

Верден — город и крепость на северо-востоке Франции. Под Верденом в течение 1916 года происходили кровопролитнейшие сражения между германской и французской армиями, общие потери которых убитыми составили 700 тысяч человек. Несмотря на все атаки и небольшие успехи местного значения, германским войскам не удалось взять Верден.

После кровавых и безрезультатных июльских боев под Кекавой... — В первой декаде июля 1916 года царские генералы организовали на южных подступах к Риге, близ Кекавы, наступление с целью оттеснить здесь германские войска от Риги, но плохая организация операции и бездарность руководства обрекли ее на неудачу. Потери русских войск убитыми и пропавшими без вести составили 3 тысячи, общие потери — 17 тысяч человек.

Пулеметная горка — укрепленная позиция на Рижском участке фронта на правом берегу реки Лиелупе, немного южнее западной оконечности озера Бабитес. Бои за обладание этой позицией, происходившие в конце 1916 и в первые дни 1917 года («рождественские бои») и затем в середине января 1917 года («январские бои»), отличались крайним ожесточением.

«Блазма» — сокращенное название Зиемельблазмы (см. примечание 37).

...рвали землю «чемоданы»... — Имеются в виду снаряды тяжелой артиллерии.

Улица Тербатас — ныне улица Петра Стучки (и вновь Тербатас — примечание OCR).

...лавры, какие Брусилов сорвал на австрийском фронте. — Имеется в виду успешная наступательная операция, осуществленная войсками русского Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова летом 1916 года на Волыни и в Галиции (Западная Украина) и приведшая к разгрому значительных сил австро-венгерской армии.

Эспланада — плац в центре Риги, ныне — площадь Коммунаров (и вновь Эспланада).

Засулаукс — один из районов левобережной части Риги.

Елисаветинская улица — ныне улица Кирова (и вновь Элизабетес).

Улица Калькю (Известковая) — в настоящее время участок улицы Ленина в пределах Старого города Риги (теперь участок ул. Бривибас, но название Калькю осталось).

Славянофилы — представители реакционного течения русской общественной мысли 40-50-х годов XIX века, выступавшего против революционного преобразования общества и против материалистического мировоззрения, за сохранение самодержавия и помещичьего землевладения и «объединение всех славян» под эгидой русского царя.

Седан — город на северо-востоке Франции, в районе которого в начале сентября 1870 года, во время франко-прусской войны, произошло сражение между немецкими войсками и французской армией маршала Мак-Магона (при ней находился и император Наполеон III), кончившееся разгромом, окружением и капитуляцией последней и падением империи Наполеона III.

Женский «батальон смерти». — «Батальоны смерти», или ударные батальоны, были организованы в мае-июне 1917 года из контрреволюционных элементов реакционными генералами русской армии, стремившимися создать вооруженную силу для подавления революционных солдатских организаций и удержания армии в повиновении. В числе «батальонов смерти» были и женские, укомплектованные в значительной степени женщинами из аристократической и крупнобуржуазной среды, а также и из мелкобуржуазных слоев населения.

Turn to (англ.) — принимайтесь (за работу).

Пинта пива и бутылка виски — и я не буду суровым (англ.).

Благодарю (англ.).

Хорошо, Джонни (англ.).

Армия спасения — религиозная организация, основанная в 1865 году в Лондоне бывшим методистским проповедником Вильямом Бусом, реорганизованная на военный лад в 1878 году и начиная с 80-х годов развернувшая свою деятельность во многих странах. В создании этой организации, объявившей своей целью «возрождение веры в бога» у отошедшей от церкви и «погрязшей в пороках» городской бедноты, по сути дела, нашло выражение стремление буржуазии подчинить массы беднейшего населения своему влиянию при помощи религиозно-моральной проповеди, препятствовать развитию их классового сознания и отвлекать их внимание от политических и социальных вопросов и, тем более, от революционных идей. В целях эмоционального воздействия на слушателей проповедники Армии спасения прибегают к шумным и грубым приемам, проповедь сопровождается музыкой духовых оркестров и барабанным боем, истерическими выкриками и распеванием сентиментальных гимнов. Для того чтобы сделать моральную проповедь более эффективной, Армия спасения сочетает ее с широкой филантропической деятельностью, организуя ночлежные дома, бесплатные столовые, приюты, убежища для алкоголиков, проституток, лиц, выпущенных из тюрьмы, больницы, биржи труда, брачные конторы и т. п. Помощь беднякам оказывается при условии их обязательного участия в молитвах, пении гимнов и слушании проповедей. Структурой своей Армия спасения копирует настоящую армию (деление членов Армии спасения на носящих специальную форму «солдат», «кадет», «офицеров» и «генералов», которые объединяются в «дивизии» и «корпуса», и т. п.). Особенную активность Армия спасения стала проявлять после первой мировой войны и победы в России социалистической революции, когда деятельность этой организации приобрела выраженную антикоммунистическую и антисоветскую окраску.

Юрьев день — 23 апреля.

Общество Синего Креста — основанная в 1877 году в Женеве пастором Л. Роша организация по борьбе с алкоголизмом с помощью христианской проповеди.

Джозеф Конрад (Юзеф Коженёвский, 1857–1924) — известный английский писатель-маринист, по происхождению поляк.

...Зирдзинь, прозванный латышскими моряками Зиргсом. Zirdzins — по-латышски лошадка, zirgs — лошадь.

Мартель — марка дорогого французского коньяка.

Дульсинея — героиня романа Мигеля Сервантеса (1547–1616) «Дон-Кихот», нарицательное имя явно идеализированного предмета любви.

Фасиенда — помещичье имение в Южной Америке.

Христианская миссия для моряков — церковная организация для ведения миссионерской работы среди моряков. Устраивая для них мероприятия филантропического характера, стараясь воздействовать на «заблудшие души», каких среди огрубевших на тяжелой и опасной работе моряков было особенно много, с целью «вдохнуть в них веру в бога», христианская миссия ставила своей задачей привить труженикам моря покорность «сильным мира сего».